

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ КОЛЛЕКЦИЯ

Дорога миров

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

Дорога миров

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦИЯ

ЛЕОНИД

КУДРЯВЦЕВ

Дорога миров

АСТ ЛЮКС LUXE
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва • 2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
К88

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художники В.Н. Ненов, А.Я. Ломаев

**Подписано в печать 22.07.04. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 5000 экз. Заказ № 2372.**

Кудрявцев Л.В.

К88 Дорога миров: Повести и рассказы /Л.В. Кудрявцев. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. — 668, [4] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-024021-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0419-6 (ОАО «ЛЮКС»)

Повести и рассказы Леонида Кудрявцева — одного из редчайших и лучших отечественных мастеров жанра. Мир воображения поистине невозможного.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Л.В. Кудрявцев, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Черная стена

Предисловие

Я написал ее в 1990 году, и она не была моей первой повестью. До нее я написал еще пять штук и не сделал даже попытки их напечатать. Как я уже сообщил в одном из предыдущих предисловий, они просто были забыты при переезде. Думаю, это было правильно. Хотя одну из них мне почти жалко. Действие в ней развивалось сразу по двенадцати линиям, и на роль образца ученичества она вполне годилась.

Да, так вот, о «Черной стене»...

Она не была первой, но она была первой крупной вещью, написанной мной после цикла рассказов «Дорога миров». Это был переход. К тому времени, когда я сел ее писать, мне уже было понятно, что я в этом цикле наработал определенный стиль, лет через десять названный неким критиком «психоделической фантастикой»(!) и, не желая оказаться вечным пленником подобной манеры письма, я предпринял попытку написать обычную приключенческую повесть. Вот только, кажется, мне удалось в этой повести поведать о чем-то большем, чем просто приключения мертвого человека и его друга — крысиного короля.

Впрочем, об этом судить читателям.

Да, кстати, здесь крысиный король появляется впервые и мне бы хотелось, воспользовавшись оказией, поблагодарить Борю Завгороднего, вовремя подкинувшего мысль, благодаря которой у меня появился этот персонаж.

Солнце жарило вовсю. Посреди улицы танцевали два смерчика, и усталый водовоз, облокотившись на пустой кувшин, провожал их равнодушным взглядом.

А Эрику было холодно. Холод жил у него в затылке и теперь, проснувшись, расползался по всему телу, сковывая движения и наполняя голову странным гулом, из которого временами можно было выловить слова типа «черный воронок» и «приведение приговора». Ему не хотелось даже пытаться прикинуть размеры «черного воронка» и вспомнить, как выглядит эта птица, или же сообразить, куда приводит этот самый «приговор», потому что мысли сковывал холод, с которым надо было обязательно что-то сделать, и как можно скорее.

Эрик шел вдоль по улице, машинально поглядывая на единорогов, тащивших разукрашенные поникшими от жары цветами тележки мимо чайханы, где толстые бородачи в ватных халатах пили зеленый чай, мимо собак, которые подобно трупам лежали в пыли, свесив изо ртов красные тряпки языков. Он прошел мимо дома, на котором висело объявление: «Супердантист. Лечу зубы вампирам, василискам, драконам средних размеров. Стоимость лечения василисков (за риск!) увеличена на двадцать процентов».

Миновав этот дом, Эрик свернул в переулок, прошел его весь, мимо парочки суккубов, стоявших в раскованных позах возле дома, на котором белела вывеска «Хаза Хусейна. Здесь вы получите все!».

Остановившись возле невысокого забора и оглянувшись на суккубов, которые безразлично смотрели куда-то вверх, Эрик раздвинул доски. Проскользнув в образовавшийся лаз, он оказался на базаре.

Холод и не думал отпускать его тело. Поэтому Эрик вяло побрел сквозь многоцветье базарной толпы, мимо лотков с самыми различными товарами, потных, отчаянно зазывавших покупателей продавцов, не менее отчаянно торговавшихся покупателей, а также пыльных нищих.

Он шел через толпу, криво усмехаясь, правой рукой придерживая полы старого брезентового плаща, расталкивая тех, кто не уступал ему дорогу. Впрочем, таких было немного. Его деревянная походка безошибочно указывала на то, чем он является.

Какая-то бабенка упустила утку, и та, забив крыльями, попыталась взлететь, но не смогла и бестолково заметалась по базару, истошно крякая, роняя на утоптанную землю белые перья. Мужик в рваном армяке, проводив Эрика внимательным взглядом и вполголоса выматерившись, вытащил из кармана кисет. Ловко орудуя пальцами, он свернул цигарку и судорожно закурил. Два дюжих парня остановились за его спиной, и один из них сказал вслед Эрику:

— Ну ты, фраер...

Даже не обернувшись, тот снял с головы шапку, помахал ею перед лицом, словно ему было жарко, и у парней, когда они увидели его затылок, вытянулись лица.

— Зомби, — сказал торговавший финиками седой дедок.

Эрик даже бровью не повел, а все шел вперед, размеренно переставляя ноги, и лица людей, которые его видели, недовольно кривились, будто они неожиданно посреди яркого праздника цветов и жизни услышали заунывный звон кладбищенского колокола.

А солнце жарило немилосердно, и мутные ручейки пота промывали морщины на лицах пожилых крестьян и крестьянок.

— Господи Иисусе, спаси и сохрани... о великий бык Мордух и сын его, владыка подземного царства... О Один могучий, в шлеме наших отцов, защити меня своим огненным мечом... — едва слышно бормотала девчонка с васильковыми испуганными глазами.

А Эрик все шел через толпу, неторопливо и размеренно, зная, что стоит ему хоть на секунду остановиться, как это разорвет невидимую паутину, которая опустилась на людей, мешая им опомниться и броситься на него, чтобы наказать за святотатство.

(Пусть зомби будут в их городе, пусть они даже изредка появляются днем на улицах. Но не хватает еще, чтобы они шлялись по базару! Нет, это недопустимо!)

Чувствуя, как отступает холод, Эрик искренне наслаждался ситуацией, вдруг узнав, что это ему доступно. Ему даже на секунду показалось, что у него вот-вот забьется сердце. Наверное, в этот момент его лицо слегка дрогнуло. Что-то изменилось, с людей спали невидимые путы. Эрик услышал, как многие вокруг него едва слышно вздохнули, словно пробуждаясь от сна, и понял, что теперь у него осталось всего несколько секунд.

Впрочем, до выхода с базара тоже было совсем чуть-чуть. Эрик побежал. Он даже успел проскочить через ворота базара, возле которых стоял здоровенный дэв. Увидев Эрика, тот вздрогнул и, заморгав большими, слегка навыкате глазами, схватился за меч, но зомби успел проскользнуть мимо, похожий на серого призрака в своем брезентовом плаще, в правом кармане которого позвякивало золото, найденное в заброшенном пеликанском городе.

Базар взорвался гневными криками, потом послышался топот.

Вообще-то именно это Эрику и было нужно. Он припустил со всех ног. Кто-то из гнавшейся за ним толпы все же изловчился метнуть ему вслед огромный ржавый гвоздь, который воткнулся Эрику в плечо. Впрочем, это были пустяки, совершеннейшие пустяки. На бегу выдернув гвоздь, Эрик отшвырнул его далеко в сторону и поднажал.

Толпа сзади яростно взвыла.

Все-таки у него было преимущество. Он мог бежать сколько угодно долго и совершенно не бояться того, что не хватит воздуха в легких или что сердце, не справившись с бешеной гонкой, заставит его остановиться.

Оглянувшись, Эрик увидел, что его преследуют человек тридцать, и удовлетворенно улыбнулся.

Вот теперь-то побегаем! Сейчас вы растрясете свой жирок, господа благонадежные торговцы и не менее благонадежные покупатели. Вы, считающие меня совсем не человеком, попробуйте-ка догнать и покарать за дерзость. Мы славно повеселимся!

Злорадно улыбаясь, Эрик бежал по улице, хорошо представляя, каково приходится тем, кто за ним гонится. Он слышал сзади шумное дыхание потной, злобной толпы, вооруженной колами и огромными, прихваченными на рынке мясницкими ножами.

Правда, минут через пятнадцать она поредела, но все же оставалось еще человек двадцать самых упорных и выносливых, видимо, решивших догнать его во что бы то ни стало.

Сворачивая в узкий переулок, Эрик даже подумал, что такое упорство заслуживает уважения.

Хотя, если честно сказать, погоня ему уже надоела. Чувствуя, как отступает холод, Эрик решил, что пора с этим покончить, и, кроме того, ему просто стало жалко людей, с таким завидным упорством его преследовавших.

Он оглянулся.

Ближе всех к нему бежал молодой парень в шортах и расстегнутой красной рубахе. Маленькая иконка Матери-Спасительницы болталась на его волосатой груди. Дышал он широко и ровно.

Отделаться от него было трудно, но все же...

Те, кто бежал дальше, сливались в сплошную массу. Да, собственно, ему и не нужно было их разглядывать.

Пробежав еще полсотни шагов, он повернулся и резко остановился. Высоко вскинув над головой руки, Эрик оскалился и дико зарычал. Бежавший впереди парень по инерции едва не врезался в него.

Страшная рожа, которую скорчил Эрик, и вытянутые вверх руки сделали свое дело. Парень закричал от испуга и отпрянул назад. Этого было достаточно. В ту же секунду Эрик уцепился за торчащую из стены над его головой балку, на которой висел жестяной сапог, знак лавки сапожника, и мгновенно подтянулся. Сев на балку верхом, он вскочил и перепрыгнул на крышу. Обернувшись, он еще успел увидеть распаренную толпу, бледное лицо бежавшего впереди паренька, струйку, которая стекала по его ноге из-под шорт, и, помахав на прощание рукой, побежал прочь.

Кто-то выстрелил в него из окна ближайшей мансарды, и, посмотрев в ту сторону, Эрик увидел прекрасное девичье лицо, обрамленное пушистыми светлыми волосами, а также толстое дуло мушкета, из которого вился дымок. Перепрыгивая на соседнюю крышу, он покачал головой.

Мушкет — плохо, очень плохо. Какая-нибудь магазинка была бы для него словно дробина слону, а вот мушкетная пуля способна, например, начисто снести голову.

Эрик миновал с пяток крыш, потом спрыгнул вниз, в пыльный переулок, в котором не было ни одной живой души. Он пробежал его до конца, выскочил на более широкую улицу, промчался через покрытый чахлой, съеденной зноем травой дворик. Коза, которая была привязана в нем и в этот момент пила воду из деревянного корыта, проводила его задумчивым, меланхоличным взглядом. Потом был еще один узкий и запутанный, как лабиринт, переулок.

Эрик с размаху нырнул под навес во дворе очередного заброшенного дома и остановился там, прислушиваясь к крикам и шуму погони, которая явно уходила левее. Точно, совсем неподалеку от него по крыше соседнего дома протопали чьи-то ноги. Потом шум погони стал удаляться.

Тогда Эрик огляделся.

Погоня его не интересовала, поскольку она должна была вот-вот прекратиться. Не могут же люди бегать за ним весь день?! Вот только нужно подождать с часок, чтобы все наверняка стихло.

Он огляделся и увидел, что здесь, под навесом, имелась дверь в подвальчик, в котором, наверное, когда-то хранили уголь. Вот она

со скрипом отворилась, и из-за нее выглянул старик с пышными, тронутыми молью усами. Лицо у него было синюшное, какое бывает у тех, кто отравился газом.

— Развлекаешься? — угрюмо спросил старик. Было совершенно ясно, что ему просто скучно и он задал этот вопрос, надеясь втянуть Эрика в разговор.

— Ага! — идиотски улыбнувшись, сказал Эрик.

— Ну-ну, — осуждающе покачал головой старик. — Доиграешься когда-нибудь...

— Ага! — согласился с ним Эрик и вытаращил глаза.

Покачав головой, старик скрылся в подвальчике, но дверь за собой не закрыл. Эрик слышал, как он там завозился, видимо, устраиваясь поудобнее. Потом что-то заскрипело, и послышался недовольный женский голос:

— Ну и что там?

— Так, пустяки. Похоже, какой-то парень с людьми в догонялки играет.

— Неймется ему, мазурику. Допрыгается, накличет на себя беду, не попадет в Вингальв, а будет жить здесь вечно, и это ему только поделом.

— Помолчи, старая трещотка, — послышался недовольный голос старика. — В жизни мне не давала покоя и после смерти — тоже. Чума на тебя. Ну балуется паренек. Так это его дело, не наше. А на месте Господа Спасителя так я бы лучше в Вингальв не взял тебя. Или же взял, но сначала укоротил язык раза в три, не меньше.

— Все-то тебе бы зверствовать, старый хрыч. Уморил меня, а теперь еще что-то бормочешь. Кто тебе свою молодость отдал и красоту?

— Это я тебя уморил? — поразился старик. — Да ты же сама сказала, что так больше жить нельзя. Это когда меня лишили пенсии и осталось лишь умирать с голоду. Ведь ты сказала, будто хочешь уйти сама, чтобы этим гадам наша смерть аукнулась.

— А ты меня поддержал, хотя как любящий муж не должен был. Уж если хотел развязаться с жизнью, так и ушел бы один. Меня-то зачем прихватил?

— Действительно, зачем? — послышался вдруг задумчивый голос старика. — Тьфу на тебя, старая корова. Нет, это теперь получается, что только я и виноват?

— А кто же? Краник-то у газовой плиты отвернул ты!

— Но ты же сказала, что это должен сделать я.

— Сказать-то сказала, но мало ли что я говорю, а ты, конечно, рад стараться. Ты всегда был рад, всегда...

Из подвальчика послышались рыдания старухи, и Эрик представил, как старик, отвернувшись от нее, страдальчески морщится. А толстая старуха с синюшным лицом все плачет, вернее говоря, пытается плакать, поскольку слезы из ее глаз не льются, и говорит:

— Господи, господи, помоги мне с этим человеком! Зачем ты забрал нас одновременно? Боже, я думала, что царствие твое — это деревья и ангелы... арфы и благодать. О, как я хотела благодати, господи. А тут... Да полно, царствие ли это твое? Дай мне хоть один маленький знак, что это оно и таким должно быть. Тогда я успокоюсь и все приму. Только бы знать, что это по твоей воле, Господи, а не искушение врага рода человеческого.

Эрику вдруг стало неудобно подслушивать, и он вышел из-под навеса на солнце, а там, постояв некоторое время посреди дворика, махнул рукой, решив, что ждать больше не имеет смысла. Наверняка те, кто за ним гнался, пьют теперь чай в какой-нибудь чайхане и обсуждают достоинства военных фениксов. В конце концов, если что, он опять убежит по крышам или же придумает другой трюк, такой же успешный. А еще крысиный король наверняка его уже ждет в условленном месте.

Махнув рукой, Эрик быстрым шагом направился из дворика на улицу и на выходе из него чуть ли не лицом к лицу столкнулся с девчушкой лет девяти-десяти. Самая обыкновенная девчонка: копна волос, худые загорелые до черноты руки и ноги, капризно вздернутый нос, голубые глаза. Она стояла перед ним и держала резиновый мячик, а потом, неожиданно испугавшись, выпустила его из рук, и тот покатился к ногам Эрика.

Остановившись, он наклонился и, подобрав мячик, некоторое время любовался его разноцветными полосками. Потом протянул его девчонке. Та молча схватила мяч и прижалась спиной к стене, освобождая дорогу.

Эрик хотел сказать ей, что она напрасно боится, так как у него и в мыслях не было причинять ей зло, что он сам когда-то точно так же, как она, жил, дышал, и сердце его билось... если бы не пуля, которая разворотила затылок, то он бы сейчас даже помнил, кем он был, но лишь махнул рукой и пошел прочь.

Толстая женщина, высунувшись из окна соседнего дома, попыталась ошпарить его кипятком из большой кастрюли, но Эрик увернулся и, метнувшись, перескочил через заборчик, оказавшись в точно таком же дворике, как и предыдущий. Перемахнув через другой забор, он выскочил на широкую проезжую улицу.

Быстро прикинув, где находится, он уверенно двинулся в путь и через полчаса, свернув за угол знакомого глинобитного дома, увидел крысиного короля, который сидел у стенки и занимался тем, что чистил зубы. Делал он это так: крупная, с ухоженной белой шерстью крыса, устроившись у него на плече, быстро просовывала голову в его широко открытый рот и выгрызала застрявшие между зубами остатки пищи.

Увидев Эрика, крысиный король ему подмигнул, но рот не закрыл, и крыса не прекратила своей работы. Усевшись с ним рядом, Эрик тоже привалился спиной к глинобитной стене и стал слушать, как коготки крысы скребут по толстой шкуре крысиного короля.

И это царапанье странным образом заставило его вдруг вспомнить то, что он пытался вспомнить уже давно, но никак не мог, — улыбку. Да, это была именно та улыбка. Она появилась откуда-то из глубин его утраченной памяти и соединилась со всем, что удалось вспомнить до этого, с глазами, носом, волосами, черными бровями, в единое целое.

Эрик глухо охнул, потому что теперь перед ним было лицо. То самое, которое он так мучительно пытался вспомнить с тех пор, как оказался здесь, в этом странном мире. Оно снова возникло перед ним. И виной тому было царапанье коготков. Но почему?

Он закрыл глаза, и на него словно бы повеяло теплым забытым запахом. Он даже несколько раз вдохнул воздух. Это было излишне, так как ничего говорить он не собирался.

Весь окружающий мир уплыл в сторону, он снова падал в темноту и слышал чей-то неумолимый голос:

— Ничего, руки, руки ему крути посильнее!

И другой, девичий голос:

— Пустите его... зачем вы его... пустите.

А потом смертельный ужас и холод во всем теле, холод страха... Шум прибоя и шелест волн заслонили все это, и он был чайкой, летящей к своему видневшемуся на горизонте острову, устало махая крыльями, хорошо понимая, что не долетит. Волны пытались дотянуться до него своими жуткими синими пальцами. Горизонт кренился и снова выравнивался, а он летел, зная, что перестанет это делать, только когда умрет, да и то кто его знает, потому что там, на берегу острова, виднелась тоненькая бронзовая фигурка и махала ему рукой. Невыразимая тоска вдруг охватила его, рванула навстречу... Тоска и любовь... Любовь? Да, он

вдруг понял, что такое любовь, она проснулась в нем, зашевелилась и наполнила тело странно забытой сладостью, а еще волнами, сотрясавшими его...

Он открыл глаза и понял, что это все... Он больше не может, не способен жить здесь, и наплевать ему на этот город, на этот мир и даже на всю цепь миров... Эрик вдруг понял, что не уйдет из этого города, потому что где-то здесь скрыта возможность вернуться обратно в тот мир, в котором он умер, и попробовать все сначала. Собственно, какой смысл идти куда-то, ведь все города мира похожи друг на друга, как близнецы, и точно так же окружены бесконечными песками?

Нет, он отсюда не уйдет. Не нужно ему Вингальва, где, говорят, все точно так, как описывается в Библии, — царство Божье... Нет, он должен вернуться.

Вот только как это сделать?

Кто-то тряс его за плечо, и, открыв глаза, Эрик увидел, что это крысиный король.

— Эй, ты что? Очнись!

— Нет, — сказал Эрик, пытаясь стряхнуть остатки овладевшего им дурмана. — Плевал я на холод и одновременно на жару, на эти пески и на этот второй мир.

— Ну-ну, — сказал король и убрал с его плеч лапы. — Значит, опять думал.

— Мне это свойственно, — сказал Эрик. — В отличие от некоторых.

Он обиделся на крысиного короля за то, что тот не дал ему досмотреть, не дал додумать. Может быть, он сумел бы придумать, как ему вернуться назад. Кто знает?

— Сам ты три дня не умывался, — обиделся крысиный король. — Что, философом заделался? Ну ты, философ, на «Летучий голландец» сегодня пойдешь?

«Хоть бы какой-нибудь дождичек», — с тоской подумал Эрик.

— Плевал я на твой «Летучий голландец», — сказал он крысиному королю.

— Так, — протянул тот. — Еще на что ты плевал?

— На все вообще...

— Может, и на меня?

— Может, и на тебя.

— Так, значит? Да ты кто такой?! — взорвался крысиный король.

— Кто надо, — буркнул Эрик.

— Нет, я тебе скажу, кто ты...
— Ну и кто?
— Нет, я тебе скажу, кто ты есть на самом деле!
— Кто? Кто? Кто?
— Ты паршивый зомби.
— Паршивый?
— Да! И к тому же холодный, как лягушка, и мерзкий, как...

Договорить он не успел.

Небритый тип в старом вельветовом пальто, с острым носиком и бегающими глазами, притиснулся к ним. Глаза у него бегали ритмично, словно были маятниками двух вделанных в череп метрономов.

Крысиный король хмыкнул, и по выражению его мордочки Эрик догадался, что тот пытается определить, с какой примерно частотой в минуту бегают глаза этого человека.

Некоторое время все трое молчали. Потом человек с бегающими глазами вплотную придвинулся к Эрику и прошептал:

— Частная фирма.
— Ну? — равнодушно сказал тот.

Представитель частной фирмы пугливо огляделся и со значением сообщил:

— Очень частная.
— Это хорошо, — промолвил Эрик, лихорадочно пытаясь сообразить, что же все это означает. Не слышал он раньше ни про какие частные фирмы.
— Услуги. — Незнакомец прокашлялся. — Частные услуги.
— Какого рода? — поинтересовался крысиный король.

Досадливо поморщившись, словно при нем сказали что-то неприличное, тип с бегающими глазами вопросительно посмотрел на Эрика, словно спрашивал у него разрешения говорить дальше. Тот машинально кивнул, и тотчас же нос представителя частной фирмы стал вращаться, постепенно увеличивая обороты.

— Самые разные... На вкус клиента... Можем последить за оставшейся там женой. Можем передать весточку. Берем на себя сведение счетов с оставшимися там врагами, но это по особому прейскуранту на двести восемьдесят названий. Понятно, что разные несчастные случаи тоже по нашей части. Безусловно, берем на себя охрану кладов и могил. Девиз нашей фирмы: «Все для клиента!» Любое, даже самое причудливое ваше желание будет исполнено.
— А деньги? — спросил Эрик.

— О, деньги, — доверительно сказал агент частной фирмы, нос которого уже вращался с частотой вентилятора. — Мы знаем, что вы совсем недавно ходили в заброшенный пеликанский город и взяли там столько золота, что у вас теперь... гы... его куры не клюют...

— Понятно, — сказал Эрик. — Нет, мне это не подходит.

— Вы подумайте, — не отставал представитель.

— Да не хочу я ничего обратно передавать, кроме себя самого.

— Это исключено.

— Тогда мне вообще ничего от вас не надо.

— Но вы подумайте, мы гарантируем вам полную надежность, мы гарантируем вам...

— Да не хочу я... — слабо сопротивлялся Эрик.

Но настырный представитель не унимался и, схватив Эрика цепкой рукой за полу плаща, забормотал:

— Мы ничего не требуем. Мы только с вами подпишем договор о намерениях и больше ничего, чтобы вы только с нами... если будет потребность.

— Вот что, милый. — Крысиный король положил лапу на плечо представителя. — Хочешь, я тебя с Мунькой познакомлю?

— С кем? — не понял тот и, повернувшись к нему, перестал вращать носом.

— А вот с кем, — сказал крысиный король и пронзительно свистнул. Тотчас же словно из-под земли вынырнула большая белая крыса и вскарабкалась на плечо представителя. Очевидно, он ей не совсем понравился, потому что она сразу, не раздумывая, цапнула его за нос.

— Иезус Мария! — завопил представитель частной фирмы и, сбросив Муньку на землю, резво кинулся наутек.

— Вот так-то, — удовлетворенно сказал крысиный король и, наклонившись, погладил очень довольную собой Муньку, которая как ни в чем не бывало деловито обнюхивала ботинки Эрика.

— Может, не стоило так? — спросил он.

— Стоило, — ответил крысиный король и вдруг закричал вслед убегавшему представителю: — Ату его, братцы, ату!

Услышав крик крысиного короля, представитель замахал руками, да так быстро, словно они были лопастями вертолета, и, оторвавшись от земли, полетел прочь.

— Шляются тут всякие, потом личные вещи пропадают, — удовлетворенно пробормотал крысиный король. — Так ты пойдешь сегодня на «Летучий голландец»?

— Не знаю, — сказал Эрик, плотнее запахивая полы плаща. — А впрочем... Только еще рано.

— Безусловно, рано, — согласился крысиный король. — Сейчас мы просто погуляем.

И они пошли по улице. Им почему-то было весело...

Они гуляли по городу до вечера, до тех пор, пока не стало темнеть и на небе не появился гигантский желтый глаз кометы. Хлопали ставни закрывавшихся на ночь окон. Какая-то гражданка спешно выкладывала на подоконник головки чеснока, скрежетали задвигаемые изнутри дверные засовы. Загорелось несколько фонарей. В дальнем конце улицы улепетывал, поджав хвост, молоденький дракончик, который их поджег.

Крысиный король покачал головой:

— Ну и ну. Шалости с огнем до добра не доводят.

Несколько балабошек кувыркались в огне одного из горящих фонарей, то ныряя в жаркие языки пламени, то снова появляясь из них с блаженно раскинутыми бесплотными руками и раскрытыми в радостном хохоте зубастыми ртами.

— А здорово ты их сегодня, этих людишек, — сказал крысиный король.

— Угу, — согласился с ним Эрик. — Здорово!

Тут на них наскочил дэв.

— Это кто? — свирепо оскалившись, спросил он и двинул своими чудовищно мускулистыми руками, словно откупоривая бутылку шампанского.

— Что — кто? — удивился Эрик.

— Поджег.

— Где?

— Да ну вас, — махнул рукой дэв и, внимательно на них посмотрев, запоминая на всякий случай, кинулся дальше вдоль улицы, очевидно, искать хулигана-дракончика.

— Фараон, — сказал ему вслед Эрик.

Проходивший мимо Тутмос Четвертый с разбитой боевой дубинкой головой, услышав эти слова, страшно обиделся, но, не желая терять достоинство — связываться с каким-то простым, а не коронованным зомби, — бросил на них свирепый взгляд.

— Скучно, — взмахнул лапой крысиный король. — Давай уйдем в другой мир, например, в третий.

— Но ты же знаешь, что приказом Ангро-майнью зомби запрещено путешествовать по мирам.

— Пустяки, — убежденно сказал крысиный король. — Все это — совершеннейшие пустяки.

— Да, но меня через ворота не пустит дэв-охранник.

— А мы пойдем не через ворота. Есть средство.

Крысиный король свистнул. Из норки в ближайшей стене выскочила Мунька. Она тащила серебряный медальон на цепочке.

— Вот он! — довольно воскликнул крысиный король и помахал медальоном в воздухе. Потом он надел его себе на шею. Эрик сумел только разглядеть, что он круглый и на нем изображено забавное, улыбающееся, толстое лицо.

— Ну что? — спросил крысиный король и положил лапу на медальон. — Значит, в третий мир?

Он опустил другую лапу на плечо Эрика, и тут медальон сработал.

Эрику на секунду показалось, что он летит в полной темноте в скоростном лифте, но уже в следующее мгновение вспыхнул свет, и они оказались в третьем мире.

— Как это получилось? — ошарашенно спросил Эрик.

— Это называется «транспортный амулет», — оглядываясь, самодовольно сообщил крысиный король. — У каждого дэва такой есть. А теперь надвинь-ка быстрее шляпу на затылок.

Торопливо надвинув шляпу, Эрик тоже огляделся. В третьем мире был день, и это был мир леса. Вокруг них вздымались к небу исполинские стволы гигантских деревьев. Впрочем, друзья находились в самом настоящем городе, только лесном.

Тут Эрик увидел дэва, который внимательно за ними наблюдал.

Так вот для чего надо было надвинуть шляпу — чтобы дэв по ране на затылке не опознал Эрика как зомби. Безмятежно улыбнувшись дэву, крысиный король подхватил Эрика под руку, и они чинно-благородно проследовали прочь, до тех пор, пока ствол огромного дерева их не заслонил.

— Чуть не влипли, — сказал крысиный король и облегченно засмеялся.

— Да уж, — согласился Эрик и, сняв шляпу, стал исследовать пальцем пулевое отверстие у себя на затылке.

Нет, все нормально, грязь в него не набилась. Надев шляпу обратно на голову и аккуратно надвинув ее на затылок, Эрик весело подмигнул крысиному королю:

— Ну что, пошли?

— Пошли. Только не забудь, что ты живой человек.

Эрик поморщился, но все же крысиный король был прав, и он добросовестно задышал. Это было непривычно, поскольку его легкие от подобного отвыкли. Собственно говоря, обычно он их использовал лишь для того, чтобы говорить.

— Не так энергично, — усмехнулся крысиный король.

Эрик постарался дышать тише и более ритмично.

— Вот так лучше.

Они пошли вдоль по улице, между стволами гигантских деревьев. Дома здесь представляли собой огромные дупла в этих стволах.

Эрик и крысиный король шли мимо дворцов с огромными входами, с веток над которыми свешивались зеленые флаги, мимо маленьких кафе, уютных и тихих, входы в которые прятались в складках толстой, отставшей от стволов коры, мимо жилых домов, испятнавших своими дверными и оконными отверстиями стволы аж на высоту десятиэтажного дома.

По дорогам катили самоходные стручки, вращая экранами, ловя просочившиеся сквозь листву лучики солнца и самодовольно поводя по сторонам зелеными палочками побегов. Серьезные, явно деревенские дяденьки, покуривая пенковые трубки, правили ими, неторопливо думая свои долгие думы, наверное, о видах на урожай сладких шишек, о том, что рисовые деревья в этом году могут покрыться гигантскими тлями, так как дождей выпало немного, а вот гречневые, конечно...

Временами мимо Эрика и крысиного короля проносились даже шустрые семена бамбуковых деревьев, на которых сидели верхом либо дэвы, либо правительственные агенты по сбору и взиманию налогов. Один раз мимо них проскакал, очевидно, на вызов, врач деревьев — странное, до невозможности худое, казалось, состоящее из одних палок и огромных ушей создание, которое держало на коленях клетку с похожими на дятлов птицами.

Пройдя мимо очередного кафе, Эрик спросил у крысиного короля:

— А мы не сильно рискуем? Ведь в этом мире, как правило, отдыхают после дежурства дэвы. Посмотри, как они часто встречаются.

Дэвов было действительно много.

— Пустяки, — отмахнулся от него крысиный король. — Ну вот хочешь, сейчас зайдем в одно кафе?

— Да мне, собственно, не очень... — начал было неуверенно Эрик. Ему казалось, что стоит им так поступить, как сейчас же какой-нибудь дэв сообразит, что они собой представляют, и тогда — пиши пропало. Могут послать, например, в десятый мир осушать болота. А как их осушить, если он весь состоит из болот?

— Войдем, — решительно сказал крысиный король и потянул Эрика вслед за собой. Тому не оставалось ничего иного, как последовать за ним.

Они ввалились в кафе, где сидели всего лишь несколько похожих на белок местных жителей и так, по мелочи, гостей из других миров. Стараясь казаться уверенными, они подошли к стойке. Похожий на хорька бармен, с такой же, как у того, острой мордочкой и треугольными ушками, сейчас же застыл перед ними по другую сторону стойки, ожидая заказа.

— Эй, по стаканчику «Лунной сонаты», — сказал крысиный король.

Бармен, не глядя, протянул длинную, тонкую и корявую, словно ветку, руку и налил им в высокие бокалы желтой с искринкой жидкости. Крысиный король взял свой бокал и с удовольствием из него отхлебнул. Мысленно поморщившись, Эрик взял свой.

Нет, не нужно было ему никакой «Лунной сонаты». Он бы с удовольствием вместо нее выкурил палочку дерева флю. Хотя, будь он по-прежнему живым, ни за что не отказался бы от выпивки.

«Спокойно, спокойно, — сказал он себе. — Тебе эта жидкость нравится, и ты с удовольствием ее пьешь».

Он заставил себя сделать глоток и поразился тому странному, непривычному и немного противному ощущению, которое возникло, когда жидкость попала в пищевод.

Крысиный король вопросительно посмотрел на него. Эрик вытащил из кармана плаща маленькую стертую золотую монету и положил на мокрую стойку.

Они забрали бокалы с собой и прошли к окну, откуда можно было наблюдать за улицей. Крысиный король явно наслаждался. Эрик попытался сделать вид, что неравнодушен к тому, что виднелось за окном, и, сев рядом с ним, стал пить напиток маленькими глотками, с неудовольствием чувствуя, как жидкость слегка жжет желудок.

Эх, сейчас бы палочку флю!

Неподалеку от них сидел дэв с блаженным выражением на клыкастой морде. За другим столиком, левее, расположился кто-то в плаще с капюшоном. Единственное, что можно было сказать с уверенностью, так это что хотя плащ и скрывал очертания его фигуры, а капюшон — лицо, все же откуда-то возникало ощущение, будто под ним человек.

Минуты через две дэв со шрамом через всю морду, забрав свой бокал, пересел к ним за столик.

— Это ничего, парни? — спросил он, непринужденно улыбнувшись.

Крысиный король и Эрик как по команде кивнули. Нет, с дэвом в таком положении мог поссориться только безумец.

— Ну вот и ладно. — Дэв вытащил из кармана портсигар из бегемотовой кожи и, раскрыв его, протянул. Эрику аж стало плохо, поскольку портсигар оказался набит до отказа палочками флю, но закурить хоть одну из них было бы для него непростительной ошибкой. Все знали, что палочки флю, кроме дэвов и зомби, не курил никто. На дэва он похож не был, значит...

Стоп, но зачем тогда дэв их ему предлагает?

— Нет, — твердо сказал крысиный король. — Этого мы не употребляем.

— Странно, — удивился дэв. — А мне показалось... Хотя, может быть, я и ошибся.

— Вот именно, — отрезал крысиный король.

А Эрику было не по себе. Он чувствовал, как у него внутри, в желудке, выпитая им жидкость бурлит и стремится вырваться наружу.

«Черт, палочка флю могла бы здорово помочь».

Закурив, дэв блаженно вдохнул зеленый дым и, удовлетворенно посмотрев на них, хлопнул крысиного короля по мохнатому плечу:

— Ну и как вам здесь нравится?

Мысленно пожалев, что согласился отправиться с крысиным королем в этот мир, Эрик как можно более жизнерадостнее улыбнулся и постарался дышать ровнее.

— О, конечно! — воскликнул крысиный король и залпом осушил свой стакан.

— Это хорошо, — удовлетворенно сообщил дэв и провел ладонью по шраму на морде. Тут ему в голову пришла новая мысль.

— А давайте-ка я вас угощу.

Он встал и направился к бару, по дороге случайно задев рукой человека в плаще, да так, что капюшон соскользнул с его головы. Человек мгновенно вернул его на место, но Эрик успел разглядеть странное, похожее на страшную маску лицо. Вполголоса извинившись и даже не взглянув на то, что скрывалось под капюшоном, дэв протопал к стойке.

Эрик переглянулся с крысиным королем.

— Нет, — сказал тот. — Если мы сейчас уйдем, то он нас заподозрит.

Эрик понимал, что король прав, но у него было ощущение, что сейчас им лучше было бы находиться как можно дальше от этого кафе. Он почувствовал, как по залу распространяются волны тревоги. Посмотрев в сторону стойки, он увидел, как дэв,

наклонившись над ней, вроде бы что-то шепнул бармену. Впрочем, это ему могло и показаться, потому что мордочка бармена осталась бесстрастной.

Эрик посмотрел на человека в плаще и вдруг увидел, как тот опустил руку вниз, так что рукав плаща едва не коснулся пола. Потом из рукава выскользнул стеклянный шарик и медленно покатился в сторону Эрика. Совершенно машинально тот тоже опустил руку вниз. К счастью, стулья, на которых они сидели, были низкие, поэтому, чтобы достать до пола, ему не пришлось сильно наклоняться.

Быстро схватив шарик, Эрик сунул его в карман.

В кафе вошли два дэва. Один из них помахал рукой тому, который уже был здесь давно. Тот в свою очередь улыбнулся и энергично закивал.

Тотчас же человек в плаще прыгнул вверх. Столик, за которым он сидел, отлетел прочь, а человек метнулся к выходу. Дэв со шрамом на морде оказался далеко от места событий и ничего не успел предпринять, но двое у дверей действовали четко и заученно. Мгновенно выхватив из-за пояса электрические хлыстовники и взмахнув ими, чтобы пробудить их от спячки, дэвы приготовились отразить нападение.

Бегущий на них человек не казался таким уж и грозным, поскольку был раза в два их меньше. Но вот плащ отлетел в сторону, и Эрик, увидев того, кто скрывался под ним, ахнул.

Ничего человеческого в нем не было. Больше всего это существо напоминало кузнечика со странными многосуставчатыми лапками, на концах которых поблескивало по серпообразному клинку. Туловище его тускло поблескивало, словно было металлическое, а сильные задние ноги покрывала жесткая черная шерсть.

Увидев перед собой такого странного противника и ничуть не удивившись, дэвы приготовились к обороне, взяв своих хлыстовников за самые кончики хвостов.

Тут кузнечик на них напал, и в воздухе затрещали электрические разряды. Схватка длилась лишь несколько мгновений. «Кузнечик» был отброшен от двери, но и дэвам пришлось несладко. У обоих появилось по нескольку глубоких, кровоточащих ран. А «кузнечик» замер, казалось, прикидывая, стоит ли ему прорываться на улицу, и тут на него сзади обрушился удар столиком. Его нанес дэв со шрамом, наконец перешедший к решительным действиям. Столик разлетелся на кусочки, а «кузнечик» осел на пол.

— Неплохо сработано, — сказал один из защищавших дверь дэвов, подходя к лежащему «кузнечику». — Только кто мне объяснит, с чего это он так развоевался?

— Там видно будет, — сказал тот, который ударил столиком. Он шагнул было к «кузнечику», но тот вдруг подпрыгнул и, уцепившись своими лапами, на которых вместо клинков теперь поблескивали острые когти, за потолок, быстро помчался по нему к выходу. Оставшийся у двери дэв поспешно взмахнул хлыстовником, но «кузнечик», молниеносно от него увернувшись, выскочил вон и был таков.

— Ушел! — завопили все три дэва и бросились на улицу.

Некоторое время в кафе царила тишина, наконец крысиный король, который с интересом наблюдал, как похожие на белок создания вылезают из-под столиков, под которые они мгновенно спрятались, лишь только началась заварушка, положил лапу на плечо Эрика:

— Нам, пожалуй, пора, не так ли?

— Пожалуй, — согласился Эрик, и они поспешно вышли из кафе.

— Черт, — сказал крысиный король. — А ведь нам повезло. Тот дэв не зря к нам подсел. Еще немного — и стал бы проверять, откуда мы такие, а тогда... Вовремя этот кузнечикообразный...

Эрик его не слушал; хорошо понимая, что на этом их путешествие в третий мир закончилось, он старался напоследок увидеть как можно больше.

— Пошли, — сказал крысиный король, и они двинулись вдоль по улице, стремясь оказаться как можно дальше от злополучного кафе.

Друзья знали, что дэвы никогда ничего не забывают, а стало быть, рано или поздно про них вспомнят и тогда обязательно попытаются выяснить, куда они делись. К этому времени хорошо бы уже находиться в своем родном втором мире. Да и вообще здесь теперь опасно. Но для того чтобы использовать транспортный амулет, нужно было уединиться. Крысиный король и Эрик не хотели, чтобы кто-то видел, как они исчезают. Пусть лучше дэвы думают, что они все еще находятся здесь. Оставалось только найти подходящее дупло.

К сожалению, все, мимо которых они проходили, были заняты то магазинчиком одежды, которая росла тут же на дереве и возле которой обязательно сидела миловидная зеленокожая дриада, по мере надобности исполнявшая роль продавщицы, то бесконечными кафе и закусочными, то клубами «Дубового листа», «Первого

цветка пшеничного дерева» или же «Общества покорителей вершин самых высоких, еще диких деревьев».

Эрик и крысиный король свернули в первый попавшийся переулок. Здесь расстояния между деревьями были поменьше, соответственно и сами они были потоньше и пониже.

Впрочем, друзей это занимало мало. Они искали свободное дупло, и неожиданно переулок вывел их к воротам, за которыми должна была быть перемычка со вторым миром.

Да только здесь было не пройти. Возле ворот стояли два дэва, хотя обычно хватало одного. Еще бы, так и должно было быть! Ведь в этом мире уже, несомненно, объявили треногу. Нет, убираться надо было отсюда как можно скорее.

Все же Эрик не мог не поглазеть на ворота хотя бы несколько секунд. Ему как зомби не часто приходилось их видеть. Он попытался представить ощущения, которые испытывал тот, кто проходил по скрывавшейся за ними перемычке, шириной, как говорят, всего шагов двадцать и длиной около сотни, соединявшей третий мир со вторым. Где-то здесь неподалеку должны были находиться еще одни ворота, в четвертый мир — мир дождя, за которым, безусловно, был еще один, и так далее, и так далее. Больше всего это напоминало огромную цепь, в которой каждый мир был звеном. Эрик не знал, какой она длины, да, впрочем, это его и не интересовало. Он знал только, что его второй мир соединялся с первым. А тот не соединялся больше ни с одним миром, поскольку на нем перемычка обрывалась черной стеной.

— Пошли, пошли, — поторопил его крысиный король.

Они побежали в сторону, и через несколько десятков метров крысиный король дернул его за рукав плаща и показал на расположенное неподалеку от них дупло. На нем была прибита покосившаяся вывеска «Общество любителей корневой системы».

Быстро оглянувшись, друзья убедились, что за ними никто не следит, и мгновенно юркнули в дупло. Здесь сильно пахло сыростью. Сидевший у самого входа паучок-сторож запротестовал было против их незаконного вторжения на охраняемую им территорию, но стоило Эрику сунуть ему в лапу золотую монету, как он, довольный, удалился в глубь дупла.

— Пора, — сказал крысиный король, поправляя у себя на груди амулет и смешно топорща длинные белые усы.

— Давай быстрее, — поторопил его Эрик, вдруг почувствовав, что холод снова стал растекаться по его телу. — Неудачно мы с тобой повеселились.

— Да уж, — сказал крысиный король и положил лапу на амулет. — Если бы не этот кузнечик...

А «кузнечик» в этот момент был совсем близко. Решив, что настал момент вернуть обратно свою вещь, он со всех ног несся к дуплу, в которое вошли приятели. И только оказавшись внутри, он понял, что опоздал. Эрика и крысиного короля в третьем мире уже не было.

Ангро-майнью проснулся поздно. Накануне он долго не мог уснуть, поскольку в драконниках ревели драконы, у которых как раз наступил период гона. Перед тем как заснуть, он дал себе клятву, что покончит со всеми этими крылатыми ящерицами, но сейчас, встав со своего роскошного ложа и выйдя на балкон, увидел двух парящих возле дворца в ожидании его приказаний драконов, услышал шум их крыльев и, конечно же, передумал. Тем более что ему все же удалось выспаться, и теперь у него было преотличное настроение.

Вернувшись с балкона в спальню, он позволил двум подхалимам третьего разряда помочь себе одеться, после чего важно прошествовал в обеденный зал, где для него был готов легкий завтрак. Попивая свой неизменный утренний кофе, он лениво размышлял о том, что надо бы дня на два слетать в шестой мир, мир джунглей и крупных ящеров. Там уже должны подрасти молодые дракончики, и неплохо бы выбрать несколько штук взамен ослабевших от старости, которых уже, право слово, пора отправлять на покой.

Так он и сделает. Только дня через три, никак не раньше. Хотя бы потому, что сейчас ему ничего вообще не хотелось, кроме покоя и тишины. Вчера он подавил в девятом мире восстание робооборотней и теперь хотел как следует отдохнуть.

Допивая кофе, Ангро-майнью подумал, что показал этим упрямым робооборотням кузькину мать. Ничего, пусть знают, кто в этих мирах хозяин! Теперь они, поди, надолго хвосты поджали! Вообще, если разобраться, ему достались самые хлопотные миры. Вот у других — тишь да гладь.

Ангро-майнью представил ту часть цепи, которую знал.

Значит, так: ему, собственно, принадлежало начало, потому что первый мир, с которого и велась нумерация, открывался черной стеной, и о том, что за ней находится, не знал никто, даже он сам.

С одной стороны, это было большим преимуществом, так как у него оказывался только один сосед. Правда, хоть и один, но до-

вольно пакостный. Все время строит козни. И зовут этого соседа Ахумурадза, а принадлежат ему пятнадцать миров. Между прочим, Ангро-майнью владеет аж целыми двадцатью пятью. Кстати, может, поэтому сосед и строит свои козни? Впрочем, кто мешает ему приналечь на магические науки, увеличить свою мощь и отобрать у Ангро-майнью все его миры? Да никто! Только собственная лень.

Может быть, он хочет, чтобы Ангро-майнью отдал ему эти миры даром, за красивые глазки?

Удовлетворенно вздохнув, Ангро-майнью взял кусок булки и, намазывая его маслом, попытался вспомнить, кто же правит за Ахумурадзой.

Так, значит, дальнейшие двадцать три мира принадлежат некоему хитрецу Йима, следующие пять — Спитьюри. Кстати, Йима с этим Спитьюри тоже не ладили, даром что братья. В основном это было из-за того, что невоздержанный на язык Спитьюри как-то по пьяному делу пообещал распилить этого Йиму пополам. Стоп, не надо отвлекаться. Дальше, за этими милыми братьями, правит Вивахнанг, а потом... Кто же? Впрочем, это совершенно не важно. Вообще, все это не важно.

Откусив кусок булки, Ангро-майнью злорадно подумал, что уж его-то никто не только распиливать, но даже и подумать об этом не посмеет.

Стало быть, этот Спитьюри не слишком силен. Почему же тогда никто не отберет у него его несчастные пять миров? Вот к нему, Ангро-майнью, претенденты на его добро являются чуть ли не каждую неделю, а к этому Спитьюри... Черт-те что получается!

Позавтракав, Ангро-майнью хотел было выйти на балкон, чтобы с часок покататься на одном из драконов, но тут вошел с докладом верховный лизоблюд. Низко кланяясь, едва не касаясь своей заплетенной в косичку бородой паркетного пола, он приблизился и застыл в почтительном поклоне, ожидая, когда Ангро-майнью соблаговолит его заметить.

А тот не торопился, стоя у окна и рассматривая роскошный парк вокруг дворца, протекавшую за ним неглубокую речку, поля, небольшой лесок, в котором обитали ручные оборотни, а также горные пики на горизонте.

Наконец, насладившись таким привычным, но все равно интересным для него зрелищем, Ангро-майнью решил, что настала пора заняться государственными делами, повернулся и, взглянув на верховного лизоблюда, нахмурил брови.

— Ну, чем порадуешь?

Верховный лизоблюд изогнулся так, что казалось, у него вот-вот сломается позвоночник, и, почтительно завиляв хвостом, стал докладывать:

— О великий владыка, несравненный...

— Короче, — прервал его Ангро-майнью.

Верховный лизоблюд сейчас же поклонился и, облизнув губы розовым язычком, так что на секунду мелькнули белые остренькие зубки, продолжил:

— За истекшие сутки не произошло ничего замечательного, если не считать того, что к вашему двору прибыло посольство от племени кентавров из двадцать второго мира.

— Что им нужно?

— Жалуются, что их предводитель, ссылаясь на ваш приказ, заставляет носить панталоны, мотивируя это тем, что в противном случае они выглядят неприлично. А эти самые панталоны якобы сильно сковывают движения.

— Кто же там у них предводитель? — вслух подумал Ангро-майнью. — А, знаю я этого жулика! Но ведь когда я говорил о панталонах, то всего лишь шутил... Дьявол, скажи кентаврам, что принять их у меня нет времени, а панталоны они могут не носить.

Новая мысль пришла ему в голову, и Ангро-майнью хихикнул:

— Кстати, прежде чем они отправятся в свою страну, пусть один из них покажется мне. Никогда не видел кентавра в панталонах.

Почтительно оскалившись, верховный лизоблюд снова поклонился.

— Все? — нетерпеливо спросил Ангро-майнью.

— Почти все. Если не считать того, что три дэва утверждают, будто в третьем мире подверглись нападению странного разумного существа, определить которое они не могут. Есть подозрение, что ни в одном из подвластных вам миров такое не обитает. Поэтому возникло предположение, что это существо пробралось из неподвластных вам миров. К сожалению, схватить его не удалось.

— Ну-ну, — встревоженно сказал Ангро-майнью. — И как же оно выглядело?

Собственно говоря, все двадцать пять подвластных ему миров были наполнены таким количеством живых существ, что запомнить их не было никакой возможности, но разумные расы он был обязан знать все.

Верховный лизоблюд щелкнул пальцами, и мгновенно как из-под земли появившийся рядом с ним подхалим первой степени подал магический кубик. Осторожно взяв его, Ангро-майнью с минуту рассматривал находившееся внутри трехмерное изображение странного, похожего на кузнечика существа, составленное по воспоминаниям видевших его дэвов.

— Надеюсь, перемычки ко второму и четвертому миру перекрыты? — осведомился Ангро-майнью.

— О, ваша мудрость не знает границ, — залебезил верховный лизоблюд. — Все так и сделано. Смею вас уверить, что не пройдет и нескольких часов, как наши доблестные дэвы...

— Хватит, хватит, — остановил его Ангро-майнью, которому все это уже наскучило. — Что-нибудь действительно важное есть?

— Нет, все в лучшем виде. Все миры находятся в покое, а это потому, что нами правит самый...

— Все, все, — поморщился Ангро-майнью и махнул рукой, отсылая верховного лизоблюда, который сейчас же выскользнул из комнаты.

Взяв со стола оставленный им кубик, Ангро-майнью еще раз внимательно на него посмотрел и, немного помедлив, поставил обратно.

Где-то он кого-то подобного видел или, может быть, что-то про него слышал...

Не важно, все это не важно...

Не хотелось ему в это славное утро думать о делах, хотелось чего-то другого, простого и спокойного. Может, слетать, например, в шестой мир и устроить маленький пикничок с цыганками Ганками и шелкопрядущим философом из шестнадцатого мира? Нет, это потребовало бы от него определенных затрат энергии, а ему сегодня не хотелось вообще ничего, даже смотреть на кентавра в панталонах. Пусть посольство задержится и подождет до завтра. Может быть, завтра...

Он вдруг понял, что ему и в самом деле ничего не хочется делать. То есть вообще ничего. Лениво развалившись в мягком кресле, Ангро-майнью расслабленно думал о том, что хорошо было бы бросить все, выбрать себе мир получше, например, семнадцатый, и пожить в нем пару лет, никуда не высовывая носа.

Только так не получится. Как же — жди. Мгновенно налетят шустрые бродячие маги и растащат все двадцать пять миров, не успеешь даже моргнуть глазом. А потом начинай с самого начала, интригами, лестью, наконец, силой завоевывай по одному миру...

Нет, если уж он впрягся в этот воз, то надо его везти до конца, до самого конца... И вообще все, что происходит с ним сейчас, — ненадолго. Это всего лишь реакция на то дикое напряжение, которое он испытал, подавляя мятеж робооборотней.

Ничего, пройдет пара дней, и все будет как прежде. Вот только какое бы развлечение придумать именно сейчас?

Подхалим второго класса, изящно шагая на самых кончиках лап, вкатил тележку, на которой был поднос со свежим, еще кровоточащим мясом, и бесшумно удалился.

Вот именно! Это то, что он должен сделать именно сейчас. Покормить драконов.

Солнечный зайчик пробился сквозь шторы и кольнул глаза. Ангро-майнью зажмурился и неохотно отодвинул голову.

«Странное ощущение, — подумал он. — Мне не хочется делать даже это».

Тяжело вздохнув, Ангро-майнью вышел на балкон. Вновь появившийся подхалим второго класса выкатил вслед за ним тележку с мясом.

Теперь один из драконов парил совсем рядом с балконом, и, посмотрев на него, Ангро-майнью залюбовался его тяжелой, огромной головой, могучими перепончатыми крыльями и блестящей чешуей. Повернув голову к балкону, дракон открыл усеянную острыми зубами пасть и тоненько заверещал, выпрашивая лакомство.

— Умница, Страйк, — сказал Ангро-майнью и, взяв с подноса кусок мяса, швырнул его дракону. В стороне, там, где виднелись драконники, в небо поспешно взлетела стайка других любителей мяса.

Правда, к тому времени, когда они будут здесь, Страйку достанется львиная доля. Наверное, так и должно быть. Самые проворные и умные получают больше всего. Закон жизни.

Он стал азартно швырять кусок за куском в пасть Страйка. К тому времени, когда другие драконы достигли балкона, на подносе остался только один небольшой кусочек. Взяв его, Ангро-майнью задумчиво прищурился, потом, оглянувшись, увидел, что позади уже стоит наготове подхалим первого класса с полотенцем и тазиком, чтобы он после кормления мог вымыть руки. Вновь посмотрев на парившего неподалеку дракона, Ангро-майнью заглянул в его желтые, с вертикальными зрачками глаза, неожиданно поразившись тому, какие же они мудрые и спокойные, словно бы Страйк знал что-то, о чем он никогда даже и не сможет догадаться.

И вот тут-то Ангро-майнью вспомнил, кем был тот, чье изображение он пятнадцать минут назад разглядывал в магическом кубике.

Правитель двадцати пяти миров выронил кусок мяса, и тот, кувыркаясь, полетел вниз.

— Страйк, — обиженно сказал дракон и стрелой спикировал вслед за мясом. Но Ангро-майнью этого уже не видел, потому что, словно сомнамбула, ушел с балкона в комнату. Не замечая подхалима с тазиком и полотенцем, который суетился вокруг него, Ангро-майнью плюхнулся в кресло. Машинально, марая дорогую обивку, он положил руки на подлокотники и тут же потянулся к столику, на котором в хрустальной коробочке лежали сигареты. Он вытащил одну, но так и не закурил, мгновенно о ней забыв. В зеркальной стене напротив него отразился стоявший за его спиной подхалим. Вот он недоуменно дернул головой, что являлось грубейшим нарушением этикета. Впрочем, Ангро-майнью теперь было не до этого. Он лихорадочно копался в своей памяти, пытаясь установить, не ошибся ли он.

Нет, ошибки быть не могло. Напавшее на дэвов существо было стерхом и никем иным. Окончательно удостоверившись в этом, Ангро-майнью вздрогнул и почувствовал, как мурашки страха побежали по его спине...

Колеса телеги немилосердно скрипели.

«Смазать он их, что ли, не мог?» — раздраженно подумал Хару, зарывшись в сено за спиной возницы. Он чувствовал, что лежит на каких-то бутылках, ящичках, коробках.

Один глаз Хару выдвинулся на гибком стебельке вверх и, вынырнув из сена словно перископ, стал поворачиваться вправо и влево.

Так, все обстояло неплохо. По крайней мере он не ошибся, и телега действительно катила к перемычке между третьим и вторым мирами. Уже виднелись ворота и охранявшие их два дэва.

«Ого! — подумал Хару. — Это уже серьезно!»

Получается, что правитель этого участка цепи встревожился не на шутку. Выходит, пройти последние два мира будет труднее, чем все прочие. Подумать только, он миновал их семьдесят с лишним, и вот, когда до конца пути осталось совсем чуть-чуть, бездарно провалил все. Только даже это не было самым ужасным.

Потеря зерна священного дерева...

Хару стало грустно.

Он провел лапой по складке кожи на животе, которую использовал как сумку для зерна, и вздохнул.

Подумать только, он попался как глупый маленький червячок-фурак! Сейчас, спустя некоторое время после стычки в кафе, он понимал, что наделал много глупостей. Так ли все было на самом деле, как ему тогда казалось? Может быть, дэв задел его совершенно случайно? Может быть, он даже не обратил внимания на то, что под плащом скрывается совсем не человек? Тогда в кафе ему казалось, что он попал в хорошо подстроенную ловушку. Именно поэтому он поспешил избавиться от зерна священного дерева. Но так ли все было на самом деле?

Ладно, сейчас можно думать все что угодно, а факт остается фактом: проделав путь в семьдесят миров, он стал непростительно беспечен. За что и поплатился. А ведь мать священного дерева его предупреждала... Хотя, может быть, еще не все потеряно. Миров пятьдесят назад уже случилось нечто похожее. Для того чтобы не попасться, он спрятал зерно в стогу сушеных водорослей. Когда опасность миновала, он за ним вернулся... Правда, теперь был совсем другой случай. Более серьезный. Хотя бы потому, что зерном завладели разумные создания, которые могли догадаться о том, что оно собой представляет. Кроме того, на него самого велась планомерная, профессиональная охота.

Черт побери! За прошедшие пятьсот лет еще ни одному стерху не удавалось пробраться так далеко по цепи миров! Да, за большим везением всегда следует крупная неудача.

В том, что дэвы караулят именно его, он не сомневался. Ладно, дэвы так дэвы! В конце концов, надо же узнать, насколько они хорошие ищейки. Хотя тут ему, похоже, повезло. Влипни он в такую ситуацию в начале пути, в тех мирах, где привыкли вылавливать несущих семена священного дерева стерхов, все было бы значительно хуже. А в данном случае совершенно ясно, что эти дэвы уже по крайней мере пятьсот лет не сталкивались с подобным ему противником. Вот то ли дело, например, шурале из шестьдесят пятого мира! От них-то, пожалуй, он не смог бы так просто ускользнуть.

Хотя и здесь — не сахар. Взять, например, этих двоих, что завладели зерном. По тому, как они покинули третий мир, можно сказать, что у них есть транспортный амулет. На его удачу, они прыгнули во второй мир, а не в семьдесят пятый, например. Может быть, это даже упростило дело. По крайней мере поскольку он был носите-

лем священного зерна, то его местоположение определял запросто. Теперь бы только оказалось, что эти двое живут во втором мире, и дело в шляпе. А ну как они станут прыгать по мирам почем зря? Ведь он же тогда за ними не поспеет.

Вот и получается, что ему оставалось надеяться только на голос везение. Даже для того, чтобы сейчас проскользнуть через ворота во второй мир.

А телега тем временем все катила и катила вперед. Когда до ворот осталось совсем немного, Хару втянул глаз и почти перестал дышать. Через некоторое время послышались низкие голоса дэвов, приказывавшие возничему остановиться.

С протяжным скрипом телега остановилась, и Хару услышал оживленный разговор между дэвами и возницей, происходивший едва ли не у него над головой.

— Значит, говоришь, это у тебя сено?

— Ну да. А что еще это может быть?

— Брось притворяться. Уж мы-то знаем, что у тебя под ним. Хочешь сказать, что там ничегошеньки не спрятано?

— Может, и спрятано, да только это не мое, и если от него хоть чуть-чуть убудет — хозяин с меня шкуру спустит.

— Прекрасно! Раз ты упорствуешь, то мы настаиваем на тщательном осмотре поклажи. Вываливай сено, сейчас определим, что у тебя на телеге подлежит провозу в другой мир, а что — нет.

Хару осторожно втянул когти на передних лапах и, выпустив взамен них длинные, острые лезвия, напружинился. Похоже, теперь единственным выходом для него было резко, пока дэвы этого не ожидают, выскочить из телеги и убежать. В конце концов, можно попытаться проникнуть во второй мир и другим путем. Например, украсть транспортный амулет. Хотя это еще опаснее. По этому амулету его найти будет — раз плюнуть. Однако если эта попытка не удастся, у него не остается выбора. Он не мог надолго оставить зерно священного дерева в руках чужих разумных.

На его счастье, возница обреченно сказал:

— Ну ладно, чего вы, на самом деле? Или я тут не езжу каждый день? Но только немного, а то хозяин и в самом деле задаст мне хорошую взбучку.

— Давай, давай, — обрадованно сказал один из дэвов. — Не томи душу.

Хару услышал, как возница зашуршал сеном, видимо, отыскивая то, что было под ним спрятано. Вдруг он коснулся его лапы и

ошарашенно застыл. Хару мгновенно ее поджал и стал молиться священному дереву, чтобы все обошлось, и возница, понимая, как ему трудно будет доказать свою непричастность к тому, что Хару оказался в его телеге, не издал ни звука.

— Ну что ты застыл? Вытаскивай живее, — нетерпеливо сказал один из стражников.

Хару услышал, как возница сглотнул и стал поспешно копаться в сене, немного в стороне от того места, где лежал он. Потом шорох сена стих и послышались радостные голоса дэвов:

— Ну вот видишь, все очень просто. Давай сюда да побыстрее вытаскивай пробку. Думаешь, приятно торчать у ворот день-деньской и не иметь возможности даже промочить горло?

Послышалось бульканье, которое несколько раз прерывалось, когда один дэв передавал другому сосуд, из которого они пили.

Под это бульканье возничий спросил:

— А что это вас сегодня двое?

— Да ловим тут кое-кого, — крякнув, сказал один из дэвов. — Есть сведения, что он попытается пробраться во второй мир. Кстати, может, ты случайно видел? Из себя он серый, немного смахивает на кузнечика. Чертовски опасен, надо сказать. Так видел или нет?

— Нет, вроде не видел.

— То-то. Если увидишь — обязательно скажи. Впрочем, как же ты его увидишь, если уезжаешь во второй мир? Нет, забористое у тебя пойло. Где хоть его покупаешь?

— Да у старого кракена в «Гнилой лощине».

— А, знаем. После дежурства обязательно надо зайти и еще раз испробовать... Ну ладно, вот тебе твоя бутыль, и давай дуй по холодку.

Хару расслабился, поскольку понял, что теперь возница будет с ним заодно. Пожалуй, в данный момент это было для него единственным способом выбраться из создавшейся ситуации без неприятностей. Похоже, теперь можно и расслабиться.

Он услышал, как возница плюхнулся на телегу. Бутыль в сено он закапывать не стал, а небрежно бросил рядом с собой. Стало быть, она была пуста. В этом Хару окончательно убедился, потому что, отъехав от ворот, возница едва слышно пробормотал:

— Жадные морды.

«Это его проблемы», — подумал Хару.

До них ему не было совершенно никакого дела. Он хотел лишь перебраться во второй мир, а там этот возница пусть катится на все

четыре стороны. Собственно говоря, можно уже считать, что он перебрался, поскольку первые ворота остались позади, а на вторых, как правило, совершенно не проверяют.

Между тем телега ехала по перемычке между двумя мирами. Она по-прежнему немилосердно скрипела, но Хару, уже притерпевшись, перестал обращать на это внимание. Неожиданно телега остановилась.

Хару подумал, что это очень странно, поскольку перемычка должна быть гораздо длиннее. А так выходило, что они остановились где-то на ее середине.

Возница слез с телеги и, сделав вид, что поправляет разворошенное сено, спросил:

— Ну, ты, ты кто?

— А тот самый, — ответил Хару. — Непонятно разве?

— Понятно, — сказал возница. — Когда же ты успел ко мне в телегу залезть?

— А когда ты кабачок «Гнилая лощина» навещал, за пойлом для этих...

Несколько секунд возница молча уминал сено, очевидно, размышляя, потом не очень уверенно сказал:

— Значит, так. Либо ты сейчас уберешься из моей телеги, либо я на вторых воротах мигну стражникам.

Вместо ответа Хару высунул из сена лапу и продемонстрировал вознице поблескивающее на ее конце длинное серпообразное лезвие.

— Ого! — ошарашенно произнес возница.

— Прежде чем меня схватят, я тебя на кусочки порежу, и даже пикнуть не успеешь. Понял?

— Понял, — упавшим голосом сказал возница.

— Хорошо понял?

— Хорошо.

— Ну то-то...

Хару услышал, как возница, вернувшись к передку телеги, вскарабкался на него. Потом телега тронулась, и снова заскрипели колеса.

Вообще же то, что произошло, было плохо. Теперь возница знает, что в его телеге едет кто-то, кого ищут, и будет бояться. Опытный дэв это заметит обязательно. Правда, есть надежда на то, что вторые ворота миновать легче. Хотя, если честно сказать, каких только неожиданностей не бывает на свете!

Лишь бы возница чего-нибудь не выкинул. Впрочем, насчет этого стерх волновался не сильно. То, что он сказал вознице, было отнюдь не пустой угрозой. В случае предательства...

Телега подъехала к воротам. Тут история с бутылкой повторилась. Здесь тоже было два дэва, и они, как и предыдущие, любили пойло. Когда телега тронулась дальше и дэвы закричали вслед, чтобы возница почаще проезжал мимо, Хару расслабился окончательно. Правда, как оказалось — преждевременно.

Не успела телега отъехать и пяти метров от ворот, как у нее отвалилось колесо. Она накренилась, и Хару вместе с сеном вывалился на дорогу.

Вскочив, он увидел, что во втором мире уже наступил вечер. До темноты оставалось полчаса, не больше. Потом он увидел двух дэвов, ржавших над извозчиком, который ошарашенно сидел возле перевернувшейся телеги.

Быстро оглянувшись, Хару прикинул, что до ближайших домов, за которыми можно укрыться, не менее ста шагов, и рванул к ним на максимальной скорости. Счет теперь шел на секунды. Хару хорошо понимал это, поскольку успел заметить, что хотя один из дэвов и вооружен всего лишь электрическим хлыстовником, который, повернув свою изящную головку, с удивлением рассматривал происшествие на дороге, зато у другого на боку висело гнездо смертоносных пчел.

Пробежав половину расстояния до домов, Хару оглянулся и увидел, что тот дэв, у которого было гнездо, уже вытаскивает из него затычку. Теперь только бы угадать нужный момент...

Ага, вот он вытащил затычку. Сейчас же из отверстия гнезда вырвались смертоносные пчелы. Вот они уже полетели к нему. Самое главное было так рассчитать свои действия, чтобы пчелы не успели изменить траекторию полета и пронеслись мимо.

Хару вовремя упал на землю, откатился в сторону и, снова вскакивая, успел заметить, как стена дома, к которому он бежал, вдруг покрылась десятками сквозных дыр и, дрогнув, рухнула.

Впрочем, игра была еще не сыграна. Он находился как раз на середине пути к спасительным домам, и надо было суметь угадать, когда дэв выпустит второй рой. Правда, был еще шанс достичь домов раньше, чем это случится.

Хару отчаянно понесся к домам.

Сзади ему что-то кричал возничий, но что именно, Хару не слышал. И все же дэв успел выпустить второй рой быстрее. Правда, Хару повезло и тут.

До домов оставалось шагов десять, когда он запнулся о валявшийся на его пути обломок доски и со всего маху покатился по земле, подняв тучу пыли. В этот момент у него над головой пронес-

ся второй рой пчел, и другая стена все того же дома, развалившись на куски, рухнула.

Не обратив на это внимания, Хару мгновенно вскочил и, метнувшись к домам, до которых было уже рукой подать, с размаху влетел в переулок. Миновав его, он пробежал через полуразрушенный дворец, и только выскочив из него через широкий пролом в стене, сообразил, что все уже кончено. Он прорвался.

Тогда, остановившись, Хару прислонился к полуразрушенной стене дворца и, отдышавшись, стал оглядываться, вдруг осознав, что место, в которое он попал, было очень странное. Судя по всему, тот кусок города, в котором он оказался, был нежилой.

Хотя...

Неподалеку треснула под чьей-то ногой доска. Напружинившись, Хару приготовился, судя по обстоятельствам, либо задать стрекача, либо вступить в бой.

Шаги слышались все ближе... Что-то зашуршало, вроде бы битая черепица. Потом из-за угла вышел и неторопливо направился к Хару самый настоящий скелет в мушкетерской шляпе. Метрах в пяти от Хару он остановился и, лязгнув нижней челюстью, крикнул:

— Добро пожаловать во второй мир, о чужеземец!

Огни святого Эльма плясали на верхушках мачт «Летучего голландца». Сквозь дырявые паруса виднелись кровавый глаз кометы и усеянное точками звезд ночное небо. Оркестр состоял из медведя панды, игравшего на гитаре, горбатого гномика, прилежно дувшего в флейту, двух балабошек, вовсю наяривавших на старом разбитом пианино, а также большой морской черепахи, без устали колотившей по панцирям других черепах, поменьше.

Крысиный король и Эрик стояли неподалеку от оркестра. Крысиный король потягивал коктейль зеленого цвета, в который для вкуса была кинута живая пиявка, и меланхолично следил за тем, как нос корабля с сухим шелестом режет дюны, взметая в небо целые тучи песка. Повернувшись к нему боком и покуривая палочку флю, Эрик следил за двумя легкими изящными эльфами, танцевавшими какой-то старинный, до невозможности красивый танец.

— Слушай, а ведь если наш кораблик резко остановится, то его накроет огромное облако пыли, которое сейчас тянется за ним, словно шлейф за модницей, — пробормотал крысиный король. Он был уже «хорош».

— Угу, — отозвался Эрик. Под действием палочки дерева флю на его щеках появился румянец, словно он был живой, даже глаза

немного заблестели, а движения, утратив угловатость и замедленность, стали быстрыми и точными.

— Может, попробуешь? — Крысиный король протянул ему свой бокал.

— А что? — усмехнулся Эрик. — Могу и попробовать. Вот только выкурю еще палочку, и почему бы мне не попробовать то, что пьешь ты...

Какая-то девица с перерезанным горлом на секунду прижалась своим крутым боком к руке Эрика и, задорно поводя плечами, бросила на него чарующий взгляд. Глаза ее неестественно ярко блестели. Очевидно, она накурилась палочками флю по самые уши.

— Ну что, красавчик, посеем рожь?

— А сожнешь?

— Сожну.

— Экая ты, право... — ласково проведя ладонью по страшной ране у нее на шее, усмехнулся Эрик. — Ну хорошо... я сейчас, вот только еще десять минут, и буду готов, как мартовский кот. Вот только десять минут, не больше. Ты не уходи далеко...

Чувствуя, что у него слегка закружилась голова, Эрик выкинул недокуренную палочку и, быстро достав из кармана новую, зажег спичку. Его несло. Ему сейчас все было нипочем. Лишь бы выкурить достаточное количество палочек, чтобы пусть на час, на пару часов снова поверить, что он живой, что стоит ему захотеть, и в груди у него забьется сердце и он сможет любить... Да, любить, это самое главное... Именно для этого...

— Я жду тебя, мужчинка, — ласково улыбнулась девица и, похлопав его по щеке, пошла прочь. А Эрик выкинул спичку, от которой прикуривал палочку, и, затянувшись как можно глубже, проводил ее красное платье долгим взглядом. Толкнув крысиного короля в бок, он глазами показал вслед девушке. Тот невозмутимо отхлебнул из своего бокала и мечтательно сказал:

— Да, у меня тоже была одна крыска, такая, понимаешь, серенькая, а хвостик у нее был длинный-длинный, начинался аж от самых ушей, наверное. Ах, какой же у нее был ровный, длинный хвостик...

Эрик его не слышал. Он вдыхал и выдыхал дым палочки флю и весь отдался этому занятию, поскольку при этом у него создавалась иллюзия, что он дышит, по-настоящему дышит... Что вот сейчас все свершится и он проснется завтра, чувствуя, как под кожей струится самая настоящая, взаправдашняя кровь.

— А вообще это проходит, — продолжал крысиный король. — Женщины не стоят того, чтобы на них тратить много времени. Махни на нее хвостом. В конце концов, все, что у нас с ними происходит, — неоправданно и глупо. А потом приходит протрезвление, и становится гадко.

— Ты старый циник, — блаженно улыбнулся Эрик и неожиданно даже для самого себя взъярился: — Глупо, говоришь? А что не глупо? Нет, ты мне скажи, что, по-твоему, не глупо? Шататься по этому выжженному дотла городу? Пытаться понять, кто ты есть такой, что с тобой случилось и как ты здесь оказался? Спрашивать у себя, та ли это загробная жизнь, о которой все так мечтали, все, кто верил в бога? Ну хорошо, я не знаю, верил ли я в бога, но ведь есть же масса других, которые верили, но все же, независимо от этого, попали сюда! И даже если это именно та загробная, будь ты трижды проклятая, жизнь, то что нам с ней делать? И к чему мне такое счастье? И кто я теперь? Зомби? Человек? Не знаю. Я живу, если это только можно назвать жизнью, я мыслю, но вот человек ли я?

— Брось, — сказал крысиный король. — Человек ты, конечно. Только человек может задавать такие глупые вопросы. И злишься ты чисто по-человечески. Стоило красивой бабенке состроить тебе глазки, как сейчас же ты, как истинный человек, захотел показать, насколько умен, или несчастлив, или глуп. Брось, не стоит все выеденного яйца.

— Может, ты и прав, — сказал Эрик и, попыхивая палочкой флю, побрел на корму. По дороге он то и дело перешагивал через ползущие из трюма, для того чтобы погреться в свете звезд, обрубки рук, похожие на больших пятиногих пауков. За ним полетел какой-то балабошка, то сжимаясь в лицо с бородавкой на носу и щеточкой рыжих усов под ним, то расплываясь в бесформенное облако. Он летел за Эриком и канючил, что ничуть не хуже его, что всю жизнь работал и много сделал, а оставил после себя такую память, что в этом мире может быть только балабошкой и не больше. И не мог бы Эрик, поскольку он материален, отправиться к самому Ангро-майнью и попросить сделать так, чтобы его имя занесли там, в жизни, в какой-нибудь документ. Тогда он, балабошка, станет таким же зомби, не хуже других, и отблагодарит так... будет ему пятки лизать... станет его рабом и прочее... прочее.

Эрик от него отмахнулся, и обиженный балабошка взлетел вверх, к самым мачтам, да так неудачно, что коснулся огонька святого

Эльма, который прожег в его боку дыру. С протяжным стоном балабошка взлетел еще выше и исчез в ночном небе. А Эрик продолжал брести к корме, то и дело натыкаясь то на парочку брауни, уныло попивавших шотландское виски и судачивших о вересковых пустошах и искусстве игры на волынке, то на безмятежно попыхивавшего палочкой флю такого же, как и он, зомби, то на нескольких ведьмочек, сосредоточенно рассуждавших о пи-цепях сцепления и недостаточной тяге подъема.

Потом Эрик чуть не провалился в трюм через огромную дыру, но все же умудрился зацепиться за ее край и выползти обратно на палубу. Кстати, сделал он это вовремя. Через секунду из дыры появилось тяжелое щупальце, пошарило по сторонам и уползло обратно в трюм, из которого послышалось разочарованное уханье.

Все же он достиг кормы. Звуки оркестра едва долетали сюда, да и народу было значительно меньше, поскольку здесь уже чувствовалось следовавшее за «Летучим голландцем» пылевое облако. Впрочем, Эрику на это было наплевать. Правда, ко вкусу палочки флю теперь стал примешиваться вкус песка, который заскрипел у него на зубах, но Эрик решил не обращать на него внимания.

Теперь ему было уже легко, хорошо и весело. Ему хотелось поразвлечься. Он спрятался за стоявшую на корме телефонную будку и стал поджидать того, кто мимо нее пройдет. И конечно же, это оказался карликовый грифон. Эрик выпрыгнул из-за будки и, преградив ему дорогу, грозно спросил:

— Ты кто?

— Дед Пихто, — сказал грифон.

— Очень приятно познакомиться. А я старый идиот.

— Рад. — Грифон протянул лапу и с уважением пожал Эрику руку. Потом он слегка поклонился и, протопав мимо него к самому борту, расправил большие кожистые крылья. Немного помахав ими в воздухе, словно пытаясь взлететь, он сложил их и, сконфуженно пробормотав: «Я тут одну штуку забыл...» — поспешно побежал на нос корабля. Эрик посмотрел ему вслед и уныло подумал, что шутка не удалась. И вообще она была не самая лучшая. Но попробовать еще раз стоит.

Он снова спрятался за будку и через минуту, выскочив из-за нее, спросил у разыскивающего его крысиного короля:

— Ты кто?

— Хана твоя, вот кто я, — угрюмо сказал крысиный король. — Кончай ты это... вечер такой грустный, пить больше не хочется, а ты с дурацкими шутками.

Он отхлебнул из своего бокала, уселся на палубу и привалился спиной к телефонной будке. Эрик последовал его примеру, и минут десять они молча смотрели на исчезающие за кормой барханы, полузасыпанные песком, заброшенные города и почти уничтоженные временем могильники пеликанских королей и героев.

А потом зазвонил телефон в будке. Эрик, не глядя, протянул руку и, сняв трубку, приложил ее к уху. Из трубки высунулась крабья клешня и ущипнула его за мочку.

Боли он не почувствовал, поэтому, продолжая прижимать трубку к уху, сказал в нее:

— Алле, я слушаю.

— Слушаешь? — спросил из трубки старческий голос.

— Еще как.

— Ну тогда скажи мне... Тебе никогда не приходило в голову, что каждый человек — это два разумных существа в одном теле? Причем если представить жизнь как длинную железнодорожную колею, сознание каждого из них словно поезд. И эти поезда идут навстречу друг другу. Только для одного сознания все идет в нормальном времени, а для другого — в обратном. То есть для того, который движется от конца жизни к началу, все происходит наоборот, и это вполне логично.

— А если они встретятся? — заинтересовался Эрик.

— Вот в том-то и суть. Это будет момент встречи, когда на несколько секунд человек получает сверхспособности, потому что в нем соединяются два интеллекта. И такой момент бывает у каждого... Вот у тебя такой момент был?

— Не помню, — сказал Эрик. — Я вообще ничего из своей прежней жизни не помню, за исключением... ну вообще, это не важно.

— А жаль! Если такой момент подловить, то можно высчитать, сколько человеку осталось жить, поскольку эти два сознания встречаются точно на середине между рождением и смертью. А отсюда...

— Надоел ты мне, — сказал Эрик и, положив трубку на рычаг, спросил у крысиного короля: — Может, подадимся отсюда?

— Еще рано, — ответил тот. — Если нас засекли и теперь прочесывают город, то тут самое безопасное место. Сюда до утра ни один дэв не сунется.

— Твоя правда, — согласился с ним Эрик и, сняв трубку, снова приложил ее к уху. Из трубки плюнули. Это не понравилось Эрику, но он вытер ухо рукавом плаща и снова приложил к нему трубку.

— Мало? — спросил из нее все тот же старческий голос.

— Нет, вполне достаточно, — ответил Эрик и попросил: — Бросьте вы эти штуки, а?

— Какие?

— Ну, с плевками.

— Молодой человек, да за кого вы меня принимаете? Я не способен на такие пошлые вещи... Ну, там вылить в ухо порцию кипящей смолы или, на худой конец, серной кислоты, но плевать... Бр-р-р-р... Не за того вы меня принимаете.

— Ах, извините, — устало сказал Эрик и повесил трубку.

К этому времени крысиный король уже допил свой коктейль и швырнул бокал за борт. Через мгновение над бортом показалась голова одного из духов пустыни. Обругав крысиного короля, он покрутил пальцем у виска, давая понять, что считает его чокнутым, и исчез.

— А не подходи близко! — крикнул ему вслед крысиный король. — Нет, удивительно, какие недотепы встречаются среди духов. Ну просто удивительно!

Эрик рассеянно ему поддакнул и, прикинув, что надо бы сходить на нос и там подкупить еще палочек флю, вытащил очередную. Сделав первую затяжку, он ощутил, как в его голове становится все яснее и яснее. Это, конечно, была определенная стадия, которую следовало преодолеть стойко.

Кстати, что там крысиный король говорил насчет их маленького приключения? Приключения...

Эрик вытащил из кармана шарик, который получил от «кузнечика», и стал его рассматривать в неверном свете кометы.

— Что это у тебя? — спросил крысиный король.

Эрик объяснил, откуда взялся шарик, и тот заметно встревожился.

— Ну-ка, дай эту штуку поглядеть поближе.

Он забрал шарик у Эрика.

— Как ты думаешь, что у него внутри? — спросил крысиный король, вдоволь насмотревшись.

— Да какое это имеет значение?

— А все же?

— По-моему, это что-то похожее на дерево.

— Дерево, говоришь? Гм, действительно похоже. Что-то я про такие деревья не слышал. Хотя вру, где-то слышал, но так давно, очень давно. Дай бог вспомнить...

— Да какая разница? Все равно эта штука не наша, и надо бы ее вернуть владельцу.

— Как? — спросил крысиный король и, оскалив клыки, еще раз стал внимательно рассматривать шарик. — Найди его теперь в этом третьем мире...

— Не знаю, ничего не знаю, — раздраженно сказал Эрик. — Но надо вернуть и... может быть, слетаем в этот третий мир?

— Шутишь! Нас там только и ждут. Я уверен, что сейчас весь третий мир уже поставили на уши и планомерно перетряхивают. Кстати, точно так же, как и наш второй. А заодно, может быть, и четвертый.

— Почему?

— Какой ты глупый! Да потому! Первое, что они сделали, как только поднялась тревога, это сейчас же перекрыли ворота. И поскольку через них мы ускользнуть не могли, а в третьем мире нас не обнаружили, то они уже предположили, что нам удалось проскочить в один из соседних миров. Они могут даже догадываться, что у нас есть транспортный амулет. Понимаешь, они не могут допустить, чтобы кто-то, кроме дэвов, обладал такой штукой. Можешь не сомневаться, стоит нам использовать амулет, как нас махом засекут.

— И что нам остается? — рассеянно спросил Эрик. Сделал он это только для того, чтобы что-то сказать, так как чувствовал, как холод снова стал расползаться по телу.

— Не знаю... хотя... знаю... Нам надо утром, когда дэвы устанут искать, попытаться прыгнуть, например, в первый мир и там отсидеться, пока вся буза не кончится. Может, утром нас не засекут, хотя риск, конечно, большой. Но что делать?

Чувствуя, как деревенеют пальцы, Эрик поднял руку и стряхнул с затылка иней, успев мимоходом подумать о том, что подобных приступов ни у одного из его знакомых зомби не бывает. Может быть, это как-то связано с тем, что у него прострелен затылок?

Чтобы отвлечься, он снял с рычага трубку и спросил у крысиного короля:

— А как ты достал амулет?

— Как? — усмехнулся тот. — Стибрил давным-давно, понятное дело. Они тогда его долго искали, очень долго. Но то, что попало к крысам, вернуть невозможно. В принципе я бы сейчас мог спрятаться под землей, но там ты просто не поместишься. Там есть такие узкие щели, в которые могу проскользнуть только я.

— Ладно, в первый мир так в первый мир. Хоть на знаменитую черную стену поглядим, — сказал Эрик и приложил телефонную трубку к уху. А из нее все тот же старческий голос вещал:

— А теперь представьте себе мир, в который попадают люди, умершие только насильственным образом. Это объясняется, например, тем, что у погибших насильственным образом происходят определенные изменения в организме. Может быть, в момент смерти организм того, кто умирает насильственно, вырабатывает определенное вещество или какие-то волны. Этого достаточно, чтобы попасть в тот мир, где сложились данные условия. Более того, попав в этот мир, люди сохраняют свое тело, способное двигаться и мыслить, но не являются живыми. Как они воспринимают тот мир, в который попали? Может, им он кажется адом, раем? Скорее всего преддверием ада, из которого можно за определенные заслуги попасть в рай.

Кстати, одним из обязательных условий превращения в зомби служит то, что им оказывается только тот, после кого на Земле осталась определенная память, хоть в виде нескольких строчек на квитанции, в газете, архивном деле, справке. А тех, после кого этой памяти по тем или иным причинам не осталось, ждет другая форма жизни, полуматериальная. Они получают лишь самую малость энергии, которую должны восстанавливать за счет других живых существ. На языке того мира, в который они попали, такие создания могут называться, например, балабошками. Вопрос: какие выражения трансцендентности...

— Чтоб ты сдох, — сказал Эрик в трубку и повесил ее на место.

Он немного поерзал по палубе, стараясь устроиться поудобнее. Холод стремительно захватывал его тело. Вот он уже почувствовал, что может двигать лишь руками. Капельки воды побежали с его тела на палубу. Это таял выступивший на затылке иней. Чувствуя, как мысли, словно замерзая, становятся медленными и неповоротливыми, Эрик подумал о том, что с ним, наверное, неладно. Может быть, при его переносе в этот мир что-то сработало не так?

А мысли становились все медленнее. Естественно, движения того же крысиного короля все убыстрялись. На мгновение Эрику показалось, что он видит старинное кино. То, что говорил крысиный король, стало трудноразличимым, едва слышным визгом где-то на грани ультразвука, и тут раздался звонок телефона.

Никак на него не прореагировав, Эрик попробовал вспомнить хоть что-то из своей прошлой, настоящей жизни, но ничего путного из этого не получилось. В памяти мелькали лишь трудноразличимые обрывки. То залитое кровью лицо, то приземистая машина с черным кузовом, неторопливо едущая по булыжной

мостовой, то черная ворона, которая с криком кружила в небе, постепенно снижаясь, словно огромный сгоревший бумажный лист. Он вдруг снова вернулся в свой теперешний мир и увидел собственную руку, которая независимо от его желания тянулась к трубке телефона, и даже успел вяло этому удивиться. И длилось это целое столетие, за которое вид тянувшейся к телефонной трубке руки показался ему опять чем-то знакомым. Он даже умудрился каким-то образом за это рассердиться на себя. А потом рука все так же медленно поползла назад и потащила за собой трубку. Вот она прижала ее к уху. Словно в кошмаре. Хотя какие уж тут кошмары? Не положено ему как мертвецу видеть сны. Он даже на секунду забыл о трубке в руке, так его заинтересовала эта мысль. Он стал ее обдумывать, и она ворочалась в его голове словно огромная ледяная глыба. А потом из трубки послышались длинные гудки, и он забыл про все, лишь успев подумать, сознавая все безумие своей мысли, что для того, чтобы услышать эти гудки, очевидно, надо было снять трубку именно во время приступа.

Тут гудки прекратились, сухо щелкнуло, и женский голос сказал ему в самое ухо:

— Алло.

Словно электрический ток пробежал по телу Эрика.

— Алло, кто там? — второй раз спросил все тот же голос, и Эрик глухо застонал. Это был ее голос. И теперь, вслушиваясь в него, он млел от странного, подступающего к горлу восторга, не в силах что-либо сделать или хотя бы сообразить, что можно сделать. А женский голос нетерпеливо сказал:

— Да алло же!

Эрик сумел выдавить из своего горла что-то вроде хрипа, который мгновенно смолк, потому что он тут же сообразил, что не может ничего сказать в эту трубку, поскольку та, на другом конце провода — живая, а он — нет. И она всерьез считает его мертвым, даже не подозревая, что со смертью кончается не все. И как же можно... да и не поверит она... кстати, так легко и напугать, а этого он совершенно не хотел. И поэтому, слыша такой теплый и родной голос, Эрик лишь млел, моля бога, если он есть, чтобы она не бросала трубку как можно дольше, не обрывала контакт и, может быть, догадавшись женским чутьем, кто именно ей звонит, сказала хоть что-то про себя, как она там, и самое главное — помнит ли его... Но нет, это попросту невозможно...

А потом та, которую он все еще любил, сказала:

— Ну, это уже надоело. Что за глупые шутки. Стыдно!

И положила трубку, а он, словно умирающий с голоду, у которого отобрали последний кусок хлеба, вслушивался в бесконечно длинный гудок, который постепенно, в соответствии с тем, как холод выходил из тела, становился все тише. Немного погодя сквозь гудок прорезался старческий голос:

— ...а также, когда в этом мире наступает время прилива и волны гравитации захлестывают даже антимагнитные утесы, наблюдаются любопытные феномены типа возникновения кораблей, которые могут, не используя никаких механических движителей, передвигаться по любой поверхности, не обязательно водной...

Чувствуя, как то, что минуту назад делало его живым по-настоящему и без помощи палочек флю, умерло, Эрик повесил трубку и встал.

— Что-то ты на этот раз быстро, — сказал крысиный король. — Но все равно я рад. Значит, будем веселиться. Если бы ты знал, как скучно сидеть здесь.

— Скучно сидеть, — как эхо повторил за ним Эрик и посмотрел на быстро высыхающую лужицу воды, набежавшую с его тела, а уж потом на крысиного короля спокойным, задумчивым взглядом, да так, что тот аж поежился и пробормотал:

— Экие вы, право, — люди.

Наклонившись, Эрик взял из его лап шарик «кузнечика» и посмотрел туда, где на носу кружились легкие пары. Мгновенно овладев собой, крысиный король хихикнул и ткнул его лапой в живот:

— Ну что, пойдем? Вон посмотри, как та блондинка-троллиха мне улыбается. Пошли потанцуем!

— Сейчас, — задумчиво сказал Эрик и, снова усевшись на палубу, стал внимательно рассматривать шарик. — Сейчас, я только еще раз попытаюсь догадаться, что в нем находится.

Ангро-майнью взял с подноса подхалима второй степени высокий бокал, отпил из него глоток и, откинувшись на спинку кресла, стал в который уж раз смотреть на магический кубик, в котором проецировались воспоминания дэва, участвовавшего в заварушке в кафе.

Нет, тот, с кем они столкнулись, был, несомненно, стерх и никто другой. Причем совершенно ясно, что засветился он случайно. Подумать только, если бы не это, то через несколько часов стерх был бы уже в первом мире, а там ему оставалось только добраться до черной стены и... У Ангро-майнью вновь задрожали

руки, когда он прикинул, что могло произойти. Он представил, как стерх прижимает зерно священного дерева к черной стене, оно исчезает, растворяется в ней, а через несколько минут чудовищная вспышка — и стена разваливается. А потом хаос ринется в первый мир, вслед за ним — во второй и третий... И остановить его не сможет никто, пока хаос не достигнет священного дерева, которое само станет черной стеной. Вот только все миры, которые хаос захватит по дороге к священному дереву, перестанут существовать, а где-то там, впереди, миров через семьдесят, появится новое священное дерево. И опять из него, когда придет время, выйдут стерхи. Они размножатся, и кто-то понесет к черной стене священное зерно. Интересно, что это такое: черная стена и священное дерево? Может, так и должно быть и вслед за порядком всегда приходит хаос, чтобы потом смениться порядком? А может, эта черная стена — какая-то странная болезнь пространства, которая не успокоится до тех пор, пока не пожрет всю мировую цепь? Тогда, получается, они обречены все равно. Ну хорошо, поймает он стерха сейчас, но ведь через некоторое время в путь отправится новый, и рано или поздно черная стена двинется вперед. Впрочем, гадать можно до бесконечности. А сейчас надо действовать. Только прежде чем действовать, нужно все тщательно обдумать.

Ангро-майнью задел локтем бокал, и тот, упав на пол, с легким звоном разбился. Солнце, отразившись в одной из зеркальных стен, заставило кучку осколков засверкать так, как будто они были грудой бриллиантов.

— Ничего, — пробормотал сквозь зубы Ангро-майнью и хрустнул пальцами. — Ничего, все уладится, все очень скоро уладится. Мы не должны его упустить.

Он сделал знак рукой, и услужливый подхалим второго класса сейчас же возник возле него с подносом, на котором стоял другой бокал.

Но Ангро-майнью уже забыл о нем, поскольку в этот момент еще раз просматривал воспоминания дэва. Что-то в них ускользнуло от его внимания, он был в этом уверен. Что? Ну конечно же, те двое, которые сидели за столиком с дэвом. Крысиный король и человек. Человек?

Ангро-майнью заинтересованно хмыкнул.

Что касается крысиного короля, то с ним все просто. Он мог быть в этом мире, поскольку крысы живут везде. Но вот человек? Что-то в нем было не то. И тут Ангро-майнью понял, что его так

настораживало в этом человеке. Да ведь это был зомби! Ну конечно же! Стоп, но каким образом зомби из второго мира оказался в третьем?

— Черт-те что, — пробормотал Ангро-майнью. — Стерх почти подобрался к черной стене, зомби разгуливают по мирам как по собственному дому... черт-те что...

Будь все проклято! И он управлял этими двадцатью пятью мирами уже тысячу лет, наводил здесь порядок, заботился о том, чтобы везде было спокойно! Нет, как только он покончит со стерхом, то наведет настоящий порядок и начнет, пожалуй, с дэвов, это уж как пить дать.

Интересно, появление этих двоих — совпадение или закономерность? Может быть, они — сообщники стерха? Может, именно благодаря им он сумел пробраться так далеко? Конечно, чтобы стерх имел сообщников — не случалось еще ни разу, но чем не шутит черт, когда бог спит?

Вызвав к себе главнокомандующего дэвами, Ангро-майнью приказал ему немедленно найти крысиного короля и зомби, которые были в кафе во время схватки стерха с дэвами. Тот сказал, что приказ будет исполнить легко, поскольку, как только подняли тревогу, ворота во второй и четвертый мир закрыли. Эти двое никак не могли ускользнуть, а значит, находятся в третьем мире.

Отпустив главнокомандующего дэвами, Ангро-майнью снова задел локтем бокал, который точно так же, как и первый, разбился вдребезги.

Ангро-майнью снова этого не заметил. Он сидел неподвижно, откинувшись на спинку кресла, и чувствовал, как покой и тишина этого дня входят в него. На секунду ему опять, как часто было в последнее время, захотелось наплевать на все и уйти, спрятаться в каком-нибудь мире.

Если бы не стерх!

Ангро-майнью тряхнул головой.

«Что-то нервы у меня стали ни к черту», — подумал он и решил, что теперь необходимо развлечься, поскольку все меры он уже принял. Вскоре стерха уничтожат, а этих двоих, крысиного короля и зомби, доставят к нему на суд. На это, конечно, потребуется время. А пока неплохо бы скинуть нервное напряжение.

Он приказал приготовить своего верхового дракона и уже через пять минут, услышав возле балкона шум огромных крыльев, стал переодеваться с помощью двух подхалимов в костюм для верховой езды.

Минут через десять, выйдя на балкон, он увидел парящего возле него дракона, осторожно махавшего крыльями, чтобы не причинить вреда лепным украшениям дворца. Уже успокаиваясь, Ангро-майнью прихватил с собой мешок с мясом, для того чтобы подкармливать дракона в полете, и ступил на его спину. В том месте, где начиналась шея, он шлепнул дракона по чешуе и приказал:

— Вперед!

Издав радостный писк, дракон взмыл в ярко-зеленое, темнеющее к горизонту небо...

Вернулся Ангро-майнью часа через три, заметно посвежевший и успокоенный. Полет на драконе произвел свое обычное действие.

«В конце концов, о чем беспокоиться? Ну поймаю я этого стерха. Никуда он из третьего мира не денется. Правда, чтобы его поймать, потребуется, конечно, много времени, поскольку третий мир немаленький, но все же рано или поздно дэвы его выловят», — думал Ангро-майнью, спрыгнув с дракона на балкон и взяв с подноса, который держал подхалим, бокал со своим любимым напитком из смородины.

Через пять минут главнокомандующий дэвами доложил ему, что стерху удалось прорваться из третьего мира во второй.

Кто-то сзади положил ему на плечо ладонь, на которой вместо пальцев были обрубки, и просипел в самое ухо:

— Все очень просто. Командир выезжает на белом коне и кричит: «Шашки наголо!» Тогда мы пришпориваем. Эскадрон скачет на пулеметы. Тут уж кто выжил — тому слава и водка, кто нет — тот добро пожаловать именно сюда. А пулеметы так и хлещут. Дай бог, если половина эскадрона выживет, а ведь запросто могут и всех покосить. И вот ты, награжденный тремя Георгиями, оказываешься здесь, в этом месте, больше всего смахивающем на ад, и не знаешь, что тебе делать, потому что воевать не с кем. Да и к чему? Кому ты нужен, умеющий только шашкой махать? И тебе надо срочно устраиваться. Ты цепляешь свои Георгии на пропитанный кровью китель и идешь просить милостыню. Самое главное — это осознание, что происходящее — на веки веков и никогда не кончится. Там ты мог умереть. А здесь? Как можно умереть в этом мире, если ты и так уже мертв?

Дернув плечом, Хару скинул с него руку зомби и быстро пошел прочь. Ему уже давно было положено забраться в какую-нибудь щель и отдохнуть, но он знал, что дэвы сейчас шерстят этот город, из которого ему уходить было попросту нельзя. Хотя бы потому, что тут находились ворота в первый мир, через которые он должен

будет завтра проскочить. Только удастся ли ему это? Вот вопрос. Наверное, нет. Значит, нужно что-то придумать.

Вообще время работало против него. Чем дольше он останется в этом мире, тем больше шансов, что его схватят. Схватят? Пусть! Пусть попробуют! Его преимущество заключалось в том, что он безошибочно знал, когда его преследователи оказывались поблизости, и мог избежать с ними встречи. Да, именно так. Спасение его было в постоянном маневрировании. Стоит ему где-то остановиться, как шансы, что его рано или поздно обнаружат, резко повысятся. Хотя если бы ему удалось укрыться в одном из домов местных жителей...

Что-то расплывчатое и слегка светящееся, похожее очертаниями на человека, выплыло из стены соседнего полуразрушенного дома и, вполголоса напевая «Бывали дни веселые...», сделало над его головой круг. Потом оно пристроилось к Хару сзади и медленно полетело вслед за ним. Хару уже видел этой ночью подобные создания, поэтому не обратил на него никакого внимания.

— Это балабошка, — объяснил, одернув свою короткую кавалерийскую шинель, беспалый зомби, который, оказывается, тоже следовал за ним.

Ничего ему не ответив, Хару лишь кивнул.

Не желал он знать, как эта тварь называется. Сейчас он настраивался на зерно священного дерева. Оно было здесь, в этом мире. Правда, судя по всему, за пределами города. Собственно говоря, это не так и плохо. Насколько он понимал, у тех, кто им завладел, имелся транспортный амулет, и они могли в любой момент исчезнуть из этого мира. Вряд ли они так сделают. Сейчас, когда второй мир прочесывают отряды дэвов, пользоваться в нем транспортным амулетом было рискованно. Его вполне могли засечь. Да и вообще, как он узнал, эти двое были на каком-то транспортном средстве, называвшемся «Летучий голландец». Там они должны были чувствовать себя в безопасности, по крайней мере до утра, поскольку, как ему объяснили, этот «Летучий голландец» возвращался в город только утром. Оставалось лишь сделать засаду.

Забавно, может, эти двое и не подозревают, что у них в руках? Ну уж нет, этого просто не могло быть. Зачем же они так быстро исчезли из третьего мира? Да, но с другой стороны, самым логичным для них, если бы они знали, что завладели священным зерном, было отдать его здешнему правителю миров, этому Ангро-майнью. Впрочем, сейчас бесполезно гадать. Все выяснится утром. Надо только умудриться не встретиться с дэвами.

Оглянувшись, он увидел, что за ним летят уже три балабошки, и это Хару не понравилось. Им явно было что-то от него нужно. Что?

На минуту выдвинув усики и определив, что навстречу ему движется отряд дэвов, Хару прикинул расстановку других отрядов его преследователей и свернул влево, в узкий переулок. Зомби и тут не отстал, а балабошек стало уже штук шесть.

Хару насторожился.

Он что, теперь всегда будет ходить с таким эскортом?

Остановившись, он повернулся к тем, кто следовал за ним, и спросил:

— Вам чего?

— Это балабошки — вампиры. Кушать им хочется, — меланхолично сообщил зомби.

Теперь, при свете пылавшей на небе кометы, Хару обратил внимание на лезвие большого ножа, которое торчало из груди зомби. Очевидно, нож был такой длины, что пробил кавалериста насквозь.

— Счас они за тебя возьмутся, — между тем невозмутимо объяснял зомби. — Так что можно сказать, тебе повезло.

Он замолчал и стал рассеянно водить одним из целых пальцев вокруг торчащего из груди лезвия.

А балабошек становилось все больше. Словно светящиеся медузы, выплывали они из стен заброшенных домов. Прислушавшись, Хару уловил, как отряд дэвов, из-за которого он и свернул в этот переулок, протопал мимо. Другой был еще далеко. Можно, собственно, и действовать.

Понимая, что время работает против него, Хару метнулся к ближайшему балабошке и, выдвинув из лапы лезвие, рубанул им по слабо светящемуся телу. Оно прошло сквозь балабошку, не причинив тому ни малейшего вреда.

В этот момент другой балабошка, мгновенно сжавшись в шарик размером с кулак, резко ударил его в плечо. Отпрыгнув к стене ближайшего дома и ощутив боль, Хару приложил лапу к тому месту, куда его ударил балабошка, и почувствовал что-то теплое. Мельком взглянув на лапу, он увидел, что она измазана зеленым. Это была его кровь.

Словно пелена упала с его глаз, и стерх вдруг понял, что попал в очень скверное положение. Оглянувшись, он установил, что помощи ждать неоткуда. Ближайшие дома выглядели нежилыми, и только в одном окне горел свет. Очевидно, там кто-то все еще не спал. Поперек окна, в котором горел свет, белой краской был нарисован крест и написаны странные иероглифы, может быть, маги-

ческие. Кричать не имело смысла. От дэвов он уже не вырвется, а с балабошками можно еще и потягаться.

Значит, пора им показать одну из своих штучек.

— Счас их станет еще больше, и тогда они накинутся. Если хочешь умереть без мучений, просто ложись на мостовую и постарайся не сопротивляться. Они вообще-то не злые. Уверен, что сначала перекусят тебе сонную артерию, чтобы не мучился, — сказал зомби и снова осторожно потрогал торчащее из груди острие ножа.

— А ты что, предупредить не мог? — упрекнул его Хару.

— Зачем? — удивился зомби.

К этому времени балабошки, тихо завывая, уже взяли стерха в кольцо, которое постепенно сужалось.

Пожалуй, пора!

Мгновенно втянув лезвия и выпустив когти, Хару уцепился ими за стену соседнего дома и, быстро передвигая лапами, взбежал по ней на крышу. Балабошки метнулись вслед за ним, но несколько запоздало. Очевидно, они не ожидали, что их жертва окажется настолько прыткой.

Двое гревшихся в свете кометы возле печной трубы домовых, увидев бешено несущегося по крыше Хару, с визгом метнулись прочь. Тот мгновенно перепрыгнул на другую крышу, а там еще на другую... Он несся с такой скоростью, что даже в одном месте, не рассчитав прыжка, чуть не сорвался вниз, и только чудом зацепившись за самый край крыши, спасся. Стая балабошек не отставала. Двое даже изловчились его на ходу куснуть, но Хару не замедлил бега.

Перескочив на десятую крышу, он понял, что таким образом от погони не отделаться.

Значит, нужно попетлять!

Ринувшись вниз по стене, он через несколько секунд уже оказался на мостовой и там бросился прочь, петляя по переулкам. Летевшие за ним тесной кучкой балабошки рассеялись, и это уже было неплохо.

Ну и карусель он им устроил! Он прыгал с крыши на крышу, как безумный, выписывал по стенам невообразимые кренделя, петлял проходными дворами. И все это стараясь не попасться на глаза искавшим его дэвам. Вот где был высший пилотаж!

Через полчаса балабошки отстали, и, убедившись в этом, Хару остановился. Некоторое время он отдыхал, восстанавливая дыхание и поминутно оглядываясь.

Он хорошо понимал, что оторвался от балабошек только на время, и хотел использовать полученную передышку с максималь-

ной пользой. Нет, если он не найдет укрытие, то до утра не доживет. Балабошки просто загонят его, как загоняет зимой лося стая волков. Да, но если он где-нибудь остановится, то возрастет опасность, что на его убежище рано или поздно наткнутся дэвы. Вот только балабошки, похоже, не менее опасны.

Осмотревшись, Хару вдруг понял, что находится именно в том месте, где его первый раз атаковали эти летающие вампиры. Окно с крестом и иероглифами все еще было освещено.

«А почему бы и нет, — подумал Хару. — Почему бы и не рискнуть?»

В конце концов, выхода у него не было.

Еще раз оглядевшись, Хару оторвался от стены и, серой тенью метнувшись к окну, постучал в него когтем. Почти тотчас же свет лампы в окне замигал, потом к стеклу придвинулось чье-то лицо. Внимательно осмотрев Хару, оно исчезло, и вскоре скрипнула дверь. Стерх уже стоял перед ней. Хорошо понимая, что ни в коем случае нельзя напугать хозяина дома, он заблаговременно втянул когти.

За дверью, сжимая в одной руке зажженную керосиновую лампу, а в другой — массивное распятие, стоял крепенький старичок с седенькой бородкой, в тяжелом парчовом халате, со странным приспособлением на носу, которое Хару знал, поскольку уже встречался с людьми. Оно называлось «пенсне».

— Откуда ты, прелестное создание? — удивленно спросил старичок.

— Да вот, — сказал Хару и нерешительно переступил с лапы на лапу.

— И чем обязан?

— Спрячь меня.

— Кто за вами гонится?

Сжавшись и стараясь казаться ниже ростом, Хару сказал:

— Такие расплывчатые...

— Слегка светящиеся?

— Да.

— Пожалуй, — покровительственно улыбнулся старичок. — Это веская причина. Проходите. Сюда они не сунутся.

Пропустив Хару в дом, он тщательно запер за ним дверь и повесил распятие на вбитый в стену гвоздик...

...За окном занимался рассвет. Хару сидел на мягком диване, прихлебывая уже остывший чай, и делал вид, что слушает старичка, который, покуривая папиросу с длинным мундштуком, говорил:

— Ну хорошо, все, что вы говорили, — верно, но все-таки, учитывая мое везение и то, что я много путешествовал по цепи...

Надо сказать, я добирался даже до сотого мира... Кстати, я был в вашем, хорошо его знаю, но все-таки этот второй мир — самый странный из всех, в которых я побывал. Именно поэтому я здесь и поселился...

— Чем же он странен? — спросил Хару и поставил пустую чашку на столик с тонкими изогнутыми ножками.

— Ну, представьте, что это единственный мир на изрядном куске цепи, в который вдруг проваливаются люди, до этого жившие в другом мире. Причем мне могут возразить, что это ничего не доказывает, но сколько я ни расспрашивал новоприбывших, все они как один утверждают, что их мир не является звеном в цепи других. Он сам по себе. Это означает, что, кроме миров цепи, есть и миры, так сказать, несоединенные. Впрочем, всегда есть вероятность, что мир, из которого появляются зомби, когда-то оторвался от вселенской цепи. Но как это произошло? Впрочем, я отвлекся. Главная мысль того, что я хотел сказать, звучит так: если есть один несоединенный мир, то почему не быть множеству?

— Ну и что?

— Как что? Но ведь тогда получается, что могут существовать и не только такие, как наш плоский мир. А круглые, как мир, из которого приходят зомби, треугольные, квадратные. Может быть, форма влияет на принадлежность мира к цепи? Таким образом, теория о бесконечной вселенской цепи терпит крах!

Но пойдем дальше. Я заметил, что все, кто появляется в нашем мире из этого самого круглого единичного мира, имеют какие-либо повреждения тела, из-за которых умерли. Поначалу я предположил, что там умирают так все, но в результате опросов выяснил, что есть и другие, которые умирают естественным, так сказать, путем. Например, от старости. Куда же попадают они?

— Понятно, — сказал Хару.

Он практически и не слушал старичка, потому что в этот момент проверял, находится ли все еще в этом мире зерно священного дерева. Нет, с этим все было в порядке. Оно теперь приближалось к городу. Очевидно, корабль, на котором находились те, в чьих руках оно было, возвращался. Через пару часов отсюда можно будет уйти и устроить на пристани засаду. Пусть только эти типы попробуют не отдать зерно!

А старичок вещал:

— ...становится совершенно ясно, что умирающие насильственной смертью попадают, может быть, в один из других миров, в тот, где для этого сложились условия. Кстати, для того чтобы такой мир возник, нужно, чтобы совпало множество фак-

торов, а это еще раз подтверждает мою теорию о невообразимом множестве разумных миров...

Хару налил себе новую чашку чаю и стал не спеша его попивать, мысленно вернувшись в свой родной мир. Он вновь почувствовал соленый запах моря, вновь, пройдя по песку, увидел, как волны выбрасывают на берег алмазных медуз, которые, полежав с полчаса на воздухе, превращались в настоящие алмазы. Из них потом можно было строить прекрасные изгороди для скота. Он снова увидел вечера, когда фиолетовое солнце, казалось, тонет в воде. Тогда старый фонарщик зажигает на берегу магические фонари, которые должны отпугнуть всплывавшие из глубин кошмары. Они похожи на туманные шары. Они отправляются на поиски объектов, к которым можно будет присосаться на ночь, чтобы к утру снова погрузиться в море. Там они отлежатся на самом дне в тишине и безмолвии, переваривая людские мысли и предвкушая следующую ночь. Хару вспомнил ежегодный праздник, когда на зов стручков великого священного дерева со всех островов съезжаются стерхи. Раскрывшись, стручки трубят что есть мочи, возвещая, что следующая ночь принадлежит празднику и все желающие могут приплыть на остров дерева, чтобы увидеть его уже почти созревшее зерно. Также они могут увидеть Хару, великого гонца, который должен доставить зерно к черной стене, чтобы она рухнула и пришел последний день, когда мир, в котором они живут, будет уничтожен, потому что слишком уж много накопилось в нем грехов, чтобы он был праведным. В этот день все сметающая волна хаоса пронесется также и по другим мирам, разделявшим священное зерно и черную стену, а черная стена возникнет снова, но только они уже будут за ней, в царстве добра и справедливости. И восстанут из праха только праведники, в первых рядах которых пойдут гонцы, а также он, Хару. Ради этого дня его выбрали среди многих и многих и всю его не слишком долгую жизнь готовили к тому, чтобы дойти до черной стены. Нет, он должен снова завладеть своим зерном и донести его куда нужно, хотя бы потому, что следующее созреет через сто лет. И еще сто лет над миром будет царствовать грех, а все потому, что он, немного не дойдя до своей цели, испугался. И, как оказалось, напрасно.

Нет, он дойдет во что бы то ни стало. Подумать только, ведь ему остался лишь один мир. Надо просто вернуть себе зерно, вернуть его, чего бы это ни стоило.

Да, он должен это сделать.

— Таким образом, напрашивается вопрос: а куда исчезают те, кто умирает во втором мире? Может быть, где-то там, в бесконеч-

ной вселенной, существует такая цепь миров, где есть и для них место? Вообще меня всегда мучил другой — более глупый вопрос: а кому это нужно? Ну ведь должен же быть кто-то, кому это нужно?

Хару вздрогнул. Недопитый чай выплеснулся из его чашки на ковер, но старичок этого даже не заметил. Он размышлял вслух.

А стерх в этот момент просто оцепенел от ужаса. Произошло это потому, что он почувствовал, как зерно священного дерева исчезло из этого мира и появилось в первом. Это значило, что те, у кого оно было, воспользовались транспортным амулетом.

Черт побери, он не успел!

Впрочем, то, что зерно оказалось в первом мире, было не так уж и плохо. Только бы те два идиота, у которых оно находится, не стали прыгать по мирам как оглашенные. Хотя бы амулет их сломался, что ли?

Стоп, а ведь теперь ему тоже придется обзавестись подобной штукой. Плохо было то, что за транспортным амулетом дэвы могли и проследить. Кстати, они наверняка тех, у кого зерно, засекли и вот-вот схватят. Это означает, что он должен опередить дэвов. И чего бояться? Ведь ему надо использовать его только один раз... Да, но где он возьмет амулет? Только у дэва. Он посмотрел в сторону окна. Уже светало. Ночью эту операцию провернуть было бы проще. Но деваться некуда, он должен действовать, и немедленно, иначе проиграет. Черт, это ставило его планы с ног на голову.

Выдвинув усики, Хару прозондировал окружающее пространство и обнаружил, что одна из групп дэвов развернулась и если будет и дальше идти в том же направлении, то окажется у дверей старичка через полчаса. Причем эта группа даже обыскивала все дома, мимо которых проходила, и опрашивала их хозяев. Значит, через полчаса они начнут задавать вопросы этому словоохотливому старичку. К этому времени Хару должен отсюда уйти. Вот интересно, расскажет ли дэвам старичок про своего недавнего визитера? Конечно, расскажет. По крайней мере Хару не может ничего сделать, чтобы заткнуть ему рот. Хотя может...

Хару уронил чашку, и она разбилась.

— Ох, извините, — виновато сказал он, показывая на черепки.

— ...и тогда становится совершенно ясно, что те, кто умирает в нашем мире, — сказал старичок и вдруг замолчал, глядя на осколки чашки. — О, это ничего! Я потом уберу, когда кончу вам объяснять. Вы не находите, что мои рассуждения поразительны?

— Это не то слово. Они гениальны, — сказал Хару и, встав с кресла, убрал усики. — Но только я хотел бы еще чаю.

— Это сейчас, — засуетился старичок. — Сейчас будет вам новый чай, обязательно будет.

Он выскочил на кухню, а Хару, шагнув к окну и посмотрев в него, убедился, что на улице не видно еще никого: ни зомби, ни этих, черт бы их взял, балабошек. Хотя дэвы должны были вот-вот появиться, а стало быть, у него мало времени.

Старичок вернулся очень быстро, поставил пустую чашку на стол и снова, усевшись в кресло, стал что-то объяснять. Однако теперь он сидел спиной к стерху и беспокойно зашевелился, стараясь повернуться лицом к собеседнику.

— Ничего, ничего, — сказал Хару. — Сидите, я сейчас сяду на диван, только посмотрю еще немного в окно.

— ...и таким образом, закрадывается дерзкая мысль: а не имеем ли мы дело с неким круговоротом мыслящих существ во Вселенной, — многозначительно подняв палец, сказал старичок.

В этот момент Хару, повернувшись, увидел его видневшийся над спинкой кресла затылок и понял, что пришла пора действовать. Времени уже почти не было.

Эх, двигайся отряд дэвов в другую сторону и будь у него уверенность, что, на худой конец, в ближайший час старику не зададут про него вопросов...

Да, иначе он поступить не может. Ему нужен этот час, чтобы спокойно, без спешки, обзавестись транспортным амулетом. А если дэвы убедятся, что он где-то поблизости, в чем они, кстати, пока совершенно не уверены, раздобыть амулет будет значительно труднее.

Подумав это, Хару шагнул от окна к креслу старичка и выдвинул из лапы лезвие...

Один за другим, с интервалом в несколько секунд, бродячие маги возникали возле его дворца.

На этот раз аж шестеро! Прикинув их объединенную магическую силу, Ангро-майнью тяжко вздохнул.

Она, конечно, была меньше его собственной, но ненамного. Произнося заклинания и ставя вокруг дворца защитный барьер, он даже на секунду засомневался, прикидывая, не лучше ли махнуть в один из отдаленных миров и отсидеться там хотя бы пару дней. Конечно, эти шесть идиотов решат, что прогнали его навеки, и сейчас же станут делить добычу. Вернувшись через пару дней, Ангро-майнью обнаружит шесть воюющих друг с другом не на жизнь, а на смерть болванов и шутя справится с каждым из них поодиночке.

Собственно говоря, в другое время он бы так и поступил, но только не сейчас. Стерх уже во втором мире. И хотя ворота в первый закрыли и их охранял мощный отряд дэвов, Ангро-майнью понимал, что со стерхом нужно покончить как можно скорее. А значит, нападение бродячих магов нужно отбить очень быстро. Дэвы, конечно, со своими повседневными обязанностями справляются неплохо, но стерх для них, право слово, слишком уж прыткое создание.

Нет, очевидно, стерха сможет выловить только он. И для этого потребуется магия. Но сейчас он может потратить ее всю — и тогда... Выбора у него действительно нет...

Надежно прикрыв дворец защитным куполом, Ангро-майнью примерился и швырнул в непрошеных визитеров для начала несколько молний. Они увернулись, правда, довольно неуклюже.

Вздохнув, Ангро-майнью подумал, что все эти бродячие маги — дураки. Если кто-то правит двадцатью пятью мирами тысячу лет, то свалить его не так уж и просто. Впрочем, не проходило и года, чтобы возле его дворца не появлялось двое-трое претендентов с намерением потягаться силой.

«Давайте, давайте, голубчики, — холодно думал Ангро-майнью. — Жаль, у меня нет времени, а то можно было бы неплохо повеселиться».

Между тем бродячие маги, действуя, очевидно, по ранее разработанному плану, разделились. Трое стали, кстати довольно энергично, подбирать заклинания для того, чтобы нейтрализовать защитный купол, а трое других занялись созданием из песка какого-то существа, похожего на чудовищных размеров краба.

Прикинув, что они не иначе как захотели пробраться в его дворец через подземный ход, который выкопает эта тварь, Ангро-майнью ехидно усмехнулся: «Ну-ну, давайте, субчики! Можно подумать, что вы первые».

С трудом поборов искушение наслать на них парочку драконов, поскольку эти увальни могли повредить у одного из них, например, крыло, он приказал отправить в подвал ящеропса, которого специально для борьбы с непрошеными гостями вывез из двадцать второго мира. А шестеро авантюристов не унимались. Трое все так же тупо пытались разрушить защитный экран, который, надо сказать, ему время от времени даже приходилось укреплять свежими заклинаниями. Между тем краб зашевелился и моментально зарылся в землю. Куда он метил, догадаться было нетрудно.

Через некоторое время после того как командовавшие крабом маги последовали за своим созданием, Ангро-майнью хотел было

устроить им небольшой подземный обвал, но вдруг передумал, вспомнив, что ящеропес уже давно не был в деле и ему нужно подразмяться. Решив так, Ангро-майнью переключился на тех троих, которые все более и более вдохновенно творили заклинание за заклинанием, пытаясь разрушить защитный экран вокруг дворца.

Быстро сняв со стены висевший на нем ручной пулемет, Ангро-майнью вышел на балкон.

Увидев его, три мага обрадовались, очевидно, вообразив, что он сейчас будет сдаваться, поскольку они, дескать, такие крутые волшебники. Они даже не обратили внимания на пулемет, вероятно, не зная, что это такое. Прекратив бормотать заклинания, на что, собственно, Ангро-майнью и рассчитывал, они стали ждать, что будет дальше.

Кретины!

Прицелившись, он срезал всех троих одной очередью и приказал подхалиму второго класса выпустить драконов, чтобы те пожились свежим мясом. Полюбовавшись на взлетавших по направлению к дворцу рептилий, Ангро-майнью вернулся в комнату. Там он повесил пулемет на прежнее место, выпил, не торопясь, стаканчик морса и, придвинув кресло поближе к балкону, уселся в него. Рассеянно прикинув, какой будет в этом году урожай апельсинов, Ангро-майнью стал смотреть на подлетавших ко дворцу драконов.

Потом мысли его перескочили на стерха, и Ангро-майнью настолько задумался, что, увидев выбегавших из подкопа, будто за ними гнался сам дьявол, бродячих магов, не сразу вспомнил, кто они такие. Вслед за магами на поверхность вывалился гигантский краб, у которого не хватало одной клешни и половины ножек, истекающий льющейся из множества ран беловатой жидкостью.

С ящеропсом шутить не рекомендуется!

Понаблюдав еще пять минут, как ящеропес гоняется за магами, и удостоверившись, что он не собирается вернуться во дворец, пока с ними не расправится, Ангро-майнью отправился во второй мир, предварительно приказав верховному лизоблюду, чтобы, когда с магами будет покончено, ящеропса немедленно загнали в клетку, потому что он может сцепиться с драконами, что было бы нежелательно.

Подлетая ко второму миру, слегка прикрыв глаза, поскольку в них рябило от мелькания проносившихся под ним суши, морей, джунглей, гор и перемычек между мирами, Ангро-майнью вдруг уловил едва заметный сигнал транспортного амулета. Сориентировавшись, он определил, что амулет один и других возле него нет.

Что может делать в этом мире одинокий дэв? Ведь он строго-настрого наказал им передвигаться только группами.

Заинтересовавшись, Англо-майнью определил направление и моментально спикировал. Песок второго мира рванулся ему навстречу. Потом Англо-майнью увидел корабль с кривой надписью на борту «Летучий голландец». Сигнал транспортного амулета шел как раз с него.

Приземлившись на носу «Летучего голландца», Англо-майнью подумал о том, что когда-то он на этой посудине уже был и с тех пор ничего на ней не изменилось. Сигнал транспортного амулета доносился с кормы. Он осторожно пошел туда.

Веселившиеся вокруг и попыхивавшие палочками дерева флю зомби и альфы его пока не узнали, и это было ему на руку. Пробираясь к корме, Англо-майнью столкнулся с пьяной дриадой. Небрежно ее отстранив, он пошел дальше. Дриада обиделась и хотела было наслать на него проклятие, но оно, понятное дело, не подействовало. Даже не обратив на нее внимания, Англо-майнью крался к корме. Вот он увидел стоявшую на ней телефонную будку и подивился тому, что она все еще цела. А ведь столько времени прошло!

Возле будки сидели двое. Один — зомби, а вот второй был, несомненно, крысиный король.

Ага, те двое, что были в кафе во время схватки дэвов со стерхом! Чудненько!

На секунду остановившись, Англо-майнью стал прикидывать, что ему делать дальше. Магию использовать он не хотел, поскольку ее у него осталось мало и не было времени на восстановление, а для того, чтобы поймать стерха, она еще понадобится.

Заметив, как что-то блеснуло в руке зомби, он подумал, что этих двоих придется брать практически голыми руками. Это займет много времени, да к тому же чревато... поскольку крысиного короля схватить будет трудно. Уж больно увертлив, подлец.

Но все же именно на его шее поблескивал транспортный амулет, и с этим нельзя было примириться. Нет, если каждый будет шастать по его мирам куда захочет, какой же это порядок?

Досадуя на себя за то, что тратит время на что-то другое, кроме поисков стерха, Англо-майнью сделал шаг вперед, на ходу выдергивая из ножен меч. Впрочем, в ту же секунду крысиный король повернулся и посмотрел на него.

Черт, как не повезло!

Немедленно, положив лапу на транспортный амулет, крысиный король схватил своего товарища за руку и был таков.

Разочарованно выругавшись, Ангро-майнью сунул меч в ножны.

Ничего, он до них доберется потом, когда покончит со стерхом. Ох уж этот стерх! Сколько из-за него он сделал сегодня не так, как нужно? Хотя хватит об этом, надо прикинуть, с чего начать поиски.

Он прошелся по палубе, едва не провалившись в пролом, из которого было взметнулось щупальце, но тут же испуганно спряталось. К этому времени его уже кое-кто узнал. Музыка стихла. Музыканты растерянно поглядывали на него, ожидая, что будет дальше.

Рассеянно махнув им рукой, чтобы продолжали, Ангро-майнью подумал, что ему сейчас надо бы быть в городе, принять рапорт от дэвов и организовать поиски стерха, но даже не двинулся с места. Что-то удерживало его на корабле. Может быть, те двое, которые только что исчезли, использовав транспортный амулет? Но они-то тут при чем? Рассеянно вернувшись на корму, Ангро-майнью подошел к телефонной будке и, небрежно сняв трубку, приложил ее к уху.

Сквозь шорох пробился старческий голос:

— ...и таким образом, становится совершенно ясно, что при некотором опыте и в случае правильно истолкованного научного чутья можно рассчитывать на благоприятный результат, каковым и должно быть осознанное путешествие между мирами...

Старческий голос вдруг оборвался хрипом и смолк. Ангро-майнью почувствовал, как что-то теплое капнуло ему в ухо. Быстро опустив руку, он взглянул на трубку и вздрогнул. Из нее тонкой струйкой сочилась кровь.

— Черт-те что, — пробормотал Ангро-майнью и вытер кровь с руки о полу своего роскошного, шитого золотом кафтана. Осторожно повесив трубку на место, он прошел на нос, где уже играла флейта. Но вот к ней присоединилась гитара, черепаха ударила в панцири. Закружились танцующие пары. А Ангро-майнью стоял у борта, смотрел на барханы и пытался понять, что же с ним случилось.

Собственно говоря, им овладело странное ощущение, непонятно откуда появившееся, но все же четкое и непреодолимое, что он не может уйти с этого корабля, пока не вспомнит что-то очень важное.

Молоденькая ведьмочка остановилась перед ним и нахально пригласила на танец. Даже не взглянув на нее, Ангро-майнью отрицательно покачал головой, а сам все пытался вспомнить, что же он такое важное упустил.

Нет, ничего у него не выходило.

И тогда Англо-майнью, неожиданно для самого себя, шагнул к ведьмочке. Его сильные руки обхватили ее стан. Оркестр ударил с новой силой. Он играл, играл как никогда, этот странный оркестр второго мира, а Англо-майнью, могущественный правитель, которому в этот момент надо было спасать свои миры, впервые за многие столетия танцевал, сжав в объятиях бесстыжую, одуряюще красивую ведьмочку, и забыл обо всем. Да и как не забыть: ведь девчонка была хороша, а музыка наигрывала так весело! Потом кончился танец, вслед за ним последовал второй, а там и третий.

Небо уже посветлело. Вставало солнце, и в его свете огромная комета на небе потускнела, но по-прежнему была еще заметна. Вдали показались шпили и башни города, а Англо-майнью все кружился, не в силах остановиться. И вдруг замер, с силой прижав к себе плутовку-ведьмочку, совершенно о ней забыв, как, впрочем, и об окружающем мире. Он вдруг почувствовал, как второй раз за эти сутки холодок страха пробежал по его спине, поскольку понял, что блеснуло в руке зомби, прежде чем он исчез, увлекаемый своим другом крысиным королем.

Зерно священного дерева!

Черт побери, куда же они теперь направились? Неужели в первый мир?

Чувствуя, как его все сильнее охватывает ужас, Англо-майнью понял, что мог уже и опоздать. Отшвырнув ведьмочку, он взлетел с палубы «Летучего голландца», который как раз в это время стал швартоваться к источенной жучками-древоточцами покосившейся пристани, и метнулся в первый мир.

Ровно через полчаса после этого отряд дэвов наткнулся на одного из своих товарищей, который лежал в узком переулке с перерезанным горлом. Транспортного амулета при нем не было.

— Ну все, теперь мы влипли, — уныло сказал крысиный король и провел лапкой по своим длинным белым усам. Потом уселся так, как обычно садятся собаки. Его длинный голый хвост задел ногу Эрика.

Они находились на вершине небольшого поросшего лесом холма. Слева виднелось бесконечное море таких же, как и тот, на котором они сидели, холмов, справа, совсем неподалеку, оно обрывалось. Тут был край первого мира.

— А я шляпу на корабле забыл, — рассеянно сказал Эрик.

Мысленно он все еще был на «Летучем голландце».

— И вообще почему мы прыгнули сюда? Надо было еще потанцевать, в конце концов, это было бы славно.

— Славно? — удивленно посмотрел на него крысиный король. — Ты что, ничего не видел?

— Нет, а что?

— И Ангро-майнью?

— Это того, в роскошной одежде и с мечом в руке? Так это был Ангро-майнью? Тот самый?

— Господи, ну конечно. И он нас заметил. Хорошо, что я вовремя прыгнул сюда, а то с нами было бы уже покончено.

— Ну подумай, что он с нами может сделать? Тебя трогать он не станет. Кому охота ссориться с крысами? А что до меня, так ведь мертвого еще мертвее не сделаешь. Нет, ничего он бы с нами не сделал.

— Да все, что угодно, — сообщил крысиный король и хлопнул Эрика лапой по карману, в котором лежал полученный им от «кузнечика» шарик. — Я теперь вспомнил, что это такое. Зерно священного дерева. Собственно, сам я его до сих пор не видел, но как оно выглядит, мне рассказывали. Уж будь уверен, это именно оно. Да тут еще и Ангро-майнью. Он шел именно к нам, я знаю.

— А что такое это зерно священного дерева? — спросил Эрик.

— Ну да, откуда тебе знать? Понимаешь, это такая штука, которую можно прижать к черной стене, и та разрушится. Тогда в первый мир хлынет хаос, затопит его и двинется к другим мирам, по цепи. Вот такая штука. Ангро-майнью сейчас сделает все что угодно, чтобы ею завладеть. По идее, он должен был появиться почти сразу же вслед за нами, используя как ориентир мой транспортный амулет. И тогда он просто должен был стереть нас в порошок, хотя бы за то, что эта штука у нас некоторое время была. Почему же он за нами не прыгнул сразу? Кстати, это надо использовать...

Сняв с шеи транспортный амулет, крысиный король повесил его на ветку ближайшего дерева и, махнув лапой Эрику, бросился прочь. Тот последовал за ним.

На бегу крысиный король объяснял:

— Нам нужно как можно скорее добраться до черной стены. То, что мы прыгнули к ней так близко, не случайно. Наверное, это наш единственный шанс на спасение. Черт, вот ведь не повезло. Вляпались в такое, что, если подобру-поздорову унесем ноги, я поставлю богу свечку.

— А почему не подождать Ангро-майнью и не отдать ему это зерно, а также объяснить, как оно к нам попало?

— Ты думаешь, он нам поверит? А если и поверит, то все равно за то, что мы без разрешения были в третьем мире, он должен нас наказать. А тут еще и зерно. Нет, единственное спасение для нас в том, чтобы достигнуть черной стены раньше Ангро-майнью.

— А других способов нет?

— Ни одного. Правда, мы, конечно, могли попрыгать по мирам, но поверь мне, это было бы глупо. Нет, единственный шанс выпутаться из этого дела — добраться до черной стены раньше Ангро-майнью. Ну и в историю мы влипли, надо сказать!

— Ты что, хочешь разрушить черную стену?

— Нет, конечно, — отдуваясь на бегу, возмутился крысиный король. — Надо быть сумасшедшим, чтобы решиться на такое. Но немного поблефовать нам все же придется. Мы скажем, что если нас не отпустят с миром, то мы уничтожим черную стену. Тогда Ангро-майнью вынужден будет исполнить наши требования. Причем любые!

— А что, если мы просто выкинем это зерно?

— Даже если мы это и сделаем, нас все равно не оставят в покое, поскольку мы знаем слишком много. И кроме того, тот «кузнечик»-стерх тоже гоняется за этим зерном, как сумасшедший. Я уверен, он идет по нашим следам. Какое счастье, что мы сразу ушли на «Летучий голландец», а то бы стерх уже давно перерезал нам горло. Если мы выкинем зерно священного дерева, то он может добраться до него раньше Ангро-майнью и тогда разрушит черную стену не моргнув глазом. Собственно, для этого он его и нес.

— Он что, дурак?

— Нет, религия у него такая. Для него гибель всех миров — благо. Впрочем, не важно. Самое главное — добежать. Так что давай прибавь ходу.

— Это ты прибавь ходу, — усмехнулся Эрик, глядя на пыхтящего рядом с ним крысиного короля.

Тут они с треском и шумом продрались через малинник. Петляя между деревьями, они пронеслись мимо человека в одежде из шкур, который проводил их удивленным взглядом. На бегу Эрик успел заметить, что этот человек привязывал к странной удочке большой острый крючок, похоже, из серебра.

Через час крысиный король взмолился, и они устроили пятнадцатиминутный привал, чтобы он мог отдышаться. Во время привала Эрик стоял опершись на березку и рассеянно думал о том, что, собственно говоря, не стоит никуда бежать. Что хорошего в той странной псевдожизни, которой живет он? Может быть, ее и не

надо? Может, не надо вообще ничего? Ведь есть же какой-то смысл во фразе «спи с миром»? И ни к чему воскрешать тех, кто умер. А если то, что с ним и с другими происходит, не чей-то злой умысел, а простое стечение обстоятельств, то, может быть, лучше их уничтожить? И дел-то, что пробежать еще немного и кинуть шарик в черную стену. А потом не будет уже ничего. И этого мира не будет, и страшного холода, который опять подкрадывается к нему с затылка, принося с собой забытые звуки и видения забавных, вроде бы чужих лиц, незнакомого города и чего-то мелкого, падающего с неба. Кажется, оно называется «снег»? Хотя откуда он может быть в этом уверен?

— Пошли, — крысиный король вскочил, — осталось не так уж и много.

— Пошли, — равнодушно пожал плечами Эрик.

И в этот момент метрах в десяти от них появился стерх. На шее у него поблескивал транспортный амулет.

— Беги! — крикнул Эрику крысиный король и встал между ним и стерхом, угрожающе оскалив свои длинные кривые зубы.

Мгновенно оценив обстановку, стерх выпустил из лап лезвия и стал, крадучись, приближаться.

— Беги! — еще раз крикнул крысиный король. — Тебе надо добраться до черной стены. Там ты придумаешь, что надо сделать. И помни, если к черной стене первым придет Ангро-майнью — блефуй из последних сил. Пусть обязательно даст слово... Теперь тебе нужно добраться до черной стены во что бы то ни стало. А я этого гада поучу уму-разуму! Не стой, беги!

Эрик рванул в том направлении, в котором они до этого бежали. Оглянувшись, он увидел, как крысиный король и стерх яростно кинулись друг на друга.

Эрик сидел на краю перемычки. Справа от него, на расстоянии полуметра, была черная стена, слева — край перемычки, за которым — бездна. Стоило ему протянуть правую руку — и он мог коснуться черной стены. Стоило ему наклониться влево — и он мог швырнуть зерно за край мира, откуда его уже не сможет достать никто. Зерно лежало у него на коленях. Черная стена слегка шевелилась, словно пытаясь подвинуться к нему ближе, но Эрик был начеку.

Он сидел и пытался угадать, кто же победит: крысиный король или стерх? Мимоходом он думал о том, что миры цепи, оказывается, плоские. Интересно, что у них находится с другой стороны?

Впрочем, теперь ему осталось только сидеть и ждать дальнейших событий. А еще его беспокоила судьба крысиного короля. Вдруг

стерх окажется сильнее? Хотя нет такой ситуации, из которой крысиный король не смог бы выпутаться.

Еще раз осмотрев свою позицию, он убедился, что она действительно идеальная. Никто к нему незамеченным не подберется, потому что пространство от того места, где он сидел, до находящихся от него шагах в пятидесяти ворот с выломанными створками было абсолютно голое. Да уж, тут можно вить веревки из кого угодно. Стерха он будет пугать тем, что швырнет зерно за край мира, а Ангро-майнью — что ударит его о черную стену. Красота!

Вот только как там закончилось у крысиного короля? И еще, неплохо бы для удовольствия выкурить палочку флю.

А почему нет? Он вдруг нащупал в кармане целую палочку и закурил ее. Сразу холод, который скапливался в затылке, стал отступать. Эрику сделалось совсем хорошо, насколько это было возможно в его положении зомби.

Эх, только ничего бы не случилось с крысиным королем!

«А вдруг вообще никто не придет? Вдруг стерх и Ангро-майнью поняли, что я собираюсь их шантажировать? Ведь тогда мне придется сидеть на этом месте вечно. Хотя это не страшно, я могу сидеть действительно сколько угодно, — вяло подумал Эрик и сделал затяжку. — В конце концов, наверное, поэтому крысиный король и хотел, чтобы до черной стены добежал именно я. Потому что я могу сидеть здесь хоть сто лет. Мне ни жажда, ни голод нипочем. Пожалуй, только отсутствие палочек флю... но без них, в конце концов, можно и прожить».

Зеленый дымок уплывал вверх, а Эрик все сидел и сидел, глядя на полусгнившие ворота, которыми оканчивалась перемычка, на видневшиеся за ними деревья, по веткам которых скакали белки.

Он посмотрел за край мира, и у него закружилась голова. Ничего толком там рассмотреть было нельзя, кроме обрывавшихся в неизвестность каменных стен да сгущавшегося чем дальше, тем больше мрака.

Интересно, что же все-таки находится с другой стороны этого мира? Может быть, там такой же мир, точь-в-точь, и сейчас такой же Эрик вглядывается в то, что кажется ему бездной?

Какой-то зверек бежал к нему. Выпрямившись, Эрик попытался его рассмотреть. Он походил на крысу. Да это и на самом деле была крыса! Тут Эрик по-настоящему испугался за крысиного короля. Может быть, это его посланник? Тогда с ним что-то случилось.

А крыса между тем опрометью кинулась к Эрику и, вскарабкавшись к нему на колено, оглянулась. Потом она свистнула. Тотчас

же из-за ворот потянулся ручеек крыс. Их было много, наверное, штук сто, не меньше.

Эрик с интересом смотрел, как они неподалеку сбились в кучу. Та, что сидела у него на колене, спрыгнула и присоединилась к своим товаркам. Потом в воздухе запахло озоном, на секунду Эрик увидел, как какая-то неведомая сила сдавливает всех крыс, сминает их в упругий шар, словно они были намагничены. Полыхнуло светом, и вот уже перед Эриком сидел вполне довольный собой крысиный король.

— А! — сказал Эрик. — Как тебе это удается?

— Пустяки, — ответил крысиный король. — Со стерхом схватиться было гораздо труднее. Вот, надо сказать, фрукт. Понятно теперь, почему он этих дэвов водил вокруг пальца, как детей. Ну и силен.

— Так ты его победил?

— Ага, победишь его. Еле ноги унес. Он теперь где-то в ближайших кустах затаился. Но сюда, подлец, выходить не хочет. Умный! Знает, что у нас тут идеальная позиция, чтобы сделать из него козью морду.

Осмотревшись, крысиный король удовлетворенно фыркнул и стал зализывать неглубокую рану на боку.

— А вдруг он все же решится? — спросил Эрик и, взяв зерно левой рукой, помахал им над краем бездны. Почувствовав, что зерно от нее отдалилось, черная стена чуть слышно зарычала.

— Вряд ли, — сказал крысиный король, с интересом прислушиваясь к этому рыку.

Тут из-за деревьев вышел Ангро-майнью и направился к ним. Он шел не спеша, с важным лицом, словно присутствовал на дворцовом приеме.

Увидев его, Эрик мгновенно переложил зерно из левой руки в правую. Теперь, чтобы прикоснуться им к стене, нужно было лишь чуть-чуть двинуть рукой. Черная стена довольно заурчала.

— Понятно, — сказал Ангро-майнью, останавливаясь в десяти шагах от них. — Я думаю, стоит мне сделать еще шаг — и...

— Безусловно, — подтвердил Эрик.

— А что тебе это даст? — спросил Ангро-майнью.

— Даст ист вас, — вдруг встрял крысиный король.

— Ты что? — потихоньку спросил его Эрик.

— Чем непонятнее, тем тебя больше уважают, — внушительно встопорщив усы, объяснил крысиный король.

— А все же, — невозмутимо сказал Ангро-майнью. — Ну уничтожишь ты стену, а дальше? Ведь вместе с ней и погибнешь.

— Гусарам наплевать, — гордо выпрямившись, сообщил крысиный король и даже важно сложил передние лапы на груди.

— Прекрати, — шепнул ему Эрик и громко сказал Ангро-майнью: — А нам нечего терять. Все равно это не жизнь.

— Конечно, не жизнь, — усмехнулся Ангро-майнью. — Какая это жизнь, если ты на самом деле не живешь.

— Но-но, — взъерепенился крысиный король. — Ты моего друга не трогай, а то будешь иметь дело лично со мной.

Бросив на него пренебрежительный взгляд, Ангро-майнью сказал, обращаясь к Эрику:

— Так что же ты в самом деле хочешь, мертвый человек?

— Мы, вдвоем с крысиным королем, — поправил его Эрик, который обиделся за своего друга. — О, у нас очень большие требования.

— А если я их не выполню?

— Тогда мы отдадим зерно черной стене.

— Отдайте. Я уверен, что вы блефуете.

— Мы! Блефуем! — вскричал тонким голосом крысиный король. — Ну так смотри же!

Он вырвал из руки Эрика зерно священного дерева и, замахнувшись, уже хотел ударить им о черную стену, но тут Ангро-майнью быстро-быстро сказал:

— Хватит, я вам верю.

Он был бледен. Теперь уже перед ними стоял не грозный властитель двадцати пяти миров, а усталый, стареющий, испуганный человек.

— Ладно, — произнес Ангро-майнью и вытер пот со лба. — Ваша взяла. Слушаю условия.

— Вот то-то же, — победно ухмыльнулся крысиный король и сунул зерно Эрику обратно в руки. — Нам нужно много... много...

— А именно?

— Много...

— Прежде всего нужны гарантии, что все обещанное тобой будет исполнено, — совершенно неожиданно для себя сказал Эрик.

Крысиный король посмотрел на него с уважением и, повернувшись к Ангро-майнью, энергично закивал:

— Да, нам нужны гарантии. И не смей даже попробовать прочитать хоть одно, пусть самое короткое заклинание.

— Да я бы уже давно пустил в ход магию, но, к несчастью, именно в этом месте она не действует. Возле черной стены магия бесполезна. Даже для того, чтобы прыгнуть в другой мир, мне нужно отойти от нее метров на пятьсот.

— Но все равно даже и не пытайся, — грозно сказал крысиный король.

— Хорошо, не буду, — покорно согласился Ангро-майнью и, наклонившись, сорвал травинку. Хмыкнув, он сунул ее в рот и стал жевать. — Так что вам надо?

— Мы должны подумать, — сообщил Эрик.

— Думайте, — разрешил Ангро-майнью.

Наступила тишина. Заметив, как возле ворот мелькнуло что-то серое, Эрик посмотрел в ту сторону. Он лихорадочно пытался сообразить, что же им потребовать.

Подумать только, они сумели взять за горло самого Ангро-майнью. Невероятно! Но это теперь не так и важно. Главное — что же с него потребовать?

Удивительно, но Эрик понял, что ему на самом деле ничего и не нужно. Разве что обещание, что их не будут наказывать за путешествия, зерно и шантаж?

Он открыл было рот, чтобы сказать об этом, но вдруг замер, сообразив, что ему нужно просить, и даже мысленно ахнул, насколько это было невероятно и невыполнимо, но все же...

— Попроси его, чтобы он приказал оставить нас в покое, а также пусть нам выдадут по транспортному амулету и разрешат путешествовать куда угодно, — подсказал крысиный король.

— И это все?

— Все, — сообщил крысиный король. — Мне больше ничего не надо. Как ты не понимаешь, что все остальное мы тогда получим запросто. Все, что пожелаем.

— Хорошо, — сказал ему Эрик и кашлянул, чтобы привлечь внимание Ангро-майнью, который в этот момент стоял к ним спиной и чутко прислушивался.

— Показалось, — пробормотал тот и повернулся к Эрику. — Я вас слушаю, дерзкий мертвый человек.

— Хорошо, вот наши условия. — Эрик постарался говорить как можно спокойнее. — Я хочу, чтобы крысиный король был доставлен в свой третий мир, чтобы ему вручили транспортный амулет и разрешили летать куда угодно, чтобы его никто не преследовал.

— Принято, — кивнул Ангро-майнью. — Для меня это просто. Но как же быть в отношении вас, мой юный друг?

— А я... — Эрик замялся, но потом, собравшись с духом, выпалил: — Кроме того, я хочу, чтобы то же самое сделали для меня, и еще... и еще я хочу снова стать живым.

Сказав это, он замер, пытаясь предугадать, как на его слова прореагирует Ангро-майнью. Крысиный король смотрел на Эрика, открыв рот.

Ангро-майнью усмехнулся:

— Нет, это невозможно. В этом мире живым человеком ты быть не можешь. В этом мире ты можешь быть только зомби.

— Понятно, — опустил голову Эрик. — Значит, я обречен быть вечно таким, какой есть?

— Да, — сказал Ангро-майнью и развел руками. — Увы!

— Не огорчайся, — хлопнул Эрика по плечу крысиный король. — Имея транспортные амулеты, мы сможем исколесить всю цепь вдоль и поперек. Все хорошо.

— Да, все хорошо, — машинально повторил за ним Эрик и вдруг встрепенулся. — Вы сказали — в этом мире?

Ангро-майнью кивнул.

— Значит, в моем мире вы можете сделать меня живым?

— Ну конечно, — сказал Ангро-майнью. — Твой родной мир... Я могу тебя вернуть в него и даже в тот год, в котором ты умер. Там ты станешь живым.

— Что?! — спросил Эрик.

Ему показалось, его сердце один раз стукнуло.

— Однако должен тебя предупредить, что мир, в который ты вернешься, жесток и там ты снова можешь погибнуть.

— Ты что, старик? — удивленно спросил крысиный король. — Хочешь променять всю цепь, все эти миры на тот, из которого явился? Разговаривал я с другими зомби, послушай, так ведь он — настоящая дыра.

— Да, но мне туда нужно.

— А, так ты имеешь в виду эту женщину, — надулся крысиный король. — Хочешь променять настоящего друга на какую-то самку?

— Извини, — тихо сказал Эрик. — Я должен уйти. Потому что она меня ждет.

— Вот таковы они всегда, эти люди! — горестно воскликнул его товарищ. — Стоит соблазнительной самке поманить их, как они...

Он осекся, посмотрев на лицо Эрика, и коснулся лапкой его руки.

— Ладно, я понимаю, что тебе нужно. Только если когда-нибудь надумаешь умирать, сделай так, чтобы погибнуть насильственным образом. Помни, во втором мире у тебя есть друг. Впрочем, чего это я... ты обязательно вернешься...

— Почему?

— Знаю я тебя. Такой, как ты, естественной смертью не умрет.

— Может, мы все-таки решим наши дела? — нетерпеливо сказал Анго-майнью. — Мне за драконами надо присматривать. У них скоро начнется период линьки. И нам еще надо пройти до места, где будет действовать магия. Это недалеко, пошли.

— Пошли, — сунув зерно в карман, вскочил с земли Эрик.

— Стоп! — крикнул крысиный король. — А ваше слово? Где гарантии, что обещания будут выполнены?

— Ах, слово, — хитро улыбнулся Анго-майнью. — Хорошо, я даю слово. Понимаете, стар я стал, совсем память пропадает. Даже про слово забыл. Ну, теперь вы удовлетворены?

— Вполне, — сурово сказал крысиный король. — Только признайся, что про слово ты не забыл, а хотел нас обмануть.

— Ах, если бы вы поуправляли за меня двадцатью пятью мирами... Впрочем, хватит об этом. Пошли!

Анго-майнью шел за этими двумя такими непохожими друг на друга созданиями и завидовал.

Боже мой, ведь их двое и они могут дружить! А у зомби так и вообще в его дурацком мире есть кто-то, кого он любит. А у него? Драконы? Но это не то. Друг должен быть, настоящий друг. Зато они не так богаты. Только зачем им это? Нет, что-то тут не то. Надо этим заняться. Пожалуй, он так и сделает, когда вернется в свой дворец. Он отправится на поиски друга. Нет, даже не так. Он учредит у себя при дворце должность друга, и пусть ему подыщут самого настоящего, самого преданного, самого-самого дружественного, а уже за деньгами он не постоит.

Прошлогодние листья шуршали под ногами. Маленький лесовичок, тащивший на спине котомку яблок, увидев их, нырнул в ближайшее дупло — испугался. Ветер швырял за шиворот роскошного кафтана Анго-майнью обломки веточек. Паутина то и дело липла к лицу и с едва слышным треском рвалась.

Те двое шли впереди, и зомби сжимал в руке зерно.

Они, эти двое, даже и не разговаривали, а просто шли.

Анго-майнью чувствовал, как им грустно расставаться.

«Основным экзаменом, по которому будет отбираться друг, станет грусть при расставании», — решил про себя Анго-майнью и, совершенно успокоившись, стал мысленно измерять волшебное поле вокруг, стараясь определить, не пора ли ему заняться выполнением своих обещаний.

Черт, а ведь если бы они не вспомнили о слове... Нет, все-таки они не дураки, вспомнили. А то он был бы вынужден с ними расправиться. Но, дав слово... может быть, это и к лучшему.

Шагов через сто он, почувствовав, что магия тут уже действует полностью, остановился. Те двое тоже. Зомби подошел к нему и протянул зерно священного дерева. Чувствуя, как радостно забилось сердце, Ангро-майнью опустил его в карман.

«Все, теперь надо быстрее закончить с этим делом и возвращаться».

Ему не терпелось издать поскорее указ насчет друга. А может, завести двух или трех друзей? И присвоить им разряды, как подхалимам?

Думая об этом, Ангро-майнью завистливо смотрел, как зомби протянул руку крысиному королю. Они даже не сказали друг другу ни слова, просто на секунду рука неживого человека и лапа крысиного короля сомкнулись. Потом зомби повернулся к Ангро-майнью, который в это время уже начал бормотать заклинание.

Оно было длинным, но Ангро-майнью добросовестно дочитал до конца, потом сделал заключительный пасс, и зомби исчез, отправившись в свой родной мир.

Так, теперь надо бы заняться крысиным королем.

Прочитав заклинание, Ангро-майнью создал транспортный амулет и, отдавая его крысиному королю, сказал:

— Вот, носи. Я думаю, что теперь для того, чтобы вернуться в свой мир, не нужно мое колдовство?

— Нет, не нужно, — обнажил тот в улыбке длинные зубы. — Я ухожу. Прощай. Помни про обещание.

— Слушай, а ты не хочешь занять у меня при дворе одну должность... — начал было Ангро-майнью и тут же замолчал, поскольку, не дослушав его, крысиный король исчез. — Нет, пожалуй, этот не согласится. Ладно, когда вернусь во дворец, то все обдумаю и найду выход.

Прислонившись к ближайшему дереву, Ангро-майнью сорвал листик и стал его задумчиво жевать.

Собственно говоря, ему надо было возвращаться. Вот только беда была в том, что на отправку зомби в его мир он потратил слишком много магической силы. Можно сказать, почти всю. И остаток угрохал на этого крысиного короля. Вообще он сегодня ее много тратил. Так что теперь даже для того, чтобы вернуться, ему придется ее накапливать с полчасика, не меньше.

Он вытащил из кармана зерно священного дерева и стал его рассматривать, пытаясь определить, что же все-таки у него внутри. Дерево не дерево, но что-то такое похожее.

Нет, надо будет за дэвов взяться. Подобный случай не должен повториться. Подумать только, судьба семидесяти миров держалась

на волоске. Стоило стерху прорваться — и все. Кстати, надо поставить патруль дэвов у черной стены.

— Любуетесь? — раздался за его спиной вкрадчивый голос.

Резко повернувшись, Ангро-майнью сунул зерно в карман и схватился за рукоять меча.

Это был стерх.

— Только давайте договоримся, чтобы без всяких там колдовских штучек. В конце концов, я ведь мог запросто перерезать вам горло, — сказал стерх.

— Хорошо, никаких колдовских штучек в награду за то, что ты не перерезал мне горло, — едва заметно улыбнулся Ангро-майнью.

— Вот и отлично. — Стерх выдвинул из лапы лезвия. — Теперь, я думаю, мы немедленно решим в честном бою, кому из нас принадлежит одна маленькая штучка.

— Согласен.

Ангро-майнью вытащил из ножен меч, мимоходом подумав, что день сегодня все-таки интересный. Столько приключений!

На мгновение, прежде чем сойтись, они замерли, и в эту самую последнюю секунду, прежде чем схватиться со стерхом, Ангро-майнью понял, что это, наверное, его самый важный бой в жизни, проиграть который он просто не имеет права, поскольку обязан как властитель двадцати пяти миров быть их защитником. Странная, все захлестывающая ярость боя овладела им полностью, изгнав из головы все мысли, кроме желания убить стерха.

Хару прыгнул к нему, но, увернувшись от его вооруженной длинным серпообразным лезвием лапы, Ангро-майнью нанес удар, от которого стерх, впрочем, благополучно увернулся, чтобы полоснуть лапой воздух в том месте, где только что был Ангро-майнью. А тот, сделав шаг в сторону, уже готовился нанести еще один удар...

Какой-то зомби, голый по пояс, так что можно было хорошо рассмотреть его ужасные раны (похоже, его расстреливали в упор из крупнокалиберного пулемета), играл на губной гармонике. Маленький грустный балабошка висел над его головой и вполголоса тянул заунывную песню.

Увидев возникшего из пустоты крысиного короля, зомби протянул к нему обрубок руки и заканючил:

— Подайте пострадавшему на полях сражений хоть одну палочку дерева флю. О, бесконечно щедрый господин волшебник, я знаю, что для вас это совершеннейший пустяк.

— Пошел вон, — грубо сказал ему крысиный король. — Думаешь, я не отличу пулевые ранения от тех, которые ты сам себе сделал стамеской?

Не отвечая на ругательства, которыми его осыпал нищий, крысиный король зашагал прочь. Он хорошо знал этот район города. Миновав несколько кварталов, крысиный король свернул в проходной двор и остановился возле неприметной норы рядом со свалкой. Он свистнул.

Из норы сейчас же выглянула заспанная Мунька.

— Держи и храни как зеницу ока. Он мне скоро понадобится, — сказал крысиный король и, сняв с шеи транспортный амулет, положил его перед крысой на землю.

Мунька что-то пискнула и, схватив амулет, утащила его в норку.

— Вот так, — удовлетворенно сказал крысиный король. — Теперь можно и погулять.

Солнце жарило вовсю. Выйдя из проходного двора на улицу, он остановился, пытаясь прикинуть, чем бы заняться. Можно было, конечно, пойти на базар и немного поворовать. Можно было дождаться вечера и отправиться опять на «Летучем голландце» в плаванье. Можно было еще много. Но не хотелось. А хотелось просто пройтись по городу.

Неизвестно почему, но крысиному королю казалось, что город, который он покинул всего несколько часов назад, изменился, стал другим. Он и не догадывался, что на самом деле изменился сам, вдруг почувствовав после того, как расстался с Эриком, что у них была самая настоящая дружба, которая случается очень редко. У него, крысиного короля, она, например, была всего один раз. За всю жизнь. Осознав это, он подумал, что теперь у него дружбы уже нет, и ему стало грустно.

Крысиный король попробовал прикинуть, что будет, если он заведет такую же дружбу с другим зомби, и понял, что ничего из этого не выйдет. Правда, минут через пять он успокоился, сообразив, что ничего изменить уже не может и теперь остается только ждать и надеяться, что кто-то там, в том мире, куда вернулся Эрик, во второй раз выстрелит ему в затылок.

Собственно говоря, почему бы и нет? Судя по всему, такие вещи бывают там сплошь и рядом. Остается только подождать, может быть, совсем недолго.

Подумав это, крысиный король довольно хмыкнул и пригладил свои длинные белые усы. Весело что-то насвистывая, он пошел к базару, на ходу прикидывая, сколько ему придется ждать возвраще-

ния Эрика. В конце концов, может быть, год. А вдруг пять лет? Или больше? Значительно больше...

— Черт побери, эти люди такие живучие, — пробормотал крысиный король и вдруг подумал, что может и не увидеть Эрика вообще никогда.

Да, он может прожить еще лет двадцать или тридцать в своем мире и тихо скончаться от старости. Это было бы очень плохо.

Чувствуя, что ему становится опять грустно, крысиный король поплелся к базару и даже не попытался стянуть кошелек у зазевавшегося прохожего.

Эрик шел сквозь метель, которая лупила ему в лицо мокрым снегом. Сквозь завывание ветра послышался и тотчас же смолк шум автомобильного мотора. А Эрик все шел и шел, пока не наткнулся на какой-то дом.

В затылке у него стало горячо, будто туда плеснули кипятком. Потом это ощущение прошло, и, пощупав, Эрик убедился, что затылок у него целый — никаких следов от пули больше нет. Не осталось даже шрама.

Какой-то человек едва не натолкнулся на него и, вполголоса ругнувшись, потопал дальше. И тут Эрик обнаружил, что одежда на нем совсем другая. На нем была теплая шинель, на ногах сапоги, и только на голове не было ничего. Впрочем, для него это сейчас не имело значения... Хотя бы потому, что он вдруг почувствовал, как поначалу с перебоями, а потом совершенно ровно стало биться его сердце. Ощутив это, он усиленно задышал, и сейчас же ветер залепил ему рот снегом. Отплевываясь, Эрик вдруг почувствовал от этого процесса небывалое наслаждение.

Он пер через пургу, толком даже не представляя, куда идет, да это для него, собственно, не имело значения. Гораздо важнее было, например, что у него мерзли руки, и это происходило оттого, что он был живой, а под кожей струилась кровь. И это было здорово! Еще у него мерзли уши. Неожиданно вспомнив, что нужно делать в этом случае, он стал их тереть и засмеялся.

— Идиот, — сказал ему какой-то человек, вынырнувший возле него из пурги и почти тотчас же сгинувший в ней без следа.

Но Эрик не мог остановиться. Он смеялся.

Он еще не помнил, кто он и даже сколько ему лет, но знал, что со временем вспомнит и это, скоро вспомнит. Потому что все эти сведения уже были у него в мозгу, только еще не проявились. И никуда знания от него не денутся. Может быть, через минуту, может, через пять он вспомнит, кто он такой, как его зовут, сколько

ему лет, чем, собственно, он занимался в этой жизни и самое главное — кто та женщина, о которой он мечтал там, во втором мире? Кто она ему? Где живет? И как ее найти?

Это было самое главное, и он верил, что вот-вот все вспомнит.

Он попытался рассмотреть надпись, которую зачем-то нанесли на стену дома, возле которого оказался. Надпись гласила: «Улица диктатуры пролетариата». Прочитав ее, он несколько минут пытался понять, что она означает, но тут же о ней забыл, поскольку неожиданно понял, что через секунду вспомнит все...

Мир крыльев

Предисловие

Эта повесть была потеряна и вновь найдена.

Впрочем, лучше по порядку...

Я дописал «Черную стену», убедился, что покончил с циклом «Дорога миров», и некоторое время пытался начать новую повесть, но у меня это никак не получалось. Потом я подсчитал, что написал около тридцати вариантов начала этой, новой повести, но дойдя до страницы двадцатой—тридцатой, словно наткнувшись на закрытую дверь, останавливался.

Ни в какую!

А потом наступил момент, когда я сел и очень холодно попытался прикинуть, что со мной происходит. И понял. Я вдруг осознал, что ушел с Дороги миров слишком рано, что ее история осталась недосказанной, что она требует еще одной вещи. И ее пришлось писать. Писалось удивительно легко и быстро, буквально на одном дыхании.

Шел 1991 год. Я написал «Мир крыльев» и сдал его в ВТО. Причем, о том, что в самом ближайшем будущем эта организация перестанет существовать, догадаться не мог никто. Кто мог предвидеть, что благодатный молдавский край, в который она совсем недавно переехала, очень скоро охватит пламя войны? Да никто.

А еще в то время у меня не было компьютера и мне приходилось печатать все тексты на машинке и размножить свою повесть я мог за один раз всего в трех экземплярах. Один я подал в ВТО, второй еще в одно издательство, третий дал знакомому издателю на прочтение. ВТО перестало существовать и разыскать рукопись в охваченной огнем Молдавии было невозможно, издательство обанкротилось, а адреса его редактора у меня не было, и достать его было невозможно, знакомый издатель, запутавшись в долгах, исчез в неизвестном направлении. Черновики повести пошли на нужды моего кота. В общем, достаточно скоро я обнаружил, что рукописи этой повести у меня нет и восстановить ее я не могу.

Все, повесть перестала существовать.

В 1993 году, когда стали собирать мою книгу «Черная стена», в нее попала написанная позже повесть «Лабиринт снов», а «Мир крыльев» — нет. Я твердо был уверен, что потерял ее безвозвратно.

В самом конце 1994 года, находясь на мероприятии «Белое пятно», устроенном великолепнейшим Михаилом Миркесом, я, прогуливаясь по фойе гостиницы, в которой это мероприятие проходило, заметил фэна, сидевшего на пуфе и внимательно читавшего книгу. Какое-то предчувствие (честное слово, это было именно оно) заставило меня заглянуть ему через плечо и прочитать несколько строчек из книги.

Оказалось, он читает «Мир крыльев»!

По-моему, я производил впечатление невменяемого, поскольку стал молча выдирать у него из пальцев эту книгу. Увидев мое лицо, он сдался и расстался со своей собственностью. Более он ее обратно не получил, а услышав рассказанную мной историю, с этим смирился. Мне в тот момент казалось, что если я выпущу книгу из рук, то она исчезнет и я, на этот раз уже точно окончательно, попрощаюсь со своим текстом.

Сборник, в котором она была напечатана, был, по-моему, самым последним ВТО-шным сборником, и моя повесть в него попала. И это ее спасло.

С «Дорогой миров», кстати, я так и не покончил. В 2000 году она вновь вернулась ко мне и заставила написать роман «Еретик», плотно привязать ее им к миру Ангро-майнью. Причем роман этот предусматривает продолжение и мне кажется, им история «дороги...» не закончилась.

Что ж, поживем — увидим.

А рукописи, кажется, действительно не горят.

Птиц проснулся и долго вслушивался в шелест сена, шебуршание парочки беспокойных мышей и непрерывный шепот земли, рассказывавшей забытые предания давно исчезнувших племен и народов. Немного погодя он повернулся на спину и стал слушать небо, но оно молчало, и это было хорошо, так как даже дети знают, что день, когда оно заговорит, будет для этого мира последним.

Птицу хотелось есть. Он пошарил в сумке у себя на животе, но не нашел там ничего подходящего. Сумка была хорошая. Самое главное — нельзя потерять. И кроме того, из-за нее он назывался сумчатым Птицем. Это ему нравилось. Вот только сейчас в ней ничего съедобного не было. Значит, надо выползать из стога.

Он так и сделал. А потом стал отряхиваться, подпрыгивая и хлопая себя по бокам длинными, покрытыми перьями руками, которые росли у него вместо крыльев.

Порядок!

Птиц внимательно огляделся, переступил с одной лапы на другую и вдруг побежал к видневшейся неподалеку деревне. Мелькнул покосившийся плакат «Вылезай из стога — отряхнись и оглянись», ржавый трактор с надписью на дверце кабины «Не подходите! Мины!». Из-под трактора виднелись кирзовые сапоги и доносился мощный, богатырский храп. Еще через несколько десятков метров Птиц проскочил бетонный столб с корявой надписью «Совбесхоз имени диктатуры буржуазии» и тут же столкнулся с длиннозубым шуршунчиком, спешившим на охоту. Увидев Птица, рыба-пила, которую шуршунчик вел на коротком поводке, аж застонала от удовольствия и бросилась в атаку.

Не желая связываться, Птиц просто перепрыгнул через нее и побежал дальше. Метров через сто он оглянулся и увидел, как шуршунчик, уцепившись за хвост рыбы-пилы передними лапами, задними крепко упершись в землю, пытался вырвать ее костяную пилу из ствола толстого дуба. Вот так-то!

Птиц радостно хлопнул в ладоши и взял курс на ближайший холм. На середине склона он остановился и стал внимательно осматривать змеившуюся поперек холма трещину. Здесь, у его ног, она была тоненькая и не очень глубокая, но дальше становилась все шире и глубже, пока наконец далеко-далеко на горизонте не сливалась с подножием черной стены. Про эту стену ходили слухи, будто она медленно и неумолимо движется вперед, захватывая все большие пространства. Но Птицу до этого не было никакого дела.

Он перепрыгнул через трещину и резво побежал к вершине. Трава так и летела во все стороны из-под его когтистых лап. Пугливые тигрокустики шарахались прочь. Бабочка-сороконожка-секретарь, мимо которой он пробегал, на секунду оторвалась от своих сверхважных дел и, проводив его рассеянным взором, записала в потрепанный блокнот, на обложке которого была нарисована птичка об одном крыле, длинную фразу о пользе долгих подъемов и спусков, которые, безусловно, благотворно действуют на гиперафтальмус.

Вершина холма встретила Птица ветром, двумя бродячими остротами и потрепанным журналом «Вокруг света, полусвета и темноты», забытым в прошлом году заезжим художником, рисовавшим там картину «Возбуждение малой зимы на цель и не...». Одна из бродячих острот повернула в сторону Птица длинную узкую морду и прокаркала, что никто не имеет права ходить по ее холму. Через секунду она резко взмыла вверх и, тяжело махая длинными черными крыльями, полетела прочь. Даже не обратив на ее слова внимания, Птиц ринулся дальше.

Ах, как ему хотелось есть!

Перепрыгнув через председателя совбесхоза, занимавшегося своим привычным делом, а именно, медленно, жалуясь на ревматизм, председавшего и предвставававшего, Птиц попытался вспомнить, когда он последний раз ел, и ужаснулся. Неделю, не меньше! Ну да, это было в тот день, когда он слопал трубу с дома бабки Матрены, а все население деревушки гонялось за ним с вилами и ручными пулеметами. Он тогда спрятался от них в камышах и, прикинувшись ветошью, умудрился не отсвечивать. Правда, ветошь посчитала себя оскорбленной и даже приходила выяснять отношения, но так как личность она несерьезная, дело обошлось одной руганью.

Да, но что же придумать сейчас?

А ноги уже несли его к дому Раседона-очаровашки. Птиц им безропотно подчинился, давно убедившись, что в вопросе добывания съестного ноги всегда несли его туда, куда нужно.

Дом у Рахедона-очаровашки был стандартный — пятиугольный со входом и с выходом, что было очень удобно. К неудобствам же относились окна в форме сердечек. Наружу через них выскочить было совершенно невозможно. Кстати, пора действовать. Но что же придумать? А вот что...

Проскользнув в огород Рахедона-очаровашки, Птиц остановился возле стоявшего на его краю пугала. Сойдет! Сняв с пугала старую заячью шапку, Птиц нахлобучил ее себе на голову, потом завернулся в добытый таким же способом, усеянный бесчисленными дырами, из которых торчали клочки ваты, лапсердак.

Ну вот, теперь осталось только втянуть шею. Больно уж она длинная.

Птиц попробовал. Получилось! Ну что же — вперед.

Метнувшись к дому, он услышал, как кто-то из проходивших по улице людей истошно закричал. Но это уже не имело никакого значения. Рывком распахнув дверь, гулко топая, он пробежал через сени и, ворвавшись в кухню, увидел Рахедона-очаровашку.

— Пожар! Рятуйте! — громко закричал Птиц.

Рахедон побледнел и как был в одних только запорожских шароварах, которые он в прошлом году выменял у заезжего пилигрима на фонарик, бросился во двор.

Прекрасно!

Посвистывая от возбуждения, Птиц подскочил к занимавшей половину кухни печке и, выворотив из нее кирпич, проглотил.

Прелесть!

Он прищелкнул от удовольствия языком. Потом проглотил следующий, еще один.

Блеск! Вкуснотища! А ну-ка следующий...

— Ах ты, подлец! — пропыхтел вернувшийся со двора Рахедон-очаровашка, бросаясь на Птица с кочергой.

— А в чем дело? — спросил Птиц и, выхватив у него из рук кочергу, моментально ее слопал.

— Да я же тебя, стервеца! — ошалело прошипел Рахедон, кидаясь к стене, на которой висел старинный мушкетон.

— Фи, как вы дурно воспитаны, — произнес Птиц и, мгновенно скинув лапсердак, бросился к выходу. Выскочив на улицу, он с ужасом увидел бегущую ему навстречу толпу. Впереди, размахивая своей старой шашкой, несся дед Пахом. Увидев Птица, толпа взвыла:

— Вот он, подлец! Бей его, заразу! Всю деревню без печей оставил! А ну как зима?!

— Мне странно это с вашей стороны, — пробормотал Птиц и, сорвав с себя шапку, кинул ее деду Пахому в лицо. Дед споткнулся и упал. Те, кто бежал за ним, тоже споткнулись и упали. Получилась куча-мала. Воспользовавшись этим, Птиц бросился наутек.

На бегу он бормотал:

— Как же, оставил без печей. А мне с голоду помирать?

Сзади шумела нагонявшая толпа. Возле Птица засвистели камни, вилы и хомуты. А он бежал, мечтая только о том, чтоб добраться до леса. Там-то им его не взять. Вот и окраина. Птиц обрадованно подпрыгнул, и в этот момент из-за деревьев и домов хлынула другая толпа.

Засада! Попался!

Чувствуя, что теперь уже влип по-настоящему, Птиц заметался, пытаясь найти хоть малейшую лазейку, а вместе с ней шанс на спасение...

Бесполезно.

А люди, сообразив, что наконец-то его поймали, возликовали. Они кричали Птицу обидные слова, улюлюкая, показывали ему «козу», а потом кто-то предложил показать ему заодно еще и кузькину мать. За ней сейчас же побежали, а сам Кузька, стоявший неподалеку, застенчиво хлопнул себя по щекам фиолетовыми ушами и потупился.

Птиц был в полном отчаянии. Ему не хотелось глядеть кузькину мать, так как было известно, что увидевшие ее птицы или животные навсегда становились домашними. Нет, это Птицу ничуть не улыбалось. Люди к тому времени уже взяли его в плотный полукруг и прижали к ближайшему забору. Правда, слишком близко никто подходить не хотел. Уж больно здоровый и острый был у Птица клюв.

А он, затравленно озираясь, все пытался найти возможность ускользнуть и не мог. Толпа же тем временем веселилась, и больше всех радовался Рахедон-очаровашка, размахивавший над головой старым хомутом и всем и каждому объяснявший, что он сделает с этим пожирателем кирпичей. Он просто купит одноколесную тележку и будет запрягать в нее этого Птица, чтобы возить на нем по воскресеньям на местный базар приносящих сгущенку голубых жуков и свежие ростки консервированного перца.

— Фигушки, — отчаянно закричал Птиц. — Не будет этого!

— Будет, будет, — злорадно отвечала ему толпа. — Еще как будет!

А неподалеку уже слышалось пыхтение кузькиной матери. Чтобы оттянуть момент, когда на нее придется смотреть, Птиц

повернулся клювом к забору и замер, не веря своим глазам... Тем временем кузькина мать остановилась за его спиной и весело затараторила:

— Ну что, попался, голубчик? Сейчас я тебе покажу себя, а если это не поможет, то — где раки зимуют. На них давно уже никто не смотрел, а неплохо бы — обленились. Даже на гору свистнуть взбираются раз в месяц, стервецы, хотя положено раз в день.

А Птиц этого не слышал. Он смотрел на пространственную дыру, ползущую перед самым его носом по забору. Только бы она не исчезла! Тщательно прицелившись, он ударил по дырке своим тяжелым клювом, и она расплеснулась, раскрылась, как цветок. Славно!

Птиц облегченно вздохнул.

— Пока, толпа, я еще вернусь! — не оборачиваясь, крикнул он и прыгнул вперед...

У входа в комплекс стояли три человека с транспарантами. Первый гласил: «Сегодня, когда наша переделка входит в заключительную фазу, не являются ли роскошью сомнительные, не приносящие никаких плодов исследования?» На втором было написано: «Ученые, у вас в распоряжении сотни миров. Неужели вы не можете накормить свой народ?» На третьем: «Берегитесь, народ не простит вам того, что вы оставили его во время очередной переделки!»

Велимир пожал плечами.

Ну правильно, они требуют, чтобы их пустили в другие миры. И это при том, что свой собственный они загадили, разграбили, довели до ручки. Теперь подавай им следующий — свеженький. Неужели не понятно, что, прежде чем соваться в чужой мир, надо научиться управлять хотя бы своим? И все же они требуют. Подай! Хорошо, если только эти. Вот пистолетчики — гораздо хуже. А они комплексом интересуются уже давно.

Мухобой на КПП был новенький и проверял документы так долго и тщательно, что у Велимира лопнуло терпение.

— И долго ты думаешь копаться? До будущего вторника? — спросил он, задумчиво разглядывая еще не обмятую форму мухобоя.

— Сколько надо, столько и буду, — ответил тот и посмотрел на Велимира белесыми, пустыми глазами. — И вообще, диспетчер Велимир Строкх, срок действия вашего пропуска заканчивается через три дня. Не забудьте продлить.

Козырнув, он вернул пропуск.

— Проходите!

— Понавезли вас тут, молокососов, — бормотал Велимир, миновав КПП и направляясь к главному корпусу. — От горшка два вершка и туда же... сопляк!

Белый песок успокаивающе шуршал под ногами. Опрокинутый полумесяц солнца висел точно в зените. На ближайшем газоне два голубеньких смерчика танцевали вальс-каприз. Саблезубый тигр охотился за пятном ржавой плесени, прятавшимся в кустах белени-ки.

Удивительно, надо сказать, живучая штука — ржавая плесень. Как ее ни уничтожали, что только не делали, а ей все хоть бы хны. Правда, когда завели саблезубого, стало немного легче. А то раньше — не успеешь опомниться, как она наскочила. Бах — и все железное рассыпается в прах.

Настроение у Велимира было паршивое. И не только из-за мальчишки с КПП.

Лето в разгаре! Сейчас самое время валяться где-нибудь на пляже. А вместо этого дежурство, салага-мухобой с амбициями... Кроме того, Инесса сказала, что с нее хватит. Завтра наверняка появится в ближайшем ресторане в обществе какого-нибудь седого пузана, увешанного золотом, как рождественская елка — игрушками. И от мамы писем нет уже вторую неделю. Вообще, будь его воля, он бы вернулся домой и, отключив телефон, набрался как последняя скотина.

А что?

На следующий день он бы проснулся в насквозь прокуренной квартире и, опохмелившись, сходив в душ, долго лежал бы на диване, чувствуя, как что-то в его душе отслаивается, снимается, как чешуйки слюды, обнажая оставшиеся в подсознании воспоминания детства и юности...

Вот только — дудки! Работать надо! Если все будут пить, то что же тогда получится?

Он повернул направо. Теперь комплекс был близко. Остроконечный, похожий на перевернутый цветок-колокольчик. У входа дежурили два мухобоя. Один, рыжий и веснушчатый, заинтересованно поглядывал на саблезубого, уничтожившего очередное пятно ржавой плесени и теперь обнюхивавшего старую газету с заголовком на первой странице: «Переделку во главу угла!» Другой мухобой, с тупым квадратным лицом, лениво глядя на Велимира, двигал нижней челюстью, что-то пережевывая.

Проходя мимо, диспетчер случайно коснулся мыслей жующего и прочитал: «Ну вот, еще один из этих бездельников. Обмундиро-

вание — высший сорт, жрут — хорошо, спят в свое удовольствие и к тому же получают кучу денег... сволочи!»

— От такого и слышу, — угрюмо сказал мухобою Велимир, открывая дверь в главный корпус.

Он шел по широкому коридору, мимо бесчисленных лабораторий, складов, кабинетов. Два дорожника тащили ему навстречу зачем-то взятый из архива реабилитационный аппарат. Один из них, поминая недобрым словом какого-то Зюзю, рассказывал товарищу, что имрики, будь они неладны, не получили розовых галет и из-за этого преждевременно облиняли. А так как синий цветок распустится еще не скоро, на кислородных станциях — полный завал. И теперь...

Они скрылись за поворотом. Велимир пошел быстрее. Он любил по дороге в диспетчерскую прощупывать мысли сменщика. Это позволяло быстрее входить в курс дела. Но сейчас он никак не мог настроиться. Ничего. Пустота. Куда же делся Лапоног? Вышел. Не должен бы.

Велимир даже не заглянул в комнату дороги миров, хотя обычно заходил перекинуться несколькими словами с ее стражем Мироном. Они уважали друг друга. Чем-то неуловимым их работа была похожа. Однако сейчас было не до разговоров.

Вот и лестница. Двадцать ступенек вверх, последняя дверь. Два мухобоя по бокам. Кастрюли на головах начищены, пуговицы сияют свежим лаком, ремни из чертовой кожи новейшие, у каждого в ухе парадная серьга, швабры с примкнутыми штыками плотно прижаты к груди.

Мимо них Велимир уже пробежал. Миновав дверь с цифровым замком, ввалился в следующий коридор. Вперед! Склад оружия, класс теоретической подготовки, класс тренажеров, комната отдыха дорожников, дежурка, за стеклянной дверью которой виднелся Сизоносен. Двери, двери, двери и в самом конце — диспетчерская.

Он ворвался в нее и сейчас же попал в густой, как кисель, временами вспыхивающий золотистыми искрами туман. Машинально сделав два шага вперед, Велимир остановился. С той стороны, где должны были быть экраны красных, оранжевых, желтых и зеленых миров, слышались странные звуки.

Скрип, хриплое дыхание, протяжный свист.

— Эй, что здесь происходит? — удивленно крикнул Велимир.

Он шагнул вправо. Туман перед ним расступился, и стали видны желтые квадратики паркета, ряд экранов, и под ними, в углу, лежало что-то длинное, свернувшееся кольцом. Пытаясь понять,

что это такое, Велимир наклонился. Над клубком тела поднялась прозрачная головка на длинной, сверкающей шее.

Хрустальная гадюка! Не может быть!

Самурайский меч свистнул над головой Велимира. Второй удар должен был с ним покончить, но диспетчер успел отскочить вбок.

Похоже, попался!

В третий раз увернувшись от бешено размахивающего мечом и воющего, как разъяренный кот, самурая, Велимир метнулся к выходу. Но не тут-то было. С дверью происходило что-то странное. Она извивалась наподобие червяка и сворачивалась в спираль. Из получившегося свертка вдруг высунулись несколько десятков ножек, и дверь, оставив за собой чистую стену, убежала в туман. Где-то за спиной Велимира копошился потерявший его из виду самурай, а он, оцепенев, стоял и думал, что догонять дверь бессмысленно. Он знал, что попал в иллюзию гадюки. Для него она — реальность. И если его сейчас убьют, это будет по-настоящему. А учитывая, что гадюка создавала свои иллюзии на основе инстинктивных страхов жертвы, дело было — швах. Он понимал, что самурай только начало. Дальше будет хуже.

Слева послышалось рычание тигра.

Велимир прыгнул вправо, на непонятно откуда взявшийся лужок, и, споткнувшись о корень росшего на его краю дуба, покатился. Сделал он это удачно. Два получившихся ката были и в самом деле недурны. Мускулистые, с веселенькими сверкающими топориками в руках. Едва появившись на свет, они тотчас же двинулись к Велимиру.

— Чтоб вас комар забодал, — испуганно крикнул им Велимир. — Вы что, сдурели? Я же ваш катитель!

— А! — разочарованно сказали каты и, круто развернувшись, скрылись в тумане.

Велимир знал, что чем скорее он выберется из диспетчерской, тем будет лучше. Но как это сделать?

Хорошо же! Они его еще узнают!

Он смело пошел навстречу тигриному рыку. Стелившиеся по пластиковому полу лианы хватали его за ноги, справа слышалось зловещее щелканье зубов, а он все шел...

Плевать! Все равно он в это не верит. Не ве...

Морда у тигра была добродушная и чуть-чуть ехидная. Вот только клыки у него совсем не настраивали на шутливый лад. Серьезные были клыки.

— Я это... — сказал Велимир, пытаясь осторожно податься назад. — Я тут ошибся направлением, и, пожалуй, я вообще... передумал... собственно, надо сказать...

Щелкнул затвор винтовки, и холодное дуло уперлось ему в спину. Тигр изготовился к прыжку.

И вот тут-то на Велимира навалился настоящий страх. Он накрыл его, словно огромная волна, и понес, понес, оглушенного, захлебывающегося противной, не дающей дышать слюной. Его швыряло из стороны в сторону, тащило, тащило... а потом выкинуло...

Велимир приподнялся с четверенек и судорожно глотнул влажный воздух. Лицо у него болело, словно он получил несколько пощечин, на правом плече сочились кровью три параллельные линии — следы когтей, а на левом неизвестно откуда появился двадцатилетней давности шрам от пулевого ранения. Тщательно его ощупав, Велимир вздохнул и неожиданно понял, что ему все равно.

А действительно, чего бояться? Страшнее не будет!

Окончательно это осознав, он пошел дальше, потому хотя бы, что стоять на месте — тоже действие. Так какая разница?

И шагов через пять наткнулся на невидимый барьер. Иронически хмыкнув, Велимир стал его исследовать и неожиданно нащупал дверную ручку. Не испытывая ничего, он повернул ее и открыл дверь, за которой виднелся самый настоящий коридор. Чувствуя, как яркий свет ламп режет глаза, Велимир вышел, нажал видневшуюся неподалеку кнопку тревоги и сейчас же провалился в беспамятство...

Он очнулся. Все еще ревела сирена. Аварийщики в полиасбестовых костюмах тащили мимо огромную стиральную машину, из сливного шланга которой стекала желтая жидкость. Слышался крик: «Кран, перекрой кран! А, стерва, кусается!» Потом что-то взорвалось и зазвенело. Неожиданно сирена смолкла. Наступила тишина.

Велимир оглянулся. Он все еще сидел недалеко от диспетчерской, под аварийной кнопкой. Рядом перемазанный сажей аварийщик, чертыхаясь, обматывал бинтом пораненную руку. Закончив перевязку, он закурил и не без интереса стал рассматривать Велимира.

— Что, браток, ощутил? — почти злорадно поинтересовался аварийщик и со значением добавил: — Вот так-то, это тебе не мелочь по карманам тырить.

Он подумал и, выпустив идеальное колечко дыма, добавил:

— Иди, чего сидишь, там уже безопасно.

Опираясь рукой о стену, Велимир попробовал встать. К его удивлению, это удалось. Чувствуя в коленях противную слабость, он вошел в диспетчерскую и остановился.

Да, действительно, все было уже кончено.

Даже пульт не пострадал, хотя стены возле него так и лоснились от копоти. Пара аварийщиков сворачивала туман, словно бумагу, и складывала получившиеся рулоны в штабеля. Другая пара ползала по полу и деловито вынимала из него лиловые следы тигриных лап. Прежде чем взяться за новый след, они делали над ним несколько пассов, произносили вполголоса какие-то наговоры и только потом вынимали, для того чтобы тотчас же его спрятать в голубую сумку с красной надписью на боку «Ади даст». Еще один аварийщик, вооружившись совком и неторопливо орудуя веником, сметал в кучу рассыпанные по полу осколки хрустальной гадюки.

Простояв неподвижно минут десять, Велимир дернул правым плечом и все же направился к пульту, по которому бегали разноцветные огоньки. Впрочем, пульт Велимира сейчас не интересовал. Он шел посмотреть на сидевшего возле пульта, в кресле, диспетчера Лапонога. Мертвого.

Он был куском глины. Кто-то огромный мял его мозолистыми пальцами, тихо напевая песенку про Меры и ее веселого эпиорниса, раз в столетие несшего яйца, из которых появлялись новые галактики. А один раз даже вылупился старый эмалированный тазик, совершивший паломничество в Китай и ставший благодаря этому священным тазом на ста двух планетах. Потом песенка смолкла, руки поставили Птица на землю и, совершив над ним прощальное благословение, отправили побираться. Целыми днями он сидел в полутемной нише и, протягивая прохожим обрубок чьей-то руки, ловил в него мимолетные наслаждения, воспоминания о куске рождественского пирога, пять минут курения дорогой сигары, первый поцелуй с девушкой, теперь превратившейся в добропорядочную, в меру глупую жену. А мимо шли рабочие, возвращавшиеся с работы, их хозяева, предававшиеся веселью и праздности, иногда ради развлечения устраивавшие дуэли на языках, а также хорошенькие девушки, торговавшие в будни и праздники белозубыми соблазнительными улыбками.

Приходила ночь. Птиц засыпал тут же, в нише. Во сне он понимал, что все это чепуха. На самом деле он просто проваливается в пространственную дыру. Но когда начиналось утро, он просыпался и снова протягивал навстречу прохожим все тот же пятипалый обрубок...

Постепенно Птицу стало казаться, что так будет всегда, но однажды он понял, что может пролететь нужное ему место, и вскочил.

Времени действительно оставалось не так уж и много. Он подпрыгнул и ударил ногой по торчащему из асфальта перископу под-

водной лодки. Потом посмотрел на небо, где собирались стаями недельной давности котлеты, тревожно совещавшиеся с помощью азбуки Морзе, очевидно, составлявшие планы по захвату этого мира и созданию очередной котлетной диктатории.

Да, времени оставалось совсем немного.

И Птиц побежал.

Ему казалось, что он бежит по огромной цирковой арене. Она вращалась и медленно уносилась вверх. Пожалуй, это был конец пути. Птиц пожалел о том, что так долго нищенствовал, хотя мог заглянуть к бабушке, раз уж выпал такой случай. Она бы его напоила чаем с мятой и сидела напротив, подперев морщинистую щеку узкой, в пигментных пятнах рукой. Птиц бы у нее спросил, как она поживает. Бабушка бы вздохнула и ответила, что, собственно говоря, только после смерти, случившейся лет пять назад, стала жить по-настоящему.

И пока он это обдумывал, арена, на которой он был, все удлинялась, становилась золотистой полосой... все более узкой... узкой...

Птиц ошарашенно помотал головой.

Бр-р-р-р!

Чтоб он еще раз воспользовался пространственной дырой! Ни за какие коврижки! Хотя действительно, если подумать, положение у него было аховое...

Он огляделся.

Отлично!

Все та же старая, знакомая дорога миров. Она пружинила под лапами, и все было хорошо. Золотая лента, на которой он стоял, тянулась из бесконечности в бесконечность. И окна миров все так же заманчиво светились. Правда, сейчас ему не хотелось в другие миры, ему хотелось пройтись по этой дороге. Просто пройтись.

Иногда на Птица накатывали странные, вроде бы чужие мысли. Вот и сейчас он неожиданно подумал, что дорога действительно забавная штука. И так ли уж правильным было решение пройтись по ней? Чтобы понять?! Можно ли понять что-то необъяснимое и бесконечное? Особенно если никак не можешь понять даже себя? Ну хорошо: он идет по этой дороге три года. А раньше что было? Кто он такой и откуда взялся? Нет, были, конечно, какие-то воспоминания. Но являлись ли они истинными? Он в этом сомневался, особенно если учесть, что время от времени в его памяти неизвестно откуда появлялись странные слова: комплекс, дорожники, диспетчер... Что они означают, Птиц не знал.

— Вот так-то, — оглядываясь, сказал он себе. — Глупости!

Нет, район этот, похоже, ему совершенно незнаком. Ну ничего...

Справа, в угольной черноте, за кромкой дороги светилась надпись «туда». Соответственно слева — «оттуда». Что ж, теперь он знал направление. Можно было идти дальше. Вот только надо немного отдохнуть.

Птиц уселся на край дороги миров и свесил лапы. Поболтал. Ничего не произошло. Он вытащил из сумки на животе большой медный ключ и, недолго думая, швырнул его вниз. Через полминуты этот же ключ свалился сверху. Отлично!

А мимо ползли, оживленно разговаривая о преимуществах подсоленной воды перед пресной, усатые каракаты. За ними во главе двух десятков своих молодцов протопал граф де Ирбо. Его дружинники распевали песню о том, как молодой воин собрался на войну и что ему на это сказала родная матушка. А он ей на это ответил. И появившаяся неизвестно откуда невеста сказала, что он «сам такой!», перед тем как укатить в Большие Бобры к миленькому, одетому во все «сфирма». За последним дружинником, красивым рыжебородым молодцом, кралась тень его жены. Временами она доставала блокнот и записывала в него комплименты, которые он говорил встречным девушкам.

Птица одолела смертельная зависть.

Везет же людям! Вместе! Явно по делу! И не важно по какому: ловить раков или грабить фражских купцов. Главное — вместе. Эх!

Настроение у Птица сразу испортилось. А может, просто сказывалась усталость. Он встал на краю дороги, чуть пошире расставил ноги и, сунув голову под мышку, почти сразу же уснул...

...Проснувшись от того, что по его лапам водили чем-то твердым, Птиц ошарашенно огляделся по сторонам и только через некоторое время понял, что находится на краю дороги миров и перед ним стоит вооруженный метлой выворотень. Огромный, на толстых неуклюжих ногах, медленно и неумолимо надвигаясь на Птица, он подметал дорогу. Лицо у него было совершенно безмятежное, глаза пустые.

— Привет! — сказал Птиц и, обойдя выворотня кругом, наладился было еще поспать, даже глаза закрыл. Но тут же открыл, потому что выворотень резко повернулся и, ткнув ему в грудь пальцем, сказал:

— Про то, что дорога есть дорога, знают все, и тот, кто усомнится в этом, попадет прямиком в ад, то есть в самое ее начало.

После этого он отвернулся от Птица и принялся снова за подметание.

Птиц присвистнул.

Вот это да! Вот это заливает! А если правду говорит? Тогда получается, что с хождением вперед надо повременить. Да и миры вокруг неплохие, заманчивые. А вдруг действительно я уже и не живой вовсе и это та самая дорога, по которой души в ад идут?

Птицу стало страшно.

А вдруг я уже умер? И раньше жил в другой форме, о которой ничего не помню? И обречен на вечный путь по дороге миров. Три года... да-да, а почему три? Ведь смены дня и ночи здесь нет? Правильно, нет, но есть чувство времени, которое не подводило меня ни разу.

Итак, почти три года.

И что же я узнал за это время о дороге? Шел и шел, заглядывая в те миры, которые нравились. Море приключений и впечатлений... прочее... Но вот чтобы что-то узнать... А зачем? Не проще ли плюнуть на все и жить дорогой? Чем плохо? Да, в одном из миров меня чуть не съел муравьиный крокодил, а в другом я едва спасся от извержения вулкана. Чепуха, я же уцелел. Дорога мне по-прежнему нравится, и так хочется...

Птиц снова посмотрел на орудовавшего метлой выворотня и махнул рукой. Возле выворотня остановились две носатые прыгалки и стали оживленно обсуждать последние выкройки чехлов на нос из журнала «Поемник». Из ближайшего окна миров доносились глухие удары и позвякивание.

Птиц успокоился, подумав, что надо идти вперед. А если обращать внимание на слова каждого выворотня, то будет настоящий кошмар. Вот именно!

Через пару окон к Птицу привязался подвыпивший упырь. Он хватал его за руки и объяснял, как им, упырям, плохо живется и что всякое быдло норовит ударить святым крестом, а хулиганы улюлюкают и стреляют из мелкашек серебряными пульками. Да все стремятся попасть по заднему месту. И вообще, так дальше жить не стоит, потому что он санитар общества и выпивает только дурную кровь. Вот у него даже книжечка есть с красным крестом и оранжевой луной, а взносы он платит регулярно, несмотря на то что каждый встречный мальчишка кричит ему вслед «на кол его!». Хорошо бы всех мальчишек выпороли их собственные папаши. Тогда бы они, наверное, перестали травить бедного упыря, который лечился от алкоголизма два раза. Вот, есть справки...

Он еще много чего болтал, а сам, будто невзначай, проводил сухой холодной рукой по шее Птица, как бы нащупывая, куда удобнее укусить. Птицу это не нравилось, но он никак не мог приду-

мать, как избавиться от прилипчивого упыря. Он уже начал терять терпение, но тут из ближайшего окна высунулось толстое, усеянное присосками щупальце и, схватив упыря за ногу, утащило...

Слава богу!

Птиц прибавил шагу. Через полчаса он все же не удержался и заглянул в ближайшее окно. Перед ним было сводчатое помещение, с высокими узкими бойницами в стенах, большое и пустое. В нем было гулко. Гулко сидело, слегка вытянув бледные бескостные ноги, и держало в лапе дымящуюся гаванскую сигару. Птицу поначалу показалось, что оно эту сигару курит, но, приглядевшись, он понял, что, наоборот, это сигара курит гулко.

Не переставая куриться сигарой, гулко стряхнуло с ушей пепел и, сурово рассматривая Птица, сказало:

— Ну, быстрее говори, что хочешь, и топай, у меня нет времени.

— Да я, собственно... — замялся Птиц.

— Понятно, — перебило его гулко и, почесав волосатую грудь, проникновенно заглянуло Птицу в глаза: — А тебе-то это зачем? Ну узнаешь ты код и программу, переиграешь игру, однако все останется по-старому. Потому что без программы нельзя. Выбирай.

Гулко пошарило по карманам и выложило на пол отвертку, два старинных дуэльных пистолета, пачку печенья «Имени двадцать второго съезда», медаль «Двадцать пять лет воздержания», женский шелковый чулок и старинный бронзовый подсвечник. Потом оно еще раз ощупало карманы и вытащило напоследок обрывок перфоленты.

— Ну же, ну, чего думаешь? Бери, что на тебя глядит.

— Зачем? — удивился Птиц.

— Бери, тебе говорят. — Гулко посмотрело на Птица злыми глазами.

— Извините, — робко сказал Птиц. — Мне тут ничего... и вообще дорога зовет... барабан гремит. Ой, что это я? Вообще...

— Ага, — сказало гулко. — Значит, увиливаешь?

Оно выросло до потолка. Огромное, страшное, зубатое. Мгновенно протянуло вооруженные кривыми когтями лапы и схватило Птица за горло.

— Ну, последний раз спрашиваю, берешь или нет?

— А зачем это мне? — спросил Птиц, чувствуя, что влип.

— Болван, да не тебе это нужно, а мне, — засмеялось гулко. — Для того чтобы определить, что ты за программа, и принять соответствующие меры, чтобы...

Кто-то из-за спины Птица швырнул заржавленный костыль, попавший гулко в лоб. Взвыв, оно выпустило Птица и отшатнулось.

Не замедлив этим воспользоваться, Птиц отпрыгнул в сторону от окна и, повернувшись, увидел того, кто его спас. Это был медвежонок коала. Тот самый, с которым они полгода назад пытались проникнуть в мир молочных рек и кисельных берегов, но напоролись у входа на Кощея Бессмертного и еле унесли ноги.

— Бежим! — крикнул медвежонок.

И они бросились наутек, слыша, как сзади, кряхтя и ругаясь, на дорогу миров вылазит гулко. Они улепетывали со всех ног. Они даже перегнали стаю плоскостопных прыгунов, двигавшихся в ту же сторону, что и они. А сзади ревело и скрежетало когтями гулко.

— Ты что, разве не знаешь про этот кусок дороги? — на бегу спросил медвежонок. — Тут пропадешь ни за грош. Это же невероятные миры. С ними шутки плохи! Тут даже ни одного стража дороги возле окон нет.

Между тем топот гулко слышался все ближе и ближе. В предвкушении, что их сейчас схватит, оно радостно заревело. Но не тутто было. Надеясь, что участок невероятных миров уже кончился, медвежонок и Птиц нырнули в первое же попавшееся окно и, не разбирая дороги, ринулись дальше.

Разочарованный вой гулко за их спинами становился все тише, тише и наконец исчез. Тогда они остановились и оглянулись.

Мир как мир, лес как лес!

— Тебе еще повезло, — сказал, отдышавшись, медвежонок. — Вот если бы там было мрачно, одиноко или сыро — пиши пропало.

— Да уж, — покрутил головой Птиц. — На дорогу нам возвращаться пока нельзя. Держу пари, что гулко все еще караулит возле окна. Давай лучше отдохнем. Судя по всему, этот мир не так уж и плох.

— Пожалуй, — согласился медвежонок и, сорвав с ближайшего дерева лист, задумчиво его сжевал.

— И вообще, — сказал Птиц, — может быть, этот мир необитаем? Мы могли бы стать его правителями. Хотя, впрочем, так не бывает. Обязательно кто-нибудь вылезет и нападет. С ним надо будет воевать, побеждать, а потом только-только начнешь пожинать плоды своего труда, как вылезает кто-то другой — пожалуйте бриться.

Медвежонок сорвал новый лист. Потом почесал за ухом.

— Получается, нам надо все разведать?

Птиц кивнул.

— Ладно, — согласился медвежонок.

И они пошли.

Ветки кустарников так и норовили стегнуть их посильнее. В воздухе вились странные насекомые. На секунду в вершинах деревьев мелькнуло что-то длинное, продолговатое, зеленое, с огромными крыльями, издававшими хлопки, будто кто-то ритмично открывал и закрывал гигантский зонтик.

Через полчаса они вышли на тропинку. Еще через некоторое время она вывела их к усыпанной прелой листвой, мощенной брусчаткой дороге. Тут им пришлось остановиться.

— Направо или налево? — спросил медвежонок.

— А по-гусарски, — ответил Птиц и извлек из-под крыла медную монету. — Значит, так: орел — направо, решка — налево.

Он подкинул монету. Она упала орлом вверх...

Листья пружинили под их лапами, а медвежонок и Птиц шли не спеша, лениво разглядывая росшие по обочинам молоденькие сосенки, кривоватые березки и могучие дубы.

— А почему по-гусарски? — спросил медвежонок.

— Почему? — удивился Птиц. — Ну, есть такие гусары.

— А кто они?

— Кто? — покрутил головой Птиц. — Так на Рикле-3 называют полуразумных, мутировавших гусей. Они целыми днями ничего не делают, режутся в карты, пьют бургоньяк, шампаньяк и вообще ведут беспечный образ жизни. Веселый народ, этого у них не отнимешь. А монетку они кидают, когда не могут решить, что им делать — пить «горькую-76», а потом ехать к гусочкам или же, наоборот, сначала ехать к гусочкам, а потом уже пить «горькую-76»...

Спать они устроились в дупле гигантского дуба. Ночью пошел дождь.

Под утро Птиц проснулся и долго лежал, вспоминая что-то старое-старое, трудноуловимое, слушая, как шелестит мокрая трава и дождь барабанит по жестким листьям дуба.

Что-то с его воспоминаниями было неладно.

Он вздохнул и, повозившись, устроившись поудобнее, опять заснул.

Кормы двигались цепью. Их предводитель, трехметровый гигант в сверкающих, обшитых скальпами врагов латах, с тяжелым двуручным мечом за спиной и двумя по бокам, шел в середине. Справа от него, сгибаясь под тяжестью бердыша и сверкающего, как зеркало, щита, пыхтел оруженосец. Слева пылил красноватой гормской пылью хранитель священной трехглавой мухи. Сама муха копошилась и жужжала в узорчатом коробе за его плечами.

Предводитель кормов остановился и, наклонившись, стал рассматривать четко отпечатавшиеся в песке следы дорожников. Наконец он выпрямился и махнул рукой. Цепь воинов зашагала дальше.

Кормы не знали, что километрах в двух им навстречу движется отряд невысоких, но чудовищно широкоплечих кракеозов. Их предводитель, не подозревая, с кем вот-вот столкнется, шел во главе своих людей, медленно пережевывая наркотическую жвачку нух и рассеянно поигрывая длинным мечом.

Преследуемые кормами трое одетых в рваные беотийские хитоны дорожников находились между этими неумолимо сближавшимися отрядами. Провалились они на такой мелочи, как незнание имени любимой кошки беотийского автократора. Теперь, для того чтобы спрятаться, у них оставалось минут пятнадцать — двадцать, не больше.

Что ж, пора вмешаться.

Велимир взмахнул отливающими золотом крыльями, собственно говоря, супершпиону совершенно ненужными, но придававшими ему вид местного золотого орла, и передал старшему группы через микроприемничек, вживленный у него над ухом, что бежать надо строго на север. Там, за песчаными дюнами, начиналась спасительная для них сейчас великая топь. Теперь все зависело от быстроты ног дорожников.

Они не успели совсем чуть-чуть. Кормы заметили дорожников, когда они были метрах в тридцати от зарослей гигантской осоки и камыша, с которых, собственно, и начиналась великая топь. Засвистели стрелы...

Дорожников спасло то, что в этот момент из-за ближайшего холма с ревом и гиканьем посыпались кракеозы. Предводитель кормов выхватил двуручный меч и скрестил его с мечом предводителя кракеозов. Поле битвы заволокла пыль.

Велимир еще успел заметить, как верховный корм ловким ударом расколол щит предводителя кракеозов пополам, потом увидел одного из кракеозов, раскручивающего над головой дюжину соединенных стальной нитью, усеянных острыми шипами шаров. Неподалеку от него медленно оседал на землю с торчащей из горла черной стрелой хранитель священной мухи. Сделав изящный разворот, супершпион стал снижаться над великой топью.

Вовремя. Предупредив дорожников о том, что справа к ним подкрадывается болотный тигр, и выведя их на безопасную тропинку эльфов, Велимир переключился на другой мир.

Здесь его помощь была не нужна. Двое дорожников перед возвращением любовались заходом солнца. Одного звали Врад. Судя по профилю и цвету кожи, он был потомком индейцев. Второй, по имени Бангузун, на первый взгляд казался увальнем, но это впечатление было обманчиво. По крайней мере Велимир, видевший однажды, как Бангузун голыми руками задушил полосатую гориллу, знал, что по быстроте реакции и силе среди дорожников ему, пожалуй, не найдется равного.

А закат был действительно прекрасен. Велимир развернул супершпиона так, чтобы видеть его как можно лучше, и тоже залюбовался тем, как голубое в белую крапинку солнце, пуская изумрудные, бордовые и лазурные лучи, медленно тонуло в море, делая его темнее и загадочнее, словно растворяясь в безумии самых неожиданных цветов и оттенков.

Так, с этим все в порядке.

Он переключился на третий мир. Увидел, как работавшая в нем группа из трех человек выбралась на дорогу миров, и заставил супершпиона следовать за ней.

Посмотрев минут пятнадцать, как возвращаются дорожники, Велимир хотел было уже отключиться, но тут откуда ни возьмись появился квадратный гибарянец. Он шел по дороге, весело отдуваясь и выбирая случайного путника, на которого можно было плюнуть проклятым молочком. Понаблюдав за тем, как трое дорожников осторожно и профессионально обошли гибарянца стороной, Велимир напоследок глянул на его наспинный гарем, из которого высовывались маленькие, с изумрудными глазками и красивыми напомаженными усиками головки гибарянцевых жен. Прекрасно. Вернув супершпика в тот мир, из которого его взял, Велимир отключился.

Порядок!

Он снял с головы мнемошлем и блаженно откинулся в кресле.

А ведь было время, когда на дороге находилось до дюжины групп. Вот это была работа! Особенно если учесть, что большинство дорожников тогда были зелеными щенками и лезли в любой сомнительный и опасный мир. Только успевай им советовать, ободрять и выдавать нужные сведения. А чтобы правильно посоветовать, надо обладать опытом. Откуда же его взять, если сам — зеленый щенок? Да и аппаратура тогда была значительно хуже.

Кстати, когда же это было? Лет двадцать назад, никак не меньше. Ну да, дорогу открыли двадцать пять лет назад. Поначалу велась одиночная разведка и строился комплекс. Да, не менее двадцати. Именно тогда он и пришел в комплекс.

Подумать только — двадцать лет.

Велимир закурил.

Все-таки было что-то не совсем реальное в том, что он, сидя в диспетчерском кресле, мог побывать в любом из четырех десятков исследованных миров. Это давало ему странное могущество. Почему? Он обыкновенный, средних лет мужчина. Его не очень любят женщины. По воскресеньям он играет в гольф и пьет пиво. Любит хорошие сигареты и неохотно бреется. Башмаки у него всегда стоптанные и нет времени купить новые. Вот это — он.

Однако, надевая мнемошлем, Велимир становился диспетчером, отвечающим за все случившееся с дорожниками в исследуемых мирах. Со стороны может показаться, что работа у него легкая. Дорожники рискуют своими жизнями, он же не рискует ничем. Только наблюдает и вмешивается лишь в крайнем случае. Но кто другой сообщит о том, что вблизи от группы рыщут гигантские кентавры, что пурпурные мидии готовятся выползти на сушу или что нужная дорога находится левее? А еще он должен знать все исследованные миры как свои пять пальцев. И никогда ему не удастся попробовать сладкого дамайского сокограда, понюхать жемчужную орхидею, узнать, какова на ощупь вода великого безбрежного океана на Лорее. Только наблюдать, не более.

Кроме того, иногда дорожники гибнут. И даже он не может ничего сделать. Остается — запоминать. В следующий раз это знание спасет жизнь другим.

Велимир выпустил облачко дыма и вспомнил, что лет десять назад диспетчеров попытались заменить искусственным мозгом. Якобы у него реакция лучше. Но в этом деле главное не реакция, а интуиция. Через месяц, когда количество опасных происшествий с дорожниками возросло раз в десять, искусственный мозг убрали.

Ладно, пора за работу.

Выпив чашку кофе, он выкурил еще одну сигарету и надел мнемошлем.

Все шло хорошо. Две группы уже вернулись в комплекс, третья — с Гормы, за которую он сильно боялся, только что выбралась на дорогу миров. Превосходно! Диспетчер проследил эту группу до самого конца. Он наблюдал, как дорожники перешагивали через окно и, поприветствовав стража, шли в комнату отдыха. Стоило очередному дорожнику оказаться в комплексе, у него начинали исчезать последствия эффекта искажения. Кстати, это был один из самых странных эффектов дороги. Тела попавших на нее людей быстро изменялись. Причем некоторые вдруг приобретали третью руку или второй нос, у других лишь чуть-чуть изменялось лицо. Но

стоило вернуться в комплекс, как этот эффект пропадал. Правда, чем дольше человек находился на дороге, тем медленнее исчезали его последствия. Из-за этого эффекта всех новичков-дорожников первым делом выводили ненадолго на дорогу миров. Оставляли только тех, кто изменялся в пределах определенной нормы.

Ученые, конечно, долго ломали над этой особенностью дороги головы, но более или менее логичного объяснения эффекту не нашли. Лишь страж дороги как-то по пьяному делу сказал, что таким образом дорога раскрывает внутренний облик попавшего на нее человека. Объяснение было неплохое. Только Велимир не мог понять, каким образом наличие третьей руки или обрастание черепашьим панцирем раскрывает внутренний мир?

Велимир снял шлем и опять закурил.

Да, объяснение стража ненаучное. Но что мы сделали до сих пор в науке? Ну, потратили на исследования двадцать лет. Ну, угробили чертову уйму людей, исписали горы бумаги, сделали целую кучу никому не нужных открытий. А что толку? Может, и не надо никаких исследований? Может, для того, чтобы понять дорогу, надо стать ее частью? Соединиться с ней? Почему мы воспринимаем ее как загадку? Загадочных вещей нет вообще, есть те, которые трудно понять со своей колокольни. Стало быть, для того, чтобы понять дорогу, надо отправиться по ней — куда глаза глядят?

Велимир потушил окурок и налил из термоса кофе. Отхлебнув первый глоток, он поставил чашку на пульт и вдруг подумал, что всего лишь пару часов назад в этом кресле сидел мертвый Лапоног.

Да, теперь можно посидеть и подумать о смерти Лапонога. За двадцать лет Велимир видел этого добра достаточно. Правда, через следящие камеры супершпиона. А вот эта была здесь. Хотя пять лет назад, когда они еще только начинали исследовать мир Горма, диспетчер Плащенос навел на засаду кракеозов группу из шести дорожников. Все они погибли. Никто не сказал Плащеносу ни слова, потому что на дороге бывает все, а диспетчер не всемогущ. Он судил себя сам и сам же привел приговор в исполнение. Но даже эта смерть была не здесь, а где-то там, на пригородной вилле.

Да, подобного еще не было.

Велимир снова попытался вспомнить лицо Лапонога, но лишь увидел, как два аварийщика снимают его тело с кресла. Вызывать реаниматоров смысла уже не было. Тело куда-то унесли. Сутулый особист быстро допросил Велимира. Очевидно, потом в диспетчерской еще что-то делали, может быть, измеряли, фотографировали, составляли протоколы, но диспетчер этого уже не видел. Он немед-

ленно сел в кресло и надел мнемошлем. Вовремя. Тем троим, на Горме, пришлось бы без его помощи худо.

И все-таки откуда взялась гадюка? Не могла же она заползти сюда через окно дороги? Нет, это невозможно. Значит, ее кто-то принес. Кто?

Велимир отхлебнул из чашки. Кофе показался ему горьким.

А ведь действительно, чего проще? Небольшая, прозрачная, завернутая в целлофан лепешка. Пронести с дороги — раз плюнуть.

А потом, в удобный момент, неторопливо пройти по коридору, вынуть сверток, сорвать целлофан, продержать десять секунд в руках... И совсем уж просто распахнуть дверь, чтобы швырнуть гадюку внутрь. Остается только захлопнуть дверь — и дело сделано.

Кому же навредил Лапоног, что его решили убить таким способом? Жену отбил? Дочь опозорил? Сто рублей не отдал? Что именно?

Нет, никто из работников комплекса на это не способен. Нужно быть совершеннейшим идиотом, чтобы убить диспетчера во время работы. Это могло кончиться смертью нескольких дорожников. Нет, местью это быть не могло.

Велимир замер.

Какая тут, к черту, месть, если все было идеально рассчитано? Не поторопись он, и гадюка успела бы развернуться полностью. Тогда — смерть. Учитывая, что диспетчерскую посторонние не посещают, у мнемогадюки вполне хватало времени построить защитный кокон. В этом случае с ней не справились бы и недели за две. Соответственно на этот срок прекратилось бы и исследование дороги.

Те, кто спланировал эту акцию, не учли только, что он, Велимир, забеспокоится и придет раньше обычного. В самом деле, не обладай он способностью заглядывать в чужие мысли, все прошло бы без сучка без задоринки, по плану. Кстати, наверняка кто-то из комплекса подкуплен. Без этого они обойтись просто не могли.

Но все-таки кому это было нужно?

Солнце светило им в глаза. Медвежонок и Птиц проснулись. Они умылись в ближайшем ручье, а потом пошли по дороге и почти сразу же наткнулись на заросли спелой малины. Насытившись, приятели тронулись дальше.

В кронах деревьев пронзительно кричали невидимые птицы, а может, и не только они. Пухленькие зеленокожие дриады сидели на обочинах дороги и нарезали пробивавшиеся сквозь листву солнечные лучи на аккуратные дольки, чтобы ночью залить их лунным

светом и, добавив травку-буратинку, получить на завтрак вкусный салат. Птичка-врушка, прыгая с ветки на ветку и смешно помахивая двумя головами, увязалась было за ним, но вдруг отстала для того, чтобы рассказать встречным белкам про старого медведя. Оказывается, он принимает по утрам ванны из малины, а пчелы из черного улья носят ему мед прямо в берлогу. И вообще...

Край дриад кончился. По сторонам дороги потянулись кривые, словно измазанные ржавчиной, кусты. Вскоре их сменили баодеды и баобабы. Из-за одного из них на дорогу вдруг выскользнула голубенькая, почти прозрачная русалка, за которой топал телеграфный столб.

Русалка посмотрела на Птица с медвежонком и улыбнулась. Остановившись неподалеку, она вытянула тоненькую руку и что-то сказала на языке ручьев.

Медвежонок и Птиц переглянулись и пожали плечами. Они не знали этого языка. Огорчившись, русалка топнула изящной ножкой, а телеграфный столб за ее спиной изогнулся, как кобра, и зашипел.

Птица осенило.

Он вытащил из сумки на животе неизвестно каким образом завалявшийся там кусок сахара и протянул его русалке. Она просияла и, приблизившись, жадно схватила белый ноздреватый кубик. Легкие, прохладные губы на секунду прижались ко лбу Птица. Потом русалка вернулась под баобаб и сунула сахар в рот. Телеграфный столб радостно затрубил, и Птиц с медвежонком поняли, что можно двигаться дальше.

Часа через два дорога привела их к замку. Вокруг него был выкопан ров, заполненный покрытой ряской водой, из которой кое-где торчали головки лилий. Очевидно, вечерами на берегах этого рва пели лягушки, широко разевая рты и сладостно щуря круглые глаза, мечтая о чем-то радостном и прекрасном, стремительном и веселом, как, например, вкусная-вкусная муха. Подъемный мост был опущен, так что путники могли свободно пройти к окованным железом воротам. Прежде чем это сделать, Птиц и медвежонок остановились полюбоваться сложенными из огромных блоков стенами, из-за которых торчали украшенные вымпелами шпили башен.

— Пойдем? — спросил медвежонок.

Птиц кивнул.

Они протопали по подъемному мосту и остановились перед воротами. Над ними из-за стены выглядывал часовой. При виде Птица и медвежонка он не издал ни звука, а стал с любопытством их рассматривать.

Некоторое время была тишина.

Наконец стражник взмахнул алебардой, которую держал в руках, и спросил:

— Вам чего?

Медвежонок толкнул Птица локтем в бок, и тот, прокашлявшись, начал:

— Благородные путешественники просят принять их согласно закону о гостеприимстве.

— Ну что же. — Стражник покрутил длинный ус и еще раз внимательно оглядел их с головы до ног. — А вы точно благородные?

— Благороднее не бывает, — хором уверили его друзья.

— Хм, — с сомнением сказал стражник. — Неужели?

— Вот тебе истинный крест! — воскликнул Птиц. Медвежонок в доказательство этого плюнул в сторону и три раза подпрыгнул.

— Ну ладно! — Стражник повернулся к друзьям спиной и громко объявил: — Благороднейшие путешественники просят крова!

И сейчас же два звонких голоса закричали:

— Пропустить, пропустить!

— Велено пропускать, — сообщил друзьям стражник и, нагнувшись, нажал расположенный под правой рукой рычаг. Створки ворот со скрипом распахнулись. Птиц и медвежонок увидели обширный мощеный двор, в центре которого находился колодец. Возле него стояли две девушки в розовых одинаковых платьях. Они были очень похожи, только одна была брюнетка, а другая блондинка.

Удивленные Птиц и медвежонок не могли оторвать от них глаз, а девушки тем временем подошли ближе и дружно улыбнулись. Так же синхронно они провели руками по пышным прическам, проверяя, все ли в порядке.

Птиц и медвежонок радостно переглянулись. А девушки уже кокетливо манили их за собой. Друзья пошли. Что им оставалось делать? Они пересекли двор и, поднявшись по высоким полустертым ступеням, вошли во дворец. Дальше была узкая сводчатая комната с увешанными саблями и мечами, тяжелыми, лоснящимися от масла кольчугами, блестящими шлемами, наколенниками, кривыми и прямыми кинжалами, длинными боевыми копьями стенами. А еще на них висели луки и колчаны, прекрасные, украшенные резьбой рога и еще много чего. Даже не дав осмотреть толком все это богатство, друзей провели через комнаты с высокими и низкими потолками, с узкими окна-

ми и вообще без окон, освещаемые даже днем дрожащим светом факелов, со стенами, украшенными портретами давно умерших предков.

Уф, наконец-то они пришли.

Их привели в зал, где были удобные сиденья и низенький, уставленный кувшинами с вином и закусками стол. Девушки предложили им присесть и выпить. Птиц и медвежонок снова переглянулись.

Вино было отменное, закуска что надо, девушки красивые.

Эх, гуляй!

Через полчаса друзья осушили уже по третьему кубку, узнали, что прекрасные властительницы замка — сестры-близняшки, что их зовут Бланка и Бьянка, что они не замужем и вообще не прочь... но только с благородными путниками. Под действием вина Птиц и медвежонок расхрабрились. Медвежонок подсел поближе к блондинке Бьянке и стал ей нашептывать на ушко что-то интересное. А она весело смеялась и даже не стала протестовать, когда лапа медвежонка, как бы случайно, перекочевала с края стола на ее талию. В это время Бланка подсела поближе к Птицу и стала ему рассказывать историю своего рода. О том, как их великий предок граф дю Заоликан, тот самый, которого за победы над винными погребами и дамскими подвязками прозвали Неистовым, который в присутствии венценосного повелителя осмелился высказать некое суждение об одной части туалета данной особы, надо сказать, действительно небрежно застегнутой, за что и был лишен всех орденов, медалей и владений, остановил однажды своего разгоряченного быстрой ездой коня на крутом берегу реки, называемой местным населением, живущим в основном ничегонеделанием и сбиванием разными предметами груш, в честь какого-то из местных духов — Лаурой.

Спешившись, граф подошел к самому обрыву и долго глядел на бурные речные воды, на угрюмый лес на противоположном берегу, на изрезанное верхушками сосен и в агонии проваливавшееся за горизонт солнце. Неожиданно повернувшись к своим спутникам, разглядывая их недобрыми прищуренными глазами, подкручивая начинающие седеть усы, дю Заоликан вдруг сказал:

— Здесь! Именно здесь будут возвышаться гордые стены, за которыми взрастут мои потомки.

В подтверждение своих слов он топнул ногой. В ту же секунду кусок берега, на котором стоял дю Заоликан, обвалился. Даже неожиданное купание не изменило намерений графа, да и то сказать, не зря же его герб украшали слова «Стою на своем до самой смер-

ти». Через пару лет на этом месте действительно вырос замок. Воды Лауры наполнили выкопанный вокруг него ров, и жизнь пошла своим ходом...

Птиц вынырнул из этого нежного, обволакивающего, вкрадчивого голоса. Какие-то мысли кружились у него в голове. Ему обязательно надо было понять, за что же мы так любим женщин? И не важно, как они выглядят. В роскошном открывающем точеные плечи платье или же они покрыты перьями и имеют прекрасную голову, с удивительно пропорциональным клювом и чудеснейшим на свете хохолком. Главное — они женщины...

А Бланка продолжала рассказывать про то, как местные жители, узнав, что с некоторых пор являются вассалами дю Заоликана, отнеслись к этому известию более или менее спокойно; правда, хотели было для порядка побунтовать и даже повесить парочку графских эмиссаров, но тут подошло время сшибать груши, а потом появились другие заботы, а потом предпринимать что-то было уже совершенно неприлично. Да и граф был непрост. С целью завоевания авторитета у местных жителей он научил их гнать грушевый самогон, пришедшийся, кстати, им по вкусу.

Так что в скором времени все устроилось, и наступила так называемая мирная жизнь, состоящая из множества привычных занятий, как-то: попойки, охота, турниры, рождение детей, ссоры с хамами соседями, утренние чаепития и так далее...

В жены граф взял дочку предводителя местных жителей, чем основательно укрепил свою власть. Свежеиспеченная графиня была молоденькая, красивая, а на супруга глядела с обожанием. Что еще надо для образцовой графской жены? Не прошло и десятка лет, как двор замка и все окрестные леса звенели и стонали от криков и неисчислимых проказ сыновей неукротимого дю Заоликана...

Чувство опасности.

Птиц с усилием вырвался из плена медового голоса Бланки и посмотрел на медвежонка, со странной улыбкой пытавшегося расстегнуть корсаж задорно хихикавшей и делавшей вид, что сопротивляется, Бьянки.

— Господи, а я-то!..

Птиц неожиданно обнаружил, что его собственные руки уже некоторое время довольно забавным образом блуждают в вырезе платья Бланки. Он испугался. Это было очень, очень странно. Птиц хотел вскочить, что-то сделать, но тут Бланка погладила его руку и, расстегнув верхнюю пуговицу своего корсажа, чтобы ему было удобнее, стала рассказывать дальше историю своих предков, пировавших и воевавших в полной уверенности, что все это будет вечно, по

крайней мере пока мышь, в которую могущественный Ма-Хо-Ка превратил злого бога Рдуна, не перегрызет яшмовый столб, на котором покоится небо.

Чувствуя, что снова проваливается в розовый сироп ее голоса, Птиц хотел было вспомнить что-то важное, но не успел... А Бланка повысила голос и стала рассказывать о том, как девятый граф дю Заоликан по кличке Хромоногий, налакавшись грушевого самогона, проиграл своему соседу в нормандский пикет ползамка. Казалось, тут и пришел конец славному роду дю Заоликанов, так как гнусный сосед являлся за своей половиной замка чуть ли не каждую неделю и уже стал грозить судебным разбирательством. Но, к счастью, Хромоногий, вернувшись с ночной ловли раков, слег и в одночасье умер. К власти пришел его сын, десятый граф дю Заоликан по прозвищу Куриный Огузок. Это был суровый властитель. Он немедленно заявил, что за долги папаши он не в ответе, а если настырный сосед не прекратит своих смехотворных поползновений, то пустить ему «красного петуха» — плевое дело. Сосед подумал-подумал, прикинул, что Куриный Огузок выполнить свою угрозу вполне способен, да и отступился. И правильно сделал...

— Конечно!

Птиц резко встал и, словно пытаясь взлететь, взмахнул руками.

— Все, я сказал — все!

Он увидел медвежонка, который, оторвавшись от Бьянки, ошарашенно крутил головой. На мордочке у него было написано удивление.

А Птиц вдруг понял, что им нужно бежать, потому что тут опасно. В чем кроется опасность, Птиц не хотел знать. Но он был уверен, что бежать нужно немедленно.

Как?

Наверное, из замка их так просто не выпустят. Ну, это ничего, в первый раз, что ли? Надо схитрить. Краем глаза Птиц увидел, как у Бьянки во рту что-то блеснуло. Словно бы клык?

Так, теперь нужно вывернуться, сделать вид, что они ни о чем не догадываются.

Пытаясь пошутить, Птиц сморозил какую-то глупость. Поздно! Бьянка и Бланка вскочили. Платья у них снова были застегнуты на все пуговицы. Одновременно, словно роботы, близняшки достали широкие черные ленты и завязали себе глаза. Птиц и медвежонок остолбенели от удивления.

Между тем сестрички с повязками на глазах, широко расставив руки, приближались к друзьям.

— Ага! — крикнул Птиц. — Жмурки! Это уже лучше!

Они с медвежонком повернулись и побежали прочь. Бланка и Бьянка не отставали ни на шаг. Они бежали все теми же коридорами и переходами, где стояли цветочные горшки со странными растениями, широкими залами, со стен которых им улыбались бесконечные портреты дю Заоликанов. Казалось, портреты что-то шептали, словно хотели предупредить, но на то, чтобы их послушать, не было времени. Бланка и Бьянка наступали им на пятки.

Задыхаясь, медвежонок и Птиц выскочили во двор. Ворота замка были заперты. Мельком они посмотрели на стражника. Он показался им странным, каким-то не таким. Но главное было не в этом. Главное было в том, что выбраться из замка не представлялось никакой возможности. Не прыгать же с высокой стены вниз? И к этому добавлялось странное ощущение, что каждая стена замка смотрит на них, следит за каждым их шагом, как следит кот за беспечной мышкой. Похоже, на этот раз они действительно крепко влипли.

Птиц огляделся и, увидев раскрытую дверь погреба, бросился к ней. Медвежонок не отставал.

В лицо им пахнуло сыростью и плесенью. Гнилые ступени чуть не обломились под ними, а друзья, не замечая этого, стрелой летели вниз, чувствуя, что главное сейчас — выиграть во что бы то ни стало время.

Подвал был уставлен огромными, поросшими мхом бочками. Кран у одной был завернут неплотно, и на землю медленно сочились янтарные капли. На какую землю?

Птиц наклонился, чтобы лучше рассмотреть, и замер. Пол погреба был покрыт поникшей травой. Это была не хилая белесая, выросшая в темноте травка, а обыкновенная, сочная, знавшая солнце трава. Получалось, что в полутьме подвала она оказалась лишь несколько дней назад. Боже, а вон там виднеется придавленная стеной тоненькая березка!

Что это?

Медвежонок схватил его за руку и закричал:

— Прячься, они уже здесь! Надо запутать их среди бочек!

И тут Птиц очнулся. Две пары тонких, но, наверное, очень сильных рук уже тянулись к нему. Под черными повязками насмешливо улыбались похожие на кровавые раны рты. Медвежонок тянул Птица куда-то за бочки, но тот вдруг резко вырвался и шагнул навстречу близняшкам.

Какая разница?

Птиц резко метнулся в сторону, поднырнул под жадно нашаривавшие его руки и рванул по лестнице вверх. Сзади, тяжело пыхтя, ломился медвежонок. А внизу слышался разочарованный вой.

Быстрее, быстрее вверх!

Лестница кончилась. Друзья буквально вывалились на широкий двор замка и остановились. Ворота были по-прежнему закрыты, и страж, глядя на них, загадочно улыбался.

Что же делать?

Они слышали, как близняшки карабкались из подвала, и еще вместе с ними шел кто-то, скрипевший когтями по плитам стен, издававший глухое ворчание. Стражник нацелил на приятелей короткое, с широким наконечником копье. И тут только Птиц увидел, что у него нет ног. Стражник, словно цветок, рос из стены! Птицу стало ясно все.

— Смотри! — закричал он, показывая вверх.

Медвежонок поднял голову и обомлел. Шпили замка извивались и тянулись вверх, словно вставшие на хвост змеи. А навстречу им, возникая прямо из неба, падала огромная, усеянная сталактитами масса.

— Все, — едва слышно прошептал Птиц. — Это все.

Сомнений больше не было. Это был четырехмерный акулоид. Птицу еще не приходилось с ним сталкиваться, но из рассказов других странников он знал, что акулоиду прикинуться замком ничего не стоит. Он еще и не на такое способен. Не было никаких сомнений, что сверху на них опускается его до поры до времени прятавшаяся в четвертом измерении часть.

— Что делать? — растерянно спросил медвежонок.

— Что? — озлился Птиц. — Все, отпрыгались, пришла пора помирать.

Копье стражника просвистело возле головы медвежонка. Птиц отчаянно погрозил кулаком опускавшейся на них массе и в очередной раз огляделся. Ворот уже не было, они стали стеной, а если вернее, то уже и стены не было. Вместо нее теперь колыхалось что-то мертвенно-бледное, живое, покрытое броневыми пластинками и бляшками. Между тем опускавшаяся часть акулоида закрыла небо. Сталактиты превратились в сверкающие зубы. Еще секунда...

— Мама! — тоненько закричал Птиц. Рядом с ним медвежонок, с искаженной от ужаса мордочкой, как зачарованный, смотрел вверх...

Что-то мягкое и цепкое опустилось им на спины. В следующую секунду лязгнули зубы. Поздно. Невидимая рука выдернула

Птица и медвежонка из пасти акулоида и понесла над лесом, пытавшимся дотянуться до них остроконечными пальцами елей. Шиш с маслом!

Они летели все быстрее и быстрее. Неизвестно куда. Хотя почему неизвестно? Вот перед ними гостеприимно открылось окно, и они мягко приземлились на дорогу миров...

Велимир облокотился о пульт.

А ведь это же просто! Хрустальные гадюки водятся только в мире Алколь. В свернутом состоянии гадюку можно держать не более недели. Остается узнать имена дорожников, побывавших в этом мире за прошедшую неделю.

Дав компьютеру задание, он снял с пульта небольшого костяного крокодильчика и стал его рассматривать. Крокодильчик был толстенький, с короткими кривоватыми лапками и хитрой мордочкой.

Кто же его подарил? Вроде бы Абузар в благодарность за помощь в Хронской черной башне.

Компьютер выдал ответ минут через пять.

Итак, за прошлую неделю в мире Алколь была лишь одна группа дорожников из трех человек. Работала она там двое суток. Вполне достаточно, чтобы набрать хоть мешок хрустальных гадюк. Трое: Намгаджа, Ансаф, Дангнур. Безусловно, Велимир их знал. Намгаджа работал дорожником уже восемь лет, Ансаф — пять и Дангнур — три. Кто же из них подбросил гадюку? Но откуда он может знать? Да и его ли это дело?

В конце концов, можно побиться об заклад, что настоящее квалифицированное расследование этого происшествия уже идет. И занимается им бригада следователей, наверняка они уже получили кипу материалов, фотографий, описаний. Только какой им с этого толк? Внутрь комплекса-то их больше не пустят. А пока они докопаются, в чем дело, пройдет много времени. Велимир же чувствовал, что разобраться в этом деле надо именно сейчас. Вообще, по идее, он должен позвонить куда нужно и рассказать о своих догадках. Вот только не сделает он этого. Можно еще пойти к верховному друиду Мутру и переложить это дело на его плечи. Да нет, у него сейчас и своих забот полон рот. Ему сейчас нужно немедленно придумать, как сделать, чтобы на комплекс не наложили руку пистолетчики. Уж им-то этот случай на руку. Тем, кто будет решать судьбу комплекса, тоже. Вообще, если комплекс попадет им в руки, кое у кого гора упадет с плеч.

Нет, верховному друиду он, конечно, обо всем сообщит, поскольку он — главное в комплексе лицо, но только потом, когда дело немного прояснится.

Велимир задал компьютеру еще один вопрос и, получив ответ, что все трое интересующих его дорожников находятся в комплексе, удовлетворенно хмыкнул.

Придется прогуляться.

Выходя из диспетчерской, он оглянулся, проверяя, все ли обесточено. Все.

Коридор был пуст. Он прислушался. Тишина. Закурив, Велимир вдруг заметил, как в дальнем конце коридора возле двери с цифровым замком мелькнула бесформенная тень и тотчас же исчезла. Что это? Нет, похоже, показалось. Коридор был по-прежнему безмолвен и пуст.

Диспетчер двинулся вперед, мимо дверей кабинетов и служб. Он дошел до дежурки и возле ее стеклянной стены остановился. Находившийся за ней Сизоносен задумчиво и самоуглубленно тыкал пальцем в датчик пожарной сигнализации. Убедившись, что это не приносит никаких результатов, он вытащил из кармана коробок спичек, зажег одну и поднес к датчику.

Велимир заинтересовался.

Спичка догорела до конца, а датчик так и не сработал. Разочарованно махнув рукой, Сизоносен уселся в стоявшее неподалеку кресло и открыл книгу с нарисованным на обложке элегантным мужчиной в широкополой шляпе. Фамилию автора закрывал толстый палец Сизоносена, а вот название можно было прочитать довольно свободно: «Золотой вампир в стране зомби».

— Н-да, — сокрушенно покачал головой Велимир.

Должность дежурного была самой настоящей синекурой. В случае тревоги он обязан был набрать на пульте одну из пяти возможных комбинаций, и на этом его обязанности заканчивались. Учитывая это, можно понять, что проблема «свободного времени» была для Сизоносена первостепенной. Как правило, на этой работе долго не задерживались. Один Сизоносен продержался целых тринадцать месяцев, но это было уже что-то невероятное.

Велимир вздохнул. Пройдя дальше, к комнате дорожников, он прислушался.

Прекрасно. Оттуда доносился негромкий разговор. Рывком распахнув дверь, диспетчер вошел внутрь. Все дорожники были здесь. Впрочем, не все, Дангнура не хватало. Интересно, где он?

Комната отдыха благодаря усилиям декораторов походила на пещеру. С потолка свешивались сталактиты, из пола торчали сталагмиты, неровные, отделанные под мрамор стены белели известковыми потеками. Светильники походили на друзы драгоценных камней. О том, что это все-таки комната, напоминало лишь несколько вполне уютных, расставленных вдоль стен кресел и диванчиков. На них-то и сидели дорожники. Ближе всех ко входу был только что вернувшийся с дороги Берг. Уши у него уже приобрели нормальную форму, а вот нос укорачивался медленнее и все еще походил на штопор. Дальше сидел Свин, массировавший расположенный на лбу третий глаз, чтобы он исчезал быстрее. С другими из недавно вернувшихся дорожников все было в порядке, если не считать Мори, уныло разглядывавшего свою семипалую руку.

А Дангнура нет. Странно. Впрочем, можно начать и с двух других.

Замолчавший при появлении Велимира дорожник Крабут нервно дернул плечом и, продолжая прерванный рассказ, стал объяснять, на какие штуки способен водяной старх, если его неожиданно спугнуть. И что от него можно спастись лишь с помощью цветка пурпурной лилии.

Велимир уселся в ближайшее пустое кресло, на спинке которого висела чья-то куртка-ураганка, и закрыл глаза. Словно игрок, перед началом шахматной партии перебирающий собственные фигуры, он коснулся сознаний всех находившихся в комнате. Он почувствовал мысли Берка, беспокоившегося за свою приболевшую дочку. А вот Свин, хотя и знал наверняка, что третий глаз у него исчезнет, все же в глубине души побаивался остаться с ним навсегда. Потом Нломаль, Мори...

Медленно-медленно, осторожно-осторожно Велимир проник в сознания Намгаджи и Ансафа. Понимая, что нужно действовать как можно незаметнее, он затаился, вслушиваясь в их мысли и чувства. Ничего особенного.

Как же их проверить? Как сделать так, чтобы они подумали о хрустальной гадюке?

— ...и самое главное, чтобы осминоха не укусила синеживотика, — говорил Нломаль. — Если укусит — все, можешь считать вечернюю кадриль несостоявшейся. Верховный герцог не подарит тебе жемчужную перчатку, а через сутки тебя вообще выкинут за крепостную стену. Так вот, а я как раз отвлекся на одну... впрочем, не важно, главное, что чуть не проморгал...

Придумал!

Велимир стукнул кулаком по подлокотнику кресла и громко, чтобы слышали все, сказал:

— Черт, ну кто же мог подбросить гадюку?

Гробовая тишина.

Ну же, ну... Чего же вы?.. Нет.

Велимир облегченно вздохнул. Реакция Намгаджи и Ансафа на его слова была обычной: удивление, сочувствие и больше ничего. Это были не они. Тогда кто же? Неужели Дангнур? Да, теперь остался только он. Кстати, забавно будет, если окажется, что и он тут ни при чем. А вот это еще надо доказать. Где он?

Можно было, конечно, пошарить по комплексу прямо отсюда, не поднимаясь с кресла, но диспетчер знал, что сейчас у него ничего не выйдет. Слишком уж много случилось с ним событий за последние несколько часов. Он чувствовал, как из глубин его сознания поднимается усталость и неуверенность. Да, в таком состоянии зондировать комплекс не стоит. В конце концов, можно обойтись и без этого. Комплекс небольшой, и Дангнуру деться из него некуда.

Кто-то передал ему бокал, и Велимир отхлебнул ледяного апельсинового сока. Дорожники молчали еще несколько секунд, потом стали тихо переговариваться.

— Да, так вот, — продолжал Нломаль. — Чувствую, осминоха его сейчас укусит. А этого никак нельзя допустить. Я еще герцогу шкатулку не подарил, ну помните, над которой наши техники целый месяц корпели. Ну тут я и...

Велимир снова задумался.

Дангнур. Ниже среднего роста, но чрезвычайно сильный. Глаза — неспокойные. И еще, судя по его рассказам, слишком много вокруг него увивается девушек. Хотя редкий мужик на словах не преувеличивает количество своих любовных приключений.

Ладно, хватит об этом. Надо подумать о чем-то другом. Велимир вспомнил свою квартиру. Четыре стены, в которые он возвращается после дежурств, где не знает, чем себя занять, чувствуя, как с каждым годом окружающий, не принадлежащий комплексу мир отдаляется, становится чужим. Может быть, и Смеяна ушла, распознав женским чутьем, что Велимир с каждым годом все более принадлежит не ей, а дороге? Женщины, они такие. Для них мужские занятия — чепуха по сравнению с домом, семьей. Может, они правы? Может, действительно все объяснения о том, что они работают в комплексе на благо народа (какого?), на благо планеты (зачем это ей?), на всеобщее благо (а нужно ли оно?), только слова? Может, они эти исследования проводят лишь для

себя? И эта возня с комплексом что-то вроде детской игры-»войнушки» для взрослых? Конечно, на другом уровне, хотя бы потому, что в случае проигрыша катят своими и чужими жизнями, но игра?

Совершенно ясно, что еще лет сто из дороги ничего реального не выжмешь. Даже не стоит пытаться. Хуже будет. Потому что дорога — стихия, непонятная и неуправляемая. Они могут потратить на исследования сколько угодно времени, заполнить фактами горы бумаг и не продвинуться ни на шаг. Потому что не понимают главного — принципа, по которому существует дорога. Поймут ли они его когда-нибудь?

Скорее всего они исследуют неправильно. Нельзя понять что-то, наблюдая со стороны. Нужно умудриться стать частью этой дороги. Вот тогда можно что-то понять. Наверняка можно.

Вот он, диспетчер, потратил двадцать лет на то, чтобы вытаскивать из гиблых ситуаций дорожников, которые попадают в них потому, что ничего не знают о природе дороги. Это может продолжаться до бесконечности. И кому это нужно? Мне? Им? Людям?

Он допил сок и поставил бокал на пол.

Может, бросить эту работу к чертям собачьим? Вернется Смеяна. Наверное, она еще ждет и надеется. А если даже и не ждет, то на свете много женщин, только и мечтающих о таком, как он, отчаявшемся, сломанном жизнью мужчине, энергии которого, впрочем, вполне хватит на постройку маленького семейного рая для жены и детей. В конце концов, женщинам не так уж и важно, какие мы. Они любят в нас отцов своих будущих детей. И мы, кстати, любим женщин за то, что они похожи на детей. Они это знают и умело притворяются такими, какими мы их желаем видеть. И нет тут с их стороны никакой корысти. Это природа. Она управляет нашими поступками и желаниями. Даже легенды о загадочной женской логике не имеют под собой оснований. Женской логики нет. Есть логика природы. Разумен ли человек настолько, насколько он старается казаться? Ведь если подумать, то большую часть своих поступков мы делаем, повинуясь природе. Может быть...

Он очнулся и посмотрел по сторонам. Дорожники не хотели встречаться с ним глазами. Может быть, потому, что погиб не кто-то из них, а диспетчер. Наверное, для них в этом было что-то мистическое, вроде гибели бога-охранника. А боги не должны умирать. Они могут забыться и исчезнуть, но только не умереть.

Велимир откинулся на спинку кресла и вдруг почувствовал, что на ней что-то висит. Куртка-ураганка. Чья?

Дангнура, чья же еще? Отсутствует только он. Забавно, в этом кресле недавно сидел Дангнур. А потом ушел, забыв ураганку. Забавно!

Обдумывая это, Велимир аккуратно снял куртку с кресла и стал исследовать ее карманы. Он совершенно забыл о том, что это может кто-то увидеть. А вспомнить не успел, потому что почти сразу нащупал в правом кармане что-то мягкое и скользкое.

Целлофановый пакет. Пустой.

Да нет, не может быть. Не может быть...

Велимир осторожно понюхал пакет.

Да нет же, так не быва...

От пакета несло горьковатым, йодистым запахом. Его нельзя было перепутать ни с каким другим. Это был запах хрустальной гадюки.

Розовый жук теребил Птица за руку и нудно бормотал, что хотел бы познакомиться как можно ближе с такими прекрасными созданиями, как он и медвежонок. Рассеянно цыкнув на него, Птиц стал думать о том, что вот сидит он, Птиц, на этой самой дороге миров и вроде бы все прекрасно. Только как бы узнать, что же действительно с ними произошло. По идее, они должны были погибнуть и сейчас тихо-мирно перевариваться в животе четырехмерного акулоида, просматривая сладкие довоенные сны и напевая идиотскую песенку о том, как у Мэри был барашек, получивший эту кличку за любовь к барам и модному танцу шек.

Что за сила выдернула их из мира акулоида и вернула на дорогу? Почему это случилось? Хотя, впрочем, на дороге миров бывают вещи и более странные. Все же ему очень хотелось в этом разобраться. Может, из-за еще не потерянной надежды как-нибудь найти ответы на некоторые вопросы? Кто он такой? И зачем он? Как оказался на дороге? Куда идет? Что ищет?

Достоверно он знал только, что есть он, есть дорога и он по ней идет. Кроме того, были детские воспоминания, но с ними происходили странные вещи. Например, сейчас он знал о них только то, что они существуют, но какие они — вспомнить не мог. Когда же это произошло? Да перед самым нападением акулоида. Точно. Может быть, спасшая его сила одновременно их и прихватила? Как плату за спасение?

Он погладил ладонью голову и снова задумался...

А еще про дорогу миров говорят, будто бы по ней нельзя путешествовать больше трех лет. Якобы с теми, кто пересек трехлетний барьер, происходят ужасные вещи. Нет, это выдумка. Они с медве-

жонком идут по дороге больше трех лет, и до сих пор ничего страшного не случилось. Правда... А вдруг их спасла именно дорога миров? А ведь если так... То что же? Но все-таки...

Птиц разозлился.

Трусишь ты, братец. Испугался? Ну да, еще бы, такая знакомая и привычная дорога миров подкинула непонятную штуку? Что теперь делать? Сидеть и ждать у моря погоды? Не слишком ли шикарно? Дудки!

Встав, он резко взмахнул руками, да так, что от него испуганно шарахнулся пристроившийся рядом рыбокентавр. Сидевший неподалеку медвежонок оторвался от созерцания резвившихся на краю дороги хвойных лохов и бросил на него вопросительный взгляд.

— Пора! — сказал Птиц.

— Пора, — согласился с ним медвежонок и суетливо встал. Они поглядели друг другу в глаза, и Птиц со страхом понял, что медвежонок сейчас думал о том же самом, что и он.

Черт, какой в этом смысл?

Молча они пошли по дороге и почти сразу наткнулись на выворотня. Друзья остановились, не в силах оторваться от созерцания его безмятежного, абсолютно счастливого лица, пустых глаз и безостановочно двигавшейся метлы. Да уж, метлой он работал безупречно, аккуратно, сметая к краю дороги скопившийся на ней мусор. Неожиданно черты лица выворотня дрогнули. Словно плавящийся парафин, он потек вниз. Через секунду выворотень стал раза в два меньше ростом, утратил человеческие очертания, потом превратился в кучу белого, вяло шевелящегося студня.

— Ух ты! — произнес Птиц и, выдрав у себя из хвоста перышко, задумчиво его сжевал. Медвежонок же, напротив, смотрел на происходящее спокойно, будто видел подобное сотни раз.

— Видал? — возбужденно спросил Птиц, не в силах оторвать глаз от медленно исчезавшей, теперь уже небольшой белой лужицы.

— Ну конечно. — Медвежонок сел и неторопливо почесал у себя за ухом, точь-в-точь как это делают собаки. — А ты разве никогда до этого?..

Птиц отрицательно помотал головой.

— Это ты зря. — Медвежонок зевнул. — С годик назад я видел и не такое. Ты когда-нибудь о дорожных крестьянках слышал? Нет? Тогда тебе действительно повезло. Как ты думаешь, почему этих назвали выворотнями?

— Наверное, потому, что они словно бы вывернуты, словно бы постоянно смотрят внутрь себя.

— Ничего подобного. Их назвали выворотнями вот за это. Подметают, подметают, а потом как вывернутся наизнанку — и внутрь дороги. Вот они-то уж знают про нее все. Но не скажут.

— А-а-а! — протянул Птиц и опять озлился, подумав, как ему все это надоело. И дорога, и ее тайны, и вообще — все.

Ему захотелось чего-то своего: гнезда, пещеры, пристанища. Главное, чтобы он был там хозяином. Чтобы можно было вернуться и, отдыхая, знать — это твое. И вообще, плевал он с высокой колокольни. Нет у него больше охоты путешествовать. Вот только найдет подходящее местечко. Вот только найдет...

Птиц круто повернулся и пошел дальше, даже не проверив, следует ли за ним медвежонок. Сейчас было не до него. Однако чем дальше он уходил по дороге, тем лучше понимал, какими наивными мечтами были мысли о собственном доме. Ничего подобного никогда не будет. Будет дорога, ставшая для него сейчас, когда он потерял даже прошлое, всем: домом, пещерой, гнездом.

Тут он вспомнил про медвежонка и оглянулся. Тот был рядом. Наверное, он понял, что Птицу сейчас плохо, и оставил его в покое. Кстати, мудро.

Птиц улыбнулся медвежонку, а медвежонок улыбнулся Птицу, и дальше они шли уже рядом.

А дорога все тянулась вдаль, и где-то там, в бесконечной черноте, превращалась в золотистый, постепенно пропадающий волосок. Кто только по ней не шел! Мимо Птица с медвежонком то и дело пробегали ослоухие гримсы из мира, где огромное, вполнеба, солнце светит круглые сутки, шагали плоскостопные топотуны из мира, в котором настолько перепуталось прошлое и будущее, где время выкидывает поистине чудовищные штуки, куда-то спешили гоны в серо-зеленой одежде, с нашитыми на спине символами «инь» и «ян». На головах гонов задорно торчали треугольные шляпы, на боку у каждого висела здоровенная сумка из свинской кожи, украшенная замысловатым гербом.

Приятелям нужно было куда-то свернуть, выбрать подходящий мир. Впрочем, не все ли равно? Каждый мир по-своему хорош и интересен, точно так же, как и по-своему плох. Не бывает идеальных миров. А раз так, то и выбирать нечего. Сворачивай в первый же попавшийся.

Так они и сделали. Вернее говоря, это Птиц свернул в первый же попавшийся им мир, а медвежонок просто за ним последовал. Может быть, они это сделали зря. Может, нет. А может...

* * *

Вот это да! Да ведь подбросив гадюку, Данггнур, по идее, должен был первым делом избавиться от этого пакета. Почему же он этого не сделал? Не было времени? Хотя пакет ему могли и подбросить. Нет, вряд ли. Скорее всего это простая небрежность. Или же Данггнур был твердо уверен, что обыск в комплексе делать не будут. Почему? Может быть, он точно знал, что вслед за акцией с хрустальной гадюкой будут события, которые не оставят времени на обыск? Что же еще может стрястись?

Ладно, что будет, то будет. А пока надо отыскать самого Данггнура. В одиночку с ним не справиться. Значит, надо взять кого-то в помощь. Кого?

Он осмотрелся. Напротив Велимира сидел рыжеволосый, угрюмого вида дорожник — Нломаль. Человек надежный на сто два процента. Велимир наклонился к нему и вполголоса сказал:

— Слушай, мне пора в диспетчерскую. Проводи, есть дельце на пару минут.

Вставая, он незаметно сунул пресловутый пакет в карман.

— В обществе секретов нет, — буркнул было Нломаль, но, встретившись с Велимиром глазами и осознав, что дело нешуточное, тоже встал.

Когда они очутились в коридоре, диспетчер быстро оглянулся и вполголоса спросил у Нломаля:

— Ураганка, висевшая на спинке кресла, в котором я сидел, Данггнура?

Нломаль кивнул.

— Ну, тогда понюхай! Вот это я нашел в ее кармане.

Велимир протянул Нломалю пакет. Тот его осторожно понюхал и, ошарашенно шевельнув губами, спросил:

— Он?

— Похоже, — пожал плечами диспетчер. — Хотя... Пакет могли и подбросить. Как бы то ни было, но проверить это надо обязательно.

— Так. — Лицо Нломаля посуровело. — Мы это проверим. Сейчас. И не дай бог...

Руки его шевельнулись, как будто он отвинчивал колпачок у невидимой фляжки.

— Где он может быть?

— Да где угодно.

— Ладно. — Нломаль огляделся. — Пошли его искать. Из комплекса по крайней мере он выйти не мог.

— Но где?

— Где-то здесь. — Нломаль все еще задумчиво оглядывался. — Только держись ко мне поближе. Этот тип из тебя играючи отбивную сделает.

Глаза Нломаля потемнели. Сам он как-то подобрался, напружинился.

— Откуда начнем? — спросил диспетчер.

— От твоей резиденции, конечно. Только потише и осторожнее. Терять ему нечего, он будет драться до последнего. Значит, от диспетчерской и по порядку, до конца коридора.

Так они и сделали. Первая справа от диспетчерской дверь вела в аварийку. Это была большая, заставленная ящиками, коробками с едой и снаряжением, комната. Тут было все, что угодно, на любой аварийный случай. От спичек до последних моделей исследовательских роботов класса «супермен». Впрочем, памятуя историю с заменой диспетчеров искусственным мозгом, этих роботов никто на дорогу так и не решился выпустить.

Осматривали в строго определенном порядке. Нломаль обшаривал помещение. Диспетчер оставался возле двери, одновременно следя за комнатой и коридором.

В аварийке Дангнура не было.

— Ничего, — пробормотал, выходя из нее, Нломаль. — Никуда он не денется.

Они зашли в комнату слева, встретившую их пустотой и пылью. Когда-то здесь была комната отдыха. Но диспетчеры почти все время сидели в диспетчерской, а дорожники предпочитали отдыхать в своей комнате. Так как она пустовала, мебель из нее постепенно вывезли. Хотели, правда, приспособить ее под что-то другое, но за недостатком времени и средств так ничего и не сделали. Конечно же, Дангнура не было и здесь.

Следующей комнатой справа был архив, заставленный огромными шкафами с документами, папками и писчими кристаллами. Выходя из нее, Нломаль криво ухмыльнулся и, бережно прикрыв дверь, разочарованно развел руками.

Они безрезультатно обследовали еще шесть комнат, и Велимир прикинул, что больше половины коридора перед дверями с цифровым замком уже пройдено. А не мог ли Дангнур уйти в другую часть комплекса? Вряд ли. Кстати, тогда его должны были видеть стоявшие на страже возле двери с цифровым замком мухобои.

Теперь перед ними была дежурка.

Открыв стеклянную дверь, Нломаль спросил у Сизоносена, не видел ли он Дангнура. Дежурный посмотрел на них пустыми, ниче-

го не выражающими глазами и, отрицательно мотнув головой, снова уткнулся в книгу.

Необследованными оставались еще только четыре комнаты. Комната отдыха дорожников, комната тренажеров, класс теоретической подготовки и склад оружия. Вернее, даже три, так как в комнате отдыха дорожников Дангнура не было. Негусто.

Диспетчер вздохнул и потопал вслед за Нломалем в класс тренажеров. По размерам он был не меньше средней руки спортзала и состоял из множества разделенных между собой узкими дорожками квадратов со стороной метров пять. В каждом из них была воссоздана определенная ситуация. Причем очень точно и достоверно. Нерадивый ученик здесь мог даже слегка пострадать.

Все время поглядывая в коридор, Велимир видел, как Нломаль бродил от одного квадрата к другому. Вот он отошел дальше и скрылся из глаз.

Диспетчер снова выглянул в коридор. Никого.

Пожалуй, Дангнура здесь тоже нет. Кстати, он вполне мог прорваться и на дорогу миров. А там ищи его свищи.

Велимир нервно зевнул, и тут его позвал Нломаль. Идя на его голос, Велимир прошел квадрат, где ползали огромные, страшные, покрытые пластинчатой броней, вооруженные когтями и рогами ящеры. В следующем квадрате лилась лава и полыхал огонь. Потом был странный ледяной мир, в котором бродили похожие на зайцев звери с рыжей шерстью и двумя головами.

Нломаль ждал его в квадрате рукопашного боя. Двух с половиной метровые гиганты полосовали друг друга мечами. И среди этой дикой резни, криков, стонов, свиста оружия, глухих ударов о щиты и воплей умирающих стоял Нломаль. В нерабочем состоянии все эти проекции совершенно безвредны, поэтому Нломаль не обращал внимания на происходившее вокруг него, а только рассматривал что-то возле своих ног. Подойдя и став рядом, Велимир увидел, что это тело какого-то воина.

Воина? Да не бывает воинов в костюмах дорожников. Это был Дангнур. Он лежал на боку, скрючившись в позе шестимесячного зародыша. А вокруг кипел яростный рукопашный бой.

Они стояли и молчали. Диспетчер думал о том, что наконец-то его нашли и теперь узнают все про хрустальную гадюку. А потом они, может быть, будут его судить судом дорожников. После всю эту историю можно будет забыть. Историю о том, как что-то материальное пересилило мужскую дружбу. И совершенно не важно, что было этому причиной: больная жена, угрозы, алчность или страх. Главное — все скоро кончится. И можно будет вернуться к дороге.

Кстати, а почему Дангнур лежит неподвижно? Наверное, он поджидал здесь Нломаля и, улучив момент, на него кинулся. И получил, наверное, хорошо получил. А если...

Неожиданно Нломаль нагнулся и повернул голову Дангнура так, что стал виден левый висок. Из небольшой дырочки в нем сочилась кровь.

Кто знает, был ли мир, в который они попали, именно таким, каким они его увидели? Может быть, его на самом деле и вовсе не существовало, а была лишь навеянная дорогой галлюцинация? Собственно, какая разница? Главное, они в этот мир вошли.

Он был очень странный. В такой они попадали впервые. Более всего он походил на составленную из других миров мозаику. Вернее, даже не так. Не мозаику, а лабиринт, в котором каждый мир был лишь коробочкой, в которой имелся еще один мир, а в том — другой, и так далее... до бесконечности...

Возвратиться назад они уже не могли, потому что их подхватило и понесло по воздуху, метрах в двух от поверхности через лиловый, грустный мир, где шел осенний, тусклый и безнадежный, как рассказы старика, дождь, падающий на заросли водянистой, блеклой растительности. Не зная, что это лишь первый мир и будут другие, Птиц и медвежонок затосковали. Он им совсем не понравился. В нем можно было получить насморк и, может быть, даже покрыться фиолетовой плесенью. А еще должны были водиться пиявки.

Бр-р-р-р...

Но тут первый мир кончился, и яркое солнце ударило им в глаза. Во втором мире было жарко. От шерсти медвежонка и перьев Птица сейчас же пошел пар. Далеко он, правда, не ушел, сказался застарелый ревматизм, и ему пришлось клубиться вокруг медвежонка и Птица. Что ж, для начала он организовал два клуба: «Клуб имени медвежонка» и «Клуб отчества Птица». Дальше — больше. Через пятнадцать минут пар создал этих клубов уже десятка три или четыре. Самый последний назывался «Клуб вечной и чистой любви медвежонка к эвкалиптовым листьям». Но тут солнце пригрело посильнее, и пар исчез. Впрочем, он всегда такой: чуть что — и исчезает.

Из-за этого пара Птиц и медвежонок даже не успели толком рассмотреть тот мир, через который их несло, но это было совершенно не важно. Их сейчас же закинуло в третий, сверкающий и переливающийся всеми национальными цветами мир, встретивший их заздравными тостами, обниманиями, поцелуями, танками, шам-

панским, саперными лопатками, фруктами, густыми бровями, полным соединением и полным отсоединением, выстрелами из-за угла, многотысячными митингами и черт знает чем еще. В этом мире Птиц получил палкой по ноге, а медвежонок — медаль «За успешное сворачивание межнациональной розни вручную». В этом мире они могли еще много чего получить, но тут их вынесло в следующий.

Птиц подумал, что все это неспроста. Не бывает миров, в которых за здорово живешь носит по воздуху. А еще он подумал, что это, очевидно, новые штучки дороги. Вот только зачем все это? Может быть, она им хочет что-то показать? Что?

А их несло уже через неизвестно какой по счету мир... Их? Птиц вдруг понял, что медвежонка рядом нет. Куда же он делся? Может быть, его оттащило в сторону? Надо было что-то предпринять, но Птиц никак не мог придумать, что именно, и вообще в голове у него слегка гудело, тело было странно вялым и непослушным. Делать что-либо расхотелось.

Его несло. В очередном мире он увидел, как зашивается с металлом директор какого-то предприятия. Несмотря на большой опыт в этом деле, стежки у него получались кривые, и это было не совсем хорошо. Металл представлял собой огромную железную балку, не без самодовольства вертевшую в разные стороны и выставлявшую на всеобщее обозрение табличку «За меня гибнут люди».

Вокруг директора и балки стояла толпа молча наблюдавших за тем, как директор зашивается, до ужаса худых существ. Кто они такие, Птиц не понял. В конце концов, это было не так уж и важно, потому что он влетел в следующий мир, потом еще в один, потом... Он погружался в эти миры, как ложка в сахарный сироп. Они мелькали и проносились мимо. Миры с двумя солнцами и миры с тремя лунами, миры без солнца и луны, погруженные в первобытную тьму, где на холодных, пронизываемых ветром равнинах трубили мамонты и ревели саблезубые тигры. Миры ядерных взрывов и миры жизни, покрытые копошащейся, растущей, хватающей и умирающей зеленой броней. Миры...

Птицу уже давно надоело смотреть по сторонам. Глаза его сами собой закрывались, а миры складывались в его голове в детскую считалочку, на каждое слово которой он проскакивал по одному:

— Эники — безбрежная вода. Беники — обжигающий холод. Чукете — разинутая зубастая пасть. Мэ — мертвая бабочка. Абуль — протяжный боевой крик. Фабуль — белоснежная, как кусок сахара,

мечеть. Домине — голубой шарф и длинные волосы. Экс — скамейка. Пэкс — дракон. Пулю — гадюка. Пукс — песок.

Пауль.

Он остановился и медленно-медленно, словно просыпаясь от долгого сна, огляделся по сторонам.

Перед ним был мир, к которому он шел всю жизнь, о котором, еще не зная, как он выглядит, мечтал. Мир широких долин и тихих, задумчивых, извилистых речушек. Мир сонных рощиц. Мир солнечных, пахнущих полднем и грибами полян, мир гигантских степных трав. Но самое главное — это был мир свежего ветра и крыльев.

Да, это был он. Мир рвущих воздух крыльев, больших и малых птиц, паривших у самой земли и выше, и еще выше, в бездонном поднебесье.

Птиц стоял посреди большой поляны, закинув голову вверх и жадно раскрыв клюв. Он смотрел. И ничего больше ему не хотелось. Он был счастлив тем, что этот мир оказался существующим. И поначалу этого хватало. Но потом внутри у Птица появилась уверенность, что вот сейчас, именно сейчас, удастся то, ради чего он искал этот мир.

С трудом передвигая длинные мозолистые лапы, он сделал пару шагов назад, а когда места для разбега оказалось достаточно, широко раскинул руки и поначалу неуклюже, а потом все быстрее побежал, чувствуя, как под его руками бьется ветер. Он бежал и верил, что еще немного, вот у того конца поляны случится чудо. Руки превратятся в крылья, и он взлетит. Высоко-высоко. Под самое небо. Вот сейчас.

Дудки!

Что-то невидимое мягко взяло его за плечи и со звонким чмоканьем, как пробку из бутылки с шампанским, выдернуло обратно на дорогу миров...

— Вот так, — сказал Нломаль.

Выпрямившись, он скрестил руки на груди и стал насвистывать какой-то легкомысленный мотивчик.

— А пистолет? — спросил диспетчер.

— Какой пистолет? — пожал плечами Нломаль. — В левый висок стреляют только левши. А он, насколько я знаю, левшой не был.

Они помолчали.

Чернобородый воин в сверкающих латах, пройдя Велимира насквозь, радостно хохоча, вонзил призрачный меч в грудь Нломаля.

Послышалось негромкое жужжание, и в воздухе появилась надпись «Вы проиграли».

Велимир закурил и подумал о том, что они, похоже, действительно проиграли. Кому? Кто такие эти пистолетчики? Люди в мундирах и с оружием? Вообще-то, чтобы понять случившееся здесь, их вовсе не обязательно знать. Очевидно, у кого-то из их высших бонз лопнуло в конце концов терпение и они перешли к реальным действиям. А это значит — они теперь способны на все, что угодно. Хрустальная гадюка — лишь начало. Будет и хуже. Наверняка сейчас уже куда надо представили доклад, где сказано, что этим высоколобым ни в коем случае нельзя доверять такую важную вещь, как комплекс. У них там свободно ползают по коридорам хрустальные гадюки. А до президентского дворца, между прочим, рукой подать! И вообще, вся эта расхлябанность может кончиться военным вторжением.

Что такое комплекс? Окно в бесконечное множество миров. Не может быть, чтобы оттуда, с дороги, не попытались на нас напасть. А ведь сделать это проще пареной репы. Кинуть подразделение десантников, и они вырежут этих ученых клопов в течение двух секунд. Через полчаса вражеская армия захватит президентский дворец, и пошло-поехало. А вот если на пути проклятых интервентов встанут наши доблестные пистолетчики...

Нет, положительно, такая вещь, как дорога миров, должна находиться в надежных руках...

Мы-то уж порядок наведем. И, кстати, исследуя дорогу, повысим обороноспособность страны. А то она последнее время что-то подгуляла. Того и гляди окажемся голыми и безоружными перед превосходящими силами противника. Вот соседи, например, новую бомбу придумали, другие создали такое, что и говорить страшно, а мы скоро будем на последнем месте по вооружению. Когда же на нас нападут, куда вы кинетесь? Конечно, к нам. Защитите! А защищать-то и нечем! Потому что мы, пистолетчики, вовремя не получили дорогу миров, на которой эти недоумки ученые сейчас занимаются саботажем и очковтирательством...

Велимир потушил окурок о подошву и, отбросив его в сторону, задумался.

Надпись «Вы проиграли» над его головой погасла, а в противоположном углу квадрата появилась другая — «Так вы будете играть или нет?».

— Будем, — сказал диспетчер. — Обязательно будем.

— Что? — удивился Нломаль.

— Ничего-ничего, — задумчиво сказал Велимир и вдруг спросил: — После того как Дангнур вышел из комнаты отдыха, кто-нибудь из нее отлучался?

— Никто, — подумав, ответил Нломаль.

Получается, застреливший Дангнура не был дорожником. А кем... человек, вооруженный пистолетом?.. Мухобой? Нет, мухобоев перед заступлением на пост тщательно проверяют. Таким образом, пистолет не пронесешь. Если только мухобои и их начальство не в сговоре. Нет, это невозможно. По идее, в такую операцию должно быть задействовано не более двух исполнителей. Если привлечь мухобоев, число посвященных в нее увеличится. Тем самым опасность, что кто-то проговорится, станет больше.

Начнем сначала. Исполнителей должно быть не более двух человек. Один дорожник и один... Кто? Как его найти и «расколоть»? Тогда все еще можно исправить. С чего начать?.. Не дорожник и не мухобой... Стоп, есть такой человек! Есть!

— Пошли! — крикнул Велимир и бросился к выходу из класса тренажеров...

Дернув стеклянную дверь, Нломаль ворвался в дежурку. Велимир следовал за ним по пятам. А в дежурке все было как обычно. Горел ровный, успокаивающий свет, и Сизоносен сидел все так же, спиной к ним.

— А ну-ка... — шагнув к креслу, схватил дежурного за плечо Нломаль. Он был страшен в этот момент. Но больше ничего сказать не успел, потому что Сизоносен медленно-медленно стал валиться вперед. По странному совпадению, упав на пол, он застыл в позе эмбриона.

Велимир почему-то подумал, что жизнь — безжалостная штука. Может, и правда существует рок, судьба? И если бы не повезло мне, я мог бы оказаться на его месте, а он на моем?

Нломаль перевернул Сизоносена на спину и, скривившись, некоторое время его рассматривал. Потом сказал:

— Медленно действующий яд. Гады, как они все рассчитали.

Точнее не бывает. Теперь у нас нет никаких доказательств. Профессионалы.

— И что же делать? — растерянно спросил Велимир.

— Что? — Нломаль пожал плечами. — Ждать. Я думаю, через пару дней мы станем безработными. А жаль. Мне эта работа нравилась.

Он взял с подлокотника кресла книжку, которую читал Сизоносен, не без иронии посмотрел на ее обложку и положил на место.

— Пойдем, надо рассказать нашим. А потом сообщить верховному друиду.

— Пойдем, — согласился с ним диспетчер. — Надо всех предупредить. Эти типы таких штучек могут приготовить гору и маленькую тележку. Судя по всему, фантазия у них богатая.

Они вышли в пустой коридор. Вообще, казалось, что комплекс вымер, и даже роботы-уборщики не сновали под ногами, охотясь за невидимым для людей, но заметным для них микромусором. Впрочем, Велимир припомнил, что в случае тревоги они автоматически отключаются. Значит, включить их забыли.

Они вернулись в комнату отдыха дорожников, и, пока Нломаль рассказывал про Дангнура и Сизоносена, Велимир опустился в ближайшее кресло и закрыл глаза.

Вот и все. Вот и доигрались. И скоро он останется без работы. Он вообще сплошной «без»: без семьи, без друзей, без личной жизни, а теперь еще и без работы. Нет, куда-нибудь он устроится, это точно. Только дороги у него больше не будет. А потом пройдет время, и он станет обыкновенным старпером (старым передовиком), и все «без» будут при нем, может, даже кое-какие прибавятся. И ему останется только по вечерам смотреть телевизор, пить чай, шататься по кабакам и рассказывать всяким пьянчужкам, шамкая беззубым ртом и обливаясь пьяными слезами, про свою никчемную жизнь. И широкоплечие парни с ледяными глазами в угоду приличным посетителям будут вышвыривать его на улицу, в грязь.

Да, перспективы радужные.

В конце концов, что такое дорога? Ненасытное чудовище, во имя какого-то абстрактного знания забирающее жизни таких славных парней, как Нломаль. Стоит ли ей посвящать жизнь? Может, лучше заняться чем-то более понятным? Чтобы все было, как у людей. Теплая, сонная, такая милая по утрам жена, нормальная работа, вечер, дети, которых надо вывести в люди, а потом баю-баю... И все путем, этак ладненько, чинно, не хуже, чем у других. Зато — обеспеченная, спокойная старость. Стоит ли менять это на дорогу? Нет, не так. Равняется ли это дороге, в придачу с твоей грязной, прокуренной, захламленной холостяцкой конурой?

Додумать он не успел. Хлопнула дверь.

Велимир поднял глаза и увидел стоящего возле нее верховного друида. Лицо его было угрюмо, волосы на голове стояли торчком, ослабленный галстук болтался, как овечий хвост. Как-то странно дернув плечом, он бухнулся на ближайший диванчик и обвел дорожников тяжелым, немигающим взглядом.

— Что случилось? — в полной тишине спросил Нломаль.

— Все, — глухим голосом сказал Слав Скалевский, верховный друид, почетный исследователь высшей степени, штабс-секретарь президентского научного общества, лауреат черт знает скольких премий, ученый с мировым именем. — Все пошло прахом...

Что это было? Сон, галлюцинации, временное помрачение рассудка? Вряд ли этот мир был реальностью. Скорее всего очередные козни дороги миров.

Птиц посмотрел по сторонам. Он сидел на том же самом месте, с которого они начали путешествие в многослойный мир. Вот и его окошечко виднеется совсем рядом. Его ли?

Сзади слышались странные звуки. Оглянувшись, Птиц увидел сидевшего рядом медвежонка. Тот размеренно мотал круглой башкой и монотонно бубнил, покачиваясь из стороны в сторону:

— О, эвкалипт! О, сладкие, сладкие эвкалиптовые листья! О, чудесные, восхитительные побеги! Неужели, неужели никогда я вас больше не увижу, не почувствую ваш запах, не узнаю вкус?! О! Это невыносимо!..

Птиц уныло вздохнул и, почистив клюв о перья, стал думать о дороге и о многослойном мире, а также о том, что его в действительности не существует. А еще Птиц никак не мог понять, зачем дороге понадобилось подсовывать им эту галлюцинацию. Может быть, зря он у них слопал половину священного памятника? Правда, памятник был сложен из какого-то необычайно вкусного кирпича. Кто тут удержится? А еще он вспоминал миры пятнистых сирен, гигантских пауков, разумных этажерок и этажерочных разумов.

Нет, все это чепуха. Главное то, что теперь он все равно будет искать мир крыльев и найдет, несмотря на все штучки дороги. А медвежонок, конечно же, не откажется от своего мира эвкалиптов.

Ему вдруг вспомнилось детство. Хотя воспоминания были недостоверные, словно кто-то назойливо нашептывал их на ухо. Бороться с ними у Птица уже не было сил, и, подчинившись, он вспомнил мир серых скал и опасного леса. Мир, где каждую секунду можно погибнуть, где постоянно надо быть начеку. А еще все его родственники и соплеменники имели крылья, пользоваться которыми боялись. Он вспомнил, как ночью его отец стоял на краю ветки и мучительно боролся со страхом, пытаясь заставить себя полететь. Как, наконец, хлебнув пьянящего сока гигантской акации, он оторвался от ветки и взлетел, стараясь хлопать крыльями как можно тише. И минуту спустя, сделав маленький круг, он сно-

ва сидел на спасительной ветке, где собрались родственники и друзья. Они хотели поздравить героя с совершенным подвигом. А отец дрожал, но не от радости полета, а от пережитого страха. Но все же оправился и в ответ на похвалы и славословия стал говорить, что в любой момент готов полететь опять. Вот только не сейчас, когда-нибудь...

Самое странное, что ему, бескрылому уроду, по идее, должно было быть в этом мире легче. Ведь он изначально не умел летать. Как бы не так! Слишком он не походил на других. Его травили за отсутствие крыльев! У других-то они были. И не важно, что они боялись ими пользоваться...

Травля длилась до тех пор, пока он не излупил очередного своего преследователя как сидорову козу. Вот этими самыми руками, которые все считали уродством. Тогда они испугались. Его объявили преступником, хулиганом, и ему пришлось бежать на дорогу миров...

Он отвлекся от воспоминаний. Нет, что-то было в них фальшивое, неестественное, словно они были упаковкой, в которой скрывались настоящие воспоминания, как-то связанные с двумя словами: комплекс и дорожник. Правда, значения этих слов Птиц не знал.

Он так резко повернулся к медвежонку, что даже напугал проходившее мимо сухое дерево, которое уронило с верхушки старое воронье гнездо и в ужасе убежало. Гнездо упало на медвежонка. Некоторое время ничего не происходило. Потом куча старых веточек, листьев и земли зашевелилась.

— Так, — сказал медвежонок, высовывая из нее мордочку. — Теперь, значит, мою голову приспособили под это?

Он с шумом встал и отряхнулся. Рассеянно поглядел вслед убегавшему дереву.

— Пойдем? — спросил Птиц.

— Хорошо, — согласился медвежонок.

Они пошли. Вдруг им стало весело. Медвежонок даже затянул старинную походную песню:

Бей, барабан,
громче шах.
Врагов ураган
втопчем в прах!

Проходя мимо окна, в котором должен был быть многослойный мир, Птиц заглянул. Ну, конечно же, другой мир. Так он и знал.

На этом участке дороги окна встречались редко. Следующее было далеко, километрах в двух. Но что такое два километра для бывалых путешественников?

Они шагали и шагали, иногда от избытка чувств даже подпрыгивая. Немного погодя их остановила полутораметровая мышь, спросившая, не видели ли они мир, в котором все из колбасы и сыра. Птиц с сожалением сказал, что такой мир им не встречался, но пусть она не расстраивается, так как дорога длинная, а на ней чего только не бывает. Мышь заметно огорчилась и сейчас же побежала прочь. Кстати, «чь» загордилось, сообразив, что про него бегают гигантские мыши. Оно, конечно же, надулось и загородило двум друзьям дорогу. С другой стороны к нему подползали два гузяблика. «Чь» этим воспользовалось и попыталось их подбить на сотрудничество. Однако, увидев, как оно вытаскивает молоток и гвозди для подбивания, гузяблики кинулись наутек. Сотрудничество разочарованно вздохнуло и растворилось.

Тогда «чь» кинулось на Птица с медвежонком. Вообще-то зря. Медвежонок сейчас же скрутил его приемом «двойной нельсон». После этого друзья стали соображать, что с таким «сокровищем» делать. И придумали.

Птиц поймал пробегавшего мимо бамбучника и приготовился использовать его как самочинный аппарат. Медвежонок тем временем добавил в «чь» звездного эфира. С помощью бамбучника они перегнали получившееся в чифирь, который сейчас же тайком вылакал сам бамбучник. От этого он радостно позеленел, встрепенулся и, дружелюбно ткнув Птица в живот прямой, твердой, как слоновая кость, веткой, стал танцевать старинный танец «Крокодил пытается рассмотреть свой хвост», сменившийся танцем «Крокодил чешет затылок». Но самым лучшим был третий танец, называвшийся «Крокодил играет в ленту Мебиуса».

Бамбучник настолько разошелся, что вскочил на спину медленно ползущего мимо бронтозавра, который сейчас же небрежным щелчком хвоста свалил его на дорогу.

Вскочив, бамбучник страшно разозлился, закричал, что переломает этой твари все конечности, и, не переставая вопить, кинулся в погоню. Обернувшись и увидев своего преследователя, бронтозавр, очевидно, струхнул и побежал. Под тяжестью его туши по дороге миров заходили волны. Птица и медвежонка несколько раз ощутимо подкинуло.

Довольные шуткой, которую откололи, они весело посмеялись и тронулись дальше. До ближайшего окна оставалось меньше километра, но это не имело никакого значения.

Птиц тиснул медвежонка локтем в бок и закричал:

— Йо-хо-хо!

Медвежонок заулюлюкал. Они подпрыгнули на дороге, как на гигантском батуте. Дорога спружинила и швырнула их вперед. Вперед!

Они брели все дальше и дальше, подпрыгивая, издавая нечленораздельные звуки, с удовольствием распугивая стайки ненужных циркуляров, циркулировавших по дороге туда и обратно в поисках отбросов, которыми они, собственно, питались.

Потом им встретилась группа военных, стоявших возле ржавого танка и озабоченно оглядывавшихся по сторонам. Один из солдат неуверенно потребовал сказать пароль.

Птиц засмеялся и, ловко проскочив между двумя офицерами, побежал дальше, а медвежонок свернулся в тугой мохнатый шарик и прокатился под днищем танка. Военные что-то кричали им вслед, но друзьям было уже не до этого. Близко, рукой подать, светилось окно, и в него надо было обязательно заглянуть.

Лапы у медвежонка были короткие, не то что у Птица. Поэтому к окну Птиц прибежал первым. Оглянувшись на медвежонка, он насмешливо помахал ему рукой и бросился в окно, но, наткнувшись на невидимый барьер, тотчас же и вылетел обратно...

Скалевский нервно провел рукой по лицу, словно стирая с него невидимую паутину. Секунду помедлив, он вытащил из кармана сигару и закурил. Его всегда спокойное, несколько полноватое лицо сейчас было бледнее обычного.

— Что случилось? — спросил дорожник по имени Коррек.

Верховный друид выдохнул идеальное колечко дыма и стал смотреть, как оно медленно расплывается в воздухе. Вот от него осталось только сизое облачко. Тогда Скалевский сказал:

— Час назад направлявшийся в Тарзанию с дружественным визитом президент Тирен Бар погиб в авиакатастрофе. Причины выясняются.

Кто-то удивленно присвистнул.

Скалевский выпустил очередное облачко дыма и продолжал:

— Совершенно понятно, что следующим нашим президентом будет Сильвер Щерб, человек прогрессивных взглядов. Учитывая международную обстановку и ситуацию в стране, к исполнению президентских обязанностей он приступит с завтрашнего дня.

— А что же тут плохого?

— То, что комплекс пистолетчикам он не отдаст. И они это хорошо понимают. Таким образом, у них осталось чуть меньше

суток на то, чтобы завладеть комплексом и поставить нового президента перед уже свершившимся фактом.

— Но как это можно сделать? — удивился высокий чернобородый дорожник Эллиот.

— Как угодно, — пожал плечами верховный друид. — Они могут, например, инсценировать вторжение с дороги миров. Причем сделают это убедительно. Собственно говоря, ничего трудного тут нет. Захватить комплекс. Пострелять внутри. Разложить по коридорам несколько убитых на дороге внеземлян, расправиться с нами — и дело в шляпе. В общем, операция несложная, но эффективная.

Насколько я знаю пистолетчиков, они это сделают. Вообще, ситуация интересная. Завтра комплексу ничего угрожать не будет. Вот только как до этого дожить? Кроме того, совершенно ясно, что происшествие с хрустальной гадюкой — тщательно подготовленная акция. Новый президент будет настаивать на расследовании, скорее всего с привлечением иностранных специалистов, которые вполне могут разобраться что к чему. Пистолетчики теперь, когда ситуация изменилась, кровно заинтересованы в забвении этого дела. Но как это сделать? Конечно же, получить в собственность комплекс. Это еще более повышает шанс того, что на нас в ближайшие часы нападут.

Некоторое время в комнате была тишина. Все молча переваривали сказанное Скалевским. Сам же он, закинув руки за голову, неожиданно продекламировал:

Молодой джентльмен из Бомбея
влез на пальму, летать не умея.
С криком бросившись вниз,
задавил десять крыс
Молодой хулиган из Бомбея.

Это у него было такое хобби. Время от времени он сочинял лимерики и к месту и не к месту их читал.

Тут Нломаль вздохнул и стал докладывать верховному друиду о случившемся с Сизоносеном и Дангнуром. А тем временем с Велимиром что-то происходило. Окружающий мир словно отстранился, стал полуреальным. Диспетчеру почему-то было на это совершенно наплевать. Он думал о своем. О том, как они, люди комплекса, боролись за знания и верили, что кому-то это нужно. А потом оказалось, что всем на это начхать. Им казалось — знания помогут окружающему миру, простым людям, даже и

не слышавшим, быть может, про дорогу. Не нужны им знания. Хлеб им нужен, бензин, мясо, а знания — нет. На хлеб их не намажешь, на стенку не повесишь. А принесут ли они благие плоды, еще бабушка надвое сказала. Хотя, если у ученых есть такое желание, пусть они занимаются своими делами, исследуют дорогу или еще чего там, лишь бы не мешали, не приставали... До тех пор, пока эта дорога не понадобится...

И вот когда этим людям из большого мира понадобилась дорога — на их пути не становись. Сметут. Кто-то в расшитом золотом мундире ткнет пальцем в один из разработанных специалистами планов, и дело сделано.

Господи, да ведь это же так просто! Наметить двух нужных людей, взять их за горло, и все. Главное — действовать спокойно, неторопливо, в полной уверенности, что осечки быть не может. И действительно, осечки не было! Все прошло без сучка без задоринки, а исполнителей уничтожили, как ненужный мусор. Браво!

Самое жуткое в этой системе то, что в ней каждый человек лишь фигура на доске. Поиграли, а когда нужно, сняли с доски и выбросили. Свинство!

Диспетчер коротко вздохнул и закурил. Он видел, как спорили дорожники, как им отвечал Скалевский. Они обсуждали, планировали, но диспетчер знал, что это ни к чему. Против лома нет приема. Если раньше с ними поигрывали, то сейчас взялись по-настоящему. И остается только искать пути отступления получше.

Его вдруг охватила бессильная ярость.

А как же дорога? Тысячи расположенных на ней миров? Кстати, если такое происходит у нас, то почему этого не может быть в других мирах дороги? Почему она до сих пор не захвачена военными? В каждом мире их достаточно. Ан нет. Значит, в дороге есть что-то, мешающее ее захвату. Что это такое? И не самое ли время ему сработать?

У него внутри появилось странное, ранее не испытанное ощущение натянутой нити, каким-то образом связанной с дорогой. Она натянулась, и словно бы по ней пробежал сигнал, почти тотчас же исчезнувший. Можно было подумать, что все это Велимиру показалось, если бы через минуту не пришел ответ. Что-то наподобие сгустка энергии проскользнуло в его подсознание и там притаилось.

И тогда диспетчер успокоился. Он даже откинулся в кресле и снова вернулся в реальный мир, стал понимать происходящее

вокруг, почувствовал запах сигарного дыма и услышал торопливый волнующийся голос Нломаля.

— Разоружить мухобоев и к чертовой матери из комплекса. Нечего им тут делать. Двух человек в радиоцентр, чтобы они его держали зубами и ногтями. Как только на нас нападут, они открытым текстом передадут об этом хоть всему миру. Лишь бы не успели заглушить передачу. Ну как? По-моему, это единственный выход.

Ого, да они тут зря времени не теряют!

Скалевский скрипнул диваном и стряхнул пепел в небольшую металлическую пепельницу. В этот момент заговорил Эллиот:

— Все это так. Но, разоружив мухобоев, мы сыграем противнику на руку. В конце концов, мухобои должны защищать комплекс.

— Да какие они, к черту, защитники. От них толку, как от козла молока! — горячился Нломаль.

— Слушайте, — сказал круглолицый, похожий на шаловливого амура Дрокель. — А ведь у верховного друида в кабинете есть прямой телефон к президенту. Достаточно снять трубку, рассказать все первому же попавшемуся секретарю президента и попросить принять меры.

— Не работает. — Верховный друид махнул рукой. — Полчаса назад мне позвонили и сообщили, что телефон из-за повреждения кабеля временно отключен. Исправят завтра.

— Да, — произнес Нломаль. — Значит, они уже действуют. И нападение будет. Тогда так — сейчас идем в оружейный склад. Потом двое наших объясняют мухобоям ситуацию, и пусть те катятся с богом. После чего эти двое остаются вести наблюдение. При малейшей опасности они скрываются в комплексе и баррикадируют двери. На счастье, окон здесь нет. Может быть, до завтра продержимся. Пошли, времени совсем не осталось.

— Ну уж нет. — Скалевский стоял у двери. Сигара в его руке дымилась, как только что выстреливший дуэльный пистолет. — Теперь послушайте меня. Я знаю, что вы ребята бедовые и в других мирах повидали такого, что другому на всю жизнь будет много. И все-то вы умеете. Но вас лишь пятнадцать, а их может быть сколько угодно. Пистолетчикам надо до завтра во что бы то ни стало захватить комплекс, и, будьте уверены, они это сделают. Они кинут против нас полторы сотни зеленоберетчиков, три, столько, сколько потребуется, и втопчут нас в грязь.

Не спасется никто. А проникнуть в комплекс с их техникой — сущие пустяки. Двери их не остановят, а потом они пожгут нас огнеметами, как крыс. Поэтому сейчас вы тихо и незаметно покинете комплекс, в котором останемся мы с диспетчером.

Он приятельски улыбнулся Велимиру и продолжил:

— Да, да, именно мы. По закону мы не имеем права покидать свои посты. А вы имеете. Я могу вас своей властью отпустить. Ну и уходите. Я думаю, с вашим опытом до завтрашнего дня вас никто не найдет. А завтра, если что-то с нами произойдет, поднимайте шум. Кстати, этим вы можете спасти все. Увидев, что пятнадцать человек ускользнули, пистолетчики вряд ли решатся на задуманную операцию. А мы с диспетчером не окажем им никакого сопротивления. Поймите, легче умереть героями, гораздо труднее сделать нужное дело.

Теперь голос у него был совершенно официальный:

— Итак, данной мне властью я приказываю вам покинуть комплекс немедленно. Уходите!

Скалевский снова затянулся сигарой и весело подмигнул Велимиру. Но тут вскочил Нломаль. Лицо у него было красное, а глаза лихорадочно блестели.

— Ребята, да что же это делается? Да ведь это же дезертирство. Мы уходим и оставляем за себя двух безоружных. Да пистолетчики шлепнут вас, не задумываясь. Нет, сейчас мы идем...

— Прошу прощения, но никуда вы сейчас не пойдете! — послышался грубоватый, уверенный голос.

Наступила полная тишина, и тут все увидели, что на пороге комнаты отдыха дорожников стоит высокий, широкоплечий тип в маскхалате. Глаза у него были словно бы подернутые льдом. Глаза убийцы. В руках он держал автомат, ствол которого глядел в живот Скалевскому.

— Теперь мы умрем? — спросил медвежонок.

Птиц ничего не ответил.

Они сидели посреди пустой дороги миров, спина к спине.

— Но почему? — спросил медвежонок.

Птиц даже не шевельнулся. Глаза его были полузакрыты. Он думал о том, что вот все и кончилось. А им-то казалось — это навсегда. Карнавал. Праздник жизни. Бесконечные миры. А оказывается — нет. Оказывается, есть срок, дольше которого находиться на дороге нельзя. Три года — и расплата. За веселье, за миры, и пружинящее золотистое полотнище под ногами, и встречавшиеся на пути невероятные создания. И даже за мир крыльев.

Вспомнив о нем, Птиц затосковал. Мир крыльев! Он так его и не нашел. А для медвежонка где-то есть мир эвкалиптов, мир сочных эвкалиптовых листьев. Но все же крылья — лучше. И свежий ветер высоты.

А теперь за все это надо платить, даже за мечту. Может быть, как раз за нее и идет основная расплата? Сколько же она может стоить? Сколько стоит мечта? Жизнь?

— Может, попробовать пройти дальше? — спросил медвежонок и даже попытался привстать. — Может, это нам просто попался участок с закрытыми окнами?

Птиц покачал головой.

Какой, к черту, участок? Нет, это система, и раз уж в нее попал — извольте биться. Безудержная ярость поднималась в нем.

— Что, стерва, довольна? — спросил он у дороги и долбанул ее клювом.

Дорога ощутимо дернулась и даже, кажется, вскрикнула.

— Вали ее! — радостно закричал Птиц и заработал клювом, как дятел.

Дорога взвыла.

Тут медвежонок оскалился и вонзил свои длинные когти в дорогу, да так умело, что она охнула.

То-то они ей и задали! Птиц долбил и долбил, отчаянно, позабыв обо всем, с единственным желанием причинить как можно большую боль этой противной дороге, осмелившейся заманить их в ловушку. Рядом рычал и пыхтел отчаянно работавший обеими лапами медвежонок. А дорога ходила ходуном, тряслась мелкой дрожью, раскачивалась, словно гигантский висячий мост.

— Поддается, поддается, — радостно говорил медвежонок.

— Ага, ага, ага, — вторил ему, в такт ударам, Птиц.

А дорога охала, стонала, верещала и тихонько свистела.

Через полчаса они наконец выбились из сил и остановились.

— А здорово мы ее? — спросил медвежонок.

— Здорово, — согласился с ним Птиц и вдруг замер, разглядывая ставшее вдруг гладким и ровным полотно дороги. С него исчезли следы клюва Птица и следы когтей медвежонка. Оно снова было гладким и ровным.

— Так, — сказал Птиц и лег на дорогу. Некоторое время он смотрел, как по мордочке медвежонка текут слезы, а потом закрыл глаза и попытался уснуть.

Он лежал на дороге, вслушиваясь в то, как возится, устраивается и никак не может себе найти удобной позы медвежонок, и

думал о том, что дорога — обыкновенная росянка. Она раскинула свои щупальца на многие миры и ждет добычу. Только реакция у нее замедленная. Для того, чтобы схватить дичь, ей нужно три года. И вот они попались.

Что-то слегка коснулось его снизу, словно пробуя на вкус, лизнуло шершавым, любопытным языком и сейчас же отпрянуло прочь.

— Нет, — крикнул Птиц. — Нет, не получишь!

Он вскочил, чувствуя странную раздвоенность, словно бы часть его так и осталась, постепенно истаивая и всасываясь в дорогу.

Нет, не будет он лежать, ожидая своей участи. Надо бороться!

Птиц растормошил медвежонка, и, повернувшись, они побежали. Куда — неизвестно. Лишь бы не стоять на месте, лишь бы не ждать то, что подкрадывалось к ним снизу и пробовало их, как сладкую утреннюю булочку.

Дыхание рвалось у них из легких, лапы отказывались служить. Мимо мелькали закрытые и недосягаемые окошки миров. А они болтали, надеясь, что рано или поздно им представится случай вырваться из ловушки.

— Нет, — скрежетал клювом Птиц. — Врешь, не выйдет.

Мимо проносились окна миров, и на бегу Птиц уже совершенно от отчаяния прыгнул в одно из них, хорошо понимая, что оно должно быть закрыто. Каково же было его удивление, когда окно его пропустило. Медвежонок метнулся за ним, и тут их опять подхватило, потащило вперед, навстречу все открывавшимся мирам. Потом их разделило, но Птицу было уже все равно. Его несло. Время странно сжалось и, помножившись на пройденные миры, сократилось, сместилось, затаиваясь тугими петлями, на которых так приятно было скакать, как на американских горках.

Под влиянием этого Птиц тоже изменялся, жадно разглядывая открывавшиеся по сторонам чудеса и одновременно понимая, что на самом деле он остался лежать на дороге и проплывавшие мимо миры не существуют. Они мешали ему осознать случившееся с ним, почувствовать, как дорога то всасывает его в себя, то выпускает на поверхность, ощутить в руках метлу и собственные, повернутые внутрь глаза...

Опоздали. Черт, дорожники не вооружены. А коридор наверняка полон зеленоберетчиками. Значит, пробиться к складу оружия шансов нет никаких. Кроме того, пистолетчики только и

ждут повода начать стрельбу. Но одно дело — убивать нападающего противника, другое — взять и расстрелять безоружных, несопротивляющихся. Да, единственный выход — сдаться.

А пистолетчик, очень довольный произведенным эффектом, сказал:

— Вот так-то. Я вижу, вы люди разумные и не будете понапрасну подвергать свою жизнь опасности. Информирую: есть приказ при малейшем неподчинении стрелять. А теперь марш в коридор. Первым выходит верховный друид. Руки за голову. Как говорится: шаг вправо, шаг влево — побег, прыжок вверх — провокация.

Он даже улыбнулся. Еще бы, все так удачно получилось.

Велимир никак не мог сосредоточиться, чтобы прощупать мысли этого зеленоберетчика. Ничего, немного погодя он все же это сделает.

— Ну, что вы такие нерешительные, — усмехнулся зеленоберетчик. — Руки за голову и по одному. Диспетчер последним. Кстати, обмануть меня и не пытайтесь. Мне показывали фотографии, я знаю, кто из вас кто. А теперь выходите. Живо, живо. Интервал три метра.

Он взмахнул автоматом.

Верховный друид смерил его угрюмым взглядом и, закинув руки за голову, шагнул в коридор. Лицо у него было серое, усталое. За ним потянулись дорожники. Через пару минут последний из них вышел в коридор, и Велимир, тяжело вздохнув, направился к пистолетчику. Однако, поравнявшись с ним и прочитав его мысли, вздрогнул.

Тот совершенно спокойно думал о том, что как только дорожники минуют дверь с цифровым замком, их начнут расстреливать. А потом тела уложат в нужные позы и сунут в руки оружие. Даже убитые мухобои пойдут в дело. Вот такой у пистолетчиков был план. И он почти удался. Хотя можно еще что-то сделать...

От неожиданности Велимир задержался в мозгу зеленоберетчика на лишних полсекунды, и тот что-то почувствовал. Ствол автомата стал медленно подниматься...

Как бы не так!

Совершенно неожиданно для себя диспетчер пнул офицера в болезненное для любого мужчины место, потом добавил ему правой в челюсть и тут же левой рукой выхватил автомат. Никто не успел еще ничего сообразить, а он уже полоснул очередью в потолок, да так, что дождем брызнули осколки штукатурки и ламп дневного света.

И началось!

Коридор взорвался криками и выстрелами. Кто-то двинул диспетчера локтем в грудь. Отлетев к стене, он ударился головой. Наверное, к счастью, потому что первые секунды побоища были самыми жестокими. Дорожники нисколько не уступали зеленоберетчикам в рукопашном бою. Через полминуты метательный нож ударился о стенку перед лицом Велимира. Крошки штукатурки саданули его по щеке. Он очнулся и попытался встать. Вовремя, так как враг был смят и бежал по коридору, а по пятам за ним ломились дорожники.

Диспетчер все-таки встал и, запнувшись о труп Нломаля, перешагнув через зеленоберетчика со свернутой шеей, тело которого еще слабо подергивалось, поспешил к двери с цифровым замком. Автомат остался валяться где-то на полу, и искать его уже не было времени.

Он увидел, как свалка перекатилась через дверь с цифровым замком в другой коридор. Диспетчер добежал до нее самым последним. Дорожники побеждали и тут. Если им удастся захватить вход в комплекс...

Рванувшись вперед, он оказался в самой середине свалки, успел пнуть в лодыжку здоровяка в маскхалате, уклониться от удара другого десантника...

В конце коридора, там, где еще никого не было, появился вооруженный крупнокалиберным пулеметом солдат. Мгновенно его установив, он лег на пол и взялся за гашетки. Свист пуль, проклятия, несколько человек упало. Даже не пытаясь разобраться, где свои, а где чужие, пулеметчик садил широкими очередями. Грохот выстрелов и визг рикошета перекрыли все звуки.

И все же диспетчеру повезло. Он рванул влево и, чудом оставшись целым, буквально ввалился в комнату дороги миров. Отпрыгнув в сторону, чтобы не мешать, он стал ждать тех, кто последует за ним. Но нет. Не было больше никого.

А потом пулемет замолчал, и Велимир понял, что с теми, кто был в коридоре, покончено. Он представил, как пулеметчик разглядывает сплошь заваленный трупами коридор, а горячий ствол пулемета едва заметно движется из стороны в сторону, подстерегая малейшее движение в этой мешанине тел.

Чувствуя тяжесть в желудке, Велимир задвинул внутренний засов, непонятно кем и для чего установленный на двери. Как бы то ни было, но он пригодился.

Повернувшись, он привалился к стене и увидел стража дороги Мирона. В правой руке у него был длинный острый меч.

— А я поначалу подумал — ты один из них, — сказал Мирон и сунул меч в ножны. — Чуть было не рубанул.

— Кто-то из пистолетчиков здесь уже был? — устало спросил Велимир.

— Был, — кратко ответил Мирон и кивнул в угол, где из-под грязной дерюги торчали две пары десантных ботинок на толстой рифленой подошве.

Кто-то стучал в дверь снаружи. Диспетчер и страж переглянулись.

— Что случилось? — спросил Мирон, доставая из кармана сигареты.

— Все, — сообщил Велимир и вытащил из его пачки одну штуку. — Конец комплексу, исследованиям, вообще... Только что всех убили: верховного друида, дорожников — всех.

Он никак не мог совладать с руками. Спички одна за другой ломались в его пальцах. Мирон пожал плечами и дал ему прикурить.

Глубоко затянувшись, диспетчер опустился на стоявшее неподалеку кресло и, чувствуя, как по телу побежала дрожь, чудовищным усилием не выронив сигарету, выталкивая из себя слова, как будто они становились поперек горла, заговорил:

— Пистолетчики... всех под пулемет: и своих, и чужих. Никто не ушел... Почему?.. Ведь все же дорожники... Только я один... Но почему?.. И было известно заранее... А потом пулеметчик...

Он замолчал, неожиданно вспомнив то мгновение, когда рванулся к двери в комнату дороги миров, осознав, что никак не мог добраться до нее живым. Ну никак не мог он это сделать. Потому что стрелял из пулемета профессионал. А профессионал всегда всадит пулю, куда нужно, и никто у него не уйдет. А он ушел. Почему?

Неужели — дорога? Может быть, она вмешалась и пулеметчик его не увидел? Но почему? Зачем я нужен этой дьявольской, связавшей бесчисленное количество миров ленте?

— Значит, зря я Хрюндика отпустил на недельку к родственникам на свалку. Втроем бы сейчас было сподручнее.

— Бесполезно, — махнул рукой Велимир.

В дверь уже колотили, похоже, прикладами.

— А что, сдаваться? — угрюмо спросил Мирон. — Ну уж нет. Я думаю, надо уходить.

Он посмотрел в сторону окна дороги миров и прислушался. За дверью была тишина.

— Похоже, заряд прикрепляют, — сказал диспетчер и вскочил с кресла. — Сейчас дверь рвать будут. Надо уходить.

Мирон пожал плечами, поправил пояс и вслед за Велимиром пошел к окну дороги миров...

Золотистая поверхность слегка пружинила под их ногами.

Диспетчер усмехнулся.

— А ты знаешь, — сказал он Мирону, — я на дороге первый раз в жизни.

Надо было куда-то идти, а они топтались на месте, заглядывая в окно, словно не решаясь оборвать последнюю связь с миром, в котором жили. Этот мир стал для них сейчас небольшой комнатой, где стояло кресло, в одном углу были стол и остальная мебель Мирона, а в другом лежала дерюга, из-под которой торчали две пары десантских башмаков.

Диспетчер вдруг подумал, что происшедшее с ним за последние часы лишь вызванная хрустальной гадюкой иллюзия и он, так и не выбравшись из тумана, видит галлюцинации. Вот сейчас кто-то нажмет кнопку тревоги, спасательная команда уничтожит гадюку, и для него все кончится...

— А может быть, не будем уходить далеко, — спросил он у Мирона. — Кто-то же должен им помешать выбраться на дорогу?

— Кому? — удивился тот, машинально поглаживая седую бороду.

— Ну, пистолетчикам.

— Ах, пистолетчикам! — Мирон улыбнулся. — Нет, это не нужно. У меня кое-что на этот случай припасено.

Он вытащил из кармана рубиновую звездочку и, широко размахнувшись, швырнул ее в окно. Она вспыхнула, разлетелась огненными осколками, из которых мгновенно возник стального цвета экран.

— Все. — Мирон зачем-то вытер руки о штаны. — Теперь этот мир закрыт.

— Как ты это сделал? — удивился Велимир.

— Каждый страж дороги миров это умеет, — ответил Мирон. — Все, теперь можно отправляться дальше и об этом мире не беспокоиться.

— Он что, теперь будет закрыт навсегда?

— Почему? — усмехнулся Мирон. — Мы вернемся лет через пять и проверим. Может, там что-то изменится?

— А если не вернемся?

— Что ж, придет другой страж дороги и откроет окно. А если этот мир ему не понравится — снова закроет. И пусть будет так.

Честно сказать, мне всю жизнь хотелось немного попутешествовать. Пойдем.

И они пошли. Все дальше и дальше, по прямой, как стрела, и бесконечной, как смерть, дороге миров. С каждым пройденным метром им все труднее было помнить, кто они такие и зачем вышли на дорогу. А еще они изменялись. Страж миров все более походил на медвежонка коалу, а диспетчер превращался во что-то на сильных мускулистых лапах, с маленькой круглой головкой и длинными, покрытыми перьями руками по бокам туловища...

А дорога бежала вперед. То время, которое она потратила на наблюдение за Птицем и медвежонком, кончилось. В конце концов, как могли их крошечные мысли, чувства и желания сравниться с тем, чем обладала она? Однако все же что-то интересное в них было. Может быть, поэтому, когда они стали частью дороги, в одном из ее отростков возникли два новых мира. Мир высоких эвкалиптов и пьянящий свободой мир крыльев...

1990 г.

Лабиринт снов

Предисловие

Был 1993 год.

В страну хлынул вал англо-американской фантастики. Заграничных авторов издавать было выгоднее, их читатели, вырвавшиеся из-за «железного занавеса», расхватывали, как горячие пирожки. Кроме того, нашим авторам надо было платить гонорары, а для того чтобы издать иностранца, надо было всего лишь взять один из сотен накопившихся за годы Советской власти самиздатовских переводов и, не изменив в нем ни единой запятой, отнести в типографию.

В общем, возможности напечататься не было практически никакой. Мои коллеги приуныли. Я же говорил им, что не стоит отчаиваться. Читатели, наевшись за пару лет иностранщиной, снова потребуют своих, родных авторов. И не стоит терять время. Надо писать. Скоро наши рукописи понадобятся (так оно и случилось).

Сам же я в то время писал «Лабиринт снов», вдруг придумав новый мир, и вовсю игрался с ним, получая наслаждение, сходное с наслаждением ребенка, которому купили новую, яркую и интересную игрушку.

И написал и начал даже продолжение, но дописать его не успел, поскольку ко мне пришла вампирша Лисандра, и с этого начался мой цикл «Маги». Он заслонил все.

А повесть...

Мне кажется, она была чем-то вроде разминки перед тем, как я взялся за действительно крупные вещи. И еще, я повеселился как мог, хотя в этой повести нашлось место и грусти. Впрочем, веселья в ней больше.

И я об этом не жалею.

Всегда помни, кто ты, зачем пришел в этот сон, и не пропусти момент, когда из него нужно уходить.

Одна из заповедей инспекторов снов

«Фиг вам!» — сказала Красная Шапочка, доедая Серого Волка.

Народное присловье

1

В настоящей женщине должно быть что-то от волчицы. А эта... Ну, не важно.

Может быть, именно поэтому она и ушла.

Я вытащил из ящика письменного стола пистолет и, положив его перед собой, закурил сигарету.

Вороны за окном орали как оглашенные.

Вот и все.

Я посмотрел на пистолет. Он казался гораздо тяжелее, массивнее, чем был на самом деле. Забавно. Пистолет. «Смит-Вессон», шестьсот пятьдесят граммов весом, с магазином на десять патронов.

Мне вспомнилась барахолка и запросивший за него полторы тысячи небритый, невзрачный мужичок. Тщательно пересчитав деньги, он пожал мне руку и растворился в толпе.

Значит, все это было не зря. Сейчас эта покупка пригодится.

Сигаретный дым вяло уплывал в форточку.

Мне хотелось закрыть глаза, расслабиться. Постепенно, кусочек за кусочком, забыть все, что я когда-либо знал, до тех пор, пока вместо памяти не останется лишь полная пустота. И тогда появится ощущение небывалой, никогда до того не случавшейся свободы. Я подпрыгну и, словно воздушный шарик, взлечу, выскользну в форточку...

Если бы это было возможно!

Я вылез из-за стола, прошелся по комнате и остановился у окна. Прижавшись лицом к стеклу, стал смотреть на улицу.

Там был грязный асфальт, и по нему куда-то катил на велосипеде мальчишка в драном трико, а также стоял, неловко приткнув-

шись к обочине, новенький «запорожец» с наклейкой на ветровом стекле «Патроль ниссан». Вот остановились две соседки, толстые, глупые и осатаневшие от жизни. Почти сразу же одна обозвала другую дурой и сейчас же услышала в ответ, что сама «больно умная». Они вяло, словно проговаривая давно надоевшую роль, стали ругаться. А мимо них тянулась нескончаемая вереница мужиков в фуфайках. Каждый держал в руках сетку, наполненную пустыми бутылками.

Тяжело хлопая крыльями, пролетела большая, можно сказать — огромная, ворона. Кажется, она мне подмигнула.

Я вспомнил птицу-лоцмана и затосковал.

Нет, никогда я ее больше не увижу, не услышу шума ее крыльев, никогда больше она не опустится на мое плечо.

Наверное, надо было тяжело вздохнуть, но вместо этого я повернулся спиной к окну и внимательно посмотрел на пистолет.

Теперь он казался маленьким спящим зверьком, готовым в любой момент проснуться и забрать жизнь того, кто до него дотронется. Впрочем, вполне возможно, он лишь делал вид, что спит, а на самом деле просто ждал. Меня. Он знал, что я никуда от него не денусь, сколько бы ни ходил, сколько бы ни смотрел в окно.

Я вернулся к столу, и пистолет послушно лег в мою руку.

В воздухе все еще чувствовался запах духов той, что ушла. Ничего, скоро он исчезнет.

Холодный ствол ткнулся в висок. Теперь осталось только сказать себе: «А слабо?..»

Кстати, надо встать так, чтобы пуля, не дай бог, не вылетела на улицу. Еще попадет в кого-нибудь.

Ну вот, теперь, собственно, можно и начинать.

Щелкнул предохранитель.

Интересно, когда найдут мое тело? Сейчас, днем, все на работе. Выстрел никто не услышит. А если и услышит, то пойти узнать, кто в кого стрелял, просто побоится. Этот мир жесток. Излишне любопытный может запросто получить в живот пулю. Просто так, за компанию.

Получается, мое тело найдут не скоро. Может быть, только тогда, когда запах из комнаты станет нестерпимым.

Я опустил пистолет.

Передо мной по стене бежала тоненькая горизонтальная линия, потом от нее отделилась вертикальная и опять горизонтальная. Они соединились.

Не может быть.

Вот линии очертили прямоугольник, он стал темнеть, по нему, словно по экрану испорченного телевизора, побежали полосы. На секунду линии исчезли, потом возникли вновь, став четче. И наконец передо мной появилась дверь.

Оставалось лишь ее открыть и куда-нибудь войти.

Сунув пистолет в карман, я достал из шкафа старую кожаную куртку. Надев ее, я открыл дверь. За ней была черная, безграничная пустота. Правда, сразу за порогом лежал круг света, словно приглашение, напечатанное на открытке с пошлой картинкой.

Похоже, змора придумала что-то новенькое. А может, ей не понравилось, что я хотел сбежать из статичного мира? Нет, в таком случае она бы просто вытащила меня в свой мир, а там мгновенно превратила бы мой пистолет в нечто совершенно безобидное.

Я выкинул окурок в форточку. Через несколько секунд с улицы послышался истошный женский крик:

— Хулиган! Посадить тебя, козла интеллигентного, надо, чтобы в честных людей окурки не бросал. Сейчас милицию вызову! Книжки поганец читает и нос задрал! Ну выгляни, выгляни, вонючка, я тебе зенки-то выдавлю!

Пожав плечами, я подумал, что фокус с неожиданным возникновением двери больше всего походил именно на вежливое приглашение. К чему бы это?

Я шагнул на круг света, и он спружинил подо мной, как хорошо натянутый батут.

Ну и что дальше?

С сухим бумажным треском круг разорвался, и, словно Алиса в кроличью норку, я полетел вниз.

Ударивший в спину ледяной ветер едва не перевернул меня на живот, но неожиданно стих. Я падал, падал и падал вниз. Длилось это до безобразия долго. Временами мне казалось, что я вовсе и не падаю, а неподвижно завис в пустоте и это никогда не кончится.

Потом я замерз и, чтобы согреться, стал дрыгать ногами и размахивать руками. Впрочем, через некоторое время опять потеплело, и я посчитал это благоприятным знаком.

Я даже посмотрел вниз, но там была лишь непроглядная темнота. Вот мимо меня пролетела широкая, усеянная голубыми звездочками огненная лента.

Откуда-то я знал, что она живая.

Интересно, каким меня видит это существо?

Я вздохнул.

Странное равнодушие и отрешенность постепенно овладевали мной. Не хотелось ничего, даже дышать стало трудно.

Вдруг у меня под ногами полыхнуло. Мимо меня пролетело облако сверкающих искр, и я ухнул в тяжелый, вязкий, словно кисель, голубой туман. Он неохотно расступался под моей тяжестью, но постепенно стал жиже, поредел. Теперь я падал все быстрее и быстрее. Сквозь туман стали проступать какие-то неясные контуры. Я стал прикидывать, на что они похожи, но вдруг упал на наклонную поверхность и стремительно покатился вниз.

Мир кружился вокруг меня. Я отчаянно пытался остановиться, но никак не мог. А потом склон кончился. Я приложился обо что-то головой, да так, что из глаз посыпались искры, и потерял сознание...

2

...Воздух пах миндалем.

Вынырнув из беспамятства, я долго лежал, даже не пытаясь открыть глаза, и со всхлипыванием, судорожно нюхал этот запах, пропускал его сквозь ноздри, наслаждался им.

Постепенно, придя в себя окончательно, я сообразил, что все же попал в мир зморы.

Ну еще бы, какой другой мир мог так пахнуть? В какой еще другой мир я мог попасть?

Голова у меня кружилась, слегка подташнивало. Видимо, я хорошо обо что-то приложился там, на склоне. Хотелось забыться и не думать ни о чем, совсем ни о чем. Или же нет, думать, но только о чем-нибудь постороннем, не имеющем никакого отношения к зморе и ее странному миру, о чем-нибудь давнем, давно забытом и вдруг, как бы без особой причины вспомнившемся...

Да, я вспомнил.

Мне почему-то вспомнился Гунлауг-учитель.

Именно он...

Теплая осенняя ночь. Костер, в котором потрескивают сырые смолистые веточки. Рассеянно подобрав с земли длинную обожженную палку, Гунлауг вонзает ее в костер, так что к небу взлетает целый рой искр, и продолжает рассказывать:

— ...Защитники крепости один за другим умирали от голода. Кончились снаряды для больших баллист, и котлы, из которых в первые месяцы осады лили на головы штурмующих кипящий жир, опустели. Хоронить мертвых было некому. У тех, кто еще оставался в живых, не хватало на это сил.

Но никто из осажденных и не помышлял о сдаче. Все знали, что пощады не будет. А тем временем злобные тролли, предчувствуя победу, ликовали. Когда же из темных джингахарских лесов на подмогу к ним явились вооруженные кривыми тяжелыми мечами, в латах из кожи саламандр гоблины, тролли стали готовиться к последнему штурму.

Зная, что наутро их ждет неминуемая гибель, ночью, оставив на стенах лишь нескольких часовых, защитники крепости собрались на совет. На исходе ночи, когда большая кровавая луна Темисо поднялась на свой небесный трон, а маленькая — голубая, по имени Джамиран — стыдливо, как и каждую ночь, спрятала свое лицо за горизонтом, встал верховный жрец бога Гипноса.

Он сказал, что выслушал всех и понял, что никто не знает, как спастись от лютой смерти. Но он придумал, как ускользнуть из крепости и обмануть кровожадных троллей. Для этого надо уйти в странный и загадочный мир снов. Правда, добавил он, заканчивая свою речь, вернуться из мира снов обратно будет уже невозможно.

Задумались было дайны, но тут слабый ночной ветерок донес до них со стороны лагеря осаждающих скрип и стук. Это сколачивались штурмовые лестницы и щиты, чтобы защищаться от стрел.

И каждый посмотрел на небо родного мира, на стены родного города, каждый вспомнил о могилах славных предков. Но выхода не было. Мало кому хотелось умирать, и никто не желал зла своим женам и детям.

Когда же наступил рассвет и голубое солнце показалось над горизонтом, верховный жрец бога Гипноса пропел заклинание и возникла дверь в мир снов...

Через час солнце поднялось уже достаточно высоко и окрасило аквамариновым цветом покрытые жемчужными раковинами крыши домов города дайнов.

И начался штурм.

Не встретив ни малейшего сопротивления, тролли и гоблины ворвались в крепость и не обнаружили в ней ни одного человека. Все защитники исчезли неизвестно куда. Остались лишь покинутые дома и то имущество, которое дайны не смогли унести с собой.

Сообразив, что их провели, вожди гоблинов и троллей переругались. Каждый винил в неудаче другого. Наконец, собрав то, что осталось, а надо сказать, что дайны прихватили с собой наиболее ценные вещи, тролли и гоблины с позором вернулись, одни в свои джингахарские леса, другие — в мрачные теснины кромпонских гор. С тех пор отношения между этими двумя племенами испортились, и редко когда какой-нибудь гоблин, встретив на глухой лесной тропе тролля, отказывал себе в удовольствии вонзить ему кинжал в спину. Если в подобной ситуации оказывался гоблин, то тролль поступал точно так же.

Исчезновение же дайнов так и осталось великой тайной, поскольку никто в других племенах не мог определить, куда они исчезли. И только временами жрецы бога Гипноса, когда при них начинали обсуждать этот загадочный случай, понимающе переглядывались и едва заметно усмехались.

А дайны, попав в мир снов, увидели, что он странен и чужд. Многие поначалу погибли, поскольку не знали, как в этом мире жить и добывать себе пропитание. Если бы им не помогал верховный жрец бога Гипноса, они бы погибли все. А так уцелело несколько сотен самых сильных и умных.

Шло время. Народ дайнов выжил и все увеличивался. Поначалу находились безумцы, пытавшиеся искать путь обратно, в тот мир, из которого пришли. Ничего у них не вышло.

Сменялись поколения. Постепенно стерлись воспоминания о статичном мире, и мир снов стал для дайнов родным. Те, кто в нем родился, не могли уже представить, как можно жить в другом мире и каким он может быть, этот другой мир. Даже тогда, когда дайны подружились с птицами-лоцманами и научились не только путешествовать по снам, но и находить выходы в статичные миры, никто уже не мог определить, какой из них является им родным. Да и ни к чему это было. Потому что мир снов стал для них родным.

Дайны даже сменили имя. Теперь за то, что были они честны и храбры, всегда поступали по справедливости, а также не щадя живота боролись со всякой в изобилии населяющей сны нечистью — со зморами, паразитами снов, темными порождениями кошмаров и, конечно же, с черными магами, — их прозвали инспекторами снов. Неизвестно, из какого языка было взято это слово, но для многих жителей мира снов оно имело значение и воспринималось не только как имя.

Вот так в мире снов появились первые инспекторы снов.

С этого начинается их история...

Гунлауг-учитель задумался.

На мгновение из темноты вынырнула и, пролетев над костром, сгинула без следа птичка-врушка об одном крыле. Гунлауг кинул в огонь еще одну ветку. Взлетел рой золотистых ос и там, в бездонной синеве, медленно и беззвучно погас.

— Кстати, — задумчиво сказал Гунлауг, — те первые дайны, явившиеся из реального мира в мир снов, могли производить странное действие — спать. С каждым новым поколением это искусство встречалось все реже, пока и вовсе не утратилось. А жаль. Судя по всему, с помощью этого искусства первые дайны могли создавать сны. Если бы мы смогли вернуть это забытое искусство, то значительно бы увеличили свою власть.

Вздохнув, Гунлауг вытащил из костра уголек и, прикурив от него сигарету, швырнул обратно.

— Впрочем, жизнь слегка напоминает ненасытное чудовище. Больше всего она любит взимать дань, плату. И, как правило, всегда берет больше, чем дает. Так уж получается, такова жизнь, и ничего тут не поделаешь. Видимо, с дайнами произошло то же самое. За то, что попали в мир снов, они заплатили тем, что утратили дар эти сны видеть.

Иногда я спрашиваю себя, равноценный ли это обмен? Не знаю. Для того чтобы это определить, мне надо хотя бы один раз умудриться не провалиться в безвременье, а заснуть.

Кто знает, что я тогда почувствую и что со мной случится?

Да и вообще, так ли уж он неравноценен? Как это определить? Вот например: кто скажет, сколько стоят те пять минут, когда ты летом стоишь у окна, куришь и вдруг понимаешь, что вся вселенная, все окружающее вошло с тобой в странную мимолетную гармонию, и ощущаешь великий, безграничный, неописуемый покой? И стоит ли за эти пять минут заплатить несколькими седыми волосками? Кто знает? Кто определит? Кто оценит?

Он усмехнулся и добавил:

— Вот такие дела, мой нерадивый, ленивый, глупый ученик, из которого, если позволит великий Гипнос, выйдет действительно что-то стоящее...

Я открыл глаза и приподнял голову. Меня все еще слегка мутило. Я чуть было снова не рухнул на асфальт, но удержался и даже попытался сесть. Как ни странно, это мне удалось.

Через пять минут я настолько пришел в себя, что даже заметил и смахнул приставший к щеке окурок.

Ну конечно, это был мир зморы. Что же это еще могло быть? Над головой у меня висел огромный, раза в два больше, чем солнце, огненный шар. В его безжалостном свете медленно плавились унылые кирпичные трехэтажные дома с выбитыми стеклами. Они закрывали горизонт, но я знал, что в мире зморы до него недалеко — километров пять, не больше.

Неподалеку, на капоте насквозь проржавевшего автомобиля, сидел здоровенный стервятник и смотрел на меня неподвижными, похожими на оловянные пуговицы глазами. Вот он разочарованно покрутил головой и, развернув огромные крылья, с противным криком улетел.

А вдруг змора пригласила меня сюда для того, чтобы эта милая птичка не подохла от голода?

Встав, я посмотрел на свои руки и, увидев, что они почему-то испачканы мелом, вытер их о штаны.

В этот момент откуда-то из-за ближайших домов наплыл жуткий монотонный вой. Он звучал все громче и громче, пока не стал таким, что мне показалось, будто у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки. Я хотел было заткнуть уши пальцами, но тут вой смолк. На мгновение воцарилась неестественная тишина, но вот в одном из полуразрушенных домов что-то скрипнуло, потом оттуда послышался грохот, словно по паркету прокатили большой булыжник.

Я подумал, что не был в мире зморы целых три года. Кстати, он ничуть за это время не изменился.

Все же интересно, зачем я ей понадобился?

Прикинув, в каком направлении находится черная стена, я двинулся в путь.

Под ногами шуршали выцветшие на солнце бумажки от конфет. Подошвы моих ботинок гулко шлепали по потрескавшемуся асфальту.

Метров через сто был перекресток, и, свернув направо, я увидел лежавшие возле стены высокого, со множеством мраморных колонн и просевшей крышей дома кучи золота. Мне показалось, что с тех пор, как я был здесь последний раз, их стало больше.

Интересно, зачем они зморе?

Из крайней кучи торчало нечто, смахивающее на кривую полуобугленную ветку. Заинтересовавшись, я подошел ближе и всмотрелся.

Великий Гипнос!

Это оказалась мумифицированная рука. На ее безымянном пальце виднелось кольцо с печаткой в форме странного рунического знака.

Так и не сумев вспомнить, на что этот знак похож, я пожал плечами и двинулся дальше.

По мере того как я удалялся от центра мира зморы, моя тень становилась все длиннее. Солнце уже не жарило так безжалостно, и даже подул легкий ветерок. Под подошвами похрустывали черепки глиняной посуды, каменные наконечники стрел и копий, косточки каких-то мелких животных. С каждым шагом этого мусора было все больше. Дома, мимо которых я шел, становились все ниже. Большей частью это были одноэтажные развалюхи. В их стенах то и дело попадались проломы. Затянувшая их паутина, казалось, охраняла скрытую за ними жирную, наполненную странной жизнью темноту. Временами паутина с влажным чмоканьем разрывалась, из пролома высовывался кончик толстого, масляно поблескивающего щупальца и начинал слепо шарить по улице. Вот одно из них метнулось было ко мне, но на полдороге остановилось и безвольно опало.

Из-за угла дома на противоположном конце улицы вышел зомби и остановился, засунув руки в карманы потертого, с засаленными рукавами пиджачка. На голове у него была фуражка-восьмиклинка, на ногах сапоги, причем на правом позвякивала здоровенная стальная шпора, а носок левого был перевязан бечевкой, чтобы укрепить отставшую подошву. Его вздувшееся, покрытое трупными пятнами лицо было неподвижно, словно страшная маска. Мертвые, пустые глаза смотрели прямо на меня.

Я подумал, что в прошлый раз, три года назад, зомби у зморы был другой. Значит, поменяла. Или прежний пришел в негодность. Хотя скорее всего поменяла. У них, у змор, считается хорошим тоном менять зомби как можно чаще.

Зомби ухмыльнулся и вытащил из висевших на поясе ножен шашку. Правда, нападать на меня он, похоже, не собирался. Просто стоял неподвижно, как статуя, и лишь солнце вспыхивало на блестящем, видимо, отлично заточенном клинке.

Я совершенно спокойно прошел мимо него, но шагов через двадцать все же не удержался и обернулся.

Зомби уже не было. Только на том месте, где он стоял, крутился пыльный смерчик да порхала неизвестно откуда взявшаяся банкнота, похоже, трехрублевка.

Ну и ладно.

Я свернул налево и наконец-то увидел черную стену. В высоту она имела не более трех-четырех метров, была абсолютно гладкая и действительно жутко черная. Метрах в пятидесяти от нее город заканчивался, и начинался небольшой, голый, без единой травинки, пустырь. Стены крайних домов усеивали пятна жирной копоти. Как будто время от времени со стороны черной стены кто-то ради развлечения стрелял по ним из огнемета.

Я остановился шагах в десяти от черной стены и стал ждать, когда из нее появится змора.

Она не торопилась.

Я посмотрел на черную стену, и в этот момент мир перевернулся, оказался вверху, а черная стена — внизу. Я словно бы парил над огромной черной расселиной. Ее чернота манила меня к себе, притягивала. Чувствовалось, что стоит исчезнуть той неведомой, не дающей мне упасть силе, и я рухну вниз, в темноту. Воздух вокруг меня заколебался. Вот-вот он меня отпустит, и тогда...

Тут из черной стены появилась змора, и наваждение исчезло. Она остановилась от меня шагах в пяти. Глаза у нее были странного фиолетового цвета. Вот они насмешливо вспыхнули, алый, прекрасно очерченный рот округлился, словно змора увидела нечто в высшей степени занимательное, например, очень умную собачку, способную выкидывать невероятно забавные штучки.

Неторопливо, до умопомрачения изящным жестом она вскинула руки и поправила волосы. При этом ее черное, в кружевах, платье поднялось на несколько сантиметров, давая возможность лучше рассмотреть стройные длинные ноги.

Вот только на такие штучки меня было не взять.

Неторопливо, стараясь не делать резких движений, я вытащил сигарету и закурил.

— Приветствую тебя, Сверир, — сказала змора. В голосе ее чувствовалась насмешка.

Я ничего не ответил. Стоял, курил и с тоской думал о том, что она могла бы не тянуть волынку, а просто сказать, что ей на этот раз от меня нужно, — и точка. Тошно мне было. Может, из-за того, что опять вспомнилась птица-лоцман, окровавленным, бесформенным комком падающая на землю.

— Ну же, инспектор снов без птицы-лоцмана, — продолжала змора. — Похоже, дела твои в статичном мире пошли не очень

хорошо. Ты даже хотел ускользнуть. Причем совершенно варварским способом. Ай-ай, нехорошо, совсем нехорошо. Что же это? Насколько я знаю, за минувшие три года ты не пробовал уйти из статичного мира, и тут вдруг такая попытка... Сдался, что ль? Жаль, когда я тебя поймала, ты, честно сказать, выглядел вполне браво. И все же не прошло и трех лет, как попытался уйти в загробный мир. Почему?

— Не твое дело, — мрачно сказал я.

— Ай-ай-ай, какие мы гордые, — засмеялась она. Смех у нее был очень звонкий и красивый. — А все же в висок себе пальнуть ты хотел. Кстати, почему именно в голову, а не в сердце?

— Ладно, хватит болтать. Лучше скажи, зачем позвала.

— Ну, это от нас не уйдет. Это потом. Все же ответь, почему ты пытался уйти именно так? Там, на цепи миров, ты уже не смог бы быть инспектором снов.

Я вздохнул.

Спору нет, она была чертовски красива, но занудлива...

— Неужели ты струсил?

Я понял, что она не отстанет, и буркнул:

— Любой дурак знает, что из статичного мира в мир снов без помощи птицы-лоцмана не уйдешь. Что же мне оставалось? Только великая цепь.

Змора всплеснула руками и снова рассмеялась:

— Значит, ты решил действовать именно так? Что ж, совсем неплохо. Вот только я не получила того удовольствия, которое ожидала. Я-то думала поразвлечься, наблюдая за твоими попытками выбраться. А ты лишил меня этого удовольствия. Поэтому я делаю тебе предложение. Ты согласен меня выслушать?

Я сделал вид, что не слышу ее вопроса.

— Ну, что же ты, отвечай! Так как, Сверир, ты согласен?

— Ладно, я тебя слушаю, — сказал я, прикидывая разделявшее нас расстояние. Между нами было шагов пять, не больше. Вот только я почему-то знал, что сейчас пытаться ее убить не стоит. Ничего не получится.

— Вот и отлично. — Змора непринужденно уселась на большой, мгновенно, словно огромный цветок, выросший из земли диван и посмотрела на меня искоса, с иронией. — Давай-ка поговорим. Давно уже я с тобой не говорила, целых три года, и поскольку поболтать здесь не с кем... Честно сказать, соскучилась...

— Врешь ты все, — сказал я.

Змора кокетливо хихикнула и с глупым видом просюсюкала:

— Значит, взрослый дяденька не хочет иметь дел с маленькой девочкой? Не хочет ее развлечь, сказать какую-нибудь чепуху типа той, что говорил в прошлый раз... Да, вспомнила, ты говорил про честный бой, по правилам... Кстати, глупость страшная. Я здорово тогда позабавилась. Давай ты мне сегодня что-нибудь такое же скажешь. Только не сейчас, а под конец, по возможности неожиданно.

Она откинулась на спинку дивана и опять поправила прическу.

— Значит, так. — На лице у нее появилось мечтательное выражение. — Поскольку ты совсем не желаешь меня развлекать, пытаясь сбежать из статичного мира, я придумала совсем другую забаву. Предлагаю сыграть в игру...

— Игру?

— Ну, если хочешь — предлагаю тебе пари, сделку... Хотя мне почему-то нравится слово «игра». Итак, я делаю тебе предложение. Принимаешь ли ты его?

— Я не ослышался? — удивился я.

— Отнюдь. У тебя даже есть шансы выиграть. Ну как, согласен?

— А что за игра?

— Да очень простая. У меня тут есть небольшой лабиринтик снов. Он такой простой, что, будь у тебя птица-лоцман, ты ускользнул бы из него в два счета. К счастью, о твоей птице-лоцмане я позаботилась еще в нашу первую встречу... Итак, я отпускаю тебя в этот лабиринт, а ты должен найти из него выход в мир снов. Если ты его найдешь, то сумеешь уйти. Правда, ставить тебе палки в колеса я буду, это уж непременно, но ведь ты не так глуп, как кажешься. Не правда ли? Ну, ты согласен?

Я усмехнулся.

— Фи, вы не умеете обращаться с дамами. — Змора хихикнула. — Кстати, предупреждаю, от моего предложения отказываться нельзя. Если не будешь играть в эту игру, мне не останется ничего другого, как вернуть тебя в статичный мир и там оставить.

— Вот так?

— Да, именно так, — подтвердила она. — Я хочу поразвлечься, и ничего предосудительного в этом нет.

Во рту у нее на секунду мелькнули острые зубки.

— Значит, ты желаешь поразвлечься? — спросил я.

— А как же. Должна же я, в конце концов, получить свое удовольствие? Впрочем, тебе эта игра тоже должна понравиться. Поду-

май, ты будешь свободен и сможешь сколько душе угодно разгуливать по лабиринту. Он устроен очень просто, и ты легко с помощью соединительных туннелей сможешь переходить из сна в сон даже без птицы-лоцмана. Правда, если ты до конца игры попытаешься вернуться сюда или появиться на пустыре лабиринта, тебя встретят мои люди.

— Ну-ну, — сказал я. — С таким противником, как ты, стоит играть, лишь когда шансы равные. А в этой игре мои шансы не более одного к ста. Нет, лучше уж я вернусь в статичный мир и, может быть, если будет настроение, снова попробую поэкспериментировать со своим маленьким пистолетиком.

— Подумай, — убеждала змора. На ее алебастрово-белом лице, кажется, даже появился едва заметный румянец. — Если ты проиграешь, то всего лишь жизнь, а вот я-то проиграю гораздо больше. Я проиграю целый мир. Между прочим, создать его было не фунт изюма слопать. Я не говорю уже о тех снах, что наворовала для лабиринта. А самое главное — я проиграю свое будущее. Представляешь, какое оно у меня может быть? Ведь я вполне могу даже захватить кусок статичного мира, стать в нем чем-то важным и заметным, большим человеком. Там не знают, кто такие зморы и как с ними бороться. Кстати, многим до меня это удавалось. И еще, ты же знаешь, что с помощью снов можно управлять людьми — самыми обыкновенными, не вами, инспекторами снов. Нашепчешь во сне, смотришь, и человек просыпается совсем с другими мыслями, нежели те, с которыми он засыпал... Впрочем, сейчас это не важно, сейчас меня интересуешь ты и наша игра. Заруби на носу, я предлагаю тебе самые льготные из всех возможных условия.

— Ну да, конечно, — проворчал я.

Собственно, спорить с ней не имело смысла. Я уже понял, что соглашусь. Несмотря на то что выиграть предложенную ею игру скорее всего просто невозможно. Мне не хотелось обратно в статичный мир. А игра давала пусть призрачный, но все же шанс. Чем черт не шутит, когда бог спит? Конечно, пару часов назад я хотел покончить с собой, но вот смогу ли я это сделать вновь? Сомнительно. Хотя бы потому, что сейчас у меня был выбор: смерть против мизерного, но все же шанса спастись.

Вот забавно! Придворным увеселителем я еще не был. Шутом. И у кого? У жалкой, ничтожной зморы, которую, не попади я из-за идиотской беспечности в засаду, легко бы одолел.

Я тяжело вздохнул и тоскливо сказал:

— Ведь надуешь, обязательно надуешь.

Сказано это было, конечно же, для проформы.

Змора захихикала:

— Не увиливай, говори, что согласен, и нечего терять время. В общем, так: до лабиринта дойдешь без осложнений, а там — как знаешь. Все в твоих руках.

— И в твоих, — буркнул я.

— И в моих, — согласилась она.

— Ладно. — Я выплюнул окурок. — Только учти, никаких обещаний я не давал. Если сбегу, найду себе новую птицу-лоцмана и вернусь. Ты прекрасно знаешь, чем это для тебя закончится.

— Ладно, ладно, — улыбнулась змора, и у нее во рту снова блеснули острые, длинные зубки. — Игры без риска не бывает. Значит, мы договорились, и ты согласен?

— Согласен. А теперь... скажи-ка мне, в чем тут подвох. Насколько я тебя знаю, его просто не может не быть.

— Конечно, подвох есть, — невозмутимо сообщила змора. — Дело в том, что я могу и врать. Из моего мира в мир снов выхода может и не быть. В таком случае, согласившись на эту игру, ты сделал ошибку. Еще одну ошибку ты сделал, когда согласился, не поинтересовавшись всеми правилами игры. Поэтому предупреждаю — буду использовать любую возможность, чтобы помешать. Вот видишь, ты еще не начал игру, а наделал уже столько ошибок! Но это не важно. Напоследок могу сообщить истинную цель этой игры. Я хочу знать, смогу ли я так тебе задурить голову, что ты не сможешь в конце концов с уверенностью сказать, в каком мире находишься. Я решила, что если мне это удастся, то стоит попробовать завоевать кусочек статичного мира, а там... ну, не важно. И еще, чтобы ты не задирал нос, я буду время от времени напоминать тебе о своем существовании, подавать знак, что за тобой наблюдаю, что ты все еще в моей власти. Каким образом? Придумаю.

Она радостно улыбнулась.

— Ну, теперь ты уже пожалел, что согласился?

Я сплюнул в ее сторону и закурил новую сигарету. Делая первую затяжку, я заметил, что пальцы у меня слегка подрагивают. Это меня разозлило, и я сказал:

— Все равно я от тебя убегу. А потом обязательно вернусь.

— Ах ты поросенок, — задумчиво сказала змора. — Значит, решил показать мне зубки? Надеюсь, ты понимаешь, что я с тобой сделаю, когда игра закончится?

— Только если она закончится в твою пользу.

— Уж я постараюсь, чтобы так и вышло. — Глаза зморы зловеще блеснули.

Я показал ей нос.

— Жаль, — покачала головой змора. — Очень жаль. Хорошо, ты сам этого хотел. Итак, игра началась, и не будем зря тратить время.

— А почему ты сказала «жаль»? — поинтересовался я.

— Тебе это интересно?

— Конечно.

— Мне действительно тебя жаль. Неужели ты надеешься, что у тебя на самом деле есть хотя бы шанс? Я бы лично на твоем месте сейчас же покончила бы с собой и не ввязывалась в эту игру.

— А я вот ввязался, — решительно сказал я.

— Действительно? — усмехнулась змора.

Из ее рта вдруг вырвался огненный шар и, потрескивая, стремительно полетел ко мне. Отскочив в сторону, я оглянулся и увидел, как он врезался в стену ближайшего дома. Вспыхнуло жаркое пламя и почти мгновенно погасло. Только на стене осталось свежее пятно жирной копоти.

— Пока, мой герой, — томно пропела змора и быстро сделала шаг назад. Черная стена дрогнула, мгновенно на нее надвинулась и, поглотив, отступила обратно.

Я сплюнул себе под ноги и тихо выругался. У меня было ощущение, что меня обвели вокруг пальца. Ну ничего, мы еще встретимся. Да и отступать поздно — игра уже началась. Ничего другого не оставалось, как идти к лабиринту.

Вдруг змора высунула из черной стены голову и сказала:

— Кстати, придумала — сигналом, напоминающим о том, что я за тобой слежу, будет скрип у тебя под ногами. Оригинально, правда? Он будет звучать независимо от того, пойдешь ли ты по песку, глине или траве. Он будет особенный, ни с чем другим ты его не перепутаешь. Ну, на этот раз действительно — все. К делу, мой глупенький смельчак!

Подмигнув мне, она исчезла в стене.

Я выкурил еще одну сигарету.

Змора больше не появлялась.

Чувствуя, что во рту у меня противно горчит, поскольку последняя сигарета была уже лишней, я двинулся в сторону лабиринта снов.

3

Город был по-прежнему пустынен, только в тех домах, внутри которых виднелись щупальца, слышалось чье-то тяжелое, прерывистое дыхание.

Миновав пару улиц, я подумал, что принять предложенную зморой игру мог только полный идиот. Такой, как я.

Эх, сюда бы Гунлауга-учителя. Уж он бы нашел какой-нибудь выход. Впрочем, он бы просто в такое положение не попал.

Ладно, хватит сожалеть. Ничего не изменишь!

Я шел и шел. Купол мира зморы поднимался над моей головой все выше и выше. Опять стало жарко. На несколько секунд асфальт у меня под ногами как-то странно заскрипел, и только когда скрип смолк, я догадался, что именно о нем мне и говорила змора.

Действительно, этот скрип ни с каким другим перепутать было нельзя. Ну и черт с ним.

Я прошел мимо куч золота. Из ближайшей по-прежнему торчала мумифицированная рука. Только теперь она была крепко сжата в кулак.

Остановившись, я несколько секунд смотрел на нее. Конечно, надо было бы подойти и узнать, что это за такая странная рука. Но я этого делать не стал. Почему-то мне этого не хотелось. Очень не хотелось.

В конце концов, пожав плечами, я все же двинулся дальше.

Не доходя до того места, в котором очнулся, вернувшись из статичного мира, я свернул направо. Теперь солнце у меня было за спиной, а жара стала просто невыносимой. Впрочем, впереди уже виднелся просвет между домами. Именно к нему я и шел.

Чем ближе он становился, тем больше поднималось мое настроение. Все-таки, несмотря ни на что, я вырвался из статичного мира. Да, я мог застрять там на бесконечно долгое время, а здесь... здесь был шанс что-то придумать.

Город кончился...

Передо мной до самого конца мира зморы простирался, кое-где покрытый вереском и зарослями полыни, пустырь лабиринта снов.

Посмотрев на дальний конец мира зморы, туда, где купол смыкался с землей и лежали длинные голубые тени, я в очередной раз поразился тому, что относительно небольшой, километра два с поло-

виной в диаметре, пустырь скрывал под собой огромный, состоящий из сотен снов лабиринт.

Впрочем, когда имеешь дело со снами, бывает и не такое.

Весело насвистывая, я пошел по пустырю.

Сейчас мне не хотелось думать ни о зморе, ни о нашей с ней игре, я радовался, что снова попал в сны. И пусть меня ждет жуткая смерть. Она будет еще не скоро. Да и будет ли? А сны — вот они, можно прикоснуться.

Где-то неподалеку пересвистывались похожие на сурков зверьки.

Я вспомнил, как три года назад меня со связанными руками вели по этому пустырю серые рыцари. Впереди них шла змора. Она была горда и довольна. Еще бы, поймать инспектора снов.

Я поежился.

Воспоминание, конечно, было неприятное.

Завидев меня, пересвистывавшиеся зверьки высоко подпрыгивали и исчезали в норах.

Через несколько десятков шагов попался первый вход в сон. Он походил на туманный шар диаметром около метра. Я хотел было в него сразу прыгнуть, но передумал. Наверняка змора рассчитывала, что я прыгну именно в этот первый сон, и приготовила для меня в нем несколько неприятных сюрпризов. За кем угодно, а уж за ней по этой части не заржавеет. Нет, сразу приканчивать меня она не станет, но вот, например, скинуть в средней паршивости кошмар — это запросто. Будь у меня птица-лоцман, я бы рискнул. А так...

Я обошел первый сон стороной, а вслед за ним и второй, третий...

У седьмого или восьмого я остановился и огляделся. Теперь вокруг меня виднелись десятки и десятки входов в сны. Какой же из них выбрать?

Я подумал, что в этот момент похож на буриданова осла.

Надо было делать выбор, и как можно скорее.

Я присел на корточки перед входом, возле которого стоял, и заглянул в него.

Вход как вход. Едва заметные голубые полоски по краям указывали на то, что он настоящий. Впрочем, иногда попадаются очень хорошо сделанные обманки. Бывают обманки, у которых в центре даже видны малиновые крапинки.

Прыгать или не прыгать в этот сон, я раздумывал минут пять и уже совсем было решил прыгать, как вдруг в траве мелькнул «су-

рок». Остановившись у входа, он деловито принюхался, а потом резво скакнул в сон.

Похоже, передо мной была не обманка. Животные всегда совершенно точно знают, где сон, а где его копия. Вот только уж слишком демонстративно в нее прыгнул этот зверек. Кстати.

Я решил подождать.

Если в течение ближайших пяти минут в этот сон прыгнет еще один «сурок», то можно будет не сомневаться — это штучки зморы. Зачем-то она хочет, чтобы я в этот сон попал.

Зверек появился. Так же как и первый, остановившись перед входом в сон, он принюхался, но, вместо того чтобы прыгать, стрелой бросился прочь.

Я почесал затылок.

Точно, чем это еще может быть, как не шуточками зморы?

Вот только мне-то что теперь делать?

Послышался топот копыт. Я оглянулся и вздрогнул.

Ко мне ехали пять серых рыцарей. Они были не так уж далеко и, увидев, что я их заметил, пришпорили коней.

Это мне не понравилось.

Один из рыцарей на скаку выстрелил из лука. Стрела пролетела в нескольких сантиметрах от моей головы.

Ого!

Я посмотрел на вход в сон.

Конечно, прыгнуть в него — проще пареной репы. Не слишком ли просто? Может быть, серые рыцари появились только для того, чтобы загнать меня именно в этот сон?

Вторая стрела вонзилась в землю в сантиметре от моего ботинка.

Вытащив из кармана пистолет, я неторопливо прицелился и выстрелил. В этот момент серый рыцарь уже готовился пустить третью стрелу. Пуля попала ему в грудь. Он откинулся на спину и стал медленно заваливаться на бок, а стрела, поблескивая наконечником, полетела вверх.

Я подумал, что она наверняка воткнется в купол, но сейчас было не до нее. Оставались еще четыре серых рыцаря. Они по-прежнему скакали ко мне. Нас разделяло метров сорок, не больше.

Вот они словно по команде выхватили из ножен мечи и наклонились к гривам лошадей. Теперь попасть в них будет труднее.

Все же я еще два раза выстрелил и, конечно, ни в кого не попал.

Теперь оставалось рассчитывать только на быстроту ног.

Я побежал к соседнему сну.

Топот копыт за моей спиной становился все громче. Когда до входа в сон осталась всего лишь пара шагов, над моей головой свистнул меч. Резко метнувшись в сторону, я увернулся от удара и в следующую секунду прыгнул в сон. Прежде чем его стенки сомкнулись у меня над головой, я умудрился выстрелить еще раз и даже вроде бы не промахнулся.

Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения.

Я был уже в сне.

Меня подхватил нисходящий поток и осторожно, можно даже сказать — бережно, стал опускать вниз. Сунув пистолет в карман, я принюхался.

Сон, в который я попал, почему-то пах паутиной.

Это мне не понравилось. Хотя что-либо предпринимать было уже поздно. Даже если здесь меня ждала ловушка, избежать ее не было никакой возможности.

Обдумывая это, я между тем опускался все ниже и ниже. Окружавший меня туман был зеленым. Почему-то от него у меня защипало в носу. Я даже чуть не чихнул. А туман становился все гуще и гуще, собирался в струйки. Они гладили мне лицо, погружали в состояние приятной истомы. Поеживаясь от их прикосновений и, кажется, даже слегка хихикая, я подумал, что жизнь выкидывает довольно забавные штуки. Вот совсем недавно, казалось, со мной покончено, но появилась надежда. Она, безусловно, окажется ложной, и я опять решу, что со мной покончено.

Интересно, попытаюсь ли я еще когда-нибудь застрелиться? Вряд ли. Зачем повторяться? Это так неоригинально. Нет, в следующий раз надо попробовать веревку или, на худой конец, цианистый калий. Душевная, говорят, штука.

Туман поредел, потом, словно театральная кулиса, рванулся вверх, и я стукнулся ногами о пол мрачного, сырого, увешанного заплесневевшими гобеленами коридора. В конце его виднелась тяжелая, окованная железом дверь.

Кто-то за моей спиной кашлянул. Повернувшись, я увидел красноносого толстого бородача в кирасе, украшенной серебряными насечками, с алебардой в руке. Физиономия у него была жутко заспанная.

— Добрый день, — вежливо сказал я. — Мамонт здесь не пробегал?

— Что? — удивленно спросил толстяк и наморщил брови, пытаясь понять, что это я такое ему сказал. Чувствовалось, что интеллектом его не задавишь. Оставалось попробовать нечто старое, как сам мир.

— Птичка! — Я ткнул пальцем вверх.

— Где? — оживился он и задрал голову.

Я ударил его в челюсть.

Рухнув, бородач загремел так, словно уронили несколько жестяных тазов.

Теперь по крайней мере я увидел другую часть коридора. Ничего особенного в ней не было. Повернувшись, я снова посмотрел на окованную железом дверь. Очевидно, толстяк ее охранял. Взглянув на распростертое у моих ног тело, я заметил пристегнутую к поясу стражника связку ключей. Наверняка среди них был один от этой окованной железом двери, за которой скорее всего лежали несметные сокровища или же пара пустых, наполненных пылью сундуков.

Это нужно было проверить. Но только не сейчас. Попозже. Пока я падал в сон, мне пришел в голову изумительный план. Для того чтобы его претворить в жизнь, нужна была горсть-другая чего-нибудь ценного, например, бриллиантов или золота.

Вот только прежде чем пускать в ход золото, нужно было устроить небольшой переполох.

Я пошел в противоположную окованной железом двери сторону. За первым же поворотом, сладко причмокивая и пуская пузыри, спал стражник.

Некоторое время я задумчиво смотрел на его сонное, блаженное лицо. Честное слово, уж слишком сладко он спал. Грех было тревожить такой сон, но выхода не было.

Я вытащил у стражника из ножен меч и легонько уколол его острием в плечо. Тот вяло взмахнул рукой, словно отгоняя муху, но просыпаться и не думал.

Тогда я ударил по шлему стражника рукояткой меча. Это его пробудило. Он вскочил и забормотал:

— Осмелюсь доложить... что за время... хр-хр... когда проходит мое дежурство... хр... а также на вверенном мне посту...

— Вот я тебя! — гаркнул я. — Сейчас на куски разрублю и скормлю свиньям! Да я!..

Стражник подпрыгнул, повернулся и с неожиданной прытью бросился наутек. Убегая, он натыкался на стоявшие у стен покрытые плесенью большие кувшины. Они падали и с грохотом разлетались на куски.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. На бегу я методично разбивал рукояткой меча те кувшины, которые стражник пропустил.

Со следующим попавшимся мне стражником произошло то же самое. Со следующим — тоже. Короче, минут через десять впереди меня бежали уже три перепуганных, отчаянно работающих ногами, похожих друг на друга как две капли воды толстяка.

Чувствуя, как начинаю задыхаться, я подумал, что замок в этом сне очень странный. Похоже, расшевелить его обитателей не так-то просто. В любом другом месте на тот грохот, который производили я и трое моих подопечных, уже сбежалось бы уйма народу. В этом же замке никто даже не попытался открыть дверь в коридор, высунуть нос и поинтересоваться, что происходит.

Так, может, здесь никого, кроме стражников, и нет?

Я остановился и перевел дух.

Топот убегающих стражников становился все глуше и глуше.

Нет, надо узнать, живет ли здесь еще кто-нибудь, кроме этих толстяков.

Заметив неподалеку какую-то довольно узкую дверь, я распахнул ее и попал в просторную комнату с обтянутыми бархатом стенами и большой, под балдахином, кроватью. Возле нее стояла юная, одетая в платье с большим декольте девушка, судя по всему — придворная дама, может быть, даже фрейлина.

Увидев меня, она от удивления открыла рот, показав белейшие в мире зубки. Я подумал, что при большом переполохе женский визг просто необходим, и, сделав зверское лицо, гаркнул:

— А вот я тебя сейчас изнасилую!

Издав радостный вопль, она кинулась ко мне.

— Мадемуазель, — бормотал я, пытаясь освободиться от ее изящных, но удивительно сильных и цепких рук. — Нет, только не так... Что вы делаете?.. Мадемуазель, опомнитесь... Нет, нет...

Игриво хихикая, она стала подталкивать меня к кровати.

— Мадемуазель! — чувствуя, что слабею, простонал я. — Дело о жизни и смерти! Я должен спасти другую женщину, которую безумно люблю! Но если вы так уж хотите, я могу с вами поразвлечься... часок, не больше. А потом я отправлюсь спасать ту... ту... воздушную, неземную и божественно кра...

Она зашипела и, отскочив в сторону, отвесила мне звонкую пощечину. В течение нескольких секунд она вытолкала меня в коридор и с грохотом захлопнула за моей спиной дверь.

Прислушиваясь к скрежету закрываемого засова, я потер левую щеку и ошарашенно чертыхнулся.

Вот это да! Что же теперь делать?

Ничего не оставалось, как отправиться по коридору дальше.

Шагов через десять до меня дошло, что в замке почему-то тихо.

А где храбрецы-стражники?

Вытащив из кармана пистолет, я двинулся дальше. Впереди вполне могла быть засада.

Минут через пять, свернув за очередной угол казавшегося бесконечным коридора, я обнаружил всех трех стражников. Они спали как убитые. Сон, похоже, сморил их на бегу.

Чувствуя, что начинаю злиться, я закурил и посмотрел вверх.

Под самым потолком было узкое оконце. В него пробивался лучик света, в котором плясали золотистые пылинки. Я подумал, что у них своя, сложная, наполненная движением и тайным смыслом жизнь. Может быть, в ней даже имелось нечто роковое, трагическое.

Не то что у меня. Мне всего лишь было нужно разбудить трех сонных стражников.

Минуты через три окурок стал жечь мне пальцы, и я быстро сунул его за железный ворот кирасы ближайшего ко мне стражника. Через некоторое время оттуда стала подниматься тоненькая, но постепенно густеющая струйка дыма. Постучав по шлему стражника согнутым пальцем, я сказал ему в самое ухо:

— Пожар. А ну-ка вставай, соня, а то сгоришь.

Стражник беспокойно заворочался, потом открыл один глаз и спросил:

— Что, действительно пожар?

— Конечно, — сочувственно сказал я ему. — Между прочим, горишь именно ты.

— Ну и черт с ним, — пробормотал стражник.

Отцепив с пояса большую флягу, он поболтал ею возле уха. В ней явственно булькало. Отвинтив у фляги крышечку, стражник вылил ее содержимое себе за ворот. Дым исчез. Удовлетворенно хрюкнув, стражник уронил пустую фляжку на пол и, закрыв глаза, в ту же секунду захрапел.

Я тяжело вздохнул.

Действительно, устроить переполох в этом замке довольно мудрено. Может, рискнуть и попытать счастья снаружи? Только надо не забыть перед тем, как отсюда уйти, заглянуть в сокровищницу. А почему бы в нее не отправиться прямо сейчас?

Уходя, я думал об этих блаженно похрапывавших стражниках и слегка им завидовал.

Может, плюнуть на все и поступить на службу в этот замок? Хотя бы на недельку. Забыть о всяких там зморах и лабиринтах, целыми днями спать, есть и снова спать. Судя по тому, какие стражники упитанные, кормили их неплохо. И никаких забот, никаких хлопот...

Страж сокровищницы лежал в той же самой позе, в которой я его оставил. Судя по издаваемому им храпу, он тоже самым бессовестным образом спал.

Мне даже стало слегка страшно. Что-то совершенно неестественное было в этом сонном замке. Впрочем, во снах бывает еще и не такое.

Сняв с пояса стражника связку ключей, я подошел к окованной железом двери. С пятой попытки ключ подошел, замок открылся, и дверь со страшным скрипом распахнулась.

Войдя в сокровищницу, я огляделся.

Груды золотых и серебряных слитков, сундуки, набитые монетами, шкатулки с бриллиантами, кучи великолепно отделанного холодного оружия.

Да, сокровищница была что надо.

На куче платиновых слитков сидел зомби зморы и смотрел на меня неподвижными мертвыми глазами.

— Привет! — сказал я ему и направился к сундуку с золотыми монетами.

— Привет, — как эхо повторил за мной зомби. Голос у него был сиплый, словно у старого алкаша.

Я запустил руку в сундук, вытащил горсть монет и высыпал себе в карман.

— Так вот ты какой, инспектор снов Сверир. — Я мог бы поклясться, что голос у зомби был задумчивым. — А золото тебе зачем?

— Не твое собачье дело.

— Все-таки ты грубиян, — пробормотал зомби. — Одного не пойму... Зачем змора с тобой возится? Могла бы запросто шлепнуть. И все! Ни забот ни хлопот. Ну-ка, скажи мне, чем ты для нее так ценен?

— Да ты не поймешь, — сказал я, засовывая в карман вторую горсть золотых монет. — Где уж тебе...

— Ну да, где уж мне... — Зомби погладил рукоятку висевшей у него на боку шашки. — Только я ведь тоже когда-то был живым.

Эх, золотое было времечко! Я тогда в доме одном жил. Там еще по ночам собака выла и колдовство всякое происходило. Странный был дом... Это я помню хорошо... А может, этого всего со мной и не было, может, это еще будет? С нами, зомби, ведь знаешь как? Мы такие чудные не только потому, что помним свою прежнюю жизнь, но также и будущую. Мы ведь не люди, мы между ними, между двумя воплощениями, предыдущим и последующим. Мы...

Он замолчал и стал, словно африканский колдун, раскачиваться из стороны в сторону, все сильнее и сильнее. Потом он издал протяжный вопль, застыл и, ткнув в мою сторону пальцем, возвестил:

— Ты, ты пришел согнать меня с моего места! Большие неприятности ждут тебя. Очень большие! Тебя живьем сварят в смоле, пронзят серебряными иглами и разрежут на тысячи кусков. Откажись от этих мыслей! Откажись!

— Это что с тобой? — удивленно спросил я, продолжая наполнять карманы золотом.

— А? — Зомби опустил руку, некоторое время смотрел на нее, словно пытаясь вспомнить, для чего эта штука служит. Наконец он пожал плечами и, переместив на меня тяжелый, мертвый взгляд, спросил:

— А вот ты, что ты будешь делать, когда умрешь?

— Ну, уж во всяком случае, не докучать живым глупыми вопросами, — буркнул я. — Буду тихо лежать в могилке и прорастать травкой, а может быть, и кустиками чертополоха.

— Прорастать, конечно, здорово, — сказал зомби. — Если тебе дают это делать. А если нет? Кстати, без дурацких шуток, на полном серьезе, заруби на носу — когда змора тебя угробит, на мое место не рассчитывай.

— Да зачем оно мне? — удивился я. — Впрочем, меня еще сначала угробить надо. Это будет сделать не так-то уж и легко.

— Гораздо легче, чем ты думаешь. Хотя, по моим сведениям, под хорошее настроение ты вполне можешь покончить с собой и сам. Взять, например, и пальнуть себе в висок из пистолета.

— А вот это уже не твое дело. — Я начал злиться. — Таких, как ты...

— Ну да, — кивнул зомби. — Кстати, кроме тебя, в гробу меня видело еще очень много народу. Ты лучше скажи мне одну вещь. Не то чтобы я жаждал ее услышать, но вот все же мне немножко интересно. Скажи, а инспектором снов быть хорошо?

— Зачем это тебе?

Не хотелось мне с ним об этом разговаривать.

— А может, я в своей следующей жизни стану инспектором снов? Хочу знать, стоит ли быть таким, как ты? Я ведь кем только не был. Даже став зомби, не сидел без дел. Одно время подрабатывал призраком. По Европе шлялся. Кому-то это было выгодно, забыл его фамилию... вроде бы фамилия у него была Парвус и еще там кто-то, такой суетливый в движениях, такой из себя... Не важно это все. Кстати, жил я тогда припеваючи, платили мне совсем неплохо.

Он задумался и вдруг, обнажив в усмешке кривые зубы, сказал:

— Ладно, все это в прошлом. Лучше расскажи мне, как ты стал инспектором снов.

— Как? Да очень просто. Я им родился. Мои отец и мать тоже были инспекторами снов. Так что, если, родившись, не обнаружишь у себя способностей инспектора снов, будь уверен, стать им тебе не грозит.

— И где ты жил, пока не вырос?

— В одном очень красивом сне. Его нашел папа. Там было здорово. Там стоял наш замок. Шпили, высокие крепостные стены, ров.

— Здорово, — сказал зомби. — Я тоже как-то в одном замке побывал. Это в прежней жизни. Мы этот замок штурмом брали. А потом, когда всех его обитателей развесили по крепостным стенам, выяснилось, что у них в подвале хранилось недурное винцо. Нам бы, прежде чем вешать хозяина замка, с ним надо было хорошо потолковать, а мы поторопились. Короче, этого вина попробовали немногие, да и то наспех. Замок-то к тому времени уже вовсю полыхал... Да, золотое времечко. Это когда я воевал под знаменем железного барона... А что, твой замок еще цел?

— Нет, — помотал головой я. — И родители погибли. Тогда было нашествие робооборотней. Они блокировали сон, в котором стоял наш замок. Отец с матерью все же умудрились выкинуть меня в другой сон, а сами прорваться уже не смогли. Так они там, в том сне, и остались, погибли.

— Вот оно что, значит, ты сирота? Побираться небось пошел?

— Нет, — сказал я. — Меня забрал к себе инспектор снов Гунлауг. Он сделал меня своим учеником и действительно многому научил, да только, как получается, зря потратил на меня время.

— Да уж, — посочувствовал зомби. — Как тебя в этот мир-то занесло? Неужели не знал, что он принадлежит зморе?

— Да откуда? Я думал, это просто такой странный сон. Поэтому в него и завернул. Хотел все получше узнать.

— Да, тут тебе, братец, не повезло. Только ты все равно запомни, заруби на носу — на мое место рассчитывать нечего.

У меня мелькнула надежда.

— А ты, чтобы избавиться от конкурента, взял бы и помог мне. Что тебе стоит помочь мне бежать? А то ведь змора спрашивать тебя не будет. Смотри, того и гляди без места останешься.

Лицо у зомби стало испуганным. Некоторое время он сидел неподвижно, потом дернулся, так что с вершины кучи, на которой он сидел, посыпались платиновые слитки, и зашептал:

— Темно, темно, ничего не вижу... темно... нельзя это делать... Я просто бедный, глупый зомби... нельзя, понимаешь... И вообще не говори больше на эту тему... я никто, я пыль под ее ногами, я прах, который она попирает... Она узнает, обязательно узнает о моем предательстве, накажет, накажет... Котлы с кипящей водой по сравнению с ее наказанием... Нет, не могу я это, не могу...

— Понятно, — сказал я. — Значит, ты боишься. А я-то думал, что мертвых напугать уже нельзя.

— Что ты знаешь о мертвых? — презрительно спросил зомби. — Нет, я лучше сделаю так, чтобы она тебя не взяла. Уж можешь мне поверить, зомби ты окажешься совсем никудышным, попросту плохим. Нет, никогда тебе не стать таким, как я. Я предан, а ты никогда преданным не будешь. Это талант, ты его лишен.

— Да, — сказал я. — Жаль, что у меня нет такого замечательного таланта.

— А! — просиял зомби. — Вот видишь, значит, ты понимаешь, что я выше и гораздо круче? Я крутой в этом, я очень крутой.

— Может быть, — согласился я. — Только сейчас мне нужно идти. Дела тут у меня. Сейчас мне надо в одном месте устроить небольшой тарарам. Думаю, на это у меня таланта хватит...

Выходя, я услышал, как зомби сказал:

— Дурак какой-то.

Может быть, он при этом даже пожал плечами.

Хотя какое это имело значение?

Я захлопнул за собой дверь сокровищницы. Шагов через двадцать мне пришло в голову, что зомби наверняка прав. Может быть, змора действительно рассчитывает сделать из меня ему замену? Вот

только тут она явно ошиблась. Ни один инспектор снов, каким бы неумехой он ни был, никогда, даже под страхом нечеловеческих пыток, не станет служить ни одной зморе. Никогда. Кроме того, я знал, что выберусь, обязательно выберусь, вернусь с новой птицей-лоцманом и отомщу.

В кармане у меня масляно позвякивали монеты, и я подумал, что сейчас устрою вполне неплохой тарарам. Вот только сначала надо найти из этого замка выход...

Через час я обнаружил коридор, в котором висели гобелены поновее, стояли очень изящные кувшины, а спящие стражники валялись прямо кучами. Скорее всего это было именно то, что нужно.

Осторожно продвигаясь вперед, я попытался прикинуть, что буду делать, если фокус с золотыми монетами не получится. В конце концов, можно было, например, пальнуть в купол сна из пистолета. Да, решено, если монеты не подействуют, так и сделаю. Вот только мало патронов осталось, всего шесть штук.

Коридорчик закончился обитой тонкими серебряными листами дверью, закрытой на чудовищных размеров засов. Ничем иным, кроме как выходом, она быть не могла. С трудом отодвинув тяжелый засов, я рванул дверь. Она стала открываться, и в этот момент у меня под ногами провалился каменный пол.

Ой-ей-ей!

Падая, я все же умудрился ухватиться за край пола, то есть нижней стенки сна. Он обломился, и я, сжимая в руках его порядочный кусок, рухнул в темноту. Она была совсем не похожа на ту, в которую я падал, прежде чем попал в мир зморы. Нет, эта темнота была холодной и какой-то пустой, бесконечно пустой. Некоторое время на меня еще падал свет, сочившийся сквозь дыру, в которую я провалился. Однако постепенно он становился все слабее и слабее. Наконец исчез и вовсе. В полной кромешной темноте лишь слабо светился оставшийся у меня в руках кусок нижней стенки сна.

Великий Гипнос, куда это я провалился?

Кусок стенки сна в моей руке стал крошиться. Его осколки просачивались у меня между пальцами и светящимися каплями падали вниз, в черноту. Через некоторое время у меня в ладони не осталось ничего. Только на пальцах слабо светилось несколько голубоватых пятнышек.

Я машинально скрестил на груди руки.

Этакий падающий в черную бездну Чайльд-Гарольд.

Но все-таки куда же это я провалился?

В очередной раз посмотрев вниз, я вдруг заметил красные вспышки, словно где-то там, далеко внизу, работала электросварка. Это меня несколько приободрило. Я даже стал надеяться, что провалился все-таки в сон.

Вот только как же это получилось? Нет, то, что я угодил в хорошо подготовленную ловушку, не вызывало сомнений. Но кто же ее соорудил? Кому было нужно именно у выхода из замка так ослабить структуру нижней стенки сна, чтобы она порвалась под тяжестью первого же ступившего на нее человека? А может, это сделал сам хозяин замка, не доверявший, и правильно делавший, своей вечно спящей страже? Ну, ловушка для грабителей. Хотя, чтобы ее сделать, нужно достать травку-бессонку из статичного мира. Нет, владельцу замка в обыкновенном сне это не по зубам. Кто же тогда? Может быть, это ловушка зморы? Но зачем? Бред какой-то.

Ладно, это не главное. Гораздо важнее сейчас определить, куда это я попал. Чем может быть эта чернота, если не сном или статичным миром?

Дьявол, слишком уж долго я не был в снах. А ведь будь со мной птица-лоцман, она бы меня об этой ловушке предупредила.

Но все же куда я попал? Не лучше ли начать с самого начала?

Значит, так: материя бывает трех видов. Статичная — например, статичный мир, полувероятная — например, цепь миров и собственно сами сны. Даже мир зморы, несмотря на то что в нем находится лабиринт, — самый обыкновенный, просто очень большой сон. А то, куда я падаю, очевидно, сном не является, тем более оно не является статичным миром и уж ни в коем случае цепью миров. Значит, нечто четвертое...

Я должен знать. Должен знать...

И все-таки я вспомнил!

Это было давно...

Гунлауг-учитель покуривает длинную коричневую сигарету и рассказывает:

— ...И тогда он прогнал свою птицу-лоцмана. Она забыла про него и улетела туда, где за огненными горами лежат озера мира и покоя.

На берегах этих озер растут деревья познания наслаждений. Их плоды никогда не насыщают до конца. Там, в этой стране, живут лишь птицы-лоцманы. Они порхают между деревьями и пьют чудеснейший в мире нектар.

Джавин же плюнул вслед своей птице, проклял ее и поклялся никогда больше не путешествовать по снам. Он сказал, что сны ему опротивели, что он желает жить лишь в статичном мире.

И только когда птица улетела, до Джавина вдруг дошло, какую ошибку он допустил. Он поругался с птицей, находясь во сне, и теперь ему предстояло самостоятельно вернуться в статичный мир.

Впрочем, Джавин считал себя умнее всех.

Может быть, это произошло случайно, а может, так было предопределено судьбой, но, почти уже выйдя из сна, он умудрился наступить на тот его участок, где когда-то давно случайно пролили несколько капель травки-бессонки. И не было птицы-лоцмана, чтобы его предупредить. Нижняя часть сна под тяжестью Джавина провалилась, и он рухнул, но не в сон, не в статичный мир, а в пустоту, называемую безвременьем.

Очень редко, но на самых границах мира снов безвременье все еще встречается. По мере того как возникают новые сны, его становится все меньше, но оно все же есть.

Кстати, я часто спрашиваю себя, что будет, когда сны заполнят все безвременье? Оно огромно, но не бесконечно. Что будет, когда оно заполнится целиком?

Ну да ладно, давайте вернемся к Джавину.

Итак, он провалился в безвременье. А надо сказать, что в безвременье умирает всякое движение. Выбраться из него невозможно. Разве только тебе поможет кто-то из мира снов. Поэтому Джавин так и остался в нем. До сих пор он падает, падает и зовет свою птицу-лоцмана в надежде, что она вернется и его спасет.

Вот только всем известно, что из-за огненных гор птицы-лоцманы не возвращаются...

Я снова посмотрел вниз. Красные сполохи ничуть не приблизились, да и ощущение падения пропало.

Вот тут-то я испугался по-настоящему.

Будь проклят тот, кто сделал эту ловушку!

Получалось, я буду висеть в этой пустоте, пока не умру. Постепенно мой труп превратится в мумию. Она с течением времени рассыплется в прах, и через несколько веков в безвременье будет висеть лишь облачко.

Чувствуя, как от ужаса у меня на голове встали дыбом волосы, а по спине обильно потек холодный пот, я закричал. Наверное, именно так кричит попавший в трясину зверь, понимающий, что из нее уже не выбраться...

4

Через некоторое время, определить его в окружавшей темноте было трудно, я вдруг понял, что кричать бесполезно, и замолчал. Меня сковало странное оцепенение. Не хотелось ничего, совсем ничего. Мне показалось, что медленно и неуловимо темнота растворяет мое тело, размягчает мои кости, пьет из меня жизнь, не позволяя ни думать, ни чувствовать, ни даже дышать. Навалилось безразличие. Хотелось лишь покоя, тишины, забвения...

Что-то зацепилось за ворот моей куртки. Меня слегка развернуло и потащило. Осторожно подняв руку, я нащупал толстую леску. Очевидно, за воротник зацепился привязанный к ней крючок. Посмотрев вниз, я заметил, что красные сполохи постепенно тускнеют.

Потом вокруг меня вроде бы посветлело. Вот свечение усилилось, и вскоре я уже плыл в луче яркого, падающего сверху света. Через некоторое время я ударился головой обо что-то мягкое. Это оказался край дыры в нижней стенке сна, небольшой, но вполне достаточной, чтобы я в нее пролез.

Судорожно вцепившись в нее, я подтянулся и через мгновение оказался на поверхности пустыря лабиринта снов.

Великий Гипнос!

Я откатился от дыры и замер, не в силах осознать, что я спасен. Через несколько минут до меня это все же дошло.

Спасся! Вот так-то!

Но кто?..

Я сел и тут только увидел своего спасителя.

Это был зомби.

С совершенно бесстрастным лицом он отцепил от воротника моей куртки крючок и стал деловито сматывать леску спиннинга, которым, собственно, и вытащил меня из безвременья.

Спиннинга!

— Че вылупился? — спросил зомби и пробормотал: — Нет мне до тебя дела. Если бы не змора... Короче, она сказала, что в следующий раз оставит тебя там навечно. В назидание. Так что внимательно смотри себе под ноги.

— Спасибо, — ошалело пробормотал я и заглянул в быстро зараставшую дыру в нижней стенке сна. Ничего, кроме черноты, в ней разглядеть было нельзя. Меня передернуло.

— Дурак ты, — бросил зомби и, кончив сматывать леску, закинул на плечо спиннинг. Гордо вскинув голову, он пошлепал прочь.

А я смотрел ему вслед и чувствовал, что начинаю злиться. Ну хорошо, он меня вытащил. За это ему большое гран-мерси. Но зачем вести-то себя по-хамски? В конце концов, змора приказала ему спасти меня отнюдь не из жалости. Просто ей не хотелось бросать только что начатую игру.

Ладно, теперь это не имело абсолютно никакого значения. По правде сказать, сейчас мне больше всего хотелось просто полежать на травке, отдохнуть. Ноги у меня были словно ватные, а руки ощутимо подрагивали.

Я уже было хотел действительно плюхнуться на траву, как вдруг заметил скачущего ко мне во весь опор серого рыцаря.

Красивое было зрелище. Конь у него был что надо, доспехи поблескивали на солнце, на шлеме виднелись витые турьи рога. И меч у него на боку был не простой. Рукоятка и ножны так и искрились от драгоценных камней.

Когда до меня осталось шагов десять, он потянул из ножен этот свой замечательный меч и стал крутить его над головой. Делал он это мастерски.

Ну-ну. Жаль, патронов у меня осталось маловато.

Хорошо понимая, что рискую, я все же не стал вытаскивать из кармана пистолет, а пошире расставил ноги и напружинился. В итоге, когда его конь поравнялся со мной и в воздухе свистнул опускающийся на мою голову меч, я умудрился отскочить в сторону. Клинок просвистел в дюйме от моего носа.

В ту же секунду я прыгнул, уцепился за ногу рыцаря, рванул ее, и тот кубарем скатился со своего коня. Он, конечно, сейчас же попытался вскочить, но поскольку во время падения потерял шлем, получил от меня хлесткий удар в челюсть и потерял сознание.

Некоторое время я стоял над ним, разглядывая разбитые в кровь костяшки пальцев.

Ну ничего. Главное, он теперь придет в себя не очень скоро.

Вздохнув, я подобрал с земли меч серого рыцаря. Клинок у него оказался довольно паршивым. Я попробовал переломить его об колено, и мне это удалось. А ручка была действительно красивая и дорогая. Вот только... зачем?..

Швырнув на траву обломки меча, я вытащил из кармана сигарету.

Пролетавший у меня над головой здоровенный стервятник крикнул:

— Дурак!

Ну вот, еще и этот.

Сев на траву, я с наслаждением закурил.

Вообще-то сигареты у меня кончались. Значит, в одном из снов надо будет их запас пополнить.

Выкурив полсигареты, я посмотрел в сторону города и увидел, что ко мне скачут еще несколько серых рыцарей. Правда, они были пока довольно далеко. Можно было совершенно спокойно попытаться обдумать свое положение.

Блестящим его назвать было нельзя.

Теперь, после того как я попал в столь примитивную ловушку, змора наверняка считает меня полным идиотом.

Снова прилетел стервятник и, сделав над моей головой круг, сел рядом со мной, на поросший короткой травкой холмик. Некоторое время он смотрел на скакавших во весь опор серых рыцарей, потом щелкнул клювом.

Иронически хмыкнув, я стряхнул в его сторону пепел. Покачав головой, стервятник посмотрел мне в глаза и спросил:

— Ну и чего ты тут расселся?

— А твое какое дело? — удивился я.

— Да вот, спрашиваю. — Стервятник склонил голову набок и задумчиво посмотрел на меня одним глазом. — Кстати, ты мой должник.

— Это как?

— Да вот так. Если бы не я, так бы ты и сгинул в безвременье. Ловушку на тебя устроил зомби. Да только он не выдержал и проболтался об этом мне. А я шепнул об этом одному знакомому серому рыцарю. Тот доложил зморе. Она, конечно же, пришла в ярость и пообещала зомби, в случае если он тебя не вытащит, прогнать его прочь и взять на его место старого, живущего где-то в середине лабиринта суккуба. Зомби, понятное дело, перепугался... Ну и вот.

Он покрутил головой и снова щелкнул клювом. Потом ожесточенно, так что в воздух взвилось облачко пыли, поскреб землю тяжелой когтистой лапой.

— А тебе с этого какая корысть? — поинтересовался я.

— Самая прямая, — ответил стервятник. — В этом безвременье ты бы точно пропал. А между прочим, я нахожу, что ты хорош собой и даже упитан. И вообще в благодарность за спасение ты мне

должен сказать, только как на духу, собираешься ли ты умирать. Если ты решил дождаться вон тех всадников, то скажи об этом сразу. Я никуда не полечу, подожду. А если ты решил от них улизнуть, тоже скажи, не стесняйся. Я тогда полечу дальше. А то они могут запросто, от огорчения, что тебя упустили, угостить меня каленой стрелой.

— А если не скажу?

— Как не скажешь? Нечестно это будет с твоей стороны. Так что давай выкладывай о своих намерениях, а то я уже третий день в клюве ничего не держал. Скоро от голодухи крыльями махать не смогу.

— Значит, ты хочешь непременно знать?

— Да, только без обмана.

— Ну хорошо. Могу сказать, что я пока еще не решил. Думаю.

— Понятно, — сочувственно сказал стервятник. — У тебя что, проблемы?

— Еще какие.

— Обидел кто?

— Хуже.

— Это как?

— Птицу я потерял. Птицу-лоцмана.

— Что значит потерял? — удивился стервятник. — Птица — не кошелек, какая бы завалящая она ни была. Вы что, разругались?

— Да нет, убили ее.

— Вот и я думаю, что не должны вы были разругаться. Человек ты хороший, только мог бы быть поупитаннее. Кто ее убил?

— Змора, — вздохнул я. — Попался я ей по-дурному. Не посмотрел толком, куда попал. А она сразу меня заметила и, выбрав подходящий момент, напала. Конечно же, первым делом она убила птицу-лоцмана. А куда я без нее?

— Вот оно что! Я давно хотел узнать одну штуку, да все никак не решался спросить. А у тебя можно, ты не серый рыцарь, и вообще, как я понял, дела твои обстоят плохо, так что ты не станешь надо мной смеяться. Скажи-ка, а как становятся такими, как змора, как получают свои собственные миры? Ну, ведь не родилась же она владелицей стольких снов? Где-то она их достала. Наверняка придумала. Я, может, тоже хочу быть таким и владеть снами. Я бы тогда целыми днями сидел на золотом насесте, ел бы только тухлых, не меньше недели назад убитых

рябчиков и развлекался бы, ух как бы я развлекался. Ну так скажи, где она эти сны достала? Потом, когда обзаведусь своим миром, я тебя отблагодарю. Хочешь, будешь сидеть лишь чуть-чуть ниже меня, на серебряном насесте и каждые три дня будешь получать тухлого кролика?

Я пожал плечами.

— Нет, боюсь, к такой роскоши я не привык. А со зморой все очень просто. Она украла свои сны. Сделала она только один, но, правда, такой большой, что он смог вместить в себя все остальные, которые она, конечно же, наворовала из мира снов. Сделать это было просто. Кстати, а ты умеешь воровать сны?

— Где уж мне, — признался стервятник. — Я даже передвигаться из сна в сон не могу.

— Ну вот видишь, — с некоторой долей злорадства сказал я. — Не быть тебе владельцем собственного мира.

— А ты, ты можешь? — зло спросил стервятник.

— По крайней мере сейчас не могу, — вынужден признать я. — Понимаешь, когда змора убила птицу-лоцмана, она отняла у меня часть моего умения управлять снами. Птица-лоцман — это не просто товарищ, это часть инспектора снов. Именно часть, такая же, как рука или нога, она позволяет ему путешествовать по снам и повелевать ими. Конечно, кое-что во мне осталось, некое умение, потому что птица отвечала больше за передвижения, но, чтобы сразиться со зморой или же от нее удрать, этого недостаточно.

— Ладно, — примирительным тоном сказал стервятник. — Ты не сердись. И вообще зря я этот разговор завел. Ведь и без того знал, что ничего путного из меня не получится. Ладно, давай забудем.

Он помолчал и вдруг сказал:

— А змора, стало быть, эти сны наворовала... Вот как... А мне она даже нравилась. По крайней мере в ее мире время от времени можно поживиться. Это, знаешь ли, большое дело — иметь возможность время от времени поживиться и, таким образом, не умереть с голоду. С голоду умирать противно. Хотя у меня к ней тоже есть кое-какой счет. Понимаешь, нас тут поначалу было двое, я и мой приятель. Мы вдвоем промышляли. По правде сказать, именно он умел передвигаться по снам и меня сюда затащил. Ну так вот. Мой приятель по неосторожности оказался к городу ближе, чем нужно. Вернее, он влетел в него. Есть хотел почему-то сильнее обычного.

Стервятник медленно и важно, словно выполняя какую-то невероятно сложную работу, два раза хлопнул левым крылом и продолжил:

— А там, в городе, лежал один очень аппетитный труп человека. Кстати, удивительно походил на тебя... Да, такой, значит, симпатичный, похожий на тебя, очень аппетитный трупик. У него даже уже глаза вытекли, а пах он на целую милю. Короче, именно этот аппетитный запах моего товарища и доконал.

На секунду его глаза остановились на чем-то за моей спиной и удовлетворенно блеснули.

— Я говорил ему, чтобы он не залетал в город, но он все равно полетел, а я остался снаружи ждать, чем все кончится. И точно, словно в воду глядел. Не успел он подлететь к трупу, как из дома выскочило большое щупальце. Раз — и нет моего приятеля. Вот такие дела.

Оглянувшись, я увидел, что серые рыцари уже близко.

Похоже, стервятник просто мне заговаривает зубы, тянет время. Еще бы, кушать-то хочется.

— Прекрасно! — бодро воскликнул я. — А теперь мне пора. Время не ждет, время не терпит, оно неумолимо.

— А куда торопиться, давай еще поговорим... ну еще немного... тут я тебя хотел спросить одну забавную штуку... она давно меня интересовала... Штуку... Какую... в общем, скажи-ка мне...

Он судорожно задумался.

— Да ладно, — пожалел его я. — Чего там, давай все же я пойду.

Я сделал шаг к ближайшему сну, и вдруг стервятник встрепенулся.

— Эй! — крикнул он мне. — Вот что я хотел спросить... Может, я это... может, на место птицы-лоцмана сгожусь?

— Но ты же ничего не понимаешь в снах.

— Не понимаю, — уныло пробормотал стервятник. — Я просто подумал, что так тебе будет веселее.

— А ты знаешь, что идти со мной опасно? Змора, она ведь, если что, не пожалеет.

— Это точно, — неохотно признался стервятник. — Нет, не пойду я с тобой. Могу только сказать, что выход, который ты ищешь, он где-то есть. Мы ведь с приятелем как-то сюда попали.

Возле моей головы просвистела стрела. Пригнувшись, я бросился к ближайшему сну.

— Эй, а чем она питалась? — крикнул мне вслед стервятник.

— Кто?

Я остановился у входа в сон. Всадники были от меня в нескольких десятках метров. Вторая стрела пролетела возле моего правого плеча.

— Эта птица-лоцман.

— Энергией своего хозяина. Собственно, она действительно является как бы его частью тела... Э, да что там объяснять!

— А эта энергия, она вкуснее, чем недельной тухлости черепаха?

Я увидел, как передний рыцарь наложил на тетиву третью стрелу.

— Ничуть не вкуснее, — крикнул я стервятнику и прыгнул в сон.

Прежде чем вокруг меня сомкнулись стенки сна, я услышал, как стервятник разочарованно пробормотал:

— Ну-у-у... И нечего тогда было голову морочить. Надо было сказать сразу, что ты умирать не собираешься. Я бы сэкономил массу времени. Баламут.

Я хотел было сказать стервятнику все, что о нем думаю, но голубой туман уже сомкнулся над моей головой, а нисходящий поток мягко потащил вниз.

Этот сон пах пылью, потом, пряностями. Запахи были четкими, свежими.

Я подумал, что он наверняка совсем новый. Может быть, змора украла его всего лишь несколько дней назад. А для этого ей надо было выйти в мир снов. То есть еще несколько дней назад проход в мир снов был открыт.

Ну-ну.

Теперь снизу до меня долетал шум толпы. Прислушавшись к нему, я подумал, что попал в сон-базар.

Так оно на самом деле и оказалось.

Когда туман разошелся, а до нижней стенки оставалось совсем немного, я увидел, что весь сон занимает огромный многолюдный базар.

Мягко приземлившись, я быстро прошмыгнул между двумя оживленно торговавшимися рыжебородыми купцами, проскочил палатку, в которой продавали сладких жуков, потом лоток с веселящими улитками, за которым стояла невообразимо толстая женщина, и направился дальше, дальше, в глубь базара.

Я чувствовал: этот сон, как никакой другой, подходит для того, что я задумал. Вот и здорово! Осталось лишь найти удобное место, и можно начинать.

Мне наступили на ногу, но я даже не обратил на это внимания. Я торопился. Мне нужно было как можно скорее претворить в жизнь недавно придуманный план. Пока змора не сообразила что к чему.

Я шел мимо выставленных на лотках и прилавках седел для единорогов, старых, потерявших свою силу, но еще пригодных для обычной рукопашной схватки волшебных мечей, груд оранжевых, квадратных, покрытых нежной полосатой кожицей фруктов, отливающих чистейшим изумрудным цветом перышек Хойхо. Кроме этих диковин, на базаре также торговали и вполне обычным чаем, а также кофе, сигаретами, мясом, яблоками, рыбой, консервами. Приглядевшись, я увидел, что расплачиваются в основном серебряными и медными монетами. Золотые мелькали редко, да и то при покупке чего-то очень ценного.

Ну и прекрасно!

Теперь оставалось лишь убедиться, что этот сон придуман не шизоидом. Но нет, минут через двадцать я убедился, что сон вполне нормальный. Единственной его особенностью было то, что ближе к центру за товар платили более щедро, не торгуясь. Ничего страшного в этом не было.

Я подумал, что сон совсем неплохой, можно сказать — хороший. А значит, змора, прежде чем украсть сон, его тщательно выбирает. Наверняка она долго присматривается к понравившемуся ей сну, изучает его и лишь потом, удостоверившись, что он хорошего качества, крадет.

Между прочим, в этом сне было довольно жарко. Большое желтое солнце немилосердно жгло мою непокрытую голову. Жутко хотелось пить. Однако вместо того чтобы остановиться и найти лоток с прохладительными напитками, я торопливо продвигался в глубь базара. Уж больно мне хотелось избавиться от слежки зморы.

То, что мне было нужно, я обнаружил лишь в самом его конце.

Это был довольно обширный загончик для скота. Сейчас он почему-то был пуст, но огораживавшая его деревянная ограда подходила для моих целей идеально. Ее высокие, толстые, крепко врытые в землю столбики меня вполне устраивали.

Морщась, поскольку из загончика довольно явственно пахло тем, что воспитанные люди называют гуано, я взобрался на один из столбиков изгороди. Выпрямившись, я повернулся лицом к заполнявшей базар толпе.

Вот, сейчас начнется!

— Эй, вы! — крикнул я. — Рожденные божьим попустительством, каракатицы безмозглые, осквернители праха своих предков!.. Вы думаете, я не смогу расстаться со своим богатством, со своим золотом, накопленным мной за многие годы? Так вот, вы ошибаетесь! Держите же его, я швыряю его вам. Можете забрать!

Я стал вытаскивать из кармана золотые монеты и яростно швырять их в толпу.

Мой план состоял в том, чтобы вызвать как можно большую суматоху и под ее прикрытием избавиться от наблюдения зморы. Чего-чего, а уж суматоху я создал довольно изрядную.

Как только в толпу полетели первые монеты, в воздух взметнулись десятки рук, пытавшиеся поймать их на лету. Пронзительно завизжали женщины. Толпа взревела и придвинулась к изгороди. Грязный конопатый мальчишка вскочил на плечи стоявшего почти у самой изгороди лысого толстяка и ловил золотые монеты, словно бабочек, соломенной шляпой. В задних рядах напиравшей на изгородь толпы шла оживленная потасовка. Какой-то худой, одетый в рваный медицинский халат воришка стал быстро опустошать прилавки зазевавшихся торговцев. Те подняли крик, подзывая стражей порядка, которые, впрочем, и не думали выполнять свои обязанности, поскольку отчаянно пробивались в передние ряды, туда, где золотой дождь был гуще.

Через пару минут большая часть базара стала напоминать кипящий котел.

Оглянувшись, я убедился, что за загончиком простирается совершенно голый пустырь. Стало быть, путь к отступлению был свободен.

Теперь только бы успеть найти соединительный туннель!

Швырнув последнюю горсть монет, я прыгнул внутрь загончика для скота и... провалился в скрывавшуюся под тоненькой корочкой нанесенного ветром песка вонючую жижу по пояс...

5

Вот так номер!

Оказывается, это был не загончик для скота, а самое настоящее болото, трясина. Чтобы никто в него не провалился, его огородили.

Очень мило. Однако мне-то сейчас что делать?

Чувствуя, как меня потихоньку начинает засасывать, я затрепыхался, пытаясь выбраться.

Тщетно. Отпускать свою жертву это болото не хотело.

Откуда же оно взялось в этом сне? Может, его сюда поместила змора? Но тогда получается, она может предвидеть будущее? Нет, это невозможно. Штучки зомби? Нет, и этого быть не может. Собственно, да какое мне сейчас до этого дело? Выбираться надо.

Я попробовал еще немного потрепыхаться и в результате глубже погрузился в жижу. Между прочим, пахла она отнюдь не райской амброзией. Более того, через пару минут в воздухе возле моего лица уже закружился десяток здоровенных, как быки, противных синих навозных мух. Они норовили усесться мне на лицо. Чем-то оно их привлекало.

Я посмотрел в сторону изгороди. Возле нее шла ожесточенная драка за золотые монеты. Вообще, похоже, желаемого эффекта я достиг. Вот только зачем он мне теперь нужен?

Кстати, именно до тех пор, пока золото не поделят, на помощь из-за ограды рассчитывать нечего. Вполне возможно, что к тому времени, когда кто-то догадается ее оказать, я уже утону.

Так что спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

И я стал спасаться.

В результате после очередной попытки дотянуться до изгороди я обнаружил, что погрузился в жижу уже по грудь.

Я понял, что сопротивление бесполезно, и перестал трепыхаться.

Все-таки у меня была надежда.

Если этот сон — не кошмар, а то, что он не кошмар, было видно невооруженным глазом, то, как и водится в таких снах, мне должен был представиться шанс спастись. Главное — его не упустить.

И шанс мне представился!

На поверхности трясины вздулся огромный пузырь. Вот он лопнул, и показалась огромная, похожая на крокодилью морда. Возле нее вынырнуло чудовищное, усеянное присосками величиной с блюдце щупальце. Оно потянулось ко мне.

— О великий Гипнос, — пробормотал я. — Ну не надо. Ну ты же хороший, монстрик, ты меня не тронешь, ты не будешь такого, как я, хорошего дяденьку... Ой!

Щупальце опустилось мне на плечи, и под его тяжестью я погрузился в трясину по самую шею. Желтые круглые немигающие глаза чудовища смотрели прямо на меня.

Это мне не понравилось.

Похоже, зверюга что-то замышляла.

Чудовище открыло усеянную похожими на малайские крисы зубами пасть и заверещало. Толпа за изгородью притихла.

Обхватившее мои плечи щупальце сжалось сильнее, дернуло меня вниз, так что я едва не хлебнул зловонной жижи, и вслед за этим резко рвануло вверх.

Отпуская меня, жижа вроде бы даже застонала. Через секунду я уже висел в воздухе. И все.

Пауза.

Все замерло.

Щупальце тоже не шевелилось. Только в почти полной тишине было слышно, как с моего тела отваливаются и с плеском падают вниз комки грязи.

А чудовище, казалось, задумчиво меня изучало. Потом до чего-то додумалось, и щупальце очень медленно потащило меня к огромной, похожей на ковш гигантского экскаватора пасти. Вот она раскрылась еще больше. В лицо мне пахнуло таким зловонием, что по сравнению с ним запах жижи показался действительно райским ароматом.

Хорошо понимая, что этому зверю мой пистолет что дробина слону, я все же попытался вытащить его из кармана. Ничего не вышло. Видимо, он за что-то там зацепился.

Огромная, похожая на пещеру пасть была теперь от меня не дальше метра. Чувствуя, как у меня по спине пробежал стремительный, словно электрический ток, холодок, я замер.

Еще секунда...

У меня за спиной послышался громкий треск изгороди. Щупальце снова остановилось.

Повернуться и посмотреть, что происходит с изгородью, я не мог. Впрочем, это мне и не было нужно. Шестым, обострившимся в минуту опасности чувством я определил, что этот треск означает. Очевидно, на изгородь наперла толпа зевак. Наверняка те, кто находился сзади, пытались пробиться вперед, чтобы лучше увидеть, как эта тварь мной позавтракает, а передним деваться было некуда. Они навалились на изгородь.

Что-нибудь предпринять я не мог. Оставалось лишь ждать.

Снова послышался скрип. Теперь он был громче.

Чувствуя в груди холод, словно вместо сердца у меня был кусок льда, я закрыл глаза. Почему-то в этот момент у меня в голове зазвучала старая идиотская песенка про Мэри и ее барашка. Не

успел этот барашек в пятый раз увязаться за Мэри, как щупальце дрогнуло и закачалось.

В ужасе открыв глаза, я увидел в полуметре от своего лица кривые, покрытые желтым налетом и белыми копошащимися насекомыми клыки.

Ничего, кроме отвращения, это зрелище во мне не вызвало.

Я уже было хотел снова закрыть глаза и мысленно попрощаться со всем, что мне дорого, а также любимо, и в этот момент за моей спиной послышался ужасающий треск. Раздался многоголосый вопль ужаса и вслед за ним плеск, словно в жижу один за другим плюхнулось около десятка больших, тяжелых предметов.

Так и есть!

Очевидно, изгородь не выдержала напора толпы и рухнула. При этом несколько зевак упали в трясину.

Эта мысль меня несколько утешила. В коллективе умирать всегда веселее.

Чувствуя даже некоторое душевное умиротворение, я хотел уже было все-таки закрыть глаза, и в этот момент щупальце распрямилось и отшвырнуло меня прочь.

Падая, я подумал, что чудовище поступило совершенно логично. Видимо, оно сообразило, что, занявшись мной, может упустить упавших в жижу зевак. Кроме того, они отчаянно барахтались, а я был неподвижен. Чудовище вполне могло посчитать, будто я умер от страха, а стало быть, никуда не удеру.

Как бы то ни было, но оно меня отшвырнуло.

Я снова плюхнулся в жижу, но, к счастью, попал на твердое место и погрузился всего лишь по колено. Это было спасением. Бросив взгляд на зевак, которых хватали появлявшиеся одно за другим из жижи щупальца чудовища, я прыгнул к изгороди, до которой была всего лишь пара метров. Я не допрыгнул до нее всего лишь с полметра, но это теперь уже не имело значения. Оставалось лишь схватиться руками за один из столбиков и подтянуться.

Через секунду я поднырнул под изгородь и бросился наутек.

Пробиться через толпу было очень легко, частью из-за того, что до всех уже дошло, что происходит, частью из-за исходившего от меня жуткого запаха.

Мокрая одежда прилипала к телу, а в ботинках противно хлюпало. Оказавшись на приличном расстоянии от загона, я стал оглядываться, отыскивая что-нибудь похожее на колодец. Ничего

подходящего не было видно, и я машинально сделал еще несколько шагов.

Земля под ногами у меня заскрипела. Почему-то мне показалось, что в этом скрипе слышится злорадство.

Ну еще бы.

Ах, стерва!

Впрочем, сейчас мне было вовсе не до зморы с ее садистским юмором.

Оглянувшись, я увидел, что возле загона не осталось уже никого, если не считать двух бродячих магов в высоких черных колпаках. Они горстями швыряли в сторону быстро погружавшегося в жижу монстра слегка поблескивающий сиреневый порошок. Возле рухнувшего куска изгороди в жиже плавала большая соломенная шляпа.

Вот так-то.

Я вздохнул.

Любовь к золоту до добра не доводит.

А поскольку изменить сейчас уже ничего нельзя, оставалось лишь надеяться, что мальчишке, чья шляпа плавала в трясине, удалось все же уцелеть, а шляпу он просто выронил. Тем более что такая вероятность действительно существовала.

Вот змора действительно стерва.

Ну ничего, мы с ней еще посчитаемся... Сейчас бы где-нибудь отмыться.

Я пах, как тысяча дюжин тухлых яиц.

Одетая в выцветшее сари старушка с зажатым под мышкой маленьким дракончиком махнула рукой вправо и посоветовала:

— Эй, тебе лучше туда.

Ее дракончик задумчиво посмотрел в мою сторону, потом зевнул. Когда он открыл пасть, я увидел, что на кончике его языка трепещет крохотное, словно у газовой горелки, пламя.

— Спасибо, у вас очень доброе сердце, — от души поблагодарил я старушку. — Когда зять решит вас придушить, пусть ему на голову рухнет балкон.

— А если даже и придушит, — весело воскликнула старушка и хлопнула дракончика по плоской голове, — так в будущей жизни попадет в тело старой, паршивой, блохастой собаки.

От ее шлепка дракончик, с задумчивым видом рассматривавший ученого на вид человека с толстой книгой в руках и явно собиравшийся плюнуть в него огнем, поперхнулся и обиженно заскулил.

Наверняка ему просто жутко хотелось узнать, как горит бумага. Может быть, он этого никогда не видел.

Я двинулся в указанном старушкой направлении и вскоре действительно увидел покрытую пятнами ржавчины водяную колонку.

Не раздеваясь, я обмылся холодной водой и наконец-то избавился от запаха жижи. Минут через пятнадцать жаркое солнце снабазара высушило мою одежду.

Почувствовав, что проголодался, я обшарил карманы и обнаружил несколько завалявшихся золотых монет. Теперь оставалось только купить у торговца с бородавкой на носу завернутый в пергамент кусок жареной баранины.

В стороне от толпы, в тупичке, образованном задними стенками трех лавок, лежал здоровенный камень. На нем я и устроился. Есть хотелось просто неимоверно.

Короче, баранину я слопал почти мгновенно. Она оказалась чертовски вкусной. Вытерев руки куском пергамента, я вдруг вспомнил о пистолете и сигаретах.

Вот балда-то! Ими надо было заняться в первую очередь.

Я вынул из нагрудного кармана еще влажную пачку и разложил сигареты на камне — сушиться. Потом я испробовал газовую зажигалку и убедился, что она работает. Остался пистолет. С ним было сложнее всего. Я разобрал пистолет и тщательно протер каждую его деталь все тем же оставшимся от баранины кусочком пергамента. Больше ничего сделать я не мог. Оставалось лишь надеяться, что этого будет достаточно.

Снаряжая обойму оставшимися патронами, я подумал, что надо было прихватить и запасную, но ничего теперь уже поделать было нельзя. Разве что в каком-нибудь сне попадутся подходящие для моего пистолета патроны. Вот только вряд ли. Да и будет ли ими стрелять пистолет из статичного мира? Хотя ем же я запросто пищу как статичного мира, так и мира снов?

Ладно, когда придет время, будет видно.

Я сунул пистолет в карман, потрогал сигареты и убедился, что они уже высохли. Выбрав ту, что казалась посуше, я закурил. Дым, конечно, слегка припахивал жижей, но сейчас это для меня не имело никакого значения.

Под жарким солнцем, после сытной еды, меня слегка разморило. Чувствуя, как мной овладевает приятная истома, я вяло размышлял о том, как веселится, безусловно, видевшая, что со мной в этом сне случилось, змора. Ничего, будет и на нашей улице праздник.

А вообще интересно было бы узнать, как она умудряется следить за подвластными ей снами? Наверняка она все это делает через протянутые к каждому сну коммуникационные нити. Эх, будь у меня птица-лоцман, я бы их махом оборвал, а там ускользнуть из этого лабиринта было бы проще пареной репы. Ладно, проехали...

Выкинув окурок, я стал оглядываться, прикидывая, что бы такое сейчас предпринять. Тут со мной стала заигрывать красотка с усталым, сильно накрашенным лицом. Пришлось вежливо объяснить, что в ее услугах я в данный момент не нуждаюсь. Разочарованно покрутив головой, она с достоинством удалилась, а я решил все же прикинуть свое положение.

Итак, первый раунд игры со зморой я совершенно блестяще проиграл. Грустно, но факт. Сдаваться я не собирался. Значит, оставалось только попробовать уйти от наблюдения зморы с помощью способа номер два. Правда, мне он не очень нравился, но, великий Гипнос свидетель, выхода у меня не было.

Я хлопнул по руке рыжего воришку, пытавшегося стянуть мои сигареты, и тот, зашипев, как рассерженный кот, отпрыгнул в сторону.

Эге, да в этом сне щелкать клювом не рекомендуется.

Я собрал уже сухие сигареты в пачку и сунул ее в карман. Тотчас же несколько подозрительной внешности парней, отиравшихся поблизости от меня, разочарованно сплюнули себе под ноги и отправились восвояси.

Вот так-то вернее.

Теперь оставалось лишь прикинуть, где находится ведущий в нужном мне направлении соединительный туннель. А какое направление является для меня нужным?

Я закурил новую сигарету.

Итак, три года назад первый сон, в который я попал, оказавшись в мире зморы, был шпионский. Правда, попал я в него через стенку, с помощью птицы-лоцмана. Значит, проход в мир снов запросто может быть в любом другом месте. Все это верно, если бы не одна маленькая деталь. Слишком уж быстро на меня напала змора. Причем, похоже, она засекла меня еще в том самом шпионском сне.

Я выкинул окурок и, поерзав, привалился спиной к стенке одного из ларьков.

Вот теперь можно начать сначала.

Итак, в лабиринте зморы сотни снов. Она не может следить за ними всеми одновременно. Вернее, она может следить только за

одним из них. Потом переключается с него на другой и так далее, и так далее... Так почему же она следила за шпионским сном именно в тот момент, когда я в него попал? Совпадение? Слишком уж большое. Нет, объяснение может быть только одно. Змора следит за этим сном чаще, чем за всеми другими. А почему? Уж не потому ли, что в нем выход в мир снов?

Конечно, я вполне мог ошибаться. А вдруг нет?

За моей спиной за тонкой фанерной стенкой ларька о чем-то оживленно спорили покупатель и продавец. Похоже, покупателя, у которого был тонкий, визгливый голос, не устраивало качество товара, а продавец клялся и божился, что товар на самом деле отменный.

Я поморщился. Они меня отвлекали.

Итак, у меня есть догадка, где находится проход в мир снов. Это лучше, чем ничего. И потом, змора допустила еще одну ошибку.

Да, она уничтожила мою птицу-лоцман. Но у меня осталось присущее каждому инспектору снов чувство направления. Так что в ее лабиринте я заблудиться не мог. И конечно, определить, в какую сторону мне идти, чтобы попасть в этот пресловутый шпионский сон, труда не составит.

Великий Гипнос, так что же я медлю?

Действовать нужно.

Я вытащил из пачки третью сигарету, но закуривать ее не стал, мял в пальцах. Во рту от никотина уже горчило.

Итак, госпожа змора, первый тур я проиграл. Посмотрим, кто возьмет верх во втором.

Мимо меня тек нескончаемый поток покупателей. Коренных обитателей этого сна от тех, кто явился в него из других, отличить было проще пареной репы. У коренных обитателей этого сна-базара на лицах лежала едва заметная печать усталости и скуки. И еще все, что они покупали, почти тотчас же у них из рук исчезало. Впрочем, это их не удивляло. Механически, словно роботы, они доставали и доставали из карманов деньги и снова что-то покупали, похоже, совсем не заботясь о том, что именно.

Я помотал головой.

Чем они занимаются? А что им, собственно, еще делать? Они обречены. Это их жизнь. Вечно толкаться по базару и что-то покупать, покупать, а также ждать того человека, которому этот сон приснится.

Это случается нечасто. Конечно, не каждый сон, который снится человеку из статичного мира, придуман им самим. Довольно часто

он попадает в сны, придуманные кем-то другим. Но их так много! Кроме того, что каждый человек за свою жизнь создает их несколько сотен, там, в мире снов, существуют еще сны лошадей, кошек, собак, волков, медведей, медленные, тягучие, словно патока, сны деревьев и короткие, словно обрывки кинопленки, сны трав. Их много там, в стране снов.

Со мной что-то случилось, и я, на секунду став рядовым обитателем сна, всей кожей почувствовал то же, что чувствует он, понял и ощутил ту владевшую им неизбывную тоску, осознание обреченности и невозможности хоть что-то изменить. Они, эти создания снов, обречены на вечность и ничего изменить не могут.

Например, жители этого сна обречены вечно, пока этот сон существует, торговать и покупать. А ведь сны существуют очень долго. По меркам статичного мира — сотни и тысячи лет. Мне случалось попадать в сны древних египтян, а пару раз даже пещерных людей. До меня вдруг с беспощадной ясностью дошло, что я рано или поздно умру, придет время, умрут и мои потомки, а жители этого сна все так же будут без конца продавать и покупать, продавать и покупать.

Ужас!

Я очнулся.

Нет, об этом думать не стоило. Так недолго и рехнуться. И вообще надо идти, торопиться, действовать... Все же я почему-то медлил, никак не мог заставить себя хотя бы встать.

Дьявол, и угораздило же меня подумать об этих обитателях снов!

Из толпы на секунду вынырнул зомби, хотел было что-то мне сказать, но сейчас же нырнул обратно.

Что ему было нужно? Да какая разница?

Мои пальцы медленно мяли сигарету. Крошки табака сыпались на утоптанную землю.

Мне нужно было что-то сделать. Что?

Неожиданно я вспомнил.

Ну конечно... Там, в статичном мире, это не имело смысла, а здесь до сих пор не было времени. И вот оно у меня есть.

И можно...

Да, я должен попрощаться со своей птицей-лоцманом. Ее убили три года назад, но тогда попрощаться с ней я не успел, и вот сейчас, когда прошло столько времени, настал момент для прощания.

Так почему бы и нет?

Я попытался ее вспомнить, и это мне удалось. Вот она летит и, взмыв вверх, превращается в белое, слегка размытое пятно. Вот она садится ко мне на плечо, чтобы отдохнуть, и поводит при этом по сторонам круглой головкой с острым клювом. И еще... еще...

Я вспомнил ее, так было положено, я вспомнил ее и забормотал старую как мир формулу, которую когда-то давно заставил меня выучить Гунлауг-учитель, поскольку ее должен знать каждый инспектор снов, формулу прощания с птицей-лоцманом:

— ...вечность и покой. Там тебе будет хорошо. Прости, что уйду из этого мира позже тебя. Мы встретимся в новой жизни и опять будем вместе. Лети, а когда настанет срок — возвращайся.

Я говорил и говорил, пока слова прощания не кончились. Несколько секунд в соответствии с ритуалом я сидел неподвижно, чувствуя странную отрешенность и грусть. Потом это прошло, я встал, чтобы идти к переходному туннелю, и вдруг увидел зомби.

Он стоял совсем рядом, в метре, и неприятно улыбался.

— Знаешь что, — сказал я ему. — А не пошел бы ты куда-нибудь... погулять, например?

— Значит, обиделся? — спросил зомби.

Вот это уже было наглостью. Я угрюмо проговорил:

— Тут ларек я один приметил. В нем топорами торгуют. Хорошими такими, на прочной рукоятке. Сейчас куплю один, и если ты к тому времени не исчезнешь, развалю твою гнилую башку на мелкие кусочки.

— Понятно, — грустно произнес зомби. — Я тут одной птице при случае все перья из хвоста выдеру. Короче, послушай, что тебе скажет такой старик, как я. Плюнь на все. Да, сделал я на тебя ловушку. Такова жизнь, так было нужно. Кстати, лично против тебя я не имею ничего.

— Значит, уходить ты не желаешь? — устало спросил я. — Тупой, злобный, подлый кусок гниющей плоти.

— А! — радостно воскликнул он. — Так ты ненавидишь меня не за ловушку? Я понял. Ты зомбифоб. Ну скажи же, скажи, что ненавидишь всех зомби без исключения.

— Да плевать мне на всех зомби и на тебя в том числе, — заявил я. — Просто оставьте меня в покое.

— Врешь! — прокурорским тоном заявил зомби. — Ты зомбифоб. И доказать это можно запросто. Есть способ.

Он с хрустом отломил у себя на левой руке указательный палец и протянул его мне.

— Зачем это? — опешил я.

— Как зачем? Вот возьми, подержи в руках, чтобы доказать свою непричастность к зомбифобам. Не хочешь, так ведь? Да не бойся, червяков я с себя сегодня уже обобрал. В конце концов, зомби я чистоплотный. Ну же...

— Да не буду я брать этот палец, — вскипел я. — Вот еще...

Повернувшись к зомби спиной, я сделал вид, что рассматриваю базар.

— Так я и думал, — угрюмо сообщил зомби. — Значит, ты и есть...

Вот тут я взорвался и, резко к нему повернувшись, крикнул:

— Да, да, да!!! Все, доволен? Ну, доволен? А теперь, когда ты получил что хотел, я с тобой разделаюсь.

Я сделал несколько шагов в сторону палатки, в которой продавали топоры. Зомби ловко нырнул в толпу и исчез.

Я остановился.

Великий сон, что это со мной? Никогда я так не заводился. Нервишки стали пошаливать? В этот момент из-за ближайшего ларька высунул голову зомби и прошипел:

— Кстати, когда умрешь, на мою помощь и заступничество не рассчитывай. Придется тебе, братец, гнить в полном одиночестве. И никто к тебе погнить на пару не придет. Ты даже не представляешь, чего сейчас лишился, но придет время — поймешь.

Медленно, стараясь делать это как можно незаметнее, я сунул правую руку в карман.

Зомби это все же заметил и спрятался.

Я вытащил пистолет и приготовился стрелять.

Высунись, давай, еще разок высунись.

Прошло пять минут. Зомби так и не показался.

Тогда я сунул пистолет обратно в карман и пошел в сторону нужного мне соединительного туннеля.

Меня словно река подхватила толпа покупателей. Толстый неопрятный купец вцепился в полу моей куртки и попытался мне всучить старые портянки. В это время чьи-то ловкие пальцы нырнули в мой карман. Не оглядываясь, я шлепнул по ним ладонью. Пальцы сейчас же исчезли, а продавец портянок потерял ко мне всякий интерес.

Между тем толпа несла меня и несла. Как и в реке, в ней были быстрины и тихие заводи. Минуя их, я чувствовал запах жареного мяса, верблюжьей шерсти, дубленых кож, изысканных притираний и пряностей.

К счастью, несло меня в нужном направлении, и я совсем перестал трепыхаться, подчинившись ритму толпы, лишь переставлял ноги, стараясь не наступить никому на пятки.

Нельзя сказать, что это путешествие прошло для меня без инцидентов. Пару раз мне отдавили ногу и даже один раз саданули локтем под ребра. Стерпел я это вполне безропотно и вскоре был вознагражден тем, что толпа стала редеть. Еще через несколько минут я оказался на другом краю базара, совсем недалеко от соединительного туннеля, к которому, собственно, и стремился.

Передо мной была прямая, как логарифмическая линейка, улица. Метров через триста, на это указывало особенное едва заметное дрожание воздуха, она упиралась в боковую стенку сна и становилась всего лишь проекцией.

Некоторое время я стоял, привыкая после шума и сутолоки базара к тишине и покою. Жары тут в отличие от центра сна не было и воздух был попрохладнее. Улица состояла из небольших уютных коттеджей, похожих друг на друга, окруженных невысокими аккуратными заборчиками. Во дворе у каждого коттеджа виднелся небольшой фонтанчик, в центре которого обязательно стояли фигурки целующихся амуров.

Временами амуры переставали целоваться и заинтересованно поглядывали на меня.

Теперь я находился на краю сна, а поскольку любой сон к краям становится менее четким, очертания амуров временами слегка изменялись. Вдруг то у одного, то у другого откуда-то появлялись рожки или длинный коровий хвост, а то и внушительный пятачок.

Ну-ну, очень миленькие амуры. Вот только чего это они на меня так заинтересованно поглядывают? Может, приняли за человека, которому этот сон снится? Неужели у меня такое глупое лицо?

Я задумчиво посмотрел себе под ноги.

На покрывавшем улицу асфальте четко виднелись волчьи следы.

Очень мило, можно сказать — даже забавно.

Цепочка довольно свежих следов вела от базара в направлении переходного туннеля.

Я пошел вдоль по улице.

Следы тянулись точно по ее середине.

Откуда в этом сне взялся волк? И каким образом его следы отпечатались на асфальте?

Дичь какая-то.

Наконец улица кончилась, и я остановился перед стенкой сна, в которой совершенно четко виднелось отверстие переходного туннеля. Похоже, следы уходили в него.

Интересно, значит, где-то впереди меня волк, судя по всему — очень крупный. Откуда он взялся? Из кошмара? Но жители кошмаров, как правило, в другие сны выходят очень редко.

Я сделал еще несколько шагов и, остановившись почти рядом с входом в туннель, вдруг заметил одну любопытную вещь. Следы волка уходили не в туннель, а в проекцию.

Вот так уж вовсе не бывает.

Я вгляделся.

Следы уходили в проекцию всего в полуметре от входа в туннель. Но ведь все-таки уходили!

Великий Гипнос, этого еще на мою голову не хватало.

Следы уходили в проекцию так, словно она была не изображением, предназначенным для того, чтобы создавать иллюзию бесконечности сна, а самым настоящим, реальным миром.

Совершенно машинально я прикоснулся к стенке сна пальцем. Стенка как стенка. Упругая. На ней обычная проекция. Ничего особенного.

Все это было жутко загадочно.

Пожав плечами, я вошел в туннель. Он оказался не очень широким, метра три в диаметре. Шагая по нему, я все пытался сообразить, откуда могли взяться эти волчьи следы.

Фокусы зморы? Но зачем ей это?

Нет, тут что-то другое.

Примерно на середине туннеля я остановился и, опершись рукой о его стенку, задумался.

Получалось, я столкнулся с самым настоящим парадоксом. Ни с чем подобным не встречался ни один инспектор снов.

Неужели в снах существует еще одна реальность — мир проекций? Так ли уж нереальны проекции снов? Может быть, в них можно путешествовать? Но тогда получается, мы, инспекторы снов, воспринимаем сны не такими, какими они являются? И то, что кажется нам стенками сна, на самом деле является непреодолимой преградой лишь только для нас? Значит, мы в отличие от других жителей снов воспринимаем лишь небольшую их часть. А как же тогда птицы-лоцманы? Может быть, они безошибочно приводят нас в любой сон и легко проникают через его стенки лишь потому, что знают о проекциях что-то такое, о чем мы и не

подозреваем? Ах если бы во всем этом можно было разобраться именно сейчас. Кто знает, может быть, это оказалось бы ключом к моей свободе? Может быть, мне и не надо было бы искать выход в мир снов?

Вот только я твердо знал, что в одиночку у меня ничего не получится. А чтобы сообщить об этом другим инспекторам снов, я должен обыграть змору.

Ну вот, еще одна причина. Как будто недостаточно других.

Пытаясь прикинуть, каким будет следующий сон, я оттолкнулся от стенки туннеля и пошел дальше.

6

Он оказался довольно большим, но не очень четким. Особенно это было заметно здесь, на краю сна, по размытым проекциям на стенках и обитателям, почти прозрачным и двигавшимся замедленно, словно они находились под водой.

Нет, этот сон явно приснился человеку со слаборазвитым воображением.

Ну и бог с ним. Может, это даже к лучшему. Особенно если учитывать, что я задумал с этим сном сделать. Вернее, что мне придется с ним сделать.

Жуть.

Я поежился.

Такое мне до сих пор проделывать не приходилось. Правда, другого выхода не было вовсе. Или проиграть какой-то зморе, или выиграть. Но какой ценой?

Ценой?

Дьявол, опять...

Я чертыхнулся.

Да какое все это имеет значение? Я должен выиграть эту игру — и все. Хватит. И больше не о чем думать.

А сон был действительно не очень удачным. Настолько, что были прозрачными даже стены некоторых домов. Сквозь них можно было без труда рассмотреть вяло, словно снулые рыбы, копошившихся в своих квартирах жильцов.

Я не спеша двинулся к центру сна.

Почти тотчас же у меня под ногами заскрипел асфальт.

Я усмехнулся.

Через минуту, как будто змора подслушала мои мысли, скрип прекратился.

Вот так-то лучше.

Итак, для начала я должен был убедиться, что в этом сне нет элементов кошмара. Со снами, которые имели элементы кошмара, работать без магического жезла невозможно. А где я его возьму?

Пройдя метров двести, я уже знал, что кошмаром здесь и не пахнет. Вообще сон оказался старым и поэтому должен был обладать большим инуа. Это меня устраивало.

Итак, похоже, никаких причин отказаться от задуманного не было.

Значит, с богом.

Думая об этом, я шел мимо странных, похожих на готические соборы домов. На венчавших их крыши шпилях развевались голубенькие вымпелы. Окна в домах были узкими, словно бойницы. Во многих вместо обычных стекол поблескивали витражи.

Метров через триста от края сна тротуар у меня под ногами сменился на крупную брусчатку.

Потом я пересек какую-то невидимую границу, и сразу же окружающий меня мир заполнился звуками.

Теперь до меня доносился шелест листвы невысоких, стоявших почти у каждого дома раскидистых деревьев, радостные крики и смех игравших возле одного из домов детей, а также громкий лай ненадолго привязавшейся ко мне маленькой, грязной, очень агрессивной собачонки. Впрочем, вскоре это развлечение ей надоело. Она утратила ко мне всякий интерес и деловито побежала куда-то прочь.

Это был очень спокойный, удивительно мирный сон.

Может быть, он прельстил змору именно этим?

Вообще этот сон имел редкое свойство расслаблять, заставлял не думать ни о чем.

Вот только со мной этот номер не пройдет.

Интересно, переделывает ли змора украденные сны? Вряд ли. Хотя, по идее, зморы на такое способны. И еще... кому такой сон мог принадлежать? Начитавшейся сентиментальных романов четырнадцатилетней девчонке? Или же старой, уставшей от жизни шлюхе?

Обдумывая все это, я между тем постепенно приближался к центру сна.

Прохожих на улице становилось все больше. Один из них, усатый мужчина в тирольской шапочке, двинулся было ко мне,

но вдруг, словно передумав, повернул в другую сторону. Вот он обнял за талию только что просочившуюся сквозь стену ближайшего дома и теперь поправлявшую шляпку девушку. Я миновал их в тот момент, когда его рука нырнула в вырез ее платья. Не моргнув глазом девчонка отвесила зарвавшемуся наглецу звонкую пощечину.

Я подумал, что она все-таки молодец, и пошел дальше.

Через пару кварталов меня остановил старик в ботфортах и шотландской клетчатой юбке. Он спросил:

— Никак человек из статичного мира? Я не ошибся? Послушайте, а вы-то хоть уверены, что живы?

— Уверен, — буркнул я.

— Точно? — не унимался старик.

— Точно. Однако почему это вас...

— Нет, — перебил он меня. — Вы лучше, если знаете, не скрывайте. Так прямо и скажите, что мертвы. И нечего мне голову морочить. А может, вы о своей смерти и не подозреваете? Это бывает, ничего страшного. Может, вы умерли во сне? Случается и так. Бедняга, теперь вы никак не сможете вернуться в статичный мир и будете жить здесь вечно.

— В чем дело? — медленно закипая, спросил я и попытался пройти мимо, но прыткий старичок загородил мне дорогу.

— Ни в чем. Просто если вы точно знаете, что живы, — моя теория не верна.

— Какая теория? — ледяным тоном поинтересовался я.

— Она состоит в том, что статичный мир давно уже погиб. А мы живем лишь потому, что находимся в мире снов. От всего статичного мира остались только сны. Скажите, вы давно из статичного мира?

Я облегченно вздохнул.

— Да успокойтесь, — заверил я старичка. — Ничего с вашим статичным миром не произошло. Я только что оттуда.

Его глаза хитро блеснули. Он схватил меня за отвороты куртки и быстро-быстро забормотал:

— Это вам только казалось. Откуда вы узнали, что были именно в статичном мире? Может быть, это был лишь большой, тщательно сделанный сон? Ах, так вы в этом уверены! Разве можно хоть в чем-то быть уверенным? Нет, нет...

Он отпустил мою куртку и, покачивая головой, побрел прочь, но, пройдя всего лишь несколько шагов, вдруг скорчился, стал бледнеть и через несколько секунд исчез.

Я ошарашенно сплюнул на мостовую, еще раз посмотрел на то место, где он только что был, и двинулся дальше.

Чудак какой-то. Таких в снах мне еще не встречалось. Хотя кого только в них не бывает.

Мимо меня проехало несколько карет. В них сидели дамы в соломенных шляпках и солидные господа в высоких цилиндрах. Пробежал мальчишка. Он размахивал пачкой газет и выкрикивал:

— Покупайте газету «Свежий кусок»! Новости о человеке-пауке! Паника на биржах Пети-гада! Крушение в одном из соседних снов. Подробности спасения малолетнего мальчика, упавшего в болото чудовища!

Брусчатка у меня под ногами опять заскрипела, через минуту перестала, снова заскрипела и опять перестала.

Похоже, змора слегка нервничает. Ну-ну, то ли еще ей предстоит!

Я зашел в сигаретную лавку, купил пачку «Мальборо» и вышел.

Теперь нужно осмотреться.

Похоже, я находился почти в самом центре сна. Да, почти.

Легкий ветерок принес откуда-то запах роз. Из табачной лавки вышел бородатый мужчина, на ходу раскуривая здоровенную сигару. Вот он выпустил огромный клуб дыма и неторопливо пошел прочь. Стоявший неподалеку морщинистый, как старая перчатка, шарманщик стал размеренно, словно робот, крутить ручку облезлой шарманки, и девушка в красном трико, расстелив потертый коврик, сделала на нем стойку на руках. Потом она стала крутить сальто. Прохожие кричали ей «Браво!» и бросали серебряные монеты. Мужчины в замшевых жилетах подкручивали завитые колечками усики и бесцеремонно разглядывали остановившихся поглазеть на циркачку дам. А те смотрели на нее в лорнеты, и их стекла полыхали на солнце, словно прицелы орудий. Куда-то деловито спешившая болонка вдруг остановилась и попробовала использовать мою ногу вместо столбика. Я пнул ее, и она убежала.

Странные собаки в этом сне, очень странные. А вообще он не так уж и плох. Жаль, что я не могу отказаться от своей затеи.

Нет, можно было, конечно, пойти дальше и попытаться найти другой сон. Но там все повторится вновь. А если у меня не хватит духу сделать что задумал в одном сне, то почему должно хватить в другом? Даже если следующий сон будет хуже этого. Ну и что? И прекрасная девушка, и беззубая старуха хотят жить одинаково. Старуха, может быть, даже больше.

Так уж получилось, что мне попался именно этот сон, и искать другой не имело смысла.

Я еще постоял, стараясь успокоиться и сосредоточиться.

Наконец это мне удалось.

И вместе со спокойствием пришло четкое осознание, что я не смогу сделать то, что задумал. Просто не смогу, и все. Не смогу, не хватит сил. Я не могу уничтожить сон. И на секунду замер, поддавшись панике, решив, что проиграл. А потом вдруг успокоился.

Прекрасно, раз я не смогу этого сделать, то это сделает мое тело. Старый, давно, очень давно известный способ. Вспомнив его, я подумал, что все-таки Гунлауг научил меня многому, очень многому. Ценой адского труда, но научил. Впрочем, думать об этом было некогда, нужно было действовать.

Медленно, очень осторожно я попытался выйти из своего тела.

На меня оборачивались прохожие, и даже стала лорнировать какая-то дама.

А у меня ничего не получалось, и когда я уже почти отчаялся, оно пришло — ощущение.

Чувствуя, как каждый удар сердца наполняет тело странным, полузабытым, похожим на слабый электрический ток покалыванием, я несколько раз глубоко и с силой вздохнул. Мое тело наполнилось странной, готовой от малейшего неверного движения взорваться мощью.

Исчезли все запахи. Воздух стал сухим, как в давно непроветриваемом помещении.

А потом случилось нечто, и я выскользнул из своего тела, повис над ним, да так, что мог его видеть сверху.

Теперь я был спокоен, чудовищно спокоен, настолько спокоен, что даже не мог вспомнить, что такое страх или удивление. Я не удивился даже тогда, когда мое тело само, поскольку я уже не мог его контролировать, двинулось в сторону небольшой площади, являвшейся центром сна.

Вот оно вышло на площадь, миновало старуху, торговавшую какими-то странными цилиндрическими фруктами. Возле нее стояла небольшая очередь озабоченных женщин с цветастыми кошелками. Потом оно прошло мимо двух мальчишек, игравших пистолетами. Вылетавшие из их стволов пули, не пролетев и десяти сантиметров, падали на землю.

Дальше был гражданин в лаптях и мятом смокинге. Взобравшись на деревянную скамеечку, он трудолюбиво писал мелом на

стене «Все на учредительное сто двадцать седьмое заседание всеобщего совета по обсуждению очень важных законов. Сегодня будут обсуждать наиважнейший закон о том, в каком порядке снимать носки, перед тем как ложиться спать».

Миновав его, мое тело повернуло голову и посмотрело на противоположную сторону площади, где какой-то тип, завернутый в белую больничную простыню, увешанный добрым десятком березовых крестов, приклеивал на афишную тумбу написанное от руки на листочке в клеточку объявление «С нами Бог, Вера, Наташа, Мара и мысленно сам товарищ...»

Мое тело наконец-то остановилось и покрутило головой из стороны в сторону, видимо, отыскивая те невидимые энергетические нити, на которых держался этот сон. Вот оно, кажется, их определило.

Я подумал, что сейчас начнется.

И действительно — началось!

Мое тело вскинуло вверх руки и резко их опустило, словно рвало невидимую паутину.

По-видимому, так оно и было. Я понял, что оно порвало скреплявшие этот сон энергетические линии. Видимо, они проходили как раз в центре.

Теперь оставалось только сделать так, чтобы они не восстановились.

И мое тело не подкачало.

Рванувшись вперед, оно резким, точным движением выбило скамеечку из-под ног писавшего на стене типа. Все еще водя в воздухе мелом, тот рухнул на мостовую.

— Чтоб ты сдох! — крикнуло ему мое тело.

Все, кто находился на площади, выпучили глаза и ошарашенно застыли. И только пузатый дядька с кирпичного цвета лицом, в строгом черном пиджаке, из кармана которого выглядывала здоровенная красная книга, удовлетворенно отметил:

— Прекрасно спланированная политическая акция! Так держать!

Мое тело шагнуло к нему и крикнуло:

— Бу-у-у-у!

— Ой, — сказал пузан и упал в обморок.

Удовлетворенно хмыкнув, мое тело строевым шагом промаршировало в другой конец площади. По дороге оно сорвало с человека в больших дымчатых очках шляпу и напялило ее на седые космы стоявшей рядом с ним старухи.

В конце площади оно развернулось и крикнуло ошарашенной толпе:

— Эй вы, немедленно ущипните друг друга! Я аннулирую вас! Слышите, вас уже давно своровали и держат там, куда люди из статичного мира не могут попасть. Никогда, слышите, никогда вы никому больше не приснитесь!

Этого оказалось достаточно.

Стоявшие на площади люди буквально взревели. Несколько человек так разозлились, что мгновенно надулись, взмыли вверх, как большие надувные шары, и с треском лопнули.

Тип в больничной простыне кинул в мое тело камень и закричал:

— Мерзавец! На кол его!

Еще на лету камень превратился в сладкую ватрушку. Она попала моему телу в плечо.

Что-то затрещало, я словно бы куда-то провалился и через секунду снова был в своем теле.

И слава Гипносу!

Все, что нужно, было уже сделано.

Я почувствовал, как по всему сну прокатилась судорожная дрожь.

Неподалеку от меня разошлась мостовая, и из-под нее выглянула уродливая морда инуа — духа сна. Посмотрев в мою сторону и моментально определив, что перед ним не житель сна, он спрятался обратно.

Ничего, долго он там не просидит.

А толпа уже бушевала. Вот она двинулась на меня... И тут мостовая у меня под ногами заходила ходуном. Послышался страшный скрип. Я увидел, как на верхней стенке сна прогнулась и покрылась трещинами проекция неба.

К моим ногам рухнула наполовину ощипанная ворона и, прежде чем расползтись пятном жирной сажи, спросила:

— Сосисочек не желаете?

А сон уже разбухал, раздувался.

Я представил, как змора сейчас мечется по своему логову, пытаясь понять, что же с этим сном случилось, и захохотал. Безусловно, она уже давно потеряла меня из виду, и, конечно же, пора удирать.

Я бросился со всех ног в сторону ведущего в нужную мне сторону соединительного туннеля. Мостовая под ногами вставала дыбом, так и норовя сбить меня с ног. То и дело попадались ошарашенные, ничего не понимающие обитатели сна. А я несся сломя голову к соединительному туннелю.

А вот и он.

Я ворвался в туннель и по инерции пробежал еще несколько десятков шагов. Потом остановился и отдышался.

Великий сон, неужели все удалось так, как я и рассчитывал? Во всяком случае, для меня еще ничего не кончилось. Для меня еще все начиналось. Теперь предстояло самое главное — замести за собой следы.

Я бежал и бежал, а туннель все не кончался. Он оказался очень длинным. Это было некстати, поскольку мне позарез нужно было попасть в следующий сон как можно быстрее.

Змора — она ведь не дура. Наверняка она очень скоро сообразит, что произошло. И тогда она плюнет на погибающий сон и сосредоточится на соседних, чтобы поймать тот момент, когда я в одном из них появлюсь.

Теперь все решали секунды.

Наконец туннель кончился.

Выскочив из него, я сделал шаг в сторону от выхода из туннеля и остановился.

Оставалось лишь ждать и надеяться, что все получится так, как я и рассчитывал. Кстати, змора вполне уже может вот-вот заглянуть в этот сон. Если я буду стоять неподвижно, то она может меня и не заметить.

У меня, конечно, был соблазн рискнуть и перебежать в следующий туннель, но я не рискнул. Вдруг змора уже наблюдает за этим сном? Тогда она меня легко засечет. Нет, я уж лучше постою и подожду. Так вернее.

Между тем вибрация за моей спиной, там, где был переходной туннель, усилилась.

Ну еще бы!

Я представил, как сон, в котором я только что был, схлопывается, сминается, проваливается в безвременье, и поежился.

Великий Гипнос! Остается только надеяться, что большинство его жителей все-таки сообразят удрать в другие сны по соединительным туннелям.

Совесть мне шепнула, что во всем виноват я. Боже, да, я виноват. Но что я мог сделать без птицы-лоцмана?

Мне почему-то нестерпимо захотелось сесть.

Нет, этого делать не стоит.

Я постарался расслабиться и приготовился ждать. Все усиливающаяся пульсация за мой спиной подсказывала, что осталось совсем немного.

Конечно, будь у меня птица-лоцман, я бы все сделал по-другому. Для начала я бы оборвал энергетическую нить, соединявшую

этот сон с логовом зморы. Таким образом, она утратила бы над этим сном всякую власть. Потом я бы оборвал и закупорил соединительные туннели, увеличил толщину стенок сна и превратил его в неприступный бастион. После этого мне осталось бы лишь медленно, но совершенно неотвратимо продвигать этот сон к границе мира зморы.

У меня зачесалась нога.

Ну вот, начинается.

Очень осторожно, как можно медленнее, я наклонился и почесал ее. Потом, так же медленно, я выпрямился.

Скорее бы, что ли...

Сон, в котором я оказался, был довольно шизоидным, но ничего особенного собой не представлял.

Передо мной простирались покрытые короткой травкой холмы, по которым бродили люди с квадратными головами. Они походили друг на друга, как близнецы. А может, мне это только казалось? Очень трудно отличить друг от друга людей с одинаковыми квадратными головами.

Вот один из них остановился и истошно закричал:

— Ах, где ты, мой любимый Гессе! Ночами и днями я жду, когда ты ко мне придешь! Я мечтаю о тебе! Я преклоняюсь перед тобой! Я хочу быть твоим рабом. Я буду переписывать твои произведения, я буду их заучивать и воспитаю в духе гессеизма своих детей!

Пока он кричал, все квадратноголовые уселись на травку и, достав из карманов по горсти голубого песка, стали посыпать им головы. Через некоторое время на небе вспыхнула розовая полоса, и на ней зажглась золотая надпись «Зрите!». Вскоре ее сменила другая — «Думайте!». Потом появилось «Говорите!». И наконец, как итог, вспыхнула мертвенно-бледная «Подыхайте!».

Увидев эту надпись, все квадратноголовые упали на спину и, задрав ноги вверх, истошно завопили.

Туннель за моей спиной бился и дрожал, словно живой. Он вибрировал настолько сильно, что затрясся даже сон квадратноголовых. Почувствовав опасность, они с криками бросились в дальний конец своего сна.

А я все ждал. Вот-вот из туннеля должны были повалить спасающиеся бегством обитатели погибающего сна. Я надеялся, что мне удастся проскочить этот сон вместе с ними.

Вот-вот они должны были появиться.

Я переступил с ноги на ногу.

И тут из туннеля действительно повалили обитатели сна. Впереди всех спешил пузан в черном костюме. Я уже хотел было присоединиться к их толпе, но вдруг они рассыпались в стороны, и из туннеля выскочил инуа.

Вот это везение!

Он походил на здоровенную, метров пяти длиной, гусеницу, а толщиной был не менее метра. Видимо, инуа был очень старый. К его бокам присосалось не менее десятка белых червей-паразитов.

Выскочив из туннеля, он замер, видимо, пытаясь оценить обстановку. И тут я не оплошал. Прыгнув ему на спину, я схватился за жесткие, росшие возле головы наподобие гривы волосы.

Надо сказать, вовремя.

Через мгновение инуа подпрыгнул и понесся со скоростью скаковой лошади.

Йо-хо-хо!

Вот на инуа я еще не ездил!

Йо-хо-хо!

Ничего, змора, мы с тобой еще потягаемся. Ты еще поймешь, что с инспекторами снов связываться не стоит. Ой не стоит.

Когда я вернусь с новой птицей-лоцманом, мы с тобой сразимся. Но это будет честный бой, а не нападение из засады.

А пока можно считать, что от зморы я ускользнул. Значит, все было не зря. Инуа наверняка пробежит несколько снов, и в каком-нибудь из них я спрыгну. Змора в это время все еще будет обшаривать сны рядом с тем, который я уничтожил. А я буду уже на пути к шпионскому сну.

Йо-хо-хо!

7

Инуа несся огромными скачками. Каким-то чудом я умудрялся удержаться на его спине, но меня мотало из стороны в сторону, как мешок с отрубями.

Теперь, лишившись логова, дух сна будет бежать до тех пор, пока не наткнется на такой сон, инуа которого либо умер, либо сильно ослабел от старости. Поскольку змора отбирала свои сны довольно тщательно, искать ему придется долго.

Мимо меня проносились холмы сна квадратноголовых. Иногда инуа делал просто чудовищные прыжки, и мне приходилось напрягать все силы, чтобы с него не свалиться.

Мотаясь на его спине, я думал о том, что пока мне самым настоящим образом везет. Самой большой удачей было то, что зомби вытащил меня из безвременья. Не должен был он это делать, никак не должен.

Стоп, а вдруг змора мне подыгрывает? Но зачем? Может, она не хотела, чтобы игра закончилась так быстро? Ничего, теперь захочет. Даже если она мне слегка и подыгрывала, то сейчас обеспокоится не на шутку и сделает все, чтобы меня найти и уничтожить.

Поздно, милая. Теперь это не так-то легко сделать.

Кстати, что она сделает, когда убедится, что я от нее все же ускользнул? Станет разыскивать меня по всему лабиринту? Вряд ли. Да и трудно ей будет это сделать, очень трудно. Все-таки снов несколько сотен. Осмотреть все займет слишком много времени. Да и есть риск, что, пока она будет обыскивать весь лабиринт, я найду лазейку в мир снов. Нет, скорее всего она возьмет под наблюдение тот сон, где выход, и будет меня в нем поджидать.

Вот и прекрасно.

Значит, выход в том сне, в котором я с ней встречусь.

Держу пари, это будет в шпионском сне.

А пока я должен найти место, в котором можно отдохнуть. Слишком уж много за минувшие сутки на мою долю выпало приключений. Короче, силы мои были на исходе. Сейчас бы часов на восемь уйти в небытие.

Не сбавляя скорости, инуа влетел в соединительный туннель, оказавшийся настолько высоким, что мне даже не пришлось нагибать голову.

От избытка чувств я закричал:

— Эге-гей-го!

Следующий сон оказался сном человека, мучимого угрызениями совести. Поскольку инуа бежал очень быстро, я так и не понял, за что он себя так мучил, что человек, которому этот сон приснился, натворил. Мимо меня мелькали какие-то толстые, перекошенные ужасом лица, я успел расслышать, как кто-то прокурорским голосом извещает: «И тем самым суд установил...» Перед самым соединительным туннелем мелькнуло сооружение, жутко похожее на гильотину. Вообще сон оказался довольно небольшим.

Ведущий из него туннель был очень узким, так что мне пришлось, чтобы не упасть, очень плотно прижаться к спине инуа.

Наконец туннель кончился, я облегченно выпрямился и увидел, что въехал в самый настоящий кошмар.

Честно сказать, я испугался. Чего мне меньше всего хотелось, так это оказаться в кошмаре. Я сильнее сжал коленями бока инуа и вцепился в его гриву так, что побелели пальцы.

А кошмар был самый настоящий, почти классический.

Естественно, в нем была ночь. На небе светила большая, неправдоподобно белая луна, которую то и дело закрывали темные облака. Инуа скакал через огромное, наверняка занимавшее все пространство кошмара кладбище. Я проносился мимо покрытых мхом памятников, увитых плющом здоровенных каменных крестов, облицованных потрескавшимся мрамором склепов и просто самых обыкновенных свежезарытых могил. Земля на многих из них шевелилась.

Короче, это был самый настоящий, добротный, опасный кошмар из тех, что пользовались успехом лет десять назад. Скольких людей из статичного мира такие кошмары довели до психушки — уму непостижимо.

Вдруг инуа как-то странно всхрапнул и заметно снизил ход.

Этого еще не хватало! Уж не задумал ли сразиться мой скакун с духом сна этого кошмара? А может, он просто устал?

Я отчаянно гикнул и вдавил в бока инуа каблуки ботинок.

Ну же, не спи, давай, давай ходу! Я понимаю, что ты привык мирно полеживать в своей норке в нижней стенке сна и эта скачка тебе не по нутру. Но все же вывози, вывози, хотя бы до следующего сна!

Все было напрасно. Инуа катастрофически снижал ход.

Теперь он бежал так медленно, что из некоторых могил даже успевали выбраться мертвецы.

Они совсем не походили на зомби зморы. Эти мертвецы были злобные, как гиены, и голодные, словно нищие в ненастный день. Скаля длинные острые зубы, они, как водится, тянули ко мне полугнилые руки, обтянутые усеянной белыми червями кожей.

Нет, к чистоплотным зомби они отнюдь не принадлежали.

До соединительного туннеля оставалось совсем недалеко, но и инуа теперь бежал так медленно, что один мертвец даже успел загородить дорогу. Он стоял, слегка покачиваясь, раскинув крестом руки, и что-то кричал, может быть, предлагал нам остановиться. Не знаю, вслушиваться в его слова мне было некогда. Я

лихорадочно пытался придумать, как заставить инуа бежать быстрее.

Ничего особенного я не придумал и тогда, понимая, что вот-вот погибну, не своим голосом взвыл и ударил духа сна по бокам каблуками.

Словно очнувшись, тот сделал длинный прыжок.

— Гы-гы-гы! — завыл мертвец и шагнул вперед, но тут на него с размаху налетел инуа, сшиб его и снова как бешеный рванул к соединительному туннелю.

Трясясь на его спине, чувствуя, как по телу у меня бегут струйки холодного пота, я вяло чертыхался и ждал, когда кончится туннель. Нет, решено, если следующий сон приличный, останусь в нем.

Туннель кончился.

Сон-мечта. Я понял это сразу.

Великий Гипнос, то что нужно! Только бы не проскочить...

Мои пальцы разжались, я скатился со спины инуа и упал на мягкий песок.

А теперь можно и расслабиться.

Я сел и осмотрелся.

В этом сне был вечер, и большое багровое солнце висело над самым горизонтом, так что на спокойной воде большого, неправдоподобно синего озера лежала золотая дорожка. Где-то недалеко кричала озерная чайка. Мягкий теплый ветерок обдувал мне волосы.

И был покой. Не верилось, что где-то в этом сне может прятаться опасность. И куда-то ушло дикое напряжение этого невероятно длинного и насыщенного приключениями дня.

Я снял ботинки и повесил их на ближайший куст, прошелся по песку, чувствуя, как он покалывает ноги и скрипит. Нет, совсем не так, как по желанию зморы скрипел под моими ногами асфальт. Сейчас это был самый обычный скрип. Скрип песка под босыми подошвами. И слава богу.

Я посмотрел в ту сторону, куда убежал инуа. Его уже не было видно. Очевидно, он нырнул в расположенный там, на противоположном конце этого сна-мечты, соединительный туннель.

Счастливого пути, моя чудная лошадка. Желаю тебе найти подходящий сон. Прости, если это возможно, за то, что я уничтожил твой. Поверь, у меня не было выхода.

Я сплюнул на песок.

Великий Гипнос! Не хватало мне еще расчувствоваться.

У меня не было выхода. Любой другой инспектор снов на моем месте поступил бы точно так же.

А теперь я должен отдохнуть и хотя бы на время забыть обо всем. Можно даже искупаться. Кстати, почему бы и нет?

Я разделся и развесил одежду на кустах. Слабый ветерок колыхал ее, играл рукавами моей куртки, штанинами брюк. Будь моя одежда белой, получилось бы, что я развесил флаги капитуляции.

А если и так? Разве что-нибудь от этого изменится?

Вода была теплой. Она подхватила меня, понесла, словно ласковые ладони матери.

Я отплыл от берега метров на сто и, перевернувшись на спину, раскинув руки, замер, отдавшись, доверившись воде, став ее частью, растворившись в ее покое.

И тут опять закричала озерная чайка. Что-то тупое и холодное ткнулось мне в бок. Я вздрогнул, перевернулся на живот, нырнул и увидел большую рыбу с круглыми, похожими на серебряные блюдца глазами. Видимо, я ее испугал, потому что рыба ударила хвостом и ушла на глубину. Я смотрел, как медленно, грациозно она растворяется в зеленоватой, скрывавшей дно дымке. А потом у меня кончился воздух, и я вынырнул на поверхность.

Через некоторое время, выходя из воды, я подумал, что так всегда и бывает. Стоит увидеть нечто интересное, как кончается воздух и пора выныривать.

Я оделся и стал прикидывать, где бы можно было лечь. Почему-то мне не хотелось уходить далеко от воды. Может быть, потому, что где-то там, в ее глубине, плавала рыба. Чем-то она мне понравилась. А может быть, дело было вовсе и не в этом?

Наконец я решился и плюхнулся как был в одежде на песок. И только тут почувствовал, насколько устал, ощутил, что каждая клеточка моего тела ноет и просит об отдыхе. Глаза мои слипались. Медленно, но неотвратимо я соскользнул в небытие...

Вернувшись из небытия, я долго лежал на спине и смотрел в вечное, неизменное, как египетские пирамиды, вечернее небо. Наверное, целых полчаса. Потом я сел и посмотрел в сторону озера. Золотая дорожка на нем не сдвинулась ни на миллиметр.

И это было здорово. Это рождало спокойную, твердую как гранит уверенность.

В конце концов, здесь можно жить сколько угодно долго. Очень долго. Просто жить. Никуда не спешить. Ничего не делать. Вернее, не так: делать только то, что хочется.

Сколько угодно долго.

Конечно, была опасность, что меня найдет змора. Вот только уж слишком малы были на это шансы. Нет, она очень терпеливая, она будет ждать меня в том сне, где выход. День за днем, месяц за месяцем. Рано или поздно, но все же она устанет, и тогда я смогу прокрасться в шпионский сон и незамеченным ускользнуть в мир снов.

Вот так.

Чем не план?

Самое главное — не торопиться, не пороть горячку. Нужно просто остаться в этом сне на некоторое время, осмотреться и подумать. Я уверен, что рано или поздно, но я додумаюсь до чего-то лучшего. Да и чем плох тот план, который я только что придумал?

Великий Гипнос, а ведь и правда.

Я представил, как целыми днями буду лежать на песке и ничего не делать. Потому что это сон-мечта, и, по идее, он должен даже снабжать тех, кто в него попал, пищей. Я буду купаться, устраивать пикники и сам себе говорить тосты, поднимать бокалы шампанского за собственное здоровье и самому себе говорить речи. Может быть, мне даже удастся приручить большую рыбу, и, когда я захочу, она будет приплывать ко мне из глубины и брать с моих рук корм.

А кто сказал, что я должен находиться в этом сне в одиночестве? Да никто. Я вполне могу пригласить к себе кого-нибудь из соседних снов. Конечно, не из кошмара, но неужели вокруг одни только кошмары? Нет, я приглашу жительницу какого-нибудь сексуального сна, и, уверяю вас, со скуки мы с ней не помрем.

И главное, ничего мне не будет нужно. Ничего и никого. А еще тем самым я смогу обезопасить других мастеров снов. Ведь стоит мне проиграть эту игру, как змора меня уничтожит и немедленно заманит в ловушку другого инспектора снов. А так, пока я нахожусь где-то в лабиринте, попытаться поймать нового инспектора она не рискнет.

Потому что тогда в ее мире окажутся два инспектора снов. А это уже чертовски опасно. Нет, на такой риск она не пойдет. А стало быть, оставшись в этом сне, я спасу нескольких таких же, как и я, инспекторов снов.

Честь мне за это и хвала.

Я обрадовался.

Потому что это был выход, самый настоящий выход, пусть парадоксальный, но правильный и, самое главное, мудрый.

Не делать ничего. Абсолютно ничего. Так я выиграю.

Очень просто.

Принцип одной из философий статичного мира: поддаться, чтобы победить.

Я сходил к озеру и ополоснул лицо. Потом жадно закурил и, подумав о том, что неплохо бы сейчас что-нибудь съесть, лег прямо там, неподалеку от воды, сосредоточился, представил роскошный, сочащийся жиром бифштекс. На серебряной тарелке. Поскольку это сон-мечта, я согласен только на серебряную и никак не на деревянную.

Бифштекс, конечно, сейчас же передо мной возник, и тогда, обрадовавшись, поскольку все получалось как нельзя лучше, я заказал фрукты, хлеб, вилку и нож, бутылку кларенского, а также хрустальный бокал.

Расправляясь с бифштексом, я подумал, что спать на берегу все же неудобно.

А почему бы не придумать себе небольшой, очень уютный замок. Чтобы в камине трещал огонь и чтобы была необъятная кровать. И почему я должен курить сигареты? В конце концов, кто мне запрещает обзавестись длинной трубкой и ящиком самого лучшего табака. А также какой же это замок, если не будет горничных, и поваров, и этих... как его?.. лакеев. Ну да, лакеев.

А на змору плевать.

Я выпил бокал кларенского и нашел, что оно превосходно. Оно и должно было таким быть. И все было отлично, все было очень хорошо.

Я лег на бок. Закурил сигарету.

Где-то опять закричала озерная чайка, и моя рука с зажатой в ней сигаретой дрогнула. Невесомый столбик пепла упал на песок, и его тотчас же сдуло ветром. А я прислушался к крику озерной чайки. Нет, все-таки что-то в нем было тоскливое, что-то такое, берущее за душу, что-то напоминающее. Напоминающее...

Я выкинул окурок и встал.

Да, конечно. А еще было бы неплохо, чтобы в замке были канделябры. Такие старинные, тяжелые, украшенные фигурками — дриадами, наядами... не важно. Главное — никакого электричества.

Вот именно. Все зло на этом свете от электричества.

Я зачем-то очень аккуратно вымыл в озере тарелку и вилку, потом положил их поблизости от воды.

А еще в моем замке будет библиотека. Обязательно. Конечно, для этого мне придется сделать несколько экспедиций, и не только

в соседние сны, а значительно дальше. В одном из них, я уверен, найдутся нужные мне книги. Что только людям не снится.

Сняв с куста куртку, я надел ее и очень аккуратно застегнул пуговицы.

Собственно говоря, а почему я не могу приступить к этому сейчас? И для начала обязательно нужно пригласить какую-нибудь девушку. Чтобы у нее было миловидное личико, длинные ноги и обязательно большой бюст. Это так возбуждает.

Чего откладывать? Прямо сейчас и приглашу.

Она придет вместе со мной, и я ее влюблю в себя. А как это можно сделать? Да очень просто. Одна из особенностей девушек, на которую их чаще всего ловят, — любопытство.

Да, так и будет.

Я приглашу ее и построю перед ней замок, а потом мы вместе с ней все обсудим и решим, где что будет лежать, и висеть, и стоять.

А иначе все равно она потом заставит все переделать.

Это тоже характерно для женщин. Они любит все переделывать.

А зачем мне этим заниматься? Так можно потерять много времени, которое иначе я бы посвятил благородному ничегонеделанью.

Я направился прочь от озера, к соединительному туннелю.

Итак, решено: первое, что я сделаю, это приведу сюда девушку. Именно с этого и стоит начать. Конечно, можно было пойти и в противоположную сторону, но там кошмар. А вот здесь, именно в соседнем сне, я это чувствовал, подходящих девушек сколько угодно...

Я успел буквально в последний момент.

Сон стал схлопываться, когда я был еще метрах в пяти от соединительного туннеля. Меня спас прыжок, которому позавидовал бы мастер спорта по легкой атлетике.

Я с размаху влетел в соединительный туннель и смог остановиться и оглянуться лишь метров через пять. И сделал это вовремя, потому что уже через секунду, метнувшись в сторону и врезавшись в мягкую стенку, сумел увернуться от чего-то, больше всего напоминающего китобойный гарпун на длинной толстой веревке.

Не обернись я, он вонзился бы мне в спину и самым тривиальным образом пронзил насквозь. Потом веревка бы натянулась, и мое тело втащили бы обратно, прямо в пасть сна-росянки, которая как раз сейчас в бессильной злобе кусала край переходного туннеля.

Ничего, злись, злись. До меня ты уже не доберешься.

Я не то чтобы присел, а просто бухнулся на мягкий пол туннеля и все смотрел и смотрел, никак не мог оторвать взгляд от этой красной, огромной, закрывающей весь вход в туннель, вооруженной острыми длинными зубами пасти.

Черт возьми, как же это я свалял такого белого медведя? Спутать росянку со сном-мечтой? Да за такое Гунлауг-учитель меня бы просто-напросто выпорол. Чтобы на всю жизнь запомнил, чем отличается сон-росянка от сна-мечты. Собственно, мелочами, но любой опытный инспектор снов видит их буквально с порога. Я же, как идиот, даже переночевал в этом сне и понял что к чему лишь в самый последний момент.

Нет, объяснить это можно лишь тем, что я был в статичном мире очень долго.

Но все-таки перепутать сон-мечту и росянку!

Я засмеялся.

Там, снаружи, совершенно взбесившаяся оттого, что от нее ускользнула добыча, росянка все еще пыталась разгрызть соединительный туннель, ее гарпун все еще был здесь, в метре от меня, и медленно втягивался обратно, чтобы вскоре снова полететь в меня и, может быть, на этот раз не промахнуться, а я хохотал. Я буквально катался от хохота по полу туннеля и даже попытался схватиться за гарпун, чтобы поддразнить, чтобы не дать ему ускользнуть, этому страшному, зазубренному оружию.

Потому что я все-таки одурачил эту росянку, ускользнул, сделав вид, что поддался ее внушению, ушел. И теперь она меня не достанет, никогда-никогда, как бы ни бушевала, как бы ни злилась. Я хохотал потому, что до конца понял — я вернулся и никогда уже больше не попаду в статичный мир, независимо от того, проиграю эту игру или выиграю. Может быть, только сейчас до меня окончательно дошло, что я нахожусь в снах и должен держать ухо востро, все время быть готовым к каверзам, неприятностям, хитрым ловушкам, многому другому.

А еще, наверное, я смеялся потому, что мир снов жесток, несправедлив и опасен, но все равно, несмотря на это, он мой, родной. В нем можно погибнуть, но никогда, никогда в нем не будет той безысходности и тоски, как в статичном мире. И кроме того, он меняется. Он все время становится другим. Как и положено. Как правильно.

Я отсмеялся. И вытер слезы. Встал. Я даже пнул этот самый пресловутый гарпун росянки туда, где его древко переходило в желтую, покрытую вязкой жидкостью веревку.

Росянка там, снаружи, возмущенно заревела и стала втягивать гарпун быстрее.

Я понял, что пора уходить. И ушел. Дальше. К новому сну на другом конце соединительного туннеля.

Он оказался хрустальным и пах йодом. Это было странно, потому что случалось мне встречать пару-другую хрустальных снов, но ни один из них йодом не пах. Правда, один из тех, встреченных мной ранее хрустальных снов, тоже пах нестандартно, а именно — гниющими персиками. Но запах йода!

Сон был очень чистым, без малейших вкраплений других снов. Я подумал, что змора, похоже, отбирала в свой лабиринт только очень чистые сны. Такие встречаются редко. Обычно средний сон включает в себя пусть не очень большую, но все же часть какого-то другого. Ориентироваться в таких снах, конечно, труднее, но зато и идти по ним интереснее. А сны из лабиринта зморы были слишком стерильны, что ли.

Ну не знаю. Короче, хрустальный сон был слишком чистым.

Все же я в него вошел.

Как и положено, он искрился и сверкал. Вообще, по-хорошему, в нем что-нибудь рассмотреть было чрезвычайно трудно, поскольку то и дело слепили глаза многочисленные блики, зайчики, тонкие жгучие лучики всех цветов радуги. Жители этого сна были, как им и положено, прозрачными. Судя по содержимому их желудков, питались они какими-то красноватыми червями, очевидно, выменивая их в одном из соседних снов. У тех, кто недавно пообедал, червяки в желудках все еще вяло шевелились.

Бр-р-р...

Впрочем, вопреки моим ожиданиям, ничего плохого в этом сне со мной не случилось.

В следующем сне жили мальбы. Состоял он из большой горы, а проекции на его стенках создавали видимость, будто она является частью огромного горного хребта. Увидев это, я насторожился. И как оказалось, не зря. К счастью, на засаду мальб я напоролся уже тогда, когда преодолел вершину и начал спуск.

Вылетевшая из ближайших кустов стрела была с медным наконечником. Она воткнулась в сосну, совсем недалеко от моей головы, а уже через мгновение из кустов, как горох, посыпались косматые, обезьяноподобные, вооруженные огромными шипастыми дубинками мальбы.

К счастью, до переходного туннеля оставалось метров триста, а мои преследователи по причине коротких ног были не ахти какие бегуны.

Вбежав в туннель, я подумал, что, если следующий сон окажется кошмаром, я довольно прилично влипну. Уж кого-кого, а мальб я знал хорошо. Можно было поставить серебряную монету против гнилого желудя, что они выставят возле входа в туннель пост и будут караулить меня не меньше недели.

Кошмаром следующий сон не был. Он оказался хуже кошмара. Это был сон про драконов.

Поразмыслив, я понял, что другого выхода у меня нет, и, проклиная все и вся, очень осторожно вошел в него.

Была в этом и выгода. Я прикинул, что даже если змора сейчас ищет меня по снам своего лабиринта, то вряд ли ей в голову придет, что я пойду таким трудным и опасным маршрутом.

Вот только драконы...

К счастью, все закончилось вполне благополучно, но без приключений не обошлось. Меня углядел один из юных дракончиков. Будь это старый и опытный дракон, живым бы мне было не уйти, а так, когда это юное, чешуйчатое, всего лишь пятиметровое создание открыло на меня сезон охоты, я умудрился спрятаться в очень кстати мне подвернувшуюся нору инуа.

В ней я просидел часа три, чувствуя, как подо мной ворочается большое, толстое, покрытое жесткими волосками тело духа сна. Когда же инуа заворочался сильнее, я решил рискнуть, выглянул и, не увидев своего преследователя, бросился со всех ног к туннелю в следующий сон.

Возле самого туннеля я все же не удержался и, поскольку погони не было, остановился полюбоваться драконами. Особенно великолепны были старые самцы. Огромные, покрытые сверкающей чешуей, они парили у самой верхней стенки сна. Ниже виднелись более мелкие, но зато и более грациозные самки. Чешуя у них переливалась всеми цветами радуги. А еще ниже, почти у самой земли, кувыркались в воздухе и резвились детеныши.

Вот именно.

Я невольно поежился. Что-то сейчас поделывает тот, который, словно лиса зайца, гонял меня по этому сну.

И вообще пора было уходить.

Следующим был, если я только не ошибся в определении, а мне кажется, что я не ошибся, сон наркомана. Его я прошел вполне спокойно. Только сильно досаждали красные крокодилы и голубые слоны. Все время приходилось от них уворачиваться.

Потом я влетел в эротический сон. К концу его у меня заболело горло, потому что приходилось все время говорить:

— Нет, мадам, вы мне не подходите... Нет, нет, вы тоже... Негритянки не в моем вкусе... Нет, и этого я с вами делать не буду... У меня другие интересы... Пардон, вас, мсье, я в виду не имел... Адью, мне пора... Нет, собачка ваша мне тоже не нравится... Нет, я не импотент... Прощайте, прощайте... Мадам, обратитесь к вон той женщине. Ей я уже все объяснил... А сейчас я тороплюсь...

Преодолев еще пять снов, я понял, что силы мои на исходе, и, свернув в сторону, попал в простой как трехлинейка сон прапорщика. Часов через десять, хорошо отдохнувший, поскольку обнаружил на огромном складе, который, собственно, и занимал весь сон, чудесный мягкий-мягкий матрац, со вкусом закусив офицерским сухпайком и набив карманы сигаретами, я двинулся дальше...

До шпионского сна оставалось перехода три...

8

Я стоял, привалившись к стенке соединительного туннеля, и курил. До шпионского сна оставался в полном смысле один шаг.

Выкинув окурок, я выглянул из туннеля.

Сон был довольно крупный. Всю его центральную часть занимал город, состоящий из узких, вытянутых вверх домов с плоскими, снабженными парапетами крышами. Вокруг города, вплоть до стенок сна, простирался обширный, поросший вереском и дроком пустырь.

Бесспорно, это был именно он, шпионский сон.

Итак, я дошел.

Очень мило...

Я сел и чисто машинально потянулся за следующей сигаретой. Может быть — пятой. Во рту немилосердно горчило.

Накурился я, конечно, до одури.

Вот так.

Дошел.

Где-то в этом сне — выход. То есть через несколько часов станет ясно, кто из нас победил. Я или змора? Почему-то теперь у меня не было никакой уверенности, что именно в этом сне выход.

Я вспомнил те сны, что миновал по дороге сюда, и тяжко вздохнул.

Все-таки эта змора слегка чокнутая.

Особенно шикарными были самые последние.

Например, кошмар о городе золотых василисков или совершенно пустой сон, в центре которого стояла гигантская статуя откуда-то смутно знакомого мне человека в кепке и с вытянутой вперед рукой. На цоколе статуи сверкали золотом корявые буквы: «Здесь был Вася». Милый сон. Всех проходивших мимо эта статуя колотила своей каменной рукой по голове. Я увернулся чудом.

Я снова потянулся за сигаретой. И опять не стал ее брать.

Нет, курить хватит. И вообще пора встать и идти. В шпионском сне день и ночь сменялись, и, судя по всему, вот-вот должен был наступить вечер. Пора идти.

Подумав об этом, я не сделал даже попытки встать. Сидел, думал о лежавших в кармане куртки сигаретах.

Может, еще покурить?

Если без дураков, не хотелось мне идти в этот шпионский сон. Просто не хотелось, и все. Предчувствие, что ли? Не знаю.

Да и какое это имело значение? Не хотелось, и все.

Что значит не хочется? А ну встать!

Во мне что-то лопнуло, как гитарная струна. Я вскочил и, стараясь шагать как можно спокойнее, зашел в шпионский сон.

Почти сразу же у меня под ногами заскрипела земля.

Я чуть не засмеялся. Все было именно так, как я и рассчитывал. Именно так. Даже слишком.

Не важно, все это не важно. Главное — выход именно здесь. И я его найду. А там...

Я понимал, что выход находится скорее всего где-то в стенках сна, но решил не спешить, сначала осмотреться. Кроме того, скоро должна была наступить ночь. Я сомневался, что смогу за оставшееся время найти туннель. Значит, надо было позаботиться о ночлеге. А вот завтра...

Пустырь я преодолел минут за двадцать и вошел в город.

Его население состояло из одетых в серые плащи и серые же шляпы шпионов, а также шпионок — шикарно разодетых умопомрачительных красоток. Шпионы по большей части сосредоточенно вышагивали по мощенным брусчаткой мостовым, и лишь некоторые из них разъезжали в больших черных снабженных пуленепробиваемыми стеклами автомобилях. Шпионки, наоборот, почти всегда, кидая по сторонам профессионально томные взгляды, сидели в открытых, шикарных, богато отделанных лимузинах.

Время от времени кто-нибудь из прогуливавшихся по улицам шпионов демонстративно вытаскивал из кармана портативную рацию или толстую пачку документов с большим красным грифом «Совершенно секретно» и тотчас же прятал их обратно.

Господи, древность-то какая! Интересно, где она этот сон откопала?

Поначалу на меня не обратили внимания, а когда все же заметили и осознали, что я похож на человека из статичного мира, — началось.

Передо мной остановилась одна из черных машин, и из нее выскочили три каких-то типа в кожаных куртках. Схватив под руки одного из прогуливавшихся по мостовой шпионов, они стали заталкивать его в машину. Тот отчаянно сопротивлялся и даже укусил с криком «кия!» одного из противников за палец.

Укушенный истошно завопил, но в этот момент его товарищ опустил на голову шпиона рукоять пистолета. Тот обмяк, выкатил глаза и захрипел. Бестолково суетясь и злобно ругаясь, троица запихнула его в машину. Взревел мотор, взвизгнули покрышки. Машина рванула с места и в считанные секунды исчезла за углом.

Я покачал головой.

Похоже, у них тут круто.

Вот интересно, не могла же змора не приготовить здесь для меня каких-нибудь ловушек? А может, и нет? Может, она просто выжидает? Догадаюсь я, где выход, она что-нибудь предпримет. А так будет ждать. Все-таки не исключен вариант, что я ничего особенного не найду и поползу обратно — сдаваться.

Один из шпионов, остановившись возле меня, вроде бы что-то углядел на крыше, деловито вытащил из кармана здоровенный пистолет и выстрелил вверх. Через мгновение разгорелась самая настоящая перестрелка.

Похоже, этот сон был украден зморой давно и, конечно же, с этого момента никому сниться не мог. Встречали меня воистину по-королевски.

Один из шпионов даже подбежал поближе, чтобы мне было лучше видно, и зашатался. В груди у него появилась страшная рана, как будто в нее попала пуля. Обильно текла кровь. Театрально взмахнув руками, шпион рухнул мне под ноги и, несколько раз содрогнувшись, умер.

Пожав плечами, я перешагнул через него и пошел дальше.

Шагов через двадцать я оглянулся и увидел, что минуту назад упавший к моим ногам шпион уже встал. Лицо у него было донель-

зя довольное, рана в груди исчезла, а на одежде не осталось и пятнышка крови.

Вот таким образом.

Все на свете не более чем иллюзия.

Я двинулся дальше. Постепенно перестрелка за моей спиной стихала. Напоследок кто-то из шпионов рванул парочку гранат. Их осколки высекли искры из стен дома, мимо которого я шел.

Ну, это уж перебор.

Я пошел быстрее, свернул за угол и почти сразу же увидел вывеску небольшой, но уютной гостиницы. Называлась она «Проваленная явка». Хозяин гостиницы, лысый жизнерадостный толстяк, был настолько вежлив и деликатен, что только один раз предложил мне купить у него чертеж «Последней сверхсекретной резиновой бомбы», а когда я отказался, даже не стал настаивать.

Учитывая это, я решил в гостинице остановиться.

Денег с меня хозяин брать не стал. Вместо платы за проживание мне пришлось подписать обязательство, что я буду работать на какую-то там разведку. Какую, я не уточнял. Подозреваю, это не имело никакого значения.

Уладив дела с жильем, я вышел на улицу осмотреться и прогуляться.

Смеркалось. Из окна соседнего дома слышался звон посуды и хриплые голоса, требовавшие от кого-то, чтобы он «раскололся». Одна за другой, образуя длинную вереницу, по улице проезжали машины с пеленгаторными антеннами на крышах.

А мне хотелось чашечку кофе. Или кружку пива. Либо того, либо другого.

Я отправился на поиски какого-нибудь кафе и почти сразу же его нашел. Называлось оно коротко и выразительно — «Удачная акция». Свободных столиков было хоть отбавляй. Редкие посетители пили пиво и вели оживленный разговор о засадах, вариантах «альфа» и «бета», планах, резидентах и прочей муре.

Ко мне подскочил официант. Я попросил принести что-нибудь типа жаркого. Он записал заказ в свой шифровальный блокнот и убежал.

Я стал без особого интереса рассматривать сидевших за соседними столиками шпионов, потом мое внимание привлекла стоявшая на столе хрустальная пепельница. Изящная штучка. Я крутанул ее пальцами.

На мое плечо опустилась рука.

Я вздрогнул.

Это оказался один из шпионов, почти ничем не отличавшийся от своих товарищей, разве что кривым рваным шрамом через левую щеку. Он по-приятельски подмигнул, непринужденно уселся за мой столик и, вынув из кармана большую черную сигару, положил ее перед собой, словно она была удостоверением, знаком тайного шифра, который я, по его мнению, должен был знать.

Ну-ну. Посмотрим.

Шпион ухмыльнулся так, как будто слегка стеснялся, и вдруг, решившись, выпалил:

— Ну так как, будем вербоваться или нет?

— Будем, — с энтузиазмом воскликнул я.

Он ошарашенно уставился на меня. Похоже, он рассчитывал, что я буду долго отнекиваться, а он, как и положено, будет меня уговаривать, подкупать, льстить, запугивать... А тут...

— Только знаешь что, — по-приятельски в свою очередь подмигнул ему я. — Вы там у себя решите, к кому из вас я завербуюсь. Чтобы раз навсегда покончить с этим делом и к нему не возвращаться. Понятно?

— Понятно, — сказал шпион. Лицо у него стало озабоченным. Выгрузившись из-за моего столика, он вернулся к своим товарищам. Тут мне принесли пиво.

Оно оказалось вполне приемлемым, и, попивая его, я стал не без интереса наблюдать за жаркой дискуссией, разгоревшейся за соседними столиками.

Похоже, задачку я им подкинул действительно непростую.

Кстати, тот, кому этот сон приснился, похоже, неплохо разбирался в пиве. Оно было необыкновенно свежим и очень вкусным.

Я уже доедал принесенное мне жаркое, когда шпион со шрамом на левой щеке снова подсел к моему столику.

— Ну?.. — спросил я.

— Мы договорились! — выпалил он.

— О?

— Мы решили, что ты завербуешься нам всем.

— Это как? — искренне удивился я.

— А вот так... — Шпион вытащил из кармана большой клетчатый носовой платок, вытер им лоб и продолжил: — Очень просто. Ты подпишешь обязательство работать с нами со всеми.

— А-а-а... — сказал я. — Вот так, значит.

— Вот так.

— Ну хорошо, — улыбнулся я. — Тащите ваши бумажки. Я подпишу их. Все.

И тут шпион взревел.

— Оба-на! — крикнул он, сорвал с головы шляпу и швырнул ее на пол. Через секунду вокруг моего столика толпились уже все посетители кафе. Они подсовывали мне одну за одной какие-то бумажки. Я не глядя их подписывал. Официант вспотел, таская к моему столику кружки с пивом, потому что каждый хотел выпить со мной. Меня хлопали по плечу, предлагали «на брудершафт», мне совали в карманы толстые и не очень толстые пачки каких-то причудливых денег. А я подписывал, пил пиво, выслушивал замечания типа: «Я сразу понял, что он отличный парень!», «Нет, это я его подкупил, когда так ловко рухнул к его ногам», «Пива, еще пива», «Пожалуйте, вот гаванские сигары», «У меня тут одна резидентка есть... глазки... а ножки-то какие... я тебя с ней обязательно познакомлю...»

Я улыбался, пожимал руки, подписывал бумаги, пока не онемели пальцы. После пятой кружки в голове у меня зашумело, и я вдруг как-то сразу понял, что попал в совершенно великолепный сон, понял, какие отличные парни эти шпионы, и вообще... вдруг понял, что жить на свете стоит.

Ко мне подсел какой-то маленький горбатый шпион и стал объяснять преимущество кайенского шифра над всеми прочими. Куда-то сбегали и привели нескольких шпионок. Они вовсю кокетничали и спорили, чья очередь сидеть у меня на коленях. А вокруг творилось такое...

Больше всего это напоминало большой мексиканский карнавал. И я забылся, мне хотелось пива и общения. Я согласен был даже обзавестись портативной рацией, чтобы передавать по ней через каждые полчаса кодовую фразу «Яд в подкладке пиджака».

Веселье продолжалось долго, очень долго. И вдруг, выпив очередную кружку пива, я понял, что это — все, мне пора уходить. Подскочил официант и торжественным голосом объявил, что в ознаменование такой большой, можно сказать, небывалой вербовки все угощение за счет заведения. А я целовал руки шпионкам, жал пятерни шпионам, все вытаскивал из кармана деньги и предлагал официанту. И уходил, уходил. Меня останавливали и не пускали, меня соблазняли и подкупали. А я уходил... и наконец-то ушел.

Снаружи была ночь. И еще — шел дождь.

Я отошел от двери кафе всего лишь на пару шагов и остановился. Струи воды текли у меня по лицу. И стоило закрыть глаза, как можно было представить, что это слезы. Они текли по моим ще-

кам, непостижимым образом смывая возникающие в голове мысли и поэтому состоящие теперь из странных, не совсем понятных обрывков.

Вот и все... любимое сло... А завтра... ну, господи, что еще может быть это зав... ждь, самый странный дождь за все... след волка... Проекция... Выход где-то здесь... что, если он не в стенке сна, а спрятан в городе... исключено... нет, здесь слишком много шпионов... Они следят... а змора должна держать его в тайне... чтобы я не нашел... или другой...

Неожиданно у меня возникло ощущение, жутко меня напугавшее, — ощущение, что сон вокруг является реальностью. А как же иначе? Хотя бы потому, что я в нем нахожусь и могу умереть. Теперь я знал это точно. Где-то внутри меня жило еще воспоминание, страх перед происходящим, некое понимание, что если я поверю во все это до конца, то никогда уже не стану инспектором снов, превращусь в обитателя. Да, тогда все будет по-другому. Кто знает, может быть, для меня даже исчезнут границы этого сна, и он станет безбрежным, станет настоящим миром, по которому можно идти до бесконечности. Вот только в другие миры я тогда путешествовать не смогу.

Дождь сек меня по лицу, но я этого не замечал. Я брел куда-то по залитому потоками воды тротуару. Может быть, я шел к переходному туннелю. Может быть, я хотел уйти из этого мира прочь. Пока еще не поздно.

И вдруг остановился, вспомнив о проходе в мир снов, об игре, навязанной мне зморой, о том, что я...

Великий Гипнос.

Наверное, я заплакал. Хотя, кто его знает, может, это мне тогда только показалось спьяну? Как бы то ни было, но даже если я и плакал, то милосердный дождь смыл все слезы. И этим меня спас. Вернее, этим спас остатки моего самоуважения.

Кончено.

Я не поддамся.

Вместе со слезами дождь слегка смыл хмель, и, слегка протрезвев, я почувствовал гнев. И как водится, еще раз сказал себе, что не сдамся. И должен же я... Неужели я... И вообще...

Я все еще пытался спорить сам с собой, сам себе что-то доказывал, а ноги уже несли меня неизвестно куда. Мимо проплывали дома, двери, окна, окна, окна... И за каждым был по крайней мере один шпион. Они составляли идиотские, никому не нужные шифровки, чистили оружие, из которого не могли никого

застрелить, обменивались кодами, воровали никому не нужные секретные документы. А я был здесь, снаружи, как и положено. Я мог сто раз завербоваться к ним и все равно остался бы по-прежнему снаружи. Потому что был инспектором снов. Вот так-то. Вот таким образом.

Мелькнула дверь, над которой висела знакомая вывеска.

Чисто машинально я остановился и долго смотрел на нее, пока до меня не дошло, что это вывеска той гостиницы, в которой я остановился.

Я вошел в вестибюль. Текло с меня немилосердно. Хозяин был за стойкой и что-то сосредоточенно выстукивал на портативной рации. Увидев меня, он моментально спрятал рацию и удивленно вздернул брови. Я прошлепал прямо к барьеру, за которым он сидел. И тут хозяин гостиницы проявил просто чудовищную ловкость. Он куда-то исчез, а через мгновение вернулся вместе с полотенцем и большим махровым халатом. Не знаю, как это получилось, но он провел меня в небольшую подсобную комнатушку, находившуюся рядом с вестибюлем, заставил раздеться и вытереться полотенцем. Через некоторое время на мне уже оказался махровый халат. Я сидел на кушетке с игривой голубой обивкой и большими глотками пил из огромной чашки горячий кофе.

Хозяин куда-то унес мою одежду, вернулся и сообщил, что к утру она высохнет. Потом я допил кофе и почувствовал, что почти протрезвел. Мне даже стало стыдно за то, что со мной так возятся. Я начал было извиняться, но хозяин гостиницы сказал, что все это «совершеннейшие пустяки, ну просто совершеннейшие пустяки». Он даже проводил меня до лифта. Я поднялся на восьмой этаж и, слегка покачиваясь, пошел к своему номеру.

Войдя в него, я увидел зомби.

Он лежал, вольготно развалившись у меня на кровати, совершенно неподвижно и в этот момент удивительно напоминал страшную восковую куклу из музея мадам Тюссо.

Я плюхнулся в стоявшее у двери кресло и спросил:

— Ну?

Зомби молчал. Он даже не шевельнулся, словно и вправду был всего лишь восковой куклой.

Я закинул ногу на ногу и стал его рассматривать.

Вид у него, конечно, был не из приятных.

Этакий вполне готовый к погребению мертвец. Мне показалось, что трупное пятно на его левой щеке слегка увеличилось. Хотя

откуда? Должно быть, зомби был мертв по крайней мере уже лет пятьдесят—шестьдесят. Если бы что-то в нем действительно гнило, столько он бы не протянул. Весь этот гной, все эти сыплющиеся с него червячки на самом деле свидетельствовали не о гниении, а о том, что они вырабатываются его организмом. Он так функционировал. Вообще какой-нибудь медик из статичного мира отдал бы за возможность сделать вскрытие этого зомби правую руку. Никак не меньше.

Итак, что же ему от меня надо?

Зомби шевельнулся, повернул ко мне голову.

— Ну? — снова сказал я.

— Баранки гну, — пробормотал зомби.

Глаза у него сегодня были совсем белые, без зрачков, как у мраморной статуи.

— Значит, добрался? — спросил он.

— Да, добрался, — с вызовом сказал я. — А что, кому-то это не нравится?

Зомби молчал.

Великий Гипнос, этому-то что от меня надо?

— Теперь выход будешь искать?

— Нет, утром станцую ламбаду и отправлюсь обратно.

— Понятно.

Зомби рывком, словно марионетка, которую дернули за привязанные к конечностям веревочки, сел на кровати.

— Значит, все-таки рассчитываешь эту игру выиграть?

— Может, и рассчитываю, — сказал я.

— Это хорошо, — хихикнул зомби. — А вот скажи-ка мне, что ты будешь делать, когда найдешь выход?

— А ты как думаешь? — Я усмехнулся.

— Правильно. Я думаю, ты в мир снов уйдешь и вернешься из него как можно скорее, с подмогой. Своих товарищей, инспекторов снов приведешь. Тогда вы зморе и покажете.

— Может быть. — Я насторожился.

Удовлетворенно кивнув, зомби снова растянулся на моей кровати. Минуту спустя он пошарил по карманам, вытащил какую-то довольно толстую серую палочку и сунул ее в рот.

Я заинтересованно наблюдал.

Зомби взял со стола коробок спичек, как ни в чем не бывало поджег эту палочку и выпустил клуб зеленого дыма.

Ого, а я-то думал, что зомби не курят! Но зачем ему это, ведь зомби дышать ни к чему?

— Веточка дерева флю, — заметив мой недоуменный взгляд, объяснил зомби. — Когда-то давно я жил на великой цепи миров. Славное было времечко. Был там один мир, куда попадают те, кто умер насильственным образом в статичном мире... В общем, там я к этим палочкам и пристрастился. Иногда, когда змора в хорошем настроении, она меня ими снабжает. Иногда.

По мере того как он вдыхал дым палочки флю, движения его становились более плавными. Мне показалось даже, что на щеках у него выступило что-то похожее на легкий румянец.

Выдохнув в очередной раз зеленый дым, зомби спросил:

— Значит, ты решил не сдаваться?

Я промолчал.

— Правильно делаешь. Потому что уже поздно. Змора могла еще передумать, пока ты не ушел из-под ее наблюдения, попутно уничтожив один из снов лабиринта. Когда это случилось, она сообразила, что тебя недооценила, и слегка испугалась. А змора никогда не прощает того, кого она испугалась хоть на секунду.

Он выпустил новый клуб дыма и продолжил:

— Так что теперь ты даже не можешь сдаться. Она тебя просто уничтожит, на всякий случай.

— Ну что ж, моя игра еще не проиграна.

Я слегка разозлился. Какой-то ходячий труп лежит на моей кровати и меня же учит жизни.

— Какая игра? — крикнул зомби. — Кретин! О какой игре может идти речь? Не было никакой игры, не было! Были слова, а игры не было. Понял?

— Понял, — сказал я. — Ты только успокойся, не надо нервничать. Ну, проиграю я... Тебе-то какое дело?

— Дело... — хмыкнул он и положил палочку флю в девственно чистую пепельницу. — Дело... Есть у меня дело. Я ведь тоже здесь не по своей воле. Змора меня из мира-цепи выкрала — точно так же, как и стащила все эти сны. У меня тоже, может, своя гордость есть. Мне-то что? Ну, прикончите вы змору, я себе другого хозяина найду. Это просто. Вот только никогда тебе ее не победить. Послушай совета, плюнь на все и беги отсюда, потому что тебе ее не обыграть. Уходи. Спрячься в снах. Потом она о тебе забудет, и ты выберешься в свой мир. Но только уходи сейчас, пока она еще не отрезала этот сон от других. Если она заподозрит, что ты собрался сделать, то отрежет как пить дать. Уходи.

— Значит, — я взял со стола оставленную несколько часов назад пачку сигарет, вынул одну штуку и тоже закурил, — значит, ты советуешь мне уйти. А если я твоему совету не последую?

— Тогда ты умрешь.

— Ну да, глядя на тебя, начинаешь понимать, что это действительно не очень хороший вариант.

— Вариант? — горько усмехнулся он и вдруг, вскочив с кровати, прошел мимо меня к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся и презрительно сказал: — Я тебя предупредил. Время у тебя, чтобы убраться, — до рассвета. Потом будет поздно. Все, шутки кончились. Подумай, хорошо подумай.

— А чего думать-то? — буркнул я ему в спину. — Завтра я этот выход найду, расшибусь, но найду.

Зомби открыл дверь, шагнул прочь из номера, но на пороге все же обернулся и, смерив меня с головы до ног тяжелым взглядом, медленно, чеканя каждое слово, сказал:

— Когда попадешь в мир-цепь, передай там от меня другим зомби привет.

Дверь он закрыл со страшным грохотом.

Вот так. Стало быть, не у одного меня есть нервы. Оказывается, они есть еще и у зомби. Очень забавно.

Я медленно, неторопливо докурил сигарету, потом встал, прошел к окну и отдернул штору.

Снаружи все еще был дождь. Время от времени по мостовой с ревом проносились большие черные машины; неторопливо, съежившись под своими серыми плащами, брели по тротуару шпионы. Откуда-то с окраин, постепенно нарастая, доносились звуки перестрелки.

Интересно, а как это — чувствовать себя мертвым, быть зомби?

Я повернулся к окну спиной и потушил окурок.

Где-то под кроватью едва слышно потрескивал плохо настроенный микрофон. Я представил, какой фурор в стане шпионов вызвала эта моя беседа с зомби, и усмехнулся. Еще бы, судя по всему, этот разговор записывало не менее двух десятков замаскированных микрофонов и снимало по крайней мере, если глаза меня не обманывали, штук пять портативных кинокамер.

А все-таки зачем он приходил?

И вообще, судя по всему, он легко проходил через стенки снов, неплохо ориентировался в этом лабиринте — и все это без помощи птицы-лоцмана. Колдовство зморы? Может быть, оно сродни тому, которое позволило тому волку уйти в проекцию? Вот только ничего больше узнать сейчас не удастся. А разобраться в этом надо. Но только потом. Если выберусь.

Я подошел к кровати, внимательно ее осмотрел и огорченно вздохнул.

Мои предположения подтвердились.

Бедный хозяин гостиницы.

Теперь ему придется еще и менять постельное белье.

Конечно, оставшиеся от зомби червячки были не совсем настоящими, то есть не такими, что появляются на полуразложившемся мясе, но все же спать на усеянной ими кровати я заставить себя не мог.

Ничего не оставалось, как отправиться к хозяину гостиницы и попросить заменить постельное белье.

Что я и сделал.

Уже спускаясь в лифте, я подумал, что неплохо было бы еще попросить хозяина отрегулировать микрофон под моей кроватью. Сплю я чутко, а день мне завтра предстоял очень трудный.

9

Утром, проснувшись, я обнаружил возле кровати, на стуле, свою вычищенную и даже отглаженную одежду.

Неплохо.

Голова довольно ощутимо болела, во рту как будто справили малую нужду кошки. Ничего себе пивка попил!

Надо было встать, одеться, в конце концов, пойти опохмелиться...

Вот только я не мог себя заставить это сделать, не мог даже слезть с кровати, даже спустить ноги. Мне казалось, я буду лежать на ней вечно, пожизненно.

Великий Гипнос, а чего это я вчера?..

А еще этот дурной разговор с зомби. Тоже нашел, с кем вести душевные разговоры.

Словно солдат перед атакой, я собрал всю силу воли, рванулся и все-таки встал. Меня качнуло.

Ничего, это бывает.

Не иначе, вчера в это пиво чего-то подмешали те же шпионы. Не бывает с пива такого похмелья.

Под моей кроватью противно попискивал один из подслушивающих микрофончиков. Мне захотелось достать его и расколотить. Но для этого нужно было сначала залезть под кровать.

Нет, пусть уж лучше пищит.

Я оделся.

Казалось, моя голова стала хрустальной. Чуть сильнее наклонишь — и она разлетится на осколки.

Ну вот, а теперь надо выпить пива.

Дверь номера запирать я не стал. Во-первых, вполне могло быть, что я сегодня все же найду выход и поэтому сюда уже не вернусь, а во-вторых, тех, кто хотел осмотреть номер во время моего отсутствия, примитивный дверной замок задержать не сможет.

Лифт ехал вниз, казалось, как никогда медленно.

Но вот я все же оказался в холле. Проходя мимо хозяина гостиницы, я поблагодарил его за оказанную мне вчера помощь.

— Какая помощь! — воскликнул он и умильно прижал руки к груди. — Вы единственный постоялец за черт знает сколько времени. Если в следующий раз надумаете заглянуть в наш сон — милости просим.

Конечно, приличия требовали, чтобы я остановился и с ним немного поболтал, но голова болела просто невыносимо. Кроме того, мерзкий вкус во рту усилился.

Я поблагодарил хозяина и вышел на улицу.

Дождь кончился совсем недавно. На асфальте и мостовой блестели большие лужи, в которых плавал какой-то мусор и обрывки шифровок.

Воздух был влажным и слегка пах корицей.

Прохаживавшиеся по улицам шпионы выглядели гораздо веселее. Плащи на них были слегка мокрые. Шпионок почти не было. Видимо, они опасались за свои роскошные наряды.

Некоторые из шпионов, когда я проходил мимо, подавали мне какие-то тайные знаки. Наверняка это были именно те, с кем я вчера подписал обязательство сотрудничать.

Один из них даже подскочил ко мне и, со значением заглянув в глаза, сообщил:

— Яд в подкладке пиджака.

— Понял, — сказал я и двинулся дальше, а шпион, совершенно удовлетворенный, снова занялся разглядыванием витрины магазина, на которой были образцы новых стреляющих ядом авторучек.

Кафе приняло меня в свою прохладную, уютную утробу. Официант принес кружку пива. Я выпил ее и почувствовал, как мое нутро благодарно содрогнулось.

Через некоторое время, допивая вторую кружку, я почувствовал себя совсем уже хорошо. Голова уже не болела, во рту все было в порядке, и вообще хотелось немедленно заняться поисками выхода в мир снов.

Так в чем же дело?

Я вышел на улицу и двинулся к окраине городка. Впрочем, был он небольшой, так что минут через пять я уже вступил на пустырь.

Похоже, дождя тут не было, поскольку трава была сухой. То и дело на моем пути попадались кустики полыни, и когда я их задевал, в воздух взлетали облачка пыли.

Возле стенки сна я остановился, пощупал ее мягкую, даже слегка теплую поверхность и закурил.

Вот и все. .

Я пришел.

В эту минуту я увидел себя как бы со стороны и испытал мгновенный, как удар хлыста, стыд. Наверняка у меня помятое лицо, и вообще я выгляжу неважно. Сейчас, конечно, следовало бы вернуться в гостиницу и, завалившись в постель, провести этот день в полудреме, отдыхать, готовиться и только завтра, почувствовав, как вернулись силы, взяться за поиски выхода. Только я знал, что, если уйду сейчас, в следующий раз приступить к поискам уже не смогу.

Нет, либо сейчас, либо никогда.

Я отшвырнул прочь окурок и снова положил на стену руку. Сейчас я начну этот поиск, сейчас. Именно сейчас, нужно только сосредоточиться.

Вокруг стояла неестественная тишина.

Я не сомневался, что в этот момент за мной наблюдают, обязательно наблюдают шпионы, но это не имело для меня никакого значения.

Я закрыл глаза, моя рука словно приросла к стенке сна, стала его частью, слилась с ним. Я почувствовал едва заметные подрагивания и мысленно, словно с высоты птичьего полета, увидел город, окружавший его пустырь, каждого шпиона и сон, его границы, боковые стенки сна, верхнюю и нижнюю. Шпионский сон словно лежал у меня на ладони, и я напряженно вглядывался в него, пытаясь определить, где же именно, где находится то, что я искал. Я вдруг понял, что выхода в этом сне нет. Ко мне пришло отчаяние, потому что я где-то ошибся, потому что проиграл, и там, на другом конце лабиринта, в своем логове, конечно же, сидела, наблюдая за мной в какой-нибудь магический кристалл, змора. Безусловно, в этот момент она усмехнулась. Что же еще она могла сделать?

И я хотел уже было убрать руку, чтобы успеть вернуться в гостиницу, попрощаться со шпионами и отправиться дальше по лаби-

ринту в поисках того сна, где находится выход. Снова на меня будут охотиться чудовища или же попадется еще одна росянка. Под моими ногами будет скрипеть земля, и где-то там станет усмехаться змора. Не будет только одного — надежды. Я знал, что минуту назад она умерла и уже не возродится. Нет, я буду еще что-то делать, я буду бороться и никогда, до самого конца, не признаю себя побежденным, но все же где-то в глубине души я буду знать, что уже проиграл, именно сейчас, в это мгновение, здесь, на пустыре шпионского сна. Проиграл.

А потом до меня дошел едва заметный импульс, и я облегченно и вместе с тем обреченно вздохнул. Облегченно, потому что я ошибся и выход все-таки был, обреченно, потому что он был скрыт в толщах сна. Не просто замаскирован, а именно скрыт.

Это означало, что змора играла действительно нечестно и зомби прав. Игра кончилась, еще не начавшись. А если она посмела скрыть вход, то, значит, даже если я его найду и смогу открыть, она своих обязательств не выполнит.

Ну и пусть.

Главное было то, что выход существовал. Он был здесь, и теперь я знал, что до него доберусь.

Вот именно.

Какой ценой?

Я попробовал прикинуть, и тут меня охватил самый настоящий, липкий и противный, до дрожи в коленях, ужас.

Потому что змора, конечно, не могла уничтожить выход. Он ей мог понадобиться еще не раз. А создать новый стоило бы слишком многих усилий. Даже у змор бывает предел. Может быть, новый выход создать она не могла совсем. Поэтому старый она не уничтожила, а скрыла в толщах сна, и мне, для того чтобы до него добраться, теперь нужно было нырнуть в сон, попасть в его структуру.

Без птицы-лоцмана.

Я вспомнил, как Гунлауг-учитель говорил, что тот, кто попытается нырнуть в структуру сна без птицы-лоцмана, может вернуться обратно круглым идиотом или параноиком. Шансы выйти из этой переделки умственно нормальным не больше пятидесяти процентов.

Вот так.

Я глубоко, словно перед прыжком в воду, вздохнул.

Курить хотелось неимоверно. Вот только сейчас было не до этого. Сейчас нужно было решить... Что?.. Я еще медлил, хотя где-то в глубине души уже знал, что рискну.

Так зачем тянуть кота за хвост?

Я снова сосредоточился на стенке. Теперь я чувствовал не только ее мягкость, я ощущал всем телом каждую ее малейшую шероховатость. Потому что она и была моим телом, потому что ее поверхность была моей кожей, а мои внутренности были ее сердцевиной.

Где-то внутри меня ударил колокол. Он что-то во мне изменил. Его низкий, утробный звон прокатился по всему моему телу. Хотя глаза у меня были и закрыты, я увидел, как стенка сна выросла, превратилась в настоящую, поднимающуюся до самых небес стену. Вот она рванулась вверх, унося меня с собой, поскольку моя рука была с ней единым целым, вверх, вверх... а может, наоборот, это я уменьшался, истаивал, как реденький утренний туман?

Впрочем, это все не имело значения. Остались только я и стена, вернее всего, остался только я — сон, бывший когда-то инспектором снов по имени Сверир.

Несмотря на это, я был еще на поверхности, я был в первом слое, а каждый нормальный сон состоит из великого множества таких слоев. Мне же нужно было пройти их все и найти тот, в котором выход в мир снов.

Отступать было поздно, и я, так и не осознав, как это делаю, да меня это сейчас вовсе и не интересовало, двинулся в глубину сна, в глубину себя, проходя слой за слоем, через некоторые легко, даже не замечая, как я это делаю, через некоторые, наоборот, с величайшим трудом. Но это тоже сейчас не имело никакого значения.

Я с трудом вспоминал о том, как был ничтожен, и радовался тому, что смог стать частью сна. Потом я наткнулся на слой, через который не мог пройти. Это меня задержало, но все же в конце концов я его преодолел, прошел.

К этому времени я уже считал, что таким, как сейчас, был всегда, и мне хотелось лишь покоя. Для этого нужно было остановиться, но я не мог. Меня гнало вперед нечто, оставшееся от странного создания, которым я сотни веков назад был. Оно было как противное, зудящее под кожей лекарство. Оно заставляло меня продвигаться вперед. Был только один способ от него избавиться — выполнить.

И насладиться покоем. Стремясь к нему, я плыл через слои сна, не уставая поражаться его величию и мудрости. Да, именно мудрости, потому что навстречу мне из его глубин, где и скрыва-

лось самое главное, самое основное знание, пришел ответ на вопрос, которого я не задавал, но тем не менее жаждал получить.

Ответ представлял собой ослепительно золотую ниточку, двигаясь вдоль которой я мог прийти к покою. Я принял этот ответ, эту золотую нить с благодарностью, почтением и достоинством, потому что, являясь частью сна, имел право и на достоинство.

А потом мне попался очередной слой, он был очень толстый по сравнению с теми, что я прошел. Правда, я к этому времени вырос и даже ощутил свое могущество. Оно помогло мне увидеть, что в следующем слое золотистая нить кончается. Она упиралась в круглое отверстие, сиявшее нестерпимым блеском. Почему-то он был мне знаком, откуда-то я знал, что означает этот свет. Он означал выполнение задания, странного задания инспектора снов и получение покоя.

Очень осторожно, как можно медленнее я просочился в слой, где было это отверстие, потянулся к нему, на секунду даже почувствовав его холод и пугающую, странную пустоту. Да, это было то, что требовалось. Я с радостным ревом устремился к этому проходу, и тут некое притаившееся возле него и до этого мирно спавшее существо пришло в движение и ударило меня.

Мое огромное тело пронзила адская боль. Оно содрогнулось и исторгло из себя вопль. Этот вопль унесся в другие слои, перемешал их и полностью уничтожил оставшийся от меня след — путь, по которому я должен был вернуться.

Я понял, что заблудился и никогда уже из этого сна не выберусь, но все же рванулся к отверстию еще раз. И опять эта темная масса — чем она является, определить я не мог, — ударила меня во второй раз. Я рухнул куда-то в глубины сна, меня понесло прочь, и не было сил вернуться к золотистому выходу.

Меня охватило отчаяние, стиснуло в своих железных объятиях и отняло все силы. Оно шепнуло мне, что нужно вернуться, что вскоре это станет невозможным. Я поверил и сдался.

Оставалось только попытаться выбраться на поверхность, передохнуть, собраться с силами и вернуться, обязательно вернуться.

Я поплыл наугад и вдруг, почувствовав нужное направление, слегка развернулся. Когда от поверхности меня отделял всего лишь один слой, та самая масса, что не пустила меня в золотистое отверстие — оказалось, она следовала за мной, — ударила меня в третий раз.

Боль от этого удара была невыносимой. Она обожгла меня, уничтожила, сокрушила. Собранная в моем теле энергия хлынула наружу. Ее принял сон, и, когда иссякла последняя капля, я умер.

Я умер и стал странным, способным дышать, нелепым существом. Но это уже не имело никакого значения, потому что...

Я отвалился от стенки сна, рухнул на колени и несколько секунд старался прийти в себя, жадно хватая полынный, показавшийся мне почему-то холодным и обжигающим воздух пустыря. А потом во мне сработало чувство самосохранения, и я отпрыгнул от стенки сна на пару метров. Этого оказалось достаточно. В следующее мгновение из сна выскользнул зомби. В руке у него была обнаженная шашка.

— Ну да, — мрачно сказал он. — Кто это еще мог быть, как не ты?

— А ты, наверное, рассчитывал встретиться с папой римским? — спросил я, вытаскивая из кармана пистолет.

— Эх, говорил я, чтобы ты уходил... — пробормотал зомби и взмахнул шашкой.

Пуля угодила ему прямо в середину груди. Зомби откачнулся назад, так что на мгновение прикоснулся спиной к стенке сна, а потом снова двинулся на меня.

Пятясь, я выпускал пулю за пулей. Они со чмоканьем вонзались в его тело, но каждый раз, откачнувшись назад, зомби лишь мрачно ухмылялся и продолжал наступать на меня.

Наконец у меня кончились патроны. Я швырнул пистолет на землю, сделал еще шаг, повернулся... зацепившись ногой о какую-то полугнилую доску, я споткнулся и рухнул. Быстро перекатившись на спину, я хотел было вскочить, но было уже поздно.

Зомби стоял надо мной. Вот он замахнулся. Блеснул клинок шашки. Я откатился в сторону, и шашка вонзилась в дерн.

— Куда ты денешься? — пробормотал зомби. — Все равно достану.

Выдернув клинок из земли, он снова замахнулся, и в этот момент грохнул выстрел. На груди зомби появилась еще одна дыра, причем побольше, чем те, что оставил мой пистолет. Выронив шашку, зомби рухнул на землю.

Впрочем, он почти тотчас же вскочил и даже опять схватился за шашку, но было поздно. Я уже стоял на ногах. Рядом со мной стояли человек десять шпионов. У каждого был в руках винчестер.

— Мотай отсюда, — сурово сказал зомби стоявший рядом со мной шпион со шрамом на левой щеке. — Застрелить тебя, конечно, нельзя, но на куски разнести пулями можно запросто.

— Вам это припомнится, — угрюмо сказал зомби и плюнул гноем себе под ноги.

— Не сомневаюсь, — произнес шпион со шрамом. — А теперь дуй по холодку. А то у моих ребят пальцы на спусковых крючках так и чешутся.

— Ладно, хорошо смеется тот... — буркнул зомби и буквально нырнул в стенку сна.

— Вот так-то, — сказал шпион мне. — А теперь — ходу.

— Куда мы торопимся? — уже на бегу спросил я.

— Хозяйка этого монстра может в любую секунду закрыть переходные туннели. Давай поспешим. Тебе нужно как можно скорее затеряться в лабиринте. Если она успеет закрыть туннели прежде, чем мы из этого сна выскользнем, ты попадешь в ловушку.

И мы побежали.

Наверное, так быстро я никогда не бегал. Даже тогда, когда удирал от дракончика.

Мы успели. Через несколько секунд после того, как мы выскочили из соединительного туннеля, он захлопнулся.

Пробежав еще метров десять, мы остановились.

— Все, — выдохнул шпион и уселся прямо на землю. — Теперь уже все. Она опоздала.

— Как ты вернешься в свой сон? — с тревогой спросил я.

— Пустяки, — махнул рукой шпион. — Вскоре она поймет, что тебя в нашем сне нет, и снова откроет туннель. Кстати, тебе к этому времени надо будет перейти в другой сон, а может, и в третий. Уходи, заметай следы. Здесь, в лабиринте, она тебя не найдет.

— Кстати, зачем вы это сделали? — спросил я. — Ну, зарубил бы меня этот зомби...

— Ты подписал обязательство на нас работать, — объяснил шпион. — Потерять нашего единственного агента? На это мы пойти не могли. И кроме того, этот зомби давным-давно уже сидит у всех в печенках.

— Понятно, — сказал я, оглядываясь. Сон был самый обыкновенный. Мечети и дворцы, пальмы, верблюд, почти что настоящий, за исключением цвета, а цвет у него был синий. Хороший, добротный восточный сон. Наверняка меня здесь пригласят отдохнуть в одном из дворцов в обществе гурий и седобородых мудрецов.

— Держи. — Шпион протянул мне длинный, отделанный серебром кинжал. — Он тебе пригодится. Семейная реликвия. Еще от дедушки остался. Жаль, плащ моль поела, а то бы я тебе подарил и его. Бери, бери... Знаешь, мы бы тебе помогли, но из лабиринта выйти не можем. Да и скрываться в нем лучше в одиночку. Группу засечь проще. Торопись. Тебе надо спешить.

Я сунул кинжал за пояс, и мы пожали друг другу руки.

Не знаю, может быть, он хотел мне сказать еще что-то, но по шпионской привычке решил оставить это в тайне.

Если даже и так, то он имел такое право. Он и так сделал для меня очень много. Спас, например, жизнь.

Шпион толкнул меня в спину, и я побежал. Метров через десять я обернулся. Он смотрел мне вслед. Он не махал рукой и даже ничего не крикнул. Он просто стоял, засунув руки в карманы своего старого серого плаща, и смотрел мне вслед.

Странный шпион.

Совсем не похожий на среднего жителя снов.

На бегу я махнул ему рукой и припустил со всей мочи. Действительно, нужно было торопиться.

Подбегая к следующему переходному туннелю, я подумал, что спешу напрасно. Может, стоило дождаться, пока не появится змора. А потом? Нет уж, дудки. Они играют нечестно. А когда со мной ведут нечестную игру, я всегда нахожу способ поквитаться.

Пусть даже ценой жизни. И никакого героизма. Все очень просто. Змора должна понять, что безнаказанно унижать инспектора снов не может никто. Рано или поздно за это придется расплачиваться.

Вбежав в следующий переходной туннель, я понял, что буду делать дальше. Вернусь в начало лабиринта.

10

Большой зеленый луг. Сочная трава, упитанные овечки, добродушные лохматые псы. Посредине луга сидел здоровенный, очень грустный сатир и наигрывал на свирели. Вокруг него, конечно же, танцевали прекрасные юноши и девушки. Они танцевали, раскланивались друг с другом, собирали цветы, плели венки...

Кретины.

Если чувство направления меня не обмануло, от этого сна до логова зморы было рукой подать.

Я вздохнул.

Все-таки не каждый сможет пройти такой лабиринт из конца в конец. Да еще без птицы-лоцмана... А я прошел.

Интересно, ищет ли меня змора? Вряд ли. Наверняка она думает, что я забился в самую глухую часть лабиринта и в ближайшее время из нее носа не высуну. Вот тут она ошибается.

Я пошел в тот угол сна, из которого дул легкий ветерок. Он указывал на то, что там находится восходящий поток.

Так оно и оказалось.

Шагнув в него, я подумал, что могу и ошибаться. Вполне возможно, змора меня ищет и ее слуги сейчас обшаривают каждый сон этого лабиринта. Нет, быть этого не может. Иначе бы я с ними уже столкнулся.

Восходящий поток подхватил меня и медленно потащил вверх. На высоте пяти метров возникла легкая туманная дымка. Постепенно, по мере того как я поднимался вверх, она становилась все гуще. Вот она закрыла от меня поляну, овец, танцующих девушек и юношей, сатира.

Ну и ладно!

Великий Гипнос, люди из статичного мира поистине странные создания. По большей части сны у них забавные и мудрые или же страшные и странные, но иногда, словно катастрофически поглупев, они создают вот такое. Я даже не мог представить человека, которому этот сон приснился.

Впрочем, мне-то какое до всего этого дело?

Восходящий поток стал слабеть. Туман был таким густым, что казалось, его можно резать ножом. Вот он кончился, и через несколько секунд я стоял уже на пустыре лабиринта.

Гей-гоп!

Дьявол...

Нет, пустырь остался таким же, как прежде. Было довольно жарко. Пахло полынью и вереском. Где-то в траве стрекотали кузнечики. У ближайшего входа в сон стоял столбиком похожий на сурка зверек.

А еще были серые рыцари.

Они стояли шеренгой шагах в двадцати от меня. Их было много, и каждый держал в руке обнаженный меч.

Очень мило. А я-то надеялся, что подкрадусь к логову зморы незамеченным. Интересно, где она меня засекла? Хотя какое это имеет значение? Вот теперь я действительно попался. Вот теперь все.

Я даже не прикоснулся к висевшему на поясе кинжалу. Чего уж там... толку от него.

Один из серых рыцарей, видимо, главный, на это указывал голубой плюмаж на его шлеме, махнул рукой. Вся шеренга взмахнула мечами. Они мне салютовали!

Великий Гипнос! Нет, эта змора просто не может без театральных эффектов.

— Привет! — Неподалеку от меня плюхнулся на землю стервятник. — Значит, ты все-таки вернулся.

— Вернулся, — подтвердил я и кивнул в сторону серых рыцарей. — Похоже, сегодня ты все же пообедаешь.

— А, эти. — Стервятник покрутил головой. — Нет, это всего лишь почетный эскорт. А жаль. Может, ты все же кого-нибудь из них ударишь ножом?

Предводитель серых рыцарей подвел ко мне оседланную лошадь. Видимо, мне надлежало на нее сесть. Забавно. А что будет дальше?

— Кстати, — спросил я у стервятника, — неужели после той заварушки, во время которой мы познакомились, ты никем из этих господ так и не пообедал?

— Этими-то... — презрительно промолвил стервятник. — Если бы ты видел, что от них остается минут через десять после того как они сдохнут... Нет, такое не ем даже я.

— А что тебе тогда за корысть, если я пырну одного из них ножом?

— Разве непонятно? — с досадой сказал стервятник. — А вдруг они забудут о приказе зморы и все-таки тебя прикончат? Кстати, тебе так уж хочется к ней ехать?

— Угу, — ответил я, вскакивая в седло.

— Черт. — Вид у стервятника был самый что ни на есть несчастный. — Но ведь она тебя там прикончит... Может, все же не поедешь?

— А если она прикончит меня там, возле своего логова, то тебе ничего не достанется?

— Ну да.

— Ладно, — сказал я. — Поговорили — и хватит. А теперь мне нужно ехать.

— Эх ты, — заканючил стервятник. — А я тебя считал другом...

— Пока! — Я махнул ему рукой и поскакал к логову зморы.

Серые рыцари за мной не последовали. В конце концов, это было их дело.

Кстати, город за то время, что я блуждал по лабиринту, ничуть не изменился.

Все те же серые полуразрушенные дома, жара и ощущение полной безысходности. Проезжая мимо куч золота, я заметил, что их стало еще на одну больше.

Ну и ладно.

Когда до черной стены оставалось совсем немного, я проехал мимо старинного, похожего на большой гроб дома. Вдруг с треском рухнул его левый угол, и из образовавшегося пролома выскочил здоровенный, метра два высотой, иссиня-черный паук. Несколько секунд он стоял неподвижно, видимо, осматриваясь, потом медленно, с достоинством, уполз внутрь.

Конь мой вдруг остановился, и я с него слез.

Дальше можно и пешком.

Я хлопнул коня ладонью по шее, и тот тотчас же умчался прочь.

Все-таки лошадью быть хорошо. Отвез кого-нибудь куда надо, а остальное тебя не касается. Можно вернуться на луг и попастись.

Неторопливо, поскольку торопиться мне было некуда, я миновал пару домов, свернул за угол и оказался перед черной стеной.

Когда до нее осталось не больше десяти шагов, я остановился и закурил.

Подождем...

Минут через пять я кинул под ноги окурок и медленно, с наслаждением, его раздавил.

Вот так.

Мне пришло в голову, что черная стена больше всего похожа на поставленное на ребро болото, и я усмехнулся. Посмотрев на свой левый ботинок, я увидел, что подошва на нем вот-вот отвалится.

Ну и пусть.

Я снова взглянул на черную стену.

Теперь она едва заметно колыхалась. Вот из нее выглянул зомби. Пиджак на груди у него был расстегнут. Я увидел несколько небрежно зашитых суровыми нитками отверстий, оставшихся от моих пуль.

— Вам чего? — противным голосом поинтересовался он.

— Пошел в баню, — сказал я ему и добавил: — Козел!

— За козла получишь, — злорадно сообщил зомби.

— Это от тебя, что ли? — спросил я. — Кстати, позови-ка сюда свою хозяйку. Некогда мне тут с тобой рассусоливать.

— Гляди-ка, какие мы сурьезные... — пробормотал зомби и исчез.

Я вздохнул. Почему-то мне было грустно и обидно. Как ребенку, которого поманили леденцом, а вместо него дали лишь фантик.

Наконец из стены появилась змора. За ней, приплясывая и кривляясь, словно паяц, следовал зомби. На лице у зморы было написано почти неподдельное изумление.

— Как? — сказала она, останавливаясь. — Это ты, мой юный герой? Ну хорошо... теперь, когда ты проиграл нашу маленькую игру, мне предстоит придумать, что же с тобой сделать.

Такой наглости я не ожидал.

— Погоди-ка, — опешил я, — но если память мне не изменяет, я должен был найти выход в мир снов?

— Именно так, — подтвердила змора.

Зомби хихикнул.

— Я его нашел.

— Да, но ты не смог сквозь него пройти, иначе тебя здесь уже не было бы.

— Мне помешал твой слуга.

Я посмотрел на зомби. Лицо у него сейчас было серьезное, задумчивое.

— Ну-ну. — Змора изящным движением поправила выбившийся из прически локон. — А откуда ты взял, что он не должен был этого делать? О том, что буду мешать, я тебя предупредила. Так какая разница, делала я это лично или через своего слугу? Ну подумай, разве ты можешь сказать, что я играла нечестно?

Это меня доконало, и я пробормотал:

— Ах вот так, да?

— Ну конечно, вот так, — ласково улыбнулась змора. Глаза у нее были холодные-холодные, словно ледышки. Вот она засмеялась. Почти тотчас же к ее нежному мелодичному смеху присоединилось гнусное ржание зомби.

И тогда у меня перед глазами поплыла краснота. В бешенстве, не осознавая, что делаю, я рванул из-за пояса кинжал и шагнул к ним.

Увидев это, зомби буквально взревел от хохота. Он хватался за живот, мотал головой, плевался гноем и все никак не мог остановиться. Хохотал, хохотал и хохотал...

А я вдруг понял, что они меня ничуть не боятся. Ни на грамм, ни на волосинку. Это была их ошибка. Они за нее должны были заплатить.

И тогда я решился, а решившись, выпустил кинжал. Он с глухим стуком упал на потрескавшийся асфальт. Змора и зомби перестали смеяться.

Лицо у зморы стало странным. Словно бы она тоже на что-то решилась. Чем-то оно завораживало, так что хотелось смотреть на него и смотреть.

И я смотрел. Я забыл о только что пережитом унижении, о днях блуждания по лабиринту, о мире снов, я забыл...

Откуда-то во мне возникло странное сосущее чувство тоски и печали. Я вдруг понял змору, понял и пожалел. Потому что ей, так же как и мне, было одиноко, и она искала... Ах как же ей было одиноко, этой могущественной несчастной зморе, владелице целого мира, мира ворованных снов.

— Да не было там никакого выхода, — вдруг сказала она. — Не было — и все. Это был обычный дефект стенки сна. Будь с тобой птица-лоцман, она бы его распознала сразу.

Теперь лицо у нее было спокойное, можно даже сказать — безмятежное.

— Если бы тебе удалось его достичь, ты просто проломил бы стенку сна и рухнул в безвременье. Кстати, ты, кажется, один раз уже в нем был. Так что прекрасно представляешь, какой конец тебя там ожидал.

— А зомби? — спросил я.

— Зомби? Он просто тебя туда не пустил. По моему приказу. Для твоего же блага.

— Ну да, и именно поэтому он хотел меня зарубить шашкой?

— Зарубить? — удивленно спросила змора и, повернувшись к зомби, холодно спросила: — Это что еще за новости?

— Бес попутал, — пробормотал тот и бросил на меня злобный взгляд. — Я хотел его лишь слегка попугать, чтобы он больше в это место не лез. Может быть, так, слегка покалечить. Думаю, отсеку ему руку, он и одумается. А без руки мастером снов он может быть вполне. Она, если честно, ему и вовсе не нужна.

— Ну а кроме того, кому нужен зомби без руки? — все тем же ледяным тоном спросила змора.

— Гм... может, и так. — Зомби явно был в замешательстве.

— Ладно, с тобой я разберусь позже, — сурово произнесла змора и снова повернулась ко мне.

Взгляд у нее был спокойный, изучающий, словно она прикидывала, что бы еще такое со мной учинить.

Под этим взглядом я замер, как-то заледенел, потому что понял — вот сейчас все станет ясно, все-все. Это доставляло мне радость и одновременно темный, необъяснимый, инстинктивный ужас. Чтобы избавиться от него, я крикнул:

— Не верю, все равно я вам не верю! И слуга из меня получится плохой. Могу под настроение сунуть в спину нож. Сзади. Подойду и воткну.

— Дурак, — сказала мне змора. — Не мог ты найти этот выход. Хотя бы потому, что его нет.

Голос у нее по-прежнему был чертовски спокойный. Он привел меня в чувство, и, уже успокаиваясь, я все же сказал:

— Ну-ну, а как же ты тогда воруешь сны для своего лабиринта?

— Да не ворую я их, — устало сказала змора. — Кто тебе сказал эту чушь?

— Откуда же ты их тогда берешь?

— Откуда?

И тут она изменилась, стала жутко красивой и даже слегка бесшабашной, словно наполнившись безудержным, злым весельем. А у меня на душе стало пусто и холодно. Как у приговоренного к смерти, когда он стоит на краю ямы, а в него целятся из винтовок пяток солдат и полупьяный хорунжий уже поднял руку. Вот сейчас он махнет и крикнет «Пли!». И вслед за этим будет лишь пустота...

Я тяжело вздохнул, и вместе с этим вздохом в меня вошло понимание. Я осознал, что никогда, никогда не смогу эту змору убить, что это просто немыслимо и что именно сейчас, в эту минуту, я и проиграл свою игру. Окончательно и бесповоротно.

Я прохрипел:

— Докажи!

Что еще я мог сказать?

— Доказать?

Змора закусила губу и взмахнула рукой.

Я повернулся и увидел, что город за моей спиной изменился. Он был прекрасен и состоял из больших сверкающих свежевымытыми стеклами домов, перед которыми росли цветы, цветы. И он был наполнен людьми, живыми, настоящими людьми.

Я взглянул на змору и увидел, как она взмахнула рукой второй раз.

Мир вокруг опять изменился.

Теперь вокруг нас простиралась обширная, без конца и края, черная пустыня. Ее жаркий воздух мгновенно иссушил мне губы.

Змора махнула рукой в третий раз, и позади нее вновь возникла черная стена. Все было как прежде. Я даже ничуть не сомневался, что за моей спиной все тот же полуразрушенный город.

— Ну, еще вопросы есть? — резко спросила она.

— Да, есть, — сказал я. — Если прохода нет, то откуда в твой мир попал я?

— Ниоткуда, — усмехнулась змора.

— Это как?

— А вот так. Тебя придумала я. Точно так же, как придумываю сны. Ты получился упрямым, глупым и самонадеянным, но таким, каким я хотела. Поверь, это именно я придумала тебя, до мельчайших деталей, наделила памятью, привычками и слабостями.

Того, что ты помнишь, не было. Не было никакого Гунлауга-учителя, не было никаких других, кроме тебя, инспекторов снов, не было даже птицы-лоцмана.

Она хрустнула пальцами.

— Вот это правда. Ты просто моя игрушка. Я создала тебя от скуки и лишь тогда, когда ничего поправить уже было нельзя, сообразила, что наделала. Потому что влюбилась в свой сон, в свое создание.

Я так и не понял, как это случилось, но она оказалась в моих объятиях. Я почувствовал щекой ее волосы. В ноздри мне ударил запах ее духов. А может быть, это были не духи, может, это был ее собственный сладкий, слегка приторный запах? Я ощущал под руками лишь слегка прикрытое тонкой материей платья ее мягкое, нежное тело.

И мне было совершенно не важно, кем я являюсь, живым, рожденным от женщины человеком или же просто выдумкой. Все это не имело сейчас абсолютно никакого значения.

Хотя бы потому, что мне не хотелось об этом думать.

Я видел, как зомби, крадучись, ушел в черную стену, и понял, что мы со зморой остались одни. Ее губы прикоснулись к моей щеке. Я чуть повернул голову, и мы поцеловались.

Этого было достаточно.

Ноги у меня подкосились, и я сел прямо на асфальт. Змора, ничуть не заботясь о своем роскошном платье, села рядом и положила мне голову на плечо. Вот она вздохнула и медленно, ласково провела ладонью по моей щеке.

Нежно и тихо она заговорила:

— ...Дурачок. Ах, дурачок... Тебе досталось... Ну ничего, мы это исправим. Ты только не бунтуй, будь со мной... мне больше ничего и не надо. Хочешь, придумаем еще какую-нибудь игру? Ты забудешь обо всем и снова спрячешься от меня в лабиринте. А я буду тебя искать и когда найду, подам знак, тот же самый...

А хочешь... мы устроим путешествие, и я буду создавать для тебя новые миры, какие только пожелаешь... А если тебе станет скучно, я придумаю тебе друзей. Хочешь, таких же, как и ты, инс-

пекторов снов? Ты только не уходи от меня, останься. Все будет как надо, как мы захотим. И еще, не раздражай меня, а то я в запале уничтожу тебя и больше не смогу вновь создать. Ты неповторим, как и любой шедевр.

Она прижалась ко мне сильнее.

— А вообще, если хочешь, я могу рискнуть и тебя переделать. Хочешь, дам тебе другое имя? Хочешь, назову тебя Аристархом? Или Мироном? Эриком?

— Врешь ты все, — глухо сказал я. — Скажи, что врешь.

— Господи, ну какие еще тебе нужны доказательства? — вздохнула она. — Любые. Сейчас. Если хочешь.

Она сладко зевнула и закрыла глаза.

А я сидел и все пытался что-то сообразить, ухватить какую-то крутившуюся в голове мысль.

Из черной стены выглянул зомби и, подмигнув, сейчас же спрятался обратно.

И вдруг я понял.

Ну конечно, я попался, попался, словно желторотый птенец.

Потому что змора врала. Потому что она могла придумать меня, она могла придумать статичный мир, но только не мир снов. Он слишком многообразен, слишком сложен. Для того чтобы его выдумать, не хватит и ста лет. Она просто не могла — и все.

Змора снова зевнула.

Может, она все же сказала правду?

Это нужно было проверить, обязательно проверить. Только как? Как? Я знал — как. Правда, после проверки обратного пути уже не будет. Ну и пусть. Зато я узнаю...

Змора открыла глаза и спросила:

— Ты чего?

— Да ничего, — ответил я.

— Нет, все же.

Она вдруг выпрямилась. В глазах ее мелькнул страх.

— Ты такой напряжён...

И тогда я ее ударил.

Я сделал это потому, что она испугалась, потому что понял — другого такого случая больше не будет. А я должен был узнать. Иначе сошел бы с ума.

Я нанес ей точный, сильный и безжалостный удар в лоб. Именно так, как когда-то учил меня Гунлауг.

Послышался хруст, это у зморы сломались шейные позвонки. Она удивленно охнула, голова ее запрокинулась, на лице застыло

странное удивленное выражение. Я знал, что оно останется навсегда, потому что змора умерла почти мгновенно. Так и должно было быть.

Время словно остановилось.

Медленно, почти незаметно, тело зморы стало заваливаться на бок. Вот оно коснулось земли, но вдруг заскользило по асфальту, будто по льду, к черной стене. Словно силы притяжения на него не действовали, словно бы стена была притягивавшим его магнитом.

Вот оно коснулось стены и стало в ней исчезать, причем не всасываться, а именно исчезать, как будто стена была глубокой бездонной пропастью и тело зморы, постепенно уменьшаясь, падало в нее.

Наконец оно исчезло. Несколько секунд черная стена колыхалась, потом успокоилась, застыла.

Тогда я встал. На душе было пусто и тоскливо. Словно я сделал какую-то гадость. Но почему? Я поступил правильно. Так, как и должен был поступить. Потому что змора лгала. Она обманывала меня, чтобы сделать своим слугой, своим рабом. Еще бы, любой зморе приятно иметь своим слугой инспектора снов. Любой обычной зморе.

Все это было верно, и иначе поступить было просто нельзя. Но только откуда во мне взялись эти тяжесть и пустота? Будто я что-то потерял, о чем-то сожалел. О чем? И какой смысл это делать?

Я отвернулся от черной стены и увидел, что мир зморы изменяется. Вернее, он исчезал.

Поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее рушились стены домов, складывалась, как гармошка, и истаивала черная стена. Горизонт разворачивался, словно свиток пергамента.

Вот он развернулся окончательно, и тогда передо мной появился мир снов. Поначалу виднелись лишь яркие, всех мыслимых тонов и расцветок пятна, потом они слились в похожее на палитру художника марево. Я еще не мог разглядеть деталей, поскольку там, на границе мира зморы и мира снов, висела странная тусклая дымка, но вот она исчезла, и тогда я увидел его четко и ясно. Он предстал мне во всем своем чудовищном многообразии, во всей своей дикой, необузданной, хаотической красоте.

Мир снов.

Больше всего он походил на разноцветные, занимающие весь горизонт гигантские пчелиные соты, каждая ячейка которых была сном.

Он начинался там, где кончался мир зморы. Стало быть, до него было километра два, не больше. Рукой подать.

А что же мир зморы?

Я оглянулся.

Черной стены не было. На том месте, где она стояла, осталась лишь ровная, вымазанная чем-то серым полоса. За ней начиналась пустота безвременья.

Интересно, куда делась черная стена?

Я посмотрел на город. От него осталась лишь покрытая асфальтом площадка, усеянная черными прямоугольниками там, где стояли дома. Пустырь лабиринта почти не изменился. Только шары входов в сны, казалось, мерцали гораздо ярче, чем раньше.

Я снова взглянул на мир снов и неожиданно ощутил, как по щекам у меня покатились слезы.

Это меня удивило, потому что особой радости или печали я сейчас не чувствовал, как-то странно заледенев, может быть, потому, что еще до конца не верил в случившееся. Слишком уж быстро все произошло.

Я вытер слезы рукавом куртки, сунул руку в карман и вытащил сигарету, но прикурить не успел.

Рядом со мной кто-то стоял.

Я повернул голову.

Конечно, это оказался зомби.

— Итак, ты это сделал, — сказал он. — Значит, ты это сделал. Поздравляю, ты поступил правильно. Хотя, кто знает, может быть, тебе стоило и согласиться. Все-таки работать на нее было неплохо... Как самочувствие? Согласись, не очень хорошее? Еще бы, хладнокровно убить женщину... Знаешь, наверное, она тебя любила.

— Да пошел ты... — прошипел я. — Пошел...

— Угу, — кивнул он. — А еще, если бы ты этого не сделал, она бы тебя обязательно прикончила. А потом и еще нескольких, так же, как и ты, попавшихся ей инспекторов снов... Пока бы ей не попался кто-нибудь... скажем так, решительный...

— Насчет любви она врала, — сказал я.

— Ну еще бы, — усмехнулся зомби. — И именно поэтому позволила себя убить. Кстати, могу подсказать: ты можешь мне сказать, что на самом деле она так легко дала себя убить лишь потому, что слишком уж была уверена в своем обаянии... а ты, как настоящий мужчина... не поддался... и превозмог...

Я молчал.

Зомби неторопливо вытащил палочку дерева флю и прикурил. Я заметил, что пиджак на нем теперь абсолютно новый, да и ботинки начищены до блеска.

— В честь чего это ты так принарядился? — подозрительно спросил я у зомби.

— Теперь мне придется искать нового работодателя. А как ты знаешь, встречают по одежке... Жаль, конечно, такую хозяйку, как змора, я уже не найду.

— Как я понимаю, искусство использовать сны со смертью хозяйки у тебя пропало начисто?

— Ну, — он меланхолично выпустил клуб зеленого дыма, — мало ли дел для вполне свежего, очень услужливого и понятливого зомби? Да и не все еще зморы перевелись. Так что, может, встретимся. Кстати, по дружбе, когда ты ее убивал, ты что, действительно на сто процентов знал, что она тебя водит за нос?

— Да, — машинально ответил я и вдруг понял, что не солгал. Да, нанося удар, я был уверен, что поступаю правильно.

— Только ты не передумай, верь и дальше, — попросил зомби. — Если однажды в этом усомнишься, я тебе не завидую. Пропадешь ни за грош. Жизнь — она странная штука. Тебе может, например, прийти в голову, что все происшедшее — и то, как ты ее убил, и все предыдущее и последующее — не более чем ее очередная странная шутка. Которая вот-вот кончится.

Покуривая палочку флю, засунув руки в карманы пиджака, он не спеша двинулся в сторону страны снов. Метров через двадцать он остановился, махнул мне рукой, что-то крикнул и пошел дальше. Что он крикнул, я не расслышал. Слова отнес ветер.

Потом над моей головой пролетел стервятник. Он так спешил, что, похоже, меня не заметил.

Я порадовался за него. Уж теперь-то без пищи он не останется. В мире снов от голода умереть сложно. Даже очень привередливому стервятнику.

Мир снов манил меня к себе, притягивал, как магнитом, но я не торопился. Мне казалось, что нужно еще подождать, что-то додумать, что-то очень важное.

Я снова посмотрел на пустырь лабиринта и подумал, что змора погибла, а ее творение осталось.

Пройдет время, годы, может быть, даже века, а он будет существовать. Потом кто-нибудь придумает о нем красивую легенду. В ней не будет даже упоминаться обо мне или зморе. Вот так. Вместо нас в ней будут действовать герои, чародеи, великаны.

Может быть, это будет к лучшему.

Я все же не выдержал и медленно пошел в сторону мира снов.

Поскольку домов не было, я двинулся к пустырю по прямой, и минут через десять под моими ногами уже зашуршала трава.

Иногда мне попадались кучки черного пепла, и я вдруг сообразил, что они остались от серых рыцарей. Между кустами полыни бродили их лошади. Одна из них увязалась было за мной и некоторое время шла след в след, а потом отстала. Может быть, это была именно та лошадь, на которой я приехал к черной стене.

Мне было не до нее.

Я шел к миру снов. Медленно и размеренно, словно робот.

Шел.

Маленький человечек на ровной площадке пустыря между мерцающим великолепием мира снов и черной пустотой безвременья.

Я не торопился, потому что слегка побаивался мира снов. Три года, что я провел вне его, не прошли даром. Я изменился.

Примет ли он меня таким, каким я стал?

Наверное, примет, поскольку в нем есть место каждому, кем бы он ни был. Даже такому человеку, как я.

Вот только почему-то я был уверен, что, даже если моя жизнь пойдет по-прежнему, словно этих трех лет и не было, все равно останутся воспоминания. И долго еще потом я буду время от времени вспоминать и думать...

Я буду думать о зомби, пытаясь понять, что он собой представляет и как это, будучи мертвым, думать, действовать, говорить, чего-то хотеть, быть одновременно живым и мертвым. Почему-то мне казалось, что мы с ним еще встретимся.

Я буду думать о той уходящей в проекцию цепочке волчьих следов. Эту загадку еще предстояло решить. Если только она была не очередной шуткой зморы.

Я обязательно буду думать о статичном мире. Странном, жестоком мире людей с совершенно непостижимой логикой, при всей своей подлости, грубости, жадности умеющих делать такую прекрасную штуку, как сны.

И конечно же, я буду думать о зморе. О ней я буду думать больше всех. Наверное, она так и останется для меня загадкой. Любила ли она меня хоть немного, или же все, что она говорила, было лишь притворством и обманом? Вот в этом я, похоже, не смогу разобраться никогда. Может, и к лучшему. Если все, что она говорила, не более чем вранье, то я — дурак, если же нет — то я преступник, хладнокровно убивший полюбившее его создание.

И никак иначе.

Неторопливо, словно стараясь оттянуть момент встречи с миром снов, я шел по пустырю, тщательно огибая шары снов, стараясь не спугнуть стоявших столбиком возле своих норок и ошарашенно оглядывавшихся похожих на сурков зверьков.

Я думал о том, что нам, инспекторам снов, слишком часто приходится сталкиваться с разной населяющей сны нежитью в схватках не на жизнь, а на смерть. Мы привыкли думать, что все эти зморы, черные маги, серые рыцари и еще многие-многие ничего, кроме злобы, ощущать не могут.

Только это неверно. Они, так же как и мы, думают, говорят и чувствуют. Могут ли они любить? И как выглядит их любовь?

Может, именно так, как у нас было со зморой?

Все-таки она потеряла осторожность и, в полном смысле этого слова, дала себя убить.

Почему?

Как это могло случиться? Уж она-то, с ее вечной предусмотрительностью... Неужели все-таки она меня любила, и именно поэтому... А может, она слишком верила в силу своих чар?

Ответов на эти вопросы я не знал и сильно сомневался, что когда-нибудь узнаю.

Вот так.

Я прошел уже больше половины пустыря и теперь приближался к шпионскому сну. Вот из него высунулся шпион со шрамом и помахал мне рукой. Я улыбнулся и помахал ему в ответ.

Теперь до мира снов осталось совсем немного. Я уже мог различить, как в его снах копошатся фигурки людей, животных. Там шла самая обычная жизнь, забавная, неожиданная, наполненная приключениями.

В нее мне еще предстояло вернуться.

Если только...

Я вспомнил последние слова зомби, и меня вдруг охватил дикий, до дрожи в коленях страх.

Захотелось лечь, забыть обо всем или же хотя бы остановиться, перевести дух...

Но все же я шел, несмотря на то что сердце мое стучало, как паровой молот, а по спине стекали струйки холодного пота, шел, размеренно переставляя ноги, стараясь ставить их как можно тверже, чтобы не дай бог не споткнуться, шел, несмотря на то что мне казалось, будто под подошвами моих ботинок вот-вот по-особенному заскрипит земля...

Дорога миров

Предисловие

Был 1987 год и была зима. Обильно выпал снег, причем он был очень белый, что для загазованного Красноярска являлось редкостью.

Я гулял, смотрел на снег и думал. О чем конкретно, я сейчас вспомнить не могу. Кажется, у меня в голове просто вертелась какая-то мелодия. А потом пришло понимание, и вот этот момент я запомнил на всю жизнь. Тогда во мне что-то изменилось, резко, словно кто-то повернул выключатель, и я вдруг понял, что можно писать немного по-другому, не так, как я делал это до сих пор.

Я засмеялся. Я смотрел на эту белизну и смеялся, поскольку то, над чем я до этого бился, чего желал всем сердцем, вдруг стало возможно.

Потом я отправился домой, взял стопу уже написанных текстов, в которой было пять повестей, а также десятка полтора рассказов, и засунул ее в кладовку. (Через несколько лет, при очередном переезде, они вполне благополучно были потеряны.) А я сел писать первый рассказ из цикла «Дорога миров». Назывался он «Остановка в пути».

С этого рассказа все и началось. Были пироги и пышки, были так же синяки и шишки. Последние, кстати, я огреб раньше. Они начались почти сразу же, поскольку первым местом, в котором я попытался напечатать свой первый рассказ из этого цикла, было только-только организованное ВТО. Рассказ прочитали, он понравился и вполне благополучно не попал в первый ВТО-шный сборник. Произошло это потому, что редактор сборника, старый и опытный работник, пришел к главе ВТО Виталию Пищенко и заявил: «Здесь все написано неправильно, но рассказ есть. Я пытаюсь править так, как положено, и рассказ исчезает, получается полная чепуха. Избавьте меня, редактировать это я не буду». И рассказ сняли. (Кстати говоря, на этом страдания Пищенко не закончились. Потом некие органы

его трясли за мои рассказы «День без смерти» и «Вторжение», а он держался, как герой-панфиловец. Но это уже совсем другая история.)

Постепенно все встало на свои места. Весь цикл, рассказ за рассказом, был напечатан в ВТО-шных сборниках и, поскольку выходили они немалыми тиражами, принес мне известность. Время от времени, конечно, находились люди, которым эти рассказы «ну просто очень не нравились», и они разражались в их отношении гневными криками, но хвалебных отзывов было больше. А еще эти рассказы переиздавались и переиздавались. Вплоть до того, что один из них, все тот же «Остановка в пути», попал в «Библиотеку отечественной классической художественной литературы в 100 томах», в том, посвященный фантастике конца двадцатого века.

А еще за изданную в 1995 году книгу «Черная стена», в которой было две повести и рассказы из этого цикла, я получил премию фонда В.П. Астафьева. Причем это была не жанровая премия, а премия просто — за литературу. И мне кажется, это самая большая возможная оценка. Что может быть выше благословения Мастера?

ОСТАНОВКА В ПУТИ

Сидя на пригорке, Аристарх пытался вспомнить недавний сон, в то время как Крокен, размахивая сковородкой, гонялся за зеленым лучом. Аристарх подумал, что отдаваться такому пустяковому занятию всей душой можно только в юности, и ему стало грустно.

Луч тем временем остановился. Немного помедлив, Крокен подсунул сковородку, извлек из вещмешка кусок жира, несколько квадратных яиц — и через минуту яичница была готова.

Ощутив болезненный укол, Аристарх сейчас же погладил правый бок, боль утихла, и это было хорошо. Посмотрев на голубое треугольное солнце, поерзал, стараясь сесть поудобнее, и снова попытался вспомнить сон, но безуспешно. От огорчения Аристарху захотелось есть, и он, недолго думая, отправился на поиски гриба-грозовика: благополучно его обнаружив, воткнул два пальца в белую мякоть. Послышался треск.

Насыщаясь электричеством, Аристарх замер, чувствуя, как окружающий мир смещается, и тут же увидел себя со стороны, потом кусты, молодого кентавра, увлеченно уплетавшего яичницу, и дальше... дальше... дальше...

Приятно покалывая, Энергия насыщала тело, заставляя закрыть глаза, что позволило увидеть долину полностью. Она была небольшая, продолговатая, километра полтора в длину, метров триста в ширину, ограниченная слева непроглядной стеной дождя, справа — горными пиками, усеянными ледниками и трещинами.

А мысли бежали и бежали.

Почему-то он подумал, что можно жить только для себя. И это удивило Аристарха, но одновременно и разозлило. А ведь действительно, сколько можно! Вытирать чужие носы и мирить смертельных врагов, помогать, помогать, помогать, и все, что угодно, до

бесконечности, не считая попыток вести планомерный поиск, на который совершенно не хватало времени. Да и еще бы его хватало, когда забот полон рот?!

Однако чем-то это все должно кончиться? В конце концов, не важно, вымрут все или приспособятся настолько, что в его помощи не будут нуждаться. Возможно также, его поиск увенчается успехом, но и это ничего не изменит, потому что неизбежность какого-то решения рождает очень простой вопрос: а что дальше?..

Гриб рассыпался в пыль. Аристарх вскочил на ноги и, подтягивая мешковатые штаны, стал смотреть на приближавшегося Крокена.

«Что может быть красивее скачущей лошади, танцующей женщины и чайного клипера под всеми парусами?» — вспомнил он.

Скачущий кентавр.

Невдалеке от Аристарха Крокен встал на дыбы, взметнувшись почти на трехметровую высоту. Гикнув, взмахнул руками, словно пытаясь улететь, и легко-легко, даже чуть замедленно, опустился на землю, чтобы шагнуть вперед и прижаться прохладным лицом к бороде Аристарха.

— Идем?

— Идем, идем. — Аристарх закинул на плечо рюкзак.

Остановившись возле дождевой стены, так близко, что на лице стали оседать водяные брызги, Крокен спросил:

— А кто там живет?

— Увидишь, — ответил Аристарх, проходя мимо. Бросив последний взгляд на долину, Крокен присвистнул и поскакал догонять Аристарха, который уже скрылся за струями дождя...

Они шли по колено в липкой жиже, а сверху на них падали бесчисленные удары водяных кулаков — целую вечность.

Потом провалились в яму, в которой долго барахтались, и, окончательно выбиваясь из сил, так добрались до более твердого места, после которого находилась очередная яма...

Размеренно передвигая ноги, пробираясь сквозь вязкую субстанцию, временами погружаясь в нее по пояс, Аристарх пригасил сознание, отдавая власть над телом инстинкту, что всегда выручало его в подобных ситуациях.

Крокену приходилось хуже, но его спасало то, что он загодя привязал себя к Аристарху короткой веревкой, вовремя сообразив, что самое главное — не потеряться. Правда, силы его были уже на исходе. Веревка, свободно провисавшая в начале пути, натянулась, и теперь Аристарх фактически тащил кентавра на буксире.

Наконец настал тот момент, когда Аристарх почувствовал, что сил больше нет и даже на инстинкте далеко не уедешь.

Но тут впереди что-то блеснуло. Нет, не граница дождевой полосы. Посредине дождя стоял цилиндрик света. Метра три в диаметре.

Легко преодолев пленку дождя и оказавшись на свету и в тепле, они как подкошенные рухнули на траву. Через секунду из воды появилась зубастая пасть, но только чуть высунулась и тут же спряталась обратно.

— Господи, как хорошо-то, — простонал Крокен, пытаясь расчесать пальцами слипшиеся от грязи волосы. Мокрая шерсть на его теле торчала клочками.

Поглядев на него, Аристарх аж скрипнул зубами.

«Его-то я зачем с собой поволок? Вот дурак. Поддался на уговоры, посчитал, что для малыша это будет жизненным уроком. Хорош урок — захлебнуться грязью. Нет, положительно дал я тут маху. Дождевая стена — это только начало. А дальше? Мне-то что, я и не такое видывал. А он? Старый я дурень. Попутчика захотелось... Ну вот и получил... Что теперь с ним делать? Нет, надо было еще в горах отправить его обратно. Посчитал, что втянется. Как же, втянется... Ему бы по зеленому лужку скакать, а не грязь месить... Ну ладно, что теперь поделаешь. Раз взял, придется, брат, за него отвечать».

Он сорвал пучок травы, вытер им лицо, спросил:

— Что, тяжко?

— Да нет, ничего. Вот маленько отдохнем — и дальше...

— Ну отдохни, отдохни... Осталось немного, меньше, чем прошли. А там такая же долина... Солнышко... Все, что угодно. Вот там и отдохнем.

— А кто там живет?

— Там?.. О, брат, там интересные создания живут: Леший и Автомат для продажи газированной воды... Они довольно самостоятельные, так что помощь им вряд ли потребуется.

Теперь они глядели вверх.

Полное ощущение, что лежишь на дне узкого, необычайно высокого колодца.

Аристарх повернулся лицом к кентавру:

— Знаешь что? Это я тебя прошу на будущее. Если где заметишь что-нибудь странное, мне говори. Ну... там ход какой под землю или что-то похожее на люк... Ладно? А впрочем, тут все странное, поди разберись.

— Почему — странное? Что же у нас странного! Я пока ничего...

— Да я так, — спохватился Аристарх. — Конечно, ничего такого у нас нет. Все нормально. Это я пошутил так.

— Что-то необычные у тебя шутки.

— Да уж какие есть, — буркнул Аристарх и отвернулся. Разговаривать ему больше не хотелось.

Некоторое время Крокен испытующе смотрел ему в затылок, но Аристарх так и не обернулся.

...Когда впереди посветлело, зверь отстал. Очередная яма... Еще один глоток жижи... Рывок из последних сил... И он вывалился на сухое, ровное место!

Машинально сделал еще несколько шагов, обернувшись, увидел радостное лицо Крокена и в изнеможении сел на ближайший пригорок. Потом стащил сапоги, снял с себя одежду — отжал и повесил сушиться. Крокену было проще, он ограничился тем, что расчесал свои длинные волосы и коротко подстриженный хвост.

Размеры долины определить было трудновато. Обзор закрывали яблони, кактусы, лиственницы и баобабы.

Аристарх прилег. Солнце слепило глаза, хотелось заснуть, и вообще стало как-то на все наплевать. Свернувшись поудобнее, он подтянул ноги к животу, успев подумать, что нужно бы еще подзарядиться. Засыпая, почувствовал, как рядом пристроился Крокен, повернувшись, ткнулся лицом в его мокрую шерсть и провалился в другой мир.

...Взрывались галактики, и пространство перекручивалось штопором...

...А потом он увидел ноги. Одни лишь ноги, без туловища. И в них была какая-то диспропорция, которая тем не менее казалась необычайно знакомой...

И только когда отрывок сменился и перед ним уже корчился и исходил огненной рекой космический монстр, Аристарх вспомнил, что эти ноги — его собственные. Нет, не те, что сейчас, а те, что были раньше, в мире, который исчез... давно, очень давно...

Фрагмент сменился. Он падал в хищную, протянувшую к нему пальцы протуберанцев бездну. Длилось это вечность, и только когда прекратилось, он понял, что прошла лишь секунда...

Дверь. Легкий толчок, и она распахнулась.

Нломаль стоял в центре заполненного людьми амфитеатра. Произнося речь, он суетливо размахивал руками и время от времени поглаживал пышные, несуразные бакенбарды:

— А теперь с помощью некоторых предпосылок представим себе примерную ситуацию, при которой наш мир поменяет свой знак. Причем это будет не зеркальное отображение материи, как вы могли бы подумать, а принципиальное изменение ее сущности. В этом случае будет наблюдаться деформация физических и других законов. Ну и, естественно, явления трансцендентности могут увеличиться до невероятных размеров.

Каким образом может возникнуть данный феномен?..

...Проклятый песок, он хватал за ноги не хуже волчьего капкана!

И Аристарх уже чуял смрадное дыхание нагонявшего зверя. А оглянуться не было сил, их хватало лишь на то, чтобы бежать вперед, задыхаясь.

...Сделав паузу и внимательно оглядев кворум, Нломаль продолжил:

— Безусловно, одним из условий будет возможность путешествий на машине времени. Исходя из этого, можно представить, как некто отправляется в прошлое с целью воздействия на определенный отрезок времени. В силу эффекта затухания временных возмущений последствия его работы должны иметь глобальный характер.

Например, можно изменить силу гравитации и расположить ее так, чтобы в определенных районах она возрастала, а в других уменьшалась. Кстати, одним из результатов будут любопытные атмосферные явления.

Но в первую очередь подобные опыты приведут к тому, что изменится дальнейшее развитие жизни. С увеличением подобных воздействий последующий мир будет отличаться от первоначального варианта все больше и больше...

...Он стоял на середине пустой комнаты, обливаясь холодным потом и ощущая на себе внимательный нечеловеческий взгляд, который, казалось, пронизывал насквозь.

И не было больше сил выдерживать эту пытку. Хотелось закричать, сжаться в комок и забиться в угол. Тем не менее он оставался недвижим, хорошо понимая бесполезность любых действий. А взгляд словно бы уплотнялся, концентрируясь в одной точке — напротив сердца.

В ожидании выстрела остановилось время. Сердце захлебнулось на середине такта.

Ну же... Ну!.. Сухо щелкнуло, и мир стал выворачиваться, как чулок, постепенно и неотвратимо бледнея...

— ...кому это нужно!

Тот, кто пойдет на подобный эксперимент, попросту исчезнет из нашего мира. Но тогда изменений не будет, и он все же окажется существующим. А значит, будет вносить изменения. И так далее. По кругу, до бесконечности, замыкая временную петлю. Но только для данного объекта. Весь остальной мир ничуть не пострадает.

Другое дело, если на подобные действия отважится существо из другого мира, который в результате возникнет. В таком случае парадокса нет.

Безусловно, мои слова могут показаться отвлеченными фантазиями. Но стоит в том варианте будущего, который не имеет пока права на существование, построить машину времени, как наш мир станет нереальным...

...Переворачиваясь, акула показала свой белый живот и разверстую пасть, Аристарх рванулся, отчаянно лопатя воду руками и ногами, но черная дыра, усеянная по краям блестящими кинжалами, надвигалась на него неумолимо...

Безусловно, это был всего лишь кошмарный сон.

Проснувшись, Аристарх разлепил веки и увидел Лешего, который сидел напротив, копаясь в длинной грязно-белой бороде, и кротко вздыхал. Одет он был в новенькие, усеянные заклепками джинсы с блестящими цепочками, висюльками и прочими, обязательными для такого рода одежды, цацками. Улыбнувшись, Леший суетливо вытащил из кармана джинсов очки в золотой оправе и увенчал ими свой картофелеобразный нос.

— Ну что, пришел?

— Пришел, пришел, — ответил Аристарх, протирая глаза.

— Ну ты, брат, даешь! Когда успокоишься? Пора уже. Взял бы да осел у нас в долине. Ты по сторонам посмотри — благодать! А впрочем, что я говорю! Человек ты самостоятельный, решай сам. Хотя здорово бы получилось, останься ты с нами.

— Угу, здорово, — согласился Аристарх. — Но как будет с теми, кто живет не так хорошо, как вы?

— Да я ничего. Дело твое. Но тут твое имя переделали. Агасфером называют.

— Ну, Агасфер так Агасфер. — Аристарх поглядел на Крокена, который тоже проснулся и, обнажив в улыбке длинные клыки, разглядывал Лешего.

— А это кто с тобой? — спросил Леший, озабоченно протирая замшевой тряпочкой очки.

— Это? Да вот напросился со мной... Мир повидать желает. А с кем иначе? Крокен его зовут.

— Это хорошо. Пойдем, там Газировщик ждет.

— Жив курилка? И ржавчина его не осилила?

— Самым чистым репейным маслом смазываю...

Аристарх и Леший пошли в глубь долины, а Крокен рванул и понесся кругами — сшибая листья с могучих яблонь и распугивая крохотные, молодые тигрокустики.

Словно пылевая пелена затягивала солнце, окрашивая края огненного квадрата в тускло-багровый цвет, постепенно подбираясь к центру. Темнело. С тревогой поглядев на небо, Аристарх спросил:

— И часто у вас случаются выпадки?

— Да что-то последнее время часто. Наверное, опять с неба валенки будут падать... Впрочем, я ошибаюсь, сегодня ничего не будет... Видишь, края квадрата снова разгораются? Нет, ничего не будет... Вот неделю назад... Представляешь, птеродактиль заявился. Пока из ротного миномета не обстреляли, ну хоть тресни — и с места не двинулся! Однако когда в тебя летят чушки, наподобие тех, что ротник бросает, — шутки плохи... Хочешь не хочешь — пора уходить.

— Что же вы так, — посочувствовал птеродактилю Аристарх. — Тоже ведь тварь божья. Жить хочет, и все такое.

— Да так. — Леший пожал плечами. — Больно уж пакостно кричал. Да и запах от него тяжелый. А уж почавкать дай бог.

— И куда он теперь... бедолага?

— А куда? Куда-нибудь... Ты не беспокойся... Он ведь из этих... Приспособится... А уж потом начнет хапать, да побольше, — уж поверь.

Крокен выскочил из-за ближайших кустов, разнес в труху попавшийся под копыто гнилой пень и, легко отталкиваясь от земли самыми кончиками копыт, высоко подпрыгивая в тех местах, где сила гравитации была меньше, ворвался в другую группу кустов и стал их безжалостно утюжить... Через минуту они превратились в кучу изломанных прутиков, и довольный кентавр стал горланить одну из наимоднейших среди молодежи песенок:

Сынко, в небе синем пролетая,
не забудь же, милый, каску надевать.
Голову надежно прикрывая,
не забудь же, милый, каску надевать.
Голову надежно прикрывая,
можно каракатиц с неба собирать.
А не дай же бог, увидишь бегемота,
за собою в дом его ты не пускай.
Он лягушек любит и мостить болота,
он такой гунявый, в общем — негодяй.

Если же, хиляя, будешь неподкупен,
уловить сумеешь ложкою луну,
мрак тебе вечерний станет недоступен,
и тогда в субботу я к тебе приду.
И когда увидишь ты галактик туши,
загребешь копытом солнечный эфир,
и свои любимые пальмовые уши
в свежий, неразбавленный обмакнешь кефир...

При последних словах Крокен так поддал пробегавшему мимо тигрокусту, что тот отлетел метров на десять, успев все же выпустить облачко черного дыма, которое сгруппировалось в нечто вроде огромной физиономии с широким, усеянным зубами ртом.

— Что, с маленьким справился, да? — спросила физиономия и, обругав Крокена балбесом, тупицей, рыжим тараканом, петухом гамбургским, плевком цивилизации, осколком унитаза и парализованным змеем, медленно растаяла.

Крокен сейчас же спрятался за спиной Аристарха и осмелился покинуть это убежище лишь тогда, когда дым рассеялся полностью...

Заросли сарсапарелля кончились, и они оказались на эллиптической полянке, разделенной пополам шустрым ручейком. Возле самой воды возвышался автомат для продажи газированной воды.

Аристарх остановился и стал его рассматривать с видимым удовольствием.

Обыкновенная сверкающая хромированным железом и цветным стеклом жестяная коробка. В нише — чистый стакан. Выше — надписи: «Газированная вода — полторы копейки», «Вода с эюпсным сиропом — три с четвертью копейки».

И так легко было покориться иллюзии, что вернулся навсегда исчезнувший мир... Но в следующее мгновение автомат скривил нишу и, подогнув короткие металлические ножки, быстро-быстро засеменил им навстречу, радостно восклицая:

— Кого я вижу! Аристарх! Да еще и с молодым человеком! Я ведь как знал... Честное слово! Вчера два десятка моркусов закопал. Ведь как чувствовал, что придете. Ну ничего, сейчас мы чего-нибудь сварганим. Где скатерть? Лешак, опять ты ею гусениц отлавливал? Сдались они тебе! Пешком надо ходить... Ладно, скатерть будет. Тащи сюда моркусы. Да поживее!

Леший исчез за деревьями. Оттуда послышался скрежет, звон, потом Леший ругнулся, и наступила тишина.

Со стороны ручейка прилетела стайка мигвистеров. Они уселись на ближайшее дерево и заверещали:

«Ау, Селк захромал на левое плечо... Ха-ха, пиво есть пережиток прошлого, в наличии не сохранилось... И слава богу, а то пришлось бы взрывать все это к чертовой матери... А жаль, куда он укатился? Тут Брандер охотится... Он самый, с тремя лапками. А сверху колючки...»

— Ишь, заявились, — сообщил Газировщик. — Кыш, кыш! Ну, теперь они надолго. Черт! Теперь смотри в оба... Да, а что это я? Сейчас... Сейчас...

Газировщик с натугой загудел... Ближайший к ним пенек треснул, половинки раздвинулись, и из его нутра появился краб-акселерат.

Бешено вращая стебельковыми глазами и припадая на правый бок, где не хватало одной лапки, он засунул бронированные клешни в середину пня и вытащил из него накрахмаленную скатерть. Развернув, расставил на ней извлеченные оттуда же свертки с бутербродами, аккуратно нарезанную колбасу на жестяной тарелочке, связку баранок, банку консервированного перца, три баночки хека, серебряный консервный нож с изумрудом в ручке, полпалки колбасного сыра и еще какие-то свертки, мисочки, чашечки, лохани, тарелки, доверху заполненные неизвестно чем. Проделал он это быстро, сноровисто, повторяя, как треснувшая пластинка: «В любой неурочный час готовы обслуживать вас». Кончив свой нелегкий труд, взобрался на пень, пробормотал: «Чтоб вы сдохли», — и скрылся в трещине. Пень с треском захлопнулся, по нему прошла судорога. Некоторое время он бешено скреб землю обрубками корней, потом затих.

— Ну, вот и ладненько, — пропел Газировщик. — Присаживайтесь... Устали?

Крокен грохнулся возле скатерти и вольготно вытянул ноги. Схватил бутерброд и, откусив, пробормотал: «С кракенской колбасой...» Мгновенно его прикончив, потянулся к следующему.

Аристарх сел степенно, сначала сняв с головы шляпу и пригладив длинные седые волосы. Он вытащил из сапога деревянную ложку и осторожно зачерпнул что-то желеобразное из ближайшей мисочки.

— Что, брат, это тебе не электричество? — спросил Газировщик.

— Электричество — электричеством, а настоящая еда — сила, — пробормотал Аристарх, не спеша пережевывая желе, оказавшееся довольно вкусным. Из чего оно сделано, он так и не смог распробовать,

а спросить не рискнул. Кто его знает, может, из каких-нибудь дохлых жуков!

Из-за деревьев показался Леший. Гусеница ростом с лошадь катила за ним тележку на резиновом ходу, заполненную грушевидными предметами. Очевидно, это и были моркусы.

Уложив их на середину скатерти, Леший отпустил гусеницу, и та радостно пошлепала прочь, таща за собой тележку, которая почти тотчас наскочила на пень и перевернулась. Досадливо махнув лапкой, гусеница пнула тележку и исчезла за деревьями.

— Ну что же, — сказал Газировщик. — Теперь все готово. Будем есть и пить, также вспоминать и оплакивать нашу злосчастную судьбу, которая...

— Не иронизируй, — оборвал его Леший, опускаясь на колени, с вожделением разглядывая миску с колбасой.

— А это что? — спросил Крокен, взяв в руки один из моркусов и внимательно его рассматривая.

— Ого! Это штука! — Леший отломил у моркуса верхушку и припал к нему ртом.

Аристарх некоторое время смотрел, как он пьет, а потом отломил верхушку у своего моркуса. Жидкость показалась ему холодной, но через мгновение он понял, что это почти кипяток, и стал пить осторожнее, смакуя каждый глоток. И вдруг ему стало хорошо.

Нет, это совсем не походило на опьянение. Просто у Аристарха странным образом изменилось зрение. Он видел, как левая рука Крокена, та самая, на которой ноготь большого пальца был сломан, тянется к упавшему моркусу, из которого вытекает молочного цвета жидкость.

Одновременно он видел, что Леший и Газировщик, обнявшись, поют старинную песню:

На краю большой Галактики
жил простой единорог,
знал законы космонавтики
и любил мясной пирог.
И, рассеянно гуляя
по планете вновь и вновь,
жил легко, не ожидая
птицу редкую — любовь...

Причем по правой штанине великолепных джинсов Лешего стекал моркусный сок, а передняя дверца Газировщика была распах-

нута, и можно было увидеть, что в бак для сиропа ныряют махонькие зеленые человечки.

Кроме того, Аристарх видел, как по небу нескончаемой вереницей плывут серебристые облака. На одном примостился небольшой космолет, из крайней дюзы которого торчали сиреневые ноги, в количестве трех штук. Очевидно, пилот был занят ремонтом. А может, и спал.

Еще он видел, как возле ручья из осоки выглянула крокодилья морда, сказала «ку-ку» и тотчас спряталась.

А потом огромные стены окружающего мира обрушились. Свет погас и снова загорелся. И это был нормальный мир.

Газировщик оборвал песню и мечтательно сказал:

— Да, а ведь раньше все было по-другому... Моркусы — хорошая вещь, но было еще что-то, уже и не вспомнишь...

Крокен встрепенулся:

— Раньше? А что было по-другому?

— Не обращай внимания, мой мальчик, — сказал Газировщик. — Раньше все было по-другому, но ты этого не видел. Ты родился уже в этом мире. Может быть, это здорово — ничего не помнить. Ведь самое страшное в воспоминаниях — это то, чего никогда не помнишь целиком. И никогда не уверен — правильно ли помнишь... Потому что остальные помнят совсем по-другому. И все эти воспоминания — словно ощупывание слона в тумане. Есть такой классический пример. Откуда, не помню, но есть. Так вот, я держу хобот, а он — ногу, а третий — хвост. И мы не можем угадать, что это такое? Одно это животное или несколько? Вот в чем трудности... Спроси у Аристарха, он знает. Но не скажет. Так что можешь не спрашивать...

Леший с хрустом прожевал капустный лист и, утвердительно кивнув головой, сказал:

— А ты плюнь... Есть такие вещи, которые знать не следует — легче дышится... И будущее не такое страшное.

— Но-но, — возмутился Аристарх. — Давай о другом. Вы мне мальчонку испортите. А ведь нам идти.

— Да, идти, — мечтательно сказал Газировщик. — И я бы пошел с вами хоть к чертовой матери. Искал бы эту бетонную крышку, цветок черного мака, а может, и беспочерковоронную куратаму!

— Я ничего... Однако это обидно, — заявил Крокен, пытаясь встать, но копыта у него разъезжались.

Аристарху стало страшно.

Что они делают? Что они делают? Нет, точно, парня надо спасать.

— Газировщик, тебе привет от Дракоши, — сообщил Аристарх.

— Да? — удивился Газировщик. — Так она еще жива? Ну и как себя чувствует?

— Превосходно. Только радикулит донимает. Да клык мудрости сломала. А так — отлично. Вот какого молодца вырастила. — Аристарх показал на Крокена.

Тот снова попытался встать, но ничего не вышло. Тогда он наклонил голову и, выпрямившись, стукнул себя кулаком в грудь, так что она загудела.

Газировщик вспоминал:

— Да, брат, сильна Дракоша. Эх, как вспомнишь ранешние времена... Жизнь-жестянка... Как мы с ней гуляли... Эх, как же он назывался?.. А!.. По Бродвею!.. Тогда это называлось: «Прошвырнуться по Бродвею». Только что это — убей не знаю.

Леший даже жевать перестал. Его хлебом не корми, дай вспомнить старое, хоть и помнил он с гулькин нос, а туда же...

— Да, — говорит, — раньше еще кино было. Тоже — штука. Там, помню, жизнь показывали. И эту... любовь. Такие все красивые — спасу нет. Особенно женщины... Они ведь, женщины, и влюблялись. То в одного, то в другого. А первый, ясное дело, мучается. И как надоест — возьмет пистолет и хлоп соперника. А то и ее, и соперника. А если кино уж совсем интересное, то в конце и себя. Ну, это уже в конце. Да и не каждый, ясное дело — жить-то хочется.

У Крокена аж рот раскрылся. Он слушал и боялся дохнуть.

И только Аристарх сидел злой, как два птеродактиля, и клял себя.

Ну и дурак. Ведь знал же, чем это кончится. Нет же, понесло. Старых друзей решил проведать. Вот — проведал. Доволен? Ведь они сейчас все и разболтают... А уж поздно, ничего не изменишь. И бросать Крокена нельзя, Дракоше слово дал. И придется его тащить за собой всю дорогу. И что это будет за дорога? Страшно даже представить. Вопросами замучает. Куда не надо соваться будет. И нарвется... А как тогда Дракоше в глаза смотреть? Вот в чем штука.

Ну ладно. Сам виноват, сам и будешь расхлебывать. Эх, если бы один Леший, я бы его отвлек от этого разговора... А там — спать до самого утра. А потом быстренько-быстренько собрались и — ходу. Вот бы и обошлось...

Но ведь еще Газировщик. Так что можно не рыпаться. Газировщика вокруг пальца не обведешь. Да и помнит ничуть не меньше меня, а может, и больше. Да только поди узнай, молчит — слова не выдавишь. А иногда как скажет — хоть стой, хоть падай.

Аристарх подумал, что пропадать — так с музыкой, хлебнул еще моркусного сока и зажевал колбасой. Вопрос Крокена прозвучал громко, и видно было, что парня зацепило и теперь он не отстанет:

— А как раньше-то было? И почему все стало таким, как сейчас?

И тут Аристарх окончательно уверился, что все пропало. Да и прах с ним! Будь что будет!

Он стал ждать, что ответят Леший и Газировщик, которые молчали совсем недолго, но этого хватило, чтобы Аристарха охватила звериная тоска по статичному миру. Потому что нестатичный мир был обильным и интересным, вроде бы привычным, но все же бесконечно чужим, что ни придумывай, как ни храбрись. Он понял, что Лешему и Газировщику тоже плохо, а может, и хуже. И только Крокен весь подался вперед, и глаза его светились любопытством, а руки чисто машинально крошили булку. От напряжения он вспотел и облизывал губы раздвоенным языком.

Не так он был и глуп, этот Крокен. Он понимал, что имеет единственную возможность узнать все. И упустить ее было невозможно.

Газировщик закашлялся. Внутри у него зажглась и погасла какая-то лампочка, словно бы он подмигнул.

— Видишь ли... — начал Газировщик, и голос его был задушевным, простым. Так обычно начинают долгий разговор.

Аристарх даже обрадовался. Рассказывать — так все.

— Видишь ли... Когда-то весь окружающий мир был другим... Это был удивительно статичный мир, где полено оставалось поленом и не имело возможности неожиданно превратиться в телевизор. Так же и разумные... Насколько я помню, они не умели делать то, что умеем мы, но обладали таким могуществом, что нам и не снилось. А потом произошло нечто, и этот мир превратился в наш... Понятно?

Крокен быстро кивнул и спросил:

— А мыслящие?

— Они изменились и живут теперь в нашем мире.

— Где? Их можно увидеть?

— Можно. Посмотри вокруг. Мы трое и есть бывшие мыслящие. В том мире мы были абсолютно одинаковые и назывались очень странно. Как — точно установить не удалось. Но что-то похожее на «лутти» и «щеловеки». Самое страшное то, что, изменившись, мы утратили нашу память. Остались только противоречивые

обрывки воспоминаний и снов. Поэтому облик статичного мира восстановить необычайно трудно.

— А что с ним случилось?

— Невозможно сказать. Есть множество гипотез, но все они имеют недостатки... Могу их тебе перечислить, кто знает, вдруг сумеешь узнать, какая правильная... Так слушай...

— Да брось-ка ты, — вдруг ожил Леший и проворно взял один из моркусов. — Затянул... Давай, брат, лучше. Да, были раньше веселые деньки. А сейчас еще лучше.

Он свернул голову у моркуса и сунул его Крокену в руку. Действуя как автомат, открутил головку у следующего, высоко его поднял и сказал:

— Прошлое?! Будь оно неладно...

И все остальные тоже стали пить моркусный сок. А потом Леший поймал Крокена за гриву и, пригнув его голову к себе, стал рассказывать, как ходил в черный замок. И, конечно, безбожно врал.

— Представляешь — захожу. А там, вот провалиться, тридцатиметровые потолки... А у хозяйки нос добрых два метра. Берет она этим носом ножи и начинает точить...

И тут же бубнил Газировщик:

— А теперь представим, что в данное уравнение мы подставили минус единицу. Всего-навсего. Но конечный результат будет иметь не одно решение, а бесконечное множество. Вот так и наш мир имеет множество решений...

Из приоткрытой дверцы Газировщика нескончаемым потоком тянулись маленькие лягушата. Зеленая лента двигалась по земле и исчезала в ручье.

— А если допустить, что кто-то изобрел что-то, под названием «бомба»... Что это такое, я тебе потом скажу. Но, поверь, это самое страшное на свете. И эта штука где-то падает и взрывается. Она и есть минус единица. Когда ее подставили в уравнение жизни, мир стал иметь бесконечное множество решений. Вот так...

— Все это странно, — сказал Аристарх, пытаясь согнать с плеча грустную летучую мышь, которая никак не хотела улетать, а все чесала и чесала когтистой лапкой его длинные волосы. Ненадолго ему тоже стало грустно, но потом он разозлился и, воткнув в землю два пальца, объявил, что ртом питаться безнравственно. А боженька все видит и накажет всех.

Но Крокен крикнул, что еще в прошлом году выбил этому типу все зубы, так что он сидит на своем небе и не рыпается.

И тогда Леший спросил: «Продеформируем?» Аристарх испугался, но почему-то согласился. А Крокен молча кивнул.

Леший вытащил из кармана черную коробочку и швырнул ее на скатерть. Разбив две чашки, она остановилась и оглушительно взорвалась.

Это было странно, необыкновенно странно. Время и пространство сливались в единое целое. Когда же это случилось, стало возможным измерять пройденный путь в секундах и минутах, а время — в метрах и километрах. И это было печально, невообразимо печально. Хотелось плакать, но он держался, вспомнив, что совсем еще недавно жил в невероятно статичном мире.

Время сделалось видимым и ощутимым, сливаясь в полосы и закручиваясь в петли. Чисто случайно одна из них схватила Аристарха за шею и потянула за собой в сырую и темную бездну, наполненную горестными вздохами и слезной капелью, где по углам спряталось отчаяние и клубился туман печали.

Безгранично скорбя, он упал на дно, ощущая, как туман и слезы разъедают глаза. Он взмахнул руками. Наверное, это было воспринято как знак. Неизвестно откуда грянул хор опечаленных голосов. Туман рассеялся...

Вокруг расстилались унылые пески, и лишь на горизонте виднелись горы. Аристарх пошел к ним, с каждым шагом пение становилось все тише и тише. Но легче от этого не было. Хотелось покончить с собой. Веревку можно скрутить из одежды, но где взять дерево?

Однако природа предусмотрела все. В пяти километрах пополудни, отмахав около шести—восьми часов, он упал от солнечного удара и километра через полтора умер.

Солнце высушило его труп и обнажило кости. А когда все рассыпалось в прах и остался лишь один белый череп, ближайший камень сказал ему голосом Газировщика:

— Стоит представить, что основная часть каждого человека находится в четвертом измерении... И вот, в силу каких-то причин, положение четырехмерного человека изменилось. Для обитателей трехмерного мира человек исчез и возникло что-то другое: Кентавр, Леший или Газировщик... Естественно, и сам человек стал воспринимать окружающий мир по-другому...

Чем не объяснение? Вполне правдоподобно. И попробуй опровергни!

Безжизненное солнце покрылось голубыми пятнами и сказало голосом Лешего:

— Да наплюй ты на эти объяснения. Дерни-ка лучше еще один моркус.

И ему вторил раскаленный ветер, едва слышно прошептав голосом Крокена:

— Как интересно. Но почему никто раньше мне об этом не рассказывал? Почему, Аристарх?

Аристарх хотел ответить, но только скалил зубы.

Ветер пригнал тучу, и она пролилась дождем, и пустыня зазеленела. Все тянулось вверх, распускалось и цвело. Оставаться в стороне от этого было неудобно. Аристарх пророс.

Тоненький стебелек быстро вырос в огромное дерево. Почувствовав свою силу, Аристарх выдрал корни из почвы и отправился гулять. Сколько можно стоять столбом? Так недолго и забыть, для чего ты предназначен.

Утром он шел на восток, к обеду на север, после обеда на запад и к вечеру на юг. И так — день за днем.

Весело перепрыгивая через ручьи, распугивая сновавших под прозрачной пленкой воды ихтиозавров и плезиозавров, он штурмовал горные вершины и, радостно напевая приветственные гимны, прыгал в пропасти, плавно опускаясь в горные реки, принимавшие его в свои холодные объятия. Вероятно, им хотелось, чтобы он остался, но Аристарх решительно карабкался по отвесным стенам и снова пускался в путь. На восток! На север! На запад! На юг!

Вскоре он уже шел по узкой тропинке, которая постепенно превратилась в дорогу. Самое приятное было в том, что она предугадывала каждый его шаг, поспешно сворачивая в нужную ему сторону.

И тогда он понял нехитрую истину: «Главное — идти». И шел, хорошо понимая, что, лишь достигнув цели, сможет понять, чем она является.

До цели оставалось совсем немного (все признаки говорили об этом), когда дорогу ему загородил хитроватый мужичок и после небольшого разговора срубил Аристарха под корень. Потом отделил лишние ветки, распилил ствол и поколол его на дрова. Ветки использовал на колья для виноградных лоз, дровами стал топить печь, а листья и мелкие веточки остались на земле — гнить. Дрова сгорели и превратились в дым и золу. Колья поддерживали виноградную лозу. Листья и веточки стали перегноем, который был удобрен золой. Дым унес ветер. Виноград созрел. Мужичок его собрал и превратил в вино. А перегной был вспахан и засеян пшеницей.

Ветер летал по свету, вино бродило в бочке, пшеница созрела. Ее собрали и смололи в муку.

Однажды мужичок испек из муки хлеб, откупорил бочку, налил вино в стакан и сел на скамеечку перед домом. Он сделал вдох, и та часть Аристарха, которую носил ветер, попала в его легкие и осела там. Потом он откусил хлеб, и другая часть Аристарха вошла в его желудок. Потом он выпил вино и приобрел последнюю часть Аристарха.

Так он и сидел на лавочке, дышал, пил вино, ел хлеб и постепенно становился Аристархом. Пока не почувствовал, что он и есть Аристарх...

Аристарх открыл глаза и увидел краба, который собирал в кучу грязную посуду. Неподалеку лежал Крокен, неловко разбросав копыта, громко всхрапывая и пуская сонную слюну. Вдруг он проснулся, застонал и, схватив краба, засунул его себе под голову и затих. Краб что-то яростно шипел, таращил глаза, но двинуться с места не мог и в скором времени успокоился.

Ноги Лешего торчали из ближайших кустов. Газировщик стоял прямой и строгий, полыхая в лучах заходящего солнца всеми хромированными частями. И только приоткрытая дверца размеренно колыхалась.

— Ну, вот и все, — сказал Аристарх, проваливаясь в сон...

Стена тумана. Она колыхалась, словно пытаясь нарушить границы своих владений. Иногда туман прореживался метра на два, и тогда можно было угадать там, в его глубинах, какое-то смутное движение. И, кроме того, из тумана слышались звуки: щелканье, скрип, протяжные стоны, заунывный вой.

— Что, мы туда пойдем? — спросил Крокен.

Аристарх кивнул.

— А вдруг там что-нибудь страшное?

Аристарх пожал плечами.

Леший, который сидел рядом, неопределенно хмыкнул и, сорвав травинку, стал разрывать ее на части.

— То, что сказал Газировщик, — правда? — спросил Крокен Лешего.

— Это ты про что?

— Ну, про наше прошлое.

— А-а-а... Про прошлое... Понимаешь, это его версия. Что именно тогда случилось — неизвестно. Каждый строит догадки на основе того, что знает. Мне, например, кажется, что ничего этого не было. Просто лет пятнадцать назад в атмосферу из космического пространства попали какие-то вещества, которые вызвали изменения в нашей психике. Говоря проще, тот мир, о котором вы так много говорите, не существовал никогда. А воспоминания, с кото-

рыми вы так носитесь, продукт массового гипноза или галлюцинации... Именно так...

— Ну, ты хватил... — сказал Аристарх, поправляя лямки вещевого мешка.

— Не обязательно. Подумай, ведь никто не может вспомнить точных подробностей статичного мира. Каждый представляет его по-своему. Где же статичность? Разве это не доказательство?

Аристарх что-то буркнул, нашел гриб-грозовик, сунул два пальца в его мякоть. В воздухе запахло озоном.

Со стороны ручья послышались клекот и крики. Над деревьями взметнулись и опали огромные кожистые крылья. Потом дробным грохотом рассыпалась пулеметная очередь. Леший вскочил и рывком подтянул джинсы.

— Я побежал. Счастливого пути! — крикнул он, исчезая за деревьями.

— Может, поможем? — предложил Крокен.

— Нет, сами справятся. — Аристарх с треском выдернул пальцы из грозовика и вытер их о штаны.

Они помолчали. На секунду из тумана выплыла крокодилья морда, ехидно улыбнулась и сгинула.

— А что там, за туманом? — спросил Крокен.

— За туманом? — Аристарх почесал бороду. — О, там точно такая же долина, и в ней живет трехголовый грифон с семейством. Боюсь, что оно еще увеличилось... Они постоянно ссорятся. К сожалению, кому-то нужно их мирить. А кому, как не нам. Придется попотеть.

— А дальше?

— Дальше? Дальше идет полоса снежной пурги. Будет зверски холодно, но она неширокая. За ней долина, где живет шестимерный паук. То есть вроде бы их много — сотни. Но на самом деле он один! Представляешь, что будет, если у одного заболит лапка? Все остальные завоют от боли. Кошмар. Так что там будет еще хуже.

А потом идет полоса болот и новая долина, где живет еще кто-то, кому мы нужны. И еще долина, и еще. И везде мы нужны. Так что научишься всему. А как ты думал? Назвался груздем — полезай в кузов.

Крокен вздохнул и стал осматривать свои копыта. На одном вылетела пара гвоздей, но подкова еще держалась. Осторожно ощупывая гвоздь, он спросил:

— А как ты думаешь, что случилось в самом деле со старым миром?

Аристарх вздохнул и подумал, что теперь уже можно рассказать действительно все.

— Понимаешь, я не думаю, я знаю... Это был эксперимент. Была построена установка, с помощью которой определенные люди пытались получить нужный, в научных целях, эффект. Но что-то у них не сладилось, и вместо ожидаемого эффекта возник совершенно иной. В результате наш мир стал мнимой величиной. Но только не для нас, его обитателей.

— И ничего нельзя сделать! — Крокен напряженно смотрел на Аристарха. Наверное, он ждал, что Аристарх произнесет заклинание и мир изменится.

— Можно... — Аристарх лег на траву и стал смотреть в небо. — Можно, но для этого надо было найти лабораторию и выключить рубильник. И тогда все станет как прежде.

— А сама она выключиться не может?

— Нет, автономное питание.

— Ну так пойдем и выключим...

— Думаешь, просто? Ее сначала надо найти. А попробуй? Может быть, сейчас сидим на ее крыше и даже не подозреваем об этом. Ты думаешь, чем я занимался последние десять лет? Именно поисками. Пока безрезультатно. Но у меня есть кое-какие идеи...

— Как хорошо, что я пошел с тобой, — задумчиво сказал Крокен. — Так много узнаю! Погоди, а откуда узнал это ты?

— У меня память сохранилась лучше, чем у других. Я помню очень много. А кроме того, десять лет назад я встретил одного из тех умников, которые проводили опыт. Он сказал, что в момент возникновения эффекта они испытали нестерпимый ужас и бежали из лаборатории. А наверху — кто сразу сошел с ума, кто умер. Только он остался нормальным, хотя и не может найти вход в лабораторию. Он мне рассказал все. Отключить я сумею.

— И где он теперь?

— Видишь ли, когда я его встретил, он имел облик эдакого слона с собачьей головой, и, кроме того, его неотвратимо влекло к морю. Туда он и ушел, да и сгинул.

Крокен закрыл глаза и спросил:

— А почему ты не расскажешь все это остальным?

— Они не поверят. У них свои идеи.

Неожиданно Крокен сел.

— Аристарх, а ты помнишь, как они выглядели в статичном мире?

— Помню, — сказал Аристарх и тоже сел. — Леший был ученым-физиком. Что-то там невероятно сложное, понятное только

узким специалистам. Звали его Нломаль. А Газировщик был простым дворником в том институте, где работал Нломаль.

— А моя мама, Дракоша?

— Ну что же, — Аристарх прищурился, — это была стройная черноволосая девушка. Мы жили с ней на одной площадке и каждое утро здоровались.

Остановиться он уже не мог, выкладывал все, что знал, зорко наблюдая за тем, как Крокен реагирует на его слова. Он понимал, что для кентавра это будет жестоким ударом, но решил рассказать все.

— А что такое институт, площадка, девушка?

— Узнаешь когда-нибудь потом. Долго объяснять. А нам пора в путь.

— Хорошо. Тогда скажи мне, кто мой отец? Я про него ничего не слышал, но ведь где-то он должен быть?

— Должен, обязательно должен. Мы его скоро увидим. Это шестимерный паук, про которого я только что рассказывал.

— Правда?

— Да.

Крокен словно выключился, ушел в себя. Еще бы, после такого сообщения. Он обхватил ладонями колени, замер и думал, думал, думал...

А Аристарх думал о том, что у него появился помощник и можно вести более интенсивный поиск.

Он поглядел, как колышется, сплетается в огромные ватные комки туман, и неожиданно понял, что боится продолжать эти поиски.

Он понял, что даже если и найдет лабораторию, выключит рубильник и все пойдет по-старому, рано или поздно кто-нибудь повторит эксперимент. Он понял, что возврат к статичному миру принесет с собой загрязнение окружающей среды, истребление фауны и флоры, перенаселение и так далее. И когда-нибудь очередной верховный маньяк нажмет кнопку и с неба начнут падать ракеты, что станет окончательным, бесповоротным концом...

Если рубильник не выключить, все останется по-старому. Но не деградируем ли мы в этом мире? Ведь разум — продукт статичного мира. Здесь же можно обойтись и без него.

А как же те, кто страдает от своего облика и мечтает вернуться в человеческий? Есть еще и новое поколение, которое появилось уже в этом мире. Он для них родной...

То, во что Аристарх верил все эти пятнадцать лет, вдруг покачнулось и утратило четкие очертания. Впервые он усомнился. А пра-

вильно ли я поступаю? И имею ли я право единолично решать судьбу этого мира? И что мне теперь делать? Как вернуть уверенность в своей правоте? И в чем она?

Было ясно, что только сейчас и никогда больше он должен раз и навсегда решить для себя этот вопрос. Именно сейчас.

Когда он найдет лабораторию (а рано или поздно он ее найдет), решить все это беспристрастно будет уже невозможно. Появится грузовик, который выведет чашу весов из равновесия. И грузовиком этим будет вполне нормальный рубильник, который можно выключить.

Крики и выстрелы стихли. По небу плыли серебристые, в желтую полоску облака.

— Ну что, идем? — спросил Крокен.

— Идем, — ответил Аристарх, но с места не сдвинулся. Сидел, рассеянно ковырял землю пальцем и поглядывал на туман. Прежде чем идти, надо было додумать. Додумать и решить.

ДОРОГА МИРОВ

Через неделю, когда стаял снег и мало-мальски прогрелась земля, все, что могло, пошло в рост.

Свалка проснулась. Там и тут лопались пластиковые квадраты, разваливались кучи пустых молочных пакетов. Между ними появлялись нежнейшие ростки и тонюсенькие веточки, их с удовольствием поедали утильмены, проснувшиеся раньше всех и жадно бросавшиеся на все хоть чуть-чуть съедобное.

Лунными ночами из леса приходили волки-оборотни. Когда до свалки оставалось метров сто, они останавливались, сбившись в тесную кучку, долго внюхивались в бесконечное разнообразие запахов, а потом начинали выть. Услышав их вой, Мирон вздыхал, доставал из погреба заранее припасенный мешок мясных отходов и, взвалив на плечо, уходил к лесу. Оборотни съедали все без остатка и убегали, а Мирон аккуратно сворачивал мешок и шел домой — спать.

Потом незаметно наступило лето. Потом и за середину перевалило. Поспели яблоки, и именно с них-то и начались неприятности.

Однажды ночью один из утильменов залез к Мирону в сад в надежде полакомиться яблоками, но напоролся на Хрюндика, который отвесил ему такого тумака, что незадачливый воришка перелетел через забор и, проломив стенку старинного фанерного автобуса, влетел в его нутро.

Наутро Мирон сходил к вожаку утильменов Трехглазу, поговорил с ним, а также подарил потерпевшему три расколотые японские вазы, бампер от «форда» и полмешка отходов с кондитерской фабрики. После этого избитый радостно признал, что он не в обиде.

Следующей ночью в сад приползло уже пять утильменов. Мирон проснулся и долго слушал, как они шастают по саду и подначивают Хрюндика, чтобы он кого-нибудь из них ударил. Мирон подумал, что таким образом можно и разориться, вышел в сад и, взяв шест, стал сбивать яблоки. Вечером следующего дня он отнес в кладовую последний мешок, от которого тянуло яблочным духом, и запер дверь. Потом посмотрел, как утильмены уходят на свалку, и пошел спать.

Утром один из «камаров» привез на свалку груз картонной тары. Когда он уехал, куча коробок рассыпалась, и из нее выбрался безухий домовой. Он сейчас же отправился на промысел и залез на территорию Трехглаза, что послужило причиной самой грандиозной за всю историю свалки драки между утильменами. Когда страсти поутихли, домовому пришлось бы, конечно, солоно, но к этому времени он уже жил у Мирона.

Поначалу они относились друг к другу несколько настороженно, но постепенно все вошло в норму. Вообще-то домовой был очень застенчив и попадался на глаза редко, но иногда ясными летними ночами они с Мироном сидели на крыльце до зари и домовой подробно и увлекательно рассказывал про свою жизнь, про город, про хозяина квартиры, где он жил, про то, что хозяин умел делать слова и однажды даже выиграл приз «красивой жизни», и еще...

А забот становилось все больше. Как назло, на свалке завелась ржавая плесень. Ну прямо какое-то наказание. Куда ни посмотришь, абсолютно везде так и кишели прыткие рыжие пятна. На второй день Мирона осенило, и он приспособился ловить их сачком для бабочек. Дело пошло на лад. Но даже несмотря на это, недели две он приходил домой поздно ночью чуть живой от усталости. Домовой и Хрюндик молча раздевали, кормили и укладывали спать. А утром он наскоро умывался и, схватив сачок, убегал на свалку.

В день, когда с плесенью было покончено, Мирон пришел домой раньше обычного и с наслаждением отоспался. А рано утром, выйдя во двор, подобрал с земли желтый лист и, повертев его в руке, понял, что лето кончилось.

Но пока еще было тепло. Только ночи стали звездными-звездными, прозрачными до нереальности. И если лечь на землю и поглядеть вверх, в черное с жемчужными крапинками небо, и смотреть в него долго и внимательно, то можно было дождаться того момента, когда вдруг почувствуешь, что летишь к этой черноте... ближе... ближе... еще ближе.

А днем нежаркие солнечные лучи неторопливо и со знанием дела одевали леса и поля в красное и оранжевое. Пролетавшие журавли предвещали грядущие морозы, и даже время, казалось, текло лениво и задумчиво.

Именно в один из таких дней Мирон поссорился со степным ветром.

Причиной послужила разбитая чашка. Но за степным ветром уже числилась чертова уйма уничтоженной посуды, а капля — камень точит. Разглядывая разноцветные черепки, Мирон не сдержался и сказал ветру, что это свинство. Он думает, так легко найти хорошую чашку или тарелку? Как же! Поди поищи! А эта так и вовсе была из дорогого сервиза.

Ветер, понятное дело, обиделся и улетел, забрав с собой запах травы и цветов. Сейчас же потянуло свалкой, и от этого настроение у Мирона испортилось еще больше. Мысль, что сегодня первая ночь дороги миров, уже не радовала.

Он надел старенькие джинсы, клетчатую рубашку, пригладил длинные седые волосы и вышел во двор.

Смеркалось. Хрюндик заготавливал дрова. Еще вчера он натаскал разбитых табуретов, шкафов, диванов и теперь азартно рубил все это на куски. Увидев Мирона, он опустил топор на землю и, обнажив в усмешке желтые клыки, спросил:

— Надолго? Может, проводить?

— Да нет, не надо, — сказал Мирон и пошел к калитке в глухом двухметровом заборе.

Свалка начиналась метрах в двадцати. Там громоздились кучи мусора, из которых торчали покореженные автомобили, мотки ржавой колючей проволоки и разломанная мебель. Во многих местах все это было залито чем-то трудноопределимым, гниющим, похожим на белые, дурно пахнущие сопли.

«А ведь когда-то здесь был обыкновенный лес», — подумал Мирон. По крыше его избушки скакали белки. Туманными рассветами, бывало, приходили лоси, но, почувствовав запах человека, возвращались обратно в лес, бесшумно переставляя длинные ноги и настороженно оглядываясь.

А потом город оказался рядом. В лесу поселились шум транспорта, ауканье грибников и грохот ружейных выстрелов, дым костра и пьяный смех. И ничего нельзя было поделать. Да и уйти он никак не мог. Потому что должность у него такая — охранять дорогу миров.

Мирону оставалось только надеяться на лучшее, на какую-нибудь счастливую случайность.

Но лучше не становилось. Город надвигался, и настал день, когда неподалеку от избушки Мирона появилась первая дурно пахнущая куча. Он долго стоял возле нее, с ужасом глядя на мерзость, которая растекалась по траве, отравляя окружающий воздух тошнотворными запахами, и в ярости сжимал кулаки, так что хрустели костяшки пальцев.

Однако и тут ничего сделать было нельзя. Мусорные кучи росли, и Мирон как-то незаметно стал для всех окружающих смотрителем одной из городских свалок.

Как известно, человек привыкает ко всему. И он постепенно привык к противному запаху, научился управляться с водителями «камаров», которые норовили вывалить свой груз куда попало, лишь бы от него поскорее избавиться.

В конце концов жизнь более или менее вошла в колею. Но тут на свалке поселились алканавты.

Целыми днями они собирали стеклотару, а «гонцы» доставляли ее в город. Возвращались они обычно под вечер, и тогда свалка гуляла, шумела, дралась, горланила песни, да так яростно и громко, что обрушивались самые высокие мусорные небоскребы. Только полная темнота прекращала шабаш, но на следующий день все начиналось сначала.

Мирон пробовал с алканавтами бороться. Уговаривал, угрожал, применял физическую силу, вызывал стражников, которые прочесывали свалку и уходили, утаскивая десятка два самых неосторожных или пьяных настолько, что ни уха ни рыла не вязали. Алканавты быстро сообразили, кто вызывает стражников, и началась настоящая война. Дважды кто-то высаживал стекла в избушке Мирона, раза три его самого били до потери сознания, потом стали обворовывать, а как-то даже попробовали поджечь избушку.

Наверное, алканавты бы победили, но тут на свалку пришли утильмены. Они появились ночью. Бесшумно обследовали все, выбирая уголки поуютнее, а на следующее утро алканавты исчезли. Они ушли, потому что боялись утильменов, как черт ладана.

Поначалу Мирон утильменов тоже побаивался. Да и то сказать, в первый раз их увидев — со страху помереть можно. Но потом понял, что ребята они смирные и хулиганить не любят. Днем лежат неподвижно, закопавшись в мусор, а на промысел выходят ночью.

Соседями они оказались хорошими. А один даже привязался к Мирону и стал жить у него, получив прозвище Хрюндик, которым чрезвычайно гордился.

Поначалу Мирону было стыдно, что рядом с дорогой миров расположена свалка. Но ничего не поделаешь. Да и откуда бы те, кто проходил по дороге миров, могли узнать, что это именно свалка? В других мирах бывают ландшафты и попричудливее.

Мирон шел вдоль забора, который опоясывал сад и огород, искоса на него поглядывал и думал, что надо бы в ближайшее время его обновить: некоторые доски совсем сгнили. Он остановился и потрогал одну, которая выглядела самой ненадежной. Вздохнул и пошел дальше.

Слева — забор, справа — свалка.

Почти под каждой кучей лежит утильмен: в глубине, где тепло, куда не проникает солнце, можно спокойно спать, переваривая все, что проглотил за ночь.

Под разломанным пианино скрывается Трехглаз. Он очень начитанный. Ни одной книжки из тех, что попадает на свалку, не пропускает. С ним интересно бывает поговорить. Но только не сейчас.

К дому Мирон вернулся лишь тогда, когда взошла похожая на большую голову сыра луна. Хрюндик сидел на крыльце, обхватив мохнатые кривые ноги длинными лапами. Возле него стоял домовой и держал копье с отполированным древком и широким, острым наконечником.

Мирон прошел в дом и, зачерпнув из кадки воды, напился. Открыв старый шкаф, вытащил кольчугу и натянул на себя. Потом прицепил к широкому поясу меч. Напяливая островерхий шлем, взглянул в зеркало.

Хорош!

Он вышел на крыльцо, внимательно посмотрев на Хрюндика, который встал по стойке «смирно», и сказал:

— Так, значит, говоришь, готов? Вижу, вижу... Пойдем?

Хрюндик энергично кивнул и, отобрав у домового копье, побежал за Мироном.

Некоторое время они шли молча, потом Хрюндик спросил:

— А точно — сегодня?

— Точно. Только ты не суетись... Тех, кто спокоен, уважают больше. А мы ведь целую планету представляем. На нас сотни миров смотрят!

Они прошли еще немного и наконец оказались на краю небольшой, метров двадцати в диаметре, полянки, посредине которой стоял полосатый шлагбаум. Мирон подошел к нему, опустил руки на крашеное дерево и стал ждать. Рядом пристроился Хрюндик.

А луна светила все ярче, неправдоподобно большая на фоне черного неба.

Мирон прислушался. Ночные птицы больше не кричали, перестали стрекотать кузнечики, да и на свалке воцарилась абсолютная тишина.

Что-то произошло. Окружающий мир изменился, сделавшись непривычным и пугающим. Раздался резкий, пронзительный звук. От луны протянулся тоненький лучик, который, быстро ощупав листву деревьев, фигуру Мирона и Хрюндика, метнулся из стороны в сторону и вдруг остановился. Потом свернулся в спираль, которая превратилась в диск, а тот постепенно стал овальным, метров пяти в ширину окном; его-то как раз и перегораживал шлагбаум. Видно было, что там, за окном, среди жемчужного марева, пролегает серебристая, уходящая обоими концами вдаль лента — дорога миров.

И если высунуться и посмотреть, можно увидеть, что по обеим сторонам этой дороги расположено бесконечное множество таких окон. Но выглядывать было некогда, потому что у шлагбаума уже остановились первые пешеходы.

Мирон приосанился, Хрюндик взял копье «на караул».

Это очень трудно: быть стражем дороги миров. Тот, кто не обладает определенным чутьем, завалит дело в первые же полчаса. Надо уметь с одного взгляда определить, что собой представляет существо из другого мира. Опасно ли оно? Сможет ли оно существовать здесь? Принесет ли оно хоть какую-то пользу? Смогут ли обыкновенные люди воспринимать его внешность? И еще... и еще... Свихнуться можно!

Хрюндик преградил дорогу какому-то инопланетянину и сделал древком копья недвусмысленный знак. Еще бы, с такими-то клыками! Но как только клыкастый потопал дальше, очередь заволновалась. Задние митинговали и собирались в группировки, так как маленький, похожий на бурундука житель планеты Альтаир пустил слух, что пропустит всего лишь пятерых, не больше. Новая разнарядка пришла.

Передние урезонивали задних, задние обвиняли передних в том, что те стоят не на своем месте. Тут тощий, серый фита-меркурианец сел прямо на дорогу и стал делать магические пассы по направлению к очереди. Толпа успокоилась, притихла и моментально заснула. А фита-меркурианец, довольно похихикивая, направился к шлагбауму.

Нет, надо быть дураком, чтобы такого пропустить!

Получив отказ, колдун сморщился, глаза его злобно сверкнули. Он сейчас же плюхнулся опять на дорогу и угрожающе поднял руки. Увидев это, Мирон схватился за меч, а Хрюндик поднял копье.

Пришлось фита-меркурианцу убираться восвояси.

Очередь сейчас же проснулась, и все началось сначала, даже еще хуже.

Часа через два Мирон и Хрюндик переглянулись. Пора было отдохнуть, и Мирон уже раскрыл рот, чтобы объявить перерыв на обед, но именно в этот миг луну закрыли облака, и дорога миров стала исчезать на глазах.

— Ну, это надолго, — сказал Хрюндик. — Можно ложиться спать, работы не будет.

Мирон посмотрел на небо и кивнул.

Хрюндик увел небольшую группу допущенных на планету к выходу со свалки. Он им покажет дорогу в город.

Мирон же сел на траву, поглядел на то место, где минуту назад была дорога миров, и стал думать о том, что неплохо бы жениться. Чтобы дома были порядок, вкусный суп и чистое белье. В конце концов, наследник ему тоже нужен.

Рядом лежала груда каких-то невероятных предметов — плата с тех, кто пришел на планету. Мирон сгреб их в специально приготовленную сумку и отправился домой.

Открывая калитку, он подумал, что утром надо было бы съездить в город за покупками. Спички кончились, да и соль на исходе...

Выпятив нижнюю губу и посапывая, Сергей рассматривал криво висящий на стене натюрморт. Покончив с этим занятием, он решил, что, наверное, дом — живой. Рано или поздно дом проснется, почувствовав, что желудки — квартиры полны людьми, мебелью и домашними животными. И вот тогда, чтобы пойманная добыча не ускользнула, он сократит свои бетонные мышцы. Стены, тяжко ухнув, станут смыкаться, сплющивая все, что находится в квартирах, и впрыскивая желудочный сок. А через некоторое время желудки снова станут квартирами. Только в некоторых стены будут запачканы кровью, но это не важно: обои можно наклеить и новые.

Но когда это будет? Да и будет ли? Как лотерея: может, завтра, а может, никогда.

Сергей поставил на газ чайник, закурил сигарету и вышел на балкон.

Жил он на седьмом этаже и поэтому, перегнувшись через перила и посмотрев вниз, мог видеть многое. Например, как по тротуару, прямо под ним, проходят головы, головы... Головы, из-под которых равномерно появляются коротенькие черточки ног. Правда, чем дальше человек удалялся, тем длиннее становились черточки. На это смотреть было неинтересно. Тех, кто проходил под балконом, Сергей жалел. Неприятно, когда ноги превращаются в черточки. Да уж! Как бы их утешить? Что-нибудь подарить? Вазу?

Она была большая, в каких-то немыслимых драконах и цветочках. Сергей снял ее с полки и взвесил на ладони.

Так, килограмма три в ней есть.

Жаль, конечно, вещь-то полезная. Особенно если ее наполнить водой и использовать как гнет для соленых огурцов и капусты. Капусту и огурцы он, правда, не солил, но кто знает?..

Сергей снова перегнулся через перила и посмотрел вниз.

А ведь головы даже не подозревают, что для них приготовлен скромный, но очень практичный подарок.

Сергей размахнулся и стал зорко высматривать, кого осчастливить такой сверхполезной вещью.

Может быть, этого, в желтых штанах? А если он не любит керамики? Ну не любит — и все! Попробуй сверху определи, кто любит керамику, а кто нет?

Пришлось ему поставить вазу на место и закурить очередную сигарету. Сейчас же стало неимоверно скучно.

Можно, конечно, выйти на улицу, прогуляться. Или поехать, например, в кино. Но его просто пробирала дрожь при мысли о том, что придется ехать в переполненном автобусе. Его, конечно же, стиснут, а кто-то наступит на ногу. Нет, в кино не стоит...

А погулять? Пожалуй, тоже нет. Вдруг пройдешь случайно под чужим балконом? И станешь огромной головой с коротенькими ножками? Спасибо, что-то не хочется!

Он ушел в комнату и включил телевизор.

Диктор явно сошел с ума, так как, объявляя новости, попутно занимался какими-то странными делишками, которые были абсолютно не к лицу такому, как он, солидному, хорошо одетому мужчине. Сначала он вместе со стулом и микрофоном умудрился перекоситься куда-то в сторону, а к концу пошел волнистыми полосками и явственно загудел.

Чай заварился вкусным, пахучим, и приятно было сидеть за облезлым кухонным столом в одной майке и трико, не думать ни о чем особенном и уничтожать его чашку за чашкой.

Сергей блаженно вздохнул, вытер со лба пот — и тут же в его чашку упал кусок штукатурки.

— Так, — сказал он и посмотрел наверх.

Из стены, сантиметров на пять, высовывался гвоздь. Штукатурка вокруг него потрескалась.

— Так, — повторил Сергей и, взгромоздившись на табурет, потрогал острие гвоздя пальцем. — Ах, собака, колется!

Настроение было испорчено.

Он выплеснул недопитый чай в раковину и пошел к соседям — разбираться. Постоял возле двери, разглядывая звонок и сомневаясь: вдруг укусит? Очень подозрительный звонок, ну просто очень подозрительный звонок!

Нерешительно надавил кнопку.

Смотри-ка, ведь не укусил!

Послышались легкие шаги, дверь отворилась. На пороге стояла немолодая, но еще вполне привлекательная женщина.

Сергей поскреб в затылке и спросил:

— Это... а... какой размер обуви носите?

— Тридцать шестой, — удивленно сказала она.

— Это хорошо...

— Но почему?

— Почему? — удивился он. — Разве можно знать что-нибудь «почему»? Странно.

Он мягко отстранил ее и прошел в комнату.

— Хм, а вы славно живете. Нет, даже очень славно...

— Да уж как получается, — смутилась она.

— Нет, положительно славно, — сказал он и сел в кресло.

Она устроилась в другое и решительно спросила:

— А вы кто?

— Я сосед, за стенкой живу. Вы знаете... живем рядом, а так как-то все мимо проходит... вот, значит... и вообще все проходит... А ведь что-то надо, понимаете? Чтобы кто-то рядом... совсем близко, чтобы можно его коснуться и почувствовать. Впрочем, что это я?

— Нет, нет. — Она улыбнулась и провела ладонью по его щеке.

— Да, вот так, впрочем... Как вас зовут? Машенька? Машенька! Слушайте, так вот, я о том, что как-то рядышком — проще... Впрочем... А! Что говорить?

Она снова провела ладонью по его щеке, и нужда в словах отпала. Хотелось только сидеть, чувствуя тепло ее ладони, впав в сладкую истому.

Но оцепенение прошло. Он шевельнулся. Она убрала с его лица руку, выдернула другую из его ладони, и, наверное, в следующую секунду им стало бы неловко, но тут Сергей вспомнил:

— Я ведь вот по какому делу. Тут гвоздь ты в мою стенку вбила... Так вот — он прошел насквозь и бить его больше нельзя.

— А что такое гвоздь и за что его бьют? — спросила она.

Вместо ответа Сергей взял ее руку и повел на кухню.

— Вот! — Он сделал эффектный жест в сторону стены.

И замер, разглядывая абсолютно девственную плоскость. На стене не было даже следов, что в нее когда-либо что-либо забивали...

Белый крокодил просыпался постепенно, кусочек за кусочком извлекая свое неимоверно огромное тело из старых домов, утреннего тумана и расшатанной мостовой.

Потом он слился в огромную тучу и, став дождем, побежал веселыми ручейками по каменным плитам тротуара, соединяясь в единое целое и уплотняясь. А потом превратился в самого себя, звучно клацнув зубами, и, ловко перебирая коротенькими лапами, побежал по улице.

Что-то должно было произойти. Он был в этом уверен и весело трусил по тротуару, заглядывая в каждую дыру и подворотню.

Может быть, это то, что он ищет? Или это?

Если бы он захотел, он мог бы опять подняться над городом черной тучей, обхватить его дождевыми щупальцами. Но все же ему было гораздо приятнее видеть мир обыкновенными крокодильскими глазами и ощущать, как под бронированной кожей ходят стальные мускулы.

Люди шарахались от него в разные стороны, испуганно оглядываясь и исчезая в нишах и подъездах, но это его совсем не волновало. Он только подумал, что давно уже не просыпался и от него отвыкли.

Но не забыли.

Он сунулся в очередную подворотню и до истерики напугал целовавшуюся там парочку. Потом побежал дальше, попутно ударив по ближайшей двери гребенчатым хвостом. Дверь выдержала. Крепкая, стало быть.

Потом ему попался броневик, который шарахнулся в сторону и, въехав на тротуар, сшиб афишную тумбу. Один из башенных люков со звоном откинулся, над его краем показалась пара любопытных глаз на длинных стебельках и стала разглядывать крокоди-

ла. Вдруг люк захлопнулся, мотор взвыл, и через секунду его рычание смолкло за ближайшим углом.

Если бы крокодил мог, он бы пожал плечами, а так только с размаху шлепнул хвостом о стену ближайшего дома и побежал дальше. То, из-за чего он проснулся, было еще где-то впереди. Оно ожидало именно его, и надо было спешить.

На бегу он вспомнил, что все это уже было. Безусловно, он уже не раз бежал по этим улицам, в тщетной попытке найти что-то, что бесконечно манило и завораживало, тянуло к себе, как магнит. Но никогда не находил. Почему?

Очевидно, виной всему был приказ, который жил внутри его черепа. Сейчас он проснулся и заворочался.

«А жаль», — подумал крокодил, чувствуя, как он изменяется, превращаясь в орудие приказа. Бороться было бесполезно. Оставалось только затаиться до следующего пробуждения.

Да, теперь он стал другим. Теперь он знал, что проснулся не случайно, что в нем возникла необходимость.

И причиной послужила вероятностная волна. Крокодил всей кожей ощущал, что она где-то рядом, вот-вот накатит на город и пройдет по нему. Надо будет держать ухо востро! Потому что обязательно должны быть люди, которые останутся неизмененными. Вот их-то ему и следует уничтожить.

Мир неустойчив. Тот, кто не желает изменяться вместе с ним, сам начинает изменять его, подделывая под себя, тем самым рождая очередную волну. Эта, кстати, наверняка появилась так же. Скорее всего из-за разгильдяйства одного из крокодилов, который где-то там, далеко, вовремя не убрал неизменяющегося человека. И вот результат!

Нет, конечно, можно бы этих людей изолировать от окружающего мира, это гуманнее. Но тогда придется строить специальные помещения и нанимать обслуживающий персонал, что потребует огромных финансовых затрат! И не будет никакой гарантии, что в один прекрасный день кто-то из изолированных не сбежит, сведя все труды насмарку. Один крокодил на город — гораздо удобнее. Дешево и сердито. И надежно.

Пока он обо всем этом думал, волна вошла в город. Она не очень спешила, эта волна, кое-где даже ненадолго останавливалась. Но то, что она уже в городе, крокодил почувствовал сразу и насторожился.

Теперь все зависело от его внимания и чутья.

* * *

Они спускались по лестнице. Конечно, существовал лифт, но им пользуются дурачки. Ведь если дом живой, то лифт не может быть не чем иным, как паразитом, который пристроился в желудке огромного животного для того, чтобы время от времени перехватывать лакомые кусочки. И каким же идиотом надо быть, чтобы согласиться стать этим самым кусочком.

Лифт понимал, что остался без обеда, и поэтому, пока они спускались, несколько раз пронесся мимо них, возмущенно воя.

— Сердись, сердись, — усмехнулся Сергей. — Мы не желторотые птенцы, чтобы шагнуть тебе в пасть.

Правда, еще существовала входная дверь, и через нее надо было проскользнуть как можно быстрее. С грохотом сбежав по лестнице, они рванули вперед. Сергей толкнул дверь грудью. Она от неожиданности распахнулась, потом спохватилась и судорожно захлопнулась, но опоздала.

На улице было солнечно, и дядя Петя в потертой тюбетейке уже восседал на лавочке, сосредоточенно изучая журнал «Наука и религия».

— Привет! — крикнул Сергей и взял Машу под ручку.

— Привет, привет, — обрадованно сказал дядя Петя. — Оказывается, у алеутских племен существует обычай...

— Потом, дядя Петя, потом! — улыбнулся Сергей. — Мы торопимся!

— Эх, молодежь, молодежь, — пробормотал дядя Петя. — Вот так всегда.

Когда они свернули за угол, Маша спросила:

— А теперь?

— Теперь? Конечно же, жаловаться. Ведь это безобразие! Какие-то там гвозди! Неизвестно откуда! Нет, я справедливость найду.

И они пошли жаловаться, даже не предполагая, что только это их и спасет.

— Остановись, — сказал Мирон.

Скрипнули тормоза.

— Спасибо! — Мирон пожал водителю мусоровоза ложноножку и, придерживая ножны меча, мягко спрыгнул на асфальт.

Минут через пять он уже выходил из продовольственного магазина, пряча в кожаный мешочек у пояса десяток коробков спичек и пакет с солью.

Так, теперь можно поразвлечься.

Он постоял, прикидывая, чем бы заняться, разглядывая окружавшие его одинаковые двенадцатиэтажные дома, ободранные скамейки с чугунными каркасами, безжалостно обстриженные деревья. В конце улицы бродили какие-то трехногие и стояли грибообразные дома с прозрачными стенами, но это было далеко.

А близко, метрах в десяти, имелся незатейливый, с чебурашкой вместо вывески, пивной ларек. Возле него уже тусовалась группка мужчин, и толстая продавщица быстро и сноровисто обжуливала их на пене, только успевая забирать кружки.

Вздохнув, Мирон двинулся к киоску и некоторое время спустя уже стоял у шаткого столика, сжимая в руке мокрую кружку. Он осторожно сдул пену и замер от наслаждения, аж зажмурился.

Потом открыл глаза и стал пить холодное вкусное пиво размеренными, экономными глотками.

Из соседнего дома вышла парочка, очень странная. Но кому какое дело? Мирон обратил на них внимание потому, что они перешли улицу на красный свет обычным прогулочным шагом, не реагируя на пронзительные гудки и возмущенные крики водителей.

— Вот пострелы! — покрутил головой Мирон и снова припал к кружке.

Начальник сидел на своем кресле так, что казалось, пятью бульдозерами не своротишь. Каким-то чудом он умудрялся поддерживать у себя на лице одновременно слащавое и брезгливое выражение. Когда Сергей и Маша вошли, он даже не поднял на них глаз, а продолжал очень внимательно рассматривать пухлый еженедельник, который лежал перед ним на столе.

— Слушаю, — через некоторое время сказал Начальник и стал что-то царапать в еженедельнике. Зрение у Сергея было хорошее, и со своего места он явственно видел, что Начальник просто в десятый раз ставит замысловатую в завитушках подпись: «Большой Начальник».

С этим дядей все было ясно, и Сергей, совершенно спокойно вытащив из безупречного ряда стульев пару, поставил ее напротив стола Начальника. Потом уселся, вольготно заложив ногу на ногу. Маша тихо опустилась на другой.

Расписавшись еще пять раз, Начальник наконец-то поднял на них глаза и, увидев, что они сели, ошарашенно помотал головой.

Наверное, ему показалось, что вот-вот на землю обрушится небо, если не случится что-нибудь похуже. Но ничего особенного не произошло. Четко это осознав, Начальник сжал кулаки и стал медленно и мучительно краснеть.

Сергей лениво прикинул, до каких оттенков красного этот чинуша сможет довести цвет своего лица, приготовился терпеливо ждать и даже зевнул. Но сообразил, что время уходит и надо что-то делать.

— И до каких пор это будет продолжаться? — спросил он зловещим шепотом.

Тут Начальник с облегчением подумал, что не могут простые люди вести себя с такой поразительной наглостью. Давно уже отучили. А следовательно...

— А что, собственно говоря? — утиным голосом спросил Начальник, с трудом сдерживая трясущиеся пальцы и делая чудовищные усилия, чтобы улыбнуться.

— Что? И он еще спрашивает? — возмутился Сергей. — Ну-ка, погляди на меня и попытайся угадать. Да побыстрее!

Начальник прямо на глазах приходил в норму. Полностью оправившись, он поглядел по сторонам, снова удерживая на своем лице одновременно плутоватое и бесконечно честное выражение, кашлянул и зашептал:

— Шифер...

— Шифер? — не понял Сергей.

— Ну да, — обрадовался Начальник. — Тонны две...

— Две?

— Ну хорошо, хорошо, дам три... из фонда ветеранов картофелеуборочных кампаний...

— Да плевал я на шифер. Я насчет гвоздя...

— Все, все понял! Виноват! Сколько? Тонны хватит?

— Зачем тонну? Я насчет одного.

— Ах одного. — Начальник тяжело задумался, потом просиял. — Это в смысле золотой? Ну, куда-нибудь там вбить: первый гвоздь железной дороги... Так, понял. Вес и размеры?

— Какие размеры? — спросил Сергей. — Гвоздь у нас из стены лезет. Не забивали мы его, а он лезет...

— Гвоздь, говорите. — Начальник снова мучительно задумался и наконец сообразил: — Так вы, получается, у нас живете?

— В самую точку, лапонька, — ласково сказал Сергей.

Некоторое время Начальник не дышал, потом судорожно глотнул воздуха и просипел:

— Да вы знаете, что я с вами сделаю? Да я вас сгною. Я вас уничтожу! Вы у меня кровавыми слезами плакать будете!

— Ну-ну, не кипятись, симпатяшка, — безмятежно сказал Сергей.

Маша вдруг встала и, подойдя к столу Начальника, заглянула под него.

— Я думала, может, его кто там кусает, — пояснила она Сергею. — Но нет! Разве что вши.

И она с достоинством вернулась на место.

Цвет лица Начальника снова стал сочно-фиолетовым, он запыхтел, как самовар, и Сергей с сожалением понял, что ничего у него с этим болваном не выйдет. Они переглянулись с Машей и тихо-тихо вышли из кабинета, аккуратно-аккуратно притворив за собой дверь.

Наверное, им не стоило так сердиться на Большого Начальника, но что сделано, то сделано.

Ясное дело, подобного оскорбления он стерпеть не мог и, едва придя в себя, тотчас же позвонил по известному ему одному номеру. На другом конце провода трубку снял широкоплечий парень с дегенеративным лицом. Выслушав приказ, он довольно хмыкнул. Двое таких же, как и он, типусов отложили карты и встали, ожидая приказаний.

А вероятностная волна тем временем уже достигла Начальника. Он положил трубку телефона, как-то странно вздрогнул и, мгновенно изменившись, стал сползать в дальний угол, тараща блюдцеподобные глаза и медленно передвигая псевдоподии.

Волна была совсем близко, метрах в пятидесяти. Крокодил лежал в подъезде, выставив нос на улицу, а хвост засунув под лестницу. Он ждал.

Инстинкт подсказывал ему, что неизменившиеся люди появятся именно здесь, и оставалось их лишь вовремя засечь и быстро уничтожить.

А еще крокодил чувствовал, что где-то совсем неподалеку находится страж дороги миров. Он тоже был неизменяющимся, и у крокодила давно чесались лапы. Но приказ запрещал трогать стража дороги, и поэтому крокодил лежал себе тихонько, поджидая вероятностную волну, и только иногда вслушивался в биоволны стража, сладострастно прикидывая... Но нельзя! А жаль.

Мирон отставил кружку и положил ладонь на рукоять меча. Сомнений быть не могло. Если мысленно проследить путь вон тех

троих, нетрудно догадаться, что они возьмут в оборот парня и девушку, которые вышли из ближайшего подъезда. Стоп, да ведь это именно та парочка, которая так неосторожно вела себя на дороге полчаса назад! Ну да!

Троица не волновалась. Как-то раз им пришлось бить профессионального боксера, вот это было да! А эти двое — тьфу, семечки...

Секунд за пять до того, как главарь оказался за спиной парня, Мирон выдернул меч из ножен и, опрокинув столик, бросился к ним...

Меч описал широкий полукруг. Воздух так и засвистел.

Так, теперь можно и оглядеться. Один лежит неподвижно, другой сидит на корточках и стонет. Отлично, остался только один! Э, парень, с мечом шутки плохи! А, побежал!

— Вот я тебя! — крикнул Мирон вслед убегавшему и пронзительно засвистел в два пальца.

Потом вложил меч в ножны и, все еще запально дыша, стал рассматривать спасенных.

— Меня зовут Мирон. А вас?

Маша с Сергеем ошарашенно смотрели на него и молчали.

— Черт, — вдруг осекся Мирон. — А вы не...

Докончить он не успел. Над головой что-то громыхнуло. Ближайшее к ним здание стало плавиться и стекать к мостовой, словно исполинское мороженое в жаркий день. А потом в лица им дохнул холодный ветер и чуть-чуть сместились тени, но от этого возникло ощущение, что они стоят посредине огромного театра марионеток. Вот-вот раздвинутся облака и сверху возникнет уродливая физиономия того, кто всем этим управляет.

Истошный голос закричал:

— Волна!

Мимо пронеслась собака, отчаянно работая лапами и роняя на пузырящийся асфальт клочья пены. Отбежав от них метров на десять, она вдруг подпрыгнула, взлетела и, мгновенно отрастив крылья, рванула обратно.

Пролетая над головой Мирона, она щелкнула зубастым клювом и гадко зашипела.

— Кыш, погань! — крикнул Мирон и, повернувшись, схватил Сергея за руку. — Бежим, ребята, сейчас здесь будет плохо!

Сергей хотел что-то возразить, но у Мирона больно-то не посопротивляешься. Он погнал их вдоль по улице, мимо кондитерского магазина, который прямо на глазах превращался в нечто

низенькое, но зато широкое и длинное, обставленное множеством бочкообразных колонн. Пробегая мимо парня с пораненной рукой, Мирон успел заметить, что тот отрастил себе третий глаз, пару дополнительных ног и, смешно подскакивая, пошлепал куда-то в проходные дворы.

Впрочем, осматриваться не было времени, надо было спасаться. Метрах в десяти уже дрогнул асфальт, и по его поверхности плыл гигантский остроконечный плавник, который дернулся в сторону, но потом передумал и взял курс прямо на них.

Бежать!

Они свернули за угол, потом во двор. С трудом преодолели полуразвалившийся каменный забор, поросший чахлой травой садик и вылетели на следующую улицу, где волна прошла раньше.

И тут можно было отдышаться, что они и сделали.

Мирон прислонился к витрине, в которой были выставлены образцы блюд из майских жуков.

Сергей тем временем спросил у Маши:

— Ну как, не ушиблась по дороге?

— Нет. Ничуть. И вообще, мне нравится бегать. Давай по утрам делать кроссы. Иначе в конце концов ты рано или поздно отрастишь себе брюшко, станешь заплывшим и некрасивым. Ужас!

— Хорошо, хорошо, обязательно. Вот с завтрашнего же дня. И еще куплю гантели.

— Вы что, рехнулись? — спросил Мирон.

— Нет, а что?

— Какая зарядка, какие гантели? — негодующе спросил Мирон и вдруг замолчал, только сейчас сообразив: «А если они тоже неизменяющиеся? Черт!»

Он неожиданно вспотел и за короткие секунды, пока отодвигался от витрины, проклял этот день, эту поездку, дурацкое пиво и еще много чего. Именно сейчас он осознал, что вляпался в дело, которое не сулило ничего хорошего. А как из него выбраться? Скорее всего — никак!

Крокодил, который наблюдал за ними с крыши ближайшего дома, ухмыльнулся и подумал, что, пожалуй, пора действовать. Только надо все хорошо рассчитать.

Он ничуть не волновался, потому что делал привычную работу, а попутно размышлял на разные отвлеченные темы. Страж миров, конечно, противник сильный, но крокодил знал, что рано или поздно они встретятся. А как же? На то он здесь и поставлен. Это его работа — убирать остатки. Что ж, он ее сделает.

Вот только надо все тщательным образом рассчитать.

Сергей неожиданно понял, что испытывает к Мирону странную, необъяснимую симпатию. Правда, его немного беспокоила острая полоса металла, что висела у Мирона на поясе и которой он так лихо орудовал. Чем ему не понравились те люди? Ведь он же бил их так, будто они были его врагами. А может, и действительно? Зачем ты заставил их бежать? Впрочем, пробежка им только на пользу.

А еще Сергею понравились добротные кожаные сапоги Мирона и его, кожаный же, усеянный бляхами пояс. Лицо у Мирона тоже было интересное, вот только возле глаз слишком уж много морщинок, да где-то возле губ пролегла хитроватая складка. Но лучше всего все же были глаза. Умные, очень умные глаза.

Мирон тоже разглядывал Сергея и Машу, мучительно выискивая выход из положения, в которое попал.

Нет, так просто бросить этих ребят он не мог. Но ведь они неизменяющиеся и, значит, потенциально опасны для этого мира. Они же понятия не имеют о том, что им грозит.

Проще всего сейчас было бы распрощаться. Уйти — и все. Но ведь они же погибнут.

Нет, придется, видимо, тащить их на свалку, больше некуда.

Такие, брат, дела!

Крокодил лежал на крыше и от удовольствия даже глаза закрыл. Те, внизу, все еще разглядывали друг друга и, похоже, усиленно обдумывали свое положение. Значит, можно еще немного поблаженствовать, погреться на жарком полуденном солнышке, отдаться неторопливому течению мыслей. В общем-то он был оптимистом, этот крокодил. И верил, что все будет прекрасно. Вот только как-нибудь бы отделить этих двух от стража дороги. Меч у него длинный, и владеет он им хорошо.

Нет, надо их обязательно разделить. А потом все будет просто, как манная каша. Хорошая засада, молниеносный прыжок, и можно опять ложиться в спячку.

Облезлая кошка вышла из-за печной трубы, но, увидев крокодила, отчаянно мяукнула и, задрав хвост, бросилась наутек. Крокодил ухмыльнулся и, приподнявшись, поглядел вниз.

И надо же было случиться, что как раз в этот момент Мирон поглядел вверх. Их глаза на мгновение встретились, а потом крокодил опустился на нагретое железо и исчез из виду.

— Ух ты, — пробормотал Мирон и вытер пот со лба.

— Что с тобой? — спросил Сергей.

— Да так, ничего. — Мирон поправил меч, нахлобучил на голову картуз и сказал: — Ну что, пошли? Имейте в виду, надо торопиться!

— Куда? — спросил Сергей и обнял Машу, а она не отстранилась.

— Вот что, — сказал Мирон. — Объяснять мне некогда. Есть тут одно местечко, куда мы должны вовремя попасть. Там я вам все объясню.

После этого он повернулся и побежал по улице. Сергей и Маша переглянулись и неохотно последовали за ним.

Мирон вел их с таким расчетом, чтобы поблизости было как можно больше людей. Пусть все ноги оттопчут, зато можно быть уверенным — в толпе зверь не нападет.

Вот так он, значит, выглядит. Очень мило.

Он оглянулся. Сергей и Маша бежали следом.

— Так, пошли шагом, — сказал Мирон, и они сбавили ход.

Дома, мимо которых они проходили, становились все более пышными. На них появилось множество лепных украшений. А улица была прямая — и далеко впереди, может, в километре, может, в полутора, терялась в тумане, стоявшем там сплошной стеной.

Народу стало значительно меньше. Здесь идти было опасно.

— Ну все, — сказал Мирон. — Опять побежали!

Теперь Мирон уже не нравился Сергею.

Да кто он такой? Вот, понимаешь ли, благодетель! Набежал — потащил да еще и командует.

Маша, наверное, думала так же, потому что они, не сговариваясь, быстро свернули в сторону и мгновенно растворились в толпе.

Просторный, с чахлыми клумбами и полуразрушенным фонтаном двор принял их в свое нутро. Они сели на источенную временем и изрезанную перочинным ножом скамейку, их руки встретились и окаменели, не в силах разомкнуться.

И двор все понял, разгадав их своим мудрым, древним, сохранившимся еще с тех времен, когда и двором-то не был, нутром. Двор, привычный к громкому хлопанью дверей и ночным перебранкам, мату и крику дерущихся, замкнулся, отгородив этих двоих от окружающего мира, захлопнувшись, как цветок, сокрыл в себе эту странную, неожиданную любовь. Он приглушил и постепенно убрал совсем звуки льющейся воды, скрип подрастающей травки и шум ветра. А потом замер, чутко прислушиваясь к их шепоту, вспоминая прежние времена и как-то даже помолодев.

Тщетно кто-то пытался выйти во двор и не мог открыть дверь, бессильно проклиная шутников и потрясая коробкой домино. Кто-то никак не мог открыть окно или хотя бы разглядеть что-то через затянутое странной, непрозрачной пленкой стекло. А другие уже вызывали полицию, органы контрразведки и еще многие нужные и ненужные в этом случае службы. И только когда снаружи, на улице, предложили проложить путь во двор динамитом, двор очнулся и тихонько кашлянул фонтаном.

Маша и Сергей возвращались из призрачно-розового мира, в котором находились, с изумлением оглядываясь по сторонам и пытаясь сдержать дрожь пальцев. А двор открылся и пустил в себя всех, кто так стремился туда.

Вскоре полицейских и машин не было и в помине. Двор сотрясали равномерные удары домино и истошные крики «рыба!». В дальнем углу ребятенок тянул кошку за хвост, из чистого любопытства, понятное дело. Невдалеке от него подвыпившая компания хором исполняла песню:

Эх, раз... да еще раз,
да с размаху вилкой в глаз!

Сергей и Маша все сидели на скамейке, не в силах уйти. И лишь когда сизоносый пьяница стал подмигивать Маше и делать ей непристойные знаки, они встали и рядышком, не смея взяться за руки, пошли прочь.

Сергей шел рядом с Машей и думал, что теперь знает, как это происходит, когда ничего не надо, лишь бы рядом... И слушать ее дыхание, и чувствовать холод под сердцем.

Он знал, что изменился, став для себя чужим и непонятным. Сошел с ума?

Ему уже не хотелось плюнуть вон тому седовласому полковнику на погоны. А ведь можно было ручаться, что полковника это обрадует и умилит. Именно старые полковники делят и понимают такие штуки.

Сергея не пугали больше трещины в асфальте, которых он совсем недавно боялся просто панически. А теперь он наступал на них пусть не совсем твердо, но уже достаточно уверенно.

Он думал о той, что шла рядом с ним. Она, наверное, тоже изменилась? И сошла с ума? По крайней мере она тоже наступала на трещины и на старого полковника смотрела вполне спокойно — даже не попыталась сбить с него фуражку.

Сергею захотелось снова прикоснуться к Маше, и он это сделал, удивляясь, что запретный и трудный жест получился у него абсолютно просто. Это был последний довод, что они с Машей сошли с ума.

Ну и хорошо! Ну и ладно! Будем жить сумасшедшими.

А туман все приближался, и теперь до него оставалось квартала три. Они прибавили шагу, миновали лепные колонны театра Отпора и Берета, прошли мимо седого усача гренадера, потом мимо побитого молью шарманщика...

Дальше был только туман. Он колыхался и где-то в глубине, на самой границе видимости, завивался тугими спиралями.

Это было интересно, и они смотрели до тех пор, пока из тумана не вышел человек с окладистой бородой и седыми усами, одетый в шкуры. За ним появился кентавр, который тотчас же остановился, пораженно рассматривая город и людей, словно видел все это впервые.

— Пойдем, Крокен, — засмеялся бородатый. — Ты еще успеешь на все это насмотреться.

И они пошли прочь.

— Туда? — Маша зябко прижалась к плечу Сергея и вопросительно на него посмотрела.

Он прислушался. Туман казался живым. Из него доносились странные звуки: крики, стоны, лязганье...

— Нет, пожалуй, — решил Сергей. — Нам, наверное, туда не надо. Нам, наверное, сюда...

Мирон свернул в ближайший сквер, присел на скамью и, отдышавшись, стал ворошить носком сапога опавшую листву. А все потому, что ты лопух! Самый настоящий идиот. Понадеялся! А они не захотели. И правильно сделали. За таким болваном не стоит идти. Кто ты им? Неизвестный дядька, который мечом размахивает да грозится. Как от такого не сбежать?

Значит, оглянулся я на них в последний раз где-то в конце западного сектора. Если они направляются к тому кварталу, где раньше жили, то скорее всего пошли по проспекту. Он широкий, а в незнакомых местах все нормальные люди стремятся ходить по широким улицам. Значит, допустим, что они пошли по проспекту, в конце которого — стена тумана. Туда они сунуться не осмелятся. Потом поворот. И вот тут-то они попадают в нежилые районы. Где их и будет ждать наш друг — крокодил. Еще бы! Идеальное место для нападения. Значит, надо спешить. Надо очень спешить.

И он побежал. Этот район он знал неплохо и поэтому все время пользовался переулками и проходными дворами, что значительно сокращало путь. Ему приходилось перепрыгивать через мусор, спотыкаться о гнилые корзины из-под бананов и ананасов, получать по физиономии развешанным для просушки бельем. А из-под ног шарахались какие-то тени: то ли крысы, то ли молоденькие домовые. И пахло мерзопакостно.

Безусловно, на бульваре пахнет лучше, но успеть можно только этим путем.

Он поднажал, проскочил еще пару улиц, углубился в кривой переулок и вдруг увидел, как впереди мелькнуло что-то белое. Крокодилий хвост.

Ишь ты, тоже торопишься. Значит, направление я взял верное. Теперь бы как-нибудь его обогнать.

Город обезлюдел. Дома вокруг были старые и полуразрушенные.

— Может, вернемся? — спросила Маша.

— Прорвемся. — Сергей решительно сжал губы. — В конце концов, хотим мы вернуться домой или нет? Хотим! Тогда вперед!

Они пошли дальше, и эхо их шагов гулкими мячиками рассыпалось по лабиринтам улиц, отражаясь, дробясь и снова возвращаясь.

— Ты знаешь, в детстве мама мне подарила куклу, — сообщила Маша. — Она была такая красивая и имела две головы. Одна блондинка, другая брюнетка... Ох, что это?

В одном из домов что-то с треском обрушилось.

— Чепуха, — сказал Сергей, и они пошли дальше.

Маша стала рассказывать про куклу, про то, как ее отобрали соседские мальчишки. И что из этого вышло. А потом она рассказала еще... и даже вроде успокоилась, оттаяла. Да и Сергей почувствовал себя гораздо лучше, совершенно машинально выбирая направление движения и уже не оглядываясь по сторонам. Даже рассказал, как искупался в великой луже.

За всеми этими рассказами они далеко не сразу услышали топот. А потом было поздно.

Из-за угла, метрах в трехстах от них, выскочил белый крокодил. На бегу он открывал и с треском захлопывал пасть. Следом за крокодилом бежал Мирон. Он размахивал мечом и кричал:

— Стой, тварь! Стой, животное!

Крокодил не обращал на него никакого внимания, совершенно недвусмысленно взяв курс на Сергея и Машу.

— Интересно, — спросил Сергей. — Что ему надо? А Мирону?

— Действительно, странные какие-то, — пожала плечами Маша. — Они что, мухоморов с утра поели?

В этот момент Мирон догнал крокодила, замахнулся, но тут же, обо что-то запнувшись, со страшным грохотом растянулся посреди дороги.

На бегу крокодил обернулся, насмешливо рыкнул и еще сильнее заработал лапами.

— Надо бы помочь Мирону, — сказал Сергей. — Вдруг ушибся?

— Пойдем, — встревоженно сказала Маша и взяла его за руку.

Но тут крокодил оказался настолько близко от них, что Маша увидела его маленькие злобные глазки, а также клыки, на которых пузырилась желтоватая слюна. Шестым чувством, чувством самосохранения, она вдруг осознала, что это — опасность, и закричала.

Эхо ее голоса отразилось от противоположного дома, многократно усилилось, ударило в следующий, еще и еще... и наконец вернулось. Стена соседнего дома дрогнула и рухнула, в падении разваливаясь на отдельные обломки, которые с тяжелым стоном ударились об асфальт и погребли под собой крокодила.

— Идиоты, — горячился Мирон. — Сколько раз вам говорить, что назад возвращаться нельзя? А если бы попали на обед этой зверюге?

— Но ведь она погибла, — возразила Маша.

— Глупенькая. Появится другая, и уж от нее-то вы не спасетесь. Вам сейчас надо вообще исчезнуть с этой планеты. Понимаете? И я вам могу это устроить. Вот только бы к сумеркам успеть на свалку...

Улицы, по которым они шли, постепенно становились чище. Стали попадаться люди и совсем нелюди.

Ярко накрашенная красотка с огромным бюстом и умопомрачительными ногами шла в обнимку с мешком из грубой холстины, туго набитым, ковыляющим на несгибающихся палках. В верхней его части поблескивали оловянные пуговицы, заменявшие глаза. Чуть дальше трехметровый богомол, вцепившись в телеграфный столб, бился об него головой и кричал: «Ну поговорим же, поговорим!»

А столб вдруг вытащил из тротуара две приземистых, сильных ноги и перешел на другую сторону улицы. Богомол увязался было за ним, но, получив пинок, отстал и поплелся прочь.

А они все шли и шли. Теперь Мирону не надо было оглядываться. Сергей и Маша чуть ли не наступали ему на пятки.

Мирон подумал, что они все-таки изменились. Они явно стали более похожи на нормальных людей, а это хорошо и одновременно плохо. Плохо потому, что нормальным людям почти невозможно жить на этой свихнувшейся планете.

Мимо потянулись деревянные дома. Народ здесь был попроще. Бабы лузгали семечки, мужики играли в карты или употребляли «горькую», солидно закусывая ее крепенькими, собственного посола огурчиками.

Кое-где вместо асфальта были положены деревянные мостки, по которым гулко топали ватаги ребятишек, запуская змея и играя в войну.

— А куда мы идем? — спросила Маша. На щеке у нее краснело пятно кирпичной пыли. Но она его даже не пыталась стереть, а все оглядывалась и оглядывалась.

— Я же сказал — на свалку, — ухмыльнулся Мирон.

— На свалку?

— Ну куда же еще? В этом мире нам только там и место.

— А что там делать?

— Увидите, — снова ухмыльнулся Мирон. — Вы только не пугайтесь. Я же сказал, что все беру на себя. Доставлю куда надо и в самом лучшем виде.

Теперь город кончился, и они шли по лесной дороге. Под ногами хрустели осколки битого стекла и шелестела грязная скомканная бумага.

Наступила ночь, и лес сделался незнакомым и таинственным.

— Быстрее, быстрее! — торопил Мирон. — Вдруг не успеем? Чувствуете запах? Значит, уже близко. Быстрее, быстрее!

Под конец они даже побежали, запинаясь в темноте о корни, железки и кучи битой черепицы.

«Не нагружали бы машины с верхом, ничего на дорогу бы и не падало», — угрюмо подумал Мирон, услышав, как под подошвой хрустнуло что-то пластмассовое.

Совсем близко, метрах в пяти от тропинки, раздался волчий вой. Потом показалось, что их кто-то разглядывает. Но через минуту это ощущение прошло. А вой раздался снова, несколько дальше.

Еще один поворот. Деревья раздвинулись, и они увидели свалку. В темноте она казалась сказочным полем боя, на котором кучей свалены тела погибших витязей, расколотая броня, поломанные мечи и поверженные штандарты.

— Вот теперь можно не спешить, — сообщил Мирон. — Успели. И оставили с носом этого крокодилишку! То-то он будет беситься! А дорога миров вот-вот появится. Лишь бы облака не набежали. Ну, что стоите? Пошли!

Запах свалки теперь стал почти нестерпимым, но Мирон пошел вперед, и Сергей с Машей, зажимая носы, последовали за ним.

Наконец последний кирпич откатился в сторону, и крокодил выбрался наружу. С минуту он лежал на брюхе и внюхивался, пытаясь обнаружить запах ускользнувших людей, потом радостно взмахнул хвостом и бросился по направлению к окраине.

Он был зол на весь мир, хотя и понимал, что в первую очередь надо злиться на себя. Сам виноват, голубчик. Не учел, что стена может рухнуть от такой смехотворной причины, как крик перепуганной женщины.

Хотя еще не все потеряно. Он их догонит.

Мелькали стены домов, испуганные люди шарахались в подворотни, а крокодил не сбавлял ход. Времени было в обрез.

Стемнело. Теперь он был уже на окраине, которая вскоре кончилась, уступив место лесу. Собственно, здесь проходила граница владений крокодила. Но кто сможет ему противостоять? Да никто!

И все же, свернув на узкую тропинку и разглядев впереди странные, полускрытые деревьями силуэты, он побежал тише. Словно бы кто-то шепнул: «Осторожно».

Он остановился, не добежав всего несколько десятков метров до зыбких, сделанных из неплотной черноты, но все же удивительно реальных существ.

Волки! Только какие-то странные. Оч-ч-чень странные!

А темные фигуры все надвигались, бесшумно разворачиваясь в полукруг, центром которого был он — крокодил. Потом в лунном свете блеснули длинные клыки, и над лесом пронесся заунывный вой, который перешел в истошный безумный хохот. Этого было достаточно. Крокодил понял все.

Мгновенно развернувшись, он побежал назад, хотя был готов укусить самого себя за хвост от досады. Конечно, можно было попытаться это место обойти. Но крокодил почти не сомневался, что как только он свернет с прямой дороги в город, оборотни появятся снова. Это была их территория. Да еще к тому — полнолуние.

Нет, в обход идти не имело смысла. И надо было что-то срочно придумать. Те, кого он преследовал, убегают все дальше и дальше. Но что же тут придумаешь?

Он выбежал на дорогу, которая вела на свалку. По дороге, конечно, тоже не проскочишь. Но вот вопрос: сможет ли оборотень вскочить в кузов машины на полном ходу? Вряд ли.

Действительно, минут через пятнадцать возник сноп света, и крокодил быстро взобрался на ближайшее к дороге дерево. В тот момент, когда машина проходила под ним, крокодил прыгнул. Уже в полете он успел подумать о том, что оборотни почему-то пропустили тех троих. Ну не странно ли? Он думал об этом до самой свалки, но ответа так и не нашел.

Высоко и необозримо далеко мерцала луна, заливая серебряным светом холмы свалки и яблони в саду у Мирона, а также окошечко на дорогу миров. Сегодня пешеходов было почему-то маловато. Видимо, основная масса прошла вчера.

У шлагбаума стоял верный Хрюндик, крепко сжимая в мохнатых лапах копье и укоризненно покачивая головой.

— Хозяин, что-то ты задержался.

Мирон не ответил, а подтолкнул вперед оробевших Сергея и Машу. Они сделали несколько шагов и остановились, вцепившись руками в крашеное дерево шлагбаума.

— Это что? — спросил Сергей.

— Это дорога миров, — тоном терпеливого учителя объяснил Мирон. — А вот те окошечки — окна миров. Пойдемте, присмотритесь. Какой мир понравится, туда и заходите. А стражу отдайте...

Он пошарил в кармане и достал что-то похожее на маленькую янтарную звездочку.

— Зачем? — спросила Маша, опуская ее в кармашек кофточки.

— Таков порядок. — Мирон пожал плечами. — Это вроде платы. Понятно?

Они помолчали. Где-то совсем невдалеке выли оборотни. По другую сторону шлагбаума волосатый тип, обутый в лапти, возмущался и требовал, чтобы его пропустили вне очереди, так как он жертва застоя. На него шикнули, и он, очевидно по привычке, притих.

— Ладно, — сказал Мирон. — Пора вам, ребята. Для вас теперь только один путь — в другой мир. И давайте поторопимся. Не дай бог, здесь объявится та образина, что за вами гонится. Постарайтесь выбрать себе мир получше.

Он пожал Сергею руку и легко прикоснулся губами к щеке Маши.

Пора.

Они шагнули на дорогу миров осторожно, неуверенно, словно ожидая, что она вот-вот развеется, как дым. Шагов через сто Сергей обернулся и помахал рукой.

Хрюндик сорвался с места и побежал за ними.

— Стойте!

Догнав, он вручил Сергею копье и пошел назад, бормоча под нос:

— Вот так-то лучше. С ним, знаете ли, надежнее. А у меня есть еще одно.

— Спасибо! Спасибо за все! — крикнул Сергей, и они пошли вперед, все дальше, дальше и больше уже не оглядывались. Минут через пять они стали черными точками, а потом слились с дорогой миров и исчезли.

Где-то невдалеке ревел мотор «камара».

Мирон сказал Хрюндику:

— Сходи-ка возьми другое копье, а то ночь только начинается и, пожалуй, сегодня придется работать до конца.

Хрюндик убежал. Несколько существ по ту сторону шлагбаума возмутились задержкой, но вскоре затихли. Мирон обернулся в сторону и увидел, что почти рядом с ним стоит ухмыляющийся крокодил.

— А, пришел, — сказал Мирон и присел на корточки. — Поздно... Ушли они уже, и их не догнать. Все, теперь можешь убираться.

— Ха, — сказал крокодил, лег на брюхо и с иронией посмотрел на Мирона. — Глупенький. Разве можно от меня уйти? Нет уж, что кому положено, тот свое и получит. Странные вы существа — люди. Не знаешь, что от вас ожидать.

— А здорово я тебя надул? — спросил Мирон, закуривая сигарету.

— Надул? Да нет, тебе просто повезло. Если бы не эта стена да еще оборотни, черт их задери... Куда бы они от меня делись?

— Может быть, может быть, — согласился Мирон, не желая обижать крокодила.

— Не может быть, а точно, — давил свое крокодил. — Вот ведь невезуха! Так недолго и вообще завалить службу.

— Службу? А кому ты служишь?

— Да тем же, что и ты.

— Ну, положим, я-то служу этой сумасшедшей планете. Слежу, чтобы на нее кто попало не проник. А вот ты?

— Ну и я тоже. Представь, что могут наделать неизменившиеся, если будут бродить где попало. Впрочем, ты и сам это прекрасно знаешь! Главное то, что в нашем мире, хоть он и кажется сумасшедшим, все прочно связано и переплетено.

Они опять помолчали. Где-то хохотал филин. Возле мусорных куч шуршали бумагой утильмены. С треском завалилась какая-то конструкция. На минуту воцарилась полная тишина, а потом шорох и возня возобновились.

— Слушай, а как тебе удалось приручить оборотней? — поинтересовался крокодил.

— Оборотней? — Мирон пожал плечами. — Да никак.

— Врешь, — убежденно сказал крокодил. — Да ладно, это твое дело. Черт, в город надо, а неохота. Надоело все... Ох, как надоело.

Он вздохнул, поцарапал землю лапой и спросил:

— А ты помнишь тех, кто создал этот мир?

— Кого?

— Ну тех, кто сделал дорогу и изменил наш мир. Раньше планета была как планета. А сейчас...

Мирон недоуменно посмотрел на крокодила. Тот удивился:

— Как, ты не помнишь? Впрочем, что это я? Тебя же тогда еще не было. И нечего так удивленно смотреть... А они были, вот только не помню, какие именно. И ушли они не дорогой миров, а каким-то другим путем. А может, и не ушли, может, просто спрятались и за нами наблюдают. Вдруг и в нашем мире есть какой-то смысл? Ведь не зря же он создан?

Из темноты появился Хрюндик и, остановившись в сторонке, крепко сжал копье, готовый броситься на крокодила по малейшему знаку Мирона.

— Не бойся, — сказал ему Мирон. — Все в норме.

Хрюндик вроде бы успокоился, встал за спиной Мирона, но копье все же держал наготове.

— Я только одного не могу понять, — сказал задумчиво крокодил. — Ты-то зачем ввязался в это дело? Ведь они же чокнутые, ненормальные. Или просто хотел со мной поиграть в «кто кого»?

— Да нет, — устало сказал Мирон. — Нет, дело не в том. Все гораздо проще. Они люди, и я человек. Впрочем, ты не поймешь...

— Где уж мне. — Крокодил сокрушенно покачал головой. — Только чтобы быть человеком, нужно доказать свое право на это. Вот и доказали бы. А я бы, может, их отпустил. Впрочем, даже уйдя в другой мир, они остались прежними. Так что, я думаю, для них проблема далеко не решена.

Мирон пожал плечами. Крокодил повернулся и ушел в темноту. Хрюндик сообщил:

— Ждут...

— Угу, — сказал Мирон и повернулся к шлагбауму. — Сейчас мы их, голубчиков. Кто первый!

Дорога тянулась вдаль, и не было ей конца. Идти было приятно. Звездное полотно слегка пружинило под ногами, а когда Сергей приложил к нему ладонь, то почувствовал, какое оно теплое и шелковистое.

Собственно, освоились они быстро и теперь смотрели на мелькавшие окошечки миров, как на обычную вещь.

— Ну что, какой мир выберем? — спросил Сергей.

— Может быть, вот этот? — сказала Маша.

Они остановились и некоторое время смотрели через окно на чужой мир. Он им понравился.

Маша вытащила звездочку и сунула ее лохматому толстому стражу дороги. Тот довольно заурчал и перестал целить в них своим оружием, похожим на гигантскую мясорубку.

— Проходите, — услышали они, хотя могли поклясться, что страж не издал ни звука.

Шлагбаум поднялся, они ступили в мир, который должен был отныне стать их домом.

В лица пахнуло теплым ветром. Невдалеке начинался лес, в который уходила извилистая тропинка. Где-то очень далеко виднелись крыши деревянных строений.

Сергей и Маша пошли по тропе, мимо холмов, поросших яркими, странной формы цветами, мимо прямоугольного строения, которое басовито гудело. Вступили в лес, окунувшись в его прохладную влажную полутьму, где совершенно не было ветра. Прошлогодние листья пружинили под ногами, а они шли и шли, взявшись за руки и улыбаясь.

Они не видели, что позади них из-за дерева высунулось и тотчас же спряталось что-то очень похожее на белый крокодилий хвост.

ОЗЕРО

Над черными громадами домов висела бледная луна. Призрак вышел из-за угла и двинулся ему навстречу. Некрупный призрак в плаще и помятой шляпе, с худым лицом и щетинистым подбородком. Да к тому же еще и нетрезвый...

Остановившись, Прохор засунул руки в карманы и сказал:

— Ну, ты! Чего ты?.. Иди, иди, у тебя свои дела, у меня свои.

Призрак что-то невнятное промычал и, ударив себя кулаком в грудь, исчез в стене ближайшего дома. Прохор пожал плечами и, тщательно выбирая дорогу, но несмотря на это ежеминутно попадая в лужи, пошлепал дальше.

Где-то противно кричал птеродактиль. Ветер шевельнул волосы, принеся с собой прохладу, и тут же стих. На ближайшей крыше обнимались и целовались еще два призрака.

Он свернул в проходной двор, долго карабкался по кучам мусора, битого стекла и два раза чуть не упал, сначала поскользнувшись на какой-то липкой и вонючей дряни, а потом — когда под ним рассыпалась горка битой черепицы. Серые тени перебегали дорогу. А в конце пути с крыши дома, возле которого он проходил, упал кирпич и с треском разлетелся на мелкие кусочки.

Все же он дошел и долго возился с дверным замком, ни за что не желавшим открываться. Наконец ключ повернулся, дверь со скрипом отворилась, и Прохор, ругаясь самыми последними словами, вошел в дом.

Он прошел длинным, неосвещенным коридором мимо комнаты Профессора, из которой доносилось пощелкивание и пахло серой, мимо комнаты Торгаша, где было тихо. Неожиданно обернувшись, увидел, как из логова Торгаша выскользнуло что-то серое, расплывчатое и, быстро-быстро пробежав по коридору, вдруг пропало.

Усмехнувшись, Прохор вошел в свою комнату и, мягко прикрыв дверь, остановился, нащупывая в кармане спички.

Он зажег стоявшую на столе свечу, отпил из помятого бидончика пару глотков воды и, стряхнув с усов капли, стал растапливать печку. После того как «буржуйка» весело загудела, он сел к ней спиной и некоторое время глядел на Кроху, спавшего приоткрыв рот и тихонько посапывая. На правой щеке у него отделился кусок кожи и виднелось черное мясо. Прохор перевел взгляд на Пэт. Она лежала свернувшись клубком, подложив под щеку узкую ладонь. Дальше, возле самой стены, раскинув полные руки, спал Март. Круглый живот его то вздымался, то опадал.

Вздохнув, Прохор подошел к окну и долго смотрел на ночной город. Где-то далеко, кварталов за пять, полыхало зарево — то ли пожар, то ли призраки веселились.

Прохору стало тоскливо. Он подумал о том, что когда-нибудь все это кончится, надо только терпеть, стиснуть зубы и надеяться на лучшее, потому что хуже уже некуда. А еще он немного удивился своему такому долгому терпению, и, наверное, в этом удивлении была также гордость, поскольку мало кто столько вытерпит, а он вот смог. Главное, быть спокойным и знать — так и должно быть, слепо верить, что все это рано или поздно кончится.

Он повесил пальто на гвоздик, разгрузил карманы и, оглядев внушительную кучку картошки, подумал, что пальто у него действительно замечательное, а особенно глубокие карманы...

После того как появились угли, он положил на них картошку и прикрыл ее золой. А сам сел возле «буржуйки» и грелся, покуривая заплесневелую сигарету. Он с наслаждением вдыхал сладковатый дым, размышлял о том, что надо бы достать Марту хорошее пальто и лучше бы с такими же замечательными карманами, как у него. А Кроху придется отдать призракам, никуда не денешься. Он еще много о чем думал. Например, о жившей в соседнем доме длинноволосой девочке, однажды, на улице, остановившей его, тогда еще несмышленого балбеса, и признавшейся в любви. Она просто подошла и сказала: «Я тебя люблю». Он же от неожиданности растерялся, выдавил из себя: «Даже так?» — и бросился от нее бежать, как от морского чудовища.

Интересно, где она теперь? Кто знает? Может, сидит точно так же у печки и вспоминает о том, как однажды призналась в любви одному юному придурку и как он позорно при этом струсил? Тут

он подумал, что быть этого не может. Скорее всего она превратилась в серую тень и шастает по ночному городу, а может, подалась к призракам. Скорее всего...

А потом картошка испеклась, и он, вытащив ее из печки, разложил на четыре порции. Замер, прикидывая, кого будить первым. Но тут Март дрыгнул во сне ногой, а так как лежал у стены, то нога провалилась в нее по колено, очевидно, высунувшись на улицу. И пока Прохор с изумлением на все это глядел, Март вытащил ногу и поджал ее под себя.

Прохор зачем-то потрогал стену возле постели Марта и уже хотел пощупать его самого, но передумал и вернулся к печке. Как-то сразу заледенев, он переделил картофель на троих и стал будить Пэт с Крохой. Это было тяжким делом, потому что просыпаться они не хотели, а только сворачивались в клубки, как ежики, и старались прикрыться одеялами.

Тогда он плеснул на них водой, и минут через пять Пэт уже уплетала ароматную, горячую печеную картошку. А Кроха ел прямо с корочкой, на зубах хрустели угольки и вокруг губ появился черный налет. Прикончив свою порцию, он выцыганил у Пэт еще одну картофелину и, тотчас же с ней расправившись, мгновенно заснул.

Прохор ел неторопливо, смотрел на Пэт, любуясь ее хрупкой тепличной красотой, будившей в нем жалость и желание защитить.

— А Март? — спросила она.

— Он уже наелся, — сказал Прохор и поспешно поинтересовался, как дела. Пэт стала рассказывать, как они сидели, ждали его, и только Март один раз выходил за водой, был очень долго, но вернулся пустой, хорошо хоть вернулся. А еще кто-то стучал в окно, но они не открыли, а Кроха плутует в домино, а Март в последнее время какой-то молчаливый и раздражительный. И вода кончается.

Она все рассказывала и рассказывала, а Прохор смотрел на нее, забыв обо всем, очарованный лицом этой девочки, потому что оно было прежним, таким, как недавно и так невозможно давно.

Она опустила голову на старый ватник, заменявший ей подушку, и еще что-то говорила, но голос становился все тише. Прохор доел картошку и пристроился рядом. Они немножко пошептались, а потом уснули.

Проснулись утром — от грохота. За окнами двигались батальоны шкафов и этажерок, роты трельяжей и диванов, бригады столов

и легионы стульев, а также козетки, кушетки, тумбочки и еще множество другой деревянной и пластиковой мебели. Все это двигалось вдоль по улице, сталкиваясь, сдирая друг у друга полировку и устилая асфальт осколками зеркал.

Из подъездов выбегали люди, ошалело рассматривая странное шествие. Но кое-кто уже сообразил что к чему: двое самых предприимчивых ринулись в мебельную колонну, отбили понравившийся шкаф и, как он ни отмахивался дверцами, как ни упирался, утащили во двор своего дома, где намертво привязали к дереву. Тут все очнулись. Появились веревки, лица людей стали азартными, а руки приготовились хватать.

Получилась настоящая охота. Люди вытаскивали из колонны стулья и табуретки, тумбочки и деревянные кровати, с шутками-прибаутками вязали их и тотчас же затаскивали в квартиры. Кто-то уже рубил стульям ножки, чтобы не сбежали, еще кто-то разбивал шкаф, а с верхних этажей кричали:

— Выбирай посуше. Чтобы хорошо горело!

Но колонна шла вперед и была слишком огромна, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Не так уж много оставалось людей, чтобы причинить ей заметный ущерб.

Не обошлось и без призраков. Они устроились на крыше одного из зданий и с хохотом смотрели бесплатное представление, встречая каждую удачную поимку одобрительным гулом. А когда какому-нибудь дивану все же удавалось ускользнуть, пронзительно свистели в два пальца, как бывалые голубятники.

На другой крыше сидел птеродактиль и, тараща полуослепшие глаза, шипел, расправлял и собирал кожистые веера крыльев, собираясь взлететь, но не решаясь отдаться на милость суматошной дневной жизни.

Его заметили. Все мгновенно позабыли про мебель. Кое-кто полез по карнизам, не сводя глаз с аппетитной добычи. По нынешним временам столько мяса — это что-то невероятное.

Несколько человек побежали за мушкетами, другие тем временем пытались сбить птеродактиля камнями. Но все дело завалили призраки. Кто же еще? Один из них перескочил на крышу и что-то гаркнул. Праптица неуклюже взлетела и, кренясь на одно крыло, отправилась искать менее шумное место.

Народ опять принялся за мебель. Тут и Прохор вышел на улицу, отловил превосходный буфет, поначалу сопротивлявшийся, но быстро успокоившийся. Он пришелся кстати, ведь дров осталось маловато.

А потом в квартиру ввалился оживленно жестикулирующий Профессор и прямо с порога пригласил Прохора на прогулку. Пришлось согласиться, так как Профессор мог заблудиться в трех соснах. Прохору уже надоело его разыскивать. Гораздо легче сопровождать: ходи за ним, как хвостик, а в нужный момент отконвоируй домой, и дело в шляпе.

— А куда? — поинтересовался Прохор, засовывая за пояс топор.

— О, хочу проверить одну гипотезу. У меня есть предположение, что все эти представители мебели направились к озеру призраков. Может быть? Может.

К озеру призраков Прохору не хотелось. Да куда денешься?

Он долго таскался за Профессором по жаре, слушая его сверхумные разглагольствования, из которых понимал едва десятую часть. Изнывая, проклинал все на свете и вздохнул свободно только тогда, когда они повернули домой.

Солнце склонялось к горизонту. Над городом плыли гигантские мыльные пузыри, покачиваясь на ветру и полыхая яркими боками. Иногда они сталкивались и, лопнув, рассыпались голубыми звездочками, веселым огненным дождем вычерчивая в вечернем небе замысловатые узоры.

Приехали машины с водой, и возле них столпились мужики, пуская в небо сигаретный дым и неторопливо позвякивая ведрами. У самого горизонта, там, где были горы, полыхнуло огнем, в небо взлетели клубы дыма, но тут же рассеялись. Черт знает, что там было, в тех горах. Никто туда не ходил.

Они брели по улице, и Профессор рассказывал, как можно усилием воли сделать из простого куриного яйца диетический кубик, но Прохор не слушал, а думал о том, какие странные вещи иногда случаются на свете. Вот ведь жил, и хорошо жил. Только все чего-то не хватало. А потом с неба посыпались ракеты... Ладно хоть не ядерные. Да толку-то...

А Профессор уже рассказывал, что, по слухам, на соседний город упала какая-то особенная бомба, кажется, психотронная. Теперь там джунгли, а все жители превратились в чертей и леших, драконов и кентавров. При этом они утратили память, хотя и сохранили человеческий разум. И лучше туда носа не совать.

А на тот город, что подальше, ничего не попало, только, по слухам, объявилась там какая-то дорога миров. Интересно, похожа ли она на озеро призраков? Тоже, надо сказать, наистраннейшая штука!

— Я думаю, — говорил Профессор, — становясь призраками, люди проходят сквозь него и попадают в параллельный мир. Но тогда почему мы их видим? И они нас? Вот будь у меня немного динамиту, я бы поставил один очень интересный эксперимент. Мне кажется, для того чтобы перемещать людей в другое измерение, озеро должно быть настолько сложной штукой, что в нем просто обязано зародиться сознание. Если правильно провести эксперимент, мне кажется, мир призраков не останется неизменным, а может, и совсем исчезнет. Если мне удастся экспериментальным путем доказать свою теорию, то коллеге Трумвелю ничего иного не останется, как сжевать со злости собственный галстук.

— Ну и что? — спросил Прохор.

— То есть? — не понял Профессор.

— Легче нам будет от вашей теории? Ею что, детей можно лечить? Ее можно есть заместо хлеба?

Профессор снял очки и посмотрел на Прохора такими круглыми и беззащитными глазами, что тому стало стыдно. Он даже пожалел, что так взъелся. Вот только, слово не воробей...

Дальше они шли молча. Профессор вытащил было блокнот и попытался сделать запись, но ничего не вышло. Он спрятал блокнот и умоляюще посмотрел на Прохора, но тот не остановился, а шел и шел вперед.

Прохор думал в это время про Пэт и Кроху, про Профессора, так и не осознавшего, что все уже кончилось и пора вспомнить, как добывается мясо, а также учиться выживать, не тратя драгоценного времени на чепуху. Наука хороша, если полон желудок, много денег и из родных никто не болеет. Вот тогда можно заняться наукой и выяснить, отчего на жареном мясе образуется корочка. А сейчас времена изобилия кончились.

Профессор, выходит, этого не понимает. Хорошо о нем заботится Прохор. А случись какая беда, что Профессору останется делать? Помирать? И лучше бы на него не отвлекаться, не тратить силы.

А еще он думал, что все беды произошли от людей, живших хорошо и сытно. Еще бы не хорошо. Получил приказ и знай себе выполняй. И конечно же, им не хотелось терять эту хорошую жизнь. Чего ради? Еще работать придется!

А нужны они были только тогда, когда государству (не важно какому), угрожала опасность вторжения. Хорошо понимая, что как только опасность исчезнет, они станут не нужны, эти люди

старались ее преувеличивать, частенько даже просто придумывали. Вот и допридумывали. Спохватились, да поздно оказалось.

И не важно, кто первым начал и какова была причина. Важно теперь любой ценой выжить, но тут уж кому как повезет...

Так они и дошли до дома. Профессор прошмыгнул в дверь, а Прохор задержался. Из стены соседнего дома торчал человеческий нос. Подумав некоторое время, Прохор сообразил, чей, и тут Март наконец весь появился.

Прохор плюнул в тоске и взялся за ручку двери.

— Погоди, — крикнул Март, и Прохор замер. — Погоди, не уходи, дело есть. Я хочу сказать дело... Я хочу сказать тебе, что ты заблуждаешься. Пойми — это не страшно. Это... Я теперь могу получить все, что пожелаю, да дело не в том. Главное, что теперь мне не страшно. Очень здорово, когда тебе не страшно. Оказывается, я всю жизнь искал такое место. Погоди, не уходи... Хорошо, я трус. Но ты! Ты еще хуже, ты губишь Кроху и Пэт. Они умрут, и кто будет в этом виноват? А откуда ты знаешь, что все должно быть именно так? Может быть, мир призраков — шаг вперед, следующая ступень цивилизации! Откуда ты...

Прохор зашел в дом и тщательно запер входную дверь на засов.

На секунду лицо Марта появилось из ближайшей стены, исказилось гримасой то ли боли, то ли гнева и пропало.

Проходя мимо комнаты Торгаша, Прохор подумал, что и с ним что-то нечисто. Кто знает, может, Торгаш уже переметнулся к призракам, как, например, Март? Да нет, пожалуй, нет. Если в том мире каждый может получить все, что пожелает, что там делать Торгашу?

Пэт смазывала Кроху подсолнечным маслом. Он сидел на табурете совершенно голый, и хорошо было видно, что все его тело расцвечено какими-то странными разводами. Во многих местах кожа полопалась и отстала, повисая сухими лоскутками. Пэт смазывала эти места очень осторожно, поминутно поглаживая Кроху по голове и все время приговаривая что-нибудь ласковое. Когда Прохор вошел, она даже улыбнулась, но улыбка у нее получилась настолько жалкая и неестественная, что Прохор аж скрипнул зубами.

Пока Пэт одевала Кроху, он вынул из кармана пять яиц, найденных на берегу озера призраков, и соорудил яичницу. И тут Пэт улыбнулась по-настоящему. Но все равно потом, когда они поели, она тихо-тихо, тоненьким-тоненьким голоском попросила:

— Прохор, ну, Прохор, может еще денек?.. Может, все еще повернется, чего не бывает? А? Прохор, ведь страшно же, давай еще подождем, а? Один день, один маленький денечек? Если лучше не станет, тогда... А, Прохор?

Прохор, который рассказывал Крохе, как весело стулья, шкафы, кушетки и прочая мебель прыгали в озеро призраков, сразу помрачнел, задумался, а потом сказал:

— Нет, Пэт. Нет, и не проси. А если будет поздно? Вдруг не успеем? Сама знаешь, как при чернавке, — скрутит и даже до озера донести не успеем. Нет, тянуть нельзя.

Пэт больше ничего не сказала, а стала готовиться ко сну. Они легли молча, словно чужие.

А Кроха уснул безмятежно и тихо, он еще не научился думать о завтрашнем дне, который казался такой невообразимой далью, что о ней и загадывать-то не стоило.

Прохор еще долго ворочался, но все же уснул.

Он проснулся, потому что понял: Пэт не спит. Провел рукой по ее щеке, ощутив нежный пушок и влажную полоску, начинавшуюся от глаза и сбегавшую ко рту. Задыхаясь от нежности и любви, он прижал ее к себе. Пэт заплакала, не таясь, и ему пришлось долго, бесконечно долго ее успокаивать и шептать нежные слова...

Оно только так называлось — озером. На самом деле это был пруд метров тридцати в диаметре.

Зеленый туман закрывал всю его середину. Словно гигантские летучие змеи, парили птеродактили, лишь иногда начиная суматошно бить по воздуху крыльями, чтобы набрать потерянную высоту.

По берегу ходили кучки призраков. Прохору показалось, что невдалеке мелькнул Март, но это уже не имело значения.

Кроха сидел на руках Пэт и с любопытством таращил свои круглые глазенки. Лоскуток кожи у него на щеке оторвался окончательно и теперь на этом месте чернел квадрат.

Увидев их, призраки оживились и стали протискиваться поближе. Один оценивающе оглядел Пэт и сказал, что девочка ничего, он бы с удовольствием с ней познакомился, а остальные — идиоты — заржали.

Прохору захотелось врезать нахалу, но он стиснул зубы и прошел мимо. На душе было пакостно.

Хотелось сначала посидеть на берегу озера и попрощаться, но дураки-призраки все испортили. А Пэт вертела головой из стороны

в сторону, как будто кого-то искала, и Прохор догадался, что она ищет Марта. Он, конечно, трус и слабак, но когда-то был свой, все не в чужие руки отдавать. Март не показывался, и Пэт попробовала объяснить кому-то из призраков, что ребенка надо кормить, одевать и вовремя укладывать спать. Тот, конечно, развеселился, а Пэт заплакала, и Прохор понял, что надо действовать как можно быстрее, пока не поздно.

— Ладно, давай, — раздраженно сказал он, хорошо понимая, что все следовало бы сделать по-другому. Но остановиться уже не мог.

Пэт поставила Кроху на песок, стала его гладить и целовать, никак не хотела отпускать.

В голове у Прохора был туман. Он видел только регочущие физиономии призраков и, окончательно теряя над собой контроль, вырвал Кроху из рук Пэт. Легонько подталкивая в сторону воды, сказал:

— Вот, сынок, дорогой, ты иди, искупайся. И все у тебя пройдет, ничего болеть не будет, а мы тебя здесь подождем. Ты ведь у нас большой, сам можешь купаться. Иди! Ну, иди же!

И Кроха пошел, неуклюже перебирая толстенькими ножками. Он быстро погрузился в воду по шею, но дальше не захотел. Обернувшись, крикнул: «Мама!» — и Пэт, которая плакала, привалившись к плечу Прохора, вдруг рванулась и бросилась вслед за ним.

— Куда? — крикнул Прохор. — Стой! Куда! С ума сошла! Дура, вернись!

Но было поздно. Пэт схватила Кроху, обернулась к берегу... И всего-то сделала шаг в сторону, но этого оказалось достаточно. Очевидно, там была яма, потому что Пэт неожиданно исчезла под водой и больше не появлялась.

Наверное, надо было броситься за ними, но он непонятно почему остался. И только некоторое время спустя, шатаясь вокруг озера, понял, что осталось за ним одно дело, которое он должен — кровь из носу — сделать.

Через четыре часа из озера появились два новых призрака. Прохор зачем-то преградил им дорогу, на секунду окунувшись в прохладную темноту, когда они молча прошли сквозь него, направляясь к ближайшей группе призраков. Там их ждали, и какой-то тип вдруг обнял Пэт, и она не возмутилась, а томно привалилась к его плечу. Призрак что-то сказал, и все засмеялись. А Кроха шмыгнул в кучку таких же, как он, детей-призраков, и тогда Прохор понял, что надо уходить.

Он ушел. И до самого города брел, как пьяный, только иногда ощупывая лицо, словно снимая с него невидимую паутину.

В городе он немного успокоился и теперь уже вполне осмысленно пошел домой, чтобы сделать то дело, из-за которого остался.

Серая тень стояла на деревянной трибуне и что-то говорила, энергично размахивая руками. Ее слушали три десятка оборванных людей.

— И там вам будет хорошо! Подумайте — там вы будете воистину свободны от всего! Свобода и неограниченные возможности. А еще — бессмертие! Вдумайтесь — бессмертие! Неплохая штука, правда! Придите к нам и получите все! Счастье перед вами, стоит сделать только шаг...

Люди слушали, как зачарованные. И, может быть, кто-то уже решился.

Прохор понял это, сжал кулаки и вдруг увидел, что рядом лежит искусственная нога. Некоторое время он ее рассматривал, даже тронул ботинком, а затем, быстро подхватив, кинул в оратора. Нога с грохотом ударилась о трибуну.

Толпа всколыхнулась, но оратор даже ухом не повел, продолжал обещать золотые горы, кисельные берега и молочные реки, а также райскую жизнь...

Теперь Прохор заспешил. Он знал, что каждая минута может унести еще одного человека, а потом еще и еще.

В коридоре ему попался Профессор. Он остановил Прохора и стал ему объяснять, что уже не является человеком, утром прошел сквозь озеро, в экспериментальных целях, понятно. Но работу свою не бросит, вот только немного поживет в свое удовольствие. Куда спешить, ведь впереди вечность?

Прохор молча прошел мимо и не обернулся даже тогда, когда Профессор бросил ему вслед:

— Сам дурак!

Ввалившись в комнату, Прохор злобно пнул «буржуйку», да так, что в воздух взлетело целое облако золы, и, открыв скрипучую дверцу буфета, стал шарить на самой верхней полке. Он вынул небольшой газетный сверток и бережно опустил его в карман пальто...

На берегу он уселся на камень, вытащил сверток и разорвал бумагу. Тускло блеснула граната «апельсинка». Ласково погладив рубчатую поверхность, Прохор ввинтил запал, взял гранату в правую руку и выдернул кольцо. Теперь все, стоит только отпустить чеку...

— Ну что? — спросил Прохор у озера. — Счас я тебя. Один эксперимент сделаю, тот самый, что некий придурок собирался сделать, да не смог, кишка тонка... Ишь, наплодило ублюдков. Баста, больше этого не будет.

— А ты хорошо подумал? — спросило озеро.

— А чего думать-то? Еще немного — и вообще некому будет в городе жить. Одни призраки останутся. А кто же город восстанавливать будет? В нем должны жить люди, забыв, что когда-то было холодно, голодно и вообще — страшно. Ты превращаешь людей в призраков, способных только есть, спать и развлекаться! Нет уж, не будет этого.

— А ты-то сам не хочешь лопать белый хлеб и развлекаться?

— Хочу, ох как хочу. Но только больше хочу остаться человеком.

— А еще, наверное, ты хочешь, чтобы вернулись Пэт и Кроха? А, признайся?

— Да, хочу, — сказал Прохор и только руку сжал сильнее, чтобы ненароком не выпустить чеку, а другой отер со лба пот.

— Вот видишь — хочешь! А что, если в результате твоего эксперимента мир призраков исчезнет совсем? И Пэт, и Кроха? Да тебе потом жить-то захочется?! Подумай хорошенько, подумай. А также и о других...

Озеро замолчало, и по нему пробежала ленивая рябь. Из самых глубин поднялись красные пузыри и стали лопаться. Толпа призраков захохотала, а сверху падали зеленые птеродактили, разевая в беззвучном смехе усеянные зубами пасти... А потом наступила тишина, и медленно таяли призраки, а птеродактили растекались по песку мутными ручейками и высыхали. Тучи закрыли солнце.

В полутьме из озера вынырнуло полупрозрачное щупальце и медленно-медленно потянулось к нему. Ближайшие деревья вытягивали из земли грязные корни и, сближаясь, старались раздвинуть ветки так, чтобы между ними не смогла пролететь граната. А из-за тихих холмов на него уже глядели чьи-то зеленые, внимательные глаза. И от этого у Прохора аж мороз по коже пробежал.

«Боится, старается выиграть время и обезвредить», — понял он.

И только когда ветки уже почти сомкнулись, а щупальце, проскользнув между стволами, было совсем близко, он вскочил и, резко выдохнув, кинул гранату. Черный шар пролетел через последний, уже почти затянувшийся просвет в ветвях, и канул в зеленом тумане.

Прохор упал на землю и закрыл голову руками. Грохнул взрыв, и его мягко подбросило вверх так, что показалось, будто он лишился тела и словно комета проносится сквозь сотни миров, на краткий миг превращаясь то в кентавра, то в странного человека по имени Аристарх, то еще в кого-то по имени Клоб, и еще, и еще... И только когда эти бесчисленные миры кончились, он увидел, что его ожидает дальше. А там были пустота и безвременье...

Наверное, прошли века, пока он понял, что лежит все-таки на земле и нужно только открыть глаза, а потом встать.

Озера призраков больше не существовало. Был самый обыкновенный пруд с самой обыкновенной водой. На берегу стояли люди, много людей. Прохор некоторых из них узнал. Это были бывшие призраки.

Ничего не осталось от тех самодовольных болванов, просто — напуганные и удивленные люди. Они оглядывались по сторонам и явно не могли сообразить, что же им теперь делать. Они пробовали пройти друг сквозь друга и сталкивались, приобретая синяки и шишки. Несколько человек гладили ближайшие деревья, с непривычки обдирая руки о кору и с любопытством разглядывая ссадины.

«Так просто? — разочарованно подумал Прохор. — И все, призраков больше не существует? Так, может, их никогда и не было? Может, и ракета никогда не падала на город?»

Но времени на раздумья и гипотезы не осталось. Еще немного — и люди очнутся от шока. Им нужно объяснить, что произошло и что теперь делать. Да, именно объяснить. А кто как не он?.. А еще Прохор хотел увидеть Пэт и Кроху, которые должны были быть в этой толпе.

Он вскочил и побежал к этим людям, благо толпились они недалеко. Он бежал тяжело, задыхаясь, совершенно не разбирая дороги и не замечая, что ветки деревьев и кустов проходят сквозь его тело даже не покачнувшись...

1989 г.

ВЫИГРЫШ

Мать и сын идут мимо кинотеатра. Сын читает афишу:

— Пароль «Голубой лотос». Мама, а что такое лотос?

— Стиральный порошок, сынок...

Начиналось все просто — он уснул в трамвае. И снился ему один из самых любимых снов, что не мешало Клобу воспринимать его как реальность...

Белое пятно на черном фоне постепенно увеличивалось, превращаясь в окно.

Да, он стоял возле широкого окна, свет из которого резал глаза, мешая разглядеть — что же дальше. Само по себе это было достойно удивления. Однако существовало.

Потом что-то дрогнуло, картина изменилась, став более реальной. Наверно, Клоб просыпался...

Теперь окно лилось сквозь свет и Клоба, это было гораздо приятнее, соответствовало действительности и обнадеживало, что не все потеряно, что — с кем не бывает — все войдет в норму.

И в это можно было поверить, потому что изменения продолжались. Клоб провалился сквозь окно и свет, о чем-то сожалея и чего-то пугаясь в ожидании неизбежного конца.

Однако на этот раз все стало слишком уж реально. Сон кончился.

Гомонили пассажиры, временами сквозь шум прорывался крик кондуктора. Пахло огуречным лосьоном и «Беломором», рублями и трешками, а еще керосином. Потом запахло чем-то трудноопределимым. Этот непонятный запах вскоре заглушил все остальные.

И тут же Клобу наступили на ногу. Он вскрикнул. Открыв глаза, увидел, что это гнусное действие произвела огромная ста-

руха в синем трикотажном костюме, и дернул ногой, пытаясь освободиться. Лицо старухи дрогнуло, но чудовищная галоша не сдвинулась ни на миллиметр.

— Слушайте! — крикнул Клоб. — Отпустите мне ногу! Ну я прошу вас! Ну что вам стоит! Я же вам ничего плохого не сделал!

Однако старуха стояла непоколебимо. И длилось это целую вечность, за которую Клоб успел с сожалением подумать, что когда-то она была красивой девушкой. И конечно же, ее кто-то любил, ночей не спал... И черт возьми, до чего же ей трудно поверить сейчас, что все это когда-то было. И конечно же, катастрофа — ощущать, как стройное, нежное тело постепенно, но неотвратимо изменяется. Выпадают зубы, волосы, нет уже гладкой-гладкой кожи. И мужчины не провожают взглядами. И тогда начинаешь понимать, что это старость.

Да, ей можно посочувствовать. Но я-то почему должен страдать? Ой, как больно!

Трамвай остановился. Клоб дернулся, попытался опереться спиной о стенку и столкнуть нахальную старуху свободной ногой, но не тут-то было.

Больше ничего придумать он не успел. В трамвай хлынула толпа. Клоба стиснули. С одной стороны небритый дядька в помятой мушкетерской шляпе и зеленом фраке, с сеткой пустых бутылок в руках, которую сразу же попытался поставить на голову Клобу, но промахнулся и водрузил на спинку сиденья.

С другой стороны к Клобу прижался двухметровый кузнечик, в черных очках и с японским зонтиком.

— Люди! — взвыл Клоб. — Погибаю! Спасите!

Но было поздно. Трамвай тронулся. В окне мелькнуло покосившееся здание театра Отпора и Берета, потом голубые башенки дворца звукосочетания, увенчанный треуголкой усатый солдат с вилами наперевес. Замелькали полосатые столбики. Трамвай мчался и мчался...

Клоб понял, что погиб окончательно, и закричал:

— Люди! Рятуйте! Матка бозка! На помощь! Спасите ветерана двух картофелеуборочных кампаний!

Трамвай резко остановился. Все, кто стоял в проходе, в том числе и чудовищная старуха, рухнули друг на друга и покатились к передним дверям.

Клоб ощутил, что свободен, и резво сорвался с места. Выскочив на улицу, он врезался в толпу, окружавшую водителя, который осматривал правую переднюю трамвайную ногу.

Вдоволь на нее наглядевшись, он закурил сигарету и пробормотал:

— Так я и знал. Опять заноза.

По толпе пробежал шепоток. А кто-то довольно громко и негодующе сказал: «Ну, это надолго».

Клоб плюнул и, прихрамывая, пошел домой. Свернув, для того чтобы сократить путь, в проходной двор, он чуть не налетел на какое-то громадное существо. В руке оно сжимало граненый стакан, наполненный на одну треть беловатой жидкостью.

— Лазают тут всякие, — проворчало существо. — Не дают людям проходить курс лечения. Ишь, шляпу напялил, шары твои бесстыжие.

Клоб трусливо прошмыгнул мимо и побежал, слыша за спиной какие-то малопонятные ругательства. Пробегая через арку, он задел ногой аккуратную горку стеклопосуды, и она отозвалась веселым звоном.

Выскочив на улицу и припустив со всех ног, он едва не затоптал процессию полосатых, покрытых длинным мехом гусениц, во главе которой шел чрезвычайно важный дятел. Поневоле сбавив ход, Клоб стал оглядываться, выискивая знакомые ориентиры.

Так, все верно. Вот шарманщик с побитой шарманкой. Несомненно — хорошо знакомый. И шарманка у него та же, как и жалостная песня: «Жили-были три бандита».

Потом книжный киоск, все полки которого заставлены «Справочником по ремонту швейных машин». В киоске сидела толстая неопрятная продавщица, отгородившись от всего окружающего «Современным бушменским детективом».

Потом — спортзал, на одной из колонн которого белел листок с объявлением: «Открыт набор девушек в секцию борьбы за жизнь, по системе "Принимаю окружающий мир таким, как есть, не забывая, что он такой до тех пор, пока является таковым в моем сознании, значительно расширенном именно такими методами, которые приводят к таким же результатам"».

Тут Клоб нырнул во второй проходной двор, промчался сквозь него, ворвался в арку и, благополучно ее миновав, очутился на следующей улице, где наконец и увидел свой дом.

Осторожно проскользнув в темноту подъезда, Клоб стал крадучись пробираться по лестнице, нащупывая в кармане ключ...

Да так и замер.

Площадкой выше разговаривали двое.

И тут же Клоб почувствовал, что какая-то опасность прячется в темноте подъезда. И может быть, не сама опасность, а так, некий намек на нее.

Хулиганы?

Тут Клоб себя пожалел. Хотя и понимал, что жалеть в общем-то нечего. Кто он? Маленький человечек, ничем не отличимый от тех сотен муравьев, исчезающих каждый день, не оставив после себя даже воспоминаний, а лишь ощущение, что здесь, на этом месте, что-то было. Вроде бы живое. Но вот оно исчезло, и невозможно вспомнить — что.

Правда, сам он отличался от других умением делать слова.

И некоторое время, стоя на пыльной лестнице, он цеплялся за эту мысль, хорошо понимая, что без нее не было бы даже надежды.

А наверху говорили и говорили, надежде стало скучно, и она ушла. Клоб же понял, что искусство делать слова не такое уж большое достоинство.

Осознав все это и почувствовав, что стал пустым и безвольным, он двинулся наверх, мечтая, чтобы все побыстрее кончилось. Но тут появилась злость и напомнила, что в кармане у него что-то лежит.

Точно, там была металлическая расческа с длинной, тонкой и острой ручкой. Он сжал ее и пошел дальше, но тут же задел носком ботинка пустую бутылку, и та, со звонким шорохом прокатившись по бетонной ступеньке, упала вниз и разбилась.

Клоб замер и прислушался.

Хулиганы разговаривали.

— А что это? — спросил сиплый, прокуренный голос.

— А так... Вот тут нажмешь, он и сработает. Как надо сделает. А? Как надо... И план у нас сразу даже выше, чем думали, чем объявляли, на что можно было надеяться. Словил? А? — радовался кто-то тонким голосом.

— «А-а», — передразнил прокуренный. — Тебе бы «а-а», а объект не появляется. Вот скотина. И чего это он? Ведь всегда же приходил вовремя. А сейчас, когда вдруг понадобился, нет его. Ведь время выходит. Где же он, идиот?.. Ну ничего. Даже если он кое-что заподозрил, мы его достанем.

Теперь Клоб поднимался почти не таясь, думая о том, что предстоит... Обычное дело. Рулетка. Пан или пропал? Они тебя или ты их?

Мешало только чувство сожаления. Вот ведь, была же самая обыкновенная жизнь... Может, неяркая и событий было маловато,

но зато не надо особенно думать: все известно заранее. А теперь же он падал в неизвестность стремительно и неудержимо.

Ступеньки кончились. Он повернулся и увидел площадку. Здесь имелось окно, в которое проникал скудный свет, и это давало возможность разглядеть серьезного мужчину с огромной мясорубкой в руках. А из-за спины выглядывал кто-то, почти совершенно скрытый в полутьме. Виднелись только меховая шапочка, круглые любопытные глаза и остренький носик.

— Ну, иди сюда, — сказал мужчина и взял мясорубку поухватистее. Тот, кто прятался за его спиной, сдавленно захихикал.

Во рту у Клоба пересохло, он шагнул вперед.

Этажом выше открылась дверь. На лестницу хлынул свет. Нетрезвые голоса затянули:

И тут она ему сказала:
Ко мне, сердечный, не ходи!

Сквозь это пение прорывался чей-то бас: «А мы по-простому. Раз вы для нас ничего делать не хотите, то и мы совершенно ничего...»

Человек с мясорубкой заметался, пытаясь запихнуть ее в клеенчатый футляр. Женщина, теперь ее хорошо было видно, вдруг подпрыгнула, мгновенно уменьшилась и исчезла в кармане его плаща.

А на лестнице уже топталось множество ног. Штиблеты и импортные кроссовки, белые лодочки и чулки-сапоги на платформе надвигались на владельца мясорубки.

Тот перепугался еще больше и, судорожно замотав свое снаряжение в футляр, сиганул по лестнице вниз. Клоб еле успел посторониться.

А потом ему в лицо шибануло портвейном, «Шанелью», сивухой, тройным одеколоном, шашлыками «по-карски», ливерной колбасой и ананасами.

Все эти запахи, к своему удивлению, Клоб уловил и разложил по полочкам. Но зато те, что прошли мимо него, слились в какую-то пеструю, кричащую, лопочущую, визжащую массу, которую невозможно было расчленить на составляющие части. Она пронеслась, отшвырнув его к самой стене, и ринулась вниз.

Клоб успел заметить только ночной горшок на тоненьких ножках, из горловины которого торчал стебелек ромашки. Горшок перепрыгивал через две ступеньки, прилагая бешеные усилия для того, чтобы успеть за своим хозяином.

Некоторое время топот удалялся, потом хлопнула дверь подъезда и наступила тишина.

И только тогда, прижимаясь лопатками к надежной и холодной стене, Клоб почувствовал, что рубашка у него на спине мокрая. Он расслабился, сунул расческу в карман и на ватных ногах поднялся к своей квартире...

Закрыв дверь и привалившись к стене, Клоб стал вслушиваться: а не скрывается ли и в квартире что-нибудь опасное?

Но нет, все вроде в порядке.

Повесив пальто в шкаф и мягко ступая по облезлому ковру, он прошел к зеркалу. Терпеливо подождав, пока отражение закончит чистить ногти и обратит на него внимание, махнул рукой.

Отражение вздохнуло и, сокрушенно покачав головой, передвинулось ближе. Встав как положено, оно еще раз вздохнуло и стало принимать облик Клоба. Секунд через десять контуры отражения определились, и оно даже попыталось копировать движения Клоба, правда, довольно вяло.

Если верить отражению, он выглядел еще неплохо и даже мог кое-кому понравиться. Особенно эти пышные, моржовые усы! Ах, бедные дамы, эти усы вас погубят! Ах, ах... Ну ладно, хватит.

Он прошел на кухню и сделал несколько бутербродов. Потом кинул домовому за батарею кусок сахара, а тот высунул голову и пожаловался на соседа, который «увел у него мировую подругу», причем лишь благодаря умению танцевать брейк.

Посочувствовав, Клоб посоветовал сейчас же приступить к освоению этого престижного танца и, вынув из холодильника бутылку молока, сел завтракать.

Дожевывая последний кусок, он немного погулял по потолку, размахивая руками для улучшения пищеварения, потом, опустившись в продавленное кресло, стал думать о том, какой сегодня был отвратительный день. Сначала старуха, потом хулиганы... И что это за жизнь такая пошла?

Он думал об этом и думал, а потом закрыл глаза и тотчас же увидел что-то похожее на... Нет, дождем это быть не могло. Разве может он литься такими удивительными струйками, которые переплетаются, схлестываются в узелки и поднимаются вверх?

А память уже подсказывала, что это не дождь, это все, что накопилось за недавнее время. Чувства, мысли, образы — они были здесь. Ужас и отчаяние, страх и надежда, злость и жалость к себе. Стоило только протянуть руку, ухватить эти нити и сплести их в единое целое.

Он торопился, он очень торопился. Пальцы не слушались, нити легко обрывались, но несмотря на это, через полчаса на столе лежало свежее, абсолютно готовое слово. Затвердевая, оно слегка подрагивало, рассыпая по сторонам веселые голубые искры.

Вот и все. Теперь осталось самое легкое — загадать желание. Он положил слово на ладонь и в очередной раз удивился тому, что выделывал его вес. Он постоянно менялся, и слово становилось то легким, как пушинка, то тяжелым, как пудовая гиря.

Он еще успел усмехнуться, подумать, что таких мастеров, как он, немного, и вдруг осознал, что слово удалось ему на славу и нужно загадать действительно большое и трудное желание. Что он и сделал.

А потом оставалось только ждать. Слово мало-помалу таяло и наконец исчезло совсем. Вот и все. Окружающий мир остался прежним, только противоположная стена неожиданно стала сжиматься, словно гармошка. С кухни доносились равномерные шлепки, очевидно, домовой разучивал брейк. И Клоб уже хотел пойти и шугануть его, когда прозвенел звонок...

Почтальон смущенно переминался с копыта на копыто, и вырезанные на роговице магические слова «адидас» вспыхивали алмазной пылью.

— Мне? — спросил Клоб.

— Так. — Почтальон порылся в объемистой сумке, задумчиво причесал поросший кучерявой шерстью лоб и, снова возобновив поиски, вынул небольшой пакет. — Это... Как победителю лотереи «Красивая жизнь», вручаю вам приз... так сказать, в торжественной обстановке... и...

Но тут из стен появились репортеры. Тесная лестница взорвалась салютом фотовспышек. Кто-то сунул Клобу под нос микрофон и спросил:

— Как вы считаете, где продают самые лучшие куриные ножки?

Наконец Клоб очнулся, сказал в микрофон: «Да пошли вы...» и резко захлопнул дверь. Прислушался. В коридоре обсуждали технические качества портативных таранов.

— Э нет, ребята, ничего у вас не выйдет, — ухмыльнулся Клоб. — Дверь у меня старинная, еще от дедушки досталась, а тому, в свою очередь... Говорят, она даже против татаро-монголов устояла...

Вот так все и случилось. И нужно-то было: счастливый момент да правильно загаданное желание. Хм, теперь он призер

«Красивой жизни» и может перекроить судьбу, как только пожелает. А причиной всему — маленький предмет, который лежал в пакете. Он видел его уже как бы наяву, этот небольшой плоский медальончик на цепочке, на одной стороне которого надпись «Хлеба и зрелищ», а на другой — большая волосатая рука. Стоит только надеть эту штуку на шею, жизнь волшебным образом изменится, станет прекрасной и неповторимой.

Но не сейчас. Уже поздно, и все магазины закрыты.

Завтра с утра можно попробовать, главное — тары взять побольше. Сейчас же надо просто отдохнуть, потому что торопиться некуда, дело сделано.

Он прекрасно провел этот вечер, отдыхал, смотрел телевизор и рано лег спать. Да, обязательно надо выспаться, потому что завтра...

Уже выключив свет, он вспомнил, что медальон лежит на тумбочке возле кровати, взял его и сунул себе под подушку. На всякий случай.

Город стал совершенно другим, открывшись на неизвестном ранее уровне. Для этого Клобу пришлось измениться самому, словно гусенице, которая, проходя стадию куколки, неожиданно превращается в бабочку, чтобы открыть для себя лето, небо, цветы и возможность летать.

Пожалуй, ему следовало пожалеть неловкого, трусливого и посредственного Клоба, который умер. Но отнюдь. «Король умер, да здравствует король!» Именно — здравствует... и развлекается.

Да, он развлекался, мимоходом всматриваясь в прохожих, определяя, у кого что за душой. Это было интересно, и он некоторое время классифицировал проходивших мимо людей, легко определяя, например, что вот этот гражданин — простой работяга, за душой копейки не имеет. А вот эта фифочка — дочка какого-то начальника. На такую мысль наводили добротные синие «замарашки», плотно облегавшие ее юный зад, развинченная походка и брезгливо оттопыренная верхняя губа. Ничего особенного в ней нет. Бездельничает, деньги на личные расходы клянчит у папаши, покуривает, давясь противным сигаретным дымом, в полной решимости быть как все. В общем — пустышка. Ну что еще сказать о ней? Глупа, плаксива, подвержена истерикам. Лет через пять выйдет за балбеса ее же пошиба. Разведется через полгода. А еще через несколько месяцев появится на свет божий жизнерадостный, здоровый малыш и, исходя криком, будет требовать пищевого рациона, добросовестно офуривая заграничные

пеленки. А девица станет обыкновенной клушей на шее у папеньки... Да хватит о ней. Вот привязалась. Лучше о других.

Ну, эти молодые идиоты честно зарабатывают кусок хлеба, с которого те, кто половчее, украли все масло. Бог с ними. Дальше... Старушка «божий одуванчик», донельзя озабоченная тем, что ее правнучек последнее время зачастил на «дисковку» и совсем забросил книги. К черту бабулю, дальше.

О, вот это человек! Несмотря на заношенную «скаутку» и побитые «боинги». Это тебе не хухры-мухры! Это — человек! Делец экстра-класса. Наш!

А, заметил? Подмигнул. Даже рукой помахал! А как же? Все-таки свой теперь человек.

Так что же ты стоишь? Дурень, действовать надо, суетиться, хватать то, что в рот плывет. В умелый рот много чего заплывет, если постараться да думать головой — а не другим местом. Вон — очередь. Явно что-то дают...

Он рванулся вперед. Заученно (и откуда что взялось?), вроде не быстро, но и не медленно, легко раздвигая полусогнутой рукой чужие тела, просочился в голову очереди, затылком чувствуя, как люди с гневом смотрят ему вслед, но тут же понимают, что он из «тех», не то что они — черная кость. И успокаиваются, не рискуя связываться, так, для виду поворчав, да и то трусливо (а вдруг услышит?).

Легко проделывая все это, он бормотал про себя как клятву... А может, и действительно клятву? Потому что именно в этот момент он по-настоящему стал призером «красивой жизни». И, проталкиваясь в голову очереди, шептал, что теперь-то им покажет. Кому? Им всем, кто вокруг. Почему? Да потому, что живем лишь раз и пока еще есть время — надо жить так, чтобы взять все. А уж теперь-то он это сумеет, хватит опыта, ума и силы. А самое главное — наглости, потому что у дельцов так: кто хам — тот и ам.

Клоб пробился к прилавку, рыженькая продавщица с размалеванным, как икона, лицом, с килограммовым золотым браслетом на левой руке и серебряной гирькой в правом ухе, подмигнула ему, махом заприметив и определив как своего.

И он по-хозяйски шагнул за прилавок и тоже подмигнул. А она, сказав что-то шаловливое, щелкнула его пальцами по носу. Он же попытался перехватить этот пальчик зубами, с шутливым «гр-р-р-р-м» и так далее, и тому подобное, пока все это БЫДЛО ожидало, когда они натешатся, и только угрюмо молчало. Но

ведь известно, быдло на то быдло и есть, чтобы угрюмо молчать — и больше ничего. Правда, иногда находится какой-нибудь крикун, но одного можно и к ногтю. Когда остальные молчат — это запросто.

Ну ладно, некогда ему.

Клоб что-то сунул в карман продавщицы, вынул из воздуха сетку, которую она быстро и ловко нагрузила яркими цветными коробочками, перевязанными золотистыми ленточками со множеством иностранных букв и иероглифов и, конечно же (куда от них денешься?), изображениями красоток с пышными формами и минимумом одежды.

Все, дело сделано.

Он шагнул из-за прилавка и тотчас же насторожился. Что-то неладно. Точно! К очереди подходила бабка. А как известно, деловые люди боятся только бабок, потому что те никого не боятся и способны практически на все, от линча до полной конфискации дач и машин.

Вспоминал он это на бегу, потому что надо было уносить ноги. А тут, кстати, подвернулся проходной двор. Нырнув в него, Клоб остановился и, отдышавшись, выглянул на улицу. Все было спокойно. Он потопал дальше, гулко печатая в темноте уверенные шаги.

Слева возникла какая-то личность со стаканом в руке. Клоб ткнул ее легонько в живот двумя пальцами и вкрадчиво сказал:

— Утухни, чадо. Что, давно окурки в глазах не шипели?

Чадо стушевалось и исчезло в какой-то нише.

Миновав проходной двор и выходя на улицу, Клоб все еще усмехался. Его несло. А ведь когда-то этот тип был способен пугать его до смерти. Когда-то... Да он сам себя боится! Они все трусы, эти хулиганы. Эхма, ну и жизнь пошла.

Проходя мимо книжного киоска, Клоб подмигнул продавщице, и та тотчас же ему заулыбалась, кокетливо стреляя глазами. Пришлось свернуть к киоску.

Открыв дверь, Клоб прошествовал прямо к хозяйке и хлопнул ее ладонью по округлому боку, одновременно выговаривая: «У-тю-тю... пышечка... кошечка... лапочка...», обмирая от собственной наглости, даже чуть зажмурившись в ожидании пощечины. Но ничего особенного не случилось. Продавщица зарделась, забормотала:

— Ну вы скажете, хи-хи-хи... охальник, ой вы охальник.

— А как же, а как же, — осмелел Клоб, давая рукам полную волю. Но продавщица уже тянула у него узорную коробку из сетки.

— А что это у вас? А-а-а... «хлостики»! У-у-у-у... да еще и с перконовыми вставками! Сила! А слышали последнюю песенку у «клопиков»... ну эту... «вдрызг напившись, бодаю ворота...»? А та мымра из продмага опять к своему дураку вернулась. Нет, бывают же мужики! И даже не пикнул! Опять белье ей стирает. Дурачок! Эх, мне бы... Ну, да ладно... Все там будем... Ты «Три покойника в доме с пурпурными трубами» имеешь? Нет? Мен на мен. Я у тебя одну эту, а тебе «покойников». Заметано? Чего головой мотаешь? Ну, так уж и быть, добавлю эту... как ее... а! «Тайны сексулистской проблемы». Между прочим, заграничное издание, но на нашем языке. Все, железно, бери...

Она вытащила из-под прилавка две книжки. На обложке одной был нарисован сумрачный тип в низко надвинутой шляпе, с окровавленным кинжалом в руке. На другой — довольно миловидное женское лицо, но почему-то с открытым в крике ртом и вытаращенными глазами.

Пока продавщица прятала под прилавок одну из его коробок, Клоб ошалело рассматривал книжки. Потом захотел что-то сказать, уже и рот открыл, но испугался, что сморозит глупость, и по этой причине впал в некую задумчивость. К счастью, продавщица истолковала его состояние как восхищение сделкой. Она мягко взяла Клоба за плечи, развернула и, сказав, что скоро придет ее любовник (а он такой дурашка, такой ревнивец — чуть что, за перо хватается), деликатно, но довольно настойчиво вытолкала на улицу.

Некоторое время Клоб стоял возле киоска, нащупывая в кармане сигарету и остывая. Когда отступило, закурил, потихоньку соображая: пожалуй, влип.

Господи, да что это со мной деется? Кто я теперь, я — бывший простой человек? Ведь всю жизнь честно тянул лямку. И нет был бы чей-то сынок, а то ведь так, без роду без племени. И как теперь быть? И что делать, если даже продавщица книжного ларька принимает за своего?

Господи, но ведь призеров «красивой жизни» иногда даже сажают! Положим, не за то, что они понаделали, а так, за какую-нибудь мелочь. В основном попадают они в переплет, если дорогу кому-то перебегут. А я-то, я-то, я же на первых шагах срежусь и застучу кандалами по тракту.

Но время шло, сигарета уменьшилась, и Клоб постепенно успокоился. Выкинув окурок, махнул рукой:

— Эх, была не была, двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Поудобнее ухватил сетку, двинулся дальше...

Возле дома толпился народ, лежали какие-то ящики. Клоб подошел поближе, и тут его заметили, замахали руками. Кто-то закричал: «Граждане грузчики!.. Вот он!.. Родимый!.. Идет!.. Вот он!»

Наверное, сработали какие-то предохранительные клапаны, которые природа предусмотрела в человеке для подобных случаев. К ящикам он прошел, не дрогнув, и, выслушав рапорт двух небритых мужиков в ватных телогрейках, милостиво махнул рукой. Небрежно вынув из кармана каким-то чудом попавшие туда полсотни соринго, сунул их одному из грузчиков и скомандовал: «Двинули!»

Мужики подхватили первый ящик и вломились с ним в парадное. Клоб умудрился проскользнуть в дверь первым и заспешил по ступенькам, подкидывая в руке ключ и прислушиваясь, как за спиной пыхтят грузчики.

Подниматься было легко. Ступеньки приятно пружинили, подталкивая, вверх. Перила услужливо извивались под рукой, видимо, испугавшись, что их помощью побрезгуют.

Дверь распахнулась перед ним сама. Клоб снял ботинки в передней и, пройдя к зеркалу, некоторое время рассматривал спину отражения, которое гляделось в другое зеркало и расчесывало волосы. В этом зеркале можно было разглядеть еще одно отражение и тоже с зеркалом, а за ним еще и еще... Получался бесконечный зеркальный коридор и нескончаемый ряд отражений...

— Пренебрегаешь, да! — оскорбился Клоб и прошел на кухню, чтобы поставить чайник на газ.

Домовой сидел на батарее и горестно разглядывал большие портновские ножницы.

— Что невесел? — спросил Клоб, гася спичку.

— А-а-а, — махнул лапкой домовой. — Научился я брейку... А толку?

— М-мм?

— Она сказала, что все это чепуха. Причина в другом.

— А?

— Уши у меня холодные, говорит.

— Это точно, — сам поражаясь своему злорадству, согласился Клоб. — Уши у тебя — холоднее некуда. Я бы с такими ушами холодильником работал. А еще у тебя холодный нос. Это точно.

Поправляя крышку чайника, он услышал, как в коридоре загрохотало, застонало и заскрипело... Клоб вышел в гостиную и уви-

дел, что грузчики уже втащили ящики в комнату. Четко, со знанием дела, они приступили к распаковке, слаженно орудуя ломами и монтировками. Из одного ящика извлекли портативный стереовизор.

Клоб нажал кнопку. Стереовизор чмокнул и спроецировал «последние сплетни». Моложавый диктор, благоухая дорогим одеколоном, проникновенно убеждал, что надо задать урожай в сырок и прибрать все, что осело на полях шляп. В общем, обычная бодяга, давно набившая оскомину.

Клоб выключил стереовизор и, повернувшись, сунул одному из грузчиков еще сто сорингов. Потом величественно махнул рукой и, когда они удалились, блаженно рухнул в кресло.

Все, хватит с него происшествий. Сегодня он будет отдыхать. Будет лежать на диване весь оставшийся день, обязательно поймает по стереовизору что-нибудь интересное и со стрельбой. И чтобы усталый герой с умными глазами одного за другим раскалывал и отправлял на тот свет вражеских агентов, а после, задумчиво чистя верный «стармер», тоскливо глядел на проплывавшие по небу косяки галочек, очевидно, сбежавших из какой-то ведомости. Здорово!

Он вернулся на кухню и снял с плиты закипевший чайник. Наливая чай, покосился на задумчивого безухого домового, который сидел по-прежнему на батарее, сокрушенно ощупывая нос.

— Придурок, — сказал ему Клоб, уходя в соседнюю комнату. Поставив на стол чашку с чаем, он придвинулся к стереовизору и замер.

В его любимом кресле сидела незнакомая женщина.

— Ку-ку, — сказала она и тотчас же засмеялась.

От этого Клобу стало легче. Он осмелел и елейным голоском, подойдя поближе, сказал:

— Кхе-кхе. Вы... если того... случайно сюда попали, то вы не волнуйтесь, прямо скажите, и я вас выпущу, бог с вами. А если насчет того, чтобы что-то своровать, то не бойтесь, я тут же вызову... и они вас перевоспитают. Вы вдумайтесь, ведь красть грешно. А они всех перевоспитывают, и будете вы полноценным членом общества. Как все. Подумайте... я дело говорю.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Ты что, того? — спросила она.

— Нет, — сказал Клоб и присел на подлокотник кресла, в котором она сидела. — Ты откуда? И как сюда попала? Отвечай быстро. Имей в виду, через минуту вызываю специальные органы.

— Да ты что? Я из ящика.

— А как в него попала?

— Вот чурка. Да в комплекте я. Ты что, не знаешь, что приобрел?

— Нет, понятия не имею.

— Это «ветеринар». Вечный темпоральный редубликатор начального разряда.

— А проще?

— Неужели не понятно? Сейчас ты достиг определенного уровня. Тебе положена надлежащая обстановка. Как только сумеешь свой уровень повысить — обстановка сменится автоматически. А я к ней приложена. Я — типовая подруга. Поэтому просьба — соблюдай правила эксплуатации. Идет?

— Так ты робот?

— Фи, ни в коем случае. Я — подруга, и этим все сказано. И больше не задавай глупых вопросов.

Клоб ничего не сказал, а как бы случайно положил ей руку на плечо. В висках у него зашумело, разгоряченная ладонь скользнула к вырезу платья.

— Руки! — Женщина больно стукнула Клоба по пальцам. — Вот когда сговоримся, тогда и руки... А пока — нет. Как, подхожу я тебе?

— Подходишь, подходишь, — с некоторой долей сомнения пробурчал Клоб, разминая кисть.

И тогда женщина устроилась рядом с ним, нежно обхватив руками, заглянула в глаза и, смешно вытягивая губы, сказала:

— Глупыш. Вот и договорились. Только не надо дергаться, терзаться и делать глупости. Думаешь, случайно ты получил приз «красивой жизни»? Темнота! Об этом постарались определенные люди. И они на тебя рассчитывают, сам понимаешь... Пока ты нам нравишься, но не дай бог мы в тебе разочаруемся. А если ты думаешь, что причиной приза было слово, то зря (видишь, как хорошо мы тебя знаем?). Да, пожалуй, оно нас немного подтолкнуло. Разве плохо иметь среди своих человека, который умеет делать слова? А? Вот так вот, это все и намотай на ус. А что касается меня, то я являюсь твоей собственностью, и у меня есть правила эксплуатации.

Во-первых, достаточно денег на расходы, во-вторых, не перегружать домашней работой, в-третьих, изменять будешь не чаще чем раз в неделю. И чтобы все было шито-крыто. Идет?

— Идет, — ошалело сказал Клоб.

— Ну, вот и ладушки, — обрадовалась она. — Кстати, учти, чем выше поднимешься — тем лучше я буду выглядеть. Получается — я тебя стимулировать буду на продвижение вверх. Ладно, ладно... убери руки, что за пошлые манеры! В общем, так, распаковываться больше не будем, сделаем это завтра. А сейчас будем укладываться спать. Видишь, за окном темнеет. Все, я пошла, а ты приходи минут через пятнадцать.

Она встала. Потянулась, наверняка не без тайного умысла демонстрируя свои прелести.

Клоб заметил, что где-то возле шеи у нее вдруг обозначилась странная морщинка. Но сейчас это не имело значения. Сказки Шахерезады, портной в одну ночь стал принцем!

Так легко было поверить в чудо и забыть, что бесплатных чудес не бывает.

— Эх, как мы с тобой заживем. — Она остановилась на полдороге в спальню. — Что за вещи мы будем носить! Куда только не поедем! Чего только не увидим! Эх, пошла жизнь, пошла! А где остановится — никто не знает.

И — в спальню. Там что-то зашелестело и защелкало, расстегивались пуговицы. Потом послышались шаги и легкое музыкальное посвистывание.

А Клоб сидел на диване и напряженно думал.

Неправда, не такой уж он и слабый. Просто жил как хотел, не высовываясь, тщательно избегая неприятностей. Впрочем, кто их в наше время желает? Это раньше считали, что неприятности — ничего, главное — принципы. Сейчас нет, принципы и все прочее — чепуха. Лишь бы чего не вышло.

Так что остается только ждать, наплевав на совесть и людское мнение, потому что их не существует. Именно так. Того, во что мы не верим, на самом деле нет. Все эти моральные проблемы решаются просто: веришь — не веришь. И если сумеешь принять решение — их нет и не будет.

Сидя на диване, он уговаривал себя, убеждая в том, что так и надо, так и должно быть. А сам прислушивался. Но в спальне было тихо. Наверное, пора идти. Однако он медлил, чего-то ожидая, и старался думать о том, как хорошо было раньше. Ведь действительно хорошо! Ни забот, ни хлопот, живи в свое удовольствие.

Ему вдруг стало ясно, что ничего не нужно. Ни дорогой обстановки, ни этой нахальной бабы, похожей на биоробота, ничего. Лишь бы его оставили в покое, чтобы можно было сидеть на кухне, попивать кофе и не думать ни о чем подобном. Но слишком по-

здно. За что? Ведь всего лишь загадал желание! А теперь всю жизнь должен будет куда-то бежать, кого-то охмурять, чего-то доставать и отдавать еще за что-то. И так по кругу, безостановочно: отдал, достал и, частично поглотив, отдал снова. Все быстрее и быстрее, пока есть силы, с трепетом ожидая очередной смены моды. А мода меняется мгновенно, она такая, мода. И ничего тут не поделаешь. Надо идти с ней в ногу, растрачивая последние силы, которые, увы, не бесконечны. Рано или поздно они иссякнут. Тогда он попросту сдохнет, надорвавшись. Вещи и девица перекочуют к кому-то другому, который будет их менять, собирать и снова менять в погоне за удовольствиями и уважением других, чтящих только людей, способных идти в ногу со временем. И так до конца, до самого конца.

И вот тут-то ему действительно стало страшно, до холодного пота и мурашек по коже. За что? За какие грехи он попал в эту бесконечную гонку?

К черту! Надо избавиться от злополучного выигрыша. Он попытался нащупать медальон, который еще утром надел на шею, но вдруг почувствовал, что медальон врос в мясо, ушел под кожу. Да что же это такое?

Клоб рванул медальон и вскрикнул от сильной боли.

Да, теперь, пожалуй, от него можно избавиться только с помощью хирургической операции. Вот так ловушка! Но что же делать?

И тогда, словно ребенок, который в темноте прячет голову под подушку, он зажмурил глаза и попытался спастись последним оставшимся у него способом.

Слово! Именно оно!

Из спальни его позвали нежно и многообещающе, но Клоб не услышал. Вцепившись побелевшими пальцами в колени, он пытался собрать воедино весь страх новой жизни и жажду модных тряпок, жизненные несуразицы и бесстыжую девицу, в общем — все.

И что-то получалось, он это чувствовал и, умирая от любопытства, пытался предугадать, какое оно получилось, это слово. И не мог.

Так длилось минут пять, пока он не понял, что все. Конец! Баста! Работа закончена!

С полминуты он отдыхал, откинув голову на спинку кресла. А потом открыл глаза и увидел.

Вместо слова на столе лежал маленький белый крокодил.

И пока окаменевший Клоб его разглядывал, крокодильчик плюхнулся на пол, подбежал, смешно шлепая короткими лапками, и молниеносно вцепился острыми зубками ему в ногу...

ЗАЩИТНЫЙ МЕХАНИЗМ

Зов пришел слишком рано. Некоторое время он сидел на камне у входа в пещеру Друхха, терпеливо ожидая, когда тот проснется. Вообще-то Друхх всегда вставал с восходом; но сегодня восход встал раньше и радовался этому целых пять минут.

Проснувшись и услышав, что пришел зов, Друхх некоторое время боролся с сомнениями. Одно он победил хитрой подножкой, другое ударом в солнечное сплетение, третье хуком в челюсть, в лучших традициях портовых драк. И тогда зов, облегченно вздохнув, ворвался в пещеру, наполнив ее по самый потолок гулкими барабанными ударами, вареными камнеедами, старыми байками, каллиграфически выписанными словами «Свобода», пиликаньем цыганской скрипки и страхами пятилетних мальчиков.

Друхх вдохнул побольше воздуха и, в последний раз кинув взгляд на зеленую долину, где находилась его пещера, на восход с высунутым в его сторону языком, стал медленно исчезать, успев на прощание пожелать, чтобы пещера находилась одиноким путникам не реже двух раз в год, зеленая долина не смела играть в карты на протекавшую через нее речку, а восход осуществил свою заветную мечту и стал восвыходом.

Заинтересованно поглядывая и строя глазки, прошло время. А Друхх все проваливался и проваливался в другое измерение, чувствуя себя тысячеротым, тысячеглазым и тысяченосым монстром, который умудряется проделывать одновременно тысячи дел: дышать, есть, спать, умирать и возрождаться. И все это с одной лишь мыслью о том, какую прекрасную шутку разыгрывает с людьми смерть, подсовывая им, в надежде, что кто-то умрет не до конца, длинный туннель, ослепительный свет и прочие дешевые штуки.

Бункер был большой и старый. Харлам лежал на деревянных нарах, рассеянно разглядывая неровные стены, на одной из которых была прилеплена картинка с пышной блондинкой, занимавшейся какими-то сомнительными делишками. Снаружи грохотал гром.

«Интересно, что будет на этот раз? — подумал Харлам. — Хорошо бы, как вчера — ванильные пирожные, а то ведь опять посыплется всякая дрянь: старые, вышедшие из употребления учебники географии, картофельная шелуха, ржавые костыли...»

Он потушил окурок и закрыл глаза.

Самым лучшим дождем был дождь, шедший на прошлой неделе. Тогда с неба падали бутылки пльзенского пива. Вот это дождь! По всему городу шел звон, осколки бутылок впивались в стены, а по тротуарам текли настоящие пивные реки. Потом, когда дождь кончился, все высыпали на улицы и стали черпать из этих рек и ручьев чем попало: ведрами, чашами, макитрами, пустыми цветочными горшками и пили, пили, пили... И ничего страшного не случилось. Все остались очень довольны. Только сотни две татаромонголов спьяну стали штурмовать Пентагон, но там ребята сидели не промах и так им дали прикурить, что из степняков махом вылетел весь хмель, и они, отказавшись от своей затеи, ускакали.

Харлам встал, пошуровав в печке, подбросил несколько обломков тяжелого викторианского кресла, да так и остался сидеть. Ему было приятно чувствовать исходящее от печки тепло и неторопливо думать о том, что он здесь уже две недели и за это время хроноклазм раздвинулся километров на сто, а завтра снова отправляться в путь, до цели осталось совсем немного, дня два-три, не больше.

Дождь за окном набирал силу. Слышно было, как он колотит по стенам бункера. Кстати, слишком уж сильно. Нет, ванильными пирожными здесь и не пахло. На бутылки с пивом или кока-колой тоже совсем не похоже. Скорее всего падало что-то железное.

Заинтересовавшись, Харлам подошел к стене и, открыв амбразуру, посмотрел наружу.

Вот это да!

С неба падали ножи. Кривые и прямые, засапожные, сделанные из старых напильников хулиганские финки, трехгранные, богато украшенные золотом и бриллиантами дамасские кинжалы, морские кортики с клеймом волка, широкие грузинские кин-

жалы в украшенных серебром ножнах и еще, и еще... А потом дождь стал гуще и с неба посыпались короткие римские мечи, скифские акинаки, мексиканские мачете и малайские крисы, казачьи шашки и турецкие сабли, гибкие ятаганы и самурайские мечи, большие двуручные, с прямыми гардами и с гардами в виде чашечки с пропилом, чтобы захватывать и ломать мечи противников.

Харлам вздохнул и, плотно закрыв амбразуру, ушел на нары. Он закурил очередную сигарету и, разглядывая фотографию с проказницей блондинкой, стал вспоминать Крез, которая, очевидно, сейчас и думать о нем забыла, а нежится себе на каком-нибудь уютном пляже, подставляя солнцу шоколадное, до безумия красивое тело.

Глаза ее мечтательно закрыты, а губы слегка улыбаются, хотя, если приглядеться, видно, что это не полуулыбка Джоконды, а просто такой рисунок губ. И вокруг Крез уже отираются несколько атлетически сложенных самцов, каждый из которых мечтает хотя бы о взгляде или жесте, не говоря уже о большем. Ах, вот если бы она разрешила кому-нибудь понести за ней туфельку! Пусть на четвереньках, пусть в зубах, но чтобы — улыбнулась! Любой из этих идиотов с радостью согласится. А остальные будут завидовать страшной завистью и от ревности рвать на себе волосы, катаясь по песку.

Харлам вздохнул и вспомнил двух молодчиков, которым переломал ребра перед отправлением сюда. Вот дураки! Неужели они ничего не понимают? Может, он вообще зря их так? Ну уж нет, определенные границы переходить непозволительно никому. Так им и надо. Впрочем, чего это он?

Харлам поплотнее запахнулся в старое дырявое одеяло, найденное здесь же, положил автомат поудобнее под руку и еще раз посмотрел в сторону двери, заваленной ящиками, и, прикинув, насколько надежна баррикада, выбросил окурок в сторону печки.

Вот и все, можно уснуть. А завтра... Ему опять вспомнилась Крез, и он даже успел подумать о том, что, вернувшись, разведется с ней обязательно.

Образцовый оборотень не должен быть любопытен. Вся его жизнь состоит из нескольких несложных действий: унюхал, погнал, разорвал, сожрал и снова в спячку. А все, что сверх, — плохо кончится.

Катрин это знала хорошо, но все же, черт возьми, так иногда хочется, особенно после дождя, когда по улицам еще бегут ручьи, а воздух чист и свеж, красться по улицам, заглядывая в каждую щель, внюхиваясь в каждый запах в надежде найти что-то совсем невиданное и непонятное.

Вот и сейчас она неторопливо бежала по пустым улицам, поглядывая на неправдоподобно огромный глаз луны и внюхиваясь в пропитанный грустью уходящего лета воздух. Ей казалось, что если посильнее оттолкнуться, то можно взлететь мимо окон с выбитыми и целыми тускло поблескивающими в лунном свете стеклами, подняться в черноту неба, подчиняясь притяжению этого голубого, изрезанного шрамами диска, вверх... к нему...

Она остановилась возле синей вывески, на которой красными буквами было написано «Общепит», послушала, как из-за окованной железом двери доносится радостный хохот, бренчание разбитого пианино и пьяные голоса, горланившие старинную песню:

Последний лист дрожит на клене,
Слеза разлуки, ах, горька.
Звезда горит на небосклоне —
Звезда прощанья на века.
Не унесут нас больше кони
В плен лунных плесов ивняка.
Звезда горит на небосклоне —
Звезда прощанья на века.

Она царапнула дверь. Да, куда уж там, только когти зря поломаешь. И где они такую прочную дверь взяли? Вот ведь незадача. А то, что отсюда никто до рассвета ни под каким видом не выйдет, это уж точно. Немного повыв от разочарования на луну, она еще раз понюхала воздух и неслышной серой тенью скользнула дальше.

Промелькнул искореженный, напоминающий изготовившуюся к прыжку кобру, фонарный столб. На его металлическом теле оседала ночная роса. Вокруг разбитого плафона, едва не задевая его крыльями, кружились молоденькие археоптериксы. Впереди был туман. Он уже затянул половину улицы плотной белесой пеленой, медленно поглощая дом за домом, квартал за кварталом.

Волчица нырнула в него, на некоторое время оказавшись в мире размытых очертаний, холодного мокрого воздуха и зага-

дочных, искаженных звуков. Бесшумно летела она по мостовой, минуя дом за домом, а когда выскочила в ясную и спокойную ночь, облегченно вздохнула. Справа виднелось здание, на стене которого была нарисована вывеска издательства «Пролетай».

Она понюхала воздух, ощутив сразу тысячи запахов, каждый из которых что-то означал, был понятен и знаком, добавлял штрих к этому странному, казалось, заснувшему миру, тем не менее наполненному жизнью до предела. Надо только уметь ее учуять. Она чувствовала, как сквозь запах страха и безразличия, а также едва уловимый запах спокойного сна просочился немногим более явственный запах спрятавшейся добычи.

Она снова судорожно принюхалась.

Нет, эта добыча была слишком далеко, за пределами ее владений, когда-то давно и честно завоеванных в поединке.

Она свернула за угол, подумав, что вот тут ее владения кончаются и она только постоит на самом краю, а потом побежит назад, к другому краю, отсюда километрах в двух.

И тут ей в ноздри ударил настолько сильный запах добычи, что она остановилась, словно налетев на невидимую стену.

Самая лучшая — после человека — добыча: олень-великан!

Он стоял за киоском «Союзпечати», настороженно оглядываясь по сторонам и тревожно ловя ночной воздух, надеясь учуять опасность прежде, чем она учует его. Как бы не так.

Волчица скользнула в тень забора, перемахнула через брошенный и насквозь проржавевший велосипед, подкралась еще ближе, готовясь для единственного, неотвратимого, как нож гильотины, прыжка. И вновь остановилась, только сейчас сообразив, что олень — на чужой территории.

Вон он — рукой подать, а взять нельзя. Чужой. И остается только молиться, чтобы его что-нибудь спугнуло и он рванул в нужную сторону, пересек условную, но точную границу. Ну же... Ну... чего ты медлишь? Того и гляди появится Рваное Ухо, хозяин соседской территории, — тогда все, пиши пропало. А может, он уже сейчас подкрадывается к добыче и той осталось жить считанные секунды? Она снова понюхала воздух. Нет, Рваным Ухом пока не пахло.

Собственно, то, что олень убит на чужой территории, надо еще доказать.

А если попадешься? Нет, нельзя, слишком велик риск. Если попадешься... Оборотень ты или нет? В конце концов должно тебе повезти? Эй, ты же всегда была правильным оборотнем и уважала

закон. Сейчас ты повернешься и уйдешь, тихо-мирно уйдешь. Эта добыча не для тебя. Ну, давай же. Повернулась, пошла, пошла прочь отсюда. Эта добыча не твоя. Давай уходи...

И все же она прыгнула. Она, наверное, не смогла бы объяснить почему. Уже повернулась уходить, и в этот момент ее тело сжалось, как пружина, развернулось и прыгнуло. Волчица пожалела об этом еще в прыжке и даже попыталась извернуться в воздухе, но было поздно. Она упала на спину оленя, и на полминуты все ее внимание сконцентрировалось на его горле, которое надо было разорвать, но только после того, как смертельно испуганный зверь окажется на ее территории.

Все, пора. Волчица вонзила клыки, и ее пасть наполнилась горячей, с солоноватым вкусом и сладким запахом, кровью. Олень начал падать, она едва успела спрыгнуть и, прокатившись по мостовой, услышала его предсмертный кашель. Вскочив, Катрин рванулась к оленю, чтобы напиться свежей крови, — и тут из ближайшего подъезда выбрался Рваное Ухо и не спеша направился к ней.

Так, приехали.

Некоторое время они стояли друг против друга, ощетинившись и скаля клыки. Пять, десять минут. А потом Рваное Ухо повернулся, медленно-медленно потрусил вдоль по улице, и пока он не свернул за ближайший угол, вокруг была мертвая тишина, взорвавшаяся сразу, словно стремясь наверстать упущенное, воем ветра, далеким протяжным уханьем и разухабистой песней из «Общепита»:

Эх, да собирались бегемоты на войну,
На старинную клоповью сторону.
Подняли по всей округе ералаш,
Надевали дружно на нос патронташ.

Времени у нее оставалось никак не больше часа. Да и то, если повезет. Рваное Ухо вместе с двумя друзьями, которых он призовет по закону, мог быть и минут через пятнадцать.

Волчица оглянулась. Вон тот тупичок подойдет. Здесь им придется нападать по одному. Хотя, конечно, это не поможет.

Нет, если уж начала нарушать законы, надо делать это последовательно. Нельзя было упускать Рваное Ухо. Задала бы ему трепку прямо здесь. По крайней мере были бы какие-то шансы его прикончить и тем самым закрыть дело. А теперь...

Волчица в который раз понюхала воздух. Нет, ничего опасного пока не появилось.

Она положила голову на лапы и задумалась.

Хорошо, я нарушила закон и жду неотвратимого наказания. А почему? Почему нельзя попробовать спастись? Но как? На земле ее обязательно выследят и убьют. Значит, нужно найти другой путь. Какой?

Она встала и, вернувшись в облик человека, бросилась к соседнему дому, на стене которого виднелась пожарная лестница...

Перепрыгнув на пятую крышу, Катрин злорадно подумала о том, какая морда будет у Рваного Уха, когда он не обнаружит ее там, где она должна быть.

Под ногами гремела кровельная жесть, сыпалась черепица, трещал шифер, а она бежала все дальше и дальше. Возле лозунга «Во главе с Верховным Предводителем, великим борцом за мир, вперед, к победе» она остановилась и, оторвав от него кусок материи, на котором случайно оказались буквы «ПО», намотала на тело. А потом нашла удобное место, легла на очередной крыше, спрятавшись за ее толстым парапетом, и, благо ночь была теплая, мгновенно уснула.

Катрин проснулась в полдень. Внимательно огляделась по сторонам и убедилась, что опасности нет.

Она спустилась по водосточной трубе и, очутившись на небольшой кривоватой улице, прошла ее до конца. В конце улочки был скверик, в центре которого стояла скульптура «Девушка с ослом», своим растрескавшимся телом и отколотым носом олицетворяя всеобщее счастливое детство.

И тут навстречу ей с одной из скамеек встал Рваное Ухо. Он шел, неторопливо передвигая обтянутые джинсами «Бэби леви» ноги, потом сунул правую руку в карман, где у него был пружинный нож. И те двое, что шли за ним, сделали то же самое. Хорошо понимая, что теперь-то ей не уйти, волчица пожалела, что вчера не рискнула забежать в свое жилище и взять оружие. А еще она подумала, что от судьбы не уйдешь.

Захлопнув дверь бункера, Харлам подтянул пояс и забросил за спину рюкзак. Оглянувшись, он пошел вдоль по улице, жмурясь от утреннего солнца. А вокруг был город, словно появившийся из кошмара. Слепящие блики прыгали по позолоте православных церквей, по хрому и никелю супернебоскребов, отражались в броневых стеклах магазинов и начищенных до блеска медных фигурках в лавках старьевщиков.

Поглядев вверх, Харлам увидел парящего над городом дракона и усмехнулся.

Какой только нечисти, оказывается, не существовало в минувших веках: драконы, кентавры, русалки, оборотни, не говоря уже о домовых и прочих. И вся эта живность, проскользнув из прошлого, устроилась и расплодилась здесь. Нечисть! Он вспомнил русалку, которую видел третьего дня. Познакомиться бы с этой нечистью поближе, где-нибудь в интимной обстановке.

Он двигался вперед, все время приглядываясь и прислушиваясь к окружающему миру, стараясь предугадать момент, когда из-за поворота на него кинется саблезубый тигр или же сверху спикирует птеродактиль, раскрыв узкую, усаженную острыми зубами пасть и яростно сверкая маленькими красными глазками.

Но все было спокойно в этом утреннем, еще полусонном мире, где каждый громкий звук казался кощунством, где ночная роса еще блестела на траве скверов и на стволе «тигра», стоявшего прямо посередине улицы. Люк танка был открыт, и из него, как скворец из гнезда, вдруг высунулся индеец, потрясая томагавком. Закричал:

— Бледнолицый! Мой, Белый Бизон, сейчас будет твоя, поганый пес, немного скальп снимать, если ты не одаришь меня виски, порохом и добротными одеялами, без которых мой, Белый Бизон, неудобно спать в этой железной пещера.

Он величественно повел рукой и стал извлекать из люка палицу, лук, стрелы с костяными и каменными наконечниками, а также короткое копье.

Тратить патроны Харламу не хотелось, и он выстрелил всего лишь один раз. Пуля звонко щелкнула о броню танка.

— Вот ведь, черт, — сказал индеец, усаживаясь на край танка и доставая из кармана пачку «Кэмел». — А я-то надеялся, что у тебя кончились патроны. Хуг, всю жизнь не везет.

Он сплюнул и стал, неторопливо покуривая, рассматривать Харлама и его снаряжение.

— Слушай, парень, похоже, ты из двадцатого века?

— Ага, — сказал Харлам. — Я вообще снаружи, а там сейчас девяносто восьмой год.

— Да уж, — покрутил головой индеец. — А я, когда эта штука случилась, жил в восемьдесят девятом и учился в Оксфорде. А теперь приходится вот чем заниматься. Лучше всего, конечно, маскарад действует на тех, кто жил в начале двадцатого века. Тогда как раз зачитывались всеми этими Куперами, Сальгари, Хаггартами.

— А может, тебе махнуть через границу — наружу! — предложил Харлам. — За девять лет мир не изменился.

— А, только стал еще пакостнее, — махнул рукой индеец. — Что там хорошего? Инфляция, гангстеры, наркотики, смог. А здесь я сам себе хозяин! Тут неподалеку есть кусок прерии, на котором живут человек сорок чайенов и штук двести бизонов. Представляешь, настоящих бизонов! Нет, такое бросать нельзя.

Он стал собирать в кучу оружие и прятать его в башню.

— Понимаешь, я мог бы жить с ними, но они пока возражают. Все допытываются, какой мой тотем. А я откуда знаю? Эх!

Белый Бизон махнул рукой и, потушив сигарету, полез обратно в люк. Когда снаружи осталась только голова, он сказал:

— Пока! — и захлопнул тяжелую крышку.

— Ну и ну! — сказал сам себе Харлам. — Веселый мир. Воспитанник Оксфорда грабит на дороге честных людей под видом дикого индейца. Анекдот!

Он улыбнулся и пошел дальше.

Минут через пятнадцать ему встретились усатые мужики в поддевках, тащившие зацепившийся за карниз какого-то дома первый солнечный луч. Луч был толстый, золотистый, весь словно сплетенный из огненной шерсти, и мужики то и дело поплевывали на обожженные пальцы, но добычу не бросали, а с криком, матом и веселым кряхтеньем тащили свое сокровище все дальше и дальше. За ними ковылял вавилонский купец и, выдирая клочки из крашенной охрой ашурбанипалской бороды, кричал:

— Да покарает вас богиня Иштар! Сыны греха! Да забодает вас великий бык Мордух! Верните немедленно то, что вам не принадлежит!

Мужики не обращали на него внимания, только временами кто-нибудь из них советовал купцу сходить и нюхнуть сырых опят, на что представитель вавилонского купечества начинал орать как резаный.

«А может быть, все эти русалки и прочие вовсе не из прошлого? — подумал Харлам, провожая взглядом процессию. — Может, они побочный эффект хроноклазма? Впрочем, пусть в этом ученые разбираются. Наше дело — добраться куда надо и сделать что приказано. Остальное — до лампочки».

Он сверился с компасом.

Пока он идет правильно.

А день уже начинался. Предприимчивые бабки торговали пирогами, пампушками, варениками, ватрушками, беляшами и еще черт знает чем.

Мимо ехал отряд крестоносцев, и его предводитель, за спиной у которого торчала рукоятка большого двуручного меча, остановив коня, предложил Харламу отправиться вместе с ними защищать Гроб Господень от проклятых кузнецынов. Отказываться было нельзя. В этом случае оскорбленный рыцарь приказал бы своим товарищам рубить отступника в капусту. Такой вариант Харламу совсем не улыбается, и он соврал крестоносцу, что дал обет посетить храм избавления святых дев, куда сейчас и направляется. Рыцарь согласился, что обет — дело святое, и они расстались.

Минуты через две Харлам обернулся и увидел, что крестоносцы встретились с дружинниками князя Олега и сделали им все то же предложение. Дружинники предложение приняли, но попросили сначала помочь им отомстить неразумным хазарам. Разгорелся спор.

Харлам пожал плечами и подумал, что если бы в этой проклятой стране не было всеобщего языка, то крестоносцы не смогли бы приставать со своим предложением ко всем и каждому. Хотя, кто знает, может, тогда они просто бы рубили всех и каждого встречного в щепу? Для этого знания языка не нужно.

За спиной Харлама послышались гневные крики, а потом яростная ругань, свист мечей, ржанье коней.

— Ага, — сказал Рваное Ухо. — Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

Он шел к Катрин и чуть заметно улыбался. Двое других заходили справа и слева, отрезая малейшую возможность отступления.

Она посмотрела вправо, и заходивший оттуда парень оскалил в улыбке свои желтые клыки. Физиономия у него была паскудная — дальше некуда. Нож он держал в руке умело, тут ей было явно не прорваться. Она посмотрела налево. Там наступал тип огромного роста. На правом кулаке у него тускло поблескивал кастет с шипами.

Они медленно сходились, и центром их все сгущающегося круга была она, Катрин.

Что ж!

Она приготовилась. Выбраться живой не было никаких шансов, но все же стоило попробовать.

— Может, один на один? — предложила она Рваному Уху.

Тот облизал губы и чуть заметно покачал головой.

Так, остается попробовать прорваться слева.

Она почему-то была уверена, что бандит слева более неповоротлив, чем остальные.

Ну, еще шаг, и можно начинать.

Катрин чуть отставила левую ногу, приготовившись прыгнуть в сторону детины с кастетом, но тут возле ее уха свистнула стрела и срезала полоску кожи с плеча Рваного Уха. Тот взвыл и едва успел уклониться от второй стрелы, вонзившейся в небольшое деревце возле Катрин.

А в скверик уже вливалась колонна татаромонголов, и передние всадники в меховых шапках и тяжелых халатах, бешено визжа, крутили над головами тяжелые, изогнутые полумесяцем сабли.

Волки немедленно исчезли из сквера. Катрин тоже прыгнула в сторону, как вихрь ворвалась в ближайший подъезд и кинулась на крышу.

Кровельное железо загудело под ее ногами. Она перепрыгнула на другую крышу, миновав ее, выбрала место пouже и перескочила на третью. На четвертой она обернулась и увидела три фигуры, бегущие по ее следу.

Ветер насвистывал ему в уши лихую бойскаутскую песню. А пути оставалось не больше чем на три дня. А там он включит вделанную в компас рацию, свяжется с кем надо, вызовет «рокамболь» и...

Задание легкое попалось. Две недели — и без особых происшествий. Ну, раза два ввязался в драки, да еще, когда переходил змеиное болото, истратил пару гранат. В какой-нибудь Лемурии все было бы гораздо труднее. Он вспомнил Лемурию, кисловатый вкус ее песка, безжалостное солнце, облака, похожие на клочки пропитанной кровью ваты.

Эх... А тут! Если расчеты его верны, то пути осталось совсем немного, а потом, снаружи, все, что душе угодно. Целый месяц! Потом.

Он свернул на одну из улочек Толедо и прошелся по ней под бренчание гитар, звон шпаг и томные вздохи черноглазых красавиц.

В конце улицы к нему привязался какой-то пьяный кабальеро, предложивший, икая и поминая всуе имя святой девы, сыграть для развлечения в кости. Золотых по сто на кон. Харлам, конечно же, отказался. Кабальеро назвал его трусом и схватился за шпагу. Правда, вытащить ее из ножен не успел. Приклад автомата Харлама опустился на его голову, после чего кабальеро на некоторое время успокоился, а Харлам беспрепятственно перешел на одну из улочек типичного американского городка эпохи освоения Дикого Запада.

Улица была пустынная, только в самом конце двое бандитов грабили банк, да к ним неторопливо подходил шериф в широкополой шляпе, с серебряной звездой на груди, поправляя кобуру с гигантским кольтом на боку. Миновав салун «Золотой лев», из которого слышались звуки расстроенного пианино, звон посуды и нестройные крики пьяных ковбоев, Харлам увидел, что возле банка уже разгорелась перестрелка. Одна из пуль просвистела у него над головой. Он, спрятавшись за угол салуна, прикинул, что вся эта кутерьма продлится еще минут десять: можно перекурить. В принципе он мог бы помочь шерифу, но, судя по всему, тот и так справится. На то и шериф. А Харламу рисковать нельзя.

За углом трещали выстрелы, а он неторопливо покуривал, вспоминая Крез, ее спокойные грациозные движения, немного жестковатый, но все же мелодичный голос. А может, не стоит разводиться? Да нет, стоит.

Харлам выглянул из-за угла. Все было кончено. Шериф раскуривал сигару, из дверей банка торчали ноги одного из бандитов.

Харлам неторопливо отсалютовал подозрительно посмотревшему на него шерифу и прошествовал дальше — туда, где виднелись даосские пагоды, слышался размеренный гул гонгов и курились чашеобразные курильницы, вздымавшие к небесам тонкие дымки пахучих тибетских трав. Последний храм чуть ли не подпирал огромную заводскую стену. Ворота были заперты. Какие-то латники устанавливали перед ними осадные орудия, готовили окованный медью таран. Их предводитель, подбоченившись, стоял возле одной из катапульт и поглаживал пышные усы.

Проходя мимо, Харлам увидел, как над воротами появился белый флаг. Приказав лучникам не стрелять, предводитель приготовился слушать.

Человек, голова которого показалась над краем ворот, довольно робко поинтересовался, чем они обязаны столь явному проявлению неудовольствия со стороны могущественного графа де Ирбо.

— Чем? — загремел граф. — Ничтожнейшие червяки, да вы же загадили черной водой, которую непонятным мне колдовством производите на свет божий, половину моих земель. Мои олени и верблюды погибают, мои поля дурно пахнут, и я не знаю, кто будет есть уродившийся на них хлеб. Мои вилланы терпят убытки, и в скором времени им грозит голод. Что скажете вы на это, сэр директор завода?

Директор, однако, ничуть не смутившись, стал бойко объяснять:

— Во всем виноваты наши поставщики, вовремя не доставившие сменные фильтры. А мы менее всего в этом виноваты. В крайнем случае, если вы пожелаете, можете объявить мне выговор, даже с занесением в личное дело, но предупреждаю, что буду жаловаться по инстанциям, и сам Борис Глебович, который меня знает лично...

— А мне плевать, — зарычал граф. — Мне плевать на ваших поставщиков и на ваши выговоры. Вот когда мои люди взломают ворота, клянусь, лично вас, как предводителя и владетеля этих мест, я усажу на кол. Другим же, принимая во внимание их подневольное положение, прикажу надеть на шею пеньковые веревки. Право, давно мои молодцы не вешали столько людей. Я причисляю вас к разбойникам и пакостникам, которые не хотят отвечать за свои поступки в чистом поле, как пристало благородным господам, на коне и с копьем в руке.

За стеной завода началась тихая паника. Голова сэра директора, на секунду исчезнув, появилась снова.

— Может быть, вы согласитесь принять от нас штраф, то есть выкуп?

— Выкуп? — Граф подкрутил длинный ус. — Идет. А сколько?

— Сто, двести тысяч.

— Неплохо. — Граф обрадованно подкрутил второй ус. — Только предупреждаю, монета должна быть полновесной и не фальшивой.

— Какая монета? — удивился директор. — Мы все платежи производим по безналичному расчету.

— Так вы еще и издеваетесь! — закричал граф и махнул лучникам. Директор едва успел спрятать голову, как на то место, где она только что была, обрушился град стрел.

Вассалы графа снова стали готовить осадные орудия, а Харлам махнул рукой и пошел дальше.

За заводом был пустырь. Направо виднелись поля и леса графа, усеянные черными блестящими пятнами. А Харлам неожиданно подумал, что снаружи все по-прежнему: люди занимаются своими привычными делами. И никто даже не задумывается о том, что месяц назад появился и стал стремительно расширяться новый, удивительный мир. Да, здесь насчет удобств негусто и вполне можно налететь на неприятности, но с другой стороны — свобода, странное восхитительное чувство, что тебе в затылок

никто не смотрит и можно делать все, что хочешь. Правда, если ошибся, заплатишь за это тоже сам...

Земля зашаталась под его ногами и, треснув, разлетелась осколками оконного стекла, в которое попал хулиганский мяч. За осколками потянулись ниточки тумана, поначалу казавшиеся сверкающими струйками, которые вдруг попытались удержать Харлама. Ничего хорошего это не предвещало.

Он вскрикнул и прыгнул в сторону, выискивая место понадежнее, потому что земля под его ногами корчилась и превращалась в оскаленные лица, готовые схватить за пятки и с довольным хохотом сделать то, что не удалось туману: утащить вниз, в темноту и сырость безвременья.

Как бы не так!

Резкий прыжок в сторону, перекат и быстро, на четвереньках, два метра вправо. Потом прыжок в полусогнутом положении, потому что распрямляться уже нет времени, перекат, снова на четвереньках вперед и вперед, как можно дальше. Теперь налево и бегом-бегом. Господи, дай вторые ноги! Дай скрыться, забиться в какую-нибудь, пусть самую крохотную нору, но лишь бы только подальше от этого.

Харлам вихрем влетел в узкую улочку и побежал по ней, не разбирая дороги, сшибая на пути всех, кто попадался, лишь бы уйти, спрятаться, и, повернув за очередной угол, осознал, что все, ушел.

Он уселся на землю и стал отчаянно соображать, где же находится и далеко ли отклонился от намеченной цели.

Что же это было? Чертовски похоже на мнемоудар. Но кто и зачем?

Харлам стиснул зубы.

Ничего, уж три дня-то он как-нибудь продержится, даже в самых невероятных условиях. Ему не впервой.

Он встал и поправил автомат.

Итак, в путь.

Отшагав еще полквартала, он углубился в предместья Лондона и неожиданно увидел, как с пожарной лестницы, ведущей на крышу одного из домов, спрыгнула стройная девушка в странном одеянии. Ее преследовали трое мужчин самой бандитской наружности.

Ага, это уже интересно.

Харлам приготовился наблюдать.

Девушка пробежала мимо, даже не попытавшись позвать на помощь. Преследователи, похоже, вообще не воспринимали его как

нечто живое. Они отстали от своей жертвы метров на сто и теперь потихоньку ее догоняли.

Харлам хмыкнул.

Ну еще бы, ведь я здесь чужой. Эти бандюги уверены, что я не вмешаюсь. И, собственно говоря, правы.

Так примерно он и думал, пока до преследователей не осталось метров двадцать. А потом, неожиданно для самого себя, рывком сдернул с плеча автомат и саданул по ним широкой, на полмагазина очередью.

Как бы не так. Они даже не остановились, хотя почти все пули попали в цель.

Черт, ведь это оборотни. Их бы серебряными пулями, да где такие взять? Вот в Лемурии все наоборот — патронов с серебряными пулями сколько душе угодно. Только здесь не Лемурия.

Троица разделилась. Двое продолжали бежать за девушкой, а третий рванул к Харламу.

Ага, автомат бесполезен. Убежать? Не выйдет. И раздумывать уже некогда.

Харлам рванул с пояса гранату и, выдернув кольцо, уже в падении, швырнул ее под ноги бегущему к нему оборотню. Хлопнул взрыв, над головой просвистели осколки.

Харлам вскочил, сорвав с пояса вторую гранату. Но оставшиеся двое уже сообразили, что к чему, и, бросив преследование девчонки, кинулись в ближайший переулок.

Вот так-то.

Воняло пороховым дымом, метрах в пяти бессильно щелкала зубами волчья голова. Харлам понял, что за эти несколько секунд перестал быть сторонним наблюдателем, стал частичкой этой страны. И теперь с ним может случиться все что угодно.

Он еще постоял и посмотрел по сторонам. Голова оборотня перестала дергаться.

Ему надо было идти, торопиться, а он думал о том, что, похоже, влип. Да еще как! А мнемоудар? Если он повторится? От оборотней можно спрятаться. А от этого? Все равно найдет. Если только не выявить причину и не сделать то, что было приказано, прежде чем эта телепатическая тварь, или что там еще, с ним расправится.

Вот именно, прежде чем...

Он снова поглядел на компас и неторопливо, зорко оглядываясь по сторонам, пошел дальше, а свернув за первый же поворот, увидел девушку. Она стояла привалившись к стене и улыбалась. И

он ей улыбнулся тоже, хотя подумал, злясь на себя за собственную глупость, что глаза бы на нее не глядели. Глаза бы... Впрочем, очень даже можно поглядеть. Все, что надо, на месте и еще есть что-то такое, необъяснимое, что обязательно должно быть. А еще — улыбка.

Как же без этого: ведь спаситель все же.

Она-то зачем ему нужна? Впрочем, и то сказать, две недели ни с кем словом не перемолвился...

Только одета она как-то странно. И босиком. И что-то в ней все же есть необычное. Ну да, открытая мордашка с наивными... нет, глаза у нее никак не наивные и даже наоборот... что-то в них странное. Но кто тут не странный?

На соседней улице рычал какой-то зверь, что-то там трещало, рушилось. Потом рык смолк и повалили жирные хлопья дыма, послышался рев пожарных машин. Ветер дул в их сторону, и дым першил в горле. Харлам, хорошо понимая, что идти куда-либо не следует, так как видимости нет никакой, схватил девушку за руку и рванул ее в ближайший подъезд.

Дом был старый. Широкая крутая лестница. На нижних ступеньках лежали бутылки из-под молока и «шмайсер» с погнутым стволом. Стена рядом с лестницей оказалась разломана, и из пролома торчал окованный медью нос греческой триремы.

Харлам плотно затворил входную дверь и прислонился к стене. Девушка пристроилась рядом. Харлам закрыл глаза и стал думать.

А что, если девушка появилась здесь неспроста? Вдруг ее появление и мнемоудар связаны? Но что с того? Ну не она, так появится что-то другое. Пусть уж будет она. В крайнем случае убрать ее не составит труда. И вообще...

Он открыл глаза, отстегнул полупустой магазин и зарядил его до отказа. Потом посмотрел на последнюю гранату.

Да, гранат надо было взять побольше.

Девчонка между тем занялась своим странным платьем, отрывая от него полоски материи, что-то ими соединяя и связывая. Харлам увидел, как мелькнуло тоненькое плечо, и решил, что сам дурак. Просто девчонка. Просто бежала, спасая свою жизнь, а тут подвернулся он. Не может быть, чтобы это тоненькое плечо таило нечто опасное.

Он заглянул ей в глаза и участливо спросил, как спрашивают маленьких детей:

— Что, испугалась?

— Я? — Она вдруг улыбнулась, и Харлам почувствовал, как у него по спине поползли мурашки, потому что у нее во рту блеснул длинный волчий клык.

Время как бы остановилось. Он с ужасом подумал, что поза у него крайне неудобная. А пока он схватит автомат, который прислонил возле ног к стене, она успеет раз сто броситься и вырвать горло, как они обычно и делают. И автомат он положил неудобно, даже забыл передернуть, и теперь толку от него, как от веника. Разве что выхватить нож, но что нож против оборотня?

И тут она ему опять улыбнулась и участливо спросила:

— Что, испугался?

Харлама неожиданно отпустило. Он ошарашенно мотнул головой, не рискнув что-либо сказать, чтобы не выдал враз охрипший голос.

Ну и ну!

Он попробовал сосчитать до ста, но на полдороге бросил, обозвав себя трусом. Это помогло, и минут через пять, уже успокоившись, спросил:

— А как тебя зовут?

— Катрин. А тебя?

— Харлам.

— Вот и познакомились, — усмехнулась она.

Почувствовав, что краснеет, Харлам поднял с пола автомат и, передернув затвор, выглянул на улицу.

Все, можно идти дальше.

Автобус они нашли после обеда. К этому времени Харлам истратил последнюю гранату на доисторическое чудовище, вынырнувшее самым подлым образом из-за угла. Увидев перед собой зубастую пасть размером с легковой автомобиль, Харлам едва успел швырнуть в нее гранату и вместе с Катрин нырнуть в дверь католического храма. Их шаги гулко прозвучали по сводчатым переходам, где-то наверху жалобно всхлипнул орган, а они торопились, подгоняемые странным ощущением, что куда-то опаздывают и надо быстрее, быстрее. Тощий священник попробовал загородить им дорогу, как щит выставив распятие. Харлам оттолкнул его, и они побежали дальше. Еще один поворот. Какое-то помещение с узкими сводчатыми окнами, забранными частыми переплетами. Со скрипом открывшаяся дверь. Они оказались на соседней улице и почти сразу увидели автобус. Вполне современный «Икарус» и даже ничуть не поврежденный. Дверца кабины была распахнута, и на сиденье сидел какой-то человек в одежде

из оленьей кожи. Две черных арбалетных стрелы торчали у него из груди, да стайка мух кружилась вокруг запрокинутого лица.

Вообще-то идеальное место для засады.

Настороженно, готовые ко всему, они подошли к автобусу. Харлам аккуратно снял труп с сиденья, сел на его место и попробовал завести мотор. Заработал!

Он кивнул Катрин, которая тотчас же уселась рядом, и лихо вырулил на середину улицы.

Эх, пропадай моя телега, все четыре колеса!

Так, конечно, опаснее, зато быстрее. А время работает против него. Кто знает, когда будет очередной мнемоудар? Да и преследовавшие Катрин оборотни должны быть где-то рядом. Не откажутся они от затеи посчитаться с ней, ой не откажутся. А зря. И на оборотней найдется средство.

Все, проеду еще пару улиц, и делаем привал, решил Харлам и тотчас же чуть не сбил синюю горлицу с ночным горшком на голове. Аккуратно ее объехав, «Икарус» попылил дальше, мимо деревянных домов, индейских вигвамов, монгольских юрт, мемориала Катерины — луча света в темном царстве, какого-то эллинского дворца, на ступеньках которого сидела Элли, министерства «Незнамо чего», состоящего из двух подотделов, о чем оповещали соответствующие таблички «Подотдел просто незнамо чего» и «Подотдел черт его знает незнамо чего». Откуда-то появился запах только что распустившихся липовых листочков и ароматов жареного миндаля, который сменился вонью давно не стиранных портянок.

Пора было уже подыскивать место для ночлега.

Харлам услышал, как возле его плеча шевельнулась Катрин, и спросил:

— Ну что?

— Да так. — Она зевнула. — Спать хочется, а нельзя... Слушай, а ты, собственно, чем занимаешься?

— Чем? — усмехнулся Харлам, машинально прикидывая, не бок ли это мамонта виднеется из-за угла.

А действительно, кто он такой и чем занимается? Кто? Да никто. Обыкновенный человек. Родился, рос, ходил в садик, в школу. А потом — Лемурия, жаркое чудовище, пожиравшее всех, кто хотя бы на секунду расслабился. Именно там он научился воевать, но потерял что-то трудноопределимое. Веру в будущее? Светлые идеалы? А потом: школа, тренировки, задания, курсы по повышению мастерства, снова задания. И суета, отчаяние, надежда, желание

выжить и жить не хуже других, а иногда — по ночам — жгучая, непобедимая тоска.

Он снова улыбнулся, на этот раз грустно:

— Да так, то тем, то этим. А ты чем промышляла?

Теперь уже грустно улыбнулась она, вспомнив деревушку и лес, мрачный и живой, готовый навсегда спрятать, защитить и накормить. А также первый камень, который ударил ее по лицу. И шепот за спиной. А раньше, в самом детстве, дед, который с отрешенным лицом читал заклинания. Полнолуние. Пень с воткнутым в него ножом, через который надо перекувырнуться, чтобы стать чем-то другим, не человеком. И первое ощущение пружинистых лап, сотни лесных запахов, ударивших в ноздри, отчаянный писк зайчонка, бившегося в зубах, чтобы через секунду наполнить ее пасть кровью и сладостью. Опять угрюмые взгляды односельчан. Камень. Шепот за спиной. Открытый страх в глазах. Казалось, так будет до самой смерти, пока не успокоится где-нибудь в лесу от старости или же значительно раньше, с осиновым колом в груди — если у тех, кто живет рядом, ненависть победит страх. Вот, пожалуй, и все.

Она повторила за ним:

— Да так, то тем, то этим.

Свернув за поворот, Харлам увидел баррикаду из старого пианино, фонарного столба, дилижанса, комодов, шкафов и стульев.

Приехали!

Автобус остановился перед самой баррикадой, и некоторое время они молча, не вылезая из кабины, ее рассматривали.

— Что ж, — Харлам взялся за руль, — надо объехать.

Поздно.

Сзади послышались треск и грохот. У дома, мимо которого они только что проехали, завалилась одна из стен. Обратного пути не было.

Вот сейчас уж точно, приехали.

По идее, следовало выскользнуть из кабины и мгновенно занять оборону за каким-нибудь укрытием, но это явно не имело смысла, потому что в окнах домов, в дверях подъезда, из-за баррикады уже появились вооруженные люди. Человек двадцать.

Харлам крякнул. Они с Катрин вылезли из кабины и стали рассматривать тех, в чьи руки попали.

Похоже, настоящих военных среди них было всего лишь двое. Длинный как жердь, мускулистый парень в желтом дождевике и клетчатой фуражке, с «узи», который он совершенно профессио-

нально держал в руках, и среднего роста мужчина с иссеченным шрамами и морщинами лицом, в одежде вельможи XVI века и современной военной фуражке, вооруженный ручным пулеметом.

— Что, попались? — спросил он, неторопливо подходя и не спуская глаз с Харлама. — А ведь ты, парень, похоже, из конца двадцатого. Уж не снаружи ли?

Харлам кивнул. Они стояли в этом медленно сужавшемся кольце вооруженных людей.

— Надо же, — ухмыльнулся длинный с «узи». — Придется их взять и расспросить. А жаль, я бы с удовольствием их шлепнул тут же, на месте.

— А почему? — спросил Харлам. — Ну ехали себе люди, никого не трогали — и вдруг бах-тарарах, братья-разбойники и добрый вечер. Что с нас поимеете? Денег у нас нет.

— Деньги. — Длинный провел рукой по лицу. — Деньги, брат, здесь — тьфу, никому не нужны. Главное — информация.

Он махнул рукой, и двое — один в ковбойском костюме, другой с небритым лицом, в чудовищно грязных лохмотьях, — заломили им руки за спину.

— Ну вот и отлично, — сказал длинный и надел Харламу и Катрин наручники, пробормотав, что налет на полицейский участок был сделан не зря. Вот эти штучки и пригодились. Потом Харлама и Катрин толкнули в спину и погнали вперед, время от времени ради интереса награждая пинками и тычками. Пленники слышали, как шедшие сзади бандиты вполголоса переговаривались, временами посмеиваясь над кем-то, кого звали Мясной Тушей. В общем, противники расслабились. Этого было достаточно.

Сделав вид, что споткнулся, Харлам ударил ногой одного из конвоиров в солнечное сплетение, попытался врезать другому, но тот увернулся. Отскочив в сторону, Харлам прыгнул в ближайший подъезд.

Ничего, главное удрать, а уж наручники он как-нибудь снимет. Учили их делать такие штуки. А потом можно подумать о том, как освободить Катрин.

Но в подъезде его ждала неожиданность.

Он кинулся вверх по лестнице, влетел на второй этаж и, не успев пробежать и десятка шагов, на полном бегу врезался во что-то плотное и липкое. Беспомощно трепыхнувшись, он понял, что освободиться не может.

Эх, если бы руки были свободны да нож. А так... Харлам еще раз отчаянно рванулся, пытаясь понять, во что это он так глупо влетел, и глухо охнул. Это паутина. Каждая нить толщиной с палец. Какой же тогда паук?

Паук не заставил себя ждать. Харлам увидел, как из дверей ближайшей квартиры выкатилось что-то большое, мохнатое, на волосатых суставчатых ногах, глухо щелкающее гигантскими жвалами, способными с одного раза перекусить человека.

Ого!

Харлам опять попытался освободиться. Безрезультатно.

А паук тем временем неторопливо примеривался, как бы поудобнее схватить свою жертву. Вот он занял нужную позицию, раскрыл жвала — и в этот момент длинная пулеметная очередь отшвырнула его в темноту.

— Спасибо, — поблагодарил Харлам.

— Не за что, — сказал вельможа, неторопливо обрезая паутину охотничьим ножом. — Тебя разве мама не предупреждала, что гулять в подозрительных местах нельзя? Придется, видимо, поставить тебя в угол и лишить сладкого.

— А вообще, что вы собираетесь со мной делать? — спросил Харлам, отходя в сторону, так как нити паутины были уже перерезаны.

— А ты сам что предпочитаешь? — поинтересовался вельможа, вытирая лезвие ножа кружевным платочком.

— Я вообще-то хочу ехать дальше, у меня тут дела кое-какие.

— У всех дела, — назидательно сказал вельможа и толкнул Харлама в спину. — Ну, пошли, что ли. Там уже наши заждались. А то ведь от скуки и с девчонкой твоей могут побаловаться.

— С ней побалуешься, — пробормотал Харлам, выходя из подъезда.

Он почти сразу же увидел Катрин, стоящую с совершенно независимым видом. Рядом с ней был какой-то детина, по самые глаза заросший рыжей бородой.

— Я ведь только пошутить хотел, — рассеянно приговаривал он, зажимая руку, из которой хлестала кровь, и посмотрел на Катрин круглыми от изумления глазами.

— А ты со своей женой шути, — сказала Катрин и демонстративно от него отвернулась.

Черт, это она зря. Могла бы и потерпеть. А вдруг догадались!

Она была нужна Харламу именно такой, совсем неподозрительной тоненькой девчонкой, которую можно переломить с одного удара.

Он еще раз оглядел тех, к кому попал в плен.

Судя по одежде, тут были представители по крайней мере десятка различных времен. Такого он еще не видел. Чтобы объединились люди из различных времен? В этом следовало бы разобраться. Да только времени нет.

— Ладно, ладно, пошли, — забеспокоился длинный. — Так мы и к ночи не доберемся.

И они отправились дальше, сворачивая в какие-то узкие переулки, где пахло гниющей рыбой, мокрым бельем и кислым вином, минуя улицы, по которым прохаживались, покручивая усы, кавалеры в шляпах с роскошными перьями и с длинными шпагами на боку. Темнота исподтишка наваливалась на город. Где-то пронзительно ревел верблюд, на востоке били военные барабаны и гудели рожки, на западе кто-то ожесточенно пиликал на волынке.

А они все шли, и только когда наступила настоящая ночь, свернули к каменному дому, все окна которого были закрыты решетками, а двор огорожен каменным забором в два человеческих роста.

Да, из такой крепости выбраться, конечно, трудно. Но надо.

Ворота распахнулись, их впустили. Харлам увидел обширный двор, в центре которого горел костер. Вокруг него сидело несколько бандитов.

Ага, светское общество.

Он направился было к костру, но в это время кто-то, выходивший из дома, удивленно вскрикнул:

— Ба, кого я вижу! Боже мой, да возможно ли это? Сам Харлам! Уж не за мной ли ты пожаловал сюда? Да! Что же, попробуй теперь меня схватить.

Харлам вгляделся в этого человека и, узнав его, глухо произнес:

— А, Два Ножа! Мне казалось, что ты сел прочно и надолго.

— Мне тоже так казалось, — сказал Два Ножа. — Однако свет не без добрых людей. И в результате я здесь уже две недели и, как видишь, — не зря. Я так думаю, любому другому собрать этих людей вместе было бы чертовски трудно.

— Я тоже так думаю, — сказал Харлам, усаживаясь у костра и успев заметить, что Катрин, наоборот, ушла в самую темную часть двора.

Молодец! Два Ножа его шансы на спасение резко понижал. Катрин стала единственной надеждой.

Два Ножа принял из рук высокой индианки медный кувшин и спросил:

— Есть будешь?

— Как?

— Ах, я и забыл. Снимите с него браслеты. Я думаю, теперь это можно.

Два Ножа засмеялся.

Угрюмый парень с николаевскими бакенбардами снял с Харлама наручники. А Два Ножа все смеялся и смеялся, как будто сказал что-то остроумное.

«Вот так, — подумал Харлам. — В свое время я бы просто скрутил этому типу руки и доставил куда надо. Причем с большим удовольствием. А сейчас сижу и смотрю, как он хохочет. Человек, у которого на совести по крайней мере пять трупов, сидит и хохочет, а я ничего не могу сделать».

— Что, не можешь ничего понять? — вдруг прервал смех Два Ножа. — Ведь правда?

— Ну почему? — Харлам взял из рук все той же индианки жестяную тарелку с жареной картошкой. — Я так думаю, что это прелюдия к некоему предложению.

— Вот именно! — воскликнул Два Ножа и хлопнул себя ладонями по коленям. — Нет, ты все же парень не промах.

А луна уже взошла. Где-то наигрывала гитара и ей вторил цыганский хор:

Ай, да-да-да-на-да-да-на-на,
Да пей бокал ты свой до дна.
Ай, да-да-да-на-да-да-да-на,
Жизнь нам дана всего одна.

А с другой стороны доносился звук колотушки и протяжный крик: «Спите, жители славного города Багдада, все спокойно!» С третьей раздавался заунывный волчий вой.

Харлам вглядывался в дальний угол двора, где сидела Катрин, про которую, похоже, забыли. Свет костра бросал причудливые блики.

Харлам вздрогнул.

Черт, а вдруг, если учесть, что оборотни все-таки оказались реальными существами, где-то есть ведьмы, дьяволы, сатана? Может быть, мнемоудар — их рук дело? Да нет, оборотней еще объяснить можно, а это... Не должно такого быть.

Два Ножа между тем вошел в раж.

— Значит, ты догадываешься? — быстро говорил он, время от времени поглядывая на своих товарищей. Все-таки очень ему хотелось перевербовать Харлама, так сказать, публично. Авторитет — штука хорошая. — Да, именно так. Ты подумай. В нашем распоряжении целая страна! Причем свеженькая, только со сковородки. Здесь можно сделать все что угодно. Даже если хроноклазм больше не будет расти. Того, что появилось, достаточно. Что здесь есть? Кучка народа, заметь, разрозненная. Если их объединить, это будет сила. Да нам подчинится весь мир! У нас же в руках прошлое всей планеты. Пойми, мы сможем шантажировать прошлым всех. Кто будет воевать против собственного прадедушки или же самого себя на двадцать лет моложе? Да никто. А мы сможем диктовать условия всем. Этому миру не хватает малости — единства.

— Ну да. — Харламу показалось, что силуэт Катрин слегка дрогнул и словно бы изменился. — Только ты ошибаешься. Если бы здесь были осколки из прошлого нашего мира, он бы давным-давно превратился в хаос. Нет, скорее всего то, что вдруг, — из прошлого мира, параллельного нашему. Слышал о теории параллельных миров? И потом, помнится, раньше ты не очень уважал закон. С чего это вдруг ты его полюбил?

— Да потому что его буду устанавливать я, — самодовольно улыбнулся Два Ножа и встал. — Я стану тут главным. И я не буду жесток. Вот посмотри, тебя схватили на месте преступления, а я добр и даже приказал снять наручники. Хотя мог бы по закону повесить тебя на первом же суку.

— Ого, повесить, — пожал плечами Харлам. — За что?

— А как шпиона. Шпионов, как ты знаешь, во все времена непременно вешали. Я не знаю, с какой целью ты проник сюда, да меня это и не интересует. Собственно, какая тут может быть цель? Посмотреть и разведать, как у нас идут дела. Эти трусы снаружи никогда не рискнут сунуться внутрь большим числом, а будут посылать таких, как ты, шпионов, которых любой правитель первым делом повесит. Я тоже могу.

— А где же выход? — сказал Харлам, чтобы потянуть время, и тоже встал.

— А выход один. Иди служить ко мне. Обмундирование, жратву и прочее — гарантирую. А в будущем — высокий пост. Вот, например, длинный — мой будущий военный министр, а тот, в кружевах, — министр финансов. А ты кем хочешь быть? Шефом тайной полиции? Ей-богу, тебе это подойдет. Ну как? Что ты на это скажешь?

Теперь их нужно было отвлечь.

— Что я думаю? — Харлам неторопливо обошел вокруг костра и двинулся к воротам. — Я так думаю, что это мне не подойдет. Увы...

Он увидел, как один из бандитов схватился за карабин. А до ворот оставалось еще метров десять, и нужно было еще успеть откинуть засов. На это времени уже не хватало. Харлам хорошо понимал, что все теперь зависит от Катрин. А если она не сможет?

Оттолкнув ногой набегавшего справа длинного, Харлам извернулся и бросился к воротам. Какая-то женщина уже бежала к нему, визжа и размахивая над головой мачете. Но она была далеко. Крутнувшись на месте, Харлам сделал обманное движение и с оттяжкой врезал ближайшему бандиту по физиономии, да так, что его карабин отлетел далеко в сторону. Потом, подскочив к воротам и нокаутировав другого, схватился за засов, но тут возле его головы свистнула пуля. Это был аргумент.

Он поднял руки и повернулся. Ухмыляющийся Два Ножа целился ему прямо в лоб.

— Допрыгался? — злорадно спросил он.

С того места, где была Катрин, метнулась серая тень. Два Ножа дико вскрикнул и уставился на свою насквозь прокушенную руку. А огромная волчица уже кинулась к другому бандиту и ударом когтистой лапы располосовала ему лицо.

Мгновенно двор превратился в ад.

Бородатый бродяга выстрелил в волчицу из старенькой трехлинейки и, расставшись с половиной левой ягодицы, истошно вопя, упал на землю. А серый вихрь продолжал крутиться по двору, расшвыривая все новых и новых бандитов, которые выскакивали из дома.

Медлить было нельзя. Харлам откинул засов и, выскочив на улицу, побежал прочь. Катрин догнала метров через сто.

Позади слышались выстрелы, кто-то кричал: «Гранату, бросай гранату!», а они улепетывали со всех ног, и казалось, сам черт их не догонит. Погони не было. Очевидно, бандиты не рискнули покинуть свою крепость ночью, но стреляли изрядно. Катрин и Харлам свернули на соседнюю улицу, потом на следующую и, только нырнув в какой-то двор, остановились.

Двор был как двор, темный, захламленный. Харлам сел на мостовую и замер. Катрин положила свою огромную голову ему на колени и блаженно скалила клыки, а он, повинуясь странному по-

рыву, наклонился и поцеловал ее в холодный, влажный нос. Так они и замерли в темном, грязном дворе, тесно прижавшись друг к другу, человек и волчица, забыв обо всем. А когда это мгновение прошло и они отодвинулись друг от друга, Харлам, обернувшись, увидел, что позади, перекрывая выход на улицу, стоят два оборотня и внимательно их рассматривают.

Равнодушие навалилось на Харлама.

Ну, конец так конец. Да и черт с ними! Он смертельно устал от всего этого и не сделает больше ни одного движения, чтобы спастись. Пусть нападают! По крайней мере это безумие кончится.

Харлам услышал, как зарычала волчица, но безразличие еще не прошло, и поэтому он лишь тупо гладил ее по голове и блаженно улыбался.

Волки изготовились для прыжка...

И тут их настиг мнемоудар.

Огромный, сверкающий консервный нож вонзился между ними и мгновенно, с противным скрежетом, вскрыл жестяную шкуру земли, обнажив ее голубые, слабо фосфоресцирующие, мгновенно затвердевшие внутренности, превратившиеся в кумачовые плакаты, на которых кириллицей было выведено: «Мясные консервы — наша честь, ум и совесть». А через эту надпись уже лезло гигантское щупальце. Оно схватило Харлама за ногу и потащило в радужный колодец времени, все глубже и глубже, навстречу искривленному зеркалу, которое замкнуло его в свои холодные объятия, пропустило сквозь себя в странный, такой же, как и оно, искривленный мир, где он проснулся в маленькой избушке и, умывшись свежей родниковой водой, пошел с рогатиной на медведя. Но по дороге рогатина напилась луковым запахом до голубых чертиков и, когда они пришли на место, не стала легонько гладить медведя по животу, чтобы он выделил сладкий сок, а так саданула его по ребрам, что он от неожиданности свернулся и ушел в послезавтрашний четверг. А Харлам решил наказать рогатину за непослушание, погнался за ней, но свалился в старый шурф, когда-то давно выкопанный секретаторами для того, чтобы прятать в нем свои секреты и который теперь считался заброшенным. Правда, оказалось, что медоносные свинки уже наполнили его доверху всякой всячиной. Пришлось созывать на помощь жителей деревни. По этому поводу устроили вечеринку, на которой пили восхитительный, сладкий-сладкий, собранный рано утром, пока роса, липовый медок и ели

чуть горьковатые, но все же чудесные корневища майской жужелицы, которая цветет раз в десять лет, да и то под Новый год.

Все веселились, пели и плясали. Гудели буйзолынки, и далеко разносился разухабистый припев модной песенки «Хей, каблук, расплющь в лепешку, не жалей в веселье ног!». А Харлам, блаженно закрыв глаза, танцевал. И когда очнулся, увидел, что стоит на палубе корабля, и почувствовал на губах горьковатый вкус морской воды. Над головой у него вдруг захлопали паруса. И он им благодарно поклонился, ожидая, что хлопки перерастут в настоящую овацию. Но тут откуда-то сбоку показался черный корабль, над которым развевался флаг с черепом и костями, и через пять минут в воздухе засвистели абордажные крючья. Харлам хотел было им объяснить, что свистеть, пусть и на открытом воздухе, неприлично, но на палубу полезли какие-то странные люди в полосатых ночных колпаках, размахивая саблями и протяжно воя. Харламу эта игра понравилась, и, чтобы ее поддержать, он спустился вниз и, вытащив старинный, оставшийся от прадедушки, крупнокалиберный пулемет, славно повеселился. Правда, потом он так и не смог сообразить, куда же девались пираты, но на это уже не оставалось времени, так как теперь он шел по пыльной караванной тропе.

За спиной у него была сумка со священными, обмазанными глиной догистанскими пузырями, которые при каждом его шаге весело стукались друг о друга и приятельски хлопали его по спине, как бы ободряя. А он шел и шел, пока, споткнувшись о лиану, едва не стукнулся головой о ствол гигантского баодеда, вцепившегося приставками в болотистую почву, с которой поднимались и взлетали вверх похожие на неземные цветы стаи бабочек и мужильков, еще на лету превращавшихся в кукурузные хлопья. Они падали на лицо Харлама, спешащего за призраком полюса, который настойчиво манил его за собой, только иногда делая перерывы, чтобы попить пивка. А Харлам спешил за ним, уже не замечая скрипа снега под полозьями и воя голодных собак, который переходил в вой жаркого ветра, сбивавшего с ног, не дававшего добраться до гор Святой Серафимы, похожих на детские, красочно раскрашенные пирамидки, покрытые травой прерий, которая шелестела под колесами крытых брезентом повозок, на козлах которых сидели бородатые люди, имевшие под рукой ружьецо, а в кармане бутылку самогона, а под шляпой не всегда пустую голову! Они зорко оглядывались в ожидании Виннету, который должен был вот-вот появиться, но опаздывал уже на две с половиной минуты. Безобразие.

Вот сейчас он появится и погонится за повозками, а они будут отстреливаться. Хоть какое-то развлечение. Особенно если учесть, что завтра у Виннету выходной и тогда будет страшная скука.

А повозки все катили и катили на запад. Правда, иногда они катили на противопад, но только когда была среда, да не простая, а окружающая. Так они и развлекались: фургоны катили на противопад, а окружающая среда окружала. Что ей еще оставалось делать?

И все были довольны, особенно окружающая среда, которая ради развлечения иногда окружала Харлама и заставляла его делиться, как пони, в понедельник, вторить начальству во вторник, сердиться в среду, четвертоваться в четверг, пятиться в пятницу, варить суп из бота в субботу, а в воскресенье он, конечно же, воскресал — и все начиналось сначала. Пока Зеркальная рука не взяла его за шиворот и не выдернула обратно в колодец. Впереди забрезжил свет, который мгновенно придвинулся к Харламу, обхватил его, всосал в себя, сам всосался в него, а потом треснул и снова сросся...

Харлам очнулся.

Он лежал на боку и думал о том, какой же это сволочной мир. Правда, не исключено, что он уже умер. Кстати, таким образом думать не совсем прилично.

Он открыл глаза и посмотрел по сторонам.

Как же! Нет, это был все тот же опостылевший мир. Кто-то кого-то рубил длинным мечом. Пленники в лохмотьях валялись в пыли, вымаливая прощение у клыкастого, сторукого божества. Бродячих стариков тащили в тюрьму. Нищий пытался украсть кусок хлеба для того, чтобы раз в три дня поесть.

В общем, ничего с миром не случилось. Харламу надо было встать и выполнить задание. Он потер лоб. Черт побери, сколько же это я тут валялся, целую ночь?

Он поискал глазами Катрин и нашел. Маленький краб, приползший с соседней улицы, где шумел и бил волнами пятисотметровый кусок моря, задумчиво перебирал клешнями ее волосы и вопросительно смотрел на Харлама круглыми, на длинных стебельках, глазами. Увидев, что Харлам шагнул к нему, он подпрыгнул и быстро юркнул под ближайший камень.

— Ну, как ты? — спросил Харлам, дотронувшись до плеча Катрин.

Открыв глаза, она прошептала:

— Господи, еще один такой фокус — и с нами покончено.

— Да, — осматриваясь, сказал он. Как-то не по себе ему было без оружия. Слава богу, хоть компас уцелел.

Два матроса с винтовками, к которым были примкнуты длинные штыки, вышли из соседнего переулка и остановились.

— А ведь контра, — сказал один, щелкнув затвором винтовки. — Счас я их.

— А идите, вы, мужички... — сказал Харлам и добавил что-то простое и исконно народное, длинное, от души, в три наката с переборами. Матрос опустил винтовку и восхищенно признал:

— Здорово! Извини, браток, ошибочка вышла.

Они козырнули Харламу и ушли обратно, в переулок.

А Харлам посмотрел на Катрин, которая сидела вся красная, зажав уши. Она осторожно отняла руки и спросила:

— Это что? И откуда?

— А, — махнул рукой Харлам. — Чему не научишься в нашей жизни. Пошли?

Он помог ей подняться и отряхнуться. Волосы она приглаживала уже на ходу...

Вечером дорогу им преградил огромный ствол древовидного папоротника. Перелезть через него уже не было сил.

Они забрались в какой-то подвал, забаррикадировали дверь. В углу стоял старый, продавленный, отчаянно скрипящий диван. Они рухнули на него и мгновенно уснули.

Утром встали засветло. Спокойно и неторопливо вышли на улицу, и Харлам подумал, что сегодня он выполнит свое задание и тогда — море, цветы, прогулки под луной. На месяц или два. А может, и три. Если вдуматься, это целая вечность, особенно если с Катрин.

Асфальт под их ногами трескался, и сквозь него, вытянув навстречу солнцу свои нежные, чуть подернутые дымкой лепестки, пробивались детские воспоминания, и встающее солнце ощупывало их своими тоненькими и ломкими, как молодой салат, лучиками. В зарослях гигантских хвощей прочищал горло, готовясь запеть, птеродактиль.

А Харлам и Катрин торопливо шли и шли, лишь изредка останавливаясь, чтобы свериться с компасом. По всему выходило, что до цели километров десять. Не так уж и много. Хотя как сказать...

К обеду они успели едва не влипнуть в свару между викингами и мушкетерами Людовика XIV и чуть не попали на завтрак гигант-

скому пещерному медведю, от которого пришлось спасаться бегством. Правда, Харлам испытывал сильное беспокойство. Ему все казалось, что оборотни где-то близко. Однако днем напасть они не посмеют, а до ночи еще далеко.

Поэтому они все шагали и шагали вперед, временами перелезая через кучи кирпича и цементных блоков. Раз чуть не утонули в небольшом силлурийском болотце, на краю которого беспечно грелись гигантские черепахи.

Потом потянулась саванна. Солнце перевалило за полдень, и, когда Харлам уже стал присматривать место для привала, они наткнулись на ЭТО...

Куб метров десяти высотой из желтоватого твердого света лежал на границе между саванной и пустыней, уютно спрятавшись в тени нескольких кокосовых пальм.

Загадочные голубоватые блики плясали на его гранях. Харлам как-то сразу понял, что именно это он искал. Оставалось только нажать красную кнопку на боку компаса — и все. Прилетит пара тяжелых «рокамболей», которые сделают свое дело: сотрут в порошок эту странную штуку. А потом можно будет повернуться и уйти навстречу деньгам и отпуску.

Катрин села на траву, он примостился рядом и стал смотреть на эту штуковину, хорошо зная, что другого случая увидеть настоящее чудо уже не будет. Тут не было никаких сомнений. Ну разве не чудом возникла эта вещь? А может, она все-таки инопланетная? Вряд ли. Зачем чужим тарелочникам наша насквозь отравленная планета? Он вдруг ясно вспомнил вонючее озеро отходов, утренний удушливый смог и дожди, от которых листья деревьев покрывались пятнами, словно ожогами, мертвые, без птичьего пения леса, реки, в которых никогда больше не заведется рыба.

Здесь, в новом мире, все еще можно переделать. Можно даже создать что-то свое, что будет жить в согласии с природой.

А вообще, может быть, природа имеет некий защитный механизм, который время от времени, когда ей грозит бесповоротное уничтожение, включается и убирает причину? Может быть, куб — последняя попытка защитить себя от людей, призвав на помощь прошлое? А по-моему — «рокамболями»?

Все может быть. А ты изволь получать деньги, отпуска и все, что полагается. Да на черта мне деньги, если через десять, двадцать лет на них не купишь глотка чистой воды?

Ему вспомнились кадры из какого-то фильма.

...Серое полотнище леммингов катилось к обрыву. Вот передние свалились в пустоту, потом другие, третьи, сотые. Пена серых голов и спин, перехлестывавшаяся через край обрыва и летевшая вниз, в воду.

Не похожи ли мы сами на леммингов? А природа вовремя включила защитный механизм, предложив нам выход из положения. Мы же хотим его уничтожить, не понимая, что тогда может включиться другой, более страшный, который заставляет леммингов бросаться в воду.

Он посмотрел на Катрин и увидел ее испуганные глаза. Его рука уже тянулась нажать кнопку на корпусе компаса. Тогда из него полезет тоненькая антенна и заработает передатчик. И даст пеленг, на который прилетят «рокамболи». Достаточно начать...

— Ишь ты, пеленга захотели, — сказал Харлам и зашвырнул компас подальше, в траву.

— Вот так, — сказала Катрин и улыбнулась Харламу. Они встали и пошли прочь от этой желтоватой глыбы.

Харлам шел и думал о том, что, похоже, это единственный выход. Потому что мы, современные люди, отравлены. Мы отравлены нашим пренебрежением к природе, желанием урвать от нее как можно больше и любой ценой. Когда хроноклазм захватит всю планету, нас будет, по сравнению с теми, кто вернулся из прошедших веков, не так уж и много. И вообще на Земле настанет хаос, который, конечно, со временем снова вернется к порядку. Но есть шанс, что за это время возникнет что-то новое, какое-то другое отношение к окружающему миру. Не может всепланетный хроноклазм пройти без следа.

Голубая птичка размером с колибри уселась Катрин на плечо и нежно ущипнула мочку уха. Катрин засмеялась и дунула на нее, а потом долго смотрела на голубую точку, медленно исчезавшую в безоблачном небе.

Харлам и Катрин вдруг почувствовали себя хозяевами своего нового, удивительного мира. И он стал щедр и ласков, укрывая их в тени аллей, отгораживая непроходимыми стенами от хищных зверей, подсовывая, как только они захотели пить, источник с чистейшей в мире водой. А когда они захотели есть, сам собой поблизости от них отыскался маленький трактир. Им понравилась его полутьма, выцветшие гобелены, изрезанные временем и ножами столы, старый хозяин с потным лицом и толстым брюхом.

Хей-гоп! Они ели и ели, только сейчас ощутив, насколько проголодались, не обращая внимания, что именно им подавали. Лишь бы есть, блаженно улыбаясь, глядя друг на друга влюбленными глазами, запивая поцелуи крепким темным пивом.

А потом, когда все кончилось, они вышли на улицу, хотя хозяин и говорил им, что у него есть задняя, уютная-уютная, почти королевская комната, где такие мягкие ковры, подушки и широкая кровать, куда можно улечься хоть всемером. Но они отказались.

Холодный ветерок обдул их разгоряченные лица.

— Куда теперь? — спросила Катрин. — И не пора ли нам выбрать для жилья дом?

Харлам ей в ответ улыбнулся и вдруг подумал, что с таким же, как у него, заданием могли послать еще несколько человек. И если хоть один доберется до куба...

Он резко вскинул голову и увидел в небе след «рокамболя».

Через полминуты на горизонте вспухло что-то круглое, черное, похожее на шляпку гриба-дождевика. Оно росло и вытягивалось вверх. Вот уже показалась сужающаяся резко вверх ножка. Вспышка — и на месте облака закрутился гигантский смерч.

Холодный ветер ударил им в лицо. Земля шевелилась и корчилась у них под ногами, а потом, пока еще медленно, поползла в ту сторону, где был куб.

К этому времени Харлам и Катрин уже бежали в противоположную сторону, отчаянно, задыхаясь и поминутно спотыкаясь. А движение земли все ускорялось и ускорялось.

Харлам понимал, что хроноклазм схлопывается. Еще немного — и он исчезнет совсем, провалившись в бездны времени, из которых возник. А он, Харлам, останется здесь. Но что будет с Катрин? Нет, это невозможно. Нужно что-то сделать. Но что?

Боль терзала его огромное тело, но главное было не в ней, а в том сожалении, которое охватывало Друхха, когда он понял, что это — все! Он чувствовал, как внутренняя энергия, словно вода из дырявого таза, выливается из его тела, лишая силы и возвращая тем самым в человеческий облик.

Было очень странно ощущать вместо невидимых энергетических щупальцев человеческие руки. Былое могущество казалось уже странным воспоминанием, но все же в нем оставалось

немного энергии, чтобы что-то сделать. Он вспомнил о тех двоих, которые приходили к нему совсем недавно. Поначалу, наблюдая за ними, он хотел их прихлопнуть, но потом, когда понял, что они любят друг друга, не стал этого делать и оказался прав. Они не причинили ему зла, и теперь, вспомнив о них, Друхх последним чудовищным усилием выплеснул из себя остатки энергии, чтобы их спасти.

Потом рухнул в темноту, чтобы через некоторое время очнуться и увидеть синее небо, в котором парили горные орлы, белоснежные вершины и склоны, вдохнуть полной грудью свежий воздух и громко крикнуть восходу, долине и пещере, что он вернулся...

Харлам открыл дверцу и прыгнул на место пилота. Катрин влетела на другое, как белка. Вертолет был старенький. Каким-то чудом он оказался здесь, а вокруг на несколько сотен метров — пространства неподвижной земли.

Руки Харлама забегали по рычагам, ручкам и кнопкам. Взревел мотор, и вертолет рванул вверх.

...Все, что было внизу — джунгли, льды, реки, моря, тайга, болота, города и деревушки, — бледнело и истаивало, становясь прозрачным и нереальным.

Налетел ветер и неудержимо понес вертолет к черному колоссу смерча, возникшего в том месте, где находился центр хроноклазма. Харлам скрипнул зубами и попытался выжать из мотора все, что тот мог дать. Но даже это не помогло. Их неудержимо сносило в смерч.

Черная стена заслонила полгоризонта. Вертолет швырнуло, а потом раздался резкий хлопок, как будто лопнула огромная елочная игрушка. Их опять подкинуло, но тотчас же аппарат выровнялся, и Харлам с Катрин увидели, что смерч исчез.

Внизу расстилался самый обычный пейзаж без малейшего следа хроноклазма. Но им было не до этого. Сейчас они просто радовались, что уцелели.

Харлам кричал что-то бессмысленное, а Катрин хохотала и цеплялась за его рукава. А потом, когда она поцеловала Харлама, вертолет клюнул носом, резко выпрямился и стал набирать высоту, деловито карабкаясь на невидимую воздушную горку, все выше и выше. Маленькая серебристая точка в глубоком, безоблачном небе. Маленькая, постепенно исчезающая точка...

А ровно через неделю включился следующий защитный механизм, и старый Мак Кэй, проснувшись ночью, подумал о том, что все на свете грязь, безобразие, суета и гнусность, а человек вообще никчемное создание. И, окончательно осознав все это, старый Кэй поднялся на крышу своего дома для того, чтобы, шагнув через ее край, ринуться к безжалостной мостовой, щерившей навстречу щербатые зубы брусчатки.

Впрочем, он был не единственный. Ровно через пятнадцать минут то же самое пришло в голову каждому человеку на Земле...

ФИОЛЕТОВЫЙ МИР

Индикатор миров похож на странные наручные часы. В верхней части прибора имеется панель, цвет которой показывает отличие исследуемого мира от земного в процентном содержании. Красный цвет означает 5 %. Оранжевый — 20 %. Желтый — 40 %. Зеленый — 60 %. Голубой — 80 %. Синий — 100 %. Фиолетовый цвет означает совершенно невероятные миры, существование которых до сих пор считалось невозможным. Есть предположение, что их появление каким-то образом связано с возникновением самой дороги миров.

Справочник дорожника.
Раздел «Индикатор миров»

...использование индикатора миров породило такие термины, как оранжевый мир, желтый мир, зеленый мир, и т.д.

Статья В. Мальгауза «Жаргон дорожников и других исследователей дороги миров»

Дорога миров мягко пружинила под ногами. Справа и слева проплывали закрытые глухими шторами золотистого тумана окошки миров. Проходя мимо них, Корсаук поглядывал на индикатор.

Так, оранжевый. А этот голубой, а следующий — красный.

Когда Корсаук проходил мимо окна красного мира, из него высунулась чешуйчатая лапа и попыталась схватить дорожника за ногу.

Как бы не так!

Отпрыгнув, Корсаук усмехнулся и пошел дальше, озабоченно поглядывая на индикатор.

Красный, зеленый, желтый...

Нет, ему был нужен фиолетовый. В котором полчаса назад исчезли три человека из группы изучения абсурдных миров.

Собственно, хлопот с этими абсурдниками хватало почти с самого момента открытия дороги. Уже тогда они отчаянно вопили, что «Фиолетовые миры как раз и должны быть абсурдными, что им надоело получать информацию из вторых рук и пусть-ка их пропустят в один из таких миров. Понятное дело, об этом не могло быть и речи. Для полного спокойствия с каждого абсурдника стребовали подписку о том, что он не будет пытаться проникнуть в фиолетовые, а также синие миры. Подписку-то абсурдники дали, но месяц спустя все же нашелся безумец, который, наплевав на все обязательства, сунулся в синий мир. Обратно он не вернулся. А следом два дорожника класса «бонд». Мир, в котором они исчезли, объявили закрытым, вход в него был запрещен кому бы то ни было, а абсурдников вообще убрали с дороги миров. Дескать, пусть себе сидят в лабораториях, исследуют материалы, фотографии, строят безумные теории. На дороге и без них неприятностей хватает. Почти год все было нормально, а потом началась старая песня про то, что лучше один раз пощупать, чем исследовать сто отчетов и десять тысяч фотографий. Но никто, конечно, не обращал внимания. И вот...

Короче говоря, три молодых абсурдника, каким-то образом обманув охрану дороги, проникли на нее и, сообщив об этом диспетчеру по исследованию дороги, вошли в фиолетовый мир.

Вот и все. Можно добавить, что в тот момент, когда они входили в фиолетовый мир, свободным был лишь дорожник класса «бонд» — Корсаук. Диспетчеру ничего не оставалось, как послать его на помощь к абсурдникам и объявить тревогу.

Вот здесь!

Корсаук остановился у окна фиолетового мира и прислушался. Тишина. А через золотистый туман ничего не видно.

Он вытащил переговорник из кармана и поднес его к губам.

— Да, слушаю, — раздался недовольный голос главного диспетчера.

— Значит, так, я у цели. Похоже, это тот самый мир, в который они вошли. Фиолетовый. Что нового?

— От абсурдников никаких новостей, ни звука. Помощь к тебе уже идет. Трое ребят из команды Глоха. Но они будут на месте только через полчаса, не раньше. Сам понимаешь, каждая минута на счету. Там ребята, может быть, погибают. Так что иди прямо сейчас, а парни Глоха придут через полчаса. Я думаю, столько ты продержишься?

— Ну-ну, — раздраженно проворчал Корсаук и выключил переговорник.

Махнув рукой, он взял на изготовку бластер и шагнул в окно фиолетового мира...

Он оказался на самом деле белым. Ослепительно белым, каким бывает только вековечный, никогда не тающий снег.

Корсаук протер глаза.

Вот именно, ничего, кроме белизны. Она была у него впереди и сзади, под ногами и над головой. Белизна. Из-за нее определить границы этого мира было совершенно невозможно.

Он вспомнил другой фиолетовый мир, куда ходил месяца два назад. Мир, в котором перепутаны все краски, измерения и даже время. А этот, стало быть, белый. Ишь ты!

Корсаук сделал шаг вперед, пытаясь сообразить, где же в этой белизне могли спрятаться три абсурдника. Где? И вообще, может, их кто-то съел? Кто? Кто может жить в такой белизне и на что здесь охотятся?

Сделав еще шаг, Корсаук вдруг понял, что уже некоторое время слышит странные звуки. Это его насторожило.

— Ну же, ну, где ты, выскакивай, — бормотал дорожник, оглядываясь по сторонам.

И тут это случилось. Что-то грязно-голубое, ноздреватое, похожее на плиту метров десяти в длину и метров пяти в ширину, мгновенно появилось перед Корсауком и, мимоходом мазнув его по ногам, тотчас же унеслось прочь. Боли Корсаук не почувствовал, но все же посмотрел вниз. И обмер. Ног у него не было. Просто не было, и все. При этом безногое туловище дорожника каким-то образом не падало на землю.

Что это?

Догадка пришла Корсауку в голову мгновенно. Отшвырнув в сторону бластер, он схватился за переговорник, чтобы предупредить диспетчера о том, чем является этот мир, но было поздно. Ноздреватая плита возникла на этот раз сверху и накрыла его полностью. Через полсекунды она сдвинулась в сторону, и стало видно, что место, где стоял дорожник, сияет девственной чистотой.

Девочка посмотрела на лежащий перед нею листок бумаги и увидела, что кто-то нарисовал на нем трех маленьких смешных человечков. Стерев их, она отложила в сторону ластик и задумалась. Тут ее позвали обедать, и девочка ушла.

Вернувшись через полчаса, она поглядела на листок и увидела на нем еще одну такую же маленькую, смешную, очевидно, не замеченную ею раньше фигурку. Пожав плечами, девочка стерла и ее.

Ей много чего хотелось нарисовать. Например, принцессу и похитившего ее дракона, а также храброго рыцаря, который его победил.

Девочка взяла карандаш и нарисовала дракона. А принцессу и храброго рыцаря не успела. Ее позвали на улицу играть в мяч. Она убежала.

Листок остался лежать на столе. Морда у нарисованного на нем дракона была задумчивая, словно он кого-то ждал.

День без смерти

Предисловие

Я вернулся домой с прогулки и услышал:

— Леня, ты становишься знаменитым!

Это сказала мне супруга. Оказывается, пока я гулял, она услышала, как по телевизору какой-то парламентарий в прениях, как пример, пересказал сюжет моего рассказа «День без смерти».

Поскольку рассказ этот был написан в 1988 году, а впервые издан в 1989-м и к тому моменту уже несколько раз переиздавался, то такое вполне могло быть. А если учесть, что среди первых парламентариев были очень странные люди, и один из них вполне мог даже почитывать фантастику, то я своей супруге поверил.

«День без смерти» и «Вторжение» — два рассказа, очень плотно примыкают к циклу «Дорога миров», и я поставил их в отдельный раздел лишь потому, что они все-таки чем-то из него выделяются. Может быть, тем, что в них более ясно чувствуется связь с нашей страной? По крайней мере, когда я их писал, я это чувствовал. А потом произошло нечто странное. Тот же рассказ «День без смерти» был, как я уже сообщил, впервые издан в 1989 году, в одноименном ВТО-шном сборнике. И никем иным описываемый в нем Верховный Предводитель как Брежневым не мог быть. Но откуда тогда у него взялся титул: «Бессменный борец за демократию, человек, укравший созвездие Павлина»? Откуда в то время мог взяться образ демократа, вусмерть проворовавшегося, посягнувшего даже на созвездия? Откуда в нем взялась фраза «...и в будущем ожидается все, только хорошее, и никакого повышения цен больше не будет»? О каком повышении цен можно было думать в 89-м году, если инфляция началась только два-три года спустя? Странный рассказ у меня получился в этом отношении, пророческий.

Да и второй — «Вторжение» — не лучше. Он был написан в 1989 году, впервые издан в 1990-м, о теперь уже почти забытой афганской

войне и, похоже, других фантастических рассказов о ней не было. Я по крайней мере не встречал. Вот только разве в нем не сказано и о иных, так называемых «локальных войнах»? Страна Лемурия может запросто называться и не Афганистаном, а любой другой страной, в которой до того сражались наши солдаты. А уж кусочек в нем, в котором говорится: «А еще он понял, что нельзя вести войну за пределами своего государства так, чтобы она не пришла к тебе домой. Нет локальных войн», кажется, к Афганистану применим слабо. На наше счастье, у афганцев появились новые враги, сильнее нас и мне сдается — глупее. А вот к другой войне, в которую мы вляпались после Афганистана, — он вполне применим. Но она началась позже, я о ней, когда писал «Вторжение», и подумать не мог.

Странные это рассказы. Не просто о людях, а о наших людях, о нашей стране. Может быть, потому и слегка пророческие?

ДЕНЬ БЕЗ СМЕРТИ

Запах лекарств гулял по просторным комнатам дворца Верховного Предводителя, бессменного борца за демократию, человека, укравшего созвездие Павлина.

Сам он лежал на разрисованном зелеными молотилками ложе, укрытый до подбородка белоснежным одеялом. Глаза закрыты, в уголках губ — страдание.

В капельнице беззвучно лопались пузырьки.

Врач выключил универсальный диагностер и задумчиво почесал за ухом.

— Когда? — не раскрывая глаз, спросил Верховный Предводитель.

— Сегодня или завтра, — подобострастно ответил врач, сматывая щупальце диагностера.

Умирающий открыл глаза и приподнял голову. Голос его был тих и спокоен.

— Ну нет. Я не хочу умирать и не умру. Через минуту здесь должен быть мой секретарь. Пусть захватит бланк для очередного указа.

Врач пожал плечами...

Была ночь. Дождь бегал по городу, словно сороконожка, отталкиваясь тоненькими струями от крыш и асфальта. Смерть затаилась в ближайшем парадном и, когда патрульный самоход проехал мимо, отправилась дальше. Она шла вдоль по улице и думала, что ничего, кроме насморка, такая погода принести не может. И вообще, лучше бы сейчас сидеть у камина и смотреть, как поджаривается на огне сочное мясо. А потом наполнить высокий хрустальный бокал густым, похожим на кровь вином...

Однако какие уж там удобства? По пятам идет погоня, и есть только полчаса, чтобы найти убежище. Потом будет поздно.

Смерть невесело усмехнулась и подумала, что повидала всякого. Но чтобы бегать по городу в поисках убежища, спасая самое себя? Бред!

Патрульный самоход вынырнул из-за угла совершенно бесшумно, как призрак. На этот раз смерть спряталась за статую Вечного Просителя, возле входа в управление «Лесносырхвостстебснабсбыта».

Машина остановилась возле статуи, и смерть увидела тех, кто в ней сидел. Их было трое. Генерал в позолоченном хомуте, поручик в посеребрённом и капрал-водитель, на шее которого тускло светилась медь. Генерал небрежно курил тонкую сигарету.

Подумав о том, как тепло и сухо у них в машине, смерть скрипнула зубами.

Хорошо устроились, гады.

— Ну, скоро там? — спросил генерал и выкинул окурок на тротуар.

— Сейчас, сейчас, — ответил капрал и стал торопливо крутить ручки настройки передатчика. Поручик выудил из кармана плоскую фляжку и, сделав порядочный глоток, сказал:

— Нет, ну не охламоны ли эти, из службы успокоения? Не могли взять какую-то старуху. Эх, послали бы меня... Я бы им показал... я бы их научил... А теперь ищи ее свищи.

— Со смертью шутки плохи, — с сомнением сказал капрал.

— Плохи, — передразнил его поручик. — Смерть теперь отменена. И чтобы другим неповадно было, ее надо уничтожить. А то, не дай бог, заговорят вслух да еще думать начнут, что совсем уж скверно. Если каждый будет думать, так и к анархии прийти можно... Эй, чего там копаешься? Шевелись, поехали в управление.

Самоход уехал.

По лицу Вечного Просителя стекали струйки воды, словно слезы.

Смерть вздохнула и, взвалив на плечо завернутую в мешковину косу, пошлепала дальше. Собственно, можно было постучать в первую попавшуюся дверь. Ей стало почти безразлично, выдадут ее или спрячут. Но какое-то чувство подсказывало, что нужно пройти еще немного. И только проскользнув через площадь Вечных идеалов, она наконец увидела подходящий дом. Старый, обшарпанный, с остроконечной крышей и загаженным парадным.

Быстро оглянувшись по сторонам, смерть нырнула в подъезд. На третьем этаже она наступила на осколок разбитой бутылки и

чуть не порезала себе ногу. На площадке четвертого этажа из-под холодной батареи, которая неизвестно для чего висела на стене, выскочил старый, облезлый кот и с визгом рванул вверх по лестнице.

А потом был пятый этаж, и тут смерть поняла, что пришла. Да, несомненно, эта квартира ей подходила. Смерть осторожно опустила косу на пол и, откинув со лба прядь мокрых волос, постучала.

За окном шелестел дождь. Стояла ночь.

Аким проснулся и долго лежал с открытыми глазами, думая о том, что в холодильнике у него имеется еда — кусок рыбы горячего копчения. Стоил он книги Эльфонсо Сальмари, которую Аким за него отдал? Наверное, стоил. По крайней мере его можно съесть. А можно оставить на завтра. И тогда на базар он пойдет лишь послезавтра. И тем самым выиграет еще один день.

Впрочем, зачем? И у кого он этот день собирается выиграть?

Аким чуть было не пошел на кухню, но, вовремя спохватившись, некоторое время боролся со своим желудком. Чтобы отвлечься от голода, стал сам себе врать.

Итак, о чем бы это? Ну, например, о том, что было бы, родись он в другом мире. А что, неплохо!

Например... Он мог бы скакать на горячем коне, подставляя холодному ветру загорелое лицо, а потом в глухих каньонах, задыхаясь от недостатка воздуха, рубиться с врагами, нанося и отражая яростные удары. А когда последний вражеский воин исчезнет в бездонной пропасти, вложить меч в ножны и отправиться дальше на поиски новых приключений и новых врагов.

А еще... Он мог бы всю жизнь носить власяницу, подпоясанную туго-натуго хорошо просмоленной веревкой, для того чтобы не так сильно чувствовать голод. Каждый вечер брать со стены тяжелую плетку и полосовать свое жаждущее удовольствий тело... Сильнее, еще сильнее, до крови, до большой крови... чтобы в последние мгновения, которые останутся до небытия, почувствовать хоть отсвет того, что называется истиной. И иронически улыбнуться.

А еще... Он мог бы ходить в горностаевой мантии. И в тишине кабинета, иногда в одиночку, иногда с кучкой особо доверенных особ, принимать решения и говорить слова, которые повлияют на судьбы мира. Словно паук, сплести самую прочную на свете паутину и время от времени, для забавы, дергать за нее, заставляя окружающий мир выворачиваться наизнанку. И в гордом одиночестве понимать, что такое власть и какое счастье ею обладать.

Он мог бы...

Кто-то стучал в дверь.

Аким даже не удивился. Он давно ждал этого стука и знал, что будет дальше. Сейчас ввалятся люди в черных хомутах, и среди них будет один в посеребрённом. Аким, конечно, будет кричать, а солдаты начнут пинать его по ребрам тяжелыми подкованными ботинками. Книги они выкинут на улицу, просто так, ради развлечения. И там, в этой осенней промозглости, лощеные, ломкие листы старинных книг будет заливать дождь, смывая с них золото заставок и миниатюр. Но никому до этого не будет дела.

Аким слез с кровати. Сунул ноги в шлепанцы и, запахнув халат, не спеша прошлепал к двери.

Да нет, что-то не так. Солдаты стучат по-другому. Они обычно бьют в дверь сапогами и прикладами, добросовестно выполняя солдатский долг. Нет, этот стук можно даже назвать деликатным.

Скорее всего кто-то из бывших знакомых. Допустим, спал себе человек и вдруг среди ночи проснулся от того, что замучила совесть. И тогда он пошел его, Акима, проведать... Поесть чего-нибудь принес...

Горло Акима перехватила голодная спазма. Он включил свет в прихожей и откинул тяжелый крючок.

На лестничной площадке стояла смерть.

Сердце Акима ухнуло куда-то вниз, и он почувствовал одновременно ужас и почему-то облегчение.

— А-а-а, — растерянно сказал он. — Так вас же запретили?

Смерть пожала плечами и чихнула. Саван на ней был насквозь мокрый. Он плотно облегал ее невероятно худое тело, с него текла вода, которая собиралась на полу в лужицу.

— Э, так вы простудитесь, — сказал Аким и сделал приглашающий жест рукой. — Прошу.

Смерть несмело улыбнулась, и Аким заметил, что зубы у нее белые-белые, молодые. А она, оказывается, не такая уж дряхлая.

Он провел ее через прихожую мимо пыльных неисчислимых шкафов, забитых книгами, в спальню, где достал из гардероба потертый халат и широкое полотенце.

— Берите. Оботритесь и переоденьтесь. А потом ложитесь в постель. Я сейчас, только уберу лужу в коридоре, чтобы следов не осталось. За вами, наверное, гонятся?

С лужей он управился быстро, а потом прошел в кухню. Остановившись у холодильника, Аким подумал, что теперь уже ничто

не имеет значения, и открыл его вогнутую поцарапанную дверцу. Драгоценный кусок рыбы он положил на треснувшую тарелку настоящего старинного фарфора. Недолго подумал и налил в граненый стакан остатки водки из початой бутылки. Высыпал туда же ложку перца.

Смерть уже сидела на кровати, плотно завернувшись в халат и накрывшись одеялом. Саван ее был развешан на батарее.

— Выпейте это, — сказал Аким, усаживаясь в свое любимое кресло. — И закусите.

— Спасибо, — поблагодарила смерть и залпом осушила стакан. Очевидно, его содержимое попало не в то горло, потому что она закашлялась.

— Ну что же вы так, — пробормотал Аким и, встав, похлопал ее ладонью по спине.

Наконец смерть отдышалась и, благодарно улыбнувшись, стала есть рыбу. От выпитой водки на ее щеках появился слабый румянец, и теперь она была ну просто обыкновенной старушкой, которая долго шлялась под дождем и, выпив горячительного, вкушает скромный ужин.

Аким закурил одну из пяти оставшихся у него сигарет и стал смотреть, как смерть ест.

Делала она это не без изящества, временами бросая на него благодарные взгляды. Потом, когда на тарелке остались только кости, Аким вытащил старое, драное одеяло, потертый плед и соорудил себе постель на полу.

— Право, мне так неудобно... Если я вас стесняю, я могу и уйти.

— Неудобно спать на потолке, — проворчал Аким. — Лежите, лежите. В конце концов, вы ведь дама.

— Да? — удивилась смерть и даже хихикнула. — А я ведь и забыла.

Она лукаво посмотрела на него.

— Ладно, вам сейчас надо хорошенько выспаться. Может, и простуды не будет...

Он потушил свет и, устроившись на своем самодельном ложе, минут через пять спросил:

— А за вами не следили?

— Нет. — Смерть сладко зевнула.

— Нет, — удовлетворенно повторил он, закрывая глаза с твердым намерением уснуть. Но через минуту опять спросил: — Скажите, а там, за порогом смерти, что-нибудь есть? Ну, я имею в

виду, что не может быть, чтобы ничего не было. Что-то же должно оставаться от сознания, от мыслей, от воспоминаний?

— Право, не знаю, — сказала смерть. — Я ведь только отнимаю жизнь. А что потом — меня уже не касается.

Утром он осторожно выбрался из-под одеяла и, прошлепав к окну, выглянул на улицу.

Ничего особенного. Маленький старичок выгуливал средних размеров игуанодона. Чуть дальше разместился лоток продавца милосердия. А в сторонке дрались два телеграфных столба. Очевидно, после ночной прогулки никак не могли поделить место, на котором удобно отдохнуть и отоспаться.

Только что это выглядывает из-за угла? Что-то очень знакомое. А именно? Да провалиться мне на месте, если это не бампер полицейского самохода!

Аким задернул шторы поплотнее и пошел на кухню. Ставя на плиту чайник, он подумал, что от судьбы не уйдешь.

Правда, есть время. Пока молодчики из службы умиротворения запросят инструкций, пока обойдут все инстанции... В общем, канитель долгая. Никак не меньше, чем на полдня, и это надо использовать.

Аким услышал, как в комнате завозилась смерть.

Он деликатно постучал в дверь и, получив разрешение, вошел.

— С добрым утром, — сказала смерть. — А если попробовать через крышу?

— С добрым утром, — ответил ей Аким. — Бесполезно. Знаю я их, мерзавцев. Аккуратные.

— Ну что же, — развела руками смерть.

— Угу, — согласился он и стал натягивать штаны. Смерть тоже стала одеваться, и Аким подумал, что тело у нее не такое уж старое. Худая — так теперь это, кстати, модно. Английский стиль называется.

Они покончили с утренним туалетом и сели пить чай. Пили долго, обстоятельно и с наслаждением. Тем более что ничего, кроме чая, у Акима не было.

Потом смерть перевернула пустую чашку и, блаженно улыбнувшись, сказала:

— Знаешь что? У тебя в шкафу на одной из полок лежит клубок шерсти и спицы. — Она озорно прищурилась и даже вроде бы подмигнула. — Честное слово, я тысячу лет не вязала. А так хотелось бы.

— Хорошо. Я сейчас. — Аким вынул из шкафа клубок и спицы. Отдавая их смерти, пояснил: — Это от жены осталось. Она пять лет назад...

— Я помню, — сказала смерть и надела на нос очки. — Такая милая женщина, с родинкой на щеке...

— Угу, — кивнул головой Аким и, прикусив губу, ушел в соседнюю комнату.

Книги занимали целую стену. Словно лаская, Аким провел пальцами по ровным золотистым корешкам и, вздохнув, подумал, что про каждую из книг он мог рассказать целую историю.

Потом быстро отобрал пять самых любимых томиков и, секунду подумав, завернул их в прошлогоднюю газету.

Уже в пальто он заглянул в гостиную. Смерть с увлечением вязала.

Аким кашлянул.

— Я ухожу, — сказал он почему-то шепотом. — Часа через два вернусь. Хотелось бы, пока есть время... В общем, я не то чтобы об этом мечтал. Наверное, совсем наоборот. Но раз уж так складываются события. В общем, я хотел бы умереть раньше... раньше, чем вы... ну, сами понимаете...

Он неожиданно для себя засмущался, но смерть как ни в чем не бывало продолжала вязать, размеренно отсчитывая петли.

Аким пожал плечами и, сунув сверток с книгами под мышку, пошел к выходу.

Смерть догнала его в прихожей.

— Глупый, — сказала она. — Ну конечно. Какой может быть разговор?

Она легонько прикоснулась губами к его щеке...

Дверь парадного гулко хлопнула за спиной Акима.

Проходя мимо полицейского самохода, он не удержался и постучал пальцем по толстому бронестеклу одной из дверок. Аким видел, как водитель дернулся, но тут же притворился, что ничего не заметил.

— Дурак! — крикнул ему Аким и потряс в воздухе свертком с книгами. — Вот я тебя сейчас этой штукой!

Но даже это не подействовало.

— Ну и шут с тобой, — сказал он водителю самохода, который, сохраняя каменное выражение лица, смотрел куда-то поверх его головы, безнадежно махнул рукой и пошел дальше, помахивая пакетом и чуть слышно напевая:

— Вот и все... тра-ля-ля-ля... Сегодня после обеда... тра-ля-ля... а так, как мы не сдадимся... пам-пам-пам... то будет... тра-ля-ля-

ля... страшно представить... пам-пам-пам-пам-пам... и тут главное успеть... парам-парам-парам... пока не поздно... ля-ля-ля...

И вдруг остановился, неожиданно осознав, что действительно — все. И сегодня после обеда его уже не будет.

Наверное, Аким очень сильно побледнел. Какой-то головоногий, проезжавший мимо в ванне на пяти колесиках, остановился и сочувственно сказал ему:

— Милый, что-то ты неважно выглядишь. Вернись немедленно домой, хвати стакан аммиаку и сейчас же спать, желательно в вентиляционную трубу.

— Да пошел ты... со своим аммиаком, — сказал Аким, чувствуя, как постепенно приходит в себя. Через минуту он совершенно справился с собой и медленно пошел по направлению к базару.

Он посмотрел на голубых слонов, продававшихся за грош... На факиров в заляпанных печатями чалмах, которые молча глотали длинные, трехгранные, украшенные драгоценными камнями оскорбления. Прошелся мимо продавцов призрачного счастья и мимоходом убедился, что счастье у них действительно призрачное, без малейшего обмана. А потом поглядел на борьбу идей, абсолютно походивших друг на друга и поэтому сражавшихся отчаянно, шипя, пуская слюну и яростно сверкая глазами.

Потом Аким стал рассматривать тех, кто ходил по базару. Он видел почтенных, заслуженных купцов и их бесконечно преданных приказчиков. Важных, вроде бы безразличных ко всему, стражей порядка. Видел, как порой в глазах у них появлялся алчный блеск. Это означало, что им нравится какая-нибудь вещь. Они ее сейчас же получали за символическую медную монету.

Еще он видел зевак с затянутыми паутиной, вечно открытыми ртами. Жулики в белых халатах меняли медные деньги на серебряные, уверяя, что серебро вредно влияет на организм. И тут же, прямо на базаре, ссорились, дрались, торговали и валяли дурака простые люди. Дурак, которого они валяли, был одет в телогрейку и кирзовые сапоги.

Постепенно базарное сумасшествие Акиму надоело. Он собрался было уходить, но неожиданно наткнулся на стадо размножавшихся лозунгов. За ними присматривал солидный купец с тяжелым лицом и раскосыми глазами.

Лозунгов было много. Яростно взрывая копытами землю, извиваясь матерчатыми телами, они прыгали друг на друга и сливались. Рано или поздно одна из пар лозунгов исчезала. На ее месте тут же появлялись новые две, которые мгновенно вырастали до размеров взрослых особей.

Ради развлечения Аким прочитал несколько из них:

«Труд — высшая форма развития души», «Тот, кто трудится хорошо, — получит свое», «Вера в будущее — вот наш козырь», «Тот, кто шагает вперед, — придет», «Тот, кто идет, — придет куда надо», «Главное не дорога — главное путь», «Путь души непонятен и неизмерим», «Непонятное и обязательное должно вести вперед», «Все, что не ведет вперед, ведет назад», «Тот, кто идет вперед, — никуда не придет».

Аким усмехнулся и пошел дальше. Он ушел с базара и долго бродил по улицам, вдыхая восхитительный запах орхидей, которые росли буквально на каждом шагу. А нанюхавшись чуть не до одурения, зашел и оставил у одного из своих старых друзей сверток с книгами.

И снова гулял по городу, пытаясь ловить солнечных зайчиков, которые увлеченно грызли вышедшие в тираж цитаты, и даже встретил бродячий плетень. Аким сейчас же попытался навести на него тень, но плетень ускользнул, так как был старый и опытный.

А потом вышло время. Из любезности оно еще немного постояло возле Акима, но потом сказало, что пора. Не может же оно тянуться вечно — и так на целых полквартала вытянулось. И Аким понял, что действительно — пора...

Возле его дома уже собралась порядочная толпа зевак. Аким протолкался к подъезду и вошел в дом. Толпа за его спиной привычно ахнула.

Войдя в квартиру, он аккуратно повесил пальто на вешалку и пошел посмотреть на смерть.

Она сидела в гостиной и задумчиво протирала промасленной тряпочкой косу, Аким тяжело вздохнул и сел рядом с ней.

Когда в дверь заколотили приклады, смерть положила косу возле себя и повернулась к Акиму. Их глаза встретились.

— Да? — сказала смерть...

— Да, — ответил Аким.

— Хорошо. Я помню твою просьбу.

Она провела ладонью по его груди и, услышав, как последний раз дрогнуло сердце, потянулась за косой.

Дверь упала минут через пять. Еще через несколько секунд полицейские были в комнате и ошарашенно разглядывали смерть, которая стояла перед ними, насмешливо улыбаясь и подняв косу.

— Ну? Что же вы стали? — спросила она. — Уж не трусите ли?

— Огонь, — приказал поручик, у которого на шее поблескивал посеребрённый хомут.

Но выстрелить никто не успел. Смерть взмахнула косой и срезала передних троих. А потом поручика. И еще одного, того, который судорожно дергал затвор винчестера. А потом того, рыжего, с бородавкой на носу. Этого оказалось достаточно. Они побежали.

Они скатились по лестнице, как горох, и мгновенно рассыпались по улице.

А смерть высунулась в окно и, засунув два пальца в рот, насмешливо засвистела.

И тут ей в лоб попала пуля, которую выпустил снайпер с крыши соседнего дома.

А потом началось!..

Газеты вышли с аршинными каракулевыми шапками, и в них провозглашалась Эра Бессмертия. На улицах было настоящее столпотворение. Все смеялись, танцевали и кидали в воздух валенки. По карнизам домов скакали абсолютно свежие лозунги, рассыпая фейерверки красивых слов. На всех углах раздавали леденцы на палочках. Скоморохи прославляли мудрость Верховного Предводителя, и народ им вторил. На радостях подожгли три оперных театра и восемь домов терпимости. А потом забегали в дома и дружно плевали в потолки, да так, что их обрушилось несколько тысяч.

С экранов телевизоров зачитывали противоестественные телеграммы из других стран. А еще сообщили, что по просьбе народа, дабы увековечить это знаменательное событие, трем городам и семидесяти улицам присвоено имя Верховного Предводителя.

По улицам ходили маленькие девочки в национальных костюмах и целовали всех подряд. Ветераны картофелеуборочных кампаний на радостях объявили было войну тараканам, но те вовремя ушли в подполье, и воевать стало не с кем. Поэтому просто обнимались, целовались, ходили по улицам, распевая старинную патриотическую песню: «Эх, железною лопатой да врага по голове!»

А сверху падали звезды и беззвучно гасли, не достигнув земли. Старухи выкидывали из окон приготовленные для себя саваны и устраивали из них на площадях костры. Половина владельцев похоронных обществ сбежала, прихватив с собой в качестве сувениров чемоданчики, битком набитые деньгами. Другая половина попыталась покончить с собой, но потерпела неизбежный крах. А народ веселился и развлекался, пел и танцевал. Все чувствовали себя так, будто с плеч упал огромный тяжелый груз и в

будущем ожидается все только хорошее и никакого повышения цен больше не будет.

Никто не знал, что в это самое время в одной из секретных лабораторий с лихорадочной поспешностью пытаются создать синтетическую смерть. В первую очередь для того, чтобы отправить в страну теней Верховного Предводителя, бессменного борца за демократию, человека, укравшего созвездие Павлина, который восьмой час бился в агонии и никак не мог умереть.

ВТОРЖЕНИЕ

Розовые колонны дворца право-, прямо- и левосудия медленно тонули во тьме. Наконец с тихим плеском они исчезли окончательно, и наступила тишина. Сначала на ногу Ипату, а потом на хвост сиамской, с отрезанными ушами и блудливой мордочкой кошки. Ее вой прорезал темноту и затерялся в кривых переулках в ожидании того, кто пожелает его найти. Между тем половинки темноты рухнули и пришел день. Он был очень вежливый, этот день, даже не забыл вытереть о горизонт ноги.

И все начиналось хорошо, но кончилось плохо. Потому что небо затянуло тучами и на землю посыпались веники. На лету они сдирали побелку со стен домов, а с деревьев сшибали листья, и по тротуарам текли неопрятные ручьи, которые собирались в неопрятные потоки, низвергавшиеся в неопрятную реку.

А еще у Ипата болел зуб. Да так, что хоть на стенку лезь. Он подумал-подумал, плюнул да и действительно полез. Но легче от этого не стало. Даже тогда, когда он лег на потолок и, чтобы отвлечься, стал вспоминать... вспоминать...

Например, что жена укатила куда-то на Эльфа-Ариадну и пообещала вернуться через пару тысяч лет. Очень мило с ее стороны. Прекрасный способ увильнуть от супружеских обязанностей, которые обычно состояли в том, что она жарила тривиальную яичницу и не менее получаса в день зудела, чтобы он не курил в комнате, а выходил для этого на лестничную площадку.

И завтрашний компот получился из рук вон плохо. Главное — у кого? У всеми признанного мастера завтрашних компотов. Черт знает что такое!

Он хорошо помнил, что сделал все правильно. С филигранной точностью представил, как будет его варить завтра. Потом тщательно вымыл кастрюлю и осторожно-осторожно, с присущим ему ма-

стерством и умением, проколов сущность, с меткостью снайпера просунул шланг в завтрашний день. Теперь оставалось только перелить компот из «завтрашней» кастрюли в «сегодняшнюю». И все! Дело сделано. Причем правильно, грамотно и хорошо. Вот только почему же компот получился невкусный?

Ипат даже попробовал ради развлечения поразмыслить над парадоксом, который возникает при изготовлении завтрашнего компота. Действительно, откуда все-таки берется компот, если завтра он его варить не будет?

Но тут зуб задал ему такого жару, что Ипат скатился с потолка и, бросившись к аптечке, стал искать в ней анальгин. И конечно же, перепутав, принял вместо него стрихнин. А обнаружив это, меланхолично подумал, что умирать когда-нибудь все же придется...

Лежать на полу и умирать от стрихнина было жутко неприятно, но Ипата поддерживала мысль, что теперь проклятый зуб болеть уже не будет. И точно, как только он умер окончательно, зуб болеть перестал. Совсем.

После этого Ипат некоторое время лежал на ковре и радовался, что все прошло удачно: и умер, как человек, и зуб больше не болит. Однако вскоре ему это надоело, и тогда он стал прикидывать, когда же его все-таки найдут. Ему представились собственные похороны, от которых уже заранее хотелось зевать, и он решил обойтись без них вовсе.

Для этого он сказал «чур не игрок», встал и, тщательно заперев входную дверь, позвонил своему лучшему другу Бангузуну.

— Привет, — сказал Бангузун на другом конце провода.

— Привет, — с трудом двигая непослушной нижней челюстью, ответил Ипат.

— Представляешь, я диплодока купил, — радостно сообщил Бангузун.

— Поздравляю, — сказал Ипат.

— Да, но в магазине меня надули. Диплодок оказался с купированными ушками и хвостом.

— Какая жалость, — посочувствовал Ипат.

— Да, но я все же решил, что оставлю его себе. Он такой милашка...

Они помолчали, потом Бангузун спросил:

— А как ты поживаешь?

— Да так себе, — сказал Ипат. — Где-то между плохо и очень плохо. И вообще, передай всем нашим, что я улетаю минимум на год на побережье черной дыры. Отдохнуть хочу. Так передашь?

— Передам, — рассеянно сказал Бангузун и отключился.

Все, дело сделано.

Ипат снова лег на ковер, но только на этот раз так, чтобы видеть себя в огромном настенном зеркале. Потом вздохнул последний раз и стал наблюдать за появлением трупных пятен на собственном лице. Это было забавно. Например, одно из пятен очертаниями сильно напоминало австралийский континент.

А вообще-то это было здорово. Лежать и ничего не делать. И он лежал... лежал... лежал...

И за год постепенно освободился от плоти, покрывавшей его костяк. Увидев это, он облегченно вздохнул.

Все получилось как нельзя лучше. И даже червей, съевших его мясо, склевывали птицы, прилетавшие в окно, которое он мудро забыл закрыть. Так что о чистоте можно было не беспокоиться.

Он встал, побрякал суставами и, довольно ухмыляясь, пошел в ванную. Помылся. Правда, вытираясь полотенцем, он порвал его об одно из ребер, но что поделаешь, такие неприятности теперь будут подстерегать его на каждом шагу.

А день-то какой чудесный!

Он сварил себе кофе и выпил его целую чашку. Правда, все, что попадало в рот, тотчас же выливалось на стол, но от этого кофе не становился хуже. Напротив!

Напившись, Ипат тщательно вымыл чашку и позвонил Бангузуну.

— У, вернулся, — радостно сказал Бангузун.

— Вернулся, — не менее радостно сообщил Ипат.

— Ну и как?

— Отлично, все отлично... Что ты сейчас собираешься делать?

— Сейчас... — Бангузун на секунду задумался, потом сказал: — Сейчас я иду гулять вместе с диплодоком.

— Ну вот и хорошо. Значит, я тебя жду, заходи — вместе погуляем.

— Заметано, — сказал Бангузун.

Ипат положил трубку и огляделся по сторонам. Так!

Как вихрь пронесся он по дому, надевая на себя белье, штаны, рубашку с надписью от правого плеча к левому «серебристый хек в томатном соусе», старый плащ с пятью рукавами и почти новую стетсоновскую шляпу. Потом он распихал по карманам бутерброды и пиленый сахар, браунинги и чековые книжки, двадцать четыре тома Большой советской энциклопедии и восемь ниток бисера. А также многое другое. Один Аллах знает, что может понадобиться на прогулке. По крайней мере нужно быть готовым ко всему.

На улицу он выскочил несколько рановато и поэтому, до того как пришел Бангузун, успел помочь одной старушке перейти через дорогу. У бедняжки болела третья нога.

А потом появился Бангузун, за которым топал диплодок, и оба они Ипату очень обрадовались. Да так, что от избытка чувств Бангузун толкнул Ипата и тот, совершенно случайно, повалил газетный киоск. И пока киоскер бегал и ловил листы «Местной сплетницы», с которыми баловался еще не совсем проснувшийся утренний ветерок, Ипат выбрался из-под обломков киоска и, радостно хохоча, толкнул Бангузуна так, что тот сбил с ног диплодока. Тут уж захохотал диплодок, и они, все втроем, устроили прямо на улице небольшую кучу-малу, во время которой Бангузун оторвал на одежде Ипата все пуговицы и сыграл на его ребрах «Лунную сонату», а диплодок сорвал с одной из голов Бангузуна шапку и тотчас же ее слопал, а Ипат измазал диплодока чернилами с ног до головы, так что тот стал похож на ягуара.

Так могло продолжаться долго, но прохожие стали возмущаться, и пришлось кучу-малу прекратить. Тогда Бангузун стал знакомить Ипата с диплодоком, теперь уже всерьез. И диплодок кланялся и даже сказал, что он — «покорный слуга» Ипата на все оставшееся время. А потом наступил ему на ногу. Совершенно случайно.

От неожиданности Ипат закричал и увидел, что Бангузун, превратившись в оборотня, оскалил полуметровые клыки, и почувствовал запах. Горьковатый запах Лемурии.

И проснулся...

Он долго лежал на своей узкой холостяцкой кровати и пытался понять, что же это ему приснилось. Не было у него раньше таких снов. А что было? Детство, кусок юности и Лемурия, которую он помнил, в отличие от детства и юности, очень реально, потому что вернулся из нее всего лишь две недели назад. Вот она-то действительно все еще была с ним, жила в каждом его движении, глядела его глазами, говорила его губами, и довольно часто этот благополучный мир, в котором он теперь жил, особенно тогда, когда он доставал из старого шкафа свою военную форму и любовался погонами, петлицами и наградами, казался нереальным и ненастоящим, словно сделанным из папье-маше... Ткни пальцем, и под плотной оболочкой окажется пустота.

Тогда Ипат часами сидел возле шкафа, прислонившись к его полированной стенке, почти не двигаясь, разглядывая что-то широко открытыми, неподвижными глазами, пока звяканье проезжав-

шего по улице трамвая или запевший за стенкой арию Иоланты сосед не приводили его в чувство, и он, вздрогнув, медленно освобождался от дурмана воспоминаний.

Как правило, после этого он вешал форму обратно в шкаф, на сделанную в виде скелетика летучей мыши вешалку, и шел прогуляться или же садился пить чай с рогаликами.

А вечерами он лежал на диване, курил папиросу за папиросой и думал о том, что вот, проходит время и надо бы устраиваться на работу, а также забыть о том, что было. Потому что теперь у него другая, мирная жизнь. И можно даже познакомиться с какой-нибудь девушкой. Если, конечно, она захочет иметь с ним дело. А захочет ли?

Когда он задавал себе этот вопрос, ему вдруг становилось плохо, хотелось плакать, пить вино, чтобы забыться, и стрелять в холодную, мертвенно-бледную луну из крупнокалиберного пулемета, чтобы хоть кому-то отомстить. За то, в чем были виноваты все. Все, кто вокруг, кто спешил по утрам на работу, рассеянно поглядывая на часы, думая о девушках и танцах, которые будут вечером. А также те, кто возил своих детей в колясочках по набережным и бульварам, рассеянно присаживаясь на скамейки, небрежно покачивая маленькое, завернутое в пеленки, сопящее во сне чудо, которого у него не было. А почему? Почему?

Уж не потому ли все знакомые при встрече с ним прятали глаза, говорили дутые жизнерадостные слова и норовили поскорее от него отделаться? Может быть, они чувствовали себя виноватыми? В чем?

А в том, что он был в Лемурии, а они нет. И потому для них он стал живым напоминанием. А кому понравится напоминание о такой вещи, как Лемурия?

Именно поэтому он и не мог познакомиться ни с одной девушкой. А может, просто забыл, как это делается. С ней же надо о чем-то говорить. А о чем? О рейдах, противопехотных минах, убитых товарищах и двух годах юности, которые вырвали из его жизни напрочь, а оставшееся место заполнили кровью, грязью и пороховым дымом?

И можно было только надеяться, что со временем все наладится. А пока он ждал. Если бы его спросили чего, он бы не смог ответить. Просто была в нем эта уверенность, что вот-вот что-то изменится, перевернется...

Так было до сегодняшнего утра, когда он, очнувшись от странного, чужого сна, долго глядел в девственно-чистый потолок, а потом повернулся на правый бок и вспомнил о бабке Меланье.

Да, когда-то давно, тысячу лет назад, еще до Лемурии, он ездил к ней каждое лето и подолгу гостил. Разглаживая ладонью скомканные за ночь простыни, он вдруг вспомнил ее старую хижину, на пороге которой она так любила сидеть, задумчиво глядя на волны, подкатывающие почти к самому порогу, на суматошных чаек и еще на что-то, что должно было принести рыбакам богатую добычу. Это у нее работа была такая, у бабки Меланьи, — глядеть на море, чтобы рыба ловилась лучше.

А еще у нее были теплые, шершавые руки, и когда она усаживалась на пороге хижины, Ипат мог уходить куда угодно на целый день.

Что он и делал.

Поначалу он бродил по берегу моря, любуясь волнами и собирая все интересное, что оно выбрасывало на песок. Но потом пристрастился к «походам в глубь побережья». Происходило это так: он уходил как можно дальше в дюны и садился на песок в ожидании дождя. Иногда ему приходилось ждать час, два, полдня, но рано или поздно дождь все же начинался, и тогда происходили удивительные вещи.

Под ударами тяжелых мутноватых дождевых капель ветки съеденных зноем акманов оживали, покрываясь молодыми клейкими листочками. Из земли мгновенно вырастали шары фумов. В подземных пещерах просыпались грогусы. Они выскакивали наружу и, приветствуя дождь мощным ультразвуковым криком, скакали по камням, безжалостно сдирая с них голубой мох. И пили, пили, пили воду, раздуваясь, и, достигнув предела, разлетались разноцветными брызгами, которые тоже начинали поглощать воду и расти, расти... А боруны уже выкапывались из песка и, разлепив огромные желтые глаза, осторожно переступая десятью мохнатыми и костистыми лапами, набрасывались на грогусов и жадно их поедали. Тотчас с них сползала старая шкура и, свернувшись тугим комочком, убегала на поиски зеленого песка для самообновления.

Дождь, собственно, был коротким, на полчаса, не больше. И когда он кончался, в небо взмывали бледно-розовые нежнейшие бариморы. И спинокостные размеры, почистив панцири внутренними щетками и выкинув наружу лишний песок, пускались в путь, легко отталкиваясь от гибких ложноножек охотников за летунами. Шаловливый ветер тем временем забрасывал Ипата семенами размеров и хомоков, а также спорами драко. И поднимал на недосягаемую высоту икру мудрахов, делительницы джо-

эдов и похожие на точеные китайские пагоды колыбельки фамсов. Разглядывая все это, можно было сидеть целый день, но когда наступала темнота, вся эта праздничная жизнь умирала. Тогда Ипат возвращался в избушку бабушки Меланьи и, устроившись у окна на твердом топчане, долго не мог заснуть, слушая глухие, мерные удары моря...

Вспомнив все это, он встал с кровати и тщательно побрился. Так, теперь остается только одеться и собраться в дорогу.

Застегнув последнюю пуговицу, он сунул в карман нераспечатанную пачку сигарет, зажигалку в форме льва и толстый кожаный бумажник. Карман заметно оттопырился, стал похож на хорошо набитый живот. Может быть, даже слишком...

Наверное, поэтому, когда Ипат вышел на улицу, с твердым намерением отправиться в аэропорт и сегодня же улететь к бабке Меланье, карман стало пучить. Шагов через десять у кармана разыгрались колики. Так как без сигарет обойтись было невозможно, Ипат вытащил бумажник и швырнул его в ближайшую канаву.

Тотчас же тень какого-то проходящего мимо гражданина соскочила с тротуара и метнулась туда, куда он упал. Но ее хозяин был очень воспитанный. Он решительно взял тень за руку, и как она ни упиралась, как ни протестовала, потащил ее в сторону. На перекрестке тень все же зацепилась правой рукой за телеграфный столб, и пока гражданин пытался ее от него отодрать, сумела вывести на ближайшей стене большим пальцем правой ноги «свободу угнетенным...». Но тут гражданин изловчился и, скрутив ее приемом «двойной нельсон», благополучно утащил за угол. Оттуда через несколько секунд выскочила трехногая бабушка с диким криком: «Убили! Убили!»

Кто кого из них там убил, Ипата не интересовало. Никак не прореагировав на вопли бабуси, он пошел по улице дальше, рассеянно поглядывая по сторонам, чуть прикрыв глаза и побаиваясь в глубине души лишь того, как бы улица не возмутилась и не пошла в аэропорт по нему. Это было бы не очень хорошо. Можно сказать даже, что не совсем удобно. Кроме того, несомненно, в аэропорт он сегодня бы опоздал. А какой интерес приходить в аэропорт не с утра! Так и мест хороших не получишь, и потолкаться как следует не успеешь, да и последних новостей не услышишь. Однако обошлось. Улица с утра, очевидно, была в хорошем настроении, поэтому асфальт очень мягко, благожелательно ложился Ипату под ноги. И даже не пробовал столкнуть его в ближайшую канаву.

На небе светило треугольное солнце. И время от времени лопоухий медвежонок панда вылезал из своей норы и тщательно протирал солнечный треугольник мягкой замшевой тряпочкой, смахивая космическую пыль и мелкие метеориты. Крупные он просто бросал вниз, на радость местным мальчишкам. Еще бы, ведь у старьевщика на метеориты можно было выменять заржавленный мушкет или проволочную саблю, а то и целую пригоршню орденов государства Бульдонезии.

А на земле все шло своим чередом.

Возле киоска «Союзпечати» суетились продавцы счастья, раскладывая свой товар на дощатые прилавки, поправляя полосатые тенты, прикрывавшие его от солнца, и рассеянно обсуждали между собой вчерашний футбольный матч. На устилавших прилавки вчерашних газетах вырастали кучки любовного счастья, счастья творчества и счастья игроков. А также огромные кучи счастья дураков.

Заспанные дворники гладили асфальт березовыми вениками. Очевидно, асфальту это нравилось, потому что иногда он чуть заметно вздрагивал и приглушенно хихикал. А по дороге шли дома, которых хозяева отпускали на ночь за город — попастись. Резво скакали деревянные бараки. Весело попыхивая трубами, валили трехэтажные общаги. И совсем уж солидно, вперевалку, топали блочные пятиэтажки, тяжело помахивая подвалами, забитыми по самые двери ароматным луговым сеном.

Ипат даже остановился, став одним из этих домов, почувствовав, как приятно возвращаться обратно в город после ночи, проведенной на широком лугу, где ты почти один и только иногда в ночном тумане мелькнет бок какой-нибудь глупенькой одноэтажки, которой не сидится на месте, а хочется побегать и полаять на луну. Просто так. То, что луна может ответить ей тем же, такое несерьезное строение сообразить уже не может. А жаль...

Наконец последний дом свернул за угол. Ипата отпустило. Он снова был человеком. (Рост: метр восемьдесят шесть. Лицо открытое, спокойное. На подбородке небольшой шрам. Без определенных занятий.) Он даже улыбнулся молоденькой продавщице пепси-коки, которая в ответ ему тоже улыбнулась.

И, наверное, поэтому Ипату совсем расхотелось улетать.

Собственно говоря, почему бы не остаться? Можно даже познакомиться с этой девушкой. Вечером сходить с ней на танцы. А там глядишь и... Но нет.

Одно дело просто улыбаться, другое — знакомиться. И скорее всего она его отошьет. А потом, часа через два, город скроет-

ся в оболочке сажи и копоти. Станет другим. Тем временем утро будет упущено, и он уже не улетит. А завтра еще черт его знает, что случится. Может, инопланетяне нападут! Да и пройти-то, собственно, осталось совсем немного. Рукой подать. Вот только завернуть за угол. Так, а теперь нырнуть в этот проходной двор. Слегка переждать, чтобы не попасть под копыта индрикотериев. Прошли. Ну вот, можно и дальше. Поворот. А сейчас прямо... Вот он, аэропорт.

Все же он немного опоздал. Десятка два энтузиастов уже отирались у касс, радостно похихикивая, и для разминки требовали у кассирши билет до Альфа-Альдебарана или до загадочной планеты Силэб. Кассирша вяло от них отмахивалась, хорошо понимая, что это так — семечки, и сладко позевывала в ожидании утреннего чая.

Ипат протиснулся к кассе и попросил, чтобы ему дали самый большой билет до бабушки Меланьи. С раздражением отложив в сторону помаду, которой подкрашивала нос, кассирша извлекла из стола пачку бланков, ножницы, пистолет кольт, баллончик слезоточивого газа и, с ожесточением взявшись за работу, ровно через минуту и тридцать семь секунд вручила Ипату билет.

Где-то невдалеке натужно ревел совершающий посадку самолет. Ипат отошел от кассы и увидел, что, пока он получал билет, людей в зале ожидания набилось столько, что яблоку негде упасть. Сквозь толпу продирались озабоченные мороженщицы. Возле ног Ипата уселся какой-то грязный, в телогрейке и кирзовых сапогах тип и, вытащив из уха гитару, ударил по струнам. По-блатному растягивая слова, да так, что некоторые с треском лопались, он запел старинную дворовую песню. Тотчас же толпа вокруг него уплотнилась. Ипата стиснули, и он понял, что попал в ловушку. А гитарист заливался соловьем, вкусно выводя: «А я тебя, и-эх, да поцелую, а потом, и-эх, да зарублю!»

И ничего другого не оставалось, как пройти по головам. Иначе так у кассы и прокукарекаешь до самого вечера.

Ипат ухватился руками за плечи своих соседей, подтянулся и забросил сначала одну ногу, потом другую. Выпрямившись, он вытянул для равновесия руки в стороны и пошел, пошел, пошел туда, где народу поменьше. Он шел по головам и внимательно смотрел под ноги: не дай бог попадется лысый. Тогда все — неминуемо поскользнешься. Но бог миловал, и через минуту он уже спрыгнул на пол в противоположном конце зала и зачем-то вытер руки.

Эхма! Ну вот и все. С билетом покончено. До самолета еще уйма времени. Можно и поразвлечься.

Он прошелся по залу и, остановившись возле девушки, которая бойко распродавала свежие номера «Местной сплетницы», подмигнул ей. Та не осталась в долгу и ответила тем же. И некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза, а потом Ипату подмигнул очередной номер «Местной сплетницы», и пришлось идти дальше.

Возле центрального фонтана он остановился и, усевшись на его мраморный край, закурил. Рядом, тоже присев на краешек, судачили две бабуси. Сначала они говорили о погоде и засолке грибов, потом придвинулись друг к другу ближе, и одна из них громким шепотом сообщила:

— А вчера-то что было! На Молокановской улице оборотня милицайты подстрелили...

— Да что ты! — выдохнула вторая бабуся.

— Истинный крест! Вот как бог свят... Иду я, значит, за молочком очередь занимать. Внучек, понимаешь, молочка требует. Уросливый пацаненок, надо сказать, но я к нему уже приспособилась. Главное, что молоко любит. А это для здоровья первейшее дело. Так вот, иду я, значит, за молоком. Петровну встретила. Покалякали о том о сем. Ну, пошли каждая в свою сторону. И только я за угол свернула... Вдруг: бах, тарарах — шум, выстрелы. И потом два милицайта волокут его, сердешного, за ноги по асфальту. Как есть оборотень. Все человеческое, а голова волчья. Ужас! Я так и обомлела. Стою ни жива ни мертва. Где-то, знаешь, только в селезенке у меня екает. Ну, думаю, дожилась. А один из милицайтов обернулся и говорит мне этак, знаешь ли, с усмешечкой: «Ты, бабуся, не волнуйся. Это один из Лемурии пробрался. Пользуются, гады, что война, вот и лезут». И потащили они его. Страх-то какой, господи! А я постояла да и дальше за молочком пошла...

Ипат усмехнулся.

Ведь как пить дать врет, старая. Делать ей нечего, вот и врет.

Он выкинул окурок в фонтан и, резко вскочив, быстро пошел к выходу из вокзала. За спиной хлопнула дверь, и Ипат, окунувшись в жару привокзальной площади, остановился.

Мимо шли и бежали люди. Вот торопится маленький старичок, помахивая длинной белоснежной бородой. За спиной у него огромный рюкзак, из которого высовывается головка огнетушителя. За дедом шествовала элегантная парочка. Провожавшие их

родители плакали навзрыд и совали молодым в карманы пачки потертых денег. Какой-то жулик ловил всех за руки и предлагал прокатиться по городу. Совсем дешево, но зато какие красоты, а еще есть женщины... И еще... И еще... Кто-то кричал, а кто-то истерически смеялся. И все это людское море двигалось, шумело, торговалось, схлестывалось и рассыпалось в стороны, а потом снова собиралось в шевелящиеся комки.

Махнув рукой, Ипат вернулся в здание вокзала и протиснулся к телевизору. Передавали последние новости.

Сначала показывали обычный винегрет. Кто-то кого-то лупил резиновой дубинкой по голове, а над всем этим танцевали полуобнаженные красавицы, тут же прораставшие пшеницей и клонившиеся к земле тугими колосьями, по которым барабанил грибной дождичек, падавший обильным потом с плеч двух дюжих негров, безостановочно танцующих самбу на могильных плитах, украшенных витиеватой надписью «колониальное рабство», из-под которых во все стороны расползались жуки-рогачи, мгновенно взмывавшие в воздух и с утробным воем устремлявшиеся к Антарктиде, неся под своими надкрыльями атомные бомбы, готовые в любую минуту распуститься жгучими тюльпанами, чтобы устроить на всей земле на веки вечные всеобщую тишину.

Потом мелькнули голубые полосы, и вдруг показали Верховного Предводителя, бессменного борца за демократию, человека, укравшего созвездие Павлина. Он давал напутственное слово новобранцам, тем, что должны были отправиться служить в Лемурию. Два мужика с квадратными лицами стояли возле него и бережно держали на шелковых подушечках напутственное слово. Оно было большое, затейливое и сверкало самоварным золотом. Из карманов Верховного Предводителя, как черти из коробочки, выскакивали фотографы и снимали его в фас и в профиль, сверху и снизу, на трибуне и возле... Снимали то, как он, вытянув руку вперед, увешанный наградами, как рождественская елка, чуть хлябая нижней челюстью, особенно когда употреблял длинные слова, пережевывал заученную жвачку, которую говорил и год, и два, и три, и пять лет назад. О демократии и международном долге. О том, что мы не должны оставить в беде маленькую страну Лемурию, где никак не может установиться демократия и где она должна быть, так как без нее не могут восторжествовать великие идеалы. А они неминуемо должны победить. И это невозможно, пока в Лемурии не существует даже правительства, а так, вече какое-то. Поэтому там некому командовать и некому ис-

полнять, а также рапортовать и отчитываться. И что это такое, как не попрание демократии, когда простой лемурский народ лишают самых элементарных прав управлять и подчиняться. И они, те, кто туда идет, являются истинными носителями прогресса и гуманности. Они смело протягивают руку помощи маленькой, заблудившейся в прошлых веках стране...

А внизу сдавленно дышала толпа новобранцев. Ипат же, забыв обо всем, внимательно в нее вглядывался и искал в ней себя, такого, каким он был два года назад. Наголо остриженного пацаненка, которого выловили на улице, остригли и снабдили новеньким автоматом. Да, тогда-то он верил в эти слова и благоговел. А потом действительно пошел защищать демократию. Еще бы не пойти, когда в руках автомат. Всамделишный. Из него даже можно стрелять. И патронов сколько угодно. С серебряными пулями...

А сейчас, два года спустя, Ипат глядел на этих будущих «защитников» и думал о том, что же с ними будет дальше. А что там думать? Дальше — просто. Загрузят в машины и повезут.

Ипат закрыл глаза и, опершись о стену вокзала, оказался снова в Лемурии...

Они ехали по самой обыкновенной дороге. Но чем ближе к кордону, тем она становилась чуднее. А после кордона — одни лишь сгоревшие становища и бескрайняя пустыня. Голубой песок. Тишина, покой и безмолвие. А еще длинная колонна машин. И в каждой из них солдаты, солдаты... И каждый думает сейчас о своем. И вспоминает... Может быть, старый дом, знакомый с детства двор и маму. Безусловно, какую-нибудь девчонку с расцарапанными коленками, которая будет писать ему поначалу каждый день, но уже через полгода забудет напрочь...

А потом на горизонте мелькнет гигантская мохнатая тень, да из кустов вылетит отравленная стрела и вопьется в горло твоему товарищу. Считай — повезло. И не только потому, что остался цел. Просто теперь ты знаешь, что едешь не к теще на блины, а действительно воевать. И это понимание даст тебе пусть мизерный, но все же добавочный шанс выжить. И вернуться...

А впереди, там, куда уходила колонна, бушевал закат. Иначе и не скажешь. Лучи заходящего солнца странным образом искажались в воздухе Лемурии и теперь походили на тысячи кровавых рук, которые тянулись к цепочке двигавшихся им навстречу машин. Это было странно и боязно. А еще существовала дорога.

И на закате она начинала что-то нашептывать, и поначалу едва слышно, но чем темнее становилось, тем громче. Когда же наступала ночь, шепот переходил в явственное бормотание. И так до самого рассвета, пока не вставало мрачное, всклоченное солнце. И тогда становилось видно, как туго приходится передним машинам. Об этом говорили то и дело мелькавшие на обочине дороги еще дымящиеся, полусожженные трупы. И чем дальше в глубь Лемурии, тем этих трупов становилось больше...

Временами казалось, что это будет продолжаться вечно, что они миллионы лет будут вот так ехать, ехать... ехать... миллионы лет... ехать...

И каждые два часа у какого-нибудь новобранца сдавали нервы. Тогда он начинал палить по дороге или же заливался идиотским смехом, колотя чем попало по головам своих товарищей. Колонна останавливалась, новобранца успокаивали и снова трогались в путь... путь... путь... И угрюмое молчание. Потому что говорить не о чем. И только иногда кто-нибудь сплевывал на дорогу и вздыхал:

— Эх, самолетом бы...

Но все уже столько раз это слышали, что даже не поднимали глаз на говорившего, и только если он повторял это как заведенный снова и снова, кто-нибудь лениво говорил:

— Заткнись...

И опять ехать... ехать... ехать...

И думать о том, что действительно самолетом все было бы проще. Но нельзя. Так уж устроено небо Лемурии, что ни один самолет не может в нем летать. Камнем падает вниз на границе. Говорят, будто в старину какой-то великий маг наложил на Лемурию проклятие. Это, безусловно, чепуха, бабушкины сказки. Но самолеты между тем не летают. Падают. И поэтому путешествовать по Лемурии можно только пешком или на автомобиле...

Ипат отвернулся от телевизора и, присев на край кадки, в которой стояла худосочная пальма, подумал, что из-за невозможности летать над Лемурией она так долго и была страной, о которой в прессе упоминают раз в год, да и то как о каком-то курьезе. Дескать, есть вот даже и такая. Ну и черт с ней.

А потом что-то изменилось в окружающем мире. Почему это случилось, так никто и не понял, но достоверно известно, что в один прекрасный день Верховный Предводитель, бессменный борец за демократию, человек, укравший созвездие Павлина, имел пятичасовую беседу с министром внешней политики. А на следую-

щее утро весь мир узнал, что в Лемурии, оказывается, большие беспорядки. И все газеты стали об этом писать. Подробно и красочно. А потом Великий Предводитель повелел ввести в нее войска. В целях защиты демократии. И наступил покой. Правда, по ночам стали приходить цинковые гробы да на улицах появились молоденькие увечные парни, у которых на груди поблескивали совсем новенькие ордена. И тогда по всей стране пошли гулять слухи. Они множились, мгновенно обрастая невероятными подробностями, и в скором времени никто уже не мог понять, где правда, а где вранье. А тем временем с экранов телевизоров упитанные дяди и тети-красавицы продолжали твердить, что все нормально, обстановка стабилизируется и вообще вся Лемурия с восторгом встречает войска, которые пришли ее освободить... и, может, даже спички в магазинах подешевеют...

А по ночам, гулко шлепая деревянными ножками по мостовой, приходили цинковые гробы и стучались в чьи-то двери. И все делали вид, будто их на самом деле нет. И все отлично. Многие в это даже верили. Год, два, пять... За это время обстановка в Лемурии стала еще лучше. И даже слухи утихли. К чему слухи, если и так все ясно? Даже гробы стали восприниматься как нечто привычное...

Ипат очнулся и ошарашенно посмотрел по сторонам.

Эх!

Он оттолкнулся от стены и пошел прогуляться по зданию вокзала, рассеянно перешагивая через ребятишек, которые прямо на полу играли своими прошлогодними снами. А их мамаши сидели на скамеечках и монотонно вязали длинные, скучные сплетни, тщательно отсчитывая петли и стараясь не пропустить ни одной достоверной подробности. Время от времени какая-нибудь из них поднимала то, что у нее получилось, повыше и спрашивала у своих подруг:

— Ну как?

И те одобрительно кивали, не отрываясь от работы, чтобы, не дай бог, не пропустить свою очередь похвастаться сделанным. Иногда самая толстая из них просовывала ногу под скамеечку, на которой сидела, и, тщательно прицелившись, пинала в корму собственного крохотного мужа, который с такими же мужьями других женщин прятался там. Мужик мгновенно летел вверх тормашками, но уже через пять минут, всласть наматерившись, снова присоединялся к тесному кружку таких же, как и он, обездоленных браком, чтобы спокойно попить пивка, посудачить о женщинах и перекинуться в картишки.

Ипат уже сворачивал за угол, к буфету, когда сквозь шум вокзала пробился крик: «Проворонили, гады!» Наступила мертвая тишина. И в этой тишине все услышали отчетливый шум мотора взлетающего самолета, который постепенно перешел в клекот и стал удаляться.

Вокзал охнул и встал на дыбы. Воспользовавшись этим, Ипат проскочил под стеной в том месте, где она приподнялась над полом метра на два, кстати — вовремя. Стена мгновенно опустилась. А в зале аэропорта поднялись душераздирающие вой и крик. Сквозь обширные окна можно было видеть, как толпа ринулась к окошечкам касс. Несколько человек подскочили к служебному входу и стали палить в него из старинных дуэльных пистолетов.

Прямо из стены вдруг выпрыгнула группа милицайтов, закованных в старинные рыцарские латы и вооруженных дубинками и ночными горшками. Толпа встретила их нестройным залпом, который, впрочем, не причинил милицайтам никакого вреда. А из дверей багажного отделения и буфета, видеокооператива и комнаты отдыха лезли уже другие вооруженные штакетинами милицайты.

Напрасно седой мужчина в лиловом парике размахивал веревкой и кричал: «Линч!» Напрасно худая девица, одетая в штормовку с протрафареченной на спине надписью «Беломорканал», щедрой рукой рассыпала по сторонам бомбочки из магния и бертолетовой соли. Напрасно двое десятилетних пацанов швыряли с верхней галереи цветочные горшки, подбадривая друг друга индейским улюлюканьем. Напрасно...

Толпу быстро и организованно смяли, и она побежала. Под напором людских тел входные двери были сорваны с петель, послышался звон стекла. Словно паста из тюбика, толпа выдавливалась на улицу, где побоище сейчас же прекратилось. Милицайты занялись патрулированием пустого зала, а те, кто оказался вне вокзала, стали искать автоматы для продажи газированной воды.

— А что, собственно, произошло? — спросил Ипат у одного из пассажиров, одетого в штаны из мешковины. Больше ничего на нем не было, если не считать майки, нарисованной масляной краской прямо на голом теле.

— «Что, что», — передразнил он. — Непонятно разве? Летающий крокодил втихаря сел на взлетную площадку и прикинулся пассажирским самолетом. А аэродромщики его проворонили, и сто двадцать пять человек как корова языком слизнула.

— А сбить не пробовали? — ошарашенно спросил Ипат.

— Сбить? Сбей его попробуй, если он над самой землей, на бреющем полете... Эх, слушай, ты не знаешь, где тут можно попить?

Ипат пожал плечами. Парень махнул рукой и растворился в толпе.

Минут через пятнадцать народ вокруг вокзала рассосался. Милицайты тоже успокоились. Несколько человек даже подняли забрала и, усевшись у самого входа, мирно покуривали, время от времени спрашивая у тех, кто был на площади: «А здорово мы вас?» Им отвечали неразборчивыми ругательствами.

Ипат подошел и спросил у одного из милицайтов, щит которого был украшен замысловатым вензелем и гербом с изображением толстой книги, очевидно свода законов, бутылки и чего-то здорово похожего на женский лифчик:

— А что, самолеты сегодня больше летать не будут?

Тот задумчиво оглядел его с ног до головы, потом бросил окурок в урну и, прежде чем надвинуть забрало, сказал:

— Господи, ну конечно, будут. Еще минут пятнадцать, все успокоятся, и начнем запускать... Так что не волнуйся.

— А я и не волнуюсь, — сказал Ипат и ушел на поиски чего-нибудь съедобного.

Вернулся он через полчаса, сытый, рассеянно ковыряя в зубах заостренной палочкой.

Вокзал снова был полон. И кто-то что-то уже покупал, кто-то куда-то спешил и толкался, кто-то улыбался, а кто-то плакал...

Ипат понял, что о похищенных людях уже забыли. А может, и не забыли, просто поручили разобраться в этом деле кому нужно. А уж «кто нужно» в этом разберется...

Так что не стоит и волноваться.

И можно лететь... можно лететь... можно... лететь... Лететь?

Он вдруг понял, что лететь ему на самом деле никуда не нужно. Зачем? Он должен остаться здесь и найти ребят, с которыми был в Лемурии.

Как-то так получилось, что, вернувшись в свой родной город, они рассеялись по дворам и улицам, потеряли друг друга. Если сейчас ничего не сделать, они больше не встретятся, прочно запутавшись в паутине будней и забот. Да, он должен их, своих друзей по Лемурии, найти. По одному. Обязательно. О чем они будут говорить, когда встретятся? Да черт его знает! Возможно, ни о чем. В этой мирной жизни, где все так похожи и все так похоже и есть только одна забота — достать как можно больше

денег, о чем они, собственно, могут поговорить? Нет, скорее всего они просто посидят вечером на крыльце и помолчат. На теплом, нагретом за день крыльце. И этого будет достаточно. Потому что тогда он, наверное, сумеет понять что-то, для него совершенно непонятное... И, может быть, станет другим, совсем другим... А там...

Итак, кто первый? Андрей? Рыжий, круглолицый Андрей по кличке Трассер. Что же, он так он. Теперь остается его только найти.

Закрыв глаза, Ипат сосчитал до трех и, когда кончилась бесконечно долгая пауза, почувствовал, что держит в правой руке что-то. Открыв глаза, он увидел, что это золотистый волосок, который убегал все дальше и дальше и где-то там, квартала через два, сворачивал за угол.

Как это получилось, он не знал. Просто этому его научила бабушка Меланья. Она говорила, что все люди — единый организм. И нити связывают их между собой. И если сумеешь увидеть нужную нить, то она приведет к нужному человеку. Вот и все.

На ощупь нить была очень мягкая. Легко пропуская ее между пальцами, Ипат пошел вдоль по улице.

Квартал, в который он попал, был какой-то странный. Все близлежащие дома казались облитыми сахарной глазурью, которая ярко блестела на солнце, разбрасывая по сторонам тысячи зайчиков и бликов. У подъездов стояли черные правительственные «альбатросы», в которых обедали усатые шоферы, запивая крепким кофе толстые бутерброды с первосортной копченой колбасой. За чугунными оградами парков под внимательными взглядами нянечек деловито играли расфуфыренные, как на праздник, дети. Время от времени кто-нибудь из них, с достоинством помахивая ведерком, провозглашал: «Все как один, во главе с сыном Бориса Глебовича, на постройку песчаных куличей» или «Берите пример с передовика детского труда, сына Ивана Пафнутьевича, во внерабочее время сконструировавшего улучшенный образец камнеметательного механизма под названием рогатка!» И тогда все остальные дружно хлопали в ладоши, а потом возвращались к прерванным играм.

Ипат даже остановился, чтобы понаблюдать, как два карапуза дерутся из-за лопатки, на черенке которой латинскими буквами было выведено «суперкинд». Оба они громко ревели, призывая своих нянюшек, которые как раз куда-то отлучились. Минут через пять

им это надоело. Тогда, крепко уцепившись за лопатку обеими руками, они стали поносить друг друга на великолепном английском языке. Последнее, что слышал Ипат, уходя, было: «Гнилостный червяк, сын прачки и консерватора».

— Ну и ну! — покачал он головой и подумал, что если Трассер здесь живет, то ему явно «повезло».

Но нет. Сахарные кварталы кончились, а нить все тянулась и тянулась. Время от времени Ипат останавливался подкрепиться и перекурить, а иногда любовался, как бригады горилл выкорчевывают телеграфные столбы. Некоторые из столбов пробовали возражать, и тогда их приходилось усыплять хлороформом.

А нить все не кончалась. Ипат свернул в верхние кварталы, потом в нижние, а под конец попал даже в кварталы сбежавших от вероятностной волны.

Это было странное место. Кривые, грязные улочки, прорезанные косыми заездами, заканчивающимися глухими тупиками. Из окон высовывались и провожали его взглядами небритые мужчины и пьяные бабы.

Наступил вечер, и тут нить наконец-то уперлась в деревянные покосившиеся ворота, за которыми угадывался полуразвалившийся, вросший в землю домик. С трудом отворив скрипучую калитку, Ипат увидел просторный двор.

И тишина...

Осторожно, ступая как по минному полю, Ипат направился к избушке. Но когда он был уже на середине двора, на пороге появилась дородная женщина в цветастом платье и больших кирзовых сапогах.

— Чего? — недобро рассматривая Ипата, спросила она.

— Андрей дома?

— Нету его и не будет. Уехал он, далеко уехал.

Она смерила Ипата взглядом. Потом повесила этот взгляд на шею, точь-в-точь как портные вешают метр, и презрительно усмехнулась.

Проглотив душный комок, неожиданно оказавшийся в горле, Ипат спросил:

— А куда?

— Куда? — Женщина вдруг шагнула к Ипату и, твердо глядя ему в глаза, процедила: — Не знаю.

И тут с Ипатом случилось что-то странное. Ему вдруг стало дурно, и окружающий мир подернулся туманом, а сам он, словно робот, повернулся и пошел прочь от этого дома, этого двора, этой улицы...

Очнулся он квартала через три, в каком-то скверике, на скамейке. И тотчас же стал шарить по карманам, доставая из них сигареты, спички, неиспользованные автобусные абонементы, тут же пряча их обратно, и только минуты через две понял, что хочет закурить. И закурил...

Докурив сигарету до самого фильтра, он выкинул окурок и, откинувшись на спинку скамейки, попытался понять, что же все-таки произошло. И к нему пришло мгновенное, пронзительное ощущение страха и любопытства, чувство, что взгляд той женщины разбудил кого-то, кто живет у него внутри. И он проснулся всего лишь на секунду, чтобы улечься поудобнее и тотчас же уснуть...

А ведь было еще что-то, очень странное и знакомое. Но что? Запах! Ну конечно же! Странный какой-то, как будто поблизости находился сильный, хищный зверь. Медведи так пахнут и еще...

Да, а кроме того, пока он разговаривал с этой женщиной, за ее плечами что-то появилось и тут же исчезло. И оно совсем не походило на человека. Но что это было? Ясно одно — почему-то оно показалось очень знакомым... Почему?

Он выкурил еще одну сигарету, но так и не смог вспомнить, что же все-таки видел.

А потом накатило безразличие.

Ну видел он что-то. Ну и что? И какая разница, кто это был? В конце концов, его-то какое дело? Она женщина свободная и может принимать у себя кого угодно. И вообще, это ее сугубо личное дело, в которое нечего совать нос посторонним людям.

Ипат постарался отвлечься и не думать об этой женщине. Он скрестил руки на груди и стал наблюдать за молодящимися бабусями, которые прогуливали своих взрослых внучек, крепко сжимая обрезы и с подозрением оглядывая всех встречных молодых людей. Время от времени бабуси с угрожающим видом щелкали затворами. Для профилактики, наверное.

Наблюдая за ними, Ипат несколько успокоился и даже стал обдумывать план умыкания одной из внучек, той, что покрасивше. Но тут снова одна из бабусь щелкнула затвором, и, очевидно, от этого звука на Ипата накатило...

Он снова увидел Лемурию, рейд, ясно и подробно, как в кино.

Из гарнизона вытягивалась колонна машин, наполняя воздух пустыни гудением моторов и запахом выхлопных газов. Черная лента дороги, по которой они ехали, делила пустыню пополам и исчезала в затянувшем горизонт жарком мареве, над которым висело огненное чудовище — солнце.

Медленно и неудержимо, как тонущий океанский лайнер, исчезал гарнизон, съедаемый горбатыми спинами барханов. Через час от него осталось лишь несколько спичек наблюдательных вышек.

Солдаты, которые сидели в кузовах машин, надвинув на глаза панамы и крепко сжав коленями автоматы, некоторое время еще спорили, пытаясь определить, сколько уже проехали, но потом, когда последнюю черную черточку съела желтизна песков, замолчали...

И только песок... Автомат... Глоток теплой, солоноватой воды... Марево... Смерчики на горизонте... Сосед закрыл глаза и уснул... Локтем в бок... Нельзя... Нужно быть наготове... Рейд...

И снова: жара... песок... автомат... марево...

Рейд...

И опять: дорога... раскаленное небо медленно стекает в ручей времени, омывающий подножие утеса равновесия этого бренного мира.

Жара... Сосед справа закрывает глаза и падает, падает, падает в бесконечную темноту... темноту... в конце которой находится его дом, с петухами на крыше и старой, надломленной грушей в саду, под которой так приятно лежать, жмурясь от яркого летнего солнца... А можно еще пойти на речку и, раздевшись, окунуться в ее прохладу... Но мешает падение, падение, падение в бесконечную темноту... темноту... в конце которой...

Песок... Он струится, раздумывая мимоходом, лениво и спокойно, спокойно, спокойно... о том, что минуло. О былых гордых замках и могущественных магах, в тишине подземелий творящих добро и зло, подкрепляющих его самыми ужасными клятвами из всех известных на земле, создающих из ничего золото и драгоценности, а также маленьких живых человечков под названием гомункулюсы...

Автомат... Самое главное — это надежность и безотказность, единственная гарантия в этом мире сдвинутого времени, сумасшедшего неба и забытых ужасов, которые, как серная кислота, разъедают все чужое... чужое... чужое... И поэтому здесь единственная гарантия — надежность и безотказность...

Марево... Они лежат там, в глубине, под защитой веков, сковавших их движение и мысли. Но вот приходит что-то, и они просыпаются... просыпаются... просыпаются... проверяя: так ли еще остры клыки и когти?.. Так ли еще сильны крылья?.. Хорошо ли видят глаза и действуют лапы?.. Просыпаются...

Рейд...

А из-за горизонта выглядывало огромное лицо, ощерившееся в зверской улыбке. У него был острый, похожий на клюв, нос и глаза, как две кровавые пещеры.

Машины остановились. Солдаты стали прыгать через борта, передергивая затворы автоматов и беспокойно оглядываясь. С одной из последних машин ударил ротный миномет. Гигантское лицо вспухло и взорвалось, разлетевшись пылающими кусочками.

И тут зашевелилась пустыня. Чудовища, вампиры, нетопыри, циклопы и тролли, щеря желтые клыки, появлялись из песка и с рычанием лезли на дорогу. Солдаты били по ним короткими очередями. Пули рвали синее, полуразложившееся мясо. Чудовища хрипели, корчились и тут же падали обратно в песок, чтобы сейчас же возникнуть снова и, оскалив клыки, кинуться к машинам. А потом из песка высунулись длинные, многосуставчатые руки и зашарили по дороге, хватая все, что подвернется.

С воздуха на дорогу пикировал кто-то огромный, косматый, с утробным ревом, размахивающий огромным огненным ятаганом. Вот он полоснул им по головной машине, и она мгновенно взорвалась. По пустыне пронесся радостный вопль. Но со второй машины уже били по чудовищу из крупнокалиберного пулемета. И Ипат на мгновение увидел необыкновенно сосредоточенное лицо пулеметчика и лицо его второго номера, который лихорадочно снаряжал пулеметные ленты патронами с серебряными пулями.

Не долетев до второй машины пяти метров, чудовище сломалось и развалилось на сотни летучих мышей, которые с жалобным писком взмыли вверх, на секунду закрыв солнце.

Отбросив в сторону пустой магазин, Ипат попытался вытащить полный, но тут кто-то дернул его сзади за ногу. Рывок был настолько силен, что он выронил автомат, едва успев ухватиться за колесо машины.

Так, следующий рывок оторвет его от этой опоры и утащит в песок, из которого уже не вернешься. Он оттолкнулся от колеса и, выхватив нож, обернулся. И увидел двухголовое чудовище, мертвой хваткой вцепившееся ему в ногу. А потом из-за машины выпрыгнул Трассер и вогнал длиннющую очередь в эту зверюгу, которая дрогнула и, мгновенно рассыпавшись, растеклась в стороны ручьями черной крови.

Перезарядив автомат, Ипат срезал гигантского аспида, пытавшегося напасть на Трассера сзади. В этот момент справа из песка показался бок василиска.

Как только эта тварь повернет к людям морду...

— Внимание! — крикнул Ипат и швырнул в василиска гранату. Они с Трассером упали на мокрую от чьей-то крови дорогу. Раздался взрыв.

Когда они вскочили, василиск был уже мертв и погружался в песок.

— Эх... твою мать! — крикнул Трассер, расстреливая какого-то зомби, который тянул к нему свои полусгнившие руки. Но тут грузовик, к которому они прижимались спинами, покачнулся. Оглянувшись, они увидели тролля.

На секунду Ипату показалось, что мир остановился. Он ясно увидел его гигантское лицо, ногу, которая медленно, как при подводных съемках, приближалась к машине.

В этот момент на груди тролля взорвался ПТУРС. Взрывом ему оторвало голову, и она, дико вращая глазами и что-то яростно вопя, упала далеко в пустыне и исчезла в песке. А безголовое тело рухнуло на машину. Ипат едва успел оттолкнуть Трассера в сторону и отпрыгнуть сам, как на то место, где они только что стояли, обрушился огромный кулак. А из песка уже лезла очередная тварь, выпучив слепые бельмы и изрыгая огонь...

Кое-где пустыня еще клокотала и шевелилась, но на поверхности уже никто не показывался, и было ясно, что нападение отбито.

Что ж, остается только забрать с собой тела погибших, столкнуть с дороги сгоревшие машины и двигаться дальше.

Ипат сидел привалившись к колесу и вяло смолил сигаретку, чувствуя, что какое-то странное отупение навалилось на него, начисто прогнав все мысли. Хотелось сидеть вот так, покуривая, до бесконечности и поглядывать на горизонт, ясный и безоблачный, как будто ничего особенного не произошло... так, взрослые дяди поиграли в войну.

Трассер пристроился у соседнего колеса и тоже закурил. Потом блаженно потянулся и спросил:

— Ну что, воин, как самочувствие?

— Да пошел ты... — сказал Ипат.

— Ну вот, сразу и посылает...

Он выпустил дым в небо и, повернувшись к Ипату, доверительно спросил:

— А знаешь анекдот про то, как одна женщина купила шкаф?

— Нет, — вяло сказал Ипат и выкинул окурок.

— Ну так слушай... Одна женщина купила шкаф, а так как гражданка она была самостоятельная, стала его тут же собирать. Ну со-

брала, все по инструкции. Тут по улице прошел трамвай, звякнул. Шкаф и развалился. Женщина его опять собирает. Следующий трамвай звякнул — шкаф опять развалился. Она зовет соседа, чтобы помог. Тот собрал, подождал. Трамвай опять звякнул. Шкаф развалился. Тогда сосед и говорит, что надо бы посмотреть изнутри. Ну собрал, залез внутрь и ждет. А трамвая все нет и нет. Приходит с работы муж. Смотрит: жена какая-то разгоряченная, возле шкафа чьи-то ботинки. Открывает дверцу, а внутри сосед. Он его спрашивает: «Ты что тут делаешь?» А тот отвечает: «Честное слово, не поверишь — трамвай жду»...

И Ипат неожиданно захохотал. А Трассер тоже... Они хохотали как безумные, забыв про все и вся, не замечая неба, которое мгновенно окрасилось в зеленый цвет, колдовской дымки у самого горизонта и того, что передние машины уже заводят моторы.

А еще они не видели того, что сквозь щель в досках кузова просочилась струйка крови и тяжелые красные пятна падают им прямо на плечи...

А потом Ипат оказался на обыкновенной скамейке, в обыкновенном садике. И на нем была гражданская одежда, а Лемурия осталась где-то невообразимо далеко... далеко... Вот только почему сосет под ложечкой, словно поблизости притаился василиск и надо смотреть в оба, чтобы выстрелить прежде, чем он повернется к тебе мордой?

На город между тем упали сумерки. Черным лохматым свертком рухнули они с темнеющего неба и когда ударились об асфальт, земля вздрогнула. От удара сумерки ничуть не пострадали и стали медленно расползаться по улицам, переулкам, постепенно захватывая весь город, а также лес, который был за ним. И поля, которые были за лесом. И реку, которая текла между полями.

В темноте на соседней скамейке засветились огоньки сигарет. Забренчала гитара. Кто-то засмеялся высоким голосом.

В соседних кустах возились и целовались. Потом кто-то сказал басом: «Ой, наступила», и что-то там зашуршало.

Ипат смолил очередную сигарету, ощущая горечь во рту, и не мог ответить на простой вопрос — что он делал в этой богом забытой стране и зачем отдал ей то, что обычно называют верой в будущее, светлыми идеалами и прочее... прочее...

Еще он думал о человеке, приказ которого стал началом этой лемурской авантюры. Вот если бы его можно было судить! Но

какое же тогда придумать наказание? К стенке? Да нет, вроде бы маловато. Тогда как же? А может, потратить месяц на изучение китайских учебников для палачей? Как известно, они в этом деле были большие мастера. Можно сказать, непревзойденные.

Нет, положительно, пора было уходить. Оставаться дольше просто неприлично. Те, в кустах, наверное, бога молят, чтобы он поскорее освободил скамейку.

И Ипат ушел. Побродив по набережной, он, перегнувшись через парапет, стал смотреть вниз.

А потом возле него остановилась легковая машина и его осветили фонариком.

— Документы, — потребовал начальственный голос.

Ипат вздохнул и полез в нагрудный карман.

Из машины вылез милицайт и, забрав у него паспорт и военный билет, некоторое время их рассматривал. Потом крякнул и, убрав фонарик, вернул документы Ипату.

Теперь можно было разглядеть его погоны. Ишь ты, старший милицайт города! Недурно.

— Вот что, — сказал старший милицайт. — Садитесь в машину. Это хорошо, что вы из Лемурии. Вы-то нам и нужны.

— А в чем, собственно, дело? — поинтересовался Ипат.

— Садитесь, садитесь. — Милицайт открыл дверцу. — По дороге расскажу. Времени почти нет.

В машине сидели четверо. На переднем сиденье шофер и милицайт. На заднем двое в штатском. Один из них потеснился, и Ипат, усевшись рядом, захлопнул дверцу. Машина тронулась.

— В общем, так. — Милицайт повернулся к Ипату. — Нужна помощь. В городе оборотень. Каким образом он пробрался через лемурский кордон, установить не удалось. Но он здесь. Есть уже жертвы. Возможно, он не один. Хотя вряд ли. Оборотни обычно ходят поодиночке. Так что его надо взять. И как можно быстрее. Это я говорю вам, человеку, служившему в Лемурии. Понятно? Это не просьба, это приказ. Город надо спасать.

— Так, — сказал Ипат. — Ну что же...

— Понятно... — перебил его милицайт. — Держи...

Пошарив у себя под сиденьем, он вытащил и протянул Ипату автомат. А также битком набитый подсумок. Ипат вынул один из магазинов и, увидев, как блеснули серебряные пули, невесело усмехнулся.

— Так, я готов, — сказал он. Голос его был, пожалуй, излишне спокоен, но это не имело никакого значения. Он снова ощутил,

как вернулся нервный азарт боя, странная жажда охоты, которую он чувствовал там, в Лемурии.

Офицер со странной полуулыбкой разглядывал его. Проплывали за окном машины дома. Освещенные проемы. Фонари. Люди. Повороты. Пылающие рекламные щиты: «Покупайте жареных уток. Наша газета выпекает лучшие жареные утки». Постовой на перекрестке, в каске и с автоматом на изготовку.

— Вы только не думайте, что он обязательно вам попадется, — говорил милицайт. — Город большой... Шансов мало... Но если попадется — стреляйте без разговоров.

Машина остановилась, и они стали выгружаться.

Город словно бы вымер. Ишь ты! А ведь это за полчаса, что они ехали. Значит, получается, осадное положение? Ну что же. Мера разумная. Очевидно, там, наверху, кто-то уже сталкивался с оборотнями и знает, что такой зверь может наделать в ночном городе.

Ипат стал рассматривать тех, с кем ему предстояло патрулировать. Так... один, несомненно, рабочий. Староват, но сила еще есть. Пожалуй, на него можно положиться. Второй — жидковат. Шляпа, пижонские усики. И автомат держит, как дубину. Ну и черт с ним. В принципе оборотня он может завалить и один. Вот только надо бы за ребятами присмотреть. Пусть будут рядом. Для них же лучше.

Они построились в одну шеренгу, и милицайт пожал им всем руки. Проверил, все ли у них в порядке с оружием, и сказал, что утром по домам их развезет специальная машина. А сейчас они должны патрулировать такой-то и такой-то квартал. И службу нести бодро, бдительно... Прежде чем стрелять, убедиться, что действительно оборотень. Впрочем, с ними товарищ лемурец. Он человек опытный и в таких ситуациях бывал...

Милицайт сел в машину и уехал.

Они же взяли автоматы на изготовку и пошли по маршруту. С улицы Дерзаний, где все стены были оклеены пробитыми пулями плакатами: «Даешь!», на улицу Великого Горного Орла, где каждое окно было плотно закрыто тяжелыми шторами. Следующей была улица Обновления, которая постепенно переходила в переулок Разумных Авантюр. А дальше расстилалась пышная Застоечная. Правда, к концу она становилась беднее и беднее. Потом был крутой поворот, и начиналась улица Второго Обновления, в конце которой виднелось помпезное здание театра Разговорников. И тут кольцо замкнулось. Они снова переходили на улицу Дерзаний. Некоторое время спустя они остановились на углу Застоечной и Дерзаний покурить. Интеллигент все пытался объяснить, как оборотень умудрился прорваться через кордон. Рабочий кивал головой и поминутно

говорил «угу». А потом он сказал, что лучше бы, конечно, эту лемурскую войну не начинать. Интеллигент возмутился и возразил, что этого требовала международная обстановка. И вообще, высокая политика — необычайно сложная вещь...

Ипат слушал их и вспоминал последний день в Лемурии.

...Машины катили к кордону. Ярко светило солнце. Настроение у всех было приподнятое. Чемоданы с дембельским барахлом весело прыгали по кузову. За машинами поднимались столбы пыли. А они, дембеля, болтали какую-то чепуху и думали о том, что это — все. Через несколько часов они пересекут кордон, и тогда можно будет снять с автомата руку и уже не бояться ничего. А потом будет гражданка и возвращение. И каждый постарается забыть эту дорогу, эти годы, эти рейды, вообще — все. Если сможет.

Когда до границы осталось совсем немного, в небе появилась огромная надпись: «До свидания!» Между словами «до» и «свидания» было большое расстояние, и все его занимала страшная морда, отчаянно кривлявшаяся и поминутно высовывавшая длинный, тонкий, змеиный язык...

Рабочий и интеллигент разом выкинули окурки, а Ипат не спешил. Он докурил до самого фильтра. Звездочка сигареты канула в темноте. Они повернулись и пошли дальше, а когда свернули на улицу Дерзаний, Ипат вдруг вспомнил, что именно здесь живет тот самый Семен Бредихин из третьего взвода. И к нему надо обязательно зайти. Ну хотя бы на пять минут.

А может, вытащить его из дома? А что? Они бы ходили всю ночь по улицам и молчали. И этого было бы достаточно.

Что ж, надо действовать.

Он оставил своих товарищей под ближайшим фонарем, а сам вернулся...

Дом был одноэтажный, деревянный. Полусгнивший забор. Скрипучая калитка. Двор посыпан белым песочком. Дверь в дом оказалась почему-то незапертой.

Он включил фонарик и шагнул внутрь.

Итак: прихожая. Продранный диван, старые стулья. На стене — гипсовая пастушка, с нарисованной улыбкой на глупом лице. А это что? Кухня? Расшатанный стол, два табурета, довольно новая газовая плита. А это? Гостиная: обитые бархатом диваны, картинки с целующимися голубками. Телевизор под кружевной салфеточкой. На окнах герань и алоэ. Мило.

Спальня. Железная кровать, старый матрац. На стенах полуобнаженные девушки из журналов. Шкаф. В нем несколько гражданских костюмов и военная форма. Из-под кровати выглядывает дембельский чемодан.

Спальня была последней комнатой в доме, и здесь он задержался дольше, внимательно разглядывая смятую постель и валявшееся на ней мужское белье. А потом посветил в сторону подоконника и вздрогнул. Что-то было на нем, что-то знакомое, какое-то пятно... Он подошел поближе и, поднеся фонарик к самому окну, увидел, что это след. Волчий. Огромный отпечаток когтистой лапы.

И все встало на свои места. Ипат вдруг понял значение «до свидания», когда он уезжал из Лемурии, смысл этого следа на подоконнике и многое другое. А еще он понял, что нельзя вести войну за пределами своего государства так, чтобы она не пришла к тебе домой. Нет локальных войн. И то, что происходило в Лемурии, безусловно, вторжение, которое идет полным ходом, и уже не первый год. Только не мы вторглись в Лемурию, а она ежедневно вторгается к нам, через тех, кто из нее вернулся. И нельзя увильнуть от ответственности. Мы посеяли эту войну. Плоды ее будем пожинать мы же. А кто еще? И вот один из этих плодов. Вот он. На подоконнике.

И словно под воздействием того, что он понял, живое существо, спавшее у него в груди, вдруг проснулось и, развернувшись, рванулось наружу.

Мир взорвался, расплескался разноцветными брызгами, а потом обвалился на него, как гора из сотен тысяч кирпичей, и наступило беспамятство...

Очнувшись, он понял, что лежит на полу, и попытался встать хотя бы на четвереньки. Это ему удалось. Он подумал было о фонарике, но обнаружил, что глаза у него уже привыкли к темноте и фонарик не нужен.

Теперь остается только встать. Потому что надо идти. Там, на углу, его ждут интеллигент и рабочий. И надо спешить. Потому что след на окне указывает на то, что оборотень близко и может в любой момент накинуться на них. Вот только надо найти фонарик и автомат.

Ипат снова попробовал встать и упал. Что-то происходило с ним. А может быть, и не только с ним, а со всем миром. Что-то очень странное.

Он поглядел вниз и увидел, что вместо ног у него волчьи лапы. И ничего в этом удивительного не было. Наоборот, все было абсолютно правильно.

Еще секунду он не верил в случившееся, а потом, осознав до конца, что это все же не сон, клацнул зубами и протяжно завыл...

Рассказы белого крокодила

Предисловие

Этот тип, я имею в виду Белого Крокодила, просочился в мои рассказы совершенно случайно. Он высунул свою зубастую морду и принялся жевать сигары в маленьком рассказике «Бессмертные», одном из первых моих рассказов, когда моему герою-рассказчику понадобился слушатель. Причем свое дело хвостатый сделал вполне сносно, но после того как рассказ закончился, уходить и не подумал. Пролез еще в два рассказа, внаглую поселился в них.

Вот такой настырный оказался.

Правда, в рассказе «Выигрыш», где он тоже попытался высунуться, я с успехом превратил его в нечто другое, совсем другое, дал ему более серьезную роль. Но это не значит, что я отвязался от него навсегда.

Уж слишком ловок. Где-нибудь он у меня все-таки выскочит, в каком-нибудь новом тексте еще появится.

БЕССМЕРТНЫЕ

— Скука-то какая! — воскликнул белый крокодил. Он сидел рядом со мной и изучал расписание рейсов.

— Да, — согласился я, с отвращением листая прошлогодний журнал. — И ведь черт знает, когда его объявят, этот рейс. А вам еще долго?

Крокодил пожал плечами, зевнул, обнажая безупречные зубы, и стал жевать гаванскую сигару.

Покончив с этим делом, он целую минуту что-то обдумывал и, вздохнув, проявил интерес к состоянию погоды в поясе астероидов.

Это было начало, и минут через двадцать мы уже оживленно беседовали. Я пытался посвятить его в нюансы ювелирной огранки молекул фтора. Он же излагал мне теорию мутирования звезд. Еще через десять минут, как это часто бывает, наш разговор переместился в совершенно неожиданную сферу. Мы заговорили о бессмертии.

Его точка зрения показалась мне по меньшей мере странной. В то время как я, пылая энтузиазмом, доказывал, что человеку, сумевшему найти секрет бессмертия, надлежит поставить по всей поверхности планеты золотые памятники через каждые десять метров, крокодил довольно сухо заметил, что большего преступления, чем открытие бессмертия, он даже и придумать не может.

— То есть как? — спросил я.

— А вот так, — отрезал он. — Хотите, пока еще есть время, я расскажу вам одну историю, которая даст наглядное представление, что же такое бессмертие?

Была на нашей планете обыкновенная страна. Существовала она по всем надоевшему шаблону, и казалось — так будет всегда.

К моменту нашей истории она только что выпуталась из одной региональной войны и спешным порядком готовилась ввязаться в другую.

Пока же бизнесмены загребали деньгу и экстренно раздавали взятки. Политики произносили речи, брали взятки у бизнесменов и добросовестно впивались в ягодицы друг другу. Не обошлось в этой стране и без мафиози, которые, обделывая свои темные делишки, заодно шантажировали особо нахапавших политиков с целью некоторого перераспределения денежных капиталов. Были там и полицейские, которые беззаветно поддерживали законность, мимоходом получали взятки с мафиози, а также разгоняли рабочие демонстрации, умело применяя дубинки и слезоточивый газ. Рабочие, понятное дело, взяток ни у кого не брали (да и кто им даст?), а только вкалывали и вкалывали.

И вот, представьте, какой-то там профессор совершенно случайно синтезировал некий препарат. Каким-то чудом у него хватило ума разобраться, что это такое и с чем его едят. С детской непосредственностью старый дурак рассказал о сделанном открытии коллегам и сообщил им рецепт, настолько простой, что нужные компоненты можно было свободно приобрести в любой аптеке.

Коллеги, как умные люди, сейчас же приготовили это вещество и махом опробовали. В интересах истины, понятное дело. Препарат действовал.

Да, надо вам сказать, что он воздействовал на генетический код клеток, придавая им свойства, позволяющие совершать мгновенную регенерацию, а также возможность безграничной перестройки организма, в результате чего достигалось совершенное бессмертие данного индивидуума.

Ого, это вам не шуточки! Хотите знать, что было дальше? Ну, так слушайте.

Понятное дело, служба всеобщего надзора, давно уже взяв это под контроль, изолировала свежеиспеченных бессмертных и заткнула рот всем, кто хоть что-то знал. Слухи, конечно, полностью погасить не удалось. Но на то они и слухи.

Сам же препарат попал в надежный сейф, и казалось, делу конец...

Беда была в том, что в службе надзора иногда попадались вполне нормальные люди. А какой нормальный человек не желает стать бессмертным?

В конце концов эта мысль одного из них одолела. Вследствие чего было допущено нарушение секретности: он попробовал этот препарат на себе. А потом сказал кому-то, естественно, по секрету.

Тот попробовал, стал бессмертным и посвятил в тайну еще кого-то. И пошло, и поехало. Кончилось все тем, что о препарате узнали жены, и дело перестало быть тайной. Известно, раз знают жены, то знают все.

Бессмертие овладело страной мгновенно и беспрепятственно. Служба всеобщего надзора была озабочена собственным бессмертием и теми проблемами, которые в связи с ним возникли. Нужды страны им стали до фени, хоть гори она ясным пламенем.

Правда, всполошились политики, углядев во всем этом что-то неприличное, но было поздно. Оставалось только делать хорошую мину при плохой игре. Правительство совершенно официально объявило о том, что наступила Эра Вечного Человека. Не обошлось без восторженных речей, фейерверков и всеобщего ликования.

Потом появились трудности.

Разорились врачи. Лечить стало некого. Вслед за ними остались не у дел косметологи, фотографы, парикмахеры, маникюрши, массажисты и многие другие. Дошла очередь и до портных. Зачем носить одежду, если с наступлением холодов можно сколько угодно обрастать красивой густой шерстью и перьями?

Армия разбежалась. Вернее, самораспустилась, когда вдруг обнаружилось, что состоит она исключительно из генералов, адмиралов и поваров.

Тем временем скончался профессиональный спорт. В самом деле, о каком спорте может быть речь, если каждый оболтус может стать чемпионом мира во всех его видах?

Правда, дело попробовали оживить. В боксе, например, ввели правило: «проигрывает тот, кто первым выбьется из сил». Однако никто не учел, что боксеры будут пополнять дефицит энергии за счет уменьшения собственной массы. Первый же пробный бой дал обескураживающий результат.

Войдя в раж, противники не сумели остановиться и через некоторое время уменьшили собственную массу настолько, что их стало невозможно разглядеть. Таким образом, остановить встречу, а тем более определить победителя и побежденного никак не смогли. Я думаю, что эти микробоксеры до сих пор ведут свой бой где-то на атомарном уровне.

Мафиози, кстати, совсем стыд потеряли. Полицейские только разводили руками. А что поделаешь? Попробуй поймай преступника, который мгновенно меняет внешность, да еще и папиллярные узоры на пальцах. Дактилоскопия самоуничтожилась. Миллионную картотеку службы надзора можно было смело использовать на нужды ассенизаторского хозяйства. Правда, убийства прекратились. Но

зато возрос процент мошенничеств. А попробуй избежать квартирной кражи, если преступник может свободно пролезть в замочную скважину. А многоженство? Вот где раздолье-то!

Возникла также проблема двойников. Дошло до того, что однажды обнаружилось три десятка президентов. Установить настоящего не было никакой возможности. Пришлось кидать жребий. Центральная пресса объявила, что он по справедливости пал на истинного президента.

В то же время какая-то газетенка, не подумав, вякнула было, что жеребьевка была жульническая, в пользу нужного человека. Но на нее шикнули, и она заткнулась.

А женщины? Часть из них стала копиями известных актрис. Другая, более самостоятельная, кинулась в пучину экспериментаторства, перестраивая свои тела на каждый случай жизни, а также в соответствии с модой.

Отличить свою жену от чужой стало невозможно, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вообще, само понятие «семья» перестало быть чем-то реальным. Детей тоже не стало. Зачем бессмертным дети? Правда, некоторые все же пытались размножаться почкованием, но ничего хорошего из этого не получилось.

Работать никто не хотел — продукты питания кончились. Однако эту проблему решили быстро, насытив кожу хлорофиллом, что дало возможность питаться солнечным светом.

От скуки некоторых потянуло «лепить» из своего тела неживые объекты. Один создавал копии шедевров мировой культуры, пока не остановился на памятнике самому себе. Другой умник перестроил себя в вычислительную машину, способную ответить на любые вопросы. Задавать их было некому. А вернуться в человеческий облик он не захотел, не видя, что в нем привлекательного. Так и стоял один-одинешенек.

Несколько индивидуумов превратились в небольшую плотину. Им нравилось думать, что они удерживают огромную массу воды на месте. Случилось наводнение. Но так как все уже привыкли к таким пустякам, этот катаклизм остался без внимания.

Все попытки перестроить мозг с треском провалились. Малейшее воздействие на нервные клетки влекло за собой слабоумие.

Представьте, какой кошмар — вечный кретин!

В бога теперь никто верить не желал. Несколько бывших священников попытались организовать секту самоуничтожителей. Они планировали перестроить для этой цели атомный реактор, но, не успев приступить к работе, перепугались, наплевали друг на друга и разбрелись в разные стороны.

Часть бессмертных обленилась настолько, что предпочла растительный образ жизни, утратив остатки разума.

У других бесконечные метаморфозы организма приобрели характер наркомании. Остановиться они уже не могли, постепенно теряя какие-либо очертания и превращаясь в мелко трясущиеся комки слизи, получившие название комдрожей.

Между тем страна погибала. Это было ясно, и все, кто сохранил остатки разума, осознали, что ничего уже не поделаешь, а поэтому — спасайся кто может! Началось бегство.

Часть ушла в глубины океана, другие улетели в космос. Третьи ушли в четвертое измерение, а четвертые — в третий антимир. Остальные — кто куда.

Толпы идиотов прорвались сквозь границы соседних стран и разбрелись по всей планете. Тех, кто превратился в дворцы, станки и плотины, одолели время и ржавчина, комдрожи высохли на солнце и рассыпались зеленоватой пылью.

Страна обезлюдела. Пожалуй, на этом историю бессмертных можно и закончить.

Крокодил вытер слезу и достал очередную сигару.

— А с профессором что стало? — спросил я.

— О, он оказался самым хитрым. — Крокодил шевельнул хвостом. — Еще до того, как все раскрутилось, он улетел в длительную экспедицию. Но скоро должен вернуться. Тогда его схватят и будут судить. А знаете...

Тут объявили посадку на рейс в пояс астероидов. Крокодил попрощался и, схватив чемодан, убежал.

А я еще долго сидел в зале космопорта, удивлялся, какой бедой обернулось мое изобретение, и думал о том, что скажу на суде.

КАРУСЕЛЬ ПУШКИНА

Тихо гудели гипердвигатели. Стюардессы в оранжевых, похожих на ведерки для льда, шляпках разносили прохладительные напитки. Сидевший напротив меня белый крокодил потянулся к висевшей на боку плетеной джимакской сумке. Вытащив из нее гаванскую сигару, он с хрустом откусил от нее чуть ли не половину и стал задумчиво жевать.

— Гений — это всегда познание, — наконец сказал он. — Гений не может топтаться на месте, он должен все время узнавать что-то новое, впитывать в себя, перерабатывать и находить такие закономерности, какие никто другой заметить не может. Этим гений и отличается от других людей. Если же поток новой информации иссякает, он начинает экспериментировать с тем, что имеется, и тогда — жди беды!

— Наверное, — сказал я. — Наверное, так и есть.

— Да, конечно. — Крокодил откусил еще кусок сигары. — Уверяю, я знаю это совершенно точно. Как-то раз мне уже случилось столкнуться с самым настоящим гением, и надо сказать...

Он бросил взгляд на книгу, которую я держал в руке.

— Если не ошибаюсь, именно это и называется книгой?

— Ну конечно, — ответил я и слегка улыбнулся.

— Да, это именно книга, — задумчиво пробормотал Крокодил. — А еще их, эти книги, как я помню, пишут?

— Вы правы.

— Да, — вздохнул он. — Именно так, их пишут... Знаете, эта книга напомнила мне одну забавную историю, не так давно случившуюся на некой планете, с очень заурядным названием. Хотите послушать?

— Почему бы и нет? — сказал я.

И тогда, откашлявшись, крокодил начал:

— Есть в галактике планета под названием Земля. Все на ней примерно так же, как и на многих других планетах среднего класса, но суть не в этом. Итак, жил на этой планете некий мыслящий человек, как все они себя там называют, очень любивший писать книги. Писал он их просто великолепно, несколькими способами, один из которых называется стихосложение. Если вы читаете книги, то наверняка знаете, что этот способ собой представляет, поэтому рассказывать о нем отдельно — смысла не имеет.

Итак, этот человек очень любил писать книги и делал это с таким мастерством, что вошел в историю как непревзойденный, гениальный книгонаписатель. Причем даже сотни лет спустя на Земле не нашлось человека, способного писать на таком же высоком уровне. Звали его Пушкин. Что именно это имя означает, сказать не могу. Скорее всего, как и у большинства жителей Земли, оно не означает ничего, просто имя — и все.

В общем, Пушкин был гением. При жизни его за гения больното и не признавали. Так, считали, хороший книгонаписатель — и все. Погиб он, можно сказать, во цвете лет, участвуя в старинном религиозном ритуале, который называется дуэлью. Поначалу это событие прошло почти незамеченным, но потом многие из тех, кто читал книги, опомнились. И овладела ими великая печаль, однако гения книгонаписания вернуть было уже невозможно.

За следующие пару столетий популярность Пушкина выросла неимоверно. Я так и не понял, что послужило этому причиной. Может быть, она родилась из сожаления книгочитателей по поводу недополученных книг, но скорее всего они просто доросли до его произведений. Как бы то ни было, но Пушкина наконец-то официально признали гением.

И сейчас же многие люди бросились изучать книги Пушкина, писать свои собственные книги о нем, его времени, его друзьях, его книгах, выискивая все новые и новые факты, все новые и новые мелочи, строя предположения и догадки, благо прошло два-три столетия и жизнь этого славного книгонаписателя успела подернуться дымкой забвения, что, как правило, служит хорошей основой для домыслов и догадок. Популярность Пушкина стала настолько велика, что не было семьи в стране, где он когда-то жил, которая не имела хотя бы одной его книги, а то и полного их набора.

Возник даже институт, который занимался его творчеством. Короче, популярность Пушкина переросла всякие границы, и к тому времени, когда изобрели машину времени, она была невероятно огромна.

Несколько лет машину времени доделывали, отлаживали, запускали в производство в строгом секрете, под контролем некоего государственного учреждения. Потом, постепенно, ее существование перестало быть тайной. К этому времени государство уже обладало несколькими десятками вполне готовых к употреблению аппаратов. Общественность воспринимала все это довольно оживленно, но без большого волнения. Подумаешь — машина времени! Ее испытывали, совершали пробные путешествия в прошлое и делали это очень осторожно, стараясь ничего в нем не изменить.

Но вот один из местных ученых открыл и обосновал эффект, который назвал «эффектом буфера». Он доказал, что в прошлом в принципе можно делать все, что угодно, поскольку любое возмущение полотна времени, если оно проведено достаточно далеко от настоящего, в конце концов затухает и никакого воздействия на него не оказывает.

И вот тут-то началось. Пушкинисты словно взбесились. Они насели на правительство, они подняли грандиозный шум в прессе и все-таки добились своего. В лучших традициях времени, вошедшего в историю как «беспутное», был проведен всенародный референдум. Большинство населения страны дало свое согласие, и институту изучения Пушкина передали несколько портативных машин времени.

После этого в прошлое спешно была отправлена группа подразделения, специализирующегося на борьбе с терроризмом. Группа сработала как надо, и ритуальное действо под названием дуэль, на котором Пушкин должен был быть убит, не состоялось.

Вслед за этим в прошлое послали другую группу с заданием ограждать гениального книгонаписателя от всяческих опасностей, которыми, надо сказать, то время, в которое он жил, довольно изобиловало. Работу свою они делали неплохо, и Пушкин прожил еще долгие и долгие годы от момента своей, теперь уже несуществующей дуэли, натворил чертову уйму глупостей, умер глубоким стариком и успел написать еще много-много книг, которые ввели в состояние экстаза всех пушкинистов.

К тому времени институт изучения наследия Пушкина переименовали в институт по изучению самого Пушкина. Его сотрудники должны были заниматься опекой гения во времени, а также подбирать буквально каждый клочок бумаги, на котором он написал хотя бы слово.

Как бы то ни было, но не мог же Пушкин жить вечно? Да, пушкинисты приложили чудовищные усилия, чтобы продлить его

жизнь как можно дольше, но все-таки наступил тот день, когда, несмотря ни на что, он все же умер.

Остался институт, который занимался его изучением, имеющий в своем активе множество операций во времени, проведенных с целью спасения знаменитого книгонаписателя от опасностей, угрожающих его здоровью, а то и жизни. И вот вдруг из-за отсутствия объекта исследования ему стало совершенно нечем заниматься. Конечно, можно было заняться изучением накопленных ранее, поистине бесценных материалов, но это вело за собой уменьшение субсидий. Короче, необходима была свежая идея, под которую можно было бы качать и качать у правительства деньги.

Как это обычно и бывает, нашелся молодой и талантливый работник института, которому пришла в голову поистине сногсшибательная идея. Естественно, он осуществил ее на свой страх и риск, даже не подумав поставить в известность руководство.

Что же он сделал? Он махнул в прошлое и опубликовал где-то за пару лет до рождения Пушкина одну из его книг под чужой фамилией, так, словно тот ее и не писал. Что и говорить, эксперимент был дьявольски смелый. Результат превзошел все ожидания.

Конечно же, Пушкин прочитал эту, украденную у него книгу, и за то время, которое он потратил бы на ее создание, написал совершенно новую. Таким образом на руках у молодого ученого оказалось две книги, написанные гением за одно и то же время.

Каково, а?!

Победителей, как известно, не судят. Да и широкая общественность пушкиноведов появление новой книги знаменитого книгонаписателя встретила с диким восторгом. Молодого исследователя восславили, и через несколько лет, когда старый директор института ушел на отдых, тот занял его кресло.

Излишне говорить, что эксперимент с напечатанием в прошлом книги Пушкина повторили, и еще, и еще раз. Когда же главой института стал бывший молодой специалист, нашлись люди, которые вложили в это учреждение очень большие деньги, что позволило отправлять в прошлое и печатать там книги Пушкина десятками. В результате стали появляться все новые и новые книги, которые опять можно было отправлять в прошлое.

Конечно же, большинство ученых мира, осуждая на словах любые эксперименты с гениальным книгонаписателем, на деле напряженно следили за всем происходящим в стенах института изучения Пушкина, стараясь не упустить любые, на первый взгляд даже незначительные мелочи.

Они хорошо понимали, что подобная ситуация вряд ли когда-нибудь повторится. Шутка ли, поставить эксперимент на гении?

Кстати, именно тогда и появился термин, которым стали называть этот, ставший теперь уже глобальным, эксперимент над великим землянином. Его стали называть «каруселью Пушкина». Наверное, этот термин лучше всего отражал то, что с ним происходило. Пушкин действительно словно бы вращался на карусели, каждый оборот которой являлся его очередной жизнью.

И конечно же, каждый новый оборот этой карусели немного отличался от предыдущего. А иногда и много. Что только на ней не происходило с Пушкиным, кем он только не становился, что только не делал! Случалось, он все-таки даже участвовал в дуэли на Черной речке, но каждый раз благодаря усилиям специальной группы оставался в живых. Правда, не обошлось и без накладок. Один раз он убил вместо Дантеса какого-то заезжего пехотного капитана, другой — прострелил секунданту ухо, а как-то раз у него даже разорвало ствол дуэльного пистолета, в результате чего Пушкин лишился кисти правой руки. Впрочем, книги от этого он писать не перестал, быстро приноровившись делать это левой конечностью. После каждой такой накладки часть сотрудников института, непосредственно в ней виновных, увольняли и брали им на смену настоящих специалистов, что пошло институту только на пользу. В скором времени в его стенах, кроме бездарностей и карьеристов, стали попадаться и люди, которые кое в чем понимали.

Между тем объем книг, выданных Пушкиным на-гора, все рос. Великий книгонаписатель перепробовал себя практически во всех жанрах и в каждом из них доказал свою гениальность. Написанные им книги приходилось печатать чуть ли не за сотню лет до его рождения хотя бы потому, что напечатать их за несколько десятков лет было практически невозможно. Их печаталось такое количество, что многие жившие в то время книгонаписатели, не выдержав конкуренции, напрочь бросали писать, а остальные и вовсе не начинали.

Впрочем, ученых всего мира это не сильно волновало. Они все еще, причем безуспешно, пытались понять, почему, несмотря на то, что многие обороты карусели отличались друг от друга, как небо и земля, Пушкин неизбежно во время каждого из них был гениален. Правда, его гениальность тоже была то большей, а то и меньшей, но все же была. Отдельные неудачные витки можно было пересчитать по пальцам, да и то все они объяснялись чисто техническими причинами, как, например, девяносто восьмой, в котором няня Арина Родионовна уронила шестимесячного Пушкина на пол.

Тот ударился головой и на всю последующую жизнь остался идиотом. А про то, что случилось в двести сорок восьмом витке, мне говорить и вовсе не хочется.

Кстати, там, в настоящем, где существовал институт по изучению Пушкина, тоже текло время. Бежали годы. Вот уже и бывший молодой специалист, запустивший «Карусель Пушкина», ушел на заслуженный отдых, за ним и его преемник, потом еще один... А «карусель» все крутилась и крутилась...

У Пушкина же с каждым ее витком назревал некий кризис. Медленно, но неизбежно он исчерпал все более или менее крупные темы. Историю он уже прошерстил вдоль и поперек, описал те крупные и малые события, которые его интересовали, а о тех, к которым он был безразличен, понятное дело, Пушкин писать не мог. Все чаще и чаще его новые книги не очень-то и отличались от когда-то уже написанных. Вовсе не подозревая о том, что сам их когда-то и написал, Пушкин то и дело ловил себя на «плагиате», а от этого нервничал и много пил.

Да, еще одна вещь. Под воздействием его напечатанных в прошлом рукописей, оно, это прошлое, менялось, впрочем, не так сильно, чтобы дать Пушкину пищу для книги на абсолютно новую тему.

Несколько оборотов «карусели» Пушкин беспробудно пьянствовал, так ничего толком и не написав, а потом произошло нечто, что оказалось полной неожиданностью для института.

То ли на четыреста шестьдесят пятом, то ли на пятьсот семидесятом обороте родился Пушкин, наделенный просто маниакальным чувством подозрительности. Наблюдатели поначалу этому не придали большого значения, а когда спохватились — было уже поздно.

Этот самый сверхподозрительный Пушкин заметил некую особенность...

Прежде чем продолжить рассказ, попытаюсь кое-что объяснить. Можете ли вы представить, сколько людей из будущего толклось вокруг Пушкина к тому времени? Уверяю вас — огромное количество. Были сотрудники института, которые следили за тем, чтобы он прочитал все, что было до него написано им же самим и издано под чужими фамилиями. Были сотрудники, которые следили за тем, чтобы не повторились ситуации, которые могли бы повредить его жизни или здоровью. А еще были сотрудники, которые подбирали буквально каждый клочок, на котором он хоть что-то записал. И это не считая ученых, которым надо было наблюдать гения, так сказать, в его естественной среде обитания, досужих журналистов, время от времени вспоминавших об этом эксперименте, который

стал уже расхожей темой, такой же, как летающие тарелки и снежный человек, а также наблюдателей из общества защиты Пушкина, следивших за тем, чтобы его не подвергали геноциду, опасным экспериментам и вивисекции.

Так вот. Вокруг него толклась куча народа, и сверхподозрительный Пушкин заметил, что его окружают какие-то странные люди. Тут он задумался, отметил кое-какие особенности, потом понаблюдал еще и в результате пришел к правильному или почти правильному выводу. После этого он напал на одного из самых глупых сотрудников института, связал его и, приставив ему пистолет к голове, заставил рассказать все. Сотруднику очень не понравилась та штука, которая холодила ему висок, и он раскололся. Аут!

После этого Пушкину оставалось лишь обыскать своего пленника, и вот у него уже в руках портативная машина времени, в управлении которой может легко разобраться даже идиот, а не то что гений.

Короче, через минуту после этого ствол пистолета перестал тыкаться сотруднику в висок. Он исчез... так же, как и сам Пушкин.

Что тут началось! На поиски Пушкина отправлялись целые экспедиции. Впрочем, длилось это недолго. Довольно скоро все сообразили, что искать гения можно хоть до скончания века и так и не найти. У него-то в распоряжении было все прошлое! Он запросто мог устроить себе базу где-нибудь, например, в меловом периоде. Попробуй обнаружить — где именно.

К счастью, за будущее можно было не волноваться. Один из парадоксов машины времени заключается в том, что на ней нельзя прыгнуть во времени дальше того момента, когда ее использовали в первый раз, больше чем на одну секунду. Нет, после того как вы ее используете, она будет вполне мирно лежать у вас в столе хоть десять лет. Но, использовав ее во второй раз, вы окажетесь в будущем опять же не дальше чем на секунду от этих прошедших десяти лет. Вот такой парадокс. На его тему в свое время была написана не одна диссертация.

Но вернемся к Пушкину. Того, что рассказал ему сотрудник института, оказалось вполне достаточно, и в скором времени наш гений объявился — да еще как! Полотно времени буквально завибрировало от его бурной деятельности. Как вы думаете, что он предпринял? Ну конечно, он запустил «карусель» по новой, но только теперь она крутилась под его контролем и для его целей. Происходило это так: Пушкин появлялся неизвестно откуда, хватал самого себя в возрасте шести лет и исчезал неизвестно куда. В следующий раз они появлялись уже вдвоем, и пока один похищал самого себя,

причем за несколько минут до того, как это случилось в первый раз, второй отнимал у всех присутствующих поблизости сотрудников института портативные машины времени.

С ним пытались бороться. Устраивались хитроумнейшие ловушки, которые он с легкостью разгадывал и сейчас же использовал против тех, кто на него охотился. Короче, в самом скором времени институт был вынужден ретироваться с поля боя, в спешке бросая отдельных сотрудников, которые сейчас же становились жертвами появлявшегося неизвестно откуда вооруженного отряда гениев.

Кончилось все тем, что с определенного момента сотрудники института осмеливались появляться во времени лишь как наблюдатели, а Пушкины остались настоящими хозяевами положения. Заметив это, они перестали обращать на представителей института какое-либо внимание, а для добывания машин времени стали использовать другой способ. Гении книгонаписания похищали их прямо с завода, на котором те производились. Кстати, поскольку законодательства о преступлениях во времени не было, их за это не могли даже судить. Как можно осудить кого-нибудь за кражу, которую он совершил через несколько веков после своей смерти?

Итак, гений взялся за дело и проявил действительно бешеный африканский темперамент. В результате его действий время трясло словно в лихорадке, оно буквально трещало по швам. Наблюдатели института доносили, что Пушкины так и шныряют из конца в конец истории человечества, так и шныряют. Они сообщали, что один из Пушкиных стал торговцем с острова Крит, другой — афинским философом. Пушкин пил в кабачке с крестоносцами и кричал с мачты каравеллы Колумба: «Земля!» Он был алхимиком и рудознатцем, придворным шутом и белым дикарем на Соломоновых островах. Он прогуливался по Уолл-стрит и несся на коне, размахивая мачете вслед за Панчо Вильей. Он умирал от отравляющего газа на Ипре и падал, сраженный лихим ударом шпаги возле ворот Букингемского дворца.

Это длилось долго. Он познавал мир и людей, он наслаждался им, он пил каждое мгновение, потому что получил возможность испытать на своей шкуре то, что до этого мог испытать только в мечтах, за письменным столом. Он пытался понять жизнь во всех ее проявлениях.

Видимо, это ему удалось, потому что совершенно неожиданно Пушкины оставили историю человечества в покое и исчезли неизвестно куда, скорее всего вернулись в свое тайное убежище в меловом, а то и в юрском периоде.

Поначалу в это не поверили. Постепенно все более и более смелевшие сотрудники института прочесали историю человечества и не нашли в ней никаких следов гениальных книгонаписателей, конечно, если не считать тот отрезок времени, в котором тихомирно жил самый первый Пушкин и, даже не догадываясь, что по времени можно путешествовать, писал книгу за книгой.

Пушкины исчезли, канули неизвестно куда, и постепенно, постепенно все стали успокаиваться. Сотрудники института мало-помалу опять обленились, газеты переключились на истории о летающих тарелках и предпринятых одним ловким голландцем поисках Ноева ковчега, директор института изучения Пушкина перестал вскакивать каждую ночь от тревожных звонков и даже стал обращаться к своему психоаналитику все реже и реже.

Через некоторое время все успокоились окончательно. В определенных кругах даже стали поговаривать о том, что неплохо бы, конечно, полностью учтя предыдущие ошибки, снова запустить «Карусель Пушкина». Кое-кто об этом даже стал подумывать всерьез.

И вот тут они вернулись. Почти все наблюдатели отметили, что на этот раз Пушкины действуют по какому-то хорошо продуманному плану. По какому?

Этого пока никто не знал.

Пушкины снова буквально наводнили время. На этот раз они уделяли больше внимания науке, навигации, земледелию, зодчеству, экономике, письму... Они научили племена варваров новой, весьма действенной тактике, и Рим был взят на сто двадцать лет раньше. Благодаря их действиям эпоха Ренессанса наступила раньше лет на двести, а Колумб открыл Америку раньше на триста лет и, подплывая к ее берегам, уже знал, что перед ним новый, совершенно неизведанный материк, а вовсе никакая не Индия. И так далее, и так далее... Они плавили руду и создавали прекрасные картины, они ваяли чудесные скульптуры и придумывали осадные машины, в самодельных водолазных колоколах они опускались на дно моря и делали опыты с электричеством. Они изобрели порох на пятьсот лет раньше, чем он должен был быть завезен в Европу из Китая, и придумали египетскую азбуку, благодаря чему иероглифическое письмо так и не возникло.

Они взялись за время по-настоящему, и оно узнало, что такое большие потрясения. Они оказались настолько сильны, что отголоски этих потрясений достигли настоящего, которое тоже стало изменяться. Откуда-то стали появляться ученые, делавшие одно за другим самые удивительные открытия, в результате чего появилось

множество аппаратов, до этого существовавших только в фантастических книгах. Естественно, изменения происходили и на более мелком, бытовом уровне. Директор института изучения Пушкина, проснувшись однажды утром и обнаружив, что превратился в негра, глубоко задумался и, запершись в своем кабинете на полдня, в конце концов выскочил из него с диким воплем.

— Понял! — кричал он. — Я понял!

— Что? Что? — наперебой стали спрашивать высыпавшие в коридор сотрудники. — Что вы поняли?

— Я понял — они складывают время, как гармошку. Они пытаются путешествовать в будущее. Поскольку с помощью машины времени этого сделать нельзя, они просто передвигают будущее к себе, делают его ближе и ближе.

В тот день свежие газеты так и пестрели заголовками типа: «Наш президент сделал предложение президентам всех других стран объявить мир на военном положении», «В Принстоне открыта новая церковь "Пушкина — создателя"», «"Все мы погибнем", — предсказывает великий экстрасенс Кошмаровский», «Ученые в очередной, похоже, последний, раз выпустили из бутылки джинна», «Гений пытается познать время, пытается подчинить его себе, пытается определить, что более бесконечно: оно или его гениальность», «А как же известное определение — гений и злодейство несовместны?»

Во многих городах возникли беспорядки. Бесчисленное количество преступников заявило, что совершили свои преступления лишь из-за того, что Пушкин изменил время, и на этом основании подали кассационные жалобы. Количество сумасшедших увеличилось неимоверно. Президент страны после произнесения речи, призывающей сограждан к порядку и спокойствию, в течение пятнадцати минут пытался вспомнить имя своей жены и, так и не преуспев в этом, обратился за помощью к охране, которая ему напомнила, что тот закоренелый холостяк. Это было уже слишком. Президент зарыдал. Через час, совершенно успокоившись, он объявил всеобщую мобилизацию. Еще через час он произнес речь, в которой было сказано следующее: «...Мы наводним каждую минуту прошлого нашими солдатами. Мы объявляем войну во времени, и, я уверен, мы победим, поскольку в противном случае мы просто перестанем существовать!» К концу речи президент стал рыжим, а нос его увеличился по крайней мере на пару сантиметров. Впрочем, это не помешало ему закончить речь и удалиться на совещание поспешно сформированного государственного комитета по экстренным мерам спасения стабильности времени.

И война во времени, несомненно, разгорелась бы, причем совершенно не ясно, кто бы ее в конце концов выиграл, но тут в ближайшем аэропорту опустился корабль межгалактической федерации. На несколько часов о войне забыли — встречали пришельцев. Когда же отгремели приветственные речи, президент объяснил представителям межгалактического содружества, в каком положении находится Земля. Кстати, я забыл сказать, что среди них находился и ваш скромный слуга. Конечно, быть представителем межгалактической федерации отнюдь не является моим постоянным занятием, но так получилось в силу определенных событий, немалую долю в которых сыграла шляпка церемониймейстера богини Ксантуны, а также недавно разыгравшиеся на планете Джамп события, о которых все еще, несомненно, помнят. Короче, я входил в число представителей, и поскольку был среди них самым большим специалистом по времени, а также умел управляться с некоторыми специальными приборами, то помогать землянам пришлось мне.

И я не ударил в грязь мордой. Разобравшись в проблеме с помощью одного прибора, который назывался Электронной Временной Ищейкой, я через пару часов обнаружил базу Пушкиных. Находилась она в палеоцене. Использовав симбиота с планеты Ксаннус, который, как всем известно, позволяет изменять свой облик, я принял вид коренного землянина и смело отправился в лагерь гениев.

На счастье, почти все Пушкины были на месте. Увидев меня, они ничуть не удивились, поскольку, как потом уже мне объяснили, допускали мысль, что рано или поздно столкнутся с кем-то, кто понимает во времени не хуже их. Они переглянулись, и из их толпы вышло трое Пушкиных, казавшихся несколько старше других. Очевидно, они были чем-то вроде совета старейшин.

Меня провели в большую хижину, сложенную из грубо обработанных стволов деревьев, и усадили на самодельный стул. Хорошо понимая, что это единственный путь завоевать доверие Пушкиных, я подробно рассказал, кто я такой, и даже на минуту снял маскировку, чтобы они могли увидеть мой настоящий облик.

Меня забросали вопросами, на которые я подробно ответил. Когда первое любопытство Пушкиных было удовлетворено, я исподтишка перевел разговор на цель своего визита и попытался объяснить им, к каким последствиям приводит их деятельность во времени. Я рассказал им и доказал, используя все известные мне и пока еще неизвестные на Земле формулы, что время нельзя сминать до бесконечности, словно салфетку, рано или поздно в нем

появятся разрывы, и тогда начнутся глобальные катастрофы, которые приведут к уничтожению всего живого на планете Земля.

Мои доводы возымели свое действие, и Пушкины, посовещавшись, пообещали оставить время в покое. В конце нашего разговора один из них сказал:

— Да, вы правы, эксперименты со временем слишком опасны и, кроме того... они уже стали нам надоедать. Понимаете, как бы это сказать... пропало ощущение новизны, что ли... Ну не важно, главное, мы их прекращаем. Тем более что есть кое-что, что нас сильно заинтересовало. Космос. Расскажите-ка нам поподробнее о нем. И о других планетах. И о галактиках. И вообще...

Улыбнувшись про себя, я начал рассказ.

Мой план сработал. Именно этого я и хотел. Пушкины заинтересовались космосом. А что может быть наименее познаваемо, чем вселенная? Она — бесконечна. Уверен, познать ее до конца не под силу даже и гению, по крайней мере до такой степени, чтобы натворить крупных бед.

Белый крокодил достал очередную сигару и с хрустом откусил от нее кусок. Прожевав его, он задумчиво сказал:

— Правда, теперь, по прошествии некоторого времени, эта мысль не кажется мне такой уж превосходной. Кто знает, на что способны эти гении? Вдруг они могут объять необъятное? Они встречаются так редко, что никто не может совершенно точно сказать, до каких пределов может распространяться их познание мира. Не знаю, ничего не знаю, но последнее время я испытываю некую тревогу. Что-то в нашей вселенной стало не так, что-то изменилось. Вот, например, эти книги. Я, конечно, понимаю, они вошли в моду, поскольку нигде до этого в галактике ничего подобного не возникало, никому просто в голову не приходило их писать. Но уж больно их стало много. Не слишком ли? Теперь их пишут чуть ли не на каждой населенной разумными существами планете. Причем пишут расы, которые до этого ни о чем подобном и не помышляли. Если вспомнить, с чего на Земле все это начиналось, то становится просто не по себе... Не знаю...

Он вздохнул и, скорбно покачав головой, отправил в рот остаток сигары.

— Да нет, — сказал я. — Быть этого не может.

— Да, — согласился со мной крокодил. — Вот и я говорю себе, что этого не может быть. Но все-таки...

В этот момент корабль едва заметно вздрогнул, и по коммуникатору объявили, что мы сели на планету Макдуф. Белый крокодил вскочил и, наскоро со мной попрощавшись, убежал. Через несколько

минут его место занял серый, трехногий, очень грустный коптианец, который почти мгновенно заснул.

Звездолет снова взлетел. Минут через пятнадцать появилась стюардесса. Волосы у нее были зеленые, а глаза оранжевые. Она предложила мне стаканчик лимонада. Я рассеянно отказался, и стюардесса ушла.

Рассказ белого крокодила все не шел у меня из головы. Не был ли он самой обычной выдумкой? Все знали, что белые крокодилы частенько свои рассказы просто выдумывают. На планетах, которые часто посещали белые крокодилы, про наивного простака обычно говорили: «Он поверил белому крокодилу!» Но все-таки?.. Уж больно правдиво он звучал. С другой стороны, ни о какой планете под названием Земля я и слыхом не слыхивал, а за все время моих долгих путешествий я ни разу не встречал даже упоминаний о человеке по имени Пушкин.

«Нет, — в конце концов решил я. — Все это обычный треп и не более... Этого быть не может, потому что этого не может быть».

Решив так, я выбросил историю белого крокодила из головы и, открыв книгу, стал ее читать. Книга принадлежала перу некоего Лю Фаронга с планеты Педжус. В ней рассказывалось о похождениях знаменитого межгалактического гангстера со странным, явно педжуским именем — Дубровский.

ВАЛЬХАЛЛА

— В мире нет ни одной вещи, которую можно было бы познать до конца, — сказал белый крокодил и поудобнее уселся в кресле.

— Не согласен, — возразил я и, придвинувшись к камину ближе, сделал из хрустального бокала, который держал в руках, глоток вина. — Вещи, о которых известно все, попадаются буквально на каждом шагу. Что ты, например, скажешь о биноме Ньютона, пирамидах и яблочном пироге?

— Значит, ты утверждаешь, будто они познаны до конца? — Крокодил приподнялся и взял с каминной полки гаванскую сигару. Повертев ее в лапах, он слегка улыбнулся, продемонстрировав ослепительной белизны зубы.

— Ну конечно, — кивнул я. — Все очень просто. Бином Ньютона — простейшее уравнение, которое наши детеныши учат в школах. Что касается пирамид, то мы легко можем рассчитать их форму, определить объем, подсчитать, из скольких блоков они сложены. Пирог? Любая хозяйка знает его рецепт. Таким образом, все эти вещи познаваемы — и баста! Я мог бы привести еще целую кучу примеров, но, думаю, достаточно и этих трех.

Крокодил отправил сигару в пасть и, с наслаждением ею похрустывая, снисходительно улыбнулся:

— Достаточно? Неужели ты ничего не слышал о магии чисел? Кто знает, может быть, тот же бином Ньютона, кроме всего прочего, является еще и колдовской формулой, например, дающей возможность летать как птица? Пирамиды? Да, вы можете рассчитать их форму, вес и количество блоков, из которых они сложены. Но кто мне объяснит, для чего они все-таки на самом деле были построены? И почему имели именно такую форму? Возьмем яблочный пирог. Безусловно, каждая хозяйка знает, как его испечь, но скажи-ка мне, почему большинству людей он нравится, и в то же вре-

мя кое-кто его просто терпеть не может. Как, присутствием каких веществ это объяснимо?

Похоже, этот спор, еще не начавшись, был мной проигран. Оставалось прибегнуть к самому последнему аргументу.

— Все это слова, — как можно небрежнее сказал я и снова отхлебнул из бокала. — Где доказательства? Без них, как ты знаешь, любой спор не имеет ни малейшего смысла.

— Реальные доказательства? — Белый крокодил хихикнул. — Мой друг, я ждал, что ты потребуешь доказательств! Каждый раз, когда мы спорим о чем-то подобном, ты требуешь доказательств, и на этом спор заканчивается. Однако...

Он сделал эффектную паузу и наконец закончил:

— На этот раз доказательства у меня есть.

Взяв стоявший на краю ванны серебряный колокольчик, крокодил позвонил.

Тотчас же явился слуга — здоровенного роста, трехголовый и шестирукий хахрахх — и принес небольшой, плоский ящичек. Поставив его на низкий, старинный, украшенный великолепной резьбой столик, он удалился.

Белый крокодил встал, не спеша подошел к ящику и стал подкручивать расположенные на его крышке ручки, нажимать какие-то кнопки. Наконец он развернул ящик на сто восемьдесят градусов и бросил на меня лукавый взгляд.

— Вот, — сказал он. — Этот прибор я изобрел совсем недавно. Он позволяет переноситься в сознание других разумных существ, на какое-то время как бы становиться ими. Конечно, с его помощью можно лишь наблюдать и нельзя что-то изменить или внушить объекту наблюдения хотя бы одну свою мысль, но мне кажется, это совершенно правильно. Какое я имею право вмешиваться в жизнь любого мыслящего существа?

— Согласен, — проговорил я. — А как этот аппарат работает?

— Очень просто. Если ты внимательно на него посмотришь, то увидишь, что в стенке у него находится небольшое отверстие наподобие воронки. В данный момент оно смотрит как раз на тебя.

Действительно. Приглядевшись, я заметил это отверстие. И оно в самом деле было направлено в мою сторону.

— Ну вот, — продолжал белый крокодил. — Достаточно мне сейчас включить этот аппарат, и ты окажешься в теле одного очень странного разумного существа.

— Может, не надо? — спросил я, чувствуя, как по коже у меня пробежал странный холодок. Кто знает, какие последствия могут быть у подобного эксперимента?

— Надо, надо, — промолвил крокодил, наклоняясь к ящичку.

— Послушай, давай ограничимся... — начал было я, но договорить мне не удалось. Крокодил нажал красную кнопку, расположенную на крышке аппарата...

Над головой у меня было странное, серебряное небо. Откуда-то я знал, что зовут меня Танарис и что я нахожусь в Вальхалле. Кстати сказать, здесь было довольно холодно, но я привык не обращать внимания на холод.

Я сидел на большом камне, наполовину закрывавшем вход в пещеру старика Минотавра, и задумчиво чистил огненное копье. Оно было у меня уже давно, с тех самых пор, как я попал в Вальхаллу, но все равно каждый раз, разбирая и вновь собирая его, я не мог не полюбоваться его изящными очертаниями, красотой, которая возможна только у доведенного до совершенства оружия.

Уверенно и четко я собрал копье и прицелился в паривших над железным замком гарпий.

Эх, а ведь их сейчас вполне можно срезать! Вот только зачем? Ни к чему это вовсе.

Я опустил кончик огненного копья вниз и задумчиво огляделся.

Ни души, только возле гранитной пещеры, расположенной неподалеку от железного замка, суетились злобные карлики. Вот с этими можно было и повоевать, просто так, без всякой причины. Только больно уж далеко они находились. Не хотелось мне ради них топать так далеко. Мне почему-то казалось, что хорошая драка, или что-то вроде нее, найдет меня прямо здесь.

Так оно и получилось.

Не прошло и пары минут, как из ближайшей к пещере скалы выскочил Хармод. Видимо, он отмахал порядочный кусок через сквозной переход, потому что сразу же остановился и подслеповато заморгал глазами, дожидаясь, когда они привыкнут к свету.

Этим просто нельзя было не воспользоваться.

Я направил на Хармода огненное копье и выстрелил. Сгусток пламени попал Хармоду прямо в грудь и прожег в ней аккуратное, размером с кокосовый орех, отверстие. Тот рухнул как подкошенный.

Я довольно погладил огненное копье. Нет, все-таки оружие просто великолепное!

Эх, если бы иметь такое там, на Земле, в прежней жизни. Уж я бы тогда...

Бросив взгляд на оставшуюся от Хармода сморщенную оболочку, я довольно улыбнулся.

Вот теперь вполне можно расслабиться. Теперь есть полная уверенность, что в ближайшие полчаса мне ничего не угрожает.

Взглянув вверх, я несколько мгновений любовался летевшим по небу косяком золотистых рыб, очень эффектно выглядевших на серебряном фоне.

Где-то там, в этом небе, на своем троне сидит Один, первый и главный ас, сын Бора и Бестлы, дочери великана Бельторна, муж Фригг и отец других богов из рода асов, хозяин Вальхаллы.

«Взглянуть бы на него хотя бы одним глазком... — подумал я. — Впрочем, здесь это вполне возможно. Просто надо показать себя еще более отважным и умелым воином, доказать, что ты лучше всех остальных попавших в Вальхаллу, и тогда... тогда...»

Я мечтательно вздохнул и погладил огненное копье.

«А еще убить бы сильного, свирепого выворотня самому! Вот было бы здорово! Да где уж там... В последнее время выворотни попадаются все более слабые да неумелые. Или заколдованные. Ишь, моду взяли — заколдовываться. В них стреляешь из огненного копья, стреляешь, а им хоть бы что, идут себе к последней границе, идут и в ус не дуют».

Я бросил взгляд в сторону злобных карликов.

Те все еще суетились возле гранитной пещеры.

Да и куда они могли от нее деться? Может быть, все же махнуть к ним, подраться и, прежде чем они меня ухлопают, отправить десятка полтора из них в безвременье? А что?..

Я вскочил с камня, взял огненное копье поудобнее и, прежде чем отправиться к гранитной пещере, чисто машинально, опять взглянул на небо...

Косяк рыб уже улетел. Небо было чистым, и только молнии... Молнии! Ну да, молнии в небе теперь сверкали не переставая. Они были жутко огромными. А это являлось знаком того, что здесь, в Вальхалле, снова появился выворотень. И время мечтать кончилось. Началось время охоты, настоящей охоты.

«Только бы выворотень в этот раз попался ловкий, сильный, хитрый и незаколдованный», — как заклинание повторял я про себя, пробираясь в глубь пещеры старика Минотавра, к сквозному переходу.

Старик Минотавр неуклюже переступил с лапы на лапу и плюнул в меня серной кислотой, что являлось верхом непочтительности. Я увернулся от едкой струи и покачал головой.

Конечно, можно было бы в Минотавра и пальнуть, вот только сейчас важнее всего как можно скорее включиться в охоту за выворотнем. Судьба предоставила мне шанс, и упускать его не стоило.

Наконец я достиг сквозного перехода и прыгнул в него. Сделал я это несколько поспешно. На выходе меня ощутимо тряхнуло, да так, что казалось, мышцы на руках и ногах завязались узлом. Правда, это ощущение скоро прошло, а стало быть, было не более чем пустяками, на которые не стоило даже обращать внимания.

Убедившись, что оказался именно в железном замке, я юркнул за ближайшую, толстенную, украшенную причудливым орнаментом колонну.

Замок был погружен в полутьму, и только в некоторых местах ее разрезали проникавшие сквозь узкие окна лучи света, в которых плясали золотистые пылинки. Под потолком кружились, щелкали когтями и противно орали гарпии, уже залетевшие внутрь, через те же окна. Они, похоже, тоже решили устроить охоту на выворотня. Ну да, чего же еще от них можно было ожидать?

Впрочем, соперниками они были неважными, так что я обеспокоился не очень сильно. Гораздо больше меня волновало другое: заглянет выворотень в железный замок или обойдет его стороной?

Да нет, он должен, просто обязан пройти железный замок. По крайней мере все другие выворотни это делали.

Так оно и оказалось. Выворотень появился со стороны главного входа, как я и рассчитывал. В отличие от большинства предыдущих, он шел настороженно, то и дело останавливаясь и поводя из стороны в сторону стволом своего оружия. Оно не сильно походило на огненное копье, и я даже попытался прикинуть, как оно действует, но тотчас же это глупое занятие бросил. Как бы оно ни действовало, все равно главное было в быстроте реакции.

А уж на свою реакцию я пожаловаться не мог.

Приглядевшись, я понял, что этот выворотень сильно отличался от большинства предыдущих. Конечно, лицо у него было такое же, как у них, плоское, словно сплюснутое, абсолютно неподвижное, такая же широкоплечая сильная фигура, серебристый без малейших украшений комбинезон, но все же... Он был другой, это я почувствовал сразу. И еще, он не был окружен зеленоватым защитным нимбом колдовства. Это вселяло надежду.

Спрятавшись за колонной, я решил подождать того момента, когда выворотень выйдет в центр замка к заброшенному фонтану, потрескавшиеся края которого покрывал молочного цвета мох. Опыт мне подсказывал, что там этого выворотня прикончить будет гораздо удобнее.

Вот гарпиям на опыт было наплевать совершенно. Они сделали несколько кругов над осторожно пробиравшимся между ко-

лоннами выворотнем, а потом, одна за другой, вытянув вооруженные острыми когтями лапы, ринулись вниз. Просто и без затей.

«Ну-ну! — подумал я, осторожно выглядывая из-за колонны. — Тут-то вы, похоже, нарвались! Подобный номер с этим выворотнем наверняка не пройдет!»

И я оказался совершенно прав.

Выворотень среагировал вовремя. Он вскинул свое оружие, и из его ствола вырвалось около десятка стрел со взрывающимися головками. Они летели так быстро, что избежать столкновения с ними гарпии не смогли. На пол железного замка посыпались пух и перья... А выворотень уже оглядывался по сторонам, готовый отразить нападение очередного врага.

Я прикинул, что на гарпий он потратил не более секунды, и покачал головой.

Впечатляюще!.. Ну, да ничего, и не такие попадались! Надо только выждать удобный момент.

Слева от меня послышался тихий шорох. Посмотрев в ту сторону, я увидел Хармода. Тот крался к выворотню, сжимая в руках вибролучемет. Судя по всему, он хотел перехватить его до того, как тот окажется в центре зала. Останавливать Хармода было поздно. Попытавшись это сделать, я рисковал себя выдать.

Наши глаза встретились, и Хармод показал мне язык.

«Ну-ну, — угрюмо подумал я. — Давай, давай, посмотрим, что у тебя получится! Клянусь Одином, ты получишь хорошую оплеуху!»

Так оно и вышло.

Хармод продвинулся вперед еще на десяток шагов, а потом, издав воинственный клич, выскочил навстречу выворотню и полоснул его вибролучом.

Да только все это было совершенно напрасно.

Выворотень успел сделать шаг в сторону, так что вибролуч пролетел мимо, и саданул в ответ из своего оружия.

Я выглянул из-за колонны, бросил взгляд на то, что осталось от Хармода, и сейчас же спрятался обратно.

Все, теперь это была только моя охота, по крайней мере здесь, в железном замке. Дальше, в других ристалищах, охотников будет больше. Здесь же мы с выворотнем остались один на один. Этот шанс надо было использовать.

Шанс? Ой-ой-ой... Теперь я уже засомневался, по зубам ли мне такой противник, но все же отказаться от борьбы и не подумал. В Вальхалле это было непринято. Да и не имело смысла.

А выворотень уже приближался к центру зала. Он двигался все так же неторопливо, готовый в любую секунду пустить в ход оружие, даже, казалось, еще более осторожно.

Еще немного... совсем немного... еще один шаг... Пора.

Я начал стрелять, едва выскочив из-за колонны, еще толком не прицелившись, рассчитывая, что выворотень метнется в сторону и неминуемо встретится хотя бы с одним из выпущенных мной огненных шаров... И ошибся. Он просто опустился на колено. Ни один из огненных шаров не попал в цель, а сам выворотень, совершенно хладнокровно, первым же выстрелом отправил меня в безвременье...

Падать в безвременье было больно, чертовски больно. Привыкнуть к этой боли я не смог даже за проведенные мной в Вальхалле годы.

Огненная бездна ревела мне в уши громоподобный похоронный марш, и бесконечность, словно огромная корова, облизывала меня шершавым, приносившим нестерпимую боль языком, с каждым мгновением уничтожая мое сознание, истребляя мою сущность, низвергая меня в пустоту, до тех пор, пока от меня не осталось совсем ничего, пока я окончательно не исчез. Это было почти наслаждением, раствориться, исчезнуть, перестать быть, избавиться от осознания своего поражения...

...Поражения? Ну, это мы еще посмотрим!

Я плавал в пустоте безвременья. Конечно, из него вскоре придется вернуться и действовать... действовать... Значит, думать надо сейчас, потом на это времени не будет.

Прежде всего, ничего страшного не случилось. Я проиграл всего лишь первое ристалище. Причем если я просто проиграл бой, то Хармод натурально плюхнулся носом в грязь. На следующем ристалище охотников будет значительно больше. Стало быть, мне придется состязаться в ловкости и реакции не только с этим увальнем. С другой стороны, новые охотники пока не представляют, с кем им придется сражаться, а я уже знаю. Это мое преимущество, и его надо использовать. Как?

Я еще некоторое время думал на эту тему, пытаясь прикинуть, как будет действовать в той или иной ситуации выворотень, а также на какое ристалище я попаду. Потом время моего пребывания в безвременье кончилось, и меня выкинуло в Вальхаллу.

Кстати, новым ристалищем оказалась гранитная пещера.

Ее стены были украшены гребенками сталактитов, сталагмитов и потеками известняка. Кроме того, в стенах имелись ниши, которые буквально кишели гигантскими пауками, ядовитыми сороко-

ножками и очень противными слизняками. Время от времени пещеру сотрясали подземные толчки, и тогда вся эта занимающая ниши ядовитая живность начинала суетиться, бестолково размахивая лапками и плюясь противными зелеными струйками.

Удостоверившись, что огненное копье в моих руках готово к бою, я осторожно двинулся к началу пещеры, туда, где она превращалась в большой зал. Выжидать я теперь не собирался. Нападение и только нападение!

Судя по доносившейся со стороны зала пальбе, выворотень был уже там. Понятное дело, все находившиеся на тот момент в пещере охотники, а также злобные карлики бросились на него, и теперь выворотень отправлял их в безвременье буквально пачками.

Из ниши, мимо которой я проходил, высунулся было гигантский паук и, отведав огненного копья, сейчас же спрятался обратно. Следующие две ниши, которые я миновал, тоже не пустовали, но их обитатели напасть уже не посмели. Еще бы, огненное копье охоту нападать отбивает махом.

Преодолев большую часть пещеры, я вдруг заметил, что по ее противоположной стороне, под прикрытием сталактитов, кто-то крадется, причем в том же, что и я, направлении. Кто же это мог быть? Ну конечно, кто, кроме старого знакомого Хармода? Кстати, он меня тоже заметил. И поприветствовал:

— Привет, Танарис!

Я кинул на него озабоченный взгляд. Что ни говори, но счет пока был в мою пользу. Хармод мог поддаться искушению сравнять его прямо сейчас, а это было совсем ни к чему. Занявшись друг другом, мы могли упустить выворотня.

— Привет! — крикнул я ему. — Давай договоримся, заключим временное перемирие. Конечно, мы попытаемся разделаться друг с другом, но только потом, после того как покончим с выворотнем. Идет?

— Хорошо, — немного подумав, ответил Хармод. — Пусть будет так! Но учти, на снисхождение даже не рассчитывай. За тот фокус возле пещеры старика Минотавра я отправлю тебя в безвременье раза три, не меньше.

— Если получится, — промолвил я и многозначительно погладил огненное копье. — Пока в проигравших находишься ты!

— Ах ты, жалкий червяк! Да я тебя сейчас... — раскипятился Хармод.

— Договор! — Я предостерегающе вскинул руку.

— Ладно, — вяло промолвил Хармод. — Договор есть договор.

— Вот именно.

Я удовлетворенно улыбнулся. Все-таки иногда в договорах бывает и какой-то смысл.

Между тем шум грандиозного сражения между выворотнем и охотниками стих. Либо они прикончили выворотня, либо он — их. Скорее всего второе.

Продолжая продвигаться каждый по своей стороне пещеры, мы свернули за угол. Перед нами открылся главный зал. В центре его валялось множество пустых оболочек, оставшихся от нападавших на выворотня охотников. А сам-то он где?

Я еще раз оглядел зал. В глаза мне бросились пятна сажи, покрывавшие стены как раз в тех местах, в которых перед этим сидели улитки, выпускавшие во все, что к ним приближалось, облачка жгучей пыльцы. Из ниш высовывались полуобгорелые ножки гигантских пауков. Видимо, они даже не успели из них выбраться.

Ну и ну!

А где же сам выворотень?

Я бросил взгляд в сторону Хармода. Лицо у него было удивленное.

— Что будем делать? — шепотом спросил Хармод.

— Надо все хорошенько осмотреть, — ответил я и, решив больше не тратить время на разговоры, медленно двинулся дальше. Однако не успел я сделать и десятка шагов, как Хармод, вместо того чтобы начать обходить зал с противоположной стороны, подошел ко мне и спросил:

— Как ты думаешь, может быть, его уже здесь нет?

— Вряд ли, — ответил я. — Скорее всего он где-то прячется. И вообще, лучше бы тебе близко ко мне не подходить. Разделившись, мы сможем взять его в клещи и уничтожить наверняка.

— Ты прав, — согласился Хармод.

В следующую секунду выворотень, прятавшийся за ближайшей кучей пустых оболочек, вскочил и срезал нас одной очередью...

Плавая в пустоте и черноте безвременья, я некоторое время чертыхался и костерил Хармода последними словами, потом успокоился и стал прикидывать, что буду делать дальше.

По правде говоря, надежды подстрелить выворотня у меня уже почти не осталось. Если только сильно повезет. Да, ничего не оставалось, как надеяться на везение. В конце концов, должно же мне было хоть когда-то повезти?

Выпав из безвременья, я ухнул по пояс в ядовитое болото. Выбираясь на твердую почву, я подумал, что где-то на этом ристалище опять должен быть Хармод. Если только он не попал сюда раньше меня и если его уже не подстрелил выворотень.

Кстати, так оно и получилось. Пройдя всего несколько десятков метров, я наткнулся на пустую оболочку Хармода и облегченно вздохнул.

Ну, хоть этот-то не будет путаться под ногами!

Тут до меня дошло, что выворотень, похоже, где-то впереди. Стало быть, его нужно догнать. Бросив взгляд в дальний конец болота, я увидел мелькавшие там фигуры других охотников. Да, поспешить стоило.

И я побежал. К счастью, ядовитое болото я знал как свои пять пальцев, и вскоре одна из протоптанных в камыше тропинок вывела меня к его краю, туда, где стояла высоченная, покрытая причудливыми письменами стела. В тот момент когда я выскочил из камыша и оказался на открытом пространстве, выворотень как раз добивал последних охотников.

Выстрелив в него, я сейчас же упал на землю и перекатился в сторону. К сожалению, этот выстрел в цель не попал. Отпрыгнув в сторону, выворотень спрятался за стелу.

Наша дуэль продолжалась минуты три-четыре. Причем выворотню приходилось то и дело отвлекаться на выползавших из болота и пытавшихся на него напасть золотых пиявок, вооруженных здоровенными, острыми как бритва зубами.

И все же счастье от меня опять отвернулось. Перебегая к очередной кочке, я споткнулся... Выворотень умудрился подстрелить меня в падении, так что я, вместо того чтобы упасть на топкую почву ядовитого болота, прямиком перенесся в безвременье.

Дальше неудачи посыпались как из мешка.

Я пытался подстрелить выворотня то в одиночку, то на пару с Хармодом, то в куче с другими охотниками, и каждый раз неизбежно оказывался в безвременье. В конце концов это стало походить на некую карусель. Грозный лес — безвременье, гибельная поляна — безвременье, опасные горы — опять безвременье.

Выворотень вышибал меня с ристалищ, раз за разом разгадывая все хитрости и ловушки, неизменно обгоняя в реакции. Хармоду приходилось еще хуже. Тот был менее осторожен и, похоже, большую часть охоты проводил в безвременье, выныривая из него только лишь для того, чтобы в очередной раз получить дырку в животе или груди.

— Бред какой-то, — сказал он мне, когда мы оказались в очередной раз рядом. — Такого я не видел с тех самых пор, когда еще там, в настоящей жизни, центурию, в которой я тогда служил, выслали в погоню за отрядом варваров. Великие боги! Мы преследовали этот отряд на протяжении семи дней и к тому времени, когда

сообразили, что ввязались в безнадежное дело, потеряли больше половины своих людей. Вся эта погоня запомнилась мне как бесконечная череда засад, отравленных колодцев, ловушек и ночных нападений.

— Тогда тебя и ухлопали, — мрачно сказал я.

— Нет, — промолвил Хармод, — это произошло несколько позднее. А виной всему был наш упрямый как осел командир. Он совершенно не умел выбирать место для лагеря. Кстати, сюда, в Вальхаллу, он не попал.

— Ну еще бы, — пробормотал я.

После этого мы попытались напасть на выворотня одновременно с двух сторон, так сказать, взять его в клещи, и в результате с полусекундным интервалом оказались в безвременье.

В проклятом ущелье удача нам, казалось, наконец-то улыбнулась. Выворотень не успел пополнить запас стрел. Воспрянув духом, мы пошли на него почти не таясь и быстро выяснили, что он, оказывается, умеет метать ножи не хуже, чем Тор — свой молот.

После этого что-то в нас сломалось. Конечно, мы и не подумали отказаться от охоты, в Вальхаллу попадают только те, кто идет до конца, но где-то в глубине души каждый из нас знал, что этот выворотень нам не по зубам.

Мы попробовали срезать его еще в нескольких ристалищах, а потом оказалось, что, собственно, осталась только одна огненная дорога.

Все правильно, она была последним ристалищем, она была нашим последним шансом.

Из безвременья мы вынырнули в самом ее конце, там, где она заканчивалась последней границей — здоровенными, богато украшенными воротами, за которыми клубился непроходимый для нас рубинового цвета туман. На воротах была надпись на совершенно незнакомом мне языке. Бросив на нее взгляд, я попытался, наверное, раз в тридцатый прикинуть, что она означает, и конечно же, не смог.

— Ты мне надоел, — сказал Хармод.

Похоже, нервы у него слегка сдавали.

— Это сугубо твое личное дело, — пробормотал я и, пожав плечами, стал вглядываться в раскинувшееся перед нами кружево огненной дороги. Она петляла, выпускала отростки, которые раздваивались, переплетались, взмывали вверх, делая петли чуть ли не над нашими головами, опять опускались вниз и в конце концов соединялись.

Где-то там, на этой дороге, отбиваясь от грифонов, шел к последней границе выворотень. Наверняка он не знал, что возле этой границы его ждем мы и справиться с нами будет труднее, чем с какими-то жалкими грифонами. Тем более позиция у нас была просто идеальной.

Огненная дорога, она вообще-то не очень широкая, и спрятаться на ней негде. Как только выворотень покажется нам на глаза, мы начнем стрелять и обязательно его прикончим. Вот и все! Теперь осталось только немного подождать.

Я еще раз посмотрел на расстилавшийся перед нами открытый участок дороги, поудобнее взял огненное копье и тяжело вздохнул.

У меня было ощущение, что выворотень все-таки может что-то придумать. Не может быть, чтобы он не попытался нас как-то обхитрить. Вот только как?

— Я убью его первым, — мрачно сказал Хармод.

Бросив на него скептический взгляд, я сокрушенно покачал головой.

— Сомневаешься?

Вот тут я не выдержал:

— А он поднимет лапки вверх и будет покорно ждать, пока ты это сделаешь!

— Значит, сомневаешься?

Я ничего не ответил, сделал вид, будто его слов и не слышал. Случается, мне кажется, что Хармод попал в Вальхаллу по большому недоразумению.

— Ну хорошо же, — мрачно процедил Хармод и замолчал.

Молчание длилось минуты три, и тут я забеспокоился. Что-то этот Хармод задумал, причем наверняка не очень приятное.

Быстро взглянув в его сторону, я убедился, что всполошился не зря. Этот поросенок развернул ствол своего оружия в мою сторону. Очнись я на пару мгновений позже, и он бы успел нажать на курок.

— Вот этого не надо, — быстро сказал я. — Если ты меня ухлопаешь, то потеряешь последние шансы подстрелить выворотня.

— Каким это образом? — ухмыльнулся Хармод.

Он мне не верил.

— Очень просто, — стараясь улыбаться как можно беспечнее, сказал я. — Ты же знаешь, что реакция у выворотня лучше, чем у любого из нас. Именно поэтому мы должны быть здесь вдвоем. Наверняка одного из нас он убить успеет. Его убьет тот, кто окажется вторым. Если же ты будешь стоять на его пути один, то твоя песенка спета.

Хармод опустил ствол своего оружия и почесал в затылке.

— Хм, похоже, ты прав. Стало быть — выбор?

— Да, наподобие игры в орлянку.

Мы обменялись взглядами.

— Ну ладно... — Хармод снова развернул свое оружие в сторону дороги. — Значит, мне остается лишь надеяться, что это окажусь не я.

— Как и мне, — сказал я. — Эту охоту закончит кто-то один. Либо ты, либо я. Я понял это, едва оказавшись на огненной дороге.

— Именно поэтому ты и не стал меня убивать, — промолвил Хармод. — А ведь мог бы...

— Мог бы, — согласился я.

И тут мне в голову пришло, каким именно образом выворотень может нас обмануть.

— Вверх, посмотри вверх! — крикнул я Хармоду.

Вот только выворотень опередил нас и тут. Взглянув вверх, я увидел его голову, высовывавшуюся из-за края витка огненной дороги. Оружие выворотня было нацелено на нас, и увидев, что его заметили, он сейчас же начал стрелять...

Вынырнул из безвременья я у пещеры старика Минотавра. Тот ревел, видимо, просился на волю. На большом камне сидел Хармод. Я молча устроился рядом с ним и стал глядеть на паривших над железным замком гарпий.

— Ничего, — сказал мне Хармод. — В следующий раз мы покажем, мы такое устроим...

— Это точно. Это уж обязательно. В следующий раз выворотень от нас не уйдет.

Я погладил огненное копье и взял его поудобнее. Словно случайно ствол его был направлен в сторону Хармода. Вот только стрелять мне еще не хотелось. В любом случае я успею это сделать раньше.

— Знаешь, о чем я думал, когда был там, в безвременье? — спросил Хармод.

— Нет, — честно признался я.

— Мне бы хотелось знать: а у них, у выворотней, есть своя Вальхалла? Не может быть, чтобы ее не было. Куда-то же такие, как тот, за которым мы охотились, уходят?

Я посмотрел на камень, наполовину закрывавший вход в пещеру старика Минотавра.

Когда начнется следующая охота, его надо будет откатить в сторону, чтобы Минотавр смог выбраться наружу. Мы натравим его на выворотня. Кто знает, может быть, это поможет нам выиграть?

И еще, почему-то я все пытался понять, что означает надпись на воротах последней границы. Что-то она должна была означать... что-то важное...

Как же она выглядела? Что-то вроде: «XAME OFER»? Может быть, узнав, что эта надпись означает, я смогу разобраться и во всем остальном? Кто знает, может быть, я тогда смогу увидеть самого Одина?

Нет, не получается. Чертова надпись.

— Ты не ответил, — сказал Хармод. — Так есть у выворотней своя Вальхалла или нет?

— Конечно, есть, — ответил я. — Обязательно есть.

И, нажав на курок огненного копья, отправил его в безвременье...

— Вот это да! — ошарашенно сказал я.

— Угу, — кивнул белый крокодил и взял с каминной полки очередную сигару. — Правда, впечатляет?

— Еще бы! Но не хочешь же ты сказать, что с помощью этого аппарата обнаружил настоящую Вальхаллу, которой до сих пор правит бог древних викингов Один, в которой по сей момент воюют воины древности? Ты понимаешь, что это означает?

— О, совсем нет, — улыбнулся белый крокодил. — Получается, ты все же не заметил одну мелкую деталь, на которую я обратил внимание.

— Какую? — спросил я.

— Надпись. На воротах последней границы! Я-то ее прочитал правильно и, в отличие от Танариса, знаю, что она означает. Эта надпись читалась так: «GAME OVER». Ну, теперь вспомнил?

— Да, была там такая надпись, — сказал я. — Но при чем тут она?

— Подумай! Разве ты никогда в детстве не играл в компьютерные игры, там, у вас, на Земле? Какая надпись появлялась в конце каждой игры, которую ты прошел?

Я задумался и вдруг, догадавшись, воскликнул:

— Ну конечно, ну конечно! Так это была обычная компьютерная игрушка?

Мысль о том, что все объясняется так просто, заставила меня облегченно вздохнуть.

— Ты зря радуешься, — пробормотал крокодил. — Совсем зря. Представь, что получается... Вы, люди, создаете компьютерные игры для того, чтобы в них играли ваши дети. А они, оказывается, являются самыми настоящими мирами, населенными мыслящими су-

ществами. Причем об этом вы даже и не подозреваете. Не является ли это доказательством моего тезиса о том, что нет ни одной вещи, которую можно познать до конца?

— Похоже, является, — неохотно согласился я. — Признаю, в этот раз ты меня побил. Впрочем, сейчас меня интересует другое. Как вступить в контакт с миром компьютерных игр? Неужели с помощью твоего прибора это нельзя сделать?

— Увы, нельзя, — ответил крокодил и захрустел сигарой. — Может быть, потом, когда я его усовершенствую... Лично мне интересно другое. С некоторых пор, а точнее, с тех пор, как я побывал в Вальхалле, меня мучает один вопрос.

— Какой же? — спросил я.

— Какой?

Крокодил неторопливо встал из кресла и стал вышагивать по комнате, то удаляясь, то вновь приближаясь к камину, похрустывая сигарой, с очень задумчивым видом. Наконец он направился к одному из окон и, остановившись возле него, долго вглядывался в расстилавшуюся за ним ночную темноту, словно бы увидев в ней что-то особенное, необычное.

Я уже начал терять терпение, когда он наконец отошел от окна. Остановившись рядом с моим креслом, он внимательно заглянул мне в глаза и спросил:

— Скажи, а вот лично тебе не приходилось ли в самых неожиданных местах, случайно, обнаруживать надписи на незнакомом языке, которые казались совершенно бессмысленными, но все же для чего-то были нужны?

Инспектор снов

Предисловие

Рассказы, находящиеся в этом разделе, были написаны мной в период с 1987 года по 1994-й. Они не относятся к серии «Дорога миров» и по большей части представляют собой миниатюры, являются чем-то вроде «фантастических анекдотов». Впрочем, среди них есть рассказ «Инспектор снов». Этот большой рассказ важен и интересен мне тем, что он напоминает инкубатор, зародыша, из которого потом появилась не только повесть «Лабиринт снов», но и проклюнулся весь цикл «Маги». Первая книга этого сериала «Тень мага» была написана в 1995 году, напечатана в 1996-м и настолько удачно продавалась, что издатели стали покупать мои рукописи. С тех пор я «зарабатываю себе на жизнь пером». Все как положено, сижу за столом и шлепаю по клавиатуре, загружая жесткий диск компьютера значками, призванными сохранить мои мысли об окружающем мире, а также, конечно, устраиваю судьбы героев книг, отправляю их навстречу все новым и новым приключениям, не забывая в нужный момент протянуть руку помощи.

На кого еще рассчитывать хорошему герою, как не на своего автора?

ИНСПЕКТОР СНОВ

Отцу
С надеждой на встречу,
Когда найду в себе силы уйти

Свернув в переулок, Гунлауг огляделся. Высокие, мрачные стены домов. Мокрая, в свете луны, словно смазанная жиром мостовая.

Инспектор снов понюхал воздух.

Да, пахло мерзко. Бр-р-р...

Он пошел дальше. Холодный ветер ударил в лицо. Где-то впереди, за углом, послышался волчий вой.

Гунлауг усмехнулся.

Ну, таких штучек он видел-перевидел.

Белая птица-лоцман взметнулась с его плеча, полетела вперед. Вот она исчезла за углом. Оттуда послышалось щелканье клыков и рычанье, но инспектор ничуть не обеспокоился. Его птицу поймать было почти невозможно.

Он уже сворачивал за угол, когда птица спикировала ему на плечо. С ее клюва капала черная кровь.

Ну-ну.

Где-то неподалеку послышался резкий стук, словно откинулась крышка гроба. Из стен ближайших домов стали выдвигаться уродливые мусорные баки. Огромные, с длинными голыми хвостами крысы суетились возле них.

Он не ошибся: именно этот переулок был ему и нужен. Судя по всему, страх жил именно здесь.

Гунлауг вспомнил один из своих снов, и тот повис перед ним туманным шариком. Покопавшись в нем, инспектор вытащил украшенный серебром магический жезл.

Прекрасно.

Под ногами Гунлауга хлюпали лужи. Ветер швырял ему в лицо валявшиеся возле стен домов грязные обрывки старых, покрытых каббалистическими знаками пергаментов.

Инспектор представил, как боялась идти по этому переулку маленькая девочка, и скрипнул зубами. Конечно, ей было чертовски холодно и до невозможности страшно. Страх, довольно ухмыляясь, имитировал тяжелые шаги у нее за спиной. А она не могла заставить себя оглянуться и, обмирая, шла, шла вперед. Окна, мимо которых она проходила, казались девочке зловещими. Страх делал так, что ей чудилось, будто за окнами кто-то прячется. Девочка хотела остановиться и проснуться, но не могла. И шла вперед потому, что так было угодно страху.

Ну, ничего.

Тут Гунлауг почувствовал, что сидевшая у него на плече птица-лоцман голодна. Он остановился и, поставив жезл на мостовую, ласково погладил птицу по голове. Она сильнее вцепилась ему в плечо острыми коготками и стала насыщаться энергией.

Минут через пять нажим коготков ослаб. Плечо слегка ныло.

Это пройдет. Самое главное — птица сыта.

— Уходи! — сказал Гунлауг. — Теперь ты можешь помешать.

Птица благодарно потерлась клювом о его щеку и, сорвавшись с плеча, белым пятном метнулась прочь. Из окна, мимо которого она пролетала, высунулась кривая, обросшая шерстью лапа, попыталась ее схватить, но, конечно же, промахнулась.

На редкость глупый был этот страх. Прямо на редкость. Что же, дураков и наглецов надо учить.

Крыши домов смыкались над головой, отсекая ночное небо. Там, впереди, не так уж и далеко, клубился туман. Он становился все гуще и гуще, надвигался, пытаясь взять Гунлауга в полукольцо.

Инспектор снов иронически улыбнулся.

Наверное, можно было бы и подождать, но ему не хотелось понапрасну терять время.

Гунлауг вскинул магический жезл. Из набалдашника вырвался слепящий луч и ударил в туман. Послышался дикий вой, запахло горелым мясом и шерстью. Потом вой стих. Гунлауг забросил жезл на плечо, как простую дорожную палку, и пошел дальше.

От тумана и крыс не осталось и следа.

Ну вот и все. Тупик. Инспектор снов остановился.

Неподалеку, на старой бочке, сидел страх.

— Все-таки пришел... — сказал он.

— А ты разве меня не ждал?

Страх занимался тем, что полировал замшевой тряпочкой свои длинные клыки. Одет он был в побитый молью шерстяной камзол и красные шаровары. На голове — черная шляпа, поля которой были украшены лоскутами паутины. Лицо узкое, смуглое.

Они помолчали.

— Давай разойдемся по-хорошему, — наконец предложил страх.

Гунлауг отрицательно покачал головой.

— Эх, — вздохнул страх. — А я тут вроде неплохо устроился. Обжился. Память у девчонки прекрасная. Приятно с такой работать. Посмотри, — он указал на стену ближайшего дома, — какие убедительные стены. Разве могла такая стена появиться, не будь у девчонки хорошей памяти? Дьявол!.. Принесла тебя нелегкая. Теперь ищи нового человека. Невозможно так работать... Вот плюну на все: материализуюсь и пойду работать налоговым инспектором... Слушай, а может, мы все-таки сговоримся?

— Но-но!..

— Ты же знаешь: кошмары нужны. Они дают нервную разрядку...

— Время от времени. А ты что-то часто стал останавливаться на одном месте. Не тебя ли я месяц назад предупреждал? Прицепился к мальчонке мельника на целых две недели...

— А твое какое дело? — окрысился страх. — Ты мне не указ. Испугал, подумаешь. Уничтожить меня ты все равно не сможешь. Ну, будешь гоняться за мной по всему городу, а дальше? Все равно черная стена двинется вперед, и не будет у тебя города, и побежишь ты аж к ледяным гномам, а то и к полосатым пеликанцам. Вот с ними-то не больно повоюешь. Вот там кошмары так кошмары! А тут — молодец на овец...

— Нет, я тебя все-таки пару раз прижгу, — сказал Гунлауг и взмахнул жезлом над головой у страха.

Тот испуганно скатился с бочки и сел прямиком в лужу. Тотчас же вскочив, страх стал ошарашенно рассматривать свои мокрые шаровары.

— Ты что?! Сдурел?

Гунлауг примерился и снова взмахнул жезлом.

— Нет, нет, я согласен, — поспешно затараторил страх. — Все, решено, я ухожу. Больше не буду ни в ком задерживаться надолго. Только одна ночь, и все.

— Врешь ведь?

Страх уныло взмахнул рукой и сказал:

— Ну, я пошел.

Он еще постоял возле стены, причмокивая и трогая кирпичи, из которых она была сложена, словно не мог налюбоваться на редкостное произведение искусства. Потом тяжело вздохнул и исчез.

Гунлауг с сочувствием подумал, что и у страха жизнь не сахар. Ну да ладно. Инспектор взялся за жезл...

Через полчаса он выжег последние следы страха и огляделся. Нормально!

Чувствуя, что устал, поискал глазами птицу-лоцмана. Конечно же, она была тут как тут. С радостным пением птица привела его к выходу. Пошарив по карманам, Гунлауг вытащил заранее приготовленное изумрудное зерно счастливого сна. Полюбовавшись изумительной игрой света на его гранях, он бережно положил зерно на землю. Пусть девочка сама вырастит свой счастливый сон. А ему здесь делать больше нечего.

Оглянувшись последний раз, Гунлауг шагнул в реальный мир и оказался на знакомой, окруженной частоколом елей поляне. Прямо перед ним чернел вход в пещеру, где он прожил много лет, и лежала спящая девочка. Во сне она улыбалась.

Честное слово, это было здорово!

Родители девочки суетились вокруг, еще не веря, что с кошмаром покончено, бормотали слова благодарности, предлагали кур и поросят...

Какие, к черту, куры и поросята?

Тогда родители, разбудив девочку, заставили и ее благодарить и кланяться. От этого Гунлаугу стало тошно. А те уже спешили со своим ненаглядным чадом вниз по склону — туда, где у них была привязана запряженная в телегу лошадь. Отец на ходу все оглядывался и тайком делал знаки от сглаза. А когда телега скрылась за деревьями, Гунлауг повернулся и, спотыкаясь, побрел к пещере. Два раза он чуть не упал и, войдя под закопченные своды, рухнул на охапку травы у самого входа. Глаза закрылись сами собой и, успев подумать, что день сегодня все же удачный, Гунлауг нырнул в свой самый лучший и приятный сон...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Он вернулся из сна довольный и отдохнувший.

Вообще, последний месяц дела обстояли лучше некуда. Страхи попадались слабые, кошмары он щелкал словно семечки. Придумалось два новых, прекрасных, как пение любимой женщины, и изящных, как брабантские кружева, сна. И самое главное, луговые альфы обещали взять его на праздник прощания с летом. Это была большая честь.

Гунлауг искупался в ручье и, дожевывая на ходу свежую булку с маком, которую вытащил из сделанного позавчера сна, остановился возле входа в пещеру. Он потянулся всем своим длинным телом и вдруг замер, сообразив, что ветер дует со стороны черной стены. Это был странный ветер. Он нес с собой сладковатый запах гнили.

По-прежнему ярко светило солнце, одуряюще пахли бродячие цветы, и духи давно погибших королей начинали собираться в заброшенной харчевне у старой дороги на восток, и, как всегда, пела вечно нарождающаяся и всегда умирающая алмазная змея...

Но все это странным образом отделилось, отодвинулось в сторону — из-за ветра от черной стены, означавшего погоню.

По спине Гунлауга потек холодный пот. Он почувствовал, как что-то или кто-то, невидимый и опасный, поманил его к себе. И исчез, оставив тревогу и недоумение.

Инспектор снов пожалел, что в свое время не обзавелся серебряным оружием. Знающие люди говорили: серебро, словно магнит, тянется к черному магу.

К черному магу...

Неторопливо и тщательно инспектор снов навел в пещере порядок, вымел пол, сложил стопочкой магические книги и завалил вход большим камнем. Он подтянул голенища изрядно потертых, но еще крепких сапог, почистил кожаные штаны и кожаную куртку, проверил, удобно ли висит на поясе нож, оглядел поляну, ручей и зубцы елей... Он прощался. Хотя бы потому, что ни один инспектор снов еще не вернулся из погони за черным магом.

Пора в путь.

Над его головой парила белая птица-лоцман. А дальше, почти на горизонте, махала крыльями черная птица. Лоцман черного мага.

Пройдя километров пятнадцать, он решил сделать привал и присел на пенек. Птица-лоцман устроилась на березовой ветке и стала чистить перышки клювом.

— Мне бы твои заботы, — вздохнул Гунлауг и, вытащив из какого-то сна горящую сигарету, с удовольствием затянулся.

Интересно, нагнал ли он черного мага хоть чуть-чуть? И вообще, почему этот маг убегает? Не проще ли ему было устроить сражение, явившись прямо к пещере?

Может, проще, а может, и нет. Кто их знает, черных магов?

Он еще посидел на пеньке, покурил и наконец двинулся дальше...

Поляна открылась совершенно неожиданно. Посредине нее возвышался безумный пень. Гунлауг узнал его сразу, потому что

пень был обращен к нему лицом. Некоторые говорили, что он последний представитель давно исчезнувшей цивилизации. Другие — что все как раз наоборот и на самом деле безумный пень — пришелец из будущего. А Гунлаугу было все равно. Вот сны пня его действительно интересовали. Однажды он умудрился проскользнуть в один из них и еле унес ноги. Ужас!

Правда, у пня бывали и моменты просветления. Тогда он мог дать вполне дельный совет.

Гунлауг подошел к пню поближе и стал внимательно рассматривать его изъеденную жуками-древоточцами кору, а также кривой, торчавший из нее, как кость, обломок ветки. Как же этот пень здесь оказался? Обычно он стоял на площади в одном из городов и ждал кого-нибудь, желающего получить совет. Иногда он таинственным образом переносился в другой город, но и на новом месте тоже оказывался непременно на площади. Страсть у него была к площадям. Что в таком случае он делает на поляне, в глухом лесу?

Безумный пень тоже не терял времени и внимательно рассматривал Гунлауга сучками. Уголки рта, похожего на большую трещину, были опущены вниз. Наконец пень шевельнул веткой и выжидательно хмыкнул.

— Привет, — осторожно сказал Гунлауг.

— Привет, — ответил пень и скосил один из сучков на птицулоцмана, которая как раз пронеслась над головой Гунлауга и тотчас же взмыла ввысь. Что-то ей в этом месте не нравилось.

— Ты что, корни сюда пускать пришел? — деловито осведомился безумный пень.

Обломок его ветки осторожно шевельнулся, вдруг схватил инспектора за край куртки, деловито отщипнул от нее клочок и начал зарывать его в землю.

— Ты черного мага видел? — спросил Гунлауг.

— А что это за зверь и с чем его едят?

— Его съешь, — вздохнул Гунлауг. — Ну, о нем еще упоминается в голубиной книге лесного народа.

— Не читал, — сообщил пень и присыпал сухой травой холмик, под которым покоился клочок куртки Гунлауга.

Может, он все-таки в сумасшедшей фазе?

Пень лениво процедил:

— Спрашивайте, молодой человек, спрашивайте.

— Хорошо. — Гунлауг откашлялся. — Сколько лучей у звезды?

— Пять.

— Правильно, — сказал Гунлауг и потихоньку стал отходить в сторону: лучи у звезды мог сосчитать только ненормальный.

— Эй, куда же вы? — встревожился пень. — Я ведь еще не предсказал...

— Ну конечно, конечно. Я жду вашего предсказания.

Гунлауг сделал несколько шагов назад.

И тут, на том самом месте, где пень зарыл клочок его куртки, зашевелилась земля, из нее выскочил маленький, в ладонь ростом человечек, чертовски похожий на Гунлауга, и, раскрыв рот, уставился на пень. Инспектор повернулся и зашагал прочь, злясь на себя за то, что потерял так много времени зря.

Тревожный крик птицы-лоцмана вывел его из задумчивости. Гунлауг обернулся.

Пень раскачивался и подпрыгивал. Вот он стал прозрачным, но, прежде чем исчезнуть окончательно, выплюнул огненный шар.

Рухнуть на траву Гунлауг все же успел. Огненный шар стремительно пронесся над его головой и, разбившись о ствол невысокой рябины, рассыпался ворохом жгучих брызг.

Откатившись в сторону, Гунлауг встал и огляделся. Птица-лоцман устроилась на его плече и стала деловито подзаряжаться энергией.

Гунлауг вернулся к тому месту, где стоял безумный пень, и осмотрел оставшийся от него круг примятой травы. Да ведь это была обманка! Самая обыкновенная, но как мастерски сделанная! Ай да черный маг!

Ну и ну!

Инспектор удивленно покрутил головой...

Проклятие он увидел, когда до города оставалось совсем немного. Оно было растянуто между деревьями словно паутина. Совершенно невидимое днем, сейчас, вечером, в лучах заходящего солнца, проклятие слегка поблескивало и смахивало на тонкую прозрачную пленку.

Осторожно опустившись на корточки, Гунлауг неторопливо стал рассматривать еще одну ловушку черного мага.

— Да уж, — сказал он птице-лоцману. — А если бы мы в него попали? Радостная перспектива!.. Ладно...

Вспомнив один из снов, он вытащил из него длинный меч в ножнах.

Так спокойнее.

Повесив меч на пояс, Гунлауг осторожно обошел проклятие стороной, потом подобрал с земли здоровенный сук и швырнул его в прозрачную паутину. Яркая вспышка. Сук и проклятие исчезли.

Вот так, еще попадется кто...

* * *

На безоблачном небе сияла луна, и в ее неверном свете город казался скоплением старинных могильников.

Зябко передернув плечами, Гунлауг попытался прикинуть, у кого можно переночевать, вернее — пересидеть. Заснуть он не имеет права: кто знает, какую штуку может выкинуть черный маг. Ну ничего, суток трое, четверо без сна он мог обойтись вполне. Конечно, очень соблазнительно использовать остановку только для того, чтобы побывать в нескольких снах, за которые он сильно беспокоился. Но не стоит, право слово, не стоит. Уж слишком велик риск.

Войдя в первую улицу, инспектор снов остановился и прислушался.

Что-то произошло. Город стал другим, угрюмым и совершенно незнакомым.

Ну да, здесь прошел черный маг.

Инспектор вздохнул поглубже и попытался отогнать вдруг навалившиеся на него видения. С той минуты, как он пересек границу города, ему все казалось, что вот-вот на него рухнут черные стены ближайших домов, сомкнутся, погребут, укроют могильной землей... А он будет долго и мучительно умирать, все пытаясь вдохнуть сдавленными легкими хоть глоток воздуха.

Птица-лоцман сидела на плече неподвижно, как изваяние.

Минут через пять, сворачивая в очередной переулок, Гунлауг понял, чего не хватало. Звуков. Вокруг было удивительно тихо, даже учитывая, что все жители города спали.

Странно.

На Гунлауга навалилась тоска. Ему захотелось отказаться от погони. Потому что ее на самом деле не было. Черный маг просто шел к своей неведомой цели и не хочет отклоняться от своего пути даже на волос. Гунлагуа противником он не признавал.

Да, но как же проклятие и обманка? А может, маг сделал их просто на всякий случай, по привычке?.. Хватит, сейчас главное — пройти через город без осложнений.

Он свернул за угол, и тотчас же впереди, там, где темнели кусты калины, послышался шорох. Этого было достаточно: нагнувшись, Гунлауг отскочил в сторону. Метательный нож глухо ударился в стену, возле которой он только что стоял. Хорошо понимая, что от второго ножа уклониться будет труднее, инспектор выхватил меч и бросился вперед.

Навстречу выскочили трое.

Острые тартурианские сабли тускло поблескивали в лунном свете.

Волосатые морды, необычайно широкие плечи и длинные, мохнатые лапы...

Мальбы?! Но мальбы никогда не спускаются со своих гор. Впрочем, сейчас это не имеет большого значения. Главное, драку против троих мальбов на мечах ему не выиграть. И значит...

Хрипло закричав, птица-лоцман сорвалась с плеча и, пытаясь отвлечь нападающих, заметалась перед их мордами. Гунлауг сунул меч в ножны и попробовал вспомнить приготовленный на такой случай сон.

Так, вот он.

Мастер переместил сон в правую руку и спросил:

— Что вам надо?

Самый крупный из мальбов обнажил острые клыки:

— Нам есть приказ... гр-гр-гр-гр-гр... ты должен почувствовать свою остановку и... гр-гр-гр-гр-гр... направить свой след в назад... Тогда мы тебя мирить с нами... вау-вау-вау-вау... И провожать в пещеру, где есть твой покой...

Он щелкнул клыками.

— А теперь послушайте, что вам скажу я, — произнес Гунлауг, задумчиво подкидывая на ладони шарик сна. — Я предлагаю сложить оружие и покинуть этот город. В противном случае... Тот, кто вас послал, сказал, что я — инспектор снов?

Мальбы расхохотались. Один из них заявил:

— Нам все равно... гррррам... мы сделаем тебя, чтобы подчинить... гррррам...

Они двинулись к Гунлаугу. И тогда он швырнул им под ноги сон.

Туманный клубок с хрустальным звоном разбился, и розовый, пахнущий ромашками пар накрыл мальб, словно сеть птицелова. Несколько секунд внутри него что-то трепыхалось, потом затихло. Сон стал исчезать. Гунлауг еще успел увидеть три прозрачные фигуры, пытавшиеся прорвать тонкую пленку, и покачал головой.

Нет, попались так уж попались.

Через минуту сон вместе с пленными мальбами исчез окончательно.

Теперь надо было уходить из города, и как можно скорее.

Птица-лоцман показывала дорогу. Гунлауг на ходу просматривал сны спящих в ближайших домах людей и содрогался. Его так и подмывало сейчас же взяться за дело и уничтожать, уничтожать, уничтожать эти мерзкие кошмары! Эти кладбища и вылезающих из могил покойников, слепо нашаривавших вокруг хоть что-нибудь,

во что можно вонзить гнилые зубы; этих маньяков, подкрадывающихся к своим жертвам и с радостным смехом пронзающих их кухонными ножами, вилами, гарпунами и косами; эти темные переходы и затянутые паутиной углы; эти гробы... этих вампиров... этих...

Миновав последний дом, Гунлауг оглянулся. Голова болела как никогда, ноги подкашивались. Но он все же поплелся дальше и с трудом взобрался на холм.

Тут у него возникло странное ощущение, словно черная стена слегка потянула за привязанную к нему, к Гунлаугу, ниточку. Прошла секунда, и это ощущение исчезло.

Инспектор повернулся к городу спиной и пошел выбирать место для ночлега.

...Ближе к рассвету с утренним туманом из чащи показались колдовские огоньки, приплыли, закружились перед ним, то удаляясь, то приближаясь вновь. Птица-лоцман зашевелилась на суку ближайшего дерева, успокоилась и вновь уснула. А Гунлауг рассеянно смотрел на огоньки и думал.

Интересно, что сейчас делает черный маг? Может, сидит под деревом. Может, разжег костерок и, напевая заклинания, бросает в него пучки волшебных трав? Если только не прячется вот в тех кустах, дожидаясь, когда Гунлауг задремлет, чтобы подкрасться и ударить каменным ритуальным ножом в горло... Да нет, не может быть. В этом случае его уже давно должна была почувствовать птица-лоцман.

Словно подслушав его мысли, огоньки исчезли. Инспектор снов посмотрел на светлеющее небо и подумал, что завтрашний день будет особенным.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Вытащив из сна большую кружку чая и бутерброд с колбасой, Гунлауг позавтракал.

Из дупла ближайшего дуба появилась толпа подергунчиков. Остановившись в метре от инспектора снов, маленькие человечки потоптались, подергались и пропустили вперед своего предводителя — главного подергунчика. Он имел гигантский для своего племени рост — сантиметров этак в тридцать. Великий подергунский

король поприветствовал благородного великана и спросил: не будет ли тот так добр заплатить за право проезда через земли подергунского государства, простирающиеся аж вон до того гнилого пня? Пока предводитель произносил эту речь, остальные подергунчики хором ныли и терли животы.

— Да, братец, трудно быть королем, — с сочувствием сказал Гунлауг и выдал ему большого жареного гуся.

Увидев такой роскошный подарок, подергунский король взвыл и набросился на еду как одержимый. Народ немедленно последовал примеру своего монарха.

Захотев на прощание еще раз взглянуть на город, Гунлауг раздвинул ветки кустарника и вздрогнул.

Горело несколько домов. Ветер кружил и рвал серый дым.

Гунлауг хотел было кинуться назад, в город, помогать и спасать... но скрипнул зубами и отправился в другую сторону. Догнать черного мага было сейчас важнее.

...Так, вверх, еще шаг, еще, рукой вот за этот куст. Черт! Обломился. Еще шаг. Камень покатился вниз и плюхнулся в ручей. Ничего, выкарабкаемся!

Гунлауг взбирался все выше и выше. Он уже забыл про черного мага и город... Сейчас важнее всего было выбраться из крутого оврага.

Наконец оказавшись на вершине, Гунлауг вытер со лба пот и вдруг увидел, что под кривой сосной, на краю склона, сидит солнечный рыбак.

Длинные его волосы были собраны в аккуратную косичку.

Деловито поплевывая на пальцы, солнечный рыбак соединял два конца тонкой лески. С одной стороны она заканчивалась спиннингом, с другой — внушительным полуметровым крючком.

— Как ловится? — спросил Гунлауг и, вытащив две сигареты, одну протянул рыбаку, а другую закурил сам.

Сделав несколько затяжек, рыбак усмехнулся в рыжие усы и, поглядев на солнце оценивающим взглядом, сказал:

— Вчера! Вчера я его все же зацепил. Но оно, как обычно, увернулось. Ничего, сегодня я буду закидывать по-особенному!

— Ну хорошо. — Гунлауг стряхнул пепел. — А что будет, когда ты его поймаешь?

Солнечный рыбак легкомысленно махнул рукой:

— Придумаю что-нибудь. На блесны перелью или про запас в кладовку положу.

Гунлауг вздохнул. Хорошо ему было покуривать с солнечным рыбаком и ни о чем не думать.

— А зачем тебе блесны, когда солнце ты уже поймаешь?

— Э-э-э, — погрозил пальцем рыбак. — Луна-то ведь останется...

— А вот когда ты промахиваешься, куда крючок падает?

— О! Он, конечно же, падает, и очень далеко. Несколько дней сматываю леску, пока его не найду. Но в последнее время творится что-то непонятное: крючок падает на нечто упругое и его подкидывает вверх. Тут я быстренько подтягиваю леску и — дело сделано. Я сегодня удочку закидывал уже раз пять.

— Скажи-ка... черный маг здесь не проходил?

— Да вроде был какой-то. Весь черный и на восьми ногах. Пошипел на меня, да и пошел дальше. А больше никого. Хотя, стоп, тот черный был, кажись, не сегодня, а на прошлой неделе... Не знаю, хотя, может быть, и сегодня. Я тут снасти чиню. А больше ничего не видел. Мне и видеть-то некого.

Гунлауг разочарованно махнул рукой и отправился дальше. Отшагав километра два, он вдруг понял, что крючок у солнечного рыбака был серебряный.

Эх!

Серебро ему сейчас очень даже могло пригодиться.

Холмы, перелески, а вот и широкий лог, прохладная влажная глубина...

Весело гикнув, Гунлауг понесся вниз, легко огибая полусгнившие пни, муравьиные кучи и вросшие в землю гигантские валуны.

Птица-лоцман отстала.

Валежник трещал под ногами, грибы-дождевики выстреливали в воздух облачка невесомой, как дым, пыльцы. Склон стал ровнее, и Гунлауг уже прикидывал, как выбежит к ручейку, как напьется всласть. Он перепрыгнул через какой-то гнилой пенек и с размаху влетел во второе проклятие...

Гунлауга стиснуло, словно клещами, и потащило в темноту. Он падал в безвременье. Сознание еще мерцало, но в голове нежно звенели колокольчики, предвещавшие близкий исход. Яркая, ослепительная вспышка — и пустота...

Очнувшись, Гунлауг почувствовал птицу-лоцмана у себя на плече и улыбнулся.

Не бросила.

Он сидел на траве, возле ручейка. Земля пахла прелыми листьями и только что стаявшим снегом. Мир казался простым и радушным. Не хватало только самой малости, чтобы остаться здесь навсегда. Словно угадав его мысли, в кустах заиграли на дудочке, тонко и хрипловато. Наверное, это была очень маленькая дудочка, может быть, серебряная.

Серебро.

Гунлауг пришел в себя. Очень осторожно он убрал из своего сознания ручей, мелодию и увидел структуру проклятия, в котором оказался.

Все верно. Добротный, хорошо сконструированный кошмар. Где же из него выход?

Птица-лоцман поднялась с плеча и рванулась вверх. Гунлауг оттолкнулся от земли и последовал за ней. Он стиснул зубы и ударился о потолок проклятия. Потолок прогнулся, но выдержал удар. Гунлауг ударился еще раз, еще... Он колотился до хруста костей, до кровавого тумана перед глазами. Звон в ушах стал оглушительным, казалось, вот-вот лопнет голова. Что же это такое?! Почему он бьется о стену, а не ищет ключ к замку? Чем может быть этот ключ?

Словом? Жестом? Образом?

Силы убывали. Его уже тянуло вниз, а он, словно колоду карт, все перебирал образы и слова.

Вдруг...

Гунлауг так и не смог уловить, что именно подействовало на замок крышки. Главное — она открылась.

В потолке образовалась дыра. Гунлауг радостно ринулся наружу, в реальный мир. И тут словно бы натянулся привязанный к его телу невидимый канат.

Инспектора снов швырнуло обратно, на берег ручейка. Только теперь ручеек этот стал грязным потоком, в котором плавали стволы деревьев, какие-то слизистые вонючие островки, змееобразные чудища. Из кустов лезла страшная клыкастая тварь, взрыкивая и колотя хвостом по земле.

Боже!

Взлетая, он подивился мощи черного мага, сумевшего на ходу построить такой сложный сон. А еще он испугался, впервые осознав, что может остаться в этой ловушке навсегда, и вместе со страхом вернулась усталость.

Не долетев до потолка, Гунлауг стал медленно-медленно падать вниз, к той мерзкой пасти, в которую превратился ручеек. Эта пасть сладко причмокивала, словно уже пробовала его на вкус...

Птица-лоцман ударила Гунлауга по лицу крылом и взвыла страшным, совсем не птичьим голосом. Он очнулся и из последних сил рванул вверх. Да так, что ощутил, как лопается и выворачивается что-то внутри. Мир вокруг менялся, становился похожим на негатив. Вот он закрутился штопором, выпрямился, взорвался всеми цветами радуги. Обжигающая боль пробежала по телу, и тут Гунлауг почувствовал себя свободным.

Сзади послышался тугой хлопок: проклятие исчезло, взорвалось как проколотый воздушный шарик.

По щекам ползли капли. Гунлауг подумал, что идет дождь, и, подняв голову, посмотрел на небо. Ничего он там не увидел, тем более что глаза застилало чем-то радужным. Тогда инспектор снов вытер рукавом лицо и только тогда понял, откуда эти капли появились.

Он плакал.

Солнце клонилось к горизонту. Вечерние тени бесчинствовали в лесу. Гунлауг притомился и стал подумывать о ночлеге.

Последние полчаса он занимался тем, что, отбиваясь от стелепней и чертыхаясь, карабкался на очередную горушку.

Усевшись посреди небольшой полянки, он накормил птицу-лоцмана. После этого инспектор снов нащупал у себя в памяти подходящий сон и попытался вытащить из него сигарету.

Ни черта!

Чувствуя, как по спине побежали мурашки, Гунлауг попробовал снова и, когда ничего не получилось, с беспощадной ясностью понял, что проиграл.

Оцепенев, он сидел и думал, что теперь знает, почему ни один инспектор снов не возвращался из погони. Потому что все они точно так же попадали в ловушку черного мага и теряли свою силу.

Жесткий, как жесть, кленовый лист дельтапланом медленно спланировал к земле, чтобы в конце концов, врезавшись в нее, несколько раз перевернуться и успокоиться до первого дождя, который смоет его в реку, и дальше — туда, где поднимается непроницаемый туман забвения.

Этот лист стал словно бы последней точкой, уничтожившей надежду.

Господи, умереть бы спокойно и без мучений.

И вдруг Гунлауг понял, что теперь может делать все что угодно. И ничего не бояться. Хотя бы потому, что он уже почти мертв. Да, конечно, он двигается, думает и дышит. Но на самом деле он уже является покойником, поскольку не в состоянии изменить ничего.

Осознав это, Гунлауг почувствовал облегчение и даже хмыкнул: оказывается, потеряв все, он получил кое-что взамен. Пусть гораздо меньше, чем имел, но все же... Определенность.

Гунлауг засмеялся.

Он увидел себя как бы со стороны и услышал свой смех, хриплый, полубезумный... И все никак не мог остановиться, изо всех сил колотя ладонями по коленям, мотая головой из стороны в сторону и широко разевая рот.

Окончательно обессилев, он все же перестал смеяться и некоторое время лежал молча, глядя в быстро темнеющее небо. А потом уснул, быстро, почти мгновенно.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Гунлауг открыл глаза и утонул в голубизне утреннего неба.

Под сердцем странно и сладко сосало. Он даже было подумал, что снова оказался в мире своих снов. Ему хотелось, чтобы над его головой снова светили разноцветные солнца и крапчатые луны. Ему хотелось, чтобы его щеки снова гладили перламутровые, словно раковины, рассветы и спокойные, мудрые закаты. И тогда он пройдет через исковерканные миры плохого настроения и легкие, безмятежные миры душевного покоя, туманные миры юношеских грез и пурпурные — мучений совести. А потом, когда устанет, он присядет на холме лучшего из своих снов, раздумывая о смысле жизни, тщете всего сущего, и будет слушать грустные песни бессмертных фениксов. Настанет ночь, он спустится в долину и разведет костер. Сон пошлет ему выходящих из тумана коней. Они будут смотреть на Гунлауга дикими испуганными глазами и наконец, всхрапнув, уйдут обратно, в белесую пелену. Русалки станут плескаться в воде, зазывая его своим звонким смехом. И где-то за холмами чуть слышно запоет малиновка...

Наваждение исчезло, и Гунлауг понял, что лежит на самой обыкновенной поляне в самом реальном из миров.

Птица-лоцман сидела на ветке ближайшего дерева, чуть заметно покачивая хвостиком и гордо подняв кругленькую головку с пушистым хохолком.

— Ничего, старуха, — сказал Гунлауг. — Скоро все кончится...

Птица-лоцман тяжело поднялась с ветки и, сделав над его головой круг, стала подниматься вверх. Вот она увидела птицу черного мага и, снизившись, полетела, указывая направление. Гунлауг пошел следом.

Курить хотелось смертельно.

Полянка кончилась, он шагнул в лес и внезапно, нос к носу, столкнулся с сыном змеи.

Тот был стар, об этом говорили поросшие зеленью бляшки на морде, глубоко сидевший в глазнице третий глаз, внимательный и настороженный.

Увидев Гунлауга, сын змеи остановился и зашипел. Его правая рука ухватилась за рукоятку висевшей на поясе длинной шпаги.

Гунлауг тоже остановился и стал ждать, что будет дальше. К мечу́ он даже не притронулся.

— С-с-с-сс... — Сын змеи выпустил через носовое отверстие воздух. — Инспектор снов. Я узнал тебя, ты — Гунлауг.

Усмешка скользнула в уголке пасти. Мелькнули острые, кривые зубы.

— Да, ты угадал. Так что же не нападешь? — спокойно спросил Гунлауг. — Или испугался? Ты — доблестный рыцарь холодных пещер и удара из-за угла!

— Страх мне неведом. Но трогать тебя я не буду. Ты — добыча того, кто сильнее меня. Иди, иди, он тебя ждет...

— Где?

— Там, где ты этого меньше всего ожидаешь.

— Он меня убьет?

Сын змеи иронически посмотрел на Гунлауга и ничего не ответил.

— Ну хорошо, — сказал тот. — А как он выглядит?

— Ты его узнаешь. — Собеседник повернулся, чтобы уйти.

— Подожди.

— Ну? — угрюмо глянул на него сын змеи.

— Я давно хотел поговорить с тобой. Почему ваше племя считает людей своими врагами?

Вместо ответа сын змеи процитировал:

— «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее: оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту...»

— Откуда? — удивился Гунлауг. — Ведь эту книгу я читал в одном из своих снов. Каким образом ты добрался до нее?

Сын змеи опустился на корточки, сделав знак Гунлаугу поступить так же. Потом, когда инспектор снов уселся поудобнее, он отогнул одну из роговых пластинок у себя на ноге и достал из-за нее две сигареты. Помедлив секунду, Гунлауг сигарету все же взял. Чиркнув спичкой все по той же пластинке, сын змеи затянулся ароматным дымом и, выпустив его через носовое отверстие, сказал:

— А почему ты считаешь, будто никто не имеет права заглядывать в твои сны? Впрочем, мы делали это очень осторожно и незаметно, стараясь, чтобы ты ни о чем не догадывался.

— Но зачем?

— Ну хотя бы затем, что любопытны.

— Погоди, тогда получается, что некоторые из вас умеют путешествовать по снам?

Сын змеи кивнул.

— Для того чтобы попасть в мир снов, мы используем особые снадобья, известные только нашему племени. Надеюсь, ты не забыл, что в этом мире нет никого, кто знает травы лучше нас?

— А на людей ваши травы действуют? — спросил Гунлауг, с наслаждением вдыхая дым.

— Да. — Сын змеи ехидно улыбнулся. В этот момент он походил на охотника, увидевшего, как в один из расставленных им силков вот-вот должна попасть добыча.

Рука Гунлауга дрогнула. Невесомое облачко сигаретного пепла унеслось прочь. Очень спокойно инспектор снов спросил:

— Можно ли купить, выменять это снадобье?

Стеклянный заяц выскочил из-за кустов и, чутко поводя прозрачными, едва темневшими к концам ушами, от удивления застыл на месте: человек и сын змеи сидят рядом и разговаривают!..

Гунлауг сделал неосторожное движение. Стеклянный заяц высоко подпрыгнул и кинулся наутек.

Сын змеи молчал. Сигарета дымилась в его четырехпалой руке.

— Ну и как? — не выдержал Гунлауг.

— Нет.

Инспектор снов вздохнул почти с облегчением.

— Ты меня не понял, — неожиданно мягко сказал сын змеи. — Я сказал «нет», потому что снадобья тебе не нужны. Ты можешь победить черного мага и без них.

— Как?

Сын змеи выкинул окурок и встал.

— Мне пора.

Ветки кустов скрыли его горбатую фигуру, а Гунлауг еще сидел, думал и вдруг вскочил, затоптал сигарету, ударил кулаком по стволу дерева:

— Как же победить этого чертова мага?

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

К вечеру Гунлауг определил по солнцу, что маг изменил направление движения, и очень этому обрадовался. Второй город оставался в стороне. Теперь перед ним был только огромный лес, тянущийся вплоть до границ владений ледяных гномов.

Инспектор снов уже вторые сутки ничего не ел. Ягоды и грибы попадались редко и не насыщали. С водой было проще, поскольку встречались неприметные, струящиеся по дну сырых логов ручейки.

Он привалился спиной к сосне и устало закрыл глаза. От голода кружилась голова. Эх, сейчас бы кусочек дичины на вертеле, а к нему стакан прохладного кисленького винца и вареной рассыпчатой картошки...

Гунлауг посмотрел вверх. Черная птица по-прежнему кружила в полукилометре впереди, словно ждала, когда он отдохнет, отправится дальше.

Он встал и отправился дальше.

Вот таким образом: вниз по склону, цепляясь за кусты, осторожно ставя ноги, чтобы, не дай бог, не споткнуться.

«Глупец. Неужели ты все еще надеешься?..»

Он не посмел ответить себе на этот вопрос, постарался его сразу же забыть.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

...Гунлауг понял, что меч сломает его как картонную коробку, придавит к земле, придушит. Он прикинул расстояние до вершины холма, на который карабкался, и скрипнул зубами. Ну ничего. Шаг, еще шаг, вот так рукой, вот сюда ногу...

Все же он взобрался на эту вершину и меч не бросил.

Упал, некоторое время лежал неподвижно, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Потом он осторожно освободился от меча и попытался сесть. Когда это удалось — инспектор почувствовал радость. Он посмотрел направо и увидел птицу-лоцмана. Ей было худо. Наверное, не лучше, чем ему самому. Лежала она на боку, дышала очень тяжело, и белая пленка наползала на ее глаза.

А вверху...

Словно поддразнивая, парила черная птица. Еще выше было жаркое безжалостное солнце и, приглядевшись, мастер снов увидел, как на секунду мелькнул в воздухе серебряный крючок солнечного рыбака и, конечно же, упал, не зацепившись...

Гунлауг покачал головой. Ну и упорный этот солнечный рыбак!

Он знал, что на этот раз не встанет. Все, хватит. Он будет лежать на этом холме. Здесь так хорошо. И смерть здесь приятнее, чем... Он будет лежать, лежать... Ничто не заставит его идти даль-

ше. Если этому черному магу так хочется — пусть приходит сюда сам. Дудки...

Он так решил. Да, он останется здесь.

И все же Гунлауг встал.

Его качало из стороны в сторону, но несмотря на это он двинулся вперед и начал спускаться с холма. Птица-лоцман судорожно вцепилась в его плечо коготками, запрокинула клюв. Правда, Гунлауг знал, что умрет она лишь только вместе с ним, не раньше.

Потом инспектор снов вспомнил, что забыл свой меч на вершине холма. Однако ноги его несли вперед и вернуться за мечом не было сил. В конце концов, у него есть еще нож. Тоже оружие.

Мир качался, сознание меркло и вновь выныривало из небытия. Он давно уже не следил за черной птицей, не знал, куда шел. Он двигался, и этого было достаточно.

Возможно, Гунлауг давно уже ходил по кругу.

Глаза заволокло красной мглой. Она сменилась серебристой звездной летящей дымкой. Гунлауг очнулся, потому что упал, ударился о землю и увидел перед самым носом большое спелое яблоко.

Мираж!

Протянув руку, Гунлауг схватил это яблоко. Он лежал на боку и рассматривал его, поражаясь, какое же оно красивое, потом опомнился и, нежно прижав губы к тугой кожуре, осторожно надкусил.

Яблочный сок...

Боже мой, откуда в этом лесу взялась настоящая, всамделишная яблоня?

Не важно! Он ел. Ел, ел. Остановился Гунлауг, почувствовав только смертельную тяжесть в животе.

Его вырвало.

Он отполз в сторону, хотел что-то обдумать, но на это уже не хватило сил, поскольку солнце клонилось к горизонту...

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Проснувшись, Гунлауг тотчас побежал к ручейку у яблони и, с удовольствием умывшись, огляделся.

Поляна была странная — вся изрытая, в ямках, как лицо в оспинах.

Позавтракав яблоками, Гунлауг ожил. Теперь он чувствовал себя хорошо.

Из кустов вышел худощавый старичок с седой бородкой, в черном плаще. Приятно улыбаясь, он приблизился.

Гунлауг положил руку на нож.

— Чем обязан? — почему-то охрипшим голосом спросил он.

— Чем? — удивился старичок и, коротко засмеявшись, пожал плечами.

Неподалеку на большом камне сидела птица-лоцман. А рядом с ней была другая, гораздо крупнее, с загнутым, как у беркута, клювом. Черная.

Гунлауг рванул лезвие из ножен.

— Тише, тише, — холодно усмехнулся старичок, и с кончиков его пальцев сорвалась ослепительная молния, опалив траву у ног инспектора. — Честно сказать, я даже не подозревал, что инспекторы снов так слабы. Не почуять простейшего проклятия! Я был сильно удивлен, когда ты попался. Впрочем, о чем говорить? По закону погони, проигравший должен просить пощады. Могу оставить тебя в живых, но на определенных условиях. Ты догадываешься?

Гунлауг молчал.

— Вместо своих сиропных снов ты будешь делать мне настоящие кошмары. Я знаю, у тебя получится.

— Это серьезное предложение. — Инспектор снов облизал пересохшие губы.

И вдруг он понял, что если нападать на черного мага, то сейчас. Однако стоило ему шевельнуться, как молния вновь обожгла траву у его ног.

— Ишь, какой прыткий, — засмеялся маг, и его редкая бороденка затряслась. — Мелкота! Если ножом действует мастер, ты замечаешь это только тогда, когда он уже торчит у тебя в горле.

Маг радостно потер худые руки.

— Ну, мое предложение остается в силе. Вопросы есть?

— Есть. Зачем же тогда?.. Не проще ли было убить меня прямо перед пещерой?

Он взглянул вверх, увидел, как возле самого солнца мелькнул крючок солнечного рыбака. Прикинув, куда он упадет, Гунлауг едва заметно вздрогнул.

— Приди я к пещере — ты бы кинулся в драку, — хитро прищурился черный маг. — Последствия представить легко. Зачем же переводить ценный материал? А так — побегал за мной, подумал... Ну, что скажешь? Да? Нет?

Гунлауг молчал.

— Понятно, — медленно произнес черный маг. — Тогда...

Вдруг лицо его исказилось. Взглянув вверх, маг увидел падающий на него крючок солнечного рыбака и вскинул руку. Молния отшвыр-

нула крючок метров на двадцать в сторону, он вонзился в землю и, подпрыгнув, послушный рывку невидимой лески, исчез. Старик замешкался. Вот — шанс. Гунлауг метнул нож в черного мага. Серебристой рыбкой он пронесся по воздуху и вонзился в грудь противника.

— Ну вот... давно бы... — пробормотал маг.

Покачнувшись, он стал таять, исходя паром, как огромный кусок льда, но прежде чем исчезнуть окончательно, швырнул инспектору в лицо огненный шар. Пламя ударило Гунлауга, но не принесло с собой боли — только мгновенный жар.

Падая на землю, инспектор услышал:

— Бери! Теперь все твое...

Гунлауг вскочил на ноги и осмотрелся. От черного мага и его птицы не осталось ничего, кроме дымящегося плаща и двух кучек пепла.

Неужели?..

Победа! Виктория!

К нему вернулась сила, вернулись сны. И одним магом стало меньше. А значит — черная стена, вот уже много лет стоявшая неподвижно, отодвинется, и в его родных местах станет меньше кошмаров.

Он снова упал на землю и лежал, подставляя солнцу лицо, улыбаясь, ничего не видя. Впрочем, рано или поздно все кончается. Гунлауг открыл глаза.

Над его головой кружилась птица-лоцман и одно крыло у нее было черное.

Вскочив, Гунлауг стал ощупывать себя. Нет, он не превратился в старичка с бородкой. Вот только птица...

И тогда инспектор снов понял все.

Понял, почему никогда не возвращались из погони те, кто в нее отправлялся. Потому что перед смертью маг всегда успевал передать своему убийце собственную черную душу.

У Гунлауга сжалось сердце.

Если он останется здесь, то превратится в черного мага и вернется обратно к черной стене. Он уже чувствовал ее силу. Сможет ли он устоять перед ее несокрушимой властью?

Гунлаугу показалось, что в тишине поляны послышался издевательский смех.

Инспектор снов выпрямился и посмотрел в ту сторону, откуда пришел. Конечно, он не мог увидеть город, но откуда-то знал, что все в нем стало по-прежнему.

И наверное, за это стоило заплатить такую цену.

Стоило ли?

Птица-лоцман опустилась ему на плечо. Из ее глаз выкатились две прозрачные слезинки.

— Ничего, ничего, — пробормотал Гунлауг.

Он снова оглядел поляну. Понятно, откуда эти ямки. Маг сидел здесь и ждал Гунлауга, отбивая падавшие сверху крючки. Как известно, черные маги притягивают к себе серебро. А Гунлауг в это время плутал по лесу, пытаясь догнать черную птицу, думая, что маг от нее недалеко. А он вон где...

Впрочем, какое это теперь имеет значение...

Гунлауг посмотрел в другую сторону. Там, за лесами, лежала страна ледяных гномов. Теперь, когда внутри инспектора снов прорастала чернота, ему оставалось идти только туда.

Да, пора.

Работа есть работа. Он сражался с черным магом сталью, теперь пришло время сразиться с ним внутри себя. А для этого надо попасть в страну ледяных гномов. Там текут холодные реки, стоят навечно замерзшие леса, там нет власти черной стены, там он даст бой притаившемуся внутри черному магу. И вернется. Обязательно. Чего бы это ему ни стоило.

Подобрав нож и сунув его в ножны, Гунлауг тронулся в путь.

Он торопился. Ему хотелось быстрее попасть в страну ледяных гномов. Он забыл, что где-то там, позади, солнечный рыбак готовится забросить в небо свой серебряный крючок.

АППАРАТ ИЛЛЮЗИЙ

Джок пересчитал банкноты.

Полторы тысячи соринго в.

Мало. Для приобретения средней паршивости звездолета нужна сумма раз в десять больше.

— Что будем делать? — Малк выплюнул изжеванную зубочистку.

— Что? Пойдем-ка сходим на базар, может, купим по дешевке странгуляционный конвенгатор и починим свой звездолет.

— Сомневаюсь, вряд ли его можно купить здесь даже за большую сумму. Но все равно пройдемся. Я думаю, после того, как на эту планету прибудут догоняющие нас легавые из космополиции, мы вряд ли сумеем скоро устроить себе подобное развлечение...

Чего тут только не было, кого тут только не было!

Здесь продавали все: от голубых венерианских ящериц до патентов на вечное счастье.

— Так, портативная модель машины времени. Зачем она нам? Все равно от космополиции не удерешь во времени, — бормотал Джок, разглядывая то, что лежало на лотках продавцов. Малк шел сзади, молчал и жевал очередную зубочистку.

— Асинхронный взбалтыватель галактики. Нет, и это не для нас. Не люблю нудной работы.

...Межгалактический прослушиватель звезд. Вот как попадем в лапы космополиции, уж тогда нас прослушают... Вдоль и поперек... И без помощи этого аппарата.

...Аппарат материальных иллюзий. Стоп. А это что такое?

«Аппарат предназначен для производства любых материальных иллюзий. Дешев, экономичен, прост в обращении! Созданные им иллюзии сохраняют полную конфигурацию заданных предметов на расстоянии километра! Иллюзии ничем не отличимы от настоящих предметов! Покупайте аппарат иллюзий!»

— Малк, это то, что нам нужно! Мы спасены! Сколько он стоит? Сколько стоит ваш чудесный аппарат? Что, всего полторы тысячи? Мы его покупаем, вот деньги... Нет, заворачивать не надо. Мы сейчас же пустим его в дело...

Они пробились через толпу на стоянке такси, вскочили в машину. Малк крикнул: «На аукцион звездолетов!» И машина тронулась.

Джок, любовно поглаживая кожух аппарата, спросил у водителя:

— Скоро приедем?

— Через двадцать пять минут.

— Отлично. Малк, за работу. Помни: средний звездолет стоит пятнадцать — двадцать тысяч...

Им сразу понравился сверкающий звездолет новейшей модели с отделанными ванадием дюзами. Этот красавец возвышался над всеми другими кораблями на целую треть корпуса.

— Да, хороша штучка. — Джок и Малк не могли отвести от него глаз. — Интересно, сколько он стоит?

— Всего двадцать пять тысяч соринго. — Откуда-то из-за их спин выскользнул человек в синем комбинезоне. Основной приметой, сразу бросавшейся в глаза, были пышные рыжие усы, украшавшие его полное лицо с несколько великоватым носом. — Обратите внимание: очень изящный корпус, выполненный из лучших сортов керамита. Пилотские кресла на супермягконе. Жизнеобеспечение по принципу: никаких эрзацев и заменителей, все натуральное. Не корабль — мечта!

— Да, все это хорошо, но уж больно он дорого стоит.

— Что ж, вы мне сразу понравились, так и быть, берите за двадцать. Вечно меня обдирают как липку...

— Ну, теперь никакой космополиции нас не догнать, — бормотал Джок, переводя тумблер управления в положение «старт».

— Представляешь, как удивится этот лопух, который продал нам корабль, увидев, что денежки исчезли? — сказал Малк.

Звездолет дрогнул и, изрыгая клубы огня, рванул вверх.

— Чудесное приобретение, — радовался Малк, лаская генератор иллюзий, — каких только штук с его помощью мы не сыграем!

В следующую секунду они оказались летящими в пустоте, корабль исчез. Некоторое время они еще летели вверх по инерции, потом притяжение ухватило их своей неумолимой рукой и потащило обратно.

— Что случилось? — спросил Джок, с испугом рассматривая приближающуюся Землю. До нее оставалось не более километра.

— Идиот! Ты разве не догадался? Сдается мне, что этот звездолет сродни деньгам, которые за него уплачены...

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Было свежее утро, напоенное росой и солнцем. Крестьянин Бол, покряхтывая и почесываясь, запряг свою клячу. Ругнувшись, стегнул ее по облезлой шкуре. В телеге уже лежали упитанный поросенок и пяток кур. Бол ехал на рынок. Примерно через полчаса он остановился у развилки.

Куда ехать? Направо или налево? И правая дорога ведет на рынок, и левая — на другой. Причем до обоих расстояние равное. Бол постарался припомнить, на каком рынке пиво лучше. Припомнил. Стал поворачивать направо...

И так уж случилось, что какой-то путешественник во времени оказался на том же перекрестке минуты за три до того, как к нему подъехал Бол. Пришельца из будущего интересовали сельские рынки. На правом он уже побывал. Ему надо было налево. Соблазненный щедрой платой, Бол развернулся и потащился по другой дороге. Пиво — пивом, а деньги — деньгами.

В результате лошадь Бола не сломала ногу (как это должно было случиться, если бы он поехал по правой дороге). Сам он не напился с горя и вернулся домой живым и невредимым. Хотя должен был, надравшись вдрызг, захлебнуться в сточной канаве.

Но он остался жить. И произвел на свет еще двоих сыновей и трех дочерей. А они, постаравшись, тоже увеличили население планеты. И так далее, и так далее. А потом один из его потомков убил в сражении кого-то, кто должен был уцелеть. История дрогнула, покатилась кувырком, ломаясь, перехлестываясь, выворачиваясь наизнанку.

Тот самый путешественник во времени, который был всей этой заварушке причиной, побывав на сельском рынке, вернулся в свое тысячелетие. Естественно, все там стало совсем иным. Он понял, что где-то история сбилась с пути. Стал искать момент сбоя и доко-

пался до сути. Кроме него, в таком же положении оказалось еще около сотни путешественников. Они тоже предприняли собственные расследования. В результате, когда Бол подъехал к развилке, на ней уже находилась целая толпа. Она дружно потребовала, чтобы Бол свернул направо. Что он, разумеется, и сделал. История встряхнулась и пошла прежним путем.

В том ее варианте, который теперь исчез, в свое время тоже изобрели машину времени. И тоже пустили в массовое производство. И также путешественники во времени, вернувшись в свой мир, обнаружили, что он изменился. Они, конечно, уже стали докапываться до причины этой кутерьмы.

В результате Бол, подъехав к развилке, обнаружил возле нее две группы странно одетых людей. Одна грозно потребовала, чтобы Бол свернул направо. Другая не менее грозно настаивала, чтобы он поворачивал налево.

Бол, естественно, вытаращил глаза, чертыхнулся и не тронулся с места. История остановилась.

Положение было критическим. Существовало две линии, по которым должно было развиваться будущее. От каждой на перекрестке присутствовало примерно одинаковое число представителей. Некоторое время казалось, что все это кончится грандиозным сражением. Кое-кто уже вынимал из карманов ядерные пистолеты, стармеры и плазмометы. Однако лидеры оказались людьми неглупыми и гуманными. Поэтому вскоре на сцену выплыл белый флаг переговоров.

Вожаки встретились возле телеги Бола. Один — коренастый, быстрый в движениях и речи. Другой — неповоротливый и огненно-рыжий. Не обращая внимания на застывшего в полнейшем недоумении крестьянина, они стали совещаться. В результате было решено: обе линии в принципе имеют одинаковые права на существование. Однако будущее может быть только одно. Поэтому какое-то из них должно самоуничтожаться. Какое?

Дело должно решиться в честном споре. Что будет только справедливо. Ведь победят более умные и физически развитые. То есть останется именно то будущее, представители которого покажут себя наиболее достойными образцами человеческого рода.

Арбитраж выбрали быстро. В него вошло по три человека с каждой стороны и Бол собственной персоной. Бол, большой охотник до зрелищ, согласился исполнять роль бесстрастного судьи.

Первым было перетягивание каната, в котором победила команда «правшей». В следующем туре в беге на четвереньках победили «левши». Затем «правши» побили «левшей» в фехтовании, а те побороли их в забрасывании кислой капустой. Потом «правши» одержали

явную победу в прыжках на стометровую высоту. «Левши», однако, не сдавались и показали высокий класс в выжимании дождевых туч.

Соревнование только начиналось. Все участники чувствовали себя полными сил и бодрости. «Левши» коллективно нашли доказательство теоремы Ферма. Их противники показали, как куриное яйцо изгибается в четвертом измерении и делается кубическим.

Чем они только не занимались: стреляли в цель из луков, пытались раскрутить ближайшую галактику в обратную сторону, танцевали марсианский танец пятиногих и устраивали бега дрессированных амеб. Они пробовали печь сегодня завтрашние оладьи, выкидывали из песен слова, вырубали топором то, что написано пером, добывали золото из голубых нью-таитянских улиток.

Соревнование зашло в тупик после того, как «левши» сварили самогон из прошлогодних воспоминаний, а «правши» показали, как вынимать из бублика дырку. Невозможно было оценить, кто же жизнеспособнее и прогрессивнее. Жюри заспорило. Представители обеих сторон доказывали, что их будущее самое-самое.

В этот критический момент Бол взял в руки вожжи и сказал:

— Ну что? Так и не решили? Вот что, чикаться мне с вами некогда. Того и гляди, не успею на рынок. Вот монета. Если выпадет орел, еду направо. Решка — налево. Идет?

Предводители переглянулись.

— Идет.

Монета взвилась в воздухе и упала на утрамбованную землю.

— Орел!

Бол подобрал монету, уселся на телегу и издал губами чмокающий звук.

— Трогай, милая!

Он свернул направо, и тотчас же группа «левшей» в полном составе растворилась, исчезла, не оставив и следа.

Бол ехал по лесной дороге, еще не зная, что через полчаса его лошадь сломает ногу, а сам он вскоре захлебнется в сточной канаве. Он не знал своей, теперь уже неотвратимой, судьбы. Что-то напевая, крестьянин подкидывал на ладони монету. Мысли его были неторопливы.

«Как хорошо, что в кармане оказалась счастливая монета. Иначе пришлось бы кидать другую. А вдруг выпала б решка? Пришлось бы тогда сворачивать налево и пить скверное пиво».

Он еще раз подкинул монету и ловко ее поймал. Она лежала на ладони орлом вверх. Бол хмыкнул и перевернул монету на другую сторону. Там тоже был орел.

ДВА СОЛНЦА

Желтое солнце коснулось горизонта. Собаки бежали по следу Кряла цепочкой, высунув языки, жадно вынюхивая запах ускользающей добычи. За ними, сжимая в лапе верное ружье, скакал Фрумас. Его охотничий костюм состоял из оранжевого кафтана со множеством карманов, высоких сапог и маленькой шапочки со вставленным в нее перышком птицы Хойхо, вечной и умирающей каждую секунду, живущей далеко за черной пустыней, там, где небо соединяется с землей, а доверчивые звезды касаются загадочных островов своими нежными лучами.

Поначалу след вел на север, к великой реке, которая катит свои сонные воды в страну сладостей и смуглогрудых женщин. Через полчаса он свернул к старым оврагам, где по утрам поют иволки и ржавеют останки какой-то машины, прилетевшей неизвестно откуда и непонятно почему оставшейся здесь навсегда.

А когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, Крял побежал к пещерам у подножия сиреневых гор, вздымавших свои вершины на такую высоту, что за них задевали даже летучие медузы, которые по понедельникам прилетали в этот мир из страны вечных воспоминаний, вчерашних снов и бесплодных мечтаний.

Увидев это, Фрумас гикнул, пришпорил своего коня и, сняв верное ружье с предохранителя, поскакал еще быстрее, пытаясь настигнуть добычу до того, как она скроется.

Копыта коня взрывали дерн. Ветер свистел в ушах. Ветка голубой березы хлестнула Фрумаса по морде, едва не сбросив его на землю...

Он настиг Кряла возле входа в одну из пещер и, осадив запыхавшуюся лошадь, выронив расшитую магическими камешками перчатку, прицелился. Оставалось только нажать спуск, но что-то помешало Фрумасу это сделать. Словно невидимая ладонь сжала

его мозги, мешая думать и действовать. Бессильно опустилось и выскользнуло из рук верное ружье...

Увидев это, Крял оскалил клыки и, неловко помогая себе пятой ногой, нырнул в пещеру.

Фрумас же медленно соскользнул с коня и, покачнувшись, посмотрел по сторонам остекленевшими глазами.

Тем временем желтое солнце скрылось за горизонтом, и когда погас последний лучик, Фрумас, опустившись на четвереньки, пополз в сторону ближайших кустов. С него соскользнули сапоги и охотничий кафтан. Шапочка с перышком птицы Хойхо зацепилась за куст казурии и осталась висеть на нем. А Фрумас, почувствовав, что освободился от этих теперь ненужных вещей, радостно зарычал...

И наступила ночь...

Через шесть часов синее солнце показалось из-за горизонта. Как только его лучи упали на изумрудную траву у подножия гор, из пещеры выполз Крял. Медленно, словно неживой, он пошел вперед и вскоре оказался перед домиком, из которого восемь часов назад выехал на охоту Фрумас.

Он отворил скрипучую калитку и, миновав аккуратный дворик, вошел в дом. Там он поднялся на второй этаж и лег в кровать, которую четырнадцать часов назад покинул Фрумас. Но спал он всего лишь минуту, а когда она миновала, откинул одеяло и, потирая единственный глаз четырехпалым кулаком, сказал:

— Мюс побери, ну и утро!

Он оделся и, спустившись в кухню, приготовил себе завтрак, который со вкусом и съел. А после завтрака что положено?

Крял вышел из дома и, сев на маленькую скамеечку в саду, выпустил первый, утренний — самого высшего сорта, из тех, что продаются только в столице, на углу Воздвижения и Застоечной, по одному миражу сотня, — десяток мыльных пузырей.

После этого можно было приниматься за работу. Крял добросовестно вскопал весь огород, осторожно работая лопатой и внимательно разглядывая рыхлую землю. Не дай бог, пропустишь хотя бы одну личинку параграфа — останешься без урожая!

Когда же с этой работой было покончено, он отправился на луг и до обеда успел скосить приличную кучу сухопутных водорослей. Увидев, что на сегодня сделано достаточно, он согнал скошенные водоросли в стог, чтобы они просохли, и отправился на обед.

Вернувшись домой, он мгновенно приготовил глазычницу, а когда она была готова, попробовал и добавил в нее щепотку бертолетовой соли, сел и заморил червячка.

Потом он устроился в саду и, выпустив очередной десяток мыльных пузырей, увидел, что солнце уже опустилось к горизонту и пора отправляться на охоту.

Что ж!

Крял надел оранжевый охотничий кафтан, высокие сапоги и шапочку с перышком птицы Хойхо. Снял со стены верное ружье и пошел седлать коня, уже застоявшегося в конюшне. Увидев его, конь радостно заржал сразу обоими ртами и тотчас же захрустел кусочком горного хрусталя, который ему кинул Крял.

Итак, вперед!

Поначалу он ехал не спеша, весело поглядывая на собак, обогнавших его метров на десять. Но вот впереди мелькнула волосатая спина. Добыча! Настоящий, великолепный, молодой Фрумас!

Оранжевая кровь ударила Крялу в голову. Он пришпорил коня. А собаки уже шли по следу, радостно воя и едва не хватая зверя за хвост.

Сначала они бежали к реке, потом к большим оврагам, а когда голубое солнце почти исчезло за горизонтом, свернули к горам.

И, настигнув Фрумаса возле пещеры, Крял прицелился, но не выстрелил. Верное ружье упало на траву. Охотник сполз с коня и, потеряв одежду, скрылся в кустах.

Наступила ночь...

Утром же из пещеры вылез Фрумас и отправился домой. И, полежав в собственной кровати всего лишь минуту, он, может быть, в тысячный раз проснулся, предвкушая глазычницу и первый десяток мыльных пузырей.

Может быть, в стотысячный раз он позавтракал, а потом славно поработал. Когда же наступил вечер, он поехал на охоту и, опять не убив Кряла, уполз в кусты. А утром Крял отправился домой и, может быть, в миллионный раз проснулся в собственной постели, уже предвкушая вечернюю охоту...

И если некоторое время наблюдать эту карусель со стороны, то становится совершенно ясно, что Крял и Фрумас — представители двух разумных рас, каждая из которых разумна, только когда светит одно из солнц.

А виновата в этом эволюция, которой случалось выкидывать штуки и похлеще.

Но если бы кто-нибудь ночью пришел к дому, в котором поочередно живут Крял и Фрумас, он бы увидел странные вещи.

С наступлением темноты во всех его комнатах зажигается свет. И если прижать лицо к оконному стеклу и заглянуть внутрь дома, то можно увидеть комнату, в которой за столом сидит с десяток

странных созданий. А если приложить ухо к замочной скважине, то можно услышать, как они, поглощая продукты Кряла и Фрумаса, весело смеются и поют песенки, ведут застольные беседы и рассказывают анекдоты.

Насытившись, они начинают веселиться и играть в странные игры. Тогда из дома доносятся топот и хлопки, звон посуды и громкие здравицы.

Но едва только на небе появляются первые робкие лучики одного из солнц, в доме наступает тишина.

На крыльцо выходит верное ружье. Оно торопится полюбоваться утренним небом. Следующими появляются собаки. Они шумно прощаются с верным ружьем, и одна из них обязательно говорит ему, чтобы оно не ошиблось и вечером, когда охотник заглянет в прицел, сделало все как надо. И тут на крыльце появляется конь и говорит, что вообще хорошо бы изловчиться и загипнотизировать этих двоих не на один день, а на целый месяц. Честное слово, утомительно каждый день скакать за добычей и возвращаться, неся одежду и шапочку с перышком птицы Хойхо. А все ради того, чтобы охотник посмотрел в прицел.

Ружье, конечно же, важно кивает и обещает постараться и когда-нибудь сделать так, чтобы гипноз действовал целый месяц. Но пока...

И они начинают расходиться.

Конь становится в стойло. Собаки уходят на псарню. А ружье остается на крыльце одно и некоторое время смотрит на дорогу, по которой должен прийти Крял или Фрумас, черными, пронзительными глазами. И нет в них радости, одна тоска. Почему так случается именно по утрам, ружье не знает. Правда, оно знает причину тоски. Дело в том, что ему хочется выстрелить. Ну хоть когда-нибудь. Всего лишь раз.

А время идет. И вот-вот должен появиться Крял или Фрумас.

Ружье вздыхает и уходит с крыльца, аккуратно закрыв за собой дверь. В комнате оно подходит к стене, в которую вбит гвоздь, и, прежде чем на него повеситься, снова вздыхает и думает, что когда-нибудь все же выстрелит. Обязательно... Может быть, даже завтра...

НОВИЧОК

Планета представляла собой огромную свалку. Ни одного свободного метра. Гигантские разноцветные квадраты перемешаны с какими-то странными многолепестковыми конструкциями, и промежутки между ними засыпаны более мелкими и невероятно разнообразными по форме и расцветке предметами. В глазах рябило от пестроты, сливавшейся к горизонту в радужное марево.

— Ну ладно, — сказал Лак. — Ты — налево, я — направо... Беда с вами, новичками. Всегда вы бросаетесь на какую-нибудь яркую и абсолютно ненужную дрянь. А ценные вещи обходите стороной... Эх, ну ладно, значит, решили: ты — налево, я — направо. Помни, хороший утильмен без добычи не возвращается!

Андрей пожал плечами и свернул налево.

Пусть ворчит. Где ему понять... Он же ничего не видел, кроме своей свалки. Родился здесь, здесь и умрет. А я помню Землю.

Зря я катапультировался. Лучше сгореть с кораблем, чем всю жизнь копаться в отходах. Родители Лака и прочих утильменов тоже когда-то катапультировались. А для Лака это уже родной мир. И выбраться невозможно. Планету посещают только мусоровозы-автоматы. Появятся, зависнут на большой высоте, сбросят груз отходов и, протяжно пискнув, исчезают в пространстве.

Что-то хрустнуло, он споткнулся и, обрушивая целые пласты мусора, покатился вниз, больно ударяясь о какие-то твердые предметы, лелея в душе всего одну надежду — не сломать шею.

Хватит отвлекаться. Надо отрабатывать хлеб насущный.

Он подобрал наудачу какую-то длинную, с широким раструбом на конце, штуковину. Бластер. Но от кого здесь защищаться?

Бластер шлепнулся обратно.

А это что? Объемный телевизор! Но ведь здесь нет телестанции. А это? Бог мой, универсальная отмычка! Но какие двери ею открывать?

Он увлекся. Перебирал эти «сокровища», пытался придумать им какое-то применение. И не мог.

А потом неожиданно увидел перед собой полузасыпанный пачками каких-то таблеток люк. Он нажал кнопку, и люк распахнулся...

— Лак! Лак! Я нашел! Я такое нашел!

— Что? Конечно же, какую-нибудь дрянь?

— Дрянь? Космический корабль!

— Ну и что?

— Как что? Теперь мы сможем улететь. Он в исправности. Запаса топлива хватит на два световых года. Сел и — ух... Больше нам не придется копаться в мусоре!

— Ну и болван. Два световых года! Куда ты полетишь? До ближайшей, не засыпанной мусором планеты расстояние в два раза больше, чем ты сможешь пролететь в своем идиотском корабле.

— Неужели это так?

— Да, это так. Вечно эти новички никак не могут уразуметь, что надо искать действительно полезное и нужное. Бери пример с меня. Вот моим находкам стоит позавидовать. Смотри...

Лак показал грязную пачку, из которой выглядывали три сигареты, а также полусплюснутую банку тушенки.

МЕТАМОРФОЗЫ

С наступлением ночи дом убрал все балконы и увеличил высоту чугунной ограды до трех метров.

Человек сидел у камина, потягивая пунш, грея ноги и рассеянно наблюдая, как вместо горки с фамильным серебром возникает книжный шкаф, заполненный толстенными фолиантами.

Сделав последний глоток, он поставил стакан.

В этот момент вылетели стекла, и в окна хлынула вода. Рассеянно подумав о том, что наводнения не случалось уже две недели, он вскарабкался на огромный деревянный стол и устроился поудобнее.

Естественно, его унесло в открытое море. Девять дней он питался сырой рыбой, которую вылавливал руками, и пил морскую воду. На десятый день — превратился в женщину, длинноногую блондинку с шестью пальцами на левой руке.

На одиннадцатый день показался остров. К вечеру блондинка ступила на прибрежный песок и устало побрела к светившемуся неподалеку окну своего дома, который за это время приобрел обличье деревянной избушки. Когда она открыла дверь и вошла, топилась печь, горела керосиновая лампа, на столе стоял ужин. Плотно поев, она уснула.

За ночь остров превратился в материк. К утру возле дома кипело сражение.

Оценив положение, она натянула кольчугу, выхватила меч и стала мужчиной. Выбежав наружу и вскочив на коня, он кинулся в гущу боя, потрясая оружием и издавая боевой клич. Но когда в бой ввели танки, ему оторвало руку, и он, истекая кровью, упал на дно ближайшего окопа и лежал там до самого вечера. Умирая, он несколько раз изменил свою внешность, превратившись из рядового в полковника, успев выкурить две пачки сигарет и высосать фляжку вина.

С первыми лучами солнца рука отросла. Полковник огляделся, увидел, что от сражения не осталось даже следов, сделал зарядку и вернулся домой.

Дом снова изменил свои очертания, но хозяину было на это наплевать. Он выгнал корову на пастбище и ушел в поле пахать.

К полудню ничего не изменилось и сам он остался таким же.

Неподалеку собирала цветы какая-то девушка и застенчиво поглядывала на него. Она была прекрасна и, похоже, ничуть не менялась.

Он подумал: «Ну, наконец-то автор остановил свой выбор на одном варианте. Хлебопашец, конечно, не воин, не моряк и не женщина, но тоже неплохо. Интересно, что задумал? Хорошо бы роман. Для меня это полгода в неизменяющемся мире...»

Минут через пять он остановился, вытер пот со лба:

— В конце концов, заслужил я этот отдых или нет? Все, баста: если опять какой-нибудь короткий рассказ — уволюсь! Множество писателей пишут только толстые романы, и почти всем нужен опытный литературный герой...

Он вздохнул и взялся за ручки плуга...

ЗЛОЙ ДУХ

К вечеру, когда подул прохладный ветерок, желтые битюки поскакали на поля баса, высоко задрав полосатые хвосты и издавая радостный писк. Голубые тени стали длиннее, а зеленые короче. Над ближайшей рощицей завис синеслон и стал объедать спелые, верхние плоды. Деревья отчаянно отмахивались от него щупальцами и выпускали в воздух целые тучи горчичного, предназначенного для отпугивания любителей полакомиться на дармовщинку, газа, но синеслон лишь тихонечко поскрипывал и вовсе не думал улетать.

Крим и Сувестра сидели под навесом из веток веретенницы и попивали бинг.

Крим поставил на стол кружку с бингом, да так неловко, что пенистая жидкость едва не расплескалась. Висевший над его носом маленький кошмарик надул летательный мешок и умчался прочь. А Крим посмотрел в сторону деревьев и подумал, что в другое время года этого синеслона надо было бы немедленно прогнать прочь. Но только не сейчас. На верхушках деревьев уже набухли кожистые мешки, наполненные песчинками жизни, и сейчас они лопались. Несколько песчинок жизни обязательно вопьются в складки кожи на необъятном брюхе синеслона и отправятся в путешествие к другим деревьям, чтобы соединиться с другими песчинками жизни. В результате появятся новые деревья. Так что пусть синеслон ест, пусть набивает брюхо.

Глотнув из кружки, Крим посмотрел на Сувестру и сказал:

— Ну и...

— Великий дух, да что ты от меня хочешь? — раздраженно пробормотал Сувестра и, отвернувшись, стал смотреть на своего сига, который занимался тем, что гонялся, тяжело размахивая огромными крыльями, за пушистым луговым крысяком.

— Я хочу, чтобы ты засвидетельствовал все, что здесь увидел.

— Что именно?

— Как будто не знаешь...

— Знаю. Но только это ни в коем случае не может быть доказательством.

— А что, что является доказательством?

— Научные факты.

— И все увиденное тобой здесь не является научным фактом?

— Нет, не является.

Крим крякнул и сделал еще несколько глотков бинга. Досадливо поморщившись, Сувестра тоже отпил из своей кружки и, насвистывая сквозь зубы, стал ковырять в носу.

Минут через пять он не выдержал и примирительным тоном сказал:

— Ладно, не обижайся. Ты и сам хорошо понимаешь, что требуешь от меня невозможного. Подумать только, я должен признать существование каких-то злобных духов, которые время от времени вселяются в тех, кто не является ревностным почитателем истинного бога! Причем вселяются они только в тех, кто живет в сельской местности. Это полный абсурд!

— Как это абсурд? — раздраженно возразил ему Крим. — Наши предки верили в этих духов и воспринимали их как нечто реальное тысячи лет! О, они великолепно их знали и умели с ними бороться! Легенды говорят, что были даже могущественные колдуны, которые осмеливались путешествовать в мир духов, вступали там с ними в единоборство и частенько, с помощью хитрости, побеждали. Теперь же, когда наступила так называемая эра просвещения, вы — знатели, отрицаете напрочь то, во что верили ваши предки.

— Погоди. — Сувестра хлебнул бинга. Теперь он говорил так, словно в сотый раз объяснял азбучные истины упрямому ребенку. — Вот представь: возвращаюсь я в город и делаю доклад обо всем, что здесь увидел. Тем самым я дам повод своим коллегам закидать меня пометом кракозябры, сровнять меня с землей. Они только и ждут, когда я к этому дам повод. Да я уже сейчас вижу заголовки утренних новостеизвестников: «Знатель первой гильдии Сувестра попал в плен давно отживших суеверий!», «Как может знатель первой гильдии верить в то, над чем смеются даже дети?»...

— Дети, говоришь, смеются? — перебил его Крим. — Погоди, вот сейчас начнется. Послушай, послушай...

Из ближайшей хижины, на крыше которой алел символ быченога, донесся жуткий, истошный визг. Звучал он всего лишь не-

сколько мгновений, но столько в нем было тоски и ужаса, что Сувестра аж поежился.

— Слышал? — спросил Крим.

— Слышал, — ответил Сувестра. — Ну и что? Да, я согласен, у обследованного мной индивидуума наблюдаются все признаки сумасшествия. Знаешь, сколько я на своем веку видел этих сумасшедших? Они еще и не такие штуки могут откалывать.

— А то, что он говорит, когда приходит в себя, будто в него вселился злой дух?

— Ну, говорить он может что угодно. Его слова доказательством не являются.

— Хорошая позиция, — медленно, с расстановкой сказал Крим. — Просто идеальная позиция.

Он взял лежавший на краю стола ультразвуковой свисток, нацелил его на синеслона, который, похоже, слишком уж увлекся плодами деревьев, и подул. Ультразвук синеслону не понравился. Съежившись и покрывшись белыми крапинками, тот поспешно полетел прочь.

Аккуратно положив свисток на край стола, Крим сказал:

— Значит, тебе нужны доказательства! В таком случае как ты объяснишь то, что он сделал с деревьями? Он взрыхлил вокруг них землю! Да на такое, даже под страхом смертной казни, не пойдет ни один крестьянин... А он взрыхлил и, между прочим, повредил у нескольких деревьев ложноножки. Ты знаешь, чем он занялся дальше... Короче, накуролесил... Хорошо, вовремя подоспел богоприслужник.

Сувестра устало вздохнул.

— И все равно это ничего не доказывает.

Крим наполнил опустевшие кружки бингом. Мимо них, к хижине, на крыше которой был символ быченога, протопал богоприслужник. Соответственно сану у него были спилены кончики клыков. Богоприслужник сгибался под тяжестью котомки, в которой, несомненно, лежало несколько молитвенных топориков, куча заклинательных камней и мешочки с лечебными снадобьями.

— Кстати, сейчас он будет изгонять злого духа, — сообщил Крим. — Того самого, в которого ты не веришь. Всю ночь, наверное, будет этим заниматься. И вообще, если ты попытаешься разобраться в этом любопытном явлении, то вполне можешь, например, обнаружить дверь в другой мир, тот, из которого приходят злые духи. Торопись, теперь они это делают гораздо реже, чем раньше. Еще немного — и тебе уже никогда не удастся докопаться до разгадки этой тайны.

— Ну вот что! — воскликнул Сувестра. — Мне, пожалуй, пора. Так дешево меня не пытался соблазнить еще никто. Разреши откланяться...

— Погоди, — попросил его Крим. — Я больше не буду. Давай посидим и поговорим еще немного...

— Хорошо, — немного подумав, сказал Сувестра и схватился левой рукой за кисточку своего хвоста, в знак того, что не отступится от своего решения. Правой он взял кружку и так резко поднес к лицу, что из нее выплеснулся бинг и потек мутной струйкой по его подбородку.

— Конечно, — убеждал его Крим. — Никто не знает, почему так получается, но злые духи все-таки появляются. Да, теперь это случается гораздо реже. Да, эти случаи никто не регистрирует. Да, знателей часто вводят в заблуждение обыкновенные сумасшедшие. Все это верно. Но я могу сказать совершенно уверенно, что такие случаи были и есть. Случаи вселения злых духов. И не только в деревнях. Я думаю, они бывают и в городах. Просто в городах частенько соседи по лестничной площадке живут через стенку двадцать лет и не знают друг о друге ничего. Здесь же, в деревне, где каждый знает о своих соседях всю подноготную, не заметить их нельзя. А еще я не могу допустить, чтобы мой родственник упустил шанс прославить себя поразительным открытием.

— Да не могу я! — в отчаянии воскликнул Сувестра и даже от избытка чувств вскочил, но кисточку из руки выпустил.

Сердце Крима радостно екнуло.

— Короче, мне пора, — после недолгого молчания сказал Сувестра, с беспокойством глядя на все удлиняющиеся тени. — Мне нужно вернуться в город до темноты.

И он свистнул своему сигу. Вскарабкавшись ему на спину, Сувестра сказал:

— Хорошо, ты меня уговорил. С этим случаем я уже сделать ничего не успею, а вот в следующий раз, когда в кого-нибудь опять вселится злой дух, дай мне знать. Я приеду, привезу с собой кое-какие приборы, и мы с этим делом разберемся. Понял?

— Понял, — обрадованно крикнул ему Крим. — Прилетай. А случай будет, обязательно будет. Я чувствую. Счастливого пути!

На душе у него было радостно, как никогда. Крим и не рассчитывал, что ему удастся заинтересовать проблемой злых духов такого уважаемого и известного знателя, как Сувестра. Похоже, боги к нему сегодня были настроены благосклонно.

Сувестра всунул копыта в выдолбленные точно по их размеру стремена и гикнул. Сиг вытянул все свои три головы и, выпустив из левой клуб огня, взмахнул тяжелыми крыльями.

— Возвращайся! — обрадованно закричал ему вслед Крим и на счастье прикоснулся к кончикам своих рогов.

А Сиг, медленно махая огромными крыльями, уже летел в сторону города.

Из хижины с символом быченога на крыше доносилось:

— Именем истинного бога нашего Сатаны и всех его пророков, приказываю тебе — дух человека, изыди из этого вполне порядочного дьявола!

МИССИОНЕР

Небо было неправдоподобно голубое. Еще, из-за того что Керк лежал на спине, оно казалось бездонным. И воздух... Воздух был чистый, свежий и вкусный, словно после сильной грозы.

«Совсем неплохо для какого-то занюханного рая, — подумал Керк. — Сейчас появится некто в белом, с крыльями, и расскажет мне, каковы правила здешнего распорядка. Надо только подождать... Может быть, это будет просто голос...»

И он подождал.

Полчаса спустя небо по-прежнему было чистым и пустым. Ни ангелов, ни хлопанья крыльев, ни божественных голосов.

«А если я ошибаюсь? — подумал Керк. — Да нет, быть этого не может».

Он прекрасно помнил, как на пульте машины времени один из сигнальных огоньков, тот, что был расположен в стороне от остальных и никогда до этого, на его памяти, не зажигался, вдруг вспыхнул ярким красным светом. Это означало, что машина вот-вот выйдет из строя.

Керк почувствовал, как у него по коже побежали мурашки.

Как раз в этот момент он пролетал через время, в котором уже появились люди. Если машина выйдет из строя окончательно, он вывалится в реальное время. В этом случае сработает закон петли времени, и он попросту исчезнет. Машина времени, естественно, вместе с ним мгновенно превратится в энергию света. Проще говоря, будет яркая вспышка — и все.

— Ну же, давай, голубушка, — взмолился он и даже погладил ладонью пульт управления. — Дотяни хотя бы до мезозойской эры.

Красный огонек мигнул, раз, другой...

Это означало, что машина времени еще борется, что какие-то из ее систем в данный момент лихорадочно пытаются ликвидировать неисправность. Может быть, им это даже удастся. В таком слу-

чае Керк дотянет до времени, в котором люди еще не появились. Тогда закон петли времени не сработает, он останется жив и его, безусловно, спасут.

Он надеялся...

Красный огонек вдруг погас.

Некоторое время Керк недоверчиво глядел на него, потом с шумом выдохнул воздух.

Ну, наконец-то... Кажется, пронесло.

Он вытер со лба пот и потянулся к дверце шкафчика, в котором хранился аварийный запас воды. Пить хотелось просто неимоверно.

В этот момент сигнальный огонек вспыхнул и загорелся вновь. Через мгновение Керк едва не ослеп от нестерпимо яркого света...

Он перевернулся на живот и увидел, что лежит на вершине высокого, поросшего жидкой травкой холма, вокруг которого рос густой, совсем не похожий на райские кущи лес. Керк посмотрел в другую сторону. Там тоже был лес, более похожий на сибирскую тайгу, а также неширокая, извилистая речушка. Она текла у самого подножия холма.

Ничего не оставалось, как признать, что каким-то чудом он остался жив.

Почему?

Керк снова лег на спину и закинул руки за голову.

Итак, он все-таки каким-то чудом уцелел. А чудом ли? Как известно, чудес не бывает. Или все же?.. К черту, не бывает, и все. Скорее всего машина все же дотянула до того времени, в котором людей еще не появилось. Стало быть, и волноваться не о чем. Не пройдет и нескольких минут, как рядом с ним возникнет другая машина времени, битком набитая спасателями и врачами. Его спасут. Конечно, на самом деле искать его будут не один месяц, опытные следопыты обшарят не одно столетие, но для него это не будет иметь никакого значения. По идее, его могли спасти уже через секунду после того, как он оказался на вершине этого холма. Еще один парадокс времени. На этот раз очень удобный.

Прошло пять минут. Машина времени не появлялась.

«Халтурщики, — подумал Керк. — Это что же за спасатели, если не могут высадиться в нужном времени с точностью до пяти минут?»

Он снова перевернулся на живот. Судя по положению солнца, ночь должна была наступить часа через три. Ночевать в лесу ему совсем не улыбалось.

Он представил, какую жалобу напишет в главное управление по перевозкам во времени, и от наслаждения аж зажмурился. Ну, он им покажет! Пусть только появятся.

Прошло полчаса. Машина времени не появлялась.

«Да что они там, с ума посходили? — От возмущения Керк аж вскочил на ноги и топнул ногой. — Ну, уж полчаса, это никуда не годится! Да с точностью до получаса переместиться во времени может и пятилетний мальчишка. Что же в самом деле происходит?»

Начиная тревожиться не на шутку, он еще раз огляделся и вдруг замер...

На берегу речушки копошились два каких-то существа.

Чувствуя, как у него махом пересохло горло, Керк ошарашенно протер глаза.

Не может быть!

Нет, глаза его не обманывали. Там, по берегу речушки, ходили два одетых в шкуры человека. Конечно, они сутулились, и даже отсюда, с вершины холма, Керк мог разглядеть, что у них слишком тяжелые челюсти и сильно выступающие надбровные дуги. Но все же это были люди.

Вот они, сжимая в руках какие-то длинные палки, вошли по пояс в реку и стали резко погружать их в воду.

«Бьют острогами рыбу», — подумал Керк.

Он сел на траву. Ноги его не держали.

— Что же это получается? — пробормотал он. — Люди? Откуда?

Пестрая птица, размером с голубя, опустилась на землю неподалеку от Керка. Некоторое время она выклевывала из травы какую-то мелочь, может быть, личинки насекомых, потом повернула голову в сторону путешественника по времени и, как ему показалось, бросила на него насмешливый, без грамма сочувствия взгляд.

— Ой-ой-ой... — пробормотал Керк.

Он поспешно вскочил на ноги и не без тайной надежды убедиться в том, что несколько минут назад у него были самые обыкновенные галлюцинации, посмотрел в сторону реки. Люди по-прежнему орудовали острогами. На берегу валялась уже парочка довольно приличных по размеру рыбин.

«Ну все, — сказал себе Керк. — Хватит валять дурака. Давай-ка ты, приятель, забудешь про эмоции и попытаешься холодно и вполне трезво прикинуть, что же все-таки произошло».

Он прикинул.

У того, что он увидел, было лишь одно объяснение: машина времени все же недотянула, и он вывалился во время, в котором уже были люди.

А как же закон петли времени? Не сработал? Но почему? И так ли это?

Керк тряхнул головой.

Нет, тут что-то другое. А поэтому надо собрать воедино все факты и хорошенько их обдумать. Итак, он все же оказался во времени, в котором уже живут люди. При этом закон петли времени почему-то не сработал. Почему? И еще, почему до сих пор не появились спасатели? Может быть, их не будет и вовсе? Кстати, вполне вероятно. Его наверняка ищут где угодно, но только не в этом времени. И если спасатели до сих пор не появились, то, стало быть, не появятся никогда.

Никогда-никогда?

«Да, похоже, — решил он. — Значит, на них нечего и рассчитывать. Давай, дружок, будем честными и признаем, что единственным человеком, от которого можно ждать помощи, являешься ты сам».

Птица с пестрым оперением улетела. Керк проводил ее взглядом и в отчаянии ударил по траве кулаком.

«Ну, хорошо, — через некоторое время признал он. — Я могу рассчитывать только на себя. Одной проблемой меньше. Осталась самая главная загадка. Почему не сработал закон петли времени? Начнем с самого начала...»

Принцип действия закона петли времени очень прост. Любой человек из будущего, оказавшись в прошлом и вступив в контакт с другими людьми, неизбежно оказывал воздействие на процесс развития цивилизации. Если не он сам, то его потомки. Таким образом, возникала петля времени. Самый простой пример: некий человек мог бы слетать в прошлое и убить собственного дедушку, тем самым лишив всех его потомков права на возникновение, в том числе и себя самого. В результате возникала совершенно абсурдная ситуация. А поскольку структура времени таких ситуаций не терпит, как только происходило что-то подобное, срабатывал закон петли времени. Любой путешественник, высадившийся во времени, когда уже существовали люди, мгновенно исчезал в сопровождении яркой вспышки света.

Понятное дело, этот закон срабатывал даже тогда, когда путешественник во времени оказывался за несколько тысяч лет до собственного появления на свет. Петля времени остается петлей, независимо от того, маленькая она или большая.

Керк почесал затылок.

Ну хорошо, это все понятно. Но каким образом остался в живых он сам? Почему закон петли времени не сработал? Какое-то реальное объяснение этому факту должно все же быть. И оно было...

Керк едва не подпрыгнул на месте.

Ну конечно, оно было!

Он припомнил теорию, которую пару лет назад, там, в его времени, выдвинул один из ученых. Она наделала много шума. Согласно этой теории, если в прошлое проваливался человек, способный изменить историю в очень больших масштабах, ткань времени не выдерживала и разрывалась. При этом возникало как бы ее ответвление, некий новый мир, который с этого момента не имел с реальным никаких точек соприкосновения. В этом случае петля времени не возникала.

К сожалению, никаких доказательств этой теории просто не могло существовать, поэтому, как водится, выдвинувшего ее ученого подвергли всеобщему осмеянию. Через некоторое время о ней забыли и вовсе.

«Эге, — сказал себе Керк, — а ведь, похоже, она была верна. И доказательством этому служит то, что я остался жить. Стало быть, я и есть тот человек, который должен создать новое ответвление времени, новый, альтернативный мир. Других объяснений всему происшедшему просто быть не может».

Конечно, об этом никто в его времени так и не узнает.

«Ну а мне-то какое дело? — подумал Керк. — Мне сейчас нужно позаботиться о собственной персоне. И своей исторической миссии».

Он ухмыльнулся.

Действительно, представить себя в роли великого завоевателя или знаменитого просветителя он мог с большим трудом. И все же... Была в его положении и определенная выгода. Если уж он не погиб во время взрыва машины времени, то, стало быть, скорая смерть ему не грозит. По крайней мере пока он не выполнит то, ради чего неумолимое время пощадило его жизнь.

«Интересно, что же это будет? — думал он. — Наверняка мне придется объединить какие-то враждующие между собой племена, создать из них могучий союз и потом, как следствие — государство, может быть, первое на этой планете. Уж не Атлантиду ли? А что, вполне возможно. Конечно, о легендарной Атлантиде осталось не так уж и много упоминаний, но, несомненно, в свое время она оказала огромное влияние на другие цивилизации, и в первую очередь — на греческую. Если я создам это государство хотя бы лет на пятьсот раньше, вполне возможно, греческая цивилизация не возникнет и вовсе. Что и требовалось сделать, чтобы не попасть в петлю времени».

Привстав, он снова посмотрел на рыбаков. Те трудились в поте лица. На берегу лежало уже около десятка рыбин.

«И все же, — признался он себе, — воевать мне что-то не очень хочется. Сражения, кровь, интриги полководцев. Нет, это не по мне. Буду-ка я лучше великим просветителем. Научу этих невежественных первобытных людей алфавиту, счету, основам медицины. А уж все остальное они сделают сами. И государство образуют, и соседей завоюют, и прочее...»

Эта идея ему понравилась больше.

— Решено, — пробормотал он. — Буду просветителем. Это занятие более благородно, чем быть великим завоевателем. Да и менее хлопотное. С чего же я начну?

Он снова кинул взгляд на рыбаков и решил, что начать стоит с них. А почему бы и нет? Именно их для начала он и приобщит к культуре.

Каких-либо опасений за свою жизнь он не испытывал. По крайней мере до тех пор, пока он не сделает то, что должен сделать, все попытки причинить ему вред обречены на провал. Всемогущее время будет охранять его лучше скафандра с двойной защитой.

— Эй вы, я иду! — как можно громче крикнул Керк и стал спускаться с холма.

Увидев его, рыбаки в общем-то не сильно удивились.

«Вот и хорошо, — подумал Керк, спускаясь с холма. — Вот и прекрасно. Первый контакт — самый важный».

Когда-то давно он читал, что для того чтобы доказать свои добрые намерения дикарям, нужно показать пустые руки. Так он и сделал.

Увидев его вытянутые к ним руки, первобытные люди переглянулись и одновременно кивнули.

«Мимика у них уже почти человеческая, — обрадовался Керк. — Стало быть, обучить их основным знаниям будет не так сложно. Теперь самое главное не останавливаться на достигнутом. Надо развивать свой успех дальше».

Первобытные люди выбрались на берег и положили свои остроги на землю.

— Вот и молодцы! — крикнул Керк. — Все будет очень хорошо! Просто прекрасно! Из вас еще выйдут цивилизованные люди.

Он подошел вплотную к тем, кого собирался приобщать к благам цивилизации, и возбужденно сказал:

— А теперь, если я не ошибаюсь, нам нужно представиться. Меня зовут Керк.

Один из рыболовов сказал несколько слов на странном, гортанном языке.

— Правильно, — промолвил Керк. — Вы, конечно, многого не можете понять, но все же, уверяю вас, надо начинать сначала. Меня зовут Керк. А тебя?

Он ткнул пальцем одного из рыболовов в грудь.

— Тебя как зовут?

Тот, словно марионетка, смешно замахал руками, производя какие-то загадочные пассы. Одновременно с этим второй рыболов сделал шаг вправо, выходя из поля зрения Керка.

— Нет, так не годится, — помотал головой тот. — Скажи мне, как тебя зовут... Меня зовут Керк. А тебя?

Он снова ткнул первобытного человека пальцем в грудь и хотел было повернуться, чтобы повторить ту же операцию с его товарищем, но не успел...

На его шею обрушился удар здоровенным камнем.

К удивлению Керка, без сознания он был недолго, может быть, несколько секунд. Придя в себя, он хотел было встать, но вдруг обнаружил, что не может пошевелить и пальцем. Боли пока никакой не чувствовалось.

«Мне перебили шею, — совершенно спокойно, словно это произошло не с ним, а с кем-то другим, подумал Керк. — Зачем? Какого дьявола?»

Ответ на этот вопрос он получил очень скоро.

Один из первобытных людей разорвал на нем куртку, потыкал пальцем в живот и плотоядно облизнулся. О том, что эти двое собираются сделать с его телом, догадаться было не так уж и трудно.

Между тем второй первобытный побежал в сторону леса и вскоре вернулся, ведя за собой на длинной веревке лошадь. Она была запряжена во что-то наподобие индейской волокуши. Это сооружение представляло собой несколько связанных с одного конца жердей. Свободные их концы волочились по земле. Видимо, первобытные люди хотели на волокуше перевезти его тело поближе к своему жилью и только там уже его разделать.

«Почему? — с отчаянием подумал Керк. — А как же тогда моя миссия? Если ей не суждено исполниться, то почему я не взорвался вместе с машиной времени?»

Один из первобытных поднял острогу и нацелил ее острие Керку в грудь.

Последнее, что увидел путешественник по времени, перед тем как умер, был другой первобытный человек, который рассматривал оторванную с его куртки магнитную пуговицу, очень похожую на маленькое колесико. Вот он посмотрел в сторону волокуши и задумчиво почесал затылок...

ФЭНТИЗМЫ

Драконы, они людей не переваривают. Как с утра нажрутся, так потом целый день ходят и отрыгивают.

Гномы любили золото, а также драгоценные камни и пакостить драконам и эльфам.

Драконы любили только драгоценные камни и делали пакости гномам и эльфам.

Эльфы не любили ничего, кроме своих заунывных песен, и делали пакости всем, кто ни попадется.

Так они шутили и баловались, пока в результате не появились люди.

Дальше веселились одни люди, а все остальные думали, какую глупость они совершили.

Фродо бросил волшебное кольцо в вулкан. У него появились тысячи последователей, которые, за неимением волшебных колец, бросали в вулкан обручальные. Некоторым это занятие пришлось настолько по душе, что они не ограничивались своим кольцом, а бросали и кольцо жены, иногда вместе с нею самой.

Когда Мерлин, сын Корвина, в очередной раз заглянул в отражение Земли, его Фракир заболел лунатизмом. Возвращаясь во дворы хаоса, Мерлин никак не мог понять, почему все газеты только и делают, что пишут о каком-то загадочном Бостонском душителе.

Люк Скайуокер любил свою планету, своего отца и принцессу Лею. Стоило ему улететь со своей планеты, как о нем на ней забыли, отец отрубил ему руку, а принцесса Лея вышла замуж за его друга капитана Соло.

— Гамлет — жалкий сопляк, — частенько говорил Люк, поглаживая Чуи по мохнатой голове и презрительно, как и положено настоящему джедаю, улыбаясь.

Когда Люк Скайуокер учился на джедая, он так размахивал лазерным мечом, что, когда он улетел с планеты, на которой занимался этим благородным делом, ее пришлось переименовать. Назвали ее просто и коротко — Дюна.

Конан-Варвар никак не хотел жениться.

— Вот еще, — говорил он. — Какие алименты с меня, бродяги и авантюриста. Вот стану королем...

Став королем, он пустился во все тяжкие и быстро выяснил, что алименты с него теперь положены королевские.

Колдунов Конан недолюбливал. Если другим он головы рубил просто так, то этим, как срубит, обязательно скажет:

— Ишь какой умный выискался.

— Грабитель, — устало сказал Голум.

— Пригодится, — мрачно сказал Бильбо, отбирая у него тридцать второе кольцо.

... И ОХОТНИК

Предисловие

Сергей Бережной предложил мне поучаствовать в его проекте «Время учеников», и я надолго задумался.

Уж слишком фантастическим этот проект казался.

Попытаться сыграть на поле Стругацких, попытаться что-то добавить в их миры...

Пугало даже не то, что одним из условий проекта было окончательное одобрение или неодобрение рукописей проекта Борисом Натановичем Стругацким. Тут все было ясно. Достойные тексты получат «зеленый свет», недостойные — безжалостно отвергнут и решение это будет окончательным и бесповоротным.

Пугало то, что придется играть на чужом поле, придется жить в мире, ставшем благодаря прочитанным книгам твоим, но несмотря на это мире, в котором ты являешься не хозяином, а всего лишь гостем.

И все-таки — соблазн был велик. Я ему поддался. И проиграл. Нет, нет, судя по тому, что рассказ в сборнике появился, Борис Натанович его все же одобрил. Я говорю о другом: о том, что по моему мнению, ни одному из авторов первого сборника «Время учеников», и мне в том числе, переиграть мастеров не удалось. Что закономерно.

Впрочем, отказываться от этого рассказа я не собираюсь. Он является чем-то вроде напоминания о том, что время задирать нос еще не наступило, что надо еще учиться и учиться. И вот потом... может быть...

...И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ

Капитан Квотерблад неторопливо шел по краю зоны.

Под ногами у него шуршал кошачий мох. Здесь, на асфальте, он тоже рос, но почему-то быстро высыхал, становился ломким, а потом крошился в пыль. Как только пыль уносил ветер, асфальт тотчас же зарастал кошачьим мхом снова.

Капитан остановился и прислушался. Где-то в глубине зоны зародился звук, похожий на скрип старой, с насквозь проржавевшими петлями двери. И был он таким тоскливым, таким безнадежным, что Квотерблад вздрогнул и остановился, замер, словно превратившись в деревянного истукана, пережидая, когда же этот звук кончится. Он и в самом деле кончился, и на зону опять опустилась тишина. Капитан вытащил из кармана сигарету, покатал ее в пальцах и, вдруг вспомнив о том, зачем он здесь, выкинул.

Вот так-то. Нельзя.

Тяжело вздохнув, он прошел еще с десяток шагов, остановился и снова прислушался. В зоне было тихо. Квотербладу даже стало казаться, что тот скрип, который он только что слышал, на самом деле был всего лишь плодом его воображения, слуховой галлюцинацией.

— Врешь! — пробормотал капитан. — Врешь, меня не обманешь. Не выйдет.

Четко, как на плацу, он повернулся на каблуках и пошел к машине, которую оставил за самым последним, стоявшим почти вплотную к границе зоны, домом.

В машине горел свет. Еще в ней сидел сержант и, сжимая в руках автомат, глядел на приборный щиток. Глаза у него были отрешенные, словно он думал о чем-то постороннем, далеком.

Когда капитан открыл дверцу, сержант испуганно пискнул и попытался передернуть затвор автомата. Поскольку автомат стоял

на предохранителе, затвор не передергивался. Окончательно ошалев, сержант рванул предохранитель. В этот момент капитан и врезал кулаком по его пухлому, еще не знавшему бритвы лицу.

— Ты что, сдурел? — прошипел Квотерблад.

— О господи, — быстро забормотал сержант. — О господи. Я думал... А это вы... О господи... И звук тут... я такого еще не слышал.

— Много чего ты не слышал, — проворчал капитан, забираясь в машину. — Ты почему свет включил? Совсем от страху рехнулся?

— Так ведь звук. Так жутко мне стало. Я подумал, что с вами...

— Не дрейфь, — уже примирительным тоном сказал капитан. — От звуков здесь еще никто не умирал. Вот если свет, когда не нужно, в кабине включали, от этого — сколько угодно. Я же тебе говорил, что так ты виден всем и не видишь никого. А иначе как бы я к тебе подкрался?

Он выключил свет и прикурил сигарету.

Рядом шебуршился и вроде бы даже едва слышно всхлипывал сержант.

А Квотерблад, откинув голову на спинку сиденья, думал о том, что ошибиться он не мог. Охотничье чутье не подводило его еще ни разу. Сталкер в зоне, и возвращаться будет именно здесь, в этом месте. Только попозже, ближе к рассвету. А пока можно покурить, пока еще рано.

— Я рапорт на вас напишу, когда вернемся... — наконец пробормотал сержант.

— Что? — переспросил капитан.

— Рапорт, говорю, подам, — уже громче сказал тот.

— А-а-а, ну это сколько угодно... Только не забудь, это ты сделаешь, когда мы вернемся. И укажи, что мои действия были вызваны твоей же халатностью, которая неминуемо должна была привести к срыву всей операции. И также, учти, на ближайшие полгода ты у меня будешь бледным, очень бледным. Понял? Кстати, сколько тебе осталось до возвращения домой? Год? Мило. Это здорово. Это просто прекрасно... просто прекрасно...

Капитан вылез из машины, кинул на землю окурок и тщательно его затоптал.

На секунду ему показалось, что он очутился на другой планете, в чужом, враждебном мире. А разве не так? Да и чем иным является эта зона, как не украденным неизвестно кем и неизвестно с какими целями кусочком территории Земли? Не надо снаряжать звездные экспедиции, строить могучие фотонные корабли. Чужой мир здесь, под боком, в двух шагах. Бери, исследуй, делай выводы. Раздолье.

Ученым. А нам как? Каково этому парнишке, который сидит рядом с ним и сжимает в потных ладонях автомат, готовый стрелять во все, что движется, во все, что покажется хоть мало-мальски опасным? Каково тому же сталкеру, который лезет в эту зону как проклятый, чтобы вытащить из нее какую-нибудь вещь, назначения которой он не понимает, которая либо облагодетельствует, либо уничтожит этот мир? Каково ему, капитану Квотербладу, вместо того чтобы дома смотреть телевизор или завалиться к Михаэле, торчать здесь, в засаде, только для того, чтобы подстрелить этого сталкера, который в силу своей ограниченности даже и не понимает, что делает, который и думать-то не может ни о чем, кроме денег. И чем этот сталкер, как человек, отличается от него, Квотерблада? Да почти ничем. Вот разве что только капитан имеет право стрелять в него из автомата. И если убьет, то никакого наказания за это не последует.

Потому что он всего лишь выполнит свой долг.

Капитан сунулся в машину, вытащил из зажима над ветровым стеклом короткий, со складывающимся прикладом десантный автомат и закинул его на плечо.

— Сиди здесь, — коротко бросил он сержанту, осторожно прикрыл дверцу и бесшумно двинулся от машины прочь.

Устроившись за упавшим набок фанерным, насквозь прогнившим ларьком, он осторожно высунул из-за него голову и стал ждать.

Почему-то вспомнился тот толстый, какой-то весь расслабленный, похожий на большую резиновую игрушку джентльмен, побывавший у него дома в прошлый понедельник. Приехал он не один, привез его Клаузен, которого пару лет назад отправили в отставку. Какая-то там была история, то ли с деньгами, то ли с молоденькой, несовершеннолетней дурочкой. Короче, Клаузена чудом не посадили. Потом болтали, что в деле был замешан кто-то из высшего командования и Клаузен вышел сухим из воды только благодаря этому.

Приехали они к Квотербладу уже вечером. Клаузен был уже порядочно навеселе, а вот джентльмен, тот был трезв как стеклышко. Квотерблад хотел было их выгнать сразу, а потом передумал, решил узнать, что это им от него надо. Уж больно важен был этот джентльмен, да и запонки у него стоили никак не меньше, чем жалованье Квотерблада лет за двадцать.

Он провел их в гостиную, сунул им по стаканчику и стал ждать, чем все это кончится.

Они не спешили. Джентльмен помалкивал, все оглядывался, и на лице у него временами явственно читалось презрение к убогой,

облезлой гостиной, старому продавленному дивану, на который их усадили, и мерзкому, по его понятиям, виски, которое ему налили. Вот только уходить он не собирался, все чего-то ждал. А Клаузен заливался прямо соловьем. Он болтал о чем угодно: о бывших сослуживцах, знакомых, о погоде, о скачках в Сиднее... Он был какой-то неестественный, даже учитывая опьянение, и то и дело зачем-то самым дурацким образом подмигивал.

Наконец терпение у Квотерблада лопнуло, и он довольно сухо осведомился, чем, собственно, вызван такой неожиданный визит.

Вот тут и началось.

Оказалось, что Клаузен не так уж и пьян. Он бросил на джентльмена трусливый взгляд и, зачем-то понизив голос, словно их могли подслушать, заговорил:

— Дело есть. Вот этот мистер...

Джентльмен обеспокоенно заерзал по дивану, и Клаузен осекся. По лицу его пробежала судорога, глаза стали словно у побитой собаки. Судорожно сглотнув, он продолжил:

— Итак, этот джентльмен — а я тебе скажу, что он один из самых известных в мире охотников на крупную дичь, — прослышал, что ты тоже являешься в некотором роде охотником. Он бы хотел с тобой познакомиться.

— Охотником? — удивился Квотерблад. — Как это?

— Ну, все же знают о твоих одиночных охотах на сталкеров.

— Ах вот как?

— Да, именно так, — неожиданно твердым и спокойным голосом сказал Клаузен и снова зачем-то подмигнул.

— А дальше что? — все еще не понимая, куда он клонит, спросил капитан.

— Ну разве не понятно? Он охотник, и ты охотник. Причем тебе повезло больше, поскольку ты охотишься на необычную, повторяю, очень необычную дичь. Мы знаем, что по инструкции ты обязан брать с собой еще одного человека. Обычно это бывает какой-нибудь сопляк — сержант, а то и рядовой. Его ты оставляешь в машине, а сам охотишься в одиночку. Но ты ведь можешь взять с собой на эту охоту и кого-нибудь другого. Согласен, такое... сафари... сопряжено с большими неудобствами, но зато на нем можно и неплохо заработать. Кстати сказать, за это будет заплачена огромная, я бы даже сказал, сказочная сумма. Подумай, тебе скоро на пенсию. А велика ли она будет?

Тут он их и выпроводил. Клаузен еще пытался ему что-то доказывать, снова сулил деньги, заклинал старой дружбой, говорил, что погряз в долгах и для него организация этой охоты вопрос жизни и

смерти. Под конец в разговор включился даже и сам джентльмен. Голос у него, как ни странно, оказался тонким, с какими-то повизгивающими интонациями. Он сказал, что польщен знакомством с таким великим охотником за людьми, как капитан, что жаждет перенять у него хотя бы крупицу опыта, что согласен заплатить за этот опыт просто гигантскую сумму.

И вот тут капитан осатанел. Все, что говорил или делал в последующие пять минут, он запомнил плохо. Почему-то в памяти остались лишь плачущий навзрыд Клаузен и все такой же невозмутимый джентльмен, который, надевая свое роскошное пальто, никак не мог попасть в рукава, да то, как он закрывает за ними дверь и потом плетется обратно в гостиную.

Тем вечером он напился, сильно напился, пошел в «боржч», но по дороге все же передумал, направился к Михаэле и устроил у нее жуткий, с битьем посуды скандал.

Капитан поежился.

Там, впереди, в зоне, все словно бы замерло, не было ни малейшего движения. И капитану показалось, что он видит мастерски написанный холст, что, попытавшись сделать шаг вперед, упрется в этот холст носом и тогда наваждение спадет, мир изменится, станет иным и он сам уже будет не капитаном Квотербладом, а кем-то другим, ничуть на него не похожим.

А потом на этом холсте шевельнулась какая-то точка, какой-то бугорок, и капитан забыл обо всем. Не чем иным, кроме как возвращавшимся с хабаром сталкером, эта точка быть не могла.

Квотербладзатаился. Теперь ему оставалось только ждать и ждать, чтобы в нужный момент... ох уж этот нужный момент!

И тут он услышал шорох, который доносился с противоположной стороны, и, оглянувшись, проклял все на свете. Это был сержант. Совершенно не скрываясь, он ломился к его будке, так, словно прогуливался по бульвару какого-нибудь курортного городка. Остановить его не было никакой возможности, поскольку крик или свист могли бы испортить все дело окончательно.

Капитан скрипнул зубами и стал ждать, пока этот сосунок не подойдет, уповая лишь на то, что тот сделает это быстрее, чем сталкер его заметит.

Наконец сержант оказался рядом с ним, за будкой, и тогда, дав себе клятву взыскать с него за все, капитан прошептал:

— Сиди и не рыпайся. Не дай бог, пошевелишь хоть мизинцем. Какого черта приперся?

— Да это, я подумал, вдруг вам помощь нужна...

— Помощь? Я тебе покажу помощь. Ишь, какой помощник выискался, — прошипел капитан и вдруг с удивлением понял, что уже ничуть не сердится на сержанта, может быть, оттого, что представил, как тому было страшно сидеть в машине, одному, окруженному со всех сторон темнотой, неизвестностью.

Ладно, бог с ним, с этим сержантом.

Он выглянул из-за будки и буквально метрах в двадцати от себя увидел темную фигуру, которая шла наискосок, направляясь к соседним домам. И тут уж медлить было нельзя.

Нажимая на курок, он почему-то снова вспомнил того резинового джентльмена. «Охотник!» Да, именно охотник. Ну и что?

Очередь распорола ночную тишину. Сверкающий пунктир трассеров прошил темную фигуру. А та, даже и не пошатнувшись, продолжала двигаться вперед. Капитан выпустил вторую очередь, которая тоже не принесла продвигавшемуся к домам человеку ни малейшего вреда.

Начиная уже догадываться, кто — вернее, что — перед ним, Квотерблад бросился к этой фигуре и чуть не попал под очередь, которую выпустил сержант.

Пули просвистели у самого его лица.

— Застрелю! — вне себя от ярости крикнул он торчавшей над будкой голове в каске. Та испуганно ойкнула и исчезла, спряталась. А у капитана уже не было времени даже дать оплеуху нерадивому сержанту. Он бросился к все еще двигавшейся фигуре, осветил ее фонариком и выругался.

Ну конечно, это был мертвец.

А стало быть, и конец охоты. На сегодня. Капитан хорошо знал, что сталкера здесь ждать уже бесполезно. Конечно, вполне возможно, он где-то рядом, может быть, лежит метрах в ста, за кочкой, но не встанет, будет ждать, пока они уедут, пролежит еще хоть сутки. Они, сволочи, терпеливые!

Надо было ехать домой. Капитан подумал, что сегодня обязательно завернет на огонек к Михаэле. И в этот раз скандалить он не будет. Нет, сегодня все у них будет как надо, тихо и мирно. А сержанту он еще покажет кузькину мать.

Квотерблад пошел обратно к будке и, когда до нее осталась всего лишь пара шагов, вдруг понял, что где-то в глубине души рад неудачной охоте. Это его поразило, поскольку никогда до этого он ничего подобного не испытывал. Капитан даже остановился, попытался понять, что же все-таки произошло, и, глядя на снова высунувшуюся из-за будки голову сержанта, вдруг понял, что причиной этому был тот джентльмен — охотник. Да,

именно он. И его предложение. Надо же, сафари на людей. Охота... Развлечение...

Сержант вдруг замахал руками и крикнул:

— Вот он! Смотрите!

Капитан машинально оглянулся и увидел, увидел его — сталкера. Тот бежал тяжело, не оглядываясь, тем же маршрутом, что и мертвец. До ближайшего дома, в котором можно было спрятаться, ему оставалось не больше десяти метров. Разворачиваясь, Квотерблад поразился красотой и безрассудством его замысла. Если бы сержант не выглянул, сталкер ушел бы, проскользнул под самым носом.

Время словно растянулось, замедлилось. Все еще разворачиваясь и срывая с плеча автомат, капитан увидел ясно, как на фотографии, лицо того джентльмена — охотника. У него в голове успела даже мелькнуть строчка непонятно откуда ему известного стихотворения: «И охотник вернулся с холмов...» А потом он полоснул из автомата, полоснул из неудобного положения, не целясь, и почти уже добежавшая до угла фигура сломалась и, мучительно застонав, рухнула на землю.

— Здорово вы его! — радостно крикнул сержант.

Но капитан его не слышал. Он шел к сталкеру, неторопливо, настороженно, готовый в любую секунду стрелять. Бывало, некоторые, особенно новички, брали с собой в зону оружие. Оружия у сталкера не было. И он был еще жив. Капитан это понял, остановившись от него в полуметре, когда сталкер застонал и медленно, не замечая капитана, словно так и не осознав, что же с ним произошло, пополз к дому, не отпуская, таща за собой по кошачьей траве мешок с хабаром.

Сталкера надо было добить. И никто бы капитана за это не осудил, никто бы не сказал даже слова, поскольку здесь, на границе зоны, сталкеры были вне закона настолько, насколько это вообще возможно. Кроме того, раньше в подобных случаях он добивал их всегда. Таково было его правило.

Но только не сейчас.

«Да, я не сделаю этого, — сказал себе капитан. — Не сделаю этого, потому что я не охотник, потому что я просто выполняю свой долг, а он не дичь, он человек».

А руки его уже поднимали автомат, бесконечно медленно, казалось, целое столетие, но все же поднимали. Сталкер оглянулся, и капитан увидел его перемазанное грязью, искаженное гримасой животного, смертного ужаса лицо.

«Нет, ты этого не сделаешь!» — снова сказал себе капитан и ужаснулся, вдруг осознав, что руки вышли у него из повиновения, делают нечто свое, нужное только им, рукам.

— Нет! — все еще пытаясь восстановить над ними контроль, отчаянно крикнул капитан.

Прогрохотала очередь, и сталкер ткнулся лицом в кошачью траву...

Сержант вызвал по рации спецгруппу. На запыленном джипе приехали три офицера, те самые, которые и должны были заниматься подобными делами. Они составили протокол, осмотрели труп и забрали мешок с хабаром, чтобы передать его в институт. Они опросили сержанта и попытались задавать капитану какие-то вопросы, но тот их не слушал. Он стоял метрах в пяти от того места, где пристрелил сталкера, и смотрел на зону.

На рассвете спецгруппа уехала, а капитан все стоял, безучастно разглядывая дома, провода которых обросли каким-то мочалом, грузовики, вагонетки вдалеке. Автомат из рук он так и не выпустил. Сержант пару раз попробовал было его увести, но капитан лишь молча его отталкивал и смотрел, смотрел.

А потом что-то в нем отпустило, он отдал автомат сержанту, сел на траву и закурил.

Свежий утренний ветерок относил в сторону дым его сигареты. А капитан думал о том, что в сталкера стрелял не он, а сама зона. Это могла быть только она, больше некому. Все правильно, все логично. Она защищала себя, она была пустышками и комариными плешами, она была всеми теми вещами, которые выносили из нее ученые и сталкеры. Она была. И она боролась, она хотела остаться собой, она не хотела исчезнуть, рассеяться по огромному земному шару. А он, капитан, был возле нее слишком долго. И зона его переделала, как переделывала тех же сталкеров, как переделывала их детей. Только его, капитана Квотерблада, она переделала по-особенному, превратив в своего слугу, своего охранника. И это было окончательно, спасения от этого не было.

Капитан Квотерблад встал, закинул автомат на плечо и пошел к машине. Сержант сел за руль, капитан устроился рядом, и они поехали прочь, прочь от зоны. Надо было составить рапорт.

— А здорово вы его! — крикнул сержант.

Вместо ответа капитан что-то пробормотал, и, не расслышав, сержант переспросил:

— Что?

— Ничего, — сказал Квотерблад. Разговаривать с сержантом ему не хотелось, поскольку ему только что пришло в голову третье объяснение.

А что, если все гораздо проще и зона тут совсем ни при чем? Что, если он и в самом деле превратился в охотника, которому просто нравится охотится на редкую дичь — человека? Что, если он стал таким же, как этот резиновый джентльмен? И нечего пудрить мозги долгом, а также влиянием зоны.

Эта мысль не вызвала у него ни страха, ни ужаса, она была гораздо проще и желаннее, чем все, о чем он думал последний час. И что-то в ней было еще, словно бы обещание некоего забытья, некоего наслаждения.

— Да, все именно так, все именно так, — пробормотал капитан. — И нечего забивать мозги, нечего...

— Что вы сказали? — снова переспросил сержант. — Вы что-то сказали?

— Да так, — пробормотал капитан Квотерблад, а потом не удержался и добавил: — «И охотник вернулся с холмов...» Охотник?..

Джинн

Предисловие

Был 1999 год.

Я жил в мире «магов». Кроме того, у меня появился новый герой — Ессутил Квак, вовсю доказывавший свое право на существование в кибер-мире. Книга о нем раскупалась и читатели требовали продолжений. Еще интерес к нему подпитывался несколькими кликушами, вовсю бесновавшимися в интернете и фидо, вопившими, что я, написав «Охоту на Квака», посягнул на что-то для них святое, и они мне этого никогда не простят. В общем, я, похоже, какой-то «священной корове» своим романом копыто все же отдавил. Слишком уж яростно кликуши плевались и говорили гадости. Впрочем, меня это мало трогало. Я просто писал роман за романом, поскольку, кроме «магов» и «Квака», срочного продолжения требовали истории Даниила-Еретика и Центуриона инопланетного района.

И тут меня пригласили в редакцию журнала «Если», и его главный редактор Александр Шелганов осторожно спросил, не хотел бы я написать для них либо большой рассказ, либо небольшую повесть.

Вопрос был задан вовремя, и сидя перед Шелгановым, я вдруг понял, что уже лет пять не писал коротких вещей, с головой окунувшись в романы, да еще и сериального типа.

Времени не было совсем, и очень не хотелось отвлекаться. Однако я все же сел и за неделю написал «Претендента». С этого и началось мое сотрудничество с журналом «Если». Оно продолжается, и большая часть рассказов из этого раздела были написаны именно для «Если». Сотрудничество это нелегкое, потому что следующие рассказы потребовали от меня большего времени. И конечно, каждый раз для их написания мне приходится откладывать в сторону очередную книгу. Но я об этом не жалею, поскольку редактором Шелганов оказался строгим, но справедливым и очень умным. Работать с ним просто приятно. Надеюсь, наше сотрудничество продолжится.

Кроме того, как мне кажется, одним из плодов этого сотрудничества явилось то, что мне стали предлагать участие в сборниках. Так я попал в «Фантастику 2002», за что спасибо редакции издательства АСТ, в составлявшийся замечательным, добрейшей души человеком Александром Щербаком-Жуковым сборник «5-я стена» и в проект очень умного и честного Андрея Синицына «Человек человеку — кот». Надеюсь, подобные предложения будут повторяться.

Еще одним из следствий этого сотрудничества стало то, что я, вернувшись в мир короткой формы, более его покидать не собираюсь. Нет, я не прекращу писать романы. Думаю, читатели мне этого не простят, поскольку им интересно, чем закончатся приключения Крысиного короля, Лисандры и Хантера, Еретика и Ессутила Квака, Центуриона и героев «Условий выживания». Но я все же даю слово время от времени откладывать в сторону очередную крупную вещь и снова возвращаться в миры, живущие в моих рассказах. А белый крокодил выглядывает из монитора и дает обещание, в том случае если я свое слово нарушу, выбраться наружу и хорошенько укусить меня за ногу.

ПОСРЕДНИК

1

Фортунат еще раз взглянул на Грызю и тяжело вздохнул. Гигантская плотоядная летучая мышь забилась в дальний угол пыльной комнаты и, судорожно сжимая в лапках сухую корку, которая должна была составить его ужин, злобно щерила острые зубы. Зубов этих, кстати, было много. Значит, сегодня ему придется поститься. А завтра... Вполне возможно — завтра тоже. И послезавтра... Если только он не заработает хоть немного денег. Правда, вероятность этого крайне ничтожна.

Стало быть...

Маг сделал шаг в сторону Грызи.

Та противно зашипела и попыталась прикрыть корку телом.

Фортунат еще раз вздохнул.

А ведь всего-то полгода назад эта неблагодарная летучая тварь питалась исключительно свежей телячьей печенкой. И кстати, исправно ее получала, поскольку своим видом неизменно вызывала у клиентов не очень приятные чувства и таким образом способствовала их сговорчивости, когда речь заходила о плате за проделанную работу. Теперь же она будила не совсем приятные чувства только у своего хозяина, поскольку последний клиент посетил его жилище как раз полгода назад. И надежда на то, что он появится в ближайшее время, была так же мала, как и совесть ростовщика.

Решив, что голыми руками наглую похитительницу драгоценной корки взять будет трудно, Фортунат поспешно оглядел комнату. Взгляд его остановился на магическом посохе.

Вооружившись, злой маг снова шагнул к Грызе. Та истошно завизжала.

Мстительно усмехнувшись, Фортунат замахнулся посохом.

Ну, сейчас эта воровка получит...

— Развлекаешься?

Маг резко повернулся на голос.

В дверях стоял среднего роста, лысоватый человек, в бархатном кафтане, с проницательным и слегка усталым лицом.

— Ты кто? — рявкнул Фортунат.

— Посредник.

— Кто-кто?

— Посредник. Нахожу клиентов. Конечно, не бесплатно, а за определенный процент от гонорара.

— Гм, — сказал маг.

— Нет, если у тебя с ними все в порядке, то я тут зря теряю время.

— Ну... — сказал маг. — Я бы не назвал свое положение просто великолепным. Однако...

Немного помолчав, он сказал:

— Ладно. Проходи, садись за стол.

Они сели за большой, каменный стол, на котором, как и положено, лежала целая куча непонятных, зловещего вида предметов, а также несколько внушительного размера инкунабул.

— Ты — все знаешь, не так ли? — с ходу взял быка за рога Фортунат. — Я угадал?

Посредник пожал плечами.

— Ну конечно. А иначе зачем бы я сюда пришел?

— В таком случае, ты понимаешь, что в этом мире найти для меня клиента почти невозможно? Впрочем, так же как и для всех остальных темных магов.

— Я попробую, — сказал посредник. — За десять процентов от твоей платы. Согласен?

Фортунат задумался.

Собственно, а чем он рискует? Десять процентов от пустого места — не такая уж большая потеря. С другой стороны, если посреднику каким-то чудом удастся найти клиента, то за такой подвиг можно и поделиться деньгами.

А виной всему был пресловутый указ Ангро-майнью. Великий маг, владелец двадцати пяти миров, однажды сильно озаботился тем, что в одном из принадлежащих ему миров живет слишком много темных магов. Более того, они не просто там живут, но еще и вполне преуспевают, а значит, и совершенствуются в своем ремесле. Рассудив, что если так будет продолжаться, то рано или поздно ему придется иметь дело с достаточно сильным претендентом на свое место,

а скорее всего и не с одним, Англо-майнью решил, что настала пора принять кое-какие меры.

Просто убить их он не мог, поскольку при этом должен был нарушить законы, которые сам же и установил. Англо-майнью был достаточно мудр, чтобы этого не понимать. Властитель, нарушающий собственные законы, обязательно кончит очень плохо.

Вызвать самых сильных темных магов на бой и одолеть их на законных основаниях? Нет. Бросать вызов первому, великому повелителю было не к лицу, да к тому же Англо-майнью прекрасно понимал, что ни один из темных магов до поры до времени его вызов не примет.

Где же выход?

Великий маг нашел его. Он издал указ. Согласно этому указу, на территории принадлежащих Англо-майнью миров запрещалось применять магию, приносящую вред другим людям, а также существам, приравниваемым к людям, за исключением тех случаев, когда это требовалось сделать в целях самообороны или во время поединков между магами.

Доходы черных магов этот указ срезал словно нож опытного хирурга некую часть тела, мешающую вступлению в должность надзирателя ханского гарема. Если точнее — они моментально исчезли, поскольку темные маги как раз и специализировались на причинении определенным людям разной степени серьезности неприятностей. За деньги тех, кому это было выгодно.

Белые маги тоже пострадали, поскольку теперь не могли вышибать из клиентов деньгу за охрану их от козней черных магов. Впрочем, они могли еще хоть как-то переждать суровые времена, занимаясь лечением людей, и их скота, а также варкой различных приворотных зелий, благо в указе не было достаточно четко оговорено, что последние относятся к разделу магии, вредящей роду людскому.

Белые маги прекрасно знали, что ничего вечного на свете не бывает. Значит, рано или поздно Англо-майнью отменит свой указ. Или что-то случится с самим великим магом, и тот, кто займет его место, исправит ошибку своего предшественника. Кроме того, они понимали, что указ этот ударил по ним лишь рикошетом, поскольку, в силу своих принципов, ни один из них не собирался владеть чем-то большим, чем уютная башня, заваленная стопками магических книг и различными снадобьями. Таким образом, единственное, что от них в данной ситуации требовалось, это ждать, когда наступят более благоприятные времена.

Темные маги тоже все поняли правильно и, проанализировав положение, пришли к выводу, что у них, собственно говоря, есть три

возможности. Вообще-то их было четыре, но поскольку четвертая состояла в том, чтобы просто умереть с голода, никто ее всерьез не рассматривал.

Итак, во-первых: черные маги могли просто проигнорировать пресловутый указ. Однако они прекрасно понимали, что дэвы — слуги Ангро-майнью, снабженные свежеизготовленными великим магом амулетами, с их помощью тотчас засекут любое активизированное заклинание, направленное против какого-либо человека. Дэвы не ведали страха, а также отличались гигантской силой, свирепым нравом и такой тупостью, что воспринимали любой приказ своего господина как руководство к немедленному действию. Кроме того, их еще было очень-очень много. Глупец, рискнувший оказать сопротивление одному дэву, в конечном итоге вынужден был сражаться с целым войском и неизбежно погибал.

Таким образом, первая возможность прельстила немногих. Но такие все-таки нашлись. То, что с ними впоследствии случилось, позволило остальным признать первую возможность в теории осуществимой, но лишь только в теории, а не на практике.

Во-вторых: кто-то из наиболее сильных темных магов мог вызвать Ангро-майнью на поединок, победить его и, став великим магом, создать благоприятные условия для деятельности остальной братии.

Желающих претворить данную возможность в жизнь не нашлось. Этому немало способствовали упорно циркулирующие слухи о том, как лихо Ангро-майнью расправляется с претендентами, рискнувшими вызвать его на поединок, а также о расположенном неподалеку от дворца великого мага драконнике, обитатели которого были большими любителями свежего мяса.

Оставалась только третья возможность. Как можно скорее собрать вещички и, не тратя время даром, переехать в другие миры, находящиеся под властью великих магов, не так сильно озабоченных проблемой претендентов на свое место.

Большая часть темных магов так и поступила. За исключением лишь некоторых, у которых просто не хватало денег, для того чтобы добраться до границ владений Ангро-майнью. Им ничего не оставалось как отсиживаться в своих башнях и надеяться на чудо. К этим несчастным Фортунат и принадлежал.

— Ну так как? — спросил посредник. — Заключим соглашение?

Фортунат хмыкнул.

Все-таки каким бы он был магом, если бы заключал соглашения, толком не узнав, с кем имеет дело? И пусть даже от этого зависит его жизнь, но порядок есть порядок.

— А сам-то ты раньше посредником работал?

— Да.

— У магов?

— Нет, на бирже торговцев спелыми пьянь-плодами.

— Это такие с дырочкой посредине и двумя синими хвостиками? — уточнил маг. — Применяются для производства королевского пива?

— Они самые.

— И что случилось?

— Ничего, — пожал плечами посредник. — Просто сезон спелых пьянь-плодов длится пять лет. Потом в течение пяти лет они поспевают. Вчера пришла последняя партия.

— Н-да... — разочарованно сказал Фортунат.

Получалось, его гость ничего не понимал ни в магии, ни в магах.

— А какая разница? — спросил собеседник. — Пусть я ничего не знаю о магии, зато понимаю в посредничестве. Кстати, если уж разговор зашел о том, чего я не понимаю, то ответь мне, зачем вам, магам, нужны деньги?

— В каком смысле?

— Зачем они, например, тебе? Кто мешает тебе наколдовать себе все, что душе угодно, начиная от свежих булочек к чаю и заканчивая сундуком с бриллиантами?

Фортунат улыбнулся.

Этот посредник не глуп. Умеет заговаривать зубы, а также задавать вопросы, на которые не так просто ответить. По крайней мере хоть два умения за ним числятся. Возможно, со временем обнаружатся еще и другие.

— Ну так как? — спросил посредник.

— Все очень просто, — сказал маг. — Активизация каждого заклинания требует от любого мага энергетических затрат и довольно больших. Если я, например, надумаю сейчас создать себе свежую булочку, то потрачу на это гораздо больше энергии, чем получу, съев ее. Попросту больше потеряю, чем приобрету. Надумай я питаться наколдованными булочками, то это только бы ускорило мою смерть от голода. Так же и в отношении других предметов. Соответственно, создание золотой монеты потребует от меня больше энергии, чем я получу от купленной на нее еды. Ну и так далее... Понимаешь?

— Ага, — промолвил посредник. — Таким образом, маги пользуются заклинаниями лишь тогда, когда могут их продать с большой выгодой. Проще говоря, ты можешь наколдовать булочку лишь при условии, что найдется кто-то, кто купит именно эту булочку по цене сотни обыкновенных.

— Вот именно, — сказал Фортунат. — Вот именно. Правда, с годами, проведенными в упражнениях, у любого мага уходит на производство заклинаний все меньше и меньше энергии. Рано или поздно он как бы пересекает барьер, после которого тратит энергии на производство заклинаний так мало, что производство утренних булочек к собственному столу становится выгодным.

— А ты, стало быть, этот барьер еще не пересек?

— Нет. Иначе зачем бы я нуждался в клиентах?

— Понятно. А позволь спросить, какого уровня должен достигнуть маг, для того чтобы пересечь этот барьер?

— Как правило, для этого он должен стать равным по силе великому магу.

— Другими словами, — подытожил посредник, — торговля услугами мага чем-то сродни торговле картинами. Производство их требует от художника лишь холста, некоторого количества краски и вдохновения. Знатоки же платят за них столько, что, продав картину, художник может на вырученные за нее деньги прожить время, достаточное для написания еще десятка картин.

— Не совсем так, — сказал Фортунат. — Ты забыл, что собираешься стать посредником у темного мага, у того, кто владеет магией тьмы. Мое искусство было бы уместнее сравнить с искусством профессионального убийцы. Оно тоже требует некоторой подготовки, умения нанести точный удар и всего нескольких минут действия. А оплачивается так, что убийца потом может ждать следующего заказа месяцами.

— Ах, так... — промолвил посредник.

— Именно так. Причем тебе придется еще придумать, как обойти пресловутый указ Ангро-майнью.

— А белые маги... — заикнулся было посредник.

— Ты думаешь, какому-то белому магу нужен посредник? — спросил Фортунат.

— Н-да, — почесал лысину посредник. — Все понятно.

— Ну, так как, ты все еще хочешь стать моим посредником? — спросил темный маг.

— Я попробую.

— Что ж, попробуй, — развел руками Фортунат. — Посмотрим, что выйдет.

— Посмотрим.

После того как посредник ушел, темный маг некоторое время смотрел задумчиво на дверь, в которую тот вышел. Наконец, очнувшись, он встряхнул головой, словно бы стараясь прогнать возникшую было у него надежду, и взглянул туда, где расположилась Грызя.

Гигантская плотоядная летучая мышь, к этому времени уже вполне благополучно расправившись с коркой хлеба, занималась тем, что вылизывала шерстку у себя на плече. В тот момент, когда Фортунат посмотрел в ее сторону, она прервала это занятие и показала ему язык.

2

— И все-таки... — проворчал Фортунат.

— В чем дело? — спросил посредник. — Тебе был позарез необходим клиент. Я нашел его, причем всего за полдня.

— Вот именно — нашел, — мрачно сказал маг. — За полдня. Только учти, я нуждался не во всяком клиенте.

— А я и нашел тебе не всякого.

— Да?

— Конечно. Достаточно уважаемый человек. Богатый. Не задающий лишних вопросов.

— А указ Ангро-майнью?

— И с указом все в порядке. Клиента совершенно не интересует, каким именно образом ты выполнишь его задание.

— Ну, еще бы... Очень удобно... Раз не знает, то значит, и не отвечает за мои действия ни в каком случае.

— А еще он сразу же заплатил тебе аванс. Причем немаленький. Мне кажется, тебе были необходимы деньги. Или я ошибаюсь?

Фортунат еще раз взглянул на увесистый кошелек, который сжимал в руке.

Да, вот это опровергнуть трудно. Деньги...

Он не удержался и мысленно стал прикидывать, как добраться до ближайшей харчевни. Получалось, если он поторопится, то сможет вонзить зубы в свежий бифштекс не позже чем через пять минут.

Тотчас вслед за этим его желудок стал издавать какие-то звуки. Судя по всему, в нем началось извержение небольшого вулкана.

— Ну, если ты так недоволен, — сказал посредник, — то можешь вернуться. Думаю, для того чтобы расторгнуть этот договор, будет достаточно всего лишь вернуть полученный аванс. Прямо сейчас.

Желудок мага издал звук, который иначе как протестующим назвать было бы трудно.

— Но почему именно этот клиент? — гнул свое Фортунат. — Почему именно такое задание?

— Потому, — отчеканил посредник, — что за последние пять лет я наработал знакомства именно в этой области. Один мой знакомый перекупщик пьянь-плодов посоветовал мне обратиться к другому перекупщику, тот договорился с кем надо... В конечном итоге ты получил то, о чем мечтал целых полгода. Поиски клиента в других кругах потребовали бы большего времени. Ну как, возвращаемся и отказываемся от этого контракта?

Фортунат вздохнул.

Положительно, в данный момент, против него ополчилось его собственное тело. И не только желудок. Откуда-то он совершенно точно знал, что если он сейчас все же надумает расторгнуть договор, его правая рука ни за что не вернет клиенту кошелек с деньгами. Ни за что.

— Э? — спросил посредник.

Фортунат окончательно сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Договор есть договор. Отправляемся на поле. Но прежде давай-ка зайдем в какую-нибудь ближайшую харчевню и хорошенько перекусим.

Эти слова телу Фортуната явно понравились. Желудок издал одобрительное ворчание, а правая рука даже чуть-чуть ослабила пальцы. Настолько, что маг после нескольких секунд отчаянной борьбы даже сумел сунуть кошелек в карман.

— Хорошо, давай перекусим, — согласился посредник. — Заключенный договор не обязывает тебя сломя голову мчаться на это проклятое поле. Однако слишком пренебрегать его выполнением тоже не стоит. Не так ли?

— Так, — неохотно признал Фортунат, устремляясь в сторону ближайшей харчевни.

Шагов через десять посредник мягко сказал:

— Кстати, как ты думаешь, не настал ли момент отсчитать мне положенные десять процентов от твоего аванса?

3

Огромные ворота со скрипом захлопнулись за их спинами. Фортунат сделал еще два шага, остановился и стал осматривать открывшуюся панораму. Особым разнообразием она не радовала. Начиная от стены и до самого горизонта тянулись ровные ряды ярко-зеленых кругляшей пьянь-плодов. Впрочем, возле самых ворот стоял еще и

домик сторожа, но поскольку он был выкрашен в тот же изумрудный цвет, то почти сливался с окружающим пейзажем.

— Неплохо, — сказал посредник. — Очень даже неплохо.

Кажется, он даже верил в свои слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Фортунат.

— Стена, — пояснил посредник. — Все это огромное поле окружено стеной и, значит, праздных взглядов можно не опасаться. Понимаешь, что я имею в виду?

— Еще бы, — сказал Фортунат. — Только зря ты на это надеешься. Поверь, будь возможность как-то обойти указ Ангро-майнью, за эти полгода была бы найдена. Дэвы...

— А если именно сейчас...

Вместо ответа маг ткнул пальцем в сторону домика сторожа.

Как раз в этот момент из него вышел дэв и неторопливо направился к ним. Здоровенный, мускулистый дэв, в стальных латах, с огромной, усеянной острыми шипами дубинкой в лапах.

— Теперь понимаешь? — поинтересовался маг.

— Понимаю, — сказал посредник. — Впрочем, ничего страшного пока еще не произошло. Как ты помнишь, у нас был небольшой план. Настало время претворить его в жизнь.

Фортунат вздохнул.

Где-то в глубине души не верил он в осуществление этого плана. Впрочем, попытаться претворить в жизнь полубезумный план гораздо лучше, чем просто сидеть в своей башне и умирать с голода.

Остановившись перед ними, дэв внимательно осмотрел Фортуната и изрек:

— Так я и думал. Маг темных сил.

— И что дальше? — буркнул Фортунат.

— Ничего, — сказал дэв. — Я просто решил, что хозяин этой плантации пьянь-плодов для спасения от постигшей ее напасти наймет именно темного мага. И не ошибся. Кстати, я подумал, что устраивать слежку за несколькими оставшимися в нашем мире темными магами не имеет смысла. Гораздо проще подождать прямо на месте. Тем более что общение с природой, говорят, полезно воздействует на здоровье. А запах? Просто прелесть.

Запах действительно был. Сильный, можно даже сказать могучий. Фортунату он почему-то напомнил запах сыра, производимого в соседнем мире, кажется, из молока драконихи, перегнивших личинок каких-то местных жуков и десятка пахучих трав. Ничего прелестного в этом запахе он не находил. Хотя дэв, конечно, имел полное право считать его божественным.

— Нам что-то вменяется в вину? — вкрадчиво спросил посредник.

— Нет, — сказал дэв. — Пока — нет.

— А где сторож?

— Как только появилось это чудо-юдо, он попытался исполнить свой долг. В результате его домик теперь пустует. Я же имею право занимать любое помещение, необходимое мне для эффективного исполнения своих обязанностей. В самом деле, не мог же я ждать вас на улице? А если бы пошел дождь?

— Кстати, насчет исполнения обязанностей... — коварно улыбнулся посредник. — Не входит ли в твои обязанности следить за порядком?

— Ну да.

— А между тем существо, захватившее часть поля пьянь-плодов, является самым настоящим нарушителем порядка. Не должен ли любой страж порядка, узнав о подобном нарушении права частной собственности, попытаться схватить нарушителя?

— Ни в коем случае. Мне так и не удалось установить, кем является это существо. Инструкции гласят, что в подобных случаях, если нет непосредственной угрозы жизни жителям, страж порядка не должен предпринимать никаких действий в отношении неизвестного субъекта.

— Нет непосредственной угрозы? — спросил посредник. — А сторож? И наверняка были еще те, кого нанимал владелец плантации...

— Были, — сказал дэв. — Я честно выполнил свой долг, предупредив их. Они меня не послушали. Ну, подумайте сами... Вот, к примеру, представьте, что в каком-то глухом месте поселился дикий дракон. Сидит себе в пещере и никого не трогает. Однако к нему один за другим отправляются драконоборцы. Дракон сильный и вполне благополучно их всех убивает. Должны ли стражи порядка попытаться убить этого дракона? Нет. До тех пор пока он первым не нападет хотя бы на одного человека, они не имеют на это права.

— А нарушение частной собственности?

— До тех пор, пока нарушитель частной собственности первым не напал хотя бы на одного человека, выдворение его за границы этой частной собственности является делом того, кому она принадлежит.

— Понятно, — сказал Фортунат. — Короче, на твою помощь рассчитывать нечего?

— Верно, — подтвердил дэв. — До тех пор, пока это существо не попытается первым на кого-то из вас напасть, я не имею права вме-

шиваться. Однако официально предупреждаю, что лучше вам было бы отступиться от своей затеи.

— Спасибо за предупреждение, — язвительно промолвил Фортунат.

— Пожалуйста, — невозмутимо сказал дэв.

— Кстати, — спросил маг. — Но хоть кое-какие заклинания против него я имею право применить?

— Нет, — покачал головой дэв. — До тех пор, пока не установлено, кем является это существо, применение определенных заклинаний темной магии будет считаться нарушением указа великого Ангро-майнью. Кто знает, может, это существо все же по умственным способностям приравнивается к человеку?

— А оно похоже на человека?

— Нет. Но среди людей частенько встречаются такие, которые совсем не похожи на основную массу представителей этого вида.

Они некоторое время помолчали.

Наконец посредник осторожно сказал:

— Фортунат, а не пора ли тебе познакомиться с этой тварью поближе?

— Знаю, — раздраженно буркнул маг.

Сейчас вся эта затея казалась ему ну просто совершеннейшим безумием. Каким образом он сумеет победить тварь, уже ухлопавшую по крайней мере несколько человек? Наверняка среди них были и профессиональные драконоборцы. А эта тварь разделалась с ними так же легко, как здоровенный котище с маленькими мышками. Что может против такого монстра сделать он, обычный темный маг, кстати, не очень высокого ранга, да еще к тому же не имеющий права применить ни одного из поражающих заклинаний?

— Ты тянешь время, — напомнил ему посредник.

Фортунат наградил его злобным взглядом.

— Кстати, могу подсказать, — промолвил дэв. — Оно находится вон там.

Он махнул лапой в сторону дальнего конца поля.

Приглядевшись, Фортунат и в самом деле разглядел крохотную серебристую точку. Словно бы кто-то воткнул булавку с серебряной головкой в ярко-зеленый ковер.

— Спасибо за подсказку, — буркнул маг.

— Всегда рад услужить, — осклабился дэв. — Все-таки любопытно, разделает эта штука тебя или нет.

Фортунат еще раз тяжело вздохнул и стал накладывать на себя необходимые заклинания.

Через полчаса работа была закончена и он двинулся к серебристой точке. Теперь для чудовища он должен был выглядеть настоящим великаном, в алмазной броне, с огромным огненным мечом в руках.

Собственно, в этом и состоял их с посредником план. Напугать тварь, так чтобы она просто сбежала. Хотя именно сейчас уверенность Фортуната в том, что он удастся, достигла нулевой отметки.

Он неторопливо шел по полю, то и дело поглядывая под ноги, стараясь не наступать на пьянь-плоды, едва не задыхаясь от их запаха, и костерил себя последними словами. Все это предприятие было не более чем авантюрой. Однако отступать поздно. Договор заключен, аванс получен и более того, часть его уже потрачена.

Значит, отступить он не имеет права. В конце концов, он темный маг и за свою жизнь видел еще и не такое.

Между тем очертания загадочного существа становились уже достаточно различимыми. Цвет кожи у него был серебристый, словно у закованного в магическую броню рыцаря. Еще оно было не очень крупным, размером с небольшого мамонта, и вовсе не походило на человека.

Фортуната это вовсе не обескуражило. Ему случалось иметь дело с существами, выглядевшими более экзотически. Собственно, сейчас его интересовало только одно — насколько существо может быть опасным. Чем оно вооружено и как быстро может двигаться? Если не удастся нагнать на него страха, то эти сведения могли оказаться небесполезными.

Он оглянулся.

Дэв и посредник стояли рядом. Дэв насмешливо улыбался. Клыки у него были здоровенные. Посредник выглядел крайне озабоченным, но когда маг оглянулся, ободряюще помахал рукой.

Угу, кажется, пора начинать спектакль. Зрители уже заждались.

Фортунат двинулся дальше.

Шагов за пятьдесят от существа он остановился и стал ждать, когда оно обратит на него внимание.

Минута текла за минутой, а существо все так же неподвижно стояло посреди поля пьянь-плодов. Его огромные глаза, расположенные на самой верхушке конусообразной головы, все так же оставались тусклыми и неподвижными, толстые и широкие ноги даже не шевельнулись.

Может, оно уже погибло? Судя по внешнему виду, это создание скорее всего появилось на свет в результате эксперимента какого-то могущественного мага. И не только могущественного, но еще и безответственного. Сначала сотворил нечто странное, а потом не смог

провести заклинание дематериализации или не захотел и просто зашвырнул свое создание куда-нибудь подальше. Случайно местом приземления создания оказался именно этот мир и именно это поле пьянь-плодов. Существо, конечно, славно повеселилось. Однако заложенная в него магия рано или поздно должна кончиться. Почему бы не предположить, что это случилось именно сейчас?

Фортунат покачал головой.

Ну нет, это было бы слишком просто. Скорее всего существо просто затаилось и ждет, когда он подойдет поближе. А уж там его постигнет судьба всех предыдущих наемников хозяина поля.

Кстати, где их трупы?

На несколько десятков шагов вокруг создания виднелись только куски уничтоженных пьянь-плодов да неглубокие воронки с обожженными краями. Словно бы в площадку вокруг существа ударило несколько десятков молний. И несколько небольших кучек пепла.

Ну-ну... Похоже, ближе подходить к существу слишком рискованно. А раз так, то не пора ли начинать прямо сейчас?

Фортунат сделал несколько пассов и активизировал еще парочку заготовленных заранее заклинаний. В результате для существа он должен был превратиться совсем уж в настоящего гиганта. Кроме того, теперь у него появилась возможность изрыгать клубы дыма и огня, словно у дракона. Пустив в сторону противника иллюзорную огненную струю, маг не достиг этим ничего.

Существо по-прежнему на него никак не реагировало.

Делать нечего, пришлось все же пройти еще шагов пять. Делая последний, Фортунат, переставший следить за тем, куда он ступает, поскольку все его внимание было сосредоточено на противнике, наступил на пьянь-плод. Тот лопнул с чавкающим звуком и мага обдало целым фонтаном липкого, кислого сока.

Но главное было даже не в этом. Стараясь сохранить равновесие и не упасть, Фортунат отпрыгнул в сторону.

Это его и спасло. В тот момент, когда он наступил на пьянь-плод, существо ожило.

Огромные глаза мгновенно уставились на мага, из тела существа выскочило что-то похожее на узкое щупальце и с кончика его ударила огненная стрела. Она вонзилась в землю совсем рядом с магом.

Заклинания, предусмотрительно наложенные Фортунатом, еще до того как он вступил на поле, спасли его от жара огненной стрелы. Однако он был настолько силен, что маг понял: если стрела попадет прямо в него, гибели не избежать.

Существо выстрелило еще раз.

Едва успев отпрыгнуть в сторону от огненной вспышки, Фортунат, чувствуя, что его магическая защита следующего испытания огнем может и не выдержать, бросился наутек...

4

— Голем, — уверенно заявил дэв. — Они... такие штучки как раз в их стиле.

Фортунат мрачно буркнул:

— Кто угодно, только не голем. Учти, големы, как правило, хоть немного смахивают на людей, а это...

— Ладно — сказал посредник. — Думаю, уничтожить существо удастся, но это потребует некоторого времени. А у меня же есть кое-какие дела. Короче — мне пора. Я еще появлюсь, чтобы узнать... гм... как идет дело.

Он встал и не очень торопливо, но и не медленно, как раз спокойным, деловым шагом, пошел к воротам.

— А твой напарник-то решил сбежать, — сказал дэв.

— Да нет, — промолвил Фортунат. — Все правильно. Он — посредник и не его дело сражаться с чудовищами. Кроме того, он ничего не понимает в магии и, значит, не может помочь даже советом. Так что, он прав.

— А-а-а... ну, стало быть, так и есть, — кивнул дэв. — Поэтому вернемся к старому разговору. Я говорю — это голем, как есть голем.

И он даже махнул дубинкой в сторону видневшейся посреди зелени серебристой точки.

— Реакция, — покачал головой Фортунат. — Все эти искусственные существа из камня, серебра и стали обладают просто чудовищной силой, но чертовски медленны. Закон компенсации. А вот так быстро реагировать, как это создание, может только живое существо.

— В таком случае, ты влип, — сказал дэв. — Если это живое существо, то есть вероятность, что оно мыслящее. Стало быть — является подобием человека. А против человека или его подобия разрешить применение любой магии, кроме оборонительной, я не имею права. Согласно указу.

— Да знаю я, — вздохнул Фортунат.

— Вот то-то, — промолвил дэв. — И стало быть, я тут, наверное, еще задержусь. Некоторое время.

— Безусловно задержишься, — пробормотал маг.

Не хотелось ему сейчас разговаривать с дэвом. Вообще ни с кем не хотелось разговаривать. А хотелось подумать. Хотя бы потому, что положение, в котором он оказался, назвать блестящим язык не поворачивался. Скорее уж — наоборот. И виной всему был указ Ангромайнью. Не будь его, уж он бы наверняка быстренько покончил с этим существом. Теперь же он оказался в совершенно диком положении.

Очистить поле от захватчика он явно не мог. Не мог также и отказаться от выполнения контракта, поскольку часть денег из аванса была потрачена. Что ему, таким образом, оставалось? Торчать на краю поля и слушать разглагольствования стража порядка, находящегося здесь для того, чтобы следить, не собирается ли он нарушить пресловутый указ?

Ну уж нет. Он что-нибудь придумает.

Что именно? Что-нибудь... И вообще, для начала было бы неплохо определить хотя бы приблизительно, с кем он имеет дело. Конечно, это не голем, но все-таки магическое происхождение этого существа несомненно.

А раз так, для начала было бы неплохо определить, какая именно магия породила его на свет.

Фортунат хмыкнул.

А чем не идея? И почему она ему не пришла в голову раньше? Неужели сказываются полгода вынужденного безделья? Может быть, он утратил кое-какие навыки?

Нахмурившись, маг уже по-новому посмотрел на серебристую точку. Внимательно, оценивающе, почти с надеждой.

Может, если повезет, он все-таки победит? Главное — не сдаваться. Выход должен быть.

Осторожно, почти бережно, он поднял руки для начального пасса.

— Ты ведь не попытаешься нарушить закон? — поинтересовался дэв.

— Нет, — рявкнул Фортунат. — Всего лишь хочу узнать получше, какая магия это существо породила.

— Ну-ну... только смотри... закон...

— Конечно.

— А тебе разве не нужно подойти к нему поближе?

— В данном случае — нет, — буркнул маг.

Уверенно и ловко он сделал несколько начальных пассов и вполголоса, привычной скороговоркой, забормотал заклинание, открывающее магические течения.

5

— А мясо неплохо прожарилось, — сказал дэв. — Кажется, ты в этом понимаешь больше, чем в неведомых существах.

Рука Фортуната нервно дернулась и он едва не уронил в костер свой кусок мяса.

— Да ладно, не обижайся, — промолвил дэв. — Я не хотел сказать ничего плохого. Передай лучше вон ту бутылочку. Вино, надо сказать, ты купил знатное.

Стараясь выглядеть спокойно, хотя это и давалось ему с трудом, поскольку дэв окончательно доконал его за этот день своими шуточками, маг подал стражу порядка бутылку с вином.

Сделав из нее пару глотков, тот сказал:

— Только учти, если ты решил меня задобрить, ничего из этого не выйдет.

— Зачем? Я обойдусь и без этого.

— Не стоит даже пытаться, — продолжал дэв. — И еще, если ты надумаешь меня околдовать, то у тебя это может и получиться. У нас, дэвов, есть иммунитет к магии, но, конечно, он не идеальный. Только после того как я вернусь в казарму, следы магического воздействия будут обнаружены и ты неизбежно понесешь наказание. Так что лучше не рисковать.

— Да знаю я...

— Вот-вот...

Фортунат забрал у дэва бутылку и глотнул из нее.

Нет, все-таки иметь деньги не так уж и плохо. Думал ли он еще сегодня утром, пытаясь отнять у Грызи сухую корку, что ужинать станет жареным мясом, а запивать его будет великолепным вином?

Правда, эти деньги еще не отработаны, и как их отработать, он пока не представляет. Ну да будет день — будет пища. Завтра... завтра он что-нибудь придумает. Не может быть, чтобы не было никакого выхода. Он есть всегда. Надо только уметь его увидеть.

— И значит, ты не обнаружил никаких следов магии? — в который уж раз спросил дэв.

— Никаких, — сокрушенно признал Фортунат. — Так, словно при создании этого существа не было задействовано ни малейшей частицы какой-либо магической энергии.

— Бред!

— Вот именно, — согласился Фортунат. — Бред и есть.

— Ладно, — сказал дэв, вставая. — Я поужинал. Теперь пора и поспать. Кстати, в домике сторожа есть кровать. Я устроюсь на полу,

поскольку она для меня мала. Так что, если надумаешь поспать, можешь рассчитывать на кое-какие удобства.

— Угу, — кивнул маг. — Так и сделаю.

— Ну все.

Дэв утопал в сторону домика сторожа.

Фортунат взял обломок ветки и кинул его в огонь. Веер искр, взлетевших из костра, оставил после себя ощущение краткой, мгновенно поглощенной темнотой, сверкающей ярости. Где-то неподалеку зажужжала пятиногая земляная жаба — волан. Со стороны домика сторожа доносился скрип половиц. Очевидно, это дэв устраивался ко сну.

Маг невольно взглянул в ту сторону, где должно было находиться существо.

А что, если его уже там нет? Кто знает, может быть, оно уже подобралось поближе и теперь готовится метнуть в него огненную стрелу?

Фортунат невольно поежился.

Ну, нет. Все это не более чем его слишком разыгравшееся воображение. Существо находится на своем месте. Стоит и ждет, когда он придумает, как от него избавиться.

Гм... хорошо бы это и в самом деле удалось совершить. Вот только как? Каким образом можно избавиться от существа, при создании которого не было потрачено ни капли магической энергии? И что это может означать? Ему противостоит существо, имеющее немагическое происхождение?

Другими словами, страшилище, захватившее часть поля пьяньплодов, самым естественным образом родилось в каком-то из миров великой цепи? Может быть, оно там даже является домашним животным, чем-то вроде ручного дракона?

Гм... дракон. Серебряный дракон.

Фортунат мысленно несколько раз повторил это словосочетание, и оно ему понравилось.

Конечно, существо совсем не походило на дракона, но все же что-то общее, какое-то внутреннее сходство у них было. Может быть, оно выражалось в том, что любой обыкновенный дракон способен точно так же, как и это создание, достаточно долгое время лежать у себя в пещере, почти не подавая признаков жизни, а потом, стоит в нее войти какому-нибудь драконоборцу, решившему, будто он умер, расправится с ним одним точным, безжалостным ударом?

Фортунат кинул в костер еще одну ветку.

Ну хорошо, пусть будет — серебряный дракон. В конце концов, надо же это существо как-то называть?

Итак... как же этого серебряного дракона порешить? Ну, хотя бы прогнать прочь с поля. Даже этого будет вполне достаточно. Как это сделать магу, не имеющему права применить против чудовища ни одного серьезного заклинания?

О-хо-хо...

Фортунат взглянул в сторону дома сторожа. Доски больше не скрипели. Зато вместо них слышался совершенно чудовищной силы храп.

Маг сквозь зубы чертыхнулся.

Нет, спать в дом сторожа он не пойдет. Это было бы все равно что пытаться уснуть в жерле действующего вулкана. Хорошо хоть ночи в этом мире теплые. Можно прекрасно выспаться и у костра.

Выспаться...

Фортунат зевнул.

Кстати, чем не мысль? Все равно сейчас он ничего путного не придумает. А утром... утром ему в голову могут прийти новые, интересные мысли... если, конечно, придут... если повезет... если проблема серебряного дракона имеет хоть какое-то решение... если...

Маг вздрогнул. Он вдруг почувствовал, как к его плечу словно бы прикоснулась чья-то невидимая, почти бесплотная рука. Легчайшее прикосновение, сбившее его с мыслей, вырвавшее из полусонного состояния.

Что это?

Он встрепенулся и, схватив свой посох, вскочил. Торопливо оглядевшись, маг не увидел ничего угрожающего и, вдруг сообразив, что на самом деле произошло, снова сел.

Существо! Этот самый серебряный дракон.

Слишком долго сегодня пришлось его исследовать, слишком много он потратил времени, пытаясь определить, с помощью какой магии был создан серебряный дракон. И потерпел фиаско. Но магическая связь исчезла не до конца, и вот сейчас еще раз проявилась, прежде чем исчезнуть окончательно.

Что это ему дало?

Фортунат ухмыльнулся.

Так же как и раньше — ничего. Хотя... хотя... Он вдруг понял, что ошибался. В этот раз ему удалось уловить одно, исходящее от существа ощущение. Днем это не получилось, поскольку он искал только следы магии. Сейчас же...

Сейчас он знал, что с серебряным драконом что-то не в порядке.. Словно бы он был слегка болен... или просто занозил лапу... или о чем-то тосковал. О чем?

Да откуда он знает? Возможно, это станет ясно завтра. Но даже если и станет, то как это может ему помочь выполнить заключенный контракт? Да никак. Вот если бы он узнал, как можно серебряного дракона уничтожить...

И вообще, не пора ли ему лечь спать?

На сегодня он отвоевался. И самое мудрое, что он может сейчас сделать, это хорошенько отдохнуть, восстановить потраченные за день силы.

Маг еще раз зевнул, с хрустом, чуть не вывихнув челюсть, и, окончательно решившись, стал устраиваться ко сну.

Утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь придумается... может быть...

6

— Между прочим, пьянь-плоды используют для приготовления самого лучшего, так называемого королевского пива. И стоят они, как ты знаешь, очень дорого. Знаешь?

— Угу, — буркнул Фортунат.

— Так вот, хозяин поля интересуется, как идут дела. За пьянь-плодами необходимо тщательно ухаживать, постоянно обрабатывать землю, на которой они растут, каждый день выпалывать вредные сорняки... Короче, хозяин высказывает недовольство тем, что поле все еще не освобождено от обосновавшегося на нем существа.

— Серебряного дракона, — буркнул маг.

— Что? — удивился посредник.

— Я назвал его серебряным драконом, — пояснил Фортунат.

— Возможно... — Посредник взглянул в сторону торчавшей посреди поля серебристой точки. — Возможно, это название существу даже подходит. Но лучше бы его уже здесь не было.

— И я так думаю, — сухо сказал маг. — А теперь, если позволишь, я продолжу свою работу.

— Конечно, конечно. Только нельзя ли побыстрее?

— Я постараюсь.

Фортунат было поднял руки для начального пасса, но тут же их вновь опустил.

Ну вот, теперь ему понадобится минут пять, для того чтобы вновь обрести подходящее для создания заклинания состояние духа.

Ему захотелось чертыхнуться, но он сдержался.

И все-таки раньше, до указа Ангро-майнью, никому даже в голову не могло прийти отвлекать темного мага от его работы. А сейчас...

Ладно, хватит об этом. Пора начинать работу. Пришла пора посмотреть, как серебряный дракон выглядит вблизи.

Он прошелся по краю поля, то и дело помахивая руками, словно бы пытаясь стряхнуть приставшую к ним невидимую паутину и временами поглядывая в сторону серебряного дракона.

Тот за ночь, кажется, не сдвинулся ни на шаг.

Зачем он прилетел на это поле? И почему не улетает? Не хочет или не может? Возможно, он появился здесь в результате козней конкурентов хозяина поля? И если так, то после того как тварь умрет, за отдельную плату, он мог бы исследовать ее останки. А это, в свою очередь, поможет определить виновника появления серебряного дракона.

Вот только сначала необходимо прикончить само существо. Удастся ли это? Гм... странный вопрос. Прикончить можно кого угодно. Стоит лишь придумать правильный метод.

Остановившись, маг ловко и уверенно сделал несколько пассов и, застыв с вытянутой в сторону серебряного дракона рукой, произнес необходимое заклинание. Как только прозвучало последнее слово, с ладони мага сорвалось небольшое, почти невидимое облачко и медленно полетело в глубь поля. После того как оно преодолело половину расстояния до дракона, Фортунат закрыл глаза.

Теперь он сам был этим облачком и летел, упиваясь своей безнаказанностью, к серебряному дракону. Ближе, еще ближе, совершенно точно зная, что существо не сможет ему ничего сделать, поскольку даже не почувствует его присутствия, не узнает, что враг совсем рядом. Он тоже не сумеет никак повредить серебряному дракону, но это ему не нужно. Главное сейчас разведка. Узнать, хорошенько рассмотреть его и суметь найти хотя бы одно-единственное уязвимое место. Оно должно быть, поскольку неуязвимыми бывают только боги. А это существо могло быть чем или кем угодно, но только не богом.

Он простоял с закрытыми глазами полчаса. За это время ему удалось очень внимательно, со всех сторон, рассмотреть серебряного дракона.

Издалека дракон казался полностью неподвижным, но вблизи стало заметно, что это не так. Коническая голова неведомого существа время от времени слегка поворачивалась. Под серебряной кожей, которая, конечно же, не была серебряной, а просто имела

такой цвет, иногда шевелились мускулы и тогда она слегка бугрилась, демонстрируя свою эластичность. Еще на боках дракона находилось два больших, квадратной формы выступа. Причем один из них имел небольшую вмятину, как будто кто-то саданул по нему со страшной силой камнем.

Как это могло произойти? Возможно, эту вмятину сделал кто-то из наемников хозяина поля, которых он посылал уничтожить серебряного дракона. Хотя скорее всего существо получило ее гораздо раньше. Впрочем, какое это имеет значение?

Внимательно изучив выступы, Фортунат прикинул, что они очень похожи на плотно прижатые к туловищу крылья. Возможно, он даже не ошибался. Хотя как-то проверить свою догадку не мог.

А потом полчаса прошли, облачко рассеялось и Фортунат открыл глаза.

Рассеянно подобрав посох, он ковырнул его концом землю и разочарованно хмыкнул.

— Ну? — в один голос спросили посредник и дэв.

Вместо ответа Фортунат еще раз хмыкнул и пожал плечами.

— Понятно, — сказал посредник. — Значит, ты так и не определил, как можно уничтожить это существо?

— Нет, — признался маг.

— И что мы теперь будем делать?

— Да откуда я знаю, — раздраженно рявкнул маг.

И осекся...

Знал, знал он, что ему остается делать. С того самого момента, как серебряный дракон не испугался его магической личины. И все эти манипуляции, а также разведывательные полеты на самом деле были всего лишь попыткой оттянуть неизбежное. Потому что на самом деле выхода у него было всего лишь два.

Либо честно признаться себе, что выполнение контракта оказалось ему не по зубам, либо выполнить его одним-единственным возможным способом. Каким именно? Да нарушить указ Ангро-майнью.

Вот так. И сейчас, поскольку времени оттягивать неизбежное уже не осталось, ему предстояло сделать выбор.

Либо — либо... Либо сделать последнюю попытку и тем самым нарушить закон, либо сдаться и тем самым тоже нарушить закон. Да, конечно, наказание за невыполнение контракта менее сурово, чем за невыполнение указа Ангро-майнью. Но с другой стороны, если ему удастся прикончить серебряного дракона, потом нужно будет еще доказать, что тот был мыслящим существом, причем таким, которое по уровню мышления приравнивается к человеку.

Допустим, Ангро-майнью удастся сделать такую экспертизу. Все-таки он великий маг. Но все равно существует вероятность, что дракон окажется каким-нибудь не очень разумным зверьком и наказания удастся избежать.

А если нет? Ну что ж, значит, он примет наказание с высоко поднятой головой. По крайней мере никто не сможет усомниться в его квалификации. Это лучше, чем прослыть презренным жуликом, неспособным выполнить взятые на себя обязательства.

Фортунат искоса взглянул на дэва.

— Но-но! — сейчас же встрепенулся тот. — Без шуточек. Я знаю, что ты задумал. Ничего у тебя не получится.

— Почему же? — ласково спросил темный маг.

На душе у него было легко и просто. Потому, что решение было принято, и значит, ничего не оставалось, как идти намеченным путем. А там — будь что будет. Там, как упадут кости судьбы.

— Потому, что не выйдет, — рявкнул дэв. — Не позволю нарушать указ великого мага.

Крепко сжимая усеянную острыми шипами дубинку, он шагнул к Фортунату.

— Погоди! — крикнул тот. — Ты намерен меня арестовать?

— А как же!

— И тем самым нарушишь закон.

— Как это? — спросил дэв, останавливаясь.

— Ну, на данный момент я же еще никакого указа не нарушил?

— Но ты намереваешься это сделать.

— Ты в этом совершенно уверен? И как ты это можешь определить до того, как я действительно причиню какой-то вред существу? И даже после этого ты не можешь быть уверен, что я нарушил закон, до тех пор пока не будет доказано, что это создание по уровню мышления равнялось человеку. А?

— Но арестовать я тебя все равно арестую. До выяснения обстоятельств.

— Твое право. Но сначала я попробую применить к нему парочку заклинаний. И кстати, не советую мне мешать, иначе заявлю, что нанес вред существу непреднамеренно, что опасное заклинание у меня получилось лишь благодаря твоему вмешательству. Понимаешь?

Дэв вполголоса выругался и ткнул концом дубинки в сторону серебристой точки.

— Эх, если бы только знать, что это такое... уж тогда бы я ведал, как с тобой поступить.

— Самое лучшее — не вмешиваться, — посоветовал ему посредник. — Мой клиент прав. Это нестандартный, не учтенный никакими инструкциями случай.

Немного поразмыслив, дэв махнул дубинкой.

— Ладно, валяй. Собственно, мне уже порядком надоело торчать на этом поле. А инструкции и в самом деле... Ладно, валяй...

Самодовольно улыбнувшись, Фортунат повернулся лицом к серебряному дракону.

Ну вот, сейчас все выяснится. Главное только не сплоховать.

Он знал, что второй попытки у него скорее всего уже не будет. Значит, необходимо одновременно применить как можно больше самых сильных заклинаний, нанести всего один удар, но зато такой, который убьет серебряного дракона наверняка.

Что ж, магическая энергия у него копилась целых полгода и экономить ее не имеет смысла.

Подняв вверх посох, он сконцентрировал внимание на его набалдашнике, быстро и уверенно наложил на него базовое заклинание, а потом принялся за кропотливый, тщательный труд.

Первым к базовому заклинанию прицепилось «Проклятие кровавой погибели». Вслед за ним лег «Седьмой смертный страх». Потом пришла очередь «Кривозубой смерти», за которой последовало «Тысяча одна лихорадка», а также «Сладкий сон вампира».

Заклинание следовало за заклинанием, и длилось это до тех пор, пока Фортунат не понял, что еще немного и базовое заклинание не выдержит. Слишком большая на него легла нагрузка. И если переборщить, то оно лопнет и тогда вся эта сконцентрированная магия без толку разлетится во все стороны, причем поражая тех, кто случайно оказался на ее пути. В том числе и посредника с дэвом, а также и его самого.

И стало быть, наступил момент нанести удар. Тот самый, единственный, который все и решит.

И конечно, магу вдруг стало страшно. Так же как становилось страшно каждый раз, когда он готовился применить одно из своих самых сильных заклинаний. А тут даже не одно, а целую кучу. Разом.

Эх...

Он вытянул посох в сторону серебряного дракона и, краем глаза успев заметить, как посредник и дэв проворно рухнули на землю, произнес последнее заклинание, очень короткое, освобождающее всю скопившуюся на набалдашнике магию...

7

А ведь у него был выбор...

Давным-давно, когда он еще только обнаружил у себя магические таланты, так получилось, что у него был выбор. Пожелай он тогда, и мог бы стать не темным магом, а белым.

Сидел бы сейчас в чистеньком, уютном домике, покуривал трубочку и размышлял над особенностями заклинаний от ревматизма. Вместо того чтобы торчать на краю поля, пялиться на этого жуткого серебряного дракона и проклинать свое невезение.

— И что, ни одно не подействовало? — спросил его дэв.

— Сам видишь, — устало сказал Фортунат.

— Получается, ты так и не смог причинить существу ни малейшего вреда?

— Да, — с безграничным терпением сказал маг.

— Значит, и арестовывать мне тебя не за что, — подытожил дэв.

— Конечно.

Задумчиво почесав затылок, дэв спросил:

— И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю.

Сказав это, Фортунат несколько театральным жестом откинул посох в сторону, сел прямо на землю и закрыл лицо руками.

Он сидел и думал о том, что все эти эффектные телодвижения и позы на самом деле служат лишь одному. Дают ему возможность слегка оттянуть время, приготовиться к предстоящему позору.

Причем, просто увильнув от выполнения контракта, он мог всего лишь прослыть жуликом. Теперь же его признают неумехой. А это — гораздо хуже. И никто даже не подумает принять во внимание, что с такими существами, как серебряный дракон, не имел дела еще ни один темный маг. Никто не поверит, что это неведомое существо попросту нельзя убить с помощью магии.

Кстати, почему? Вот вопрос, на который он хотел бы знать ответ.

— Ну и что мы дальше будем делать?

Фортунат слегка отнял руки от лица и, искоса взглянув на усевшегося рядом посредника, ответил:

— Ну, откуда я знаю? Не действует на него магия. Совсем не действует.

— Может, ты что-то не так сделал?

Фортунат хихикнул.

— Нет, я сделал все правильно. Сделал все возможное. И — вот...

— Все?

— Да.

— И все же — подумай. Может, можно сделать что-то еще? А? Из любого положения есть выход. Давай, напрягись. Неужели нам придется отказаться от этого контракта? Если мы это сделаем, то следующих не будет.

Фортунату захотелось его хорошенько треснуть. Ничего, ну совершенно ничего он не понимал в магии. Собственно, только это его и извиняло.

Что можно сделать, если против этого существа оказалось бессильно все его колдовство?

Хм... а в самом деле? Может, все-таки из создавшегося положения есть выход? Может быть, стоит хорошенько все обдумать и попытаться его найти? После того, как его арестуют за то, что он не смог вернуть аванс по невыполненному контракту, будет поздно.

А сейчас...

Стоп, что, собственно, ему о серебряном драконе известно?

Итак, скорее всего он не является живым существом, иначе хоть одно из заклинаний на него должно было подействовать. А как же двигающаяся шкура, поворачивающаяся голова? Вообще все то, что он заметил, наблюдая за драконом...

Ну ладно, допустим, он ошибся и дракон все-таки не относится к разряду живых существ.

Чем же он является? Големом? Ну, уж это-то точно нет. Таких големов не бывает. Кадавром? Нет, на кадавра его магия должна была подействовать. Материальной иллюзией? Тоже нет. От материальных иллюзий за версту тянет магией. Уж он бы это почувствовал обязательно.

Что же остается?

— Оглянись, — сказал посредник.

Фортунат оглянулся.

Теперь дэвов стало два. Второй был чуть пониже первого, но так же широк в плечах. Да и дубинка у него была не менее увесистая, чем у его товарища.

— Знаешь, зачем пришел второй дэв? — спросил посредник.

— Зачем?

— Его наверняка послал хозяин поля. Если выяснится, что ты не можешь очистить его поле от чудовища и не в состоянии вернуть аванс, этот дэв нас тотчас арестует. А выяснится это достаточно быстро.

В самом деле, вновь прибывший как раз в этот момент задал своему товарищу какой-то вопрос, и тот стал ему что-то рассказывать. Оживленно размахивая руками.

Сомнений в том, что именно он рассказывает, у Фортуната не было.

Стало быть, оставшееся у него время уменьшилось до самого минимума.

Маг едва не застонал.

У него возникло ощущение, что он является марионеткой, куклой, которой осталось жить лишь до тех пор, пока двигающая ее пружина окончательно не распрямится. Причем до этого момента осталось совсем чуть-чуть.

Стоп! Механическая кукла! Кукла. Очень сложная, являющаяся буквально чудом механики, но все же — кукла.

А почему бы и нет?

Фортунат вспомнил, как однажды он видел в какой-то лавке механическую птицу. Она двигалась как живая, махала крыльями и даже пела. Так почему бы не предположить, что серебряный дракон тоже является куклой? Конечно, гораздо более сложной, созданной гениальным механиком, но все же...

— Не стоит тянуть время, — промолвил посредник. — Пойдем, пора сдаваться. Ничего у нас...

— Погоди, — резко сказал Фортунат. — Еще немного. Кажется, я кое-что придумал.

Он еще раз взглянул на серебристую точку.

Да, верно. Это все объясняет. Механическая кукла, если ее сделал гениальный механик, может вести себя как угодно. И темная магия на нее не подействует, поскольку она направлена в основном против живых существ.

Кто же ее такую придумал? В каком мире живет умелец, сумевший создать куклу, способную не только двигаться, не только летать, но и еще каким-то непостижимым образом определять, что рядом находится живое существо, и даже пытаться его убить? Как выглядит мир, в котором могут делать такие куклы?

— Все, дэвы идут сюда, — сказал посредник.

— Задержи их, — приказал Фортунат. — Мне нужно еще немного времени.

Он даже не обернулся взглянуть на дэвов. Его интересовал только серебряный дракон.

Надо было прямо сейчас, не сходя с места, придумать, как убрать его с поля. Каким образом можно разрушить механическую куклу, если ты ничего не понимаешь в механике?

Погоди, а если ее не разрушать? Как она попала на поле? Если бы она приползла на поле, то на рыхлой земле должны были остаться глубокие следы. Значит, серебряный дракон все-таки прилетел.

Вот именно! Он куда-то летел, а потом произошло нечто и он опустился на поле. Что именно? Не важно. Главное — дракон скорее всего получил какое-то повреждение, помешавшее ему продолжить свой полет. Может, он с кем-нибудь в воздухе столкнулся... Впрочем — не важно. Сейчас важнее сообразить, как его убрать с поля.

Вот именно, не уничтожить, а убрать, дать возможность улететь. Каким образом? Устранить поломку? Отремонтировать? Но он же не сможет это сделать, поскольку не знает, что именно в серебряном драконе сломалось.

Хотя... Помятое крыло! Может быть — это? Да, на нем есть вмятина. Не очень глубокая, но все же... Может быть, как раз из-за этой вмятины дракон не может пользоваться крылом?

И если ее...

— Темный маг Фортунат, именем...

Ну да, это был дэв. Тот самый, второй. Ему, видимо, пришло в голову, что настало время арестовать нарушителя контракта.

— Дай ему еще пару минут.

А это уже был посредник. И действовал он совершенно правильно. Эти две минуты Фортунату были нужны буквально позарез.

— Ладно, но только пару минут, не больше.

Маг ухмыльнулся.

Вот такова профессия темного мага. Рано или поздно тебе дают пару минут и требуют, чтобы ты за это время совершил невозможное. Причем отказаться ты не имеешь никакого права.

Он встал и поспешно наложил на себя заклинание невидимости, истратив на него последние остатки магической энергии. Слыша, как за спиной в два голоса возмущенно взвыли дэвы, которым его исчезновение показалось попыткой сбежать, а посредник стал их успокаивать, не очень уверенно объясняя, что все в порядке, маг поспешно подобрал посох и быстрым шагом двинулся к серебряному дракону.

Он не мог знать, подействует ли против серебряного дракона заклинание невидимости. Вдруг он его все же увидит и с ходу угостит огненной стрелой? Впрочем, ничего иного сейчас он сделать не мог и, стало быть, оставалось только надеяться на удачу.

Хотя... даже если удача будет на его стороне и ему удастся беспрепятственно подойти к серебряному дракону... Что дальше? Попытаться подправить вмятину с помощью посоха?

Можно. Посох — штука с повышенным запасом прочности. И рассчитан он не только для манипуляций с заклинаниями. Им можно, например, хорошенько кого-нибудь садануть по голове или даже отбить удар меча. Таким образом, несколько ударов по шкуре дракона он выдержит. И если ему снова повезет...

Фортунат истерически хихикнул.

Получается, ему остается еще раз рассчитывать только на удачу. А немыслимая удача, повторившаяся дважды, называется очень просто — чудо. Значит, для того чтобы вывернуться из западни, в которую он попал, необходимо настоящее чудо. Всего лишь? И кстати, не слишком ли многого он хочет?

Эх, будь что будет...

Границу, за которой серебряный дракон начинал стрелять огненными стрелами, Фортунат перемахнул одним прыжком. Он ждал, он был готов к тому, что заклинание невидимости его не спасет, но дракон никак на него не прореагировал.

Метнувшись к крылу, на котором была вмятина, маг замахнулся посохом. И замер. До него вдруг дошло, что как только он хотя бы раз прикоснется к дракону, заклинание невидимости перестанет действовать. И вот тут-то уж дракон в него выстрелит. А значит, у него в запасе есть не более двух-трех ударов. Потом же его попросту сожгут, поскольку сейчас его не защищает даже самое простенькое заклинание.

И если эти два-три удара не выправят крыло, или не поставят его на место, или не уберут какой-то перекос, благодаря которому это крыло утратило способность действовать... Да и крыло ли это? И вообще, с чего он решил, будто сумеет как-то помочь этой махине?

Он даже опустил было посох и стал прикидывать, как удобнее уйти прочь от серебряного дракона, но, случайно взглянув в сторону дэвов, увидел, что они стоят на краю поля и смотрят в его сторону. Окончательно его добила даже не мысль о том, что уйти от них не удастся, и не промелькнувшая в сознании картина будущего публичного суда, и конечно связанного с ним позора, а фигура посредника. Тот стоял рядом с дэвами, ссутулившись, и на лице у него была написана полная безнадежность. Очевидно, он уже ни на грамм не верил, что Фортунату удастся что-то сделать. Возможно, он даже считал, будто тот просто решил смыться.

Четко и ясно Фортунат осознал, что в данный момент он защищает не только свою профессиональную честь, а честь всех темных магов. Рано или поздно Ангро-майнью отменит свой указ. И тогда темные маги опять вернутся в этот мир. И что их тут встретит? Память о нем, Фортунате-неудачнике, который не сумел даже выполнить один-единственный контракт. И не только не сумел, но и попытался смыться, был пойман дэвами и подвергнут позорному суду.

Ну уж нет. Лучше погибнуть. По крайней мере тогда о нем скажут, что он до самого конца пытался что-то сделать, что он не струсил.

Широко размахнувшись, Фортунат со всей силы саданул по крылу серебряного дракона. А потом еще раз... И еще... четко зная, что вот-вот в него ударит огненное копье, и тогда...

Четвертого удара не понадобилось. Внутри серебряного дракона что-то треснуло и крыло, по которому колотил маг, вдруг резко дернулось вверх. Самый край его ударил Фортуната в живот, да так сильно, что маг отлетел в сторону на добрый десяток шагов.

Каким-то чудом, падая на землю, он еще успел увидеть, как под каждой конечностью серебряного дракона вспыхнули ослепительные костры, а сам он резко рванулся вверх...

8

Грызя с урчанием доедала кусок свежей печенки.

Фортунат отхлебнул из бокала. Вино было просто великолепное. Как раз такое и нужно пить после сытного ужина.

Гм... сытного... Долго ли это будет продолжаться?

Проклятый хозяин поля, выплачивая ему деньги, умудрился вычесть штраф за пьянь-плоды, которые он попортил, шлепнувшись на поле, перед тем как серебряный дракон улетел. Причем увильнуть от этого штрафа не было никакой возможности, раз его падению имелось два дэва-свидетеля. Штраф оказался немалым, поскольку пьянь-плоды, даже недозревшие, ценились действительно дорого.

После того как Фортунат выплатил посреднику гонорар, а также рассчитался по кое-каким долгам, на руках у него осталась довольно неплохая сумма. Вот только для того, чтобы покинуть владения Ангро-майнью, ее явно не хватало.

Рассудив, что везение не может длиться бесконечно и, стало быть, ничего не остается как смириться с судьбой, Фортунат довольно неплохо прожил следующие две недели. Теперь же деньги подходили к концу. Еще через неделю ему придется положить зубы на полку.

Впрочем, до этого есть какое-то время. И значит, не стоит беспокоиться. Что-нибудь подвернется. А если нет? Ну... там будет видно.

Снова отхлебнув из бокала, Фортунат сел в кресле поудобнее и в который уж раз принялся размышлять о серебряном драконе.

Ну ладно, допустим, он и в самом деле был механической куклой. Но кто его сделал и зачем? И как выглядит мир, в котором научились делать такие сложные механические игрушки? Находится ли он на цепи миров? Вряд ли.

Почему? Да хотя бы потому, что искусство механики могло достигнуть таких высот лишь в мире, где нет магии. Получается, где-то там, за пределами цепи миров, есть еще по крайней мере один мир, в котором и слыхом не слыхивали о магии. Вероятно — и не один. Возможно, где-то в пространстве существует другая цепь миров, удивительных, необычных миров, жители которых пользуются не надежной и проверенной магией, а вот такими механическими игрушками.

Интересно, как они их используют в быту? А война? Может быть, в этом мире место магов заняли вот такие серебряные драконы? Или нечто более сильное, могучее, свирепое? Как оно выглядит, оружие этих лишенных магии миров?

Кстати, если серебряный дракон преодолел расстояние между этими двумя так непохожими мирами, не значит ли это, что рано или поздно на один из миров Ангро-майнью, неизвестно откуда, посыплются стаи вот таких серебряных драконов? Превосходно вооруженных, нечувствительных к магии, в отличие от обычных драконов, не способных усомниться в своих действиях, не думающих о смерти и собственной безопасности?

Любопытно.

Он уже приканчивал второй бокал, когда дверь его башни распахнулась. На пороге стоял посредник.

— Рассиживаешься? — сказал он. — А между тем у меня есть для тебя один очень выгодный контракт.

Июль 2000 г.

ВЕЛИКАЯ УДАЧА

Посвящается Андрею Синицыну и Вадиму Кумоку

— Коктейль? — спросил иск-бармен.

— Кофе, пока только кофе.

Я устроился за ближайшим столиком, и через мгновение передо мной опустилась отправленная по антиграв-лучу чашечка кофе. Отхлебнув из нее, я закурил сигарету.

Бар был пуст и в другое время я бы не стал в нем надолго задерживаться, но сегодня мне придется просидеть в нем не менее часа. Сегодня — ночь охоты на чудиков, особенная ночь.

Это что-то вроде хобби, истинную прелесть которого может понять лишь другой — такой же, как и я, — охотник за необычной информацией. Я устраиваю такие ночи нечасто. Только если у меня не так уж плохо с деньгами, если нет срочной работы и, конечно, если есть желание слегка поразвлечься.

Вообще-то, положа руку на сердце, я могу признать, что охота за чудиками принесла мне по крайней мере три добротных сенсации, но тут же обязательно добавлю, что на эти три удачи приходится огромное количество «попаданий в молоко». Слишком малый процент попаданий не дает возможность разрабатывать данную жилу в промышленных масштабах, но иногда, для собственного удовольствия, для пополнения коллекции...

Самое главное в охоте на чудиков то, что ты не можешь даже примерно сказать, с кем в очередной раз столкнешься. Ты просто приходишь под утро в какой-нибудь полупустой, а лучше — совершенно пустой бар, заказываешь себе что-нибудь и ждешь, иногда час, два. Рано или поздно дверь бара открывается, и в него вваливается некто, в рубашке не первой свежести и сильно помятом костюме, заказывает себе самую дешевую выпивку, садится за столик,

находящийся в дальнем углу, и погружается в размышления. Как правило, невеселые.

Можешь себя поздравить: это он — твой объект. Теперь тебе остается только подсесть за его столик, заказать ему выпивку и выслушать его историю. Что-то там об обманутом доверии, растоптанной любви, благих намерениях, фатальной неудаче... В общем, вполне стандартную историю, содержащую в себе единственную изюминку — некую необычную деталь, некий чудесный элемент. Допустим, знакомого призрака, старую, поеденную мышами инкунабулу с заклинаниями на неизвестном языке, друга, умеющего читать запечатанные письма, а то и тетушку, умудрившуюся выскочить за марсианина.

Именно этим рассказы чудиков отличаются от банальных баек любителей, хлопнув рюмочку, тут же за стойкой, поплакаться кому-нибудь в жилетку о своей несчастной жизни. Причем, если тебе надоест слушать очередную чудесную историю, ты беспрепятственно можешь утопать в другой бар. Чудик не попытается тебя удержать, не станет реветь, как насосавшийся пива бабуин, и не сделает попытки разбить твою голову о стойку. Все будет чинно, благородно.

Чудики... Три сенсации, почерпнутые мной из их историй, были действительно бесподобны и, случись это лет на сто раньше, возможно, могли бы потрясти мир. В наше же время их хватило всего лишь на несколько вечерних выпусков.

Впрочем, их ценность ничуть не уменьшилась. Как и у каждого настоящего коллекционера, у меня есть своя система оценки оригинальности той или иной истории, и всякой чепухой я свою коллекцию не пополняю. Дешевого вранья в ней нет. Дешевых врунов я вижу за десять метров и к себе не подпускаю. Нет, только качественные, действительно необычные истории, способные не просто удивить, а еще и заставить себе сказать: «Черт возьми, может, в этом что-то есть?»

Я положил окурок сигареты в пепельницу и допил кофе.

Чудики... Почему они приходят именно в это время?

Вот так вопрос. А почему олени ходят на водопой лишь ночью? Потому, что так безопаснее. И предутренний бар — водопой чудиков. А я охотник, устроивший себе схрон возле воды.

Подумав об этом, я не удержался, улыбнулся.

А потом вошел он, и мне стало не до посторонних мыслей, поскольку я почти мгновенно определил его как добычу.

По правде говоря, на чудика он походил не очень и не производил впечатление человека, нуждающегося в деньгах, но некое, выработанное за многие годы чутье подсказало мне, что добыча все-таки на водопой пришла.

Одет он был вполне прилично, можно даже сказать — с шиком. В правом ухе у него поблескивала модная и жутко дорогая разговор-серьга. Я по крайней мере смогу позволить себе купить такую только где-нибудь через полгода, когда они, как это водится, резко подешевеют. Еще он был для чудика слишком молод и имел непозволительно уверенный вид, но все равно — я мог бы поклясться, что это мой клиент. Несколько не такой, к каким я привык, но мой.

Сделав иск-бармену заказ, чудик окинул меня равнодушным взглядом и уселся за самый дальний столик.

Это меня приободрило.

Я дал ему допить коктейль и сел рядом. Возражений не последовало, и это обнадеживало. Я заказал два коктейля, и когда они появились на столике, один пододвинул чудику.

Возьмет или нет? Ну же...

Чудик немного поколебался, но потом все-таки взял бокал, и я облегченно вздохнул.

Ну вот, трап переброшен. Теперь остается только взойти на борт и выслушать очередную историю загубленной жизни.

— Вы желаете со мной поговорить?

— Утро еще не пришло, — сказал я. — И бас пуст. Почему бы не поразговаривать? Есть же что-то в этой жизни, интересующее вас особенно. Я не ошибся?

— Нет, не ошиблись, — признался он. — А вы — собиратель историй, рассказываемых в барах в предутренние часы?

— А если и так?

Я улыбнулся.

Он был проницателен. Что ж, это неплохо. Шансы получить интересную историю, похоже, несколько увеличились.

— И вы не боитесь услышать вещи, знание о которых само по себе может являться угрозой вашему здоровью, а то и жизни?

Ну, подобное говорят все. Такими заявлениями меня не напугаешь.

— Нет, не боюсь.

— Вы мне не верите? — Он невесело улыбнулся. — Ваше право. Я вас предупредил.

Я слегка встревожился. Таких улыбок я видел немало. Как правило, они предваряли зловещую повесть о кознях «проклятых пришельцев», вознамерившихся, к примеру, похитить здание величайшего на планете квадротеатра и для начала лишивших разума моего собеседника.

Нет, вот такие истории меня не интересовали. Они стоили дешевле, чем бумагопластик, на котором их мог бы записать какой-

нибудь начинающий сборщик информации, опрометчиво вознамерившийся сделать сенсацию из абсолютно некондиционного материала.

— Так не верите?

— Нет. — Я покачал головой. — Не верю. Впрочем, имеет ли это большое значение?

— Имеет, — сказал он. — Вы угадали, мне действительно хотелось бы кому-нибудь рассказать о себе. Вот только, мне кажется, мои слова нуждаются в доказательствах.

Я заглянул ему в глаза.

Особого блеска, присущего всем этим типам, свихнувшимся на паранормальных явлениях, в них не было. Обычные, серые, спокойные глаза состоятельного, уверенного в завтрашнем дне человека.

Я усмехнулся.

— И доказательства эти привести... — Незнакомец на мгновение задумался, но вдруг радостно встрепенулся. — Да, я могу их привести прямо сейчас. К счастью, у меня есть с собой одна вещица. Полчаса назад она принадлежала некоему отморозку. Ему захотелось изъять у меня денежную карточку и... В общем, теперь эта вещица у меня. Сам не знаю, для чего я ее прихватил.

— Хорошо, — сказал я. — Предъявляйте ваши доказательства. Я с нетерпением их жду.

— Кстати, меня зовут Сдос, — сообщил он. — Если наш разговор обещает быть долгим, то было бы неплохо узнать имена друг друга. Не так ли?

Я представился.

— Ну вот, — сказал Сдос. — А теперь — доказательства.

Он вытащил из кармана и положил передо мной на стол пистолет, похожий на «дамскую пукалку», на одну из безделушек, которые таскают с собой излишне романтичные девицы. Вот только я знал толк в оружии. То, что лежало передо мной, дамской игрушкой не являлось. Это было очень точное и надежное оружие. Называлось оно «тигробоем» и название свое полностью оправдывало. К примеру, пробить обычный бронежилет стража порядка из него можно было запросто.

Я вопросительно взглянул на Сдоса.

Тот улыбнулся.

— Как я уже говорил, это оружие не мое и попало ко мне всего лишь полчаса назад, при весьма любопытных обстоятельствах. Впрочем, к нашему разговору они не имеют никакого отношения. Достаточно уже того, что волею случая у меня оказалось очень надежное оружие. Вы знаете, что оно славится своей безотказностью?

Я кивнул.

— Отлично, — промолвил Сдос. — Теперь я прошу вас взять в руки пистолет и убедиться в том, что он заряжен. Смелее. Тут нет никакого подвоха. Не стрелять же мне в потолок, чтобы вам это доказать? Мне бы не хотелось потом объясняться со стражами порядка. Они, насколько я знаю, стрельбу в барах не одобряют. Кроме того, их появление может помешать мне рассказать свою историю до конца.

— Хорошо, — сказал я. — Пусть будет так.

Я ни на мгновение не поверил в то, что он способен исполнить свою угрозу и открыть пальбу. Просто ему было нужно, чтобы я осмотрел пистолет. Что ж, почему бы не сыграть в его игру?

Надежда моя услышать занимательную историю несколько поблекла, но еще не исчезла окончательно. Может быть, в силу присущего мне от природы оптимизма, не уничтоженного даже теми историями, в которые мне случалось влипать, делая свое дело. Чего стоил, к примеру, один визит в Красноярск, вознамерившийся объявить себя суверенной территорией.

Я взял пистолет, вытащил обойму и убедился в том, что она и в самом деле битком набита оранжевыми прямоугольниками патронов.

Все — честь по чести.

— Убедились? — спросил Сдос.

— Да, — сказал я.

Вставив обойму на место, я положил пистолет на стол и отхлебнул из своего бокала.

— В таком случае — смотрите, — промолвил Сдос.

Он быстро — так что я не успел ему помешать, — схватил пистолет, дослал патрон в ствол, а потом поднес дуло к виску.

— Вы собираетесь застрелиться? — меланхолично спросил я.

— Ничуть не бывало, — сказал Сдос. — Ни в коем случае.

— Тогда положите пистолет обратно на стол. Не стоит играть с ним таким образом.

Вместо ответа Сдос нажал на курок.

Я прекрасно видел, как он это делает, поскольку как раз в этот момент следил за его указательным пальцем. Вот он согнулся, курок сдвинулся, и сухо щелкнул боек. Я ясно слышал щелчок, прозвучавший вместо выстрела.

— Еще раз? — спросил Сдос.

Вид у него был предовольный. Словно у маленького мальчика, которому удалось стащить из соседского сада десяток яблок.

— Почему бы и нет? — сказал я.

— У вас железные нервы, — промолвил Сдос.

— Ничуть не бывало. Просто я умею логически мыслить.

— В самом деле?

Он еще раз нажал на курок, и снова случилась осечка.

Меня это несильно удивило. Честно говоря, я видел фокусы и похлеще. Тут же все было очень просто. Да, конечно, пистолет заряжен, но кто сказал, что качественными патронами? Вот только говорить об этом не стоило. Если Сдос поймет, что его маленький фокус раскрыт, он может и не рассказать свою историю. А мне хотелось ее услышать. Значит...

— Неплохо, — сказал я. — А теперь, когда доказательства правдивости вашей истории получены, может быть, настало время ее послушать? Как я понимаю, она касается оружия?

— Она касается удачи, — поправил меня Сдос. — Самой настоящей, Великой Удачи.

Я кивнул.

Ну что ж, это лучше, чем умение блокировать действие любого механизма простым усилием мысли, но несколько хуже, чем, к примеру, умение насылать сны эротического содержания.

Впрочем, не тороплюсь ли я? Ведь история еще не рассказана.

— Значит, осечка произошла не случайно? — спросил я.

— Безусловно. Тут вмешался мой ангел-хранитель.

Я слегка выдвинул вперед правую руку и нажал большим пальцем на основание указательного. Крохотная точка, едва заметно мигнувшая на кончике указательного пальца, показала мне, что микрофон квадромагнитофона включен.

Вот теперь можно брать быка за рога.

— Рассказывайте, — сказал я. — Обещаю дослушать ваш рассказ до конца, о чем бы в нем ни говорилось.

— То есть, несмотря на мое предупреждение, вы решились? — спросил Сдос.

— Да, — подтвердил я. — Решился.

— Прекрасно. В таком случае я должен заказать еще по одному коктейлю, и можно приступать. Причем теперь моя очередь оплачивать выпивку.

— Согласен.

Сдос сделал заказ и после того, как на наш столик опустились бокалы, сообщил:

— У меня есть ангел-хранитель. Он начал опекать меня еще до рождения и будет заниматься этим до самой смерти. Если, конечно, она наступит. Впрочем... она наверняка наступит, поскольку люди не рассчитаны на вечную жизнь. И значит...

— Но то ведь люди... — привычно подыграл я.

Он улыбнулся:

— Нет, нет, я обычный человек. Я не умею ходить по воде и читать мысли, я не способен видеть сквозь стены домов, и меня не посещали пришельцы. Однако, как я уже сказал, у меня есть ангел-хранитель, а это немало. Во всяком случае, больше, чем вы можете себе представить.

— И именно благодаря его вмешательству пистолет дал осечку, — промолвил я, — причем два раза подряд.

— Конечно.

Я кивнул:

— Мне кажется, теперь настало время объяснить, каким образом вы этим ангелом обзавелись.

— Да, с этого, видимо, и следует начать.

— Итак?..

— Я получил его еще до рождения. Точнее, я и родился-то благодаря ему.

— Как же это произошло?

— Генетика. Лет тридцать назад она была в моде. Все, буквально все проводили эксперименты по улучшению человеческого рода. Вы знаете об этом?

— Знаю, — подтвердил я. — Однако, насколько мне известно, ни один из экспериментов по выведению сверхчеловека не увенчался успехом. До сих пор.

— Верно. Ни один. Сверхчеловека сделать так и не получилось, но по крайней мере один результат эксперименты принесли. Появился я.

Вот тут у меня в голове и прозвенел звоночек, предупреждающий любого охотника за сенсациями о том, что он обнаружил нечто интересное. Теперь требовалось лишь слушать да время от времени задавать наводящие вопросы. Туго наполненный бурдюк все же порвался, и его содержимое будет литься — независимо от того, нужно это кому-нибудь или нет, — пока он не опустеет.

— Так чем вы отличаетесь от обычных людей? — спросил я.

— Еще раз говорю — ничем, — развел он руками. — К примеру, я так же, как и они, в принципе мог бы чем-нибудь заболеть. Но на самом деле этого никогда не произойдет. До тех пор, пока со мной мой ангел-хранитель. А он, мне кажется, будет опекать меня до самой смерти. Хм... смерти? Знаете, вот сейчас, вспомнив о ней второй раз за последние несколько минут, я вдруг усомнился... А умру ли я когда-нибудь?

— Вы в этом сомневаетесь? — подкинул реплику я.

— Никогда об этом не задумывался всерьез. Мне кажется, есть какие-то шансы... — задумчиво сказал он.

— Шансы?

— ...в том случае, если старение является болезнью... — пробормотал он. — Наверное, у меня должен быть от нее иммунитет. Стоит подождать... Неизбежно.

— Что именно?

Я попытался вернуть его на грешную землю, и, кажется, мне это удалось. Тряхнув головой, словно пытаясь таким образом избавиться от ненужных мыслей, Сдос рассеянно улыбнулся и уже немного другим голосом промолвил:

— Итак, после того как вы получили неоспоримые доказательства существования моего ангела-хранителя...

Ну, это уже слишком.

— Любое доказательство можно оспорить, — мягко сказал я. — Любое. Мне не хотелось бы вас обижать...

Отхлебнув из бокала, Сдос сказал:

— Хорошо, допустим, вот сейчас, в данный момент, других у меня нет...

— Что совершенно не мешает мне выслушать вашу историю, — подсказал я.

— Да, конечно. Впрочем... — Он кинул на меня задумчивый взгляд, и мне на мгновение почудилось, будто он знает о том, что я наш разговор записываю. — Мне кажется, доказательства будут. Но сначала...

— Да, да, конечно, сначала...

— Прежде всего, я должен еще раз напомнить имя моего ангела-хранителя, — промолвил он. — Его зовут — Великая Удача. Не просто удача и даже не просто большая удача, а именно — великая.

— Принято, — сказал я. — Причем теперь мой черед заказывать выпивку.

— Пусть будет так, — согласился он.

Я заказал еще по коктейлю и приготовился слушать дальше.

— Теперь, — продолжил Сдос, — я должен вернуться к рассказу о том, как я им обзавелся. Я уже говорил, что это случилось еще до моего рождения, и, кажется, уточнил, в какое именно время. Теперь необходимо объяснить, как это было сделано. Среди энтузиастов, тридцать лет назад с головой погрузившихся в генетические эксперименты, был один, наткнувшийся на любопытную идею, и не просто любопытную, а — достаточно безумную...

— Кто именно? Есть у него имя?

— Конечно, — заявил Сдос. — И, наверное, вы его даже слышали. Это был Ульрик Сосновский.

— Ага, тот самый...

— Именно, — подтвердил Сдос.

Я хмыкнул.

Кто из охотников за информацией не знал Сосновского? Вот только...

— Но, мне кажется, он погиб в воздушной катастрофе как раз лет тридцать назад, — сказал я. — Той самой, удостоившейся титула «Летающей бойни». Нет?

— Ничего подобного, — заявил Сдос. — Он умер всего пять лет назад, естественным образом, от старости. А насчет «бойни»... Ну, просто Сосновского к этому времени так одолели журналисты, и не только они, что он стал подыскивать способ надолго избавиться от их внимания. К тому же ему страшно не хотелось афишировать эксперименты, в результате которых появился я.

— Почему? — спросил я.

— Их могли посчитать... В общем, в то время была целая куча общественных организаций, ратующих за «чистоту генов», и не только на словах. Сосновскому совсем не хотелось дразнить гусей.

— Хорошо, — сказал я. — Принимается. Идем дальше.

По правде говоря, это объяснение меня несколько разочаровало. Версия о том, что Ульрик Сосновский на самом деле не погиб в авиакастрофе и что его видели там-то и там-то, была за минувшие десятилетия так обсосана моими коллегами, что из нее нельзя было выжать не то что репортажа, но и пары строк, способных заинтересовать потребителя свежей информации.

— Он воспользовался подвернувшимся случаем, — продолжил Сдос. — Дал кое-кому взятку, и его фамилия появилась в списке погибших в Летающей бойне. После этого он удалился в заранее приготовленное убежище в одной из стран третьего мира и вплотную занялся своей теорией. Думаю, мне нужно объяснить, в чем она заключается. ...В общем, он догадался, в каком направлении идет эволюция человека.

— Гм... — сказал я.

— Я не собираюсь читать вам лекцию, — улыбнулся Сдос, — но очень вкратце объяснить суть теории Сосновского обязан, для того чтобы вы понимали, о чем идет речь. Прежде всего я хочу обратить ваше внимание на то, что человек с древнейших времен физически ничуть не изменился. К примеру, какой-нибудь древний грек ничем не отличается от современного человека.

— Что в этом удивительного? — спросил я. — Со времен Древней Греции прошло так мало времени...

— Зато как изменился окружающий мир, — перебил меня он. — И человек сумел к нему приспособиться. В то время как большая часть других живых существ — нет.

— Но ведь этот мир он сам же и построил.

— Совершенно сознательно? — ухмыльнулся Сдос. — Зная, к чему это приведет, планируя сделать его наиболее удобным для собственного выживания?

Я крякнул.

Вот тут он меня срезал.

Да и стоило ли спорить? Разве я за этим сюда явился?

— Хорошо, — промолвил я. — Выкладывайте дальше.

— В общем, Сосновский предположил, что человек все же изменяется, приспосабливается, просто никто это не замечает.

— Каким образом?

— В области везения. Он пришел к выводу, что наш средний современник более везуч, чем, например, тот же древний грек. Ситуации, в которых это везение могло бы проявиться, встречаются гораздо чаще. Скажем, древним грекам не приходилось ежедневно переходить запруженную машинами улицу. И болезней тогда было меньше. О большей части тех, от которых в наше время страдают люди, они и не слышали. А еще — стрессы, а еще — работа. Попробуйте представить, сколько раз за смену рабочий, работающий на штамповочном прессе, играет в орлянку с судьбой, рискуя лишиться руки? А водитель мобиля? Какова вероятность, что он во время полета на работу столкнется с неумелым водителем и погибнет, рухнув со стометровой высоты? В общем, если это все прикинуть, становится ясно, что почти любой наш современник каждый день рискует во много раз чаще, чем тот, кто жил пару тысяч лет назад. При этом каким-то образом средняя продолжительность его жизни гораздо выше, чем все у того же не раз уже упомянутого древнего грека.

— Так то — средняя, — сказал я.

— Вот именно, — многозначительно промолвил Сдос. — Средняя. Кто-то умирает достаточно быстро. А кто-то — живет и живет, умудряясь счастливо избежать тысячи напастей, ничуть не превышая среднего древнего грека по уму или быстроте реакции. Благодаря чему?

— Ну, тут можно поспорить, — буркнул я.

— Можно, — кивнул Сдос. — А стоит ли? Тем более что правоту высказанных Сосновским тезисов подтверждает само мое существование.

— Это как? — спросил я.

— Очень просто. Сосновский, как я вам уже говорил, на теоретических рассуждениях не остановился, он перешел к экспериментам. Он жаждал вывести человека, обладающего просто безграничным везением.

— Каким образом он это собирался сделать?

— Я не углублялся в саму технологию. Знаю лишь принцип. Сосновский постарался сделать так, чтобы зародыши, появившиеся в результате генной хирургии, еще до рождения подвергались испытанию, пережить которое можно только благодаря не просто удаче, а настоящей, большой удаче. Вы меня понимаете?

— Скорее всего это не требовало больших затрат, — заметил я.

— Ну да, — согласился Сдос. — Так ли трудно проверить потенциал удачи очередного зародыша? Достаточно в компьютер, управляющий его жизнеобеспечением, ввести особую программу и она через небольшие промежутки времени будет определять, стоит уничтожить этот зародыш или нет. Причем ответ на этот вопрос находится случайным образом. Это что-то вроде броска монеты, при котором «орел» означает жизнь, а «решка» — смерть. Он назвал свою программу «дамокловым мечом».

— Но ведь с точки зрения гуманности...

— О нет, — улыбнулся Сдос. — Никто, по закону, не сможет объявить личностью недельный зародыш.

— А потом, когда он немного подрастет?

— Как оказалось, время подрастать было только у одного зародыша. Представляете, сколько раз до того момента, когда покинул автоклав и фактически родился, он подвергался риску быть уничтоженным?

— Это были вы.

— Ну да. Все остальные ушли в брак. Профессор как-то мне сказал, что было несколько зародышей, продержавшихся под «дамокловым мечом» от одного дня до недели. Но до конца, все девять месяцев продержался один я.

Я мысленно сделал галочку.

Подробности некогда проводившихся бесчеловечных опытов. Время срывает покровы. И прочее, прочее... Вот тут можно было что-то накопать, тут уже был материал для небольшого сообщения.

— Любопытно, правда? — поинтересовался Сдос. — От меня требовалось всего лишь выжить в течение девяти месяцев. Кстати, мне иногда кажется, что сама мысль о возможности подобных экспериментов пришла профессору в голову совсем не случайно. Может быть, мой ангел-хранитель действовал уже тогда?

— Или даже — раньше, — подсказал я.

— Насколько? — задумчиво спросил Сдос. — Насколько раньше?

Похоже, эта мысль ему понравилась.

— Я боюсь, узнать это невозможно, — сказал я.

— Конечно, — согласился Сдос. — А жаль...

— Может быть, тогда вы продолжите свой рассказ?

— Продолжу. Хотя что тут, собственно, продолжать? Если я уцелел еще до рождения, то после него, с точки зрения обычного человека, жизнь моя является сплошным праздником.

— А на самом деле?

Он пожал плечами.

— В какой-то мере так оно и есть. После того как я вырос и покинул лабораторию Сосновского...

— Покинул? — перебил его я. — Как вам удалось это сделать? Неужели знаменитый ученый не попытался вам помешать? Мне кажется...

— Ему пришлось дать мне свободу. После того как я заявил, что хотел бы посмотреть мир, он как умный человек, осознав, чем грозят попытки меня удерживать, в тот же день отпустил меня на все четыре стороны.

— Угу, — хмыкнул я. — Да, действительно, тут все ясно.

— С тех пор как я ушел из лаборатории Сосновского, — продолжил Сдос, — никаких неприятностей у меня не было. Даже с деньгами. Поначалу, едва у меня появлялась нужда в наличке, я наносил визит в ближайший игорный дом или покупал лотерейный билет. Правда, некоторое время спустя я сообразил, что это не так уж и хорошо. Еще немного, и на мою невероятную удачливость начнут обращать внимание. Как вы знаете, корпорация владельцев казино ведет собственную картотеку особо удачливых игроков, справедливо предполагая, что некоторая часть из них схватила судьбу за усы не совсем честным образом. А на тех, кто слишком часто выигрывает в общегосударственную лотерею, по тем же причинам рано или поздно начинают обращать внимание стражи порядка. Осознав это, я решил поставить небольшой эксперимент и стал сознательно избегать ситуаций, в которых мог каким-то образом получить деньги. Соответственно, настал день, когда я потратил последнюю купюру.

— Любопытно, любопытно, — пробормотал я. — И что?

— Мой ангел-хранитель нашел выход и из этого положения. — Сдос покачал головой. — Спустя несколько часов после того, как я остался без денег, в дверь моего гостиничного номера постучал посыльный. Оказалось, что я стал наследником миллионера-сумасброда, составившего завещание таким образом, чтобы все его состояние досталось тому, кто будет проживать в определенном номере определенной гостиницы в определенный день. Понимаете?

— О да, — промолвил я. — Неужели вы пытаетесь сказать, что ваш ангел-хранитель так могуч?

— Мне кажется, — слегка улыбнулся Сдос, — он может и не такое. Учтите, он не только организовал ситуацию, он ее предвидел. Как я потом выяснил, завещание миллионера было составлено примерно за неделю до того, как он умер. Я тогда еще только додумался поставить свой эксперимент, только лишь до него додумался. Понимаете, что это означает?

Я хмыкнул.

Ну, сенсации из этого не выжмешь, но что-то любопытное, некое пополнение моей коллекции явно получится. Если я правильно оценил направление, в котором двигается мой собеседник.

— Другими словами, — сказал я, — у вас есть теория, с помощью которой вы можете объяснить, почему наш проклятый мир время от времени летит в тартарары. Вы утверждаете, что ваш ангел-хранитель является настоящей причиной всех этих идиотских неприятностей, совершенно невозможных с точки зрения теории вероятности. Взять то же «большое субботнее крушение гигантобуса», происшедшее месяц назад. Как показало расследование, оно случилось только благодаря тому, что старший штурман курил определенный сорт бездымных сигарет.

— Теория есть, — согласился Сдос. — И действия моего ангела-хранителя, конечно, влияют на окружающий мир, но что значит один, пусть очень сильный ангел в сравнении с гораздо менее могучими, но очень многочисленными ангелочками других людей?

— А... — сказал я.

— Вот именно. Теория Сосновского верна. Эволюция идет полным ходом и на смену человеку обыкновенному приходит человек везучий, очень везучий. У меня всего лишь этого везения неизмеримо больше, чем у моих современников. Не будь опытов Сосновского, возникновение такого, как я, произошло бы, так сказать, естественным путем, может быть, лет через триста, пятьсот. Кстати, попробуйте представить мир будущего, мир очень везучих людей, мир, в котором вымерли все, кому не удается с первого раза кинуть обычный кубик для игры в кости так, что он выпадет нужным образом.

Я попытался это сделать и невольно хмыкнул.

Вот кому действительно сегодня улыбнулась удача, так это мне. И конечно, мой собеседник безумен, но теорию он мне выдал неплохую. Такой еще в моей коллекции не было. А надо сказать, ее раздел, в котором хранятся объяснения на тему: «почему в этом мире так плохо жить», весьма обширен.

— Наверное, — предположил я, — это будет мир очень счастливых людей.

— Не думаю, — ответил Сдос. — Умение работать с компьютером не сделало современного человека более счастливым, чем его предка, жившего в Средневековье.

Я улыбнулся.

— Вот это напрасно, — промолвил Сдос. — Если вы улыбаетесь, значит, представили этот мир не таким, каким он на самом деле будет. Мир, в котором процветают не те, кто умеет что-то делать, а те, кому просто раз за разом везет, независимо от их ума и способностей. Мир, в котором эти способности не обязательно развивать, мир, в котором они просто не нужны. Зачем? Ведь есть великое везение.

— Вы слишком пессимистичны, — возразил я. — Представьте мир, в котором каждый человек волею случая найдет себе настоящую любовь, найдет свою вторую половину. Сколько людей сейчас остаются несчастными в личной жизни, поскольку не могут этого сделать? Если, конечно, теория Сосновского верна.

— А вы слишком оптимистичны и принципиально не желаете посмотреть на наше будущее с реальной точки зрения.

— Неужели? — удивился я.

Вот такого мне слышать не приходилось давненько.

— Конечно. В любом деле есть свои плохие стороны. Что происходит с ненужными, неиспользуемыми органами? Они постепенно исчезают. Нужен ли ум удачливому человеку, способному получить что угодно без малейших усилий, всего лишь благодаря Великой Удаче? Понимаете?

Я кивнул.

Вот тут что-то было.

— Значит, эволюция...

— Все верно. Кто сказал, что разум является вершиной эволюции? Может быть, он всего лишь промежуточный этап, благодаря которому возникнет истинная ее вершина — человек везучий? Он будет более приспособлен к выживанию, а значит, с точки зрения эволюции более совершенен. Может быть даже, человек будущего будет обладать большим, чем у меня, везением... Представить мне это трудно, но кто знает?

Он задумался.

Я взглянул на пятнышко микрофона на пальце. Цвет его не изменился. Это означало, что разговор записывается.

Гм... а может быть, в этом действительно что-то есть? Человек везучий, идущий на смену человеку разумному. Многим читателям эта мысль придется по душе. Она очень хорошо объясняет, почему в этом мире частенько преуспевают те, кто не обладает ни умом, ни

талантом, ни трудолюбием. Одна лишь наглость, беспринципность и везение... везение... А если еще предположить, что теория Сосновского и в самом деле имеет под собой какие-то основания... Кстати...

— Между прочим, — улыбнувшись, сказал я. — Если ваша удача так велика, то кто вам мешает стать, например, президентом нашей страны, а потом, если так этого захочется, и всего мира? Причем от этого все только выиграют. Кто откажется иметь своим правителем чертовски везучего человека?

— Хорошая мысль, — сказал Сдос. — Вот только в данном случае неосуществимая. Я уже говорил, что каждый наш современник более удачлив, чем его предки. Понимаете? Каждый житель нашей страны обладает крохотным ангелом-хранителем. По сравнению с мощью моего защитника силы их ничтожны, но все вместе... Вы поняли, что я имею в виду?

— Кажется, понял.

— Да, да, быть политиком без определенного таланта. А я им не обладаю. И если сограждане не поверят в меня как в политика, то их ангелы-хранители сделают все, чтобы я с этого поста убрался как можно быстрее, любым способом. Самый быстрый и надежный — неожиданная остановка сердца или пуля сумасшедшего террориста.

Я щелкнул пальцами.

Молодец, все схвачено и объяснено. Не придерешься.

Впрочем, за время охоты на чудиков мне попадались теории гораздо более безумные, но тем не менее построенные ничуть не хуже. Дело в том, что у чудиков, как правило, есть время на их обдумывание, на «доводку и шлифовку материала».

А ну-ка, еще вопрос...

— Очевидно, это положение существовало и раньше?

— Ну да, — сказал Сдос. — Тот же Александр Македонский... Не потому ли ему так везло в его завоеваниях, что ему помогали тысячи ангелов-хранителей его воинов, безоговорочно веривших в удачу своего предводителя?

— А как же быть с ангелами-хранителями политиков, вызывавших отрицательные эмоции во всем мире? Вот Гитлер, к примеру? Почему ангелы-хранители большей части жителей Европы не помешали ему их завоевать?

Он пожал плечами.

— А ангелы-хранители Германии? Она-то в него верила, по крайней мере достаточно долгое время. У Гитлера, кстати, к началу Второй мировой войны были идейные союзники не только в Германии. Может, он потому и проиграл, что умудрился настроить

против себя большую часть человечества и с этого момента был обречен? Количество ангелов-хранителей его противников значительно превысило число тех, кто в него верил.

Я крякнул.

Да, не подловишь.

Хотя...

— Значит, — уточнил я, — Сосновский невольно подтолкнул эволюцию человека везучего лет на триста, пятьсот?

— Нет.

— Почему? — искренне удивился я. — Ваши дети...

Он вздохнул.

— У меня не будет детей.

— Почему?

— Ну, это же просто. Великая Удача охраняет меня от всех невзгод и опасностей. Кстати, заодно и от конкурентов. Понимаете?

— Дальше, — потребовал я.

— Вы так и не поняли?

— Нет.

Он еще раз вздохнул.

— Ну хорошо, я вам объясню. Конкурентами станут дети. У них будут такие же, как у меня, а то и более сильные способности. В любом случае они будут представлять для меня опасность.

— И эта великая удача...

— Ну да, она делает все, для того чтобы они никогда не появились. А учитывая ее всемогущество...

— Значит, вы... — сказал я.

— Нет, нет, — грустно улыбнулся он. — У меня все нормально. Я стопроцентный мужчина. Но все женщины, с которыми мне случается разделить ночь...

— Они умирают, — мрачно сказал я.

— О нет, — усмехнулся он. — К чему такие крайние меры? Великая удача предпочитает действовать более простым, требующим меньших энергетических затрат путем. К примеру, неподходящие для зачатия дни... Убивает она лишь в самом крайнем случае. Впрочем, пару раз, прежде чем я до конца осознал, что именно происходит, случалось и такое.

— Значит...

— Да, — резко перебил меня он. — Именно так. У меня слишком сильный ангел-хранитель. Мне просто не найти женщину, обладающую такой же, как у меня, удачей, способной нейтрализовать действия моего ангела-хранителя и позволившей ей зачать от меня ребенка. Помните, вы говорили о том, что большая удача поможет

найти свою вторую половину? А как быть, если ее еще нет на свете? Что делать, если она появится на свет не раньше, чем лет через триста, пятьсот? Понимаете? Возможно, именно сейчас где-то в мире, в такой же, как у Сосновского, лаборатории некто пытается повторить его опыт. Если одному человеку пришла в голову какая-то идея, то всегда найдется и другой, способный до нее додуматься. И, возможно, в результате этого опыта могла бы возникнуть моя пара, та женщина...

Он замолчал, горестно взмахнул рукой и пригубил из бокала.

Я кивнул:

— Понимаю. До тех пор пока вы живы, никто повторить опыт Сосновского не сможет. Великая Удача охраняет вас и тут.

— Верно, — тихо промолвил он. — Так оно и есть. Никаких конкурентов, никакой опасности.

Мы немного помолчали.

Потом я заказал еще по коктейлю.

Сдос глотнул из своего бокала и с горечью сказал:

— Более всего меня убивает даже не это. Вы попали в точку, когда сказали о теории, объясняющей, почему наш мир летит в тартарары. Я вам возразил и рассказал о маленьких ангелах-хранителях других людей. И все же иногда мне кажется... иногда я пытаюсь представить, как моя Великая Удача в конечном итоге отражается на состоянии мира. Не само прямое ее воздействие, поскольку оно, как правило, касается лишь окружающих меня людей, а последствия этих воздействий, расходящиеся подобно волнам от брошенного в пруд камня. Я не могу знать, на какие меры идет Великая Удача, чтобы защитить меня, к примеру, от попадания в водопроводную систему, из которой я пью воду, каких-нибудь отравляющих веществ или от аварийного взрыва ближайшей атомной станции. А если учесть более глобальные опасности вроде войн... Кто знает, может быть, подоплека большинства происходящих в мировой политике процессов в действительности имеет целью лишь ограждение меня от каких-то неведомых мне глобальных опасностей?

— Но даже если и так, — сказал я, — то стоит ли думать о процессах, за которыми вы не сможете проследить, узнать их реальную подоплеку?

— Вот это и печально. Кто знает, может быть, во имя моего благополучия уже умерло такое количество людей, что меня надо судить как нацистского преступника?

Мы еще немного помолчали.

Я никак не мог придумать, что еще ему можно сказать. В самом деле...

Сочувствовать? Стоит ли сочувствовать тому, кто может получить все, что пожелает, и достаточно быстро? У него никогда не будет детей? Да, скверно, но на Земле проживает великое множество его собратьев по несчастью, лишенных привилегий, даруемых обладанием Великой Удачей. Он — одинок? Ну и что? Я вот тоже в данный момент одинок. Только он может себе позволить прямо сейчас отправиться в какой-нибудь клуб для богатых и весело там провести время. Я же буду до утра кочевать из бара в бар в поисках следующего чудика, поскольку более дорогое развлечение мне не по карману. Причем, кроме всего прочего, он надежно огражден от всяких там неприятных случайностей, от целого сонмища страшных болезней... да от чего угодно... В то время как я...

Я вздрогнул.

Зависть? О нет, это не она. Можно ли завидовать идущему за окном дождю, кошке, наделенной даром получать кайф оттого, что ее гладят по мягкой шерстке, лорду, получившему свой титул от рождения?

Лорду...

Он получил свою Великую Удачу тоже от рождения, не приложив к этому ни малейших усилий. Можно ли тут чему-то завидовать? Хотя есть же люди, жаждущие дворянских титулов.

Я ухмыльнулся.

А все-таки, наверное, правы утверждающие, будто часто общающиеся с сумасшедшими рискуют сами слететь с катушек. Вот и я...

С чего я надумал воспринимать фантазии этого чудика всерьез? И вообще, стоит ли сейчас о чем-то раздумывать? Надо попытаться выжать из Сдоса еще что-то, какие-то подробности его мнимой жизни. Еще хоть капельку... Детали, важные мелочи. Чем их будет больше...

— Благодарю, — нарушил молчание Сдос. — Вы меня не только выслушали, но еще и подкинули мне парочку неплохих мыслей... Это ценный, очень ценный подарок.

— Я счастлив, если смог вам помочь.

— А теперь мне пора, — сказал Сдос. — Думаю, мне надо вернуться домой и эти мысли хорошенько обдумать.

Он встал.

— Подождите, — промолвил я. — У меня к вам еще столько вопросов. Неужели вы позволите мне остаться в неведении...

Теперь я чувствовал себя игроком, сумевшим наконец-то запустить лапу в кассу игорного дома, вернуть себе некую толику проигранных денег, игроком, которому вдруг объявили, что заведение уже закрывается и более никакой игры не будет.

— Мне пора уходить, — жестко сказал он. — И если вы попытаетесь меня удержать... Кто знает, может быть, великое везение расценит это как попытку причинить мне зло...

Я ему, конечно, не верил ни капли, но почему-то в этот момент у меня по спине пробежал холодок. Именно поэтому я так и не задал уже готовый сорваться с губ вопрос.

А он шел прочь, к выходу из бара. Он уходил, гордо вскинув голову, не глядя по сторонам, словно король, шествующий впереди своей свиты.

Я подумал, что так оно в его представлении и есть. Только вместо свиты за ним шествовала Великая Удача. Так ли это хуже? Может, несмотря ни на что, — лучше?

Еще я подумал, что уже почти поверил и в рассказанную им историю жизни, и в теорию Сосновского.

Наверное, это и помешало мне начать действовать. А ведь по идее, я мог попытаться за ним проследить. Узнать, кто он, откуда, выведать его настоящую историю, истинное имя. Мои годами отработанные инстинкты требовали от меня именно этого. Но я не решился.

Нет, только не я и не сейчас.

Что, если в его словах имеется хоть какая-то толика правды? Стоит ли связываться с самой Великой Удачей? С ней шутки плохи.

В общем, он ушел, а я остался. И заказал себе еще один коктейль, а как только бокал появился, жадно из него отхлебнул. А потом пришел в себя окончательно, поскольку жидкость в бокале являлась все тем же, давно мне знакомым коктейлем «Рафаэль», и, значит, я снова был в реальном мире, в котором чувствовал себя словно рыба в воде, в котором можно было не опасаться...

Я сделал еще один глоток и ухмыльнулся.

А чего, собственно, опасаться? Все уже позади, все закончилось. У меня появился кое-какой материал, и кто мешает мне накатать очередную статейку, например, для «Бюллетеня паранормальных событий» или «Мира непознаваемых тайн», а может, ее даже стоит толкнуть в «Отчеты грядущего Армагеддона»? Сенсации, конечно, не получится, но что-то из разговора с сегодняшним чудиком я выжать смогу.

И вообще, пора заканчивать с коктейлями. Наступало время работать.

На этот раз я заказал кофе и, после того, как ко мне от стойки приплыла чашечка, стал прикидывать, каким образом выстрою текст. Скорее всего в него придется вставить какие-то прогнозы, попы-

таться придумать интересные возможности использования Великой Удачи.

Какие, например? Да сколько угодно. Сдос не способен быть президентом, но страна, на территории которой он живет, может смело начинать ядерную войну с кем угодно. Ни одна вражеская ракета на ее территорию не упадет. Великая Удача справится с ними надежнее «космического щита».

Хотя нет, это не годится. Ограждая своего подопечного от опасности, Великая Удача может вообще уничтожить любое ядерное оружие.

Как? Ну, кто знает, какой путь она выберет? Как я могу это предугадать? Самый простой вариант — тот, при котором ни одна ракета просто не взлетит. А еще проще, если те, кто будет пытаться открыть военные действия, станут умирать от инфаркта один за другим.

Я взял чашечку, задумчиво повертел в пальцах и поставил обратно на стол.

Кофе...

Нет, надо трезветь, надо приходить в себя, надо начинать работать...

Я снова протянул руку к чашечке и замер, увидев, как по ее боку, медленно, словно нехотя, пробежала тоненькая трещинка. Вот она стала шире, бокал тихонько звякнул и распался на две половинки. По столу расплылась коричневого цвета лужица, разделилась на тоненькие ручейки и вдруг застыла, образовав слово «берегись».

Я протер глаза.

Ну да... Все верно. Все как в старой детской книжке. «Деньги дерешь, а корицу — жалеешь. Берегись».

Как в детской книжке...

— Прошу простить, — послышался голос иск-бармена. — Некачественная посуда. Вам сейчас подадут новый кофе, за счет заведения.

Тотчас на мой столик, ловко переставляя длинные суставчатые ножки, спустился паук-уборщик. Выпустив из брюшка плоский хоботок, он всосал пролившуюся жидкость, собрал осколки, провел по столу дезинфицирующей тряпочкой и вознесся по своей паутинке обратно под потолок.

Передо мной очутилась другая чашечка, но я почти не обратил на это внимания.

Я думал о том, что за прикосновения к тайне надо платить, и весьма дорого. За некоторые — даже не деньгами.

Кстати, вот еще неплохой вопросец. Что именно Великая Удача рассматривает как возможность нанесения вреда своему подопечному? Входит ли в этот список мое с ним интервью? Как оно может ему повредить?

Я покосился на чашечку, но взять ее не решился. Кто знает, может быть, у иск-бармена случился сбой в программе, и он добавил в кофе какой-нибудь гадости, способной меня отправить на небеса не хуже цианистого калия?

А интервью... Да, огласка может Сдосу и повредить. И значит...

Медленно, невыносимо медленно, чувствуя, как воздух вокруг меня стал вязким, словно сироп, и, кажется, даже слегка нагрелся, я опустил руку в карман, в котором у меня лежала коробочка квадромагнитофона, и на ощупь нашел нужную кнопку. Теперь для того, чтобы уничтожить сделанную запись, хватило бы и легкого нажатия пальца. Однако как трудно было его сделать.

Вообще-то мне уже приходилось уничтожать записанный материал. Очень редко, но такое в жизни каждого профессионала случается. Как, например, сейчас, когда сам факт наличия записанного разговора уже является смертельной опасностью.

И все-таки я колебался.

Может быть, я слишком рано испугался? Возможно, лопнувшую чашку следует отнести в разряду совпадений? Такое случается и в обычной жизни. Внутренние напряжения... И надпись... Могут же, по идее, четыре обезьяны, если случаю так будет угодно, напечатать на четырех пишущих машинках пьесу Шекспира? Так почему бы жидкости из лопнувшей...

А потом на стенке стоявшей на моем столике чашечки возникла трещина, и прежде чем она расширилась, прежде чем на столик упала первая капля, я нажал кнопку.

Чашечка все же развалилась. Правда, надписи на этот раз не было, но это уже не имело никакого значения.

Иск-бармен извинился передо мной еще раз и послал мне третью чашечку кофе. Как все искусственные создания, он был лишен любопытства, и, наверное, сейчас это было неплохо. С потолка снова спустился паучок и стал приводить стол в порядок, а я сидел, как мне в этот момент казалось, в полной тишине, и мне вовсе не хотелось думать о том, что через триста или пятьсот лет человечество превратится в толпу ну просто очень везучих идиотов. Гораздо важнее для меня сейчас было другое: удовлетворится ли Великая Удача только предупреждением?

Она не является живым существом, не обладает разумом, неспособна мстить. Значит, после того, как я уничтожил запись, она

должна оставить меня в покое. Я более не смогу принести вред ее подопечному. Или смогу? Может быть, для этого достаточно всего лишь знать? А поскольку избавиться от воспоминаний нельзя, получается, я обречен?

Нет, нет, не надо впадать в панику. Лучше попытаться прикинуть, где пролегает граница, за которой Великая Удача рассматривает мои действия как вред ее подопечному. Как далеко простираются ее возможности? Сумеет ли она ликвидировать причины его скверного настроения? Чем рискует тот, кто его, пусть даже невольно, вызвал?

Кстати, входит ли в этот список скверное настроение, напавшее на подопечного по причине случившейся с утра плохой погоды? И что в таком случае может сделать Великая Удача? Разогнать облака? А что будет во время прогулки на пляж — возникнет риск, что он обгорит? Включит ли Великая Удача наше солнце в число объектов нежелательного воздействия на подопечного и чем это может закончиться?

Я тряхнул головой.

Ну да, конечно, тут я хватил. Она не может быть настолько всемогущей. А насколько? Кто знает, может быть действительно значительная часть происходящих в мире событий случается лишь для того, чтобы уберечь подопечного Великой Удачи от каких-либо неприятностей? Войны по совершенно надуманным причинам, крушение космических кораблей, обвал фондовых бирж и прочее, прочее... Может, и в самом деле все эти бедствия являются лишь ходами огромной, разыгрываемой на территории всей планеты шахматной партии, ведущейся для того, чтобы уберечь Сдоса от любых опасностей, в том числе и от риска подхватить тривиальный насморк?

Машинально взяв чашку, я отхлебнул из нее и тут же осознал, какую глупость совершил. А что, если бы в ней действительно оказался яд? Впрочем, его не было. И не является ли это признаком, что я уже нахожусь вне сферы внимания Великой Удачи? Может быть, стоит просто отправиться домой и лечь спать? Сегодня ничего интересного уже не будет.

Вот только не мог я этого сделать, поскольку ноги у меня были как ватные, а по спине тек холодный пот. И еще я с большим трудом удерживался от того, чтобы не начать озираться, пытаясь прикинуть, каким образом меня может достать ангел-хранитель Сдоса.

Если даже в кофе не было яда, это ничего не значит. Кто мешает Великой Удаче обрушить на мою голову одну из вон тех декоративных колонн, когда я буду проходить мимо нее? А может,

ловушкой окажется дверь? Что-то в ней разладится, и, попытавшись выйти из бара, я окажусь между двумя сходящимися створками, которые сломают мне шею? А еще что-то может сгореть в управляющем баром компе, и паучок, спрыгнув с потолка, вместо того чтобы протереть мой столик, запросто может вцепиться мне в горло. Причем даже если мне удастся благополучно выбраться из бара, это еще не будет означать, что меня оставили в покое. На улице возможностей покончить со мной будет еще больше.

И как только эта мысль мне пришла в голову, я почти успокоился. В самом деле, все, что могло произойти, — уже случилось. И куда бы я ни пошел, чем бы ни занялся, если Великая Удача этого захочет, она меня сделает. Причем тянуть кота за хвост не в ее правилах. Наверняка, если мне суждено умереть, это случится в течение ближайшего часа.

А пока мне остается лишь сидеть, задавать себе вопросы, ответы на которые я вряд ли когда-нибудь сумею узнать, и ждать. Ждать и надеяться на лучшее, может быть, на собственную удачу.

Что там говорил Сдос? У каждого человека есть свой маленький ангел-хранитель. Может быть, мой поможет мне выпутаться и на этот раз? Отвел же он пулю снайпера в мятежном Красноярске, помог выбраться живым из очистных сооружений Варшавы и избежать линчевания в Лос-Анджелесе, свихнувшемся во время краха долларовой системы...

Силы его по сравнению с самой Великой Удачей — ничтожны, но все же... По крайней мере сейчас он оставался единственной моей надеждой, и более рассчитывать мне было не на кого.

Май 2003 г.

ДЖИНН

1

Пустыня пахла сиренью. Она так и называлась — Сиреневая пустыня.

К вечеру запах усиливался и для обладавшего тонким нюхом крысиного короля становился почти непереносимым. На караванщиков он, похоже, либо просто не оказывал никакого действия, либо же они к нему просто притерпелись и вовсе перестали замечать.

Вот этого крысиный король понять не мог. Как можно привыкнуть к такому терпкому и сильному запаху?

Еще пустыня, как и положено настоящей пустыне, была достаточно однообразна. Барханы, барханы и барханы, а также старая, местами занесенная песком караванная дорога. И ветер, и солнце, и жара. А еще временами мелькнувший на горизонте силуэт истощенной до последней степени химеры да то и дело возникающая на обочине дороги фигура призрачного торговца родниковой водой, во все горло нахваливавшего свой товар и рассыпающегося в прах, стоило сделать к нему хотя бы шаг. Разговоры караванщиков обычно сводились к обсуждению достоинств той или иной еды, отличительных признаков самок и возможностей потратить заработанные деньги, причем в основном на более детальное изучение первых двух предметов. Хозяин каравана отличался непомерной толщиной, обладал достаточной для занимаемого положения хитростью и житейской сметкой, но разговоры его ограничивались все тем же неизменным набором тем. Правда, рассуждал он о самках и еде с несколько утомленным видом, как бы намекая на свои большие, чем у обычных караванщиков в данных вопросах, познания, однако это не превращало беседы с ним хотя бы в некое подобие достойного общения.

Еще были охранники каравана, но они разговаривать не любили, предпочитая все свое время, за исключением уделяемого сну и еде, с тревогой вглядываться в даль, очевидно, ожидая от пустого горизонта какой-то каверзы, а может, и в самом деле углядывая там нечто весьма интересное, недоступное созданиям, наделенным не таким, как у них, острым зрением.

В любом случае разговорить их было невозможно, в чем крысиный король убедился после нескольких безуспешных попыток.

Таким образом, если не считать мыслей, мечтаний и воспоминаний, единственным для него развлечением за время путешествия по Сиреневой пустыне были изредка попадавшиеся, расположенные в оазисах городки. В них караван задерживался на пару дней для отдыха и пополнения запасов провизии, а также воды. Жители городков особым умом не отличались, и это позволяло крысиному королю использовать подобные остановки на полную катушку.

В данный момент, восседая на спине песчаной рыбы, слушая скрип песка, разгребаемого ее похожими на совковые лопаты плавниками, крысиный король пытался подсчитать, сколько он уже заработал своими штучками с того момента, как попал в Сиреневую пустыню.

Получалось неплохо. И даже если учесть стоимость путешествия, если вычесть расходы, то все равно сумма получалась немалая. Вполне возможно, к концу Сиреневой пустыни он скопит достаточно денег для того, чтобы миновать следующие пару миров, не сильно заботясь о пропитании. Просто будет ехать и ехать, останавливаясь лишь для ночевок, от одних ворот к другим, от одной перемычки между мирами к следующей... Все ближе к своему родному миру... все ближе... Кстати, до него не так уж и много оставалось. Миров семь, не больше.

Крысиный король вздохнул.

Миров семь...

Если подумать, то не так уж и мало.

А во всем виноват великий маг Ангро-майнью, взявшийся неизвестно откуда водный элементал и, конечно, белый дракон — мерзкий, противный старикашка, сыгравший с ним не очень красивую штуку. Примерно такую же, какую он сам сотворил с белым драконом еще раньше.

Но все-таки... все-таки...

Может быть, ему стоило проявить большую сообразительность и настойчивость в разговоре с Ангро-майнью? Возможно, сейчас не пришлось бы тащиться в свой родной мир по этой провонявшей сиренью пустыне?

Он вздохнул еще раз.

Один из охранников каравана протрубил в короткий, оправленный в серебро рог танцующей коровы.

Дав песчаной рыбе сигнал остановиться, крысиный король быстро огляделся.

На горизонте висело пылевое облако, судя по величине, оставленное не менее чем отрядом всадников. Причем облако это стремительно приближалось к каравану.

2

— Он заплатил мне деньги, и я за него отвечаю, — промолвил хозяин каравана.

— Это верно, — сказал командир отряда стражников.

Панцирь его был украшен золотыми насечками, лезвие кривого ятагана в руке отливало синевой.

— Он мне доверился, и я должен его защищать, пусть даже и ценой жизни.

— Это тоже верно.

— Если я выдам его, об этом узнают все, и убытки мои неизбежны. Большие убытки.

— Большие, — согласился командир отряда. — Однако и вина за ним есть, причем немалая. Чем не основание для выдачи?

— Нет, — покрутил головой хозяин каравана, — не основание. В караване он ни в чем плохом не замечен. А это главное. Значит, не могу я его выдать.

— И тем самым решил ты пренебречь милостью Аббаса, грозно рыкающего льва Сиреневой пустыни? — почти равнодушно, словно мысленно ставя галочку в каком-то списке, уточнил командир отряда.

— Гм...

Хозяин каравана задумался.

Крысиный король окинул взглядом горизонт, провел лапой по спине своей рыбы. Та с готовностью выпустила фонтанчик пыли, зашевелилась, с хрустом перемалывая жабрами песок.

Крысиному королю захотелось взвыть.

Кто бы мог подумать? Оказывается, жители городов Сиреневой пустыни не так просты, как казалось. И вот он угодил в ловушку, да еще в какую. Удрать из нее будет непросто.

Нет, конечно, он может попытаться оставить стражников Аббаса с носом. А дальше что? Топать по пустыне еще десять дней без еды и питья? Не получится. Он откинет лапы, не пройдя и половины пути.

На чью-то помощь рассчитывать бесполезно. Как выяснилось, здесь, в Сиреневой пустыне, есть возможность передавать новости из одного города в другой, и причем достаточно быстро. Каким образом жители пустыни умудряются это делать?

Впрочем, сейчас об этом думать не стоит. Сообразить бы, как вывернуться из ловушки...

Если даже он и удерет от стражников, то ни в одном городе на помощь рассчитывать не стоит. Там о нем будут знать, и там его будут ждать.

Хм... ситуация...

— Значит, в городах он слегка пошалил? — спросил хозяин каравана.

— Если бы — слегка, — промолвил командир отряда. — Можно сказать — славно повеселился. И вот теперь великий Аббас приказал доставить его в свой дворец.

— Для судилища?

— Великий Аббас в своих поступках никому не отчитывается.

— Конечно-конечно, — поспешно сказал хозяин каравана. — Кстати, если я его все-таки не выдам, то какие у вас на этот случай даны инструкции?

Командир отряда свирепо улыбнулся:

— А ты не догадываешься?

Вот это уже хозяину каравана вовсе не понравилось.

— Что ж, — сказал он. — Значит, выбора у меня действительно нет.

— Нет, — подтвердил командир отряда стражников.

— В таком случае сопротивляться не имеет смысла. Можете его забрать.

Командир отряда стражников повернулся к крысиному королю и сказал:

— Ты поедешь с нами.

3

— О нет, — сказал Аббас, грозно рыкающий лев Сиреневой пустыни. — Мои стражники перестарались. Они должны были всего лишь пригласить тебя навестить мой дворец.

— Вот как? — спросил крысиный король.

— Конечно. Вежливо и с достаточным почетом. Неужели кто-то из них осмелился выказать к такой значительной персоне неуважение? Неужели кто-то из моих недостойных слуг дерзнул коснуться тебя хотя бы пальцем? Если так, то он будет жестоко наказан.

Крысиный король окинул Аббаса задумчивым взглядом.

Рыкающий лев был худ, и роскошный, шитый золотом халат болтался на нем как на вешалке. Узкое, костистое лицо правителя пустыни хранило на себе печать осознания собственного величия и значимости, а вот глаза бегали, словно белки, застигнутые наводнением на крохотном, неумолимо уменьшающемся островке. Если добавить к этому руки, то и дело начинавшие терзать огромные четки, то получится облик правителя, с которым крысиный король менее всего в данных обстоятельствах жаждал встретиться.

Однако выбора у него не было.

— Впрочем, я знаю силу своих приказов, — промолвил Аббас. — Уверен, стражники были в достаточной степени почтительны. Не так ли?

— Так, — сказал крысиный король. — Ни один из них не коснулся меня и пальцем.

Аббас осторожно погладил четки, лежавшие перед ним на подносе из бесценного драконового дерева, и, резко отдернув руку, промолвил:

— Несомненно, ты славно повеселился в живущих под моей рукой городах и, возможно, даже нанес их жителям кое-какой ущерб. Однако имеет ли это хоть какое-то значение? Да ни малейшего, поскольку совершил ты все это лишь ради развлечения, желая скрасить долгий путь к моему дворцу. Не так ли?

Крысиный король осторожно сказал:

— Мудрость грозно рыкающего льва Сиреневой пустыни велика. Не мог бы он открыть мне, каким образом он догадался о моих намерениях?

— Все очень просто, — довольно ухмыльнулся Аббас. — Это единственное достойное объяснение твоего поведения в принадлежащих мне городах. Прочие подразумевают наличие некоторого неуважения к моей мудрости и силе.

— А оно наказуемо?

— Да, самым обычным образом. Осмелившемуся на подобное наглецу отрубают голову.

Крысиный король кивнул.

Ну вот, кое-что проясняется. За удовольствия, оказывается, надо платить.

— Значит, я могу все-таки чем-то тебе помочь? — осторожно спросил крысиный король.

— Да, можешь.

— И чем?

— Мне нужна одна вещь. Я не могу ее получить обычным образом, поскольку она хранится у гнусного Хаддаса.

— И он...

— Порождение тьмы пустыни, вознамерившейся однажды скрестить полосатого трупоеда и смрадного, ядовитого гигантского слизняка.

— Судя по этим эпитетам, гнусный Хаддас обладает такой силой, что может игнорировать твои приказы? — сделал вывод крысиный король.

— Сила его вряд ли больше моей. Мне думается, даже меньше. Однако есть некий предмет, не позволяющий мне на него напасть.

— И эту вещь я должен для тебя украсть?

— Вот именно.

— Что она собой представляет?

Аббас взял четки и, передвинув несколько зерен, положил их обратно на поднос.

— Не могу же я украсть то, о чем не имею ни малейшего представления... — промолвил крысиный король.

— Это лампа с джинном.

— Ах вот как...

Крысиный король облегченно вздохнул.

— Ты украдешь ее для меня, — сказал Аббас.

И это была не просьба. Приказ.

— А зачем? — поинтересовался крысиный король. — Какой смысл в лампе с джинном?

— Разве ты не знаешь?

— Знаю. Три желания. Да только не было еще человека, не было еще существа, умудрившегося заставить джинна правильно выполнить хотя бы одно желание.

— Хочешь сказать, что джинны не выполняют желания обладателя лампы?

— Выполняют. Любое. Сразу.

— Так в чем же дело?

— Никому еще не удалось заставить джинна выполнить свое желание так, как он этого желает. Понимаешь?

— Нет.

— Ну, вот говоришь ты джинну, что хочешь мешок золота. И он выдает тебе мешок золота. А поскольку о размерах мешка ты

ничего не сказал, то он величиной со скалу и весь его занимает один-единственный слиток, который сразу утащить куда-нибудь и спрятать ты не можешь. А тем временем о слитке узнают какие-нибудь люди, и за обладание им начинается настоящая война. Кто-то его, наверное, получит, но только не ты. Уж будь уверен.

— Для меня это не проблема, — промолвил Аббас. — Заранее пригоню к слитку все свое войско.

— А джинн тогда преподнесет тебе обычный мешок с золотом, но только взять его в руки ты не сможешь. Будет он у тебя из рук все время выскальзывать. А как можно использовать золото, если никто не в силах его даже сдвинуть с места? Понимаешь? Вся проблема в том, чтобы загадать желание, которое джинн обязан выполнить в точности. А джинны — они очень хитроумные. Короче, проще заработать мешок золота, чем заставить джинна его тебе принести.

— А если попросить не мешок золота, а что-нибудь другое? Например, уничтожить соперника.

— Та же самая история. Джинн выполнит твой приказ так, что ты рад не будешь и уж обязательно пожалеешь об отданном приказе. Причем вероятность того, что джинн использует твой приказ для того, чтобы поменяться с тобой местами, крайне велика. Таким образом, вознамерившись отдавать приказы джинну, ты либо получишь совсем не то, о чем мечтал, либо окажешься в лампе. Хорошая перспектива?

Аббас недоверчиво глянул на крысиного короля и спросил:

— А ты не врешь?

— Зачем мне врать? Не веришь — наведи надлежащие справки. Обратись к любому знающему волшебнику. Он тебе все это растолкует. Вообще о коварстве джиннов известно уже давно, и поэтому связываться с ними рискуют только люди. Никого иного хотя бы прикоснуться к лампе с джинном не заставишь.

— А Хаддас?

— Просто блефует, пользуясь тем, что ты не знаешь о том, как обстоят дела с джиннами. Стоит ли воровать эту лампу, если она не дает своему владельцу ничего? Подумай, если бы джинна можно было заставить исполнить три желания, стал бы Хаддас медлить? И попробуй угадать, каким было бы его первое желание?

— Я догадываюсь.

— Ну вот видишь? А раз Хаддас до сих пор не использовал лампу, значит, знает о коварстве джиннов. Стоит ли в таком случае бояться какой-то лампы, если противник не способен заставить сидящего в ней джинна выполнять свои желания?

Немного поразмыслив, Аббас спросил:

— Однако в принципе могут возникнуть обстоятельства, при которых Хаддас попытается заставить джинна выполнить свои желания?

— В принципе возможно что угодно. В принципе можно даже украсть из гнезда зеленого дракона свежее яйцо. Однако попробуй это сделать на практике.

— И все же, — твердо сказал Аббас, — я хочу, чтобы ты украл у моего врага лампу с джинном. Надеюсь, ты не оскорбишь меня отказом?

Крысиный король обреченно вздохнул.

4

Синяя мантикора перевернулась на другой бок и громко, с подвыванием, захрапела. В тот момент, когда крысиный король проходил мимо нее, мантикора неожиданно хлестнула хвостом. Острое жало, венчавшее его кончик, рассекло воздух на расстоянии пальца от носа крысиного короля.

Тот проворно юркнул в ближайшую нишу и покинул ее только тогда, когда мантикора затихла.

Бесшумно прокравшись к выходу из туннеля, крысиный король внимательно осмотрел прутья перегораживавшей выход решетки и довольно улыбнулся.

Главным союзником любого вора является лень и беспечность сторожей. А эта решетка когда-то была крепкой и надежной. Вот только сейчас...

Ловко и быстро отогнув один из почти полностью изъеденных ржавчиной прутьев, крысиный король протиснулся сквозь нее и оказался во дворе замка.

На небе была вторая луна, желтая, словно глаза больного желтухой. Времени до рассвета осталось не так уж много.

Впрочем, крысиного короля это не очень волновало.

Главное было сделано. Лампа уже лежала в кожаной сумке у него на поясе, и, значит, теперь оставалось только выбраться из замка Хаддаса. Чуть-чуть везения...

Минут через пятнадцать вторую луну закрыла туча, и, воспользовавшись этим, крысиный король пересек двор, так что стражник, стоявший на ближайшей стене, его не заметил. Ловко цепляясь

когтями за малейшие выступы, крысиный король вскарабкался на стену.

Остановившись, стражник сладко зевнул и окинул взглядом ближайшие к замку, поросшие короткой жесткой травой холмы. Убедившись, что ничего подозрительного на них за последнее время не появилось, стражник совсем уж мимоходом взглянул на начинавшиеся за холмами песчаные барханы. Там тоже не было ни единой живой души.

Еще раз зевнув, стражник хотел было продолжить обход, но тут ему на спину обрушилось чье-то довольно тяжелое тело. Прежде чем стражник успел поднять тревогу, на его горле сомкнулись цепкие лапы...

Сняв с мертвого чалму, крысиный король размотал ее и, привязав один конец к зубцу, стал спускаться. На середине стены чалма кончилась. Отпустив ее конец, крысиный король ловко приземлился на траву и довольно резво побежал в сторону находившейся неподалеку от замка небольшой рощицы.

— Надеюсь, — спросил Аббас, — это именно та лампа?

— Взгляни на украшающие ее магические руны, — сказал крысиный король. — Неужели кто-то мог осмелиться нанести их на обычную лампу? Как видишь, я свои обещания выполняю.

— Это похвально, — промолвил Аббас. — Значит, лампу ты мне доставил. Что намерен делать дальше?

— Продолжу свой путь. Я уже прикинул, что если поеду от этой рощицы прямо на восток, то менее чем за день окажусь на караванной тропе. Надеюсь, твои стражники снабдят меня необходимыми запасами воды?

Улыбнувшись, Аббас покачал головой.

Крысиному королю его улыбка не понравилась. Очень.

— Тебе что-то еще надо?

— Конечно.

— Что именно?

— Только помощи мудрым советом. Неужели ты оскорбишь меня отказом в такой мелочи?

— Понятно, — мрачно сказал крысиный король. — Тебе мало лишить своего врага лампы. Ты все-таки решил попытать счастья с тремя желаниями. Зная людскую натуру, этого следовало ожидать.

— Да, решил, — с вызовом сказал Аббас. — Сейчас ты поедешь со мной. После того как мы оторвемся от погони и окажемся в моих владениях, ты поможешь мне загадать правильные желания. После этого я в твоих услугах больше не буду нуждаться.

— Неужели ты ничего не понял? — с горечью промолвил крысиный король. — Я уже говорил тебе, что ни один человек не в силах перехитрить джинна. По крайней мере до сего момента это не удалось никому.

— Ни у кого не было такого помощника, как ты, — вкрадчиво сказал Аббас. — Я надеюсь, ты приложишь все усилия для того, чтобы мои желания осуществились. Кстати, по нашим законам...

— Понятно, — промолвил крысиный король. — Если я тебе не помогу, это будет воспринято как оскорбление.

— Вот видишь, сейчас ты еще раз доказал свой ум.

Крысиный король окинул взглядом взявших его в кольцо и наставивших на него копья воинов и сокрушенно покачал головой.

Люди... они не меняются... и действуют всегда одними и теми же методами...

5

— А твои воины? — спросил крысиный король.

— Зачем им знать слишком много? Я приказал им оцепить этот крохотный оазис, так чтобы из него не могла удрать даже очень умная и ловкая крыса. Причем если я через некоторое время не вернусь, то кольцо начнет сжиматься, и любой осмелившийся причинить мне хоть малейший вред... Короче, если ты рассчитываешь воспользоваться тем, что мы остались наедине...

— Не рассчитываю, — сказал крысиный король. — Какой смысл пытаться причинить вред тому, кто сам ищет больших неприятностей?

— Но ты, надеюсь, поможешь мне их избежать? — грозно спросил Аббас.

Рука его словно невзначай легла на рукоять висевшей на поясе сабли.

— Конечно, — заверил его крысиный король. — Поскольку я нахожусь рядом с тобой, то мне грозит не меньшая, чем тебе, опасность. Возможно, даже большая.

— Возможно, — буркнул Аббас.

— Понятно. Кстати, а если ты выскажешь такое желание, последствием которого станет твоя смерть?

— Это будет означать, что ты никудышный советник. Моим стражникам на такой случай даны особые инструкции.

— Ну еще бы...

— И вообще, не пора ли начинать? — промолвил Аббас.

— Да, пора.

Вытащив из сумки лампу, крысиный король протянул ее Аббасу, а потом расстелил на траве небольшой коврик. После того как грозно рыкающий лев Сиреневой пустыни на него воссел, крысиный король пристроился рядом с могучим повелителем.

— А теперь что? — спросил Аббас.

— Ты должен потереть лампу и после того, как появится джинн, сообщить ему свои три желания. У тебя есть бесконечное количество времени на обдумывание каждого из них, однако джинн не вернется в лампу до тех пор, пока ты не сообщишь ему последнее.

— Понятно, — буркнул Аббас.

Он осторожно потер лампу и быстро поставил ее перед собой.

Джинн явился.

Одет он был, как и положено образцовому джинну, в шелковые шаровары, а также короткую безрукавку. На голове у него была чалма, украшенная большим рубином. И конечно, физиономия у него была прехитрющая.

Мельком взглянув на Аббаса, он удовлетворенно хмыкнул. На крысиного короля джинн смотрел гораздо дольше и наконец осторожно спросил:

— Зачем повелитель лампы привел с собой кого-то, не принадлежащего к человеческому племени?

— Я нахожусь здесь всего лишь в ранге советника, — объяснил крысиный король.

— Понятно, — промолвил джинн. — В таком случае, может быть, мы приступим?

— Вот именно, — сказал Аббас. — Пора начинать. Итак, первое мое желание...

— Стоп, — промолвил крысиный король. — Не желает ли рыкающий лев Сиреневой пустыни услышать мой совет?

— Давай, — промолвил Аббас. — Только побыстрее.

— Не зная броду, не суйся в воду, — сказал крысиный король. — Я думаю, для начала необходимо узнать условия выполнения желаний.

— А как это сделать? Не думаю, что джинн нам их поведает.

— Совершенно верно, — подтвердил джинн. — Вовсе я не собираюсь кому бы то ни было их сообщать.

— Итак, — сказал крысиный король, — первым делом ты должен пожелать узнать условия, по которым загадывают желания.

Понимаешь? Только глупец пытается играть в игру, не зная всех ее правил.

Немного подумав, Аббас сказал:

— Что ж, это резонно. Однако тратить одно желание из трех...

— Все равно придется, — закончил крысиный король.

Аббас махнул рукой и возвестил:

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Итак, джинн, слушай первое желание...

— Еще одну секундочку, — промолвил крысиный король, — ты не забыл, что я являюсь твоим советником?

— И что?

— Смогу ли я дать тебе мудрый совет, если не буду знать правил, по которым исполняются желания?

— Хорошо. Тут ты тоже прав, — сказал Аббас. — Итак, джинн, слушай мое первое желание.

— Я весь внимание, — учтиво произнес джинн.

— Первым делом я хочу, чтобы мне и моему советнику, крысиному королю, стали известны правила, согласно которым исполняются желания.

— У тебя очень хитроумный советник, — сказал джинн.

— Я позаботился об этом, — промолвил Аббас. — Не говорит ли это о моей мудрости?

— Безусловно. Я бы даже сказал — мудрости, совершенно не свойственной обычному человеку.

Аббас самодовольно улыбнулся и произнес:

— Так как с желанием?

— Я не могу его не удовлетворить.

Джинн взмахнул руками, и тотчас Аббаса, а также крысиного короля на мгновение окутал туман цвета серебра.

Некоторое время после этого рыкающий лев Сиреневой пустыни и его советник сидели неподвижно. Потом Аббас тихо сказал:

— А... как... почему их столько?

— Потому что их именно столько, — учтиво пояснил джинн.

— Но для того, чтобы их осмыслить, понадобится очень много времени.

— Разве время имеет какое-то значение для того, кто способен совершать настоящие чудеса? Конечно, в пределах двух оставшихся желаний. Впрочем, если вы пожелаете, я могу сделать так, что и ты, и твой советник усвоите и осмыслите эти правила буквально за одну минуту. Правда, на это придется потратить еще одно желание.

— Не надо, — быстро сказал крысиный король. — Вот этого не надо. Я уже усвоил кое-что, и этого вполне достаточно для того, чтобы увидеть существующие в правилах пробелы.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Аббас.

— Разве ты сам не заметил? Вслед за правилом номер 227 следует правило 256. Почему? Джинн нас обманул, не выполнив твоего желания в полной мере.

— Нет, выполнил, — возмущенно сказал джинн. — Просто правила начиная с 228-го и вплоть до 255-го являются дополнительными и касаются обстоятельств, при которых клиент высказывает желание, исполнение которого допускает возможность его превращения в джинна. Как я уже сказал, эти правила дополнительные и никак не влияют на исполнение желания, поскольку касаются всего лишь возможности использовать для этого определенный способ. А насколько я помню, вы хотели всего лишь знать правила исполнения желаний. Однако при этом вы не изъявили намерения знать все правила, в том числе и дополнительные.

— Это обман, — заявил Аббас. — Гнусный и мерзкий.

— Отнюдь, — с достоинством промолвил джинн. — Сообщая свое желание, ты должен был произнести слово «все». В таком случае мне пришлось бы сообщить действительно все правила.

— Он прав, — мрачно сказал крысиный король. — С первым желанием мы слегка дали маху.

— Слегка? — возмутился Аббас. — Почему ты не посоветовал мне добавить слово «все»? Ты мой советчик и должен был это сделать.

— Для того чтобы дать правильный совет, я должен был знать хоть что-то о правилах исполнения желаний. Давая тебе первый совет, я не знал о них ничего. Конечно, если не считать того, что с джиннами связываться не стоит. Но этим советом ты пренебрег.

— Хорошо, — сурово произнес Аббас. — Теперь ты кое-что знаешь. Каков будет твой второй совет?

Крысиный король усмехнулся:

— Сообщить джинну второе желание и узнать эти дополнительные правила.

— Ты смеешься? — разозлился Аббас.

— Нет. Я очень серьезен. Неужели ты думаешь, будто играешь в бирюльки? Если так, то позволь тебе напомнить о том, что сейчас на кону достаточно серьезная ставка.

— Моя жизнь?

— Я бы так не сказал. Скорее — твоя свобода. Неужели тебе улыбается провести пару тысяч лет в медной лампе, поджидая еще

одного идиота, желающего сыграть с джинном в игру под названием «три желания»?

— Но джинн сказал, что эти правила касаются всего лишь возможности исполнения моих желаний путем превращения меня в раба лампы.

— А ты думаешь, он не воспользуется хотя бы малейшей возможностью это проделать?

— Гм... Джинн, это правда? — спросил Аббас.

— Правда, — подтвердил джинн. — Честно говоря, последние несколько тысяч лет меня все настойчивее одолевает желание както изменить свою жизнь. И вообще мой дом мне несколько прискучил. Я бы хотел сменить его на другой.

Аббас скрипнул зубами.

— Но если я узнаю эти проклятые дополнения, у меня останется всего одно желание.

— Зато у тебя будет гарантия, что ты не угодишь в лампу, — напомнил крысиный король.

Вполголоса пробормотав что-то на незнакомом языке, скорее всего ругательство, Аббас заявил:

— Ладно, пусть будет так. У меня останется одно желание, но зато оно исполнится в точности.

— Вот это разумно, — поддакнул крысиный король. — Кстати, загадывая второе желание, не забудь вставить фразу: «...а также не только знать все эти правила, но и в полной мере понимать систему их применения». Это сэкономит нам время.

— Хорошо, — буркнул Аббас. — Пусть будет так.

Он сообщил джинну второе желание, не забыв о словах крысиного короля. На этот раз окутавшее их облачко оказалось золотистого цвета. После того как оно рассеялось, крысиный король и Аббас опять некоторое время сидели неподвижно, видимо, усваивая полученную информацию.

Наконец рыкающий лев Сиреневой пустыни ударил себя ладонью по лбу и воскликнул:

— Но это же невозможно!

— И тем не менее, — вкрадчиво промолвил джинн, — так оно и есть.

— Но в таком случае...

— Все верно, — заверил джинн.

— Однако, согласно этим дополнительным правилам, получается, что любое загаданное мной желание, касающееся реальных действий, может быть выполнено лишь только при условии, что я превращусь в джинна.

— Конечно.

— А если у меня осталось одно желание...

— То ты можешь его мне сообщить. И поскольку тебе больше нечего узнавать о правилах исполнения желаний... Впрочем, у тебя есть право его и не загадывать. В этом случае, как тебе теперь известно, я буду просто следовать за тобой повсюду. Мне кажется, это несколько веселее, чем сидеть сиднем в медной лампе.

— Таким образом, — подытожил Аббас, — выбор у меня небогатый. Либо загадать последнее желание, и если оно будет касаться исполнения каких-то реальных действий, неизбежно превратиться в раба лампы, либо до самой смерти терпеть присутствие джинна.

— Разве это плохо? — спросил крысиный король. — Представь, какой ужас ты будешь наводить на своих врагов? Возможно, они даже посчитают, будто ты сумел сделать джинна своим слугой. Кто посмеет выступить против правителя, имеющего своим слугой джинна? При таких условиях ты быстро станешь правителем этого мира.

— Не получится, — промолвил Аббас. — Рано или поздно истина выплывет наружу. Ты не знаешь, что такое двор. Там все, даже самая страшная тайна, рано или поздно становится известно всем. А что знает или о чем догадался хотя бы один придворный, очень быстро становится известно и остальным. Таким образом, правда о джинне неизбежно выплывет наружу, и я стану посмешищем. Повелитель, не способный отделаться от джинна? Повелитель, у которого не хватило мудрости совладать с рабом лампы, вынужденный терпеть его присутствие до самой смерти?

— Я предупреждал, что не стоит связываться с джиннами, — напомнил крысиный король.

— Кстати, насчет предупреждений. Ты все еще мой советник. Вот и посоветуй мне, как избавиться от джинна. А иначе...

— Ну да, я понял. Иначе я пожалею, что оказался на твоем пути.

— Вот именно, — злорадно сказал Аббас.

— Хорошо, дай мне немного времени.

Крысиный король задумался.

Бросив на него преисполненный скепсиса взгляд, Аббас почесал в затылке и спросил у джинна:

— Ну хорошо, а что ты умеешь, что ты знаешь? Может быть, какие-то сказки, предания, тайны веков, заговоры, сведения о прежде существовавших правителях и государствах?

— Ничего, — бодро отрапортовал джинн. — То есть когда-то я, конечно, что-то умел и знал. Однако это было так давно, что я все уже забыл. Но я мог бы время от времени обсуждать с тобой прави-

ла исполнения желаний. Некоторые из них составлены настолько хитроумно, что являются в своем роде шедеврами. Вот, например, правило номер 743. Как ты знаешь...

Аббас застонал. Похоже, подобная перспектива его не сильно-то привлекала.

— Нашел, — сказал крысиный король.

— Говори, — потребовал Аббас.

— Исключения. Из правил должны быть исключения. Наверняка они есть и из этих. Так почему бы тебе их не узнать? Я прав, джинн?

Раб лампы с готовностью подтвердил:

— Да, исключения есть.

— И мы не знаем их, поскольку они не являются правилами? — спросил Аббас.

— Конечно, — подтвердил джинн. — Они всего лишь исключения из правил.

— И наверняка, зная эти исключения, я смог бы заставить тебя все-таки выполнить свои желания, не превращаясь при этом в раба лампы?

— Я не могу этого сообщить.

— Хорошо, — промолвил Аббас. — Я должен узнать эти исключения.

— Таково твое третье желание? — уточнил джинн.

— Минуточку, — вмешался крысиный король. — Аббас, ты хотел сказать «мы должны»?

— Нет, — твердо сказал рыкающий рев Сиреневой пустыни. — Именно — я. Это последнее мое желание. А раз так, то зачем тебе знать эти исключения? Все равно более ни одного желания ни одному джинну я загадать не смогу, и, значит, в советниках по джиннам я более не нуждаюсь.

— Хорошо, — промолвил крысиный король. — Пусть будет так.

— И будет, — промолвил Аббас. — Эй, джинн, ты слышал мое последнее желание?

— Да.

— В таком случае — выполняй.

— Но прежде я хотел бы сказать несколько слов, — промолвил джинн.

— Валяй, — разрешил Аббас.

— Это желание последнее, и, исполнив его, я вернусь в лампу. Много тысяч лет я ждал момента, когда кто-то пожелает загадать мне три желания. Наконец этот момент наступил, и я проиграл, так и не сумев обрести свободу. Тем не менее я получил большое удо-

вольствие и хотел бы за него поблагодарить, особенно твоего советника.

— Да, я выказал настоящую мудрость, прибегнув к его помощи, — промолвил Аббас.

— А я уже получил свою награду, — промолвил крысиный король. — Разве есть на свете нечто более ценное, чем знания?

В этот раз облачко было почти прозрачным, и в нем плавали достаточно крупные бриллианты.

После того как оно исчезло, Аббас резво вскочил на ноги и, довольно засмеявшись, пнул лампу. Та отлетела на несколько шагов в сторону.

— Получилось? — спросил крысиный король.

— Конечно.

— И знание исключений из правил дает возможность загадывать желания без риска превратиться в джинна?

— Возможно, — загадочно улыбнулся Аббас. — Возможно. Однако зачем тебе это знать?

— Да, ты прав, — сказал крысиный король. — Мне совершенно незачем это знать. Единственное, в чем я нуждаюсь, это в том, чтобы мне вернули мои вещи, мою песчаную рыбу и позволили уехать. Как я понимаю, на этом моя служба закончена.

— Безусловно, — подтвердил Аббас.

— Значит, я могу продолжить свой путь?

— Осталось еще одно небольшое дельце, — сказал рыкающий лев Сиреневой пустыни.

— Какое?

— Убрать нежелательного свидетеля, — промолвил Аббас и обнажил саблю.

6

Аббас плевался, ругался и грозил страшными карами.

Крысиный король подобрал лампу и, сунув ее в сумку, поигрывая саблей, которую недавно отобрал у рыкающего льва Сиреневой пустыни, подошел к нему.

Некоторое время он молча рассматривал валявшегося на песке правителя, прикидывая, что с ним стоит сделать. Очевидно, угадав, о чем тот думает, Аббас вдруг резко замолчал и вскочил на ноги.

Крысиный король взмахнул саблей и сказал:

— Ты уже убедился, что я сильнее. Имеет ли смысл еще раз испытывать судьбу?

Аббас снова сел на песок и промолвил:

— Тебе не миновать живым моих воинов. И даже если это случится, они будут охотиться за тобой по всей пустыне. Нет, живым тебе не уйти.

— А мне почему-то кажется, что ты не совсем понимаешь положение, в котором оказался.

— Как это? — поинтересовался Аббас.

— А вот послушай. Ты хотел меня убить, поскольку я стал тебе бесполезен и слишком много знаю. Не так ли?

— Да, это так.

— Ты не подумал об одной достаточно очевидной проблеме.

— Это какой? — прищурился Аббас.

— Убив меня, ты останешься один на один с проблемой лампы. И помочь тебе ее решить могу только я.

— Что это за проблема?

— Сама лампа. О том, что она у тебя есть, знает кое-кто из твоих воинов. И значит, рано или поздно об этом узнают все.

— Тут ты действительно прав, — задумчиво сказал Аббас.

— Если ты оставишь лампу у себя, то она здорово осложнит тебе жизнь. Другие люди будут пытаться ее украсть или отвоевать. Таким образом, наличие лампы в твоей сокровищнице значительно повысит вероятность, что тебя обворуют, что на тебя пойдут войной, что кто-то, для того чтобы ею завладеть, устроит дворцовый переворот. Понимаешь?

— И тут ты прав, — промолвил Аббас.

— Значит, тебе нужно от нее избавиться. Не забывай, что тот, кто завладеет этой лампой, может оказаться хитроумнее меня. А еще ему может просто повезти. И вот один из жителей пустыни все же получит возможность загадать парочку желаний. А что, если это будет твой враг? В конце концов, даже если ему не повезет и он превратится в джинна, одно его желание все же будет исполнено. У тебя есть уверенность, что он не пожелает твоей смерти?

— Любопытно, — сказал Аббас. — Однако ты не учитываешь, что я теперь знаю, как правильно загадывать желания.

— Я об этом подумал, — заверил его крысиный король. — И что тебе это дает? Неужели ты рассчитываешь заставить хоть кого-то подарить тебе свои три желания? Каким образом? Кому из своих придворных ты настолько доверяешь, что позволишь ему хотя бы прикоснуться к лампе? Даже если ты сам будешь стоять над ним с саблей в руке, есть ли гарантия, что, услышав от тебя, как правиль-

но формулировать желания, он не попытается тебя убить или обхитрить?

— Нет, — честно признал Аббас.

— В таком случае что ты сделаешь с лампой? Уничтожить ее невозможно, поскольку она является магическим предметом. Выкинуть? Но где гарантия, что ее кто-нибудь не найдет? И даже если ты спрячешь ее в каком-то тайном месте, всегда найдутся люди, которые сумеют его обнаружить.

— Хорошо, ты меня убедил, — сказал Аббас. — Что ты предлагаешь?

— Достаточно простой выход. Ты отпускаешь меня, и я увожу с собой лампу в один из других миров. Там я ее где-нибудь спрячу. Даже если ее с течением времени кто-то и найдет, то это не принесет тебе ни малейшего вреда.

— Неужели я произвожу впечатление такого уж глупца? — спросил Аббас. — Ты знаешь слишком много. Тебе осталось только загадать одно желание, и ты узнаешь исключения из правил. После этого ты можешь использовать оставшиеся два желания по своему усмотрению. А что, если одно из них будет касаться моей особы?

— Я не сделаю этого, — сказал крысиный король.

— И ты думаешь, я тебе поверю?

— Поверишь. У тебя нет другого выхода. Пойми, я тебе уже говорил и еще раз повторяю, что состязаться в хитроумии с джиннами хватает глупости только у людей. Я — не человек, и на такой риск я не пойду.

— Даже после того, как я с твоей помощью сумел у него выиграть?

— Это не выигрыш. Это всего лишь ничья. Выиграть у джинна невозможно.

— А как же исключения из правил?

— Наверное, мне было бы интересно их узнать, — признался крысиный король. — Но только не ценой состязания с джинном в хитроумии. Нет, на такой риск я не пойду. И ты можешь мне не верить, но тогда тебе придется самому решать проблему лампы.

Аббас окинул его испытующим взглядом, а потом сказал:

— Ладно, пусть будет так. Тебе вернут все твое имущество, песчаную рыбу, а также выделят достаточные запасы воды и пищи. Более того, мои воины проводят тебя до ближайшей караванной дороги и будут сопровождать до границ Сиреневой пустыни. Удовлетворен?

— Почти, — сказал крысиный король.

— Не знаю почему, но почему-то я тебе верю, — сказал Аббас. — Кстати, сопровождающие тебя стражники не должны знать, что лампа находится у тебя.

— Зачем мне об этом им говорить? Неужели я произвожу впечатление безумца?

— Хорошо, — кивнул Аббас. — В таком случае, может быть, ты вернешь мне саблю? Если мои воины увидят ее у тебя, они могут что-то заподозрить.

— Ты прав. Вот держи.

Сунув саблю в ножны, Аббас встал и, стряхнув со своего богатого одеяния песок, сказал:

— Все-таки кое-что от этого приключения с лампой я выиграл.

— Хаддас, — промолвил крысиный король.

— Он самый. Как только задуют холодные ветры, а песчаные духи удалятся в подземные заброшенные города, я обрушу свои войска на его владения. Думаю, эта война будет достаточно интересной.

— Что ж, — сказал крысиный король. — Это меня уже не касается.

— Вот именно. Кстати, что ты имел в виду, когда сказал, что почти удовлетворен?

— Ты поступил очень разумно, когда решил вернуть мне имущество и разрешил уехать. Однако если ты еще выдашь мне некоторую сумму золотом, это позволит мне увезти лампу дальше. Тебе не кажется, что ты в этом заинтересован?

7

Песчаная рыба хрустела песком и ритмично работала плавниками.

У джинна слегка болела голова.

Он не любил тряски, неизбежно возникающей при всяческих переездах. Впрочем, еще меньше он любил, когда его лампа веками лежала в какой-нибудь сокровищнице или просто, например, в расщелине скалы.

Кроме тряски, он не любил также ждать, хотя все свое время занимался только именно этим.

Впрочем, возможно, скоро его долгому ожиданию придет конец. На крысиного короля у джинна надежды было мало. Все-таки

тот и в самом деле не был человеком. И значит, в старую как мир ловушку трех желаний он не попадется.

Но все же... кто знает? Вдруг крысиный король все-таки соблазнится? Уж больно условия для этого идеальные.

Загадать всего лишь одно желание... А что, если он все-таки решится? И если такое случится, то хватит ли у крысиного короля ума, узнав исключения из правил, сообразить, что из исключений могут быть свои исключения?

Если этого не произойдет, то один джинн, достаточно сильно уставший сидеть в лампе, получит свободу.

Но нет, такого не может быть, и, значит, надо ждать и ждать. Рано или поздно ожидание кончится.

А все-таки... крысиный король слишком много общается с людьми. Кто знает, может быть, он хотя бы в небольшой степени заразился их безумием, хотя бы немного стал на них похожим?

Январь 2001 г.

ДОМАШНИЙ ВРАЧ

1

— Ты опаздываешь на свое свидание минут на пять, не меньше, — сообщила Клер.

— Знаю, — буркнул я.

Настроение у меня было не самое лучшее.

— Но если ты свернешь на скоростную дорогу...

— Сомневаюсь. На самом деле толку от этих скоростных дорог как с козла — молока.

— От этой — будет. Если ты сейчас на нее свернешь, то третий спуск на обычную дорогу принесет тебе выигрыш в десять минут. Кроме того, впереди пробка, и, не воспользовавшись моим советом, ты можешь застрять в ней до второго пришествия.

— Вчера я уже воспользовался одним твоим советом...

В голосе Клер послышалась неподдельная обида:

— Между прочим, если ты забыл, я — в положении. По идее мне положено отдыхать, думать о приятном и не заботиться о личной жизни такого неблагодарного свиненыша, как ты.

Я покачал головой.

Отбрила она меня, конечно, довольно резко, но вообще-то вполне заслуженно. Кроме того, дама в положении имеет право на ошибки и на некоторую несдержанность языка. А еще нашему роду служило то ли пять, то ли шесть поколений предков Клер, и это, несомненно, дает ей право на определенную фамильярность.

— Хорошо, — сказал я. — Поверю тебе еще раз. Хотя...

— Что — хотя? — рявкнула Клер.

— Ничего, — поспешно сказал я. — И вообще не мешай мне морально готовиться... гм... к встрече. Ну, ты понимаешь...

— Не забудь свернуть на скоростную дорогу.

— Не забуду.

Клер отключилась, и я вздохнул свободно.

Время от времени совсем не мешает побыть одному, отдохнуть от разговоров... Кроме того, я не лукавил. Мне и в самом деле надлежало собраться с мыслями, приготовиться к предстоящей встрече. От нее зависело многое, очень многое. Если только мне удастся перебороть свою проклятую застенчивость, свою робость... Короче, это что-то вроде преследующего меня проклятия. Начинается все достаточно стандартно. Я встречаю девушку, которая кажется мне вполне подходящей кандидатурой для создания семьи, и в полном соответствии со старинным ритуалом приглашаю ее на первое свидание.

На этом все и заканчивается. Причина? Достаточно банальная. Заявившись на свидание, я первым делом мучительно краснею, потом начинаю что-то невразумительно мямлить, плоско шутить, нелепо размахивать руками, то и дело спотыкаться. Где-нибудь через полчаса девушка понимает, что попала на свидание к настоящему олуху небесному, и под достаточно благовидным предлогом уносит ноги. После этого заманить ее на второе свидание не удается вообще никаким образом, а поскольку любовь на расстоянии вещь недолговечная, где-нибудь через месяц-два я прихожу в себя и уже вполне способен продолжать обыденную жизнь. До встречи с очередной кандидатурой.

Вот и сейчас...

Я тяжело вздохнул и, решив не пренебрегать полученным советом, направил мобиль к въезду на скоростную дорогу...

2

— Мокрая курица, — сказала мне Клер. — Что ты там мямлишь?

Понурив голову, я сплюнул себе под ноги.

И тут же получил:

— А на газон плюют только невоспитанные люди.

— Ох, — сказал я. — Ты понимаешь, что мне тошно и без нравоучений?

Клер тяжело вздохнула.

— Понимаю. Тебе действительно сейчас нелегко.

Ну вот, это называется — сочувствие. Головомойка закончилась. Теперь она станет донимать меня советами.

А может, бросить ее здесь, переехать в город и жить дальше, рассчитывая лишь на себя, выслушивая только свои собственные советы, не интересуясь ничьим мнением, кроме своего? Но как же тогда несколько поколений предков Клер и как она будет без меня жить? А еще, конечно, это никак не поможет мне обзавестись женой.

— Может, все-таки стоит обратиться к психокорректору? — предложила Клер.

— Ни за какие коврижки, — промолвил я. — Ни один эскулап не запустит свои лапы мне в голову.

— Однако если у тебя болят зубы...

— Зубы — одно, — резко сказал я. — Голова — другое. Нет, не позволю.

— Ну хорошо... — снова вздохнула Клер.

Она замолчала, задумалась.

А я ушел в дальний конец сада, в беседку. В ней запах смородины из сада смешивался с принесенным ветром из полей запахом полыни, и в результате получался пряный, удивительно приятный коктейль уходящего лета. В ней можно было сразу, словно повернув необходимый рычаг, забыть о заботах прошедшего дня, поскольку здесь была территория моего детства, поскольку мы с беседкой знали друг друга именно с этого времени. И конечно, в ней, в самом дальнем углу, лежала стопка воспоминаний обо всех моих предыдущих неудачных свиданиях. Уже неопасная, уже обезвреженная тишиной и безмятежностью старой беседки.

Я сел поудобнее, и рассохшаяся деревянная скамейка подо мной слегка скрипнула. Огромный жук, похожий на грузовой экранолет, прошил словно шальная пуля пространство беседки и канул в зелени подступивших к ней со стороны леса зарослей малины.

Я подумал, что, возможно, мне все-таки придется обращаться к психокорректору. Хотя я и сам уже сейчас могу предсказать, что именно он мне скажет.

Несомненно, мне следует все же переехать в большой город. И конечно, там я привыкну общаться с незнакомыми людьми, там я наконец-то встречу свою вторую половину. Здесь же, в глуши, должны жить те, кто уже успел обзавестись семьей, кто мечтает о спокойной, размеренной жизни.

Вот только не хотел я никакого большого города, не желал надолго окунаться в его сутолоку и давку. А что же тогда будет с Клер? Как я смогу расстаться с этой беседкой, с птичьими концер-

тами по утрам, перед самым восходом солнца, с туманом, легким, как взбитые сливки, медленно и неторопливо наползающим по вечерам с реки, с жарким полуденным солнцем, высвечивающим толщу речной воды и показывающим снующие в ней стайки серебряных рыбок, нагревающим ее так, что из нее совсем не хочется вылезать?

И еще — работа. Смогу ли я там, в большом городе, в обычной, стандартной квартире, писать свои гипнос-полотна?

Я покачал головой.

Нет, ничего менять я не буду. Так же, как и раньше, буду жить здесь, а в город стану выезжать раз в пару недель, для того чтобы сдать своему представителю готовые полотна и, может быть, встретить очередную претендентку на первое свидание. Может быть, даже кто-то из них настолько заинтересуется живущим в глуши затворником, что посчитает неумение ухаживать не очень большим криминалом? Хотя с чего бы это? Все будет как обычно, как всегда...

Тут включился спикер, и, конечно, это была опять Клер. Голос ее звучал испуганно.

— Слушай, у меня, кажется, начинается. Немедленно вызови домашнего врача.

3

Домашнего врача звали Ноэми. Она была стройная и голубоглазая. Я обратил на это внимание еще во время ее предыдущих появлений, когда она прилетала проверить, как протекает беременность Клер, и не упускал случая перекинуться с ней хотя бы парой слов. Правда, до большего у нас пока дело не дошло.

Закончив все дела, мы устроились на крыльце. Она достала из кармана антисептическую палочку и стала аккуратно намазывать ею руки.

— Было время, — задумчиво сказала Ноэми, — когда работа домашнего врача состояла совсем в другом. Точнее — этот термин предусматривал совсем иную профессию.

— Меня более интересует будущее, — сказал я. — Что будет с Клер дальше?

— Ничего особенного, — пожала плечами Ноэми. — Сейчас она спит и проснется не скоро. Первое время я бы советовала не слишком перегружать ее различными обременительными делами. Как ты понимаешь, у нее и своих забот будет полон рот.

— А сейчас у нее могут быть какие-нибудь опасные последствия? Осложнения?

— Нет, нет, все прошло правильно, — сказала Ноэми, пряча антисептическую палочку в карман. — Никаких осложнений. Через несколько дней она уже полностью вернется к нормальной жизни. Я хорошо ее обследовала и могу засвидетельствовать, что твоя Клер обладает отменным здоровьем. О ней явно заботятся, да еще как.

Я улыбнулся.

Доброе слово и кошке приятно. Не говоря уже о деревенском затворнике.

— А как же малыши?

— С ними тоже все нормально, — сообщила Ноэми. — Пока они спят и будут спать большую часть времени. К тому времени, когда они начнут проявлять активность, Клер уже будет в состоянии о них позаботиться.

— Это хорошо, — сказал я.

Мы немного помолчали.

Новенький птерон домашнего врача стоял возле забора, и заходящее солнце, отражаясь в его полированных крыльях, больно кололо глаза. От соседнего дома доносился приглушенный рев многотысячной толпы и скороговорка комментатора. Похоже, сосед смотрел по старинному волновому приемнику состязания по джамболу.

Я подумал, что последние несколько часов, которые мы провели, помогая Клер разрешиться от бремени, нас с Ноэми сблизили, установили между нами какой-то контакт, более близкий, чем это обычно бывает с домашним врачом. И почему бы...

— Я, наверное, была бы не прочь чего-нибудь выпить, — сказала Ноэми. — Соку какого-нибудь.

— Да, да, конечно, — сказал я. — Сейчас принесу.

Однако, пообещав это, я с места не встал. Мне почему-то казалось, что, уйдя хотя бы на минуту, оставив Ноэми здесь, на крыльце, я ее неизбежно потеряю. Словно бы оборвется и более уже не восстановится какая-то протянувшаяся между нами ниточка.

Может быть, Ноэми чувствовала то же самое, поскольку сейчас же о своей просьбе забыла. Просто сидела на крыльце, щурилась, глядя на заходящее солнце, и думала о чем-то своем.

О чем?

Я спросил ее, где она живет, и она мне объяснила. Получалось, она живет не так далеко, в такой же, как моя, деревушке, и, к слову сказать, получает от этого большое удовольствие. Я спросил ее о будущем малышей Клер, и она ответила, что мне не стоит беспоко-

иться. Как только малыши подрастут, желающие их забрать обязательно найдутся. Об этом позаботится то же самое управление, которое нашло для Клер отца ее будущих малюток.

А потом я в очередной раз взглянул на точеный профиль Ноэми и вдруг осознал, что вот сейчас наступило время задать ей вопрос, который мне приходилось задавать не раз. Чувствуя к себе величайшее отвращение, хорошо понимая, что сворачиваю на накатанную колею, которая доставит меня туда же, куда и приводила раньше, я попытался остановиться. Однако спохватился я слишком поздно. Проклятый вопрос уже прозвучал, и теперь ничего не оставалось, как только ждать на него ответ.

— Свидание? — ухмыльнулась Ноэми. — Нет уж, так не пойдет. Я тебе нравлюсь? Ты мне тоже нравишься. Так к чему какие-то проволочки?

4

Церковь, поздравления, венки, подарки, сыплющийся рис, букет невесты.

А потом мы поехали домой. Поскольку маршрут был в памяти мобиля, я включил автопилот и, обняв Ноэми, сказал:

— Ну вот, теперь у нас начинается настоящая семейная жизнь. Новая жизнь.

— Начинается, — согласилась моя только что обретенная жена.

Она была обольстительна, и в нее нельзя было не влюбиться.

Подумав об этом, я ощутил, насколько правильными были произнесенные мной в общем-то вполне банальные слова. Мы вступали в новую фазу нашей жизни, но, прежде чем начинать новую жизнь, надлежало достойно закончить старую.

Каким именно образом? Прежде всего надо было покончить с кое-какими тайнами, прояснить один вопрос, уже некоторое время занимавший мои мысли.

О чем я своей избраннице и сообщил.

— Хорошо, — улыбнулась она. — Спрашивай.

— Ты не обидишься? — спросил я.

— Нет.

— И ответишь мне честно?

— Могу ли я обмануть своего мужа в первый же день нашей совместной жизни?

Я сделал небольшую паузу, собираясь с духом, а потом все же решился.

— Нашу первую встречу подстроила Клер?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась Ноэми.

— Ну-у-у... Я думаю, что Клер связалась с несколькими своими подружками, и они сообща подобрали мне невесту. Потом тебя должным образом проинструктировали. Тут очень кстати подвернулась беременность Клер... Ну и... все получилось так, как получилось. Я угадал?

— Ничуть не бывало, — сказала Ноэми. — Все это полная чепуха. Никакого заговора Клер и ее подружек не было.

Я покачал головой.

Хорошо, если она желает, чтобы это осталось тайной, пусть так и будет. Не стоит ссориться в первый же день. Вообще не стоит по этому поводу ссориться. Главное — мы встретились. А каким образом... Имеет ли это такое уж большое значение?

— Вижу, ты мне не веришь, — сказала Ноэми.

— Почему ты так решила?

Сказав это, я пожал плечами, как мне показалось, вполне натурально.

— Потому что успела тебя слегка изучить, — сказала Ноэми. — Доказать, что сговора не было, я не смогу, да и наверное, это совсем не стоит делать. Впрочем, для того чтобы ты мне действительно поверил, я скажу, почему обратила на тебя внимание, почему всерьез задумалась о тебе как о будущем муже. Хочешь?

— Так почему? — спросил я.

— Причиной этому была действительно Клер. Но не таким образом, о котором ты подумал. Понимаешь, дом частенько отражает душу человека, является его лицом. Некоторым людям свойственно скрывать свою сущность, напяливать на себя различные маски, и иногда настолько талантливо, что им удастся обмануть даже больших мудрецов. Однако есть одна область, в которой лицемерие бессильно. Жилище. Дом. Место проживания. Если знать, куда смотреть, то о человеке по его жилищу можно узнать очень и очень многое. Более чем на десятке свиданий. А любой домашний доктор прекрасно знает, куда именно смотреть, и умеет сделать из увиденного надлежащие выводы.

— Проще говоря, — сказал я, — поначалу тебе понравился не я, а мой дом?

— Нет, не так, — возразила Ноэми. — Мне понравилось, как ты относишься к Клер, каким образом ею управляешь, какое при этом проявляешь терпение... Впрочем, все перечислять нет смысла. Дол-

го, да и незачем. Главное, ты действительно обязан Клер тем, что нашел жену, но никакого заговора не было.

И все же я ей еще до конца не верил. Была одна деталь, ставящая под сомнение все ее заявления.

Я спросил:

— Получается, ты отказалась от моего предложения устроить свидание только поэтому?

Ноэми потупилась, вздохнула и, выдержав солидную паузу, наконец призналась:

— Понимаешь, у меня есть некоторый отрицательный опыт по части свиданий. Видишь ли, придя на свидание, я частенько веду себя... гм... достаточно неадекватно. Краснею, начинаю что-то невразумительно мямлить, размахиваю руками...

Июнь 2002 г.

ЗА СТОЛЕТИЕ ДО АРМАГЕДДОНА

(Алексей Джерджау «Канонада Армагеддона». Издательство «Новая космогония»)

За последние три-четыре года Алексей Джерджау приобрел известность как автор остросюжетной литературы, литературы действия. Однако роман «Канонада Армагедонна», роман, при наличии достаточно острого сюжета, как мне показалось, более посвящен приключениям духа, а не тела. По большому счету, перед нами «производственный роман» на инопланетном материале, что само по себе нехарактерно для современной российской НФ.

Впрочем, для знающего читателя — это не такой уж сюрприз, ведь начинал литератор отнюдь не с боевиков, а как раз с произведений, созданных в экспериментальном ключе. Новый роман тоже несет отпечаток литературного эксперимента.

Начинается книга крохотной главкой-предисловием, смысл которой становится ясен совсем не сразу.

Наш мир. Наше время. Наша страна. Танковые стрельбы. Огромный, простирающийся до самого горизонта полигон, каждый квадратный метр которого усеян осколками снарядов. На исходных позициях — три танка.

Звучит команда «К бою!». Закрываются люки. Пушечные стволы опускаются. Танки начинают двигаться к мишеням. Ревут двигатели. Из выхлопных труб вырывается жирный дым. Танки выходят на заданную дистанцию и дают залп.

На этом предисловие заканчивается, и уже со следующей главы мы оказываемся в некоем замкнутом мире, именуемом живущими в нем мыслящими существами Сферой Жизни. Постепенно, по мере развития сюжета, становится ясно: Сфера Жизни обязана своим существованием гейзеру энергии, бьющему из инертной массы ги-

гантских размеров. Мыслящие же существа, называющие себя эргонами, являются частью пищевой цепочки, основанной на поступающей от гейзера энергии.

Та же самая система, что и на Земле. Есть простейшие существа, растения, травоядные и конечно — хищники. Разумные обитатели, при всей их непохожести на людей, живут, однако, по законам человеческого общества. Они двуполы, у них есть институт брака, подобная нашей система организации общества — с обывателями, полицейскими, торговцами и политиками.

Словом, автор, вместо того чтобы заняться миротворчеством, попросту показал человеческое общество, лишь исказив его в зеркале своей фантазии, поместив в необычные условия существования, но оставив неизменной саму его суть.

Итак, один эргон, специалист-наблюдатель окружающего пространства, в результате обработки полученных данных находит неопровержимые доказательства давно уже разработанной им новой теории миропредставления. Оказывается, окружающий Сферу Жизни низкоэнергетический мир имеет границу, за которой его сущность полностью изменяется. Там — другая вселенная. Там начинается пространство, находящееся в ином, даже более разреженном, чем окружающее Сферу Жизни, состоянии: там существуют такие же гигантские скопления инертной массы, как и то, возле которого находится их энергетический гейзер. Короче, теория, ставящая миропонимание с ног на голову.

Теория была обнародована, и после ожесточенной полемики ее истинность все-таки признали.

Другой ученый, живущий на противоположном конце Сферы и занимавшийся изучением энергетического гейзера, применив кое-какие формулы, использованные для доказательства новой теории миропредставления, пришел к не менее ошеломляющим выводам. Его вычисления показали: время дальнейшего существования энергетического гейзера, источника жизни для всех разумных существ, весьма ограничено, и через несколько поколений он иссякнет...

Общество эргонов охватывает паника. Правители цивилизации — Высокий Круг на протяжении долгого времени обсуждает только эту проблему и никак не может найти решение. Постепенно всеобщая паника потихоньку начинает спадать. В самом деле, стоит ли так уж сильно волноваться, если гибель настанет только через несколько поколений? К тому же специалисты денно и нощно ищут путь к спасению. Ученые завоевывают небывалую прежде популярность, они — герои нации, только о них и вещают средства массо-

вой информации. Раса эргонов верит в своих спасителей и, конечно, Высокий Круг щедро финансирует исследования...

Поколение спустя все остается по-прежнему. Правда, ученые, занимающиеся решением проблемы надвигающейся катастрофы, оттеснив Высокий Круг в тень, взяли бразды правления всем населением Сферы Жизни в свои ложноножки и даже официально получили название «спасителей». Правда, их руководство, так называемый Круг Корифеев, уверено, что слишком гнать коней не стоит, и исподтишка занимается саботажем в отношении наиболее перспективных направлений исследования.

Почему?

Если исчезнет угроза грядущей гибели, они утратят власть и потерпят экономический крах. До катастрофы как минимум пара поколений, а значит, пока время есть.

Разъяснив все это читателям, автор наконец-то вводит главного героя повествования — молодого, талантливого ученого Делчинепа. Он, как и положено — молод, обаятелен, и в отличие от многих «ученых мужей» относится к окружающему миру со здоровой иронией. У него есть подруга Айкяп, умная, скромная и обладающая недурной внешностью особа.

У них вполне современные отношения. Они регулярно встречаются в какой-нибудь поглощальне хорошо очищенной энергии, совместно отдыхают и, конечно, с удовольствием устраивают временное сливание сущностей, не сильно задумываясь о будущем.

Кстати, Круг Корифеев не придает исследованиям молодого ученого ни малейшего значения. И напрасно. Именно Делчинеп оказывается на пороге открытия, способного спасти цивилизацию эргонов. Еще несколько опытов, последняя серия наблюдений, заключительная формула...

Делчинеп ритмично перемещается по своей капсуле-кабинету и ошарашенно испускает информацию:

— Неужели все так просто? Неужели...

Оказывается, энергетический гейзер, давший жизнь его настоящему миру, является результатом взрыва некоей первоначальной капсулы, начиненной довеществом. Случилось это после того, как она соприкоснулась с ближайшим гигантским скоплением инертной массы.

Впрочем, главное даже не это. Делчинеп обнаружил, что существуют и другие капсулы, находящиеся почти рядом со Сферой Жизни. Как только они достигнут скопления инертной массы — возникнут новые энергетические гейзеры. Вот только к тому времени народ эргонов уже погибнет.

Необходимо, чтобы ближайшая капсула взорвалась раньше времени!

Преисполненный самых радужных надежд, Делчинеп составляет для Круга Корифеев доклад о своем открытии. Эффект от него подобен взрыву бомбы. Руководство «спасителей» пребывает в ужасе, ведь открытие Делчинепа пошатнет их авторитет. Однако паникуют они недолго. Доказательство теории Делчинепа обычному обывателю не по зубам. Тот охотнее поверит средствам массовой информации. Осмеять смельчака, и тогда никто более не поверит ни единому слову талантливого выскочки!

Круг Корифеев пытается морально уничтожить противника и проделывает это настолько ловко, что даже очаровательная Айкяп решает бросить молодого ученого. Однако Делчинеп продолжает борьбу, используя любую возможность доказать правоту своей теории.

Добрая сотня страниц книги посвящена описанию самой настоящей информационной войны, отличающейся от обычной лишь тем, что в ней нанесенный противнику урон исчисляется не в захваченной территории, разбитой технике и убитых солдатах, а в посаженных в лужу противниках, в напрочь погубленных репутациях и в изменении мнения обывателей.

Первый раунд Делчинеп проиграл. Слишком опытными и умелыми оказались его противники. Однако молодой ученый неожиданно, одного за другим, обретает новых друзей и единомышленников — таких же талантливых, но не признанных ученых, ставших жертвами политики Круга Корифеев.

Группа сопротивления постепенно приобретает все больший вес в обществе.

Апофеозом борьбы становится церемония принесения Великому гейзеру подарков — созданных с помощью собственных полей принципов и жизненных устремлений. Группа Делчинепа, умудрившись ни в малейшей степени не нарушить рисунок традиционных перемещений, превратила сей акт в демонстрацию принципов, за которые борется. И добилась нужного эффекта — всего лишь с помощью ритмичного изменения собственных очертаний.

В конце концов, осознав свою ошибку, к Делчинепу возвращается возлюбленная. Да, теперь она уже имеет право называться этим словом, поскольку за время разлуки сумела переосмыслить свое отношение к жизни, осознала, кто на самом деле является ее суженым, и теперь готова идти с ним до конца, куда бы он ни направлялся.

А потом приходит победа.

Осознав неизбежность проигрыша, Круг Корифеев благоразумно признает свое поражение и предлагает главарям оппозиции важные посты в своей структуре, а самому Делчинепу — должность верховного корифея. Теперь его теория признана основной и на ней базируется вся дальнейшая деятельность «спасителей».

Три четверти заключительной части книги посвящены тому, как победивший Делчинеп и его соратники, проявляя чудеса изобретательности и научной мысли, строят летательный аппарат. Он должен доставить к капсуле с первовеществом взрыватель. Одновременно разрабатываются и транспортные корабли — для перевозки переселенцев в новую Сферу Жизни.

На это уходит много времени. К моменту завершения строительства корабля-брандера, способного преодолеть низкоэнергетическое пространство, мы видим сильно постаревшего Делчинепа. Внешние формообразующие границы его тела истончились до опасного предела. Айкяп по-прежнему с ним, и он, сканируя готовый в скором времени покинуть Сферу Жизни аппарат, испытывает законную гордость.

Однако в предпоследней главе автор неожиданно разрушает идиллическую картинку. Делчинеп вдруг узнает, что группа молодых ученых, тайно изучив капсулу с протовеществом, пришла к выводу о ее искусственном происхождении. Более того, в общих чертах удалось реконструировать создавшую ее цивилизацию и обнаружить, что капсула построена на совсем другом принципе использования энергии. Правда, имеет ли это такое уж большое значение? Главное, выдвинутая теория о существовании иного разума, судя по всему, верна.

Прочитав меморандум группы молодых ученых, доказывающий искусственное происхождение капсул, Делчинеп почти тут же получает и другой документ, показывающий их расположение на поверхности скопления инертной массы и предположительную силу взрыва каждой.

Если эти два документа совместить и, сделав соответствующие выводы, попробовать заглянуть в будущее, то получится страшная картина: вслед за первой будет взорвана и вторая капсула, а потом еще одна, и еще. Появится огромное количество дармовой энергии, и численность эргонов начнет расти лавинообразно. Неизбежно будут взорваны и капсулы, обладающие просто гигантским зарядом.

Конечно, трагедия произойдет не скоро — через сотни поколений, но процесс уже начался.

Собственно, почти вся предпоследняя глава посвящена именно размышлениям Делчинепа. Он стар и может себе позволить быть холодным и бесстрастным, попытаться прикинуть перспективы.

Делчинеп понимает: распространяясь по миру, эргоны неизбежно уничтожат все капсулы, но есть надежда, что к моменту катастрофы эргоны поднимутся на такую высокую ступень развития, что придумают, как получать энергию иным способом.

Вот только цивилизация, изготовившая капсулы, к тому времени неизбежно погибнет. Слишком много энергии будет высвобождено за короткий период времени, а в результате ближайшее скопление инертной массы перестанет быть инертным, превратившись в одну огромную Сферу Жизни. А поскольку чужая цивилизация основана на других принципах получения энергии, ее представителям просто станет негде жить.

Смерть одной цивилизации ради существования другой? Непростой этический выбор... Делчинеп понимает, что оказался в положении ученых мужей из Круга Корифеев, узнавших о его теории!

Как поступить с меморандумом группы молодых ученых? Положить его под сукно или довести до сведения каждого эргона? Но это известие может оказать разрушительное действие на общество.

Сможет ли развиваться цивилизация, каждый представитель которой в глубине души понимает, что живет благодаря гибели другой цивилизации? Не убьет ли это знание в эргонах волю к дальнейшему развитию?

Делчинепа мучают сомнения. Годы, в течение которых он сначала боролся с Кругом Корифеев, а потом возглавлял его, не прошли даром. Он уверен, что корабль-брандер все равно отправится в полет и взорвет искусственную капсулу. Он точно знает, что найдет средство заставить молодых ученых забыть о своем меморандуме, даже если для этого ему придется пойти на самые крайние, связанные с насилием меры.

Но все же... все же... Делчинеп не может принять единственно верное решение. Интуитивно он чувствует: существует другой выход, который спасет обе цивилизации. Не может не существовать! Иначе, получается, любая цивилизация живет только ради того, чтобы жить. И значит, разумное ничем не отличается от дикого зверя.

Этими мучительными размышлениями и завершается предпоследняя глава. На месте Джерджау я бы воспользовался возможностью поставить точку. Однако автор «Канонады Армагеддона» не удержался и написал еще одну главу. Так ли она была нужна?

Последняя глава представляет собой довольно странную нарезку из отдельных фрагментов. В каждом из них изображается какая-нибудь экзотическая раса, использующая взрывчатку, совсем не обязательно в военных целях. Зачем литератору это понадобилось — не вполне понятно. Поначалу.

Однако самый последний фрагмент представляет собой диалог, происходящий между двумя учеными, нашими современниками. Они обсуждают теорию Большого Взрыва, благодаря которому возникла наша Вселенная. Кажется, у одного из них на этот счет есть интересная идея...

Этим весьма прозрачным намеком книга и завершается.

КУКУШОНОК

Рабочий день закончился полчаса назад. А когда он начинался, в одном из параллельных миров, почти таком, как наш, мне в глаза прыснули какой-то гадостью. Теперь стоит мне закурить, как их начинает слегка колоть, так, словно парочка крошечных человечков бегает по ним и вовсю орудует мизерными иголочками.

По идее, я должен был бы отправиться домой и хорошенько отдохнуть, отлежаться. Вместо этого я сижу в своем кабинете и допрашиваю кукушонка.

Может, это последний допрос, и рефери удовлетворится, однако скорее всего... Нет, прекращать его еще рано. Вероятно, немного погодя... Но не сейчас.

Я делаю последний глоток и, аккуратно поставив чашечку на стол, все же достаю из пачки сигарету. Прикурив ее, я думаю о том, что это уже третья чашечка кофе за последний час и, соответственно, третья сигарета.

Да, здоровье свое при такой системе я гроблю просто капитально... и еще сегодня — глаза... Но есть ли у меня выбор?

Впрочем, сейчас не время и не место для подобных мыслей. Сейчас время делать то, ради чего я и сижу в этом небольшом, но обставленном так продуманно, чтобы невольно располагать очередного кукушонка к откровенности, кабинете. И если я при этом еще и делаю свое дело, то третья чашечка кофе и третья сигарета за час не имеют совершенно никакого значения. Потом, когда все закончится, можно будет отдохнуть на всю катушку, свести потребление кофе, а также сигарет к норме. Но это — потом. А сейчас главное — сделать свою работу качественно. Ту самую, за которую мне платят деньги. Правда, не очень большие. Однако жить на них можно.

Пока — жить.

А в будущем?

Ну, будущее есть будущее. Сейчас же есть я и есть кукушонок, которого нужно расколоть. Причем чем скорее это произойдет, тем лучше.

Поэтому...

— Похоже, — говорю я, — вы так до сих пор и не представляете, где оказались?

Кукушонок слегка кривит крупный рот с узкими губами и отвечает:

— Нет, ни в малейшей степени. Вы какая-то правительственная организация? Комитет по надзору за гражданским благомыслием? Очень серьезная безопасность? Быстрое реагирование и обезвреживание?

— А вы относитесь к этим организациям с предубеждением? — спрашиваю я.

До сего момента ни об одной из них я и слыхом не слыхивал и задаю вопрос лишь для того, чтобы уточнить реакцию кукушонка. Отреагировав на него слишком бурно, он даст рефери возможность сделать кое-какие выводы. Причем, как я понимаю, в данном случае совершенно не важно, что именно кукушонок ответит. Лишь бы он проявил определенные эмоции.

Ну же?

Кукушонок пожимает плечами.

— Не знаю. Вроде бы ничего плохого они мне не сделали. Однако общественное мнение... И вообще принято...

Он замолкает и выжидательно смотрит на меня, видимо, пытаясь определить, как я воспринимаю его слова.

А никак...

Я молчу. На лице у меня слегка скучающее и преисполненное глубокого терпения выражение. Я выработал его еще лет пятнадцать назад, частенько применял за последующие годы и теперь уверен на сто процентов, что оно меня не подведет.

Вообще наш разговор несколько напоминает фехтование. Укол, парирование, укол, обманное движение... Как обычно, как всегда... Хотя в данном случае небольшое отличие все же есть. Этот кукушонок уже проиграл свою схватку, и теперь осталось лишь дождаться либо когда он это осознает, либо когда рефери наберет положенные по закону девяносто девять целых девяносто девять сотых процента.

Что случится раньше? Я бы поставил на кукушонка, но не исключена вероятность того, что последнюю точку поставит вердикт рефери.

Ладно, думать тут пока не о чем. Все покажет будущее. Возможно, не такое уж и далекое.

Я курю сигарету и жду.

Кукушонок наконец принимает какое-то решение и говорит:

— Мне кажется, эти организации делают нужное дело.

Я пожимаю плечами и бросаю окурок в пепельницу.

Что ж, раз он так считает, значит, так оно и есть. В некоторых мирах подобные утверждения соответствуют истине, в некоторых — нет. В его, значит... хотя он может и кривить душой. Но меня-то как это сейчас касается?

Меня сейчас волнует другое.

А может, я все-таки ошибаюсь? Может, мое шестое чувство, до сих пор безошибочно подсказывавшее, с кем я имею дело, на этот раз подвело? И если так, то, возможно, я задаю совсем не те вопросы, которые нужны рефери.

Вообще в этом основная трудность работы охранки, работы с кукушатами. Установить, что они явились из какого-нибудь параллельного мира, не так сложно. Как правило, это удается сделать, задав всего лишь несколько уточняющих вопросов, касающихся находящегося в нашем мире двойника. А вот дальше предстоит определить, попался ли нам в руки кукушонок или же безобидный путешественник между параллельными мирами. И конечно, рефери здорово облегчает данную работу. Но если твое шестое чувство не шепнет тебе, с кем ты имеешь дело, или шепнет, но ошибется, можешь задавать вопросы до бесконечности, ходить кругами, день за днем выслушивая от рефери один и тот же неутешительный вердикт. Что-нибудь вроде пятидесяти—семидесяти процентов и определение опасности данного объекта где-нибудь на уровне вероятно-возможной-средней.

Кстати, и еще... для того чтобы шестое чувство шепнуло тебе правильный ответ, предварительно надо им хотя бы обладать. Ну а потом уж идут вырабатываемые с величайшим трудом умения к этому чувству прислушиваться, а также ему верить.

Все ли на этом? Безусловно, нет.

Я как-то попытался прикинуть, что будет, если мне в руки попадется кукушонок с развилкой всего лишь за несколько часов до переноса, уже успевший избавиться от тела двойника, например, сплавить его в один из параллельных, остановившихся в своем развитии миров. Скорее всего его невозможно будет вывести на чистую воду.

С другой стороны, кому это нужно? Может ли такое случиться? Объекты нашей охраны люди очень состоятельные. А большие со-

стояния в течение нескольких часов не приобретают и не теряют. Как правило, это занимает гораздо большее время. Даже в тех случаях, когда кажется, будто та или эта могучая фирма рассыпалась словно карточный домик, будьте уверены, этому предшествовала достаточно долгое время занимающая цепочка следующих одно за другим неверных решений.

Хотя... можно представить, как некто достаточно богатый принимает некое неверное решение и уже через несколько часов, осознав его ущербность, а также необратимость, бросается в один из параллельных миров, в котором его двойник все же принял верное решение...

Окурок корчится в пепельнице, словно полураздавленный биотанком вражеский солдат, а последняя струйка идущего от него дыма складывается в надпись: «Перпонт — наслаждение». «Перпонт» — это название марки сигарет, которые я курю.

Встав, я делаю несколько шагов по кабинету, а потом резко поворачиваюсь на каблуках.

— И для кого это дело является нужным, необходимым? — спрашиваю я.

Кукушонок пожимает плечами и сообщает:

— Для всех, кто живет честно.

А вот это уже интересно. Не может он быть таким дураком набитым. Или может?

— В том числе и для вас?

У меня возникает желание перейти на «ты», но я его подавляю.

Рано еще. Вот если мне удастся нащупать нечто важное, некую брешь в его защите, вот тогда наступит момент резко сократить разделяющую нас дистанцию... А пока мне придется быть корректным, но если кукушонок допустит ошибку...

Я возвращаюсь к столу, сажусь за него и, скрестив руки на груди, задумчиво смотрю на кукушонка. А тот мнется, что-то обдумывает, да так, что у него, кажется, скрипят мозги, и все еще не может мне ответить.

Наверное, будь на моем месте менее опытный дознаватель, уж он бы наверняка попытался начать атаку. Но я пока воздержусь от резких движений.

Еще — рано. Еще не время.

А может, это не никакая неопытность, а просто нерешительность, нежелание рисковать, преддверие старческого маразма? Старческого? Ну нет, мне еще работать и работать. Так что пока все верно. Поспешишь — людей насмешишь.

— Наверное, — наконец говорит кукушонок.

— Что значит — наверное? — спрашиваю я.

— Ну-у-у... как вы знаете, абсолютно честных людей не бывает.

— Значит, за вами есть кое-какие грешки? Поведайте о них. Если вы сказали «а», значит, придется сказать и «б». Вы понимаете это?

Он поспешно кивает.

— И что? — спрашиваю я.

— Ну... как-то раз мне случилось не дослушать до конца благодарственный рассказ.

— Неужели? — мрачно цежу я.

Ни малейшего представления, что, собственно, такое этот «благодарственный рассказ», у меня нет. Кстати говоря, его у меня и не должно быть. Оно мне и не нужно. Вот рефери — да. Так что весь этот разговор ведется не для меня. Хотя и мной.

— Да, именно так. А еще я иногда пропускал утреннюю ловлю первого луча и, соответственно, лишался наступающей за ней релаксации.

— И только?..

— Этого мало? — удивляется кукушонок.

— Но не желаете же вы сказать, что на этом список исчерпан? — зло прищуриваюсь я.

— Почти.

— Почти? — Я намеренно подпускаю в свой голос некоторую толику иронии.

Кукушонок тяжело вздыхает.

— Неужели вас интересуют, например, мои юношеские грехи? Всякие там уклонения от своевременного сокрушения по поводу бренности своего тела и прочая чепуха?

Мне отступать некуда. Я продолжаю гнуть свое.

— А почему бы и нет?

Кукушонок начинать оправдываться в нежелании совершения этого самого «сокрушения», причем так, что я по-прежнему остаюсь в полном неведении насчет смысла сего действия.

Я осторожно тру глаза и задумчиво гляжу на пачку сигарет.

А что, если мое шестое чувство все же ошиблось? Что, если это все же не кукушонок? Какие у меня вообще есть факты, указывающие на его преступные замыслы?

Итак, он оказался среди тех, кто сумел покинуть свой родной мир и попасть в параллельный. Причем этот параллельный мир, как специально, оказался именно тем, в котором проживал его преуспевающий двойник.

Мало?

Ну хорошо, это еще можно списать на случайность, на одну из шуток судьбы. Однако мы составили карту его передвижений по нашему миру. Согласно этой карте, получается, что он возник неподалеку от резиденции двойника и первые несколько часов после появления кружил вокруг нее, словно что-то вынюхивая, к чему-то готовясь...

Еще одно совпадение? Не многовато ли? Почему он не появился где-нибудь на другой стороне нашего шарика? А тут еще и шестое чувство... Нет уж, кукушонок это... И скоро рефери выдаст надлежащий вердикт.

С другой стороны, при кукушонке не найдено аппарата для путешествия между параллельными мирами. Это говорит в его пользу, поскольку с помощью сильного воображения и умения отрешиться от окружающего мира из параллельных миров к нам попадают лишь случайные гости. Кукушата предпочитают пользоваться аппаратами. А еще — мир кукушонка, как выяснилось, кардинально отличается от нашего. И это тоже говорит в пользу допрашиваемого, поскольку...

Я еще раз осторожно тру глаза и думаю, что день сегодня выдался достаточно трудный. Однако не лучше ли мне сейчас подумать о кукушонке?

Да, так вот... о кукушонке...

Надо учесть, например, и то, что наш клиент добился богатства не в результате счастливого случая вроде выигрыша в гранд-лотерею. Он из тех, кто до всего дошел своим умом, сделал себя сам. Самый трудный для охраны вариант.

Со счастливчиками все просто. Их кукушата являются обычными людьми, например, просто купившими не тот лотерейный билет. Или вовсе его не купившими. А вот такие, как мой клиент... Упорные, умные, хитрые, непотопляемые, способные вывернуться из любого положения. С их кукушатами больше всего мороки, больше всего возни. Не исключено, что кое-кому из них все же удается обвести охранку вокруг пальца.

Продолжая слушать объяснения кукушонка, я достаю из пачки сигарету, мну в пальцах и, сделав над собой сверхчеловеческое усилие, откладываю в сторону.

Рано, еще рано. Да и кофе... не лучше ли сначала налить еще одну чашечку? А самое лучшее, конечно, — воздержаться. Ну, по крайней мере ближайшие полчаса.

Между прочим, мысль о некоторых кукушатах, умудрившихся все же обмануть охранку, довольно забавна. Если такое действительно случалось, то в чем на самом деле предназначение охранки?

Оборонять кормушку, которой, по сути дела, является место нашего клиента, от менее приспособленных к жизни? Те, кто более к ней приспособлен, разберутся между собой уже без нашего участия. В то время как мы... А какая, собственно, разница, кто именно будет лично мне платить деньги? Лишь бы платили. И не просто жалованье, а и за переработку. Такую, как сегодня. И если даже на месте нашего клиента окажется кукушонок, он от этой обязанности увиливать не станет. Должен же кто-то защищать его от целой армии неудачников и тем самым экономить ему время для схватки с настоящими, действительно опасными кукушатами.

Ну и умозаключения. С чего это меня потянуло на такие пессимистические фантазии?

Я снова встаю, делаю несколько шагов по кабинету и, сев обратно за стол, внимательно гляжу на кукушонка.

Тому тоже приходится несладко. И это заметно.

Он бормочет:

— ...и вообще все эти мелкие шалости за давностью лет...

— Уверяю, — говорю я. — Для нас, для нашего дела, имеет значение все. Даже такие мелочи.

— Но я...

Я улыбаюсь почти ласково и в то же время значительно.

— Для нас имеет значение все. Абсолютно все. Так что исповедуйтесь, исповедуйтесь.

Кукушонок возмущенно сопит, но все же благоразумие берет в нем верх. И это означает, что к взрыву эмоций он еще не готов. А жаль. Возможно, рефери для окончательного вердикта не хватает именно этого.

Мне в голову приходит некая мысль, и я едва заметно улыбаюсь. Нет, нет, это глупости. Никакой я не придаток рефери, не его прислужник и уж тем более — не раб. Рефери всего лишь страховка, дополнительное подтверждение законности моих выводов. Я и без него могу определить, кто является кукушонком, а кто нет. Рефери просто избавляет меня от утомительной обязанности ловить подозреваемого на слове, расставлять ему ловушки, пытаться взять его на пушку и прочих, прочих, достаточно хитрых и не очень, приемов из арсенала любого стража порядка в любом из параллельных миров.

Конечно, иногда дожидаться вердикта рефери достаточно утомительно. Однако это все же лучше, чем мотаться по измерениям, собирая доказательства вины того или иного кукушонка. Вместо них, по законам нашего мира, достаточно всего лишь вердикта, основанного на анализе поведения подозреваемого, фактов из его

биографии, которые он согласится сообщить, и его же реакции на те или иные раздражители.

Этого вполне достаточно для того, чтобы рефери мог определить, обладает подозреваемый характерным для кукушонка типом мышления или нет. Если обладает, то, значит, он и является кукушонком. Точно так же как человек, обладающий складом мышления убийцы, рано или поздно кого-нибудь убьет. Так стоит ли дожидаться, когда это произойдет? Может, стоит его обезвредить до того, как он отнимет у кого-то жизнь?

Впрочем, на эту тему сейчас думать не стоит. Главное сейчас то, что рефери значительно облегчает труд любого дознавателя и никогда не ошибается. Ну, почти никогда. Но отдельные редчайшие ошибки — не в счет.

— ...а потом я увидел ее и сразу же подумал, что она предназначена для меня.

— На самом же деле? — холодно роняю я.

— Да, вы правы. На самом деле она предназначалась другому мальчишке. И тогда я не утерпел, тогда я сделал то, чего слегка стыжусь и по сей день. Я ее...

Я вдруг понимаю, что так может продолжаться еще долго. Вроде бы правильные вопросы и подробные ответы. Сигареты и кофе. Вопросы и ответы. Все как положено. Но на самом деле — бег по кругу.

Может быть, необходимо сменить линию ведения допроса? Обдумать новые вопросы? Еще раз проанализировать известные факты. Да на свежую голову, поскольку сейчас я на подобное не способен.

И еще у меня есть скудная надежда на то, что, может быть, сегодняшнего допроса рефери для правильного вердикта хватит. Сомнительно, но вдруг это все же случится?

Я едва заметно качаю головой.

Наверное, это все-таки — годы. Ранее подобные мысли мне в голову просто не приходили. Тогда меня интересовал лишь сам процесс общения, придумывания неожиданных, сбивающих противника с ног вопросов, анализ его ответов, умение посмотреть на них под необычным углом. А сейчас...

Неужели я уже так постарел? Неужели мне пора на покой? На крохотную пенсию, на гроши, сэкономленные от жалованья, заработанные переработкой?

Ну уж нет. Рано. Я продержусь еще лет пятнадцать—двадцать А потом... Потом — будет потом.

Сейчас же мне надо решить, имеет ли смысл сегодня продолжать допрос? Может, и в самом деле сделать перерыв, отложить его до завтра? Даже если кукушонка прорвет и долгожданный выброс эмоций произойдет, сумею ли я его правильно использовать, задать нужные вопросы?

— И вот тогда она мне сказала...

— Кстати, — говорю я. — Вы так и не догадались, зачем мы вас задержали и мучаем глупыми вопросами?

— Нет. Откуда? А вы готовы мне это объяснить?

Глаза у кукушонка блестят, лицо выражает надежду. И все же он переигрывает. Я знаю это, чувствую по голосу, по тому, как он тискает свои длинные пальцы. Слишком, слишком долго он это делает.

— Еще рано, — отвечаю я. — Но скоро все выяснится. Не так ли?

— Да, конечно, — говорит кукушонок. — Я на это очень надеюсь.

— Я — тоже.

Некоторое время мы смотрим в глаза друг другу. Кукушонок, похоже, старается угадать, удалось ли ему запудрить мне мозги, а я пытаюсь прикинуть, какова будет его реакция на вердикт рефери. Злоба или подавленность? А может, и то, и другое. Или сначала то, а потом другое. Но скорее всего...

Стоп, прочь подобные мысли. Сначала нужно этот вердикт получить.

— На сегодня, похоже, хватит, — говорю я. — Вы сейчас отправитесь в свою комнату...

— И вы не желаете мне объяснить...

— Всему свое время, — слегка улыбаюсь я. — Все, что мог, я объяснил вам во время нашего первого разговора.

— Но хотя бы в чем меня подозревают?

— Разве вас в чем-то подозревают? Нет, ни в коем случае, — голосом образцового зануды говорю я. — Это обычная проверка, а некоторое ограничение вашей свободы сделано всего лишь в ваших же интересах, и, подчиняясь ему, не делая попыток ускользнуть, вы доказываете свою благонадежность.

— Да, да, — поспешно кивает кукушонок. — Именно — благонадежность.

Я еще раз улыбаюсь ему и нажимаю желтый квадратик у себя на столе.

Искн уводит кукушонка, а я, устало откинувшись на спинку кресла, все же закуриваю еще одну сигарету, последнюю на работе.

Минут через десять я уйду домой. Однако прежде нужно выслушать рефери.

Я нажимаю на еще один квадратик, и бесстрастный голос сообщает:

— Полученные данные полностью обработаны. Если желаете, я могу сообщить вердикт.

— Слушаю, — говорю я.

Рефери оглашает вердикт, и я устало закрываю глаза.

Сейчас же становится легче, и я позволяю себе несколько минут настоящего, полноценного отдыха.

Вот так. Вот так хорошо. Но если я сейчас не открою глаза, то, несомненно, засну, а это вовсе не нужно. Сон на рабочем месте? Прямая дорога к увольнению. И значит...

Я с усилием открываю глаза и тупо смотрю на полированную поверхность стола. Отражающаяся в ней физиономия меня не радует. Как не радуют и результаты этого последнего допроса.

Всего шестьдесят восемь процентов! Мало, очень мало. И значит, завтра еще один допрос. Надеюсь, конечно, последний. Но — вряд ли.

Шестьдесят восемь процентов! И определение опасности на уровне «вероятно-возможно-несколько выше среднего». Ох, боюсь, вся эта канитель продлится еще дня два-три, не меньше.

А потом...

Ну, потом будет суп с котом. Мне бы сейчас для начала расплюхаться с этим кукушонком.

Он, несомненно, умен, хитер, является хорошим актером и, наверное, где-нибудь в другом месте мог бы обмануть кого угодно. Но только не здесь, в нашем мире. Слишком уж у нас преуспел его двойник.

Ну да, я понимаю, что всем хочется иметь собственную гипосмическую яхту и бассейн из золота, а также гарем из дюжины блондинок с телами от лучших скульпторов плоти. Но надо же понимать, что самый большой кусок сыра и охраняется лучше. Почему бы для начала не попытаться провести менее опасную операцию, не занять место своего двойника в том мире, где он не так сильно преуспел?

Я улыбаюсь.

Баланс возможностей и запросов. Не в этом ли главная проблема кукушат? А если точнее, то тех из них, которые попадаются.

Гм?.. Может быть, мои догадки верны, и есть кукушата, умудрившиеся проскользнуть через барьер охранки? Причем это наверня-

ка удалось тем, кто знает свои границы, умеет поддержать баланс между возможностями и запросами.

Тут, конечно, возникает еще один вопрос, причем довольно важный.

Почему же те, что становятся кукушатами, прикладывающие столько усилий для того, чтобы занять место своего преуспевшего двойника из параллельного мира, не могут приложить все свои силы и способности для того, чтобы добиться благоденствия в своем мире?

Ну откуда я знаю? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо оказаться в шкуре кукушонка. Но все-таки некоторые мысли по этому поводу у меня есть.

К примеру, точные статистические данные подтверждают, что преступления не оправдываются. Почти никогда. Слишком дорого приходится за них платить. Временем, силами, годами, проведенными в тюрьме, а если даже от нее удалось отвертеться, то остатком жизни, потраченным на бегство от стражей порядка. Так вот, эти вполне резонные соображения ничуть не мешают самым разнообразным преступникам сворачивать на кривую дорожку вновь и вновь. Ну а уж кукушатам...

Я снова улыбаюсь.

Кто может помешать жителю одного из бесчисленного множества параллельных миров, получившего тем или иным образом возможность путешествовать между ними, убедившемуся, как легко это сделать, додуматься еще и до того, чтобы попытаться ухватить удачу за хвост? Ну, уж во всяком случае, не моральные соображения и не боязнь неудачи.

Нет, конечно, все это есть, и кукушат, как и почти всех преступников, мучает совесть, а также, в большей степени, страх попасться. Однако что это по сравнению с соблазном вернуть упущенный когда-то шанс, обрести проскользнувшее мимо счастье? Тот самый шанс, выпадающий раз за всю жизнь. И не важно, что он собой представляет. Солидный счет в банке, возможность прославиться на весь мир или красивая девушка, ответившая утвердительно на старый как мир вопрос. Не важно, что именно. Главное, ради него, этого шанса, можно запросто сделать зло двойнику, волею слепого случая, а значит, совершенно несправедливо, сумевшему свернуть на верную тропинку. Является ли с точки зрения кукушонка это преступлением? А может, всего лишь восстановлением справедливости, поскольку...

Я вздыхаю.

Вот только все они попадаются. Неизбежно. Все, все, все. Любители денег, славы и длинноногих девушек.

Причиной этому служит нарушение баланса возможностей и запросов. Любой человек, прежде чем попытаться, например, забраться на скалу, обязательно прикинет, хватит ли у него на это сил. А кукушата...

Я возвращаю сигарету в пачку и засовываю ее в карман.

Нет, так можно сидеть еще долго. Не пора ли отправиться домой, съесть хороший ужин и завалиться спать? Кажется, это сейчас для меня наиважнейшее на свете.

Выходя из кабинета, я думаю, что у умного кукушонка есть и другой, более верный способ добиться удачи.

Четко определить пределы своих возможностей и действовать, не пытаясь выходить за их границы. Твердо сказать себе, что если ты и станешь богат, то не сразу, далеко не сразу.

Да, конечно, папочка не оставил тебе кругленького состояния в банке, и, значит, ты не можешь благодаря ему вступить в высшее общество, завязать полезные знакомства, да просто окончить одно из тех престижных учебных заведений, пребывание в котором гарантирует в будущем беспрепятственное продвижение к успеху. Однако у тебя есть главное: осознание своих возможностей и, конечно, терпение.

Если это есть в наличии, то тебе вполне по плечу, например, поступить в институт служащих охранки на факультет дознавателей. А потом, с блеском его окончив, приступить к работе и выполнять свои обязанности честно, добросовестно, с надлежащим рвением.

Ради грошовой пенсии и дешевого домика с крохотным участочком на старости лет?

Отнюдь.

Кто может вывести на чистую воду кукушонка, великолепно знакомого с самой системой охранки, с ее методами работы, с тем, как проверяют всех подозрительных гостей из других параллельных миров? Кто может остановить такого специалиста? Особенно если он попытается занять место обычного счастливчика, выигравшего, например, свои деньги в гранд-лотерею? Этих денег вполне хватит для того, чтобы прожить остаток жизни, ни в чем не нуждаясь, в довольстве и покое. А уж шанс выиграть в подобную лотерею был у каждого. И конечно, не так уж и трудно найти параллельный мир, в котором этот счастливый шанс достался твоему двойнику.

Я весело хихикаю.

Да, действительно складно получается. И чем не идеальный план для какого-нибудь кукушонка? Причем план, реально имеющий шансы на успех. Вот только он не для меня, поскольку, поступая в

институт охранки, я ни о чем подобном не думал, никаких таких планов не лелеял, ни к чему похожему не готовился.

Я просто знал свои способности и выбрал работу строго в соответствии с ними. Ни больше ни меньше. И из меня получился хороший дознаватель.

Тут я перестаю хихикать, поскольку мне в голову приходит одна довольно трезвая мысль.

Впрочем, кто знает, на что я решусь лет через десять—пятнадцать, когда до ухода на пенсию станет рукой подать? Не покажутся ли мне эти мои сегодняшние мысли не лишенными основания?

Декабрь 2001 г.

КУСОК ГАЗЕТЫ

(Газетный лист, в который были завернуты пампушки, купленные мной на одной из железнодорожных станций по дороге из Москвы в Ижевск)

И конечно — он является ошибкой, типографским браком...

Впрочем, я несколько забегаю вперед. Сначала необходимо сказать о том, как он выглядит.

Собственно, выглядит он как самый обыкновенный кусок газеты после того, как в него завернули пампушки. Не более и не менее. Само по себе его существование ничего не доказывает и, соответственно, не опровергает. Он просто существует. Мятый кусок газетной бумаги, усеянный некоторым количеством жирных пятен.

А еще на нем напечатан текст, являющийся для меня небольшой загадкой, отгадку которой я скорее всего так никогда и узнаю. Возможно, это даже к лучшему. Было бы довольно грустно узнать, что текст, на размышления над которым я потратил некоторое количество времени, возник, например, всего лишь благодаря небрежности верстальщика, умудрившегося устроить нечто вроде окрошки из двух текстовых файлов?

Хотя тут тоже не все так просто.

Если попытаться оправдать возникновение данного текста всего лишь головотяпством верстальщика, то чем можно объяснить невнимательность редактора, отправившего макет в типографию, не умудрившись его хотя бы еще раз бегло просмотреть? Брак таков, что легко обнаруживается даже при беглом просмотре текста. И все же он этого не сделал. Почему? Не является ли странным неожиданный приступ редкой невнимательности сразу у двух

профессионалов? Нет, конечно, в этом мире сплошь и рядом случаются и не такие совпадения, но все же...

Впрочем, не стоит забегать вперед. Ниже я еще вернусь к теме странных обстоятельств, способствовавших появлению этого газетного листа. Так ли они случайны? В этом у меня есть некоторые основания сомневаться. Но пока неплохо было бы сказать еще немного о том, как он выглядит.

Кроме того, что он усеян пятнами и в достаточной степени измят, газетный лист обладает еще одним существенным недостатком. У него отсутствует верхняя часть, очевидно, оторванная все той же торговкой пампушками для каких-то своих нужд. Скорее всего как раз там и должно было находиться название газеты, а также дата ее выхода. По крайней мере на всем остальном пространстве газетного листа этих данных нет. И значит, их либо не было вовсе, либо они находились именно на отсутствующем клочке бумаги.

Может, это и к лучшему. Думаю, имей я возможность определить, какой именно газете принадлежит этот лист, и, стало быть, выяснить поподробнее обстоятельства его возникновения, загадка, на обдумывание которой я потратил некоторое количество собственного времени, утратила бы для меня часть своей таинственности. А размышлять над загадкой, не обладающей достаточным ореолом таинственности, не такое уж большое удовольствие.

Могу еще добавить, что определить дату выхода газеты, проанализировав сохранившийся на ней имеющий отношение к нашему времени текст, не представляется возможным. На одной стороне лист газеты содержит советы по уходу за домашними животными, на другой — подборку фотографий полуобнаженных заграничных кинозвездочек. Таким образом, газета, в страницу которой торговка завернула пампушки, вполне могла быть напечатана и год назад, и два, и три.

Теперь — о шрифте. Текст, относящийся к советам по уходу за домашними животными или комментариям к фотографиям соблазнительных красавиц, кстати, столь же скудным, как и их одеяния, напечатан обычным газетным шрифтом. Другой же, тот самый, который так привлек мое внимание, набран шрифтом, значительно отличающимся от стандартного. Сразу бросается в глаза некая непривычная излишняя округлость букв, а также их странные пропорции.

Да, конечно, сейчас, в эпоху компьютера, любой текст можно напечатать каким угодно шрифтом. Если так уж приспичило, можно легко создать шрифт, не похожий ни на какой другой. Но — в

газете? Зачем? Какая в этом нужда? Необходимо ли это для издания, не являющегося ни художественным, ни рассчитанным на взыскательного читателя? Более того, мне кажется, попытайся какая-нибудь газета побаловать своих читателей слишком большим разнообразием шрифтов, это не принесло бы ей пользы. Скорее — вред. Поскольку разнообразие шрифтов отвлекало бы читателя от самого текста.

Итак — странный шрифт. Что он доказывает? Конечно — ничего. И все-таки я должен был о нем написать, поскольку, на мой взгляд, он являлся одной из причин, по которым я обратил внимание на напечатанный им текст.

Вот мы и подошли к нему. Текст.

Собственно, речь идет не о целом тексте, а о множестве его фрагментов, в значительной части не поддающихся пониманию. Некоторое количество фрагментов содержит упоминания о лицах, имена которых я до этого ни разу не слышал, причем говорится о них так, словно они очень известные люди.

Кто такой Андрей Каум Вульфф, послевозвестник грядущего обновления, и почему его визит в местечко Бвыжицы имеет такое большое международное значение? Какими именно произведениями прославился великий композитор Тимон Б. Халланвог, чья ранняя кончина ввергла весь культурный мир планеты в состояние шока и уныния? Чем провинился Патрик Бвангу Ким, об окончательной поимке которого гордо сообщили «Соответствующие органы»? Кстати, чем именно эти «Соответствующие органы» занимаются, я догадываюсь. Но почему у них такое странное название?

Увы, ответа на эти вопросы в данный момент я, видимо, не получу. Может быть, в будущем... Но точно ли — в будущем? Хотя тут я несколько забегаю вперед. Вернемся к тексту.

К счастью, мне удалось обнаружить и несколько достаточно крупных фрагментов, смысл которых, несмотря на некоторое количество пробелов, понять можно. Причем за ними просматривается некая система мира, очевидно, находящегося в будущем, где-то в промежутке от двадцати до восьмидесяти ближайших лет, мира двадцать первого века. По крайней мере наличие в настоящем предпосылок, из которых этот вариант грядущего мог бы произрасти, отрицать невозможно.

Фрагменты эти можно условно отнести к нескольким разделам. Причем большее число отрывков является так называемыми свежими новостями, тем самым суррогатом реальной жизни, якобы способным давать обычному человеку представление о том, чем живет окружающий мир. Конечно же, на самом деле ничего подоб-

ного не происходит, поскольку «свежие новости» создают лишь иллюзию подобной осведомленности. А иллюзия, как известно...

Впрочем, не будем отвлекаться. В данном случае для меня они являлись как бы фоном, дающим возможность приобщиться к повседневной, так сказать «обыденной», жизни двадцать первого столетия.

Для начала мне бы хотелось предложить два фрагмента, относящихся к развитию виртуального мира.

Объявление: «...имеют честь сообщить о намеченной на... часов ...бря церемонии бракосочетания. Проходить она будет, как обычно, на сайте виртуальной церкви господней, в присутствии всех пожелавших явиться на это знаменательное торжество. Подарки для молодоженов принимаются на... в виде, и если их размер достигнет планируемого, то юная чета отправится в свадебное путешествие по... до сей поры недоступным им по статусу общественного положения».

И сообщение: «...инициативный комитет в полном составе проследовал в главный офис компании и передал директору по контактам с живыми работниками петицию о... главным пунктом считается тот, в котором говорится... недопустимость использования синтетических личностей в объем-кино... и на других носителях. Инициативный комитет по защите прав реально существующих актеров, дикторов и обозревателей отметил, что в последнее время... а также значительно увеличился процент непрофессионалов, тех, кто сдает свои личностные данные напрокат... самые крайние меры, вплоть до... и снимает с себя всяческую ответственность».

Следующий кусок текста относится к другой, не менее интересной области науки. Клонированию.

«...слушание дела было отложено ...ков, адвокат подсудимого, заявил, что подзащитный, несомненно, невино... неопровержимо доказана непричастность... уважаемого члена общества, человека чистейших помыслов и поступков... Да, конечно, на момент проведения экспертизы подзащитный находился... И все же обвинитель так и не смог представить неопровержимые доказательства причастности подсудимого к торговле клон-рабами... показания самих же клон-рабов не имеют никакой юридической силы, поскольку их... в момент якобы совершения противоправных действий ни один из них не имел статуса гражданина, и значит, юридически все они являлись ни более ни менее как частями тела подзащитного... С таким же успехом можно было бы пытаться заставить какого-нибудь ребенка свидетельствовать против своей матери, причем по делу, относящемуся к тому моменту, когда он еще находился у нее

в утробе... несомненно... поправка к статье неопровержимо доказывает... прецедент двух белокурых близнецов...»

Фрагмент, относящийся к освоению космического пространства:

«...мрачно шутят, что корабль-отражатель кто-то сглазил. Кажется, кое-какие основания для такой шутки и в самом... есть. Если подсчитать, начиная с самой первой модели корабля-отражателя, то число неудачных попыток уже перевалило за... выдвинул довольно дерзкую гипотезу о новом виде магнитных полей, которые... если подобные предположения верны, то, очевидно, корабль-отражатель придется каким-то образом выводить за пределы Солнечной системы, и только после этого... в настоящее время подобное невыполнимо. Таким образом, если существование мнимых магнитных полей будет доказано, старт корабля-отражателя должен быть отложен на неопределенный срок, до тех пор... возможно только в двадцать втором веке...»

Следующие куски текста имеют отношение к политике и финансам.

«...нота Объединенной Республики Китай... за последнее время участились случаи перехода как отдельными лицами, так и целыми группами граждан государственной границы в районе Багдада... с целью... незамедлительно пресечь... а также любыми средствами... суверенность великой державы... господин посол... целостность территории сопредельных государств... в первую очередь... России и также... надеяться на то, что данная нота не нарушит издавна сложившихся добрососедских...»

«...есть опасения... симптомы напоминают знаменитый долларовый кризис, разразившийся... и все же ведущие финансисты мира утверждают, что для паники пока нет никаких оснований... тем не менее... в среду котировка скачкообразно понизилась сразу на... хотя в четверг падение котировок слегка приостановилось... следующая неделя, видимо, станет решающей...»

«...достояние Кении... аналогичное знаменитой Силиконовой долине в... прошлого века... покрывает более чем на пятьдесят процентов мировую потребность в... а также точные приборы на светоидах, полужесткие облагораживатели окружающей среды и новейшие... основная статья экспорта... планируется значительное расширение производственных площадей...»

«Многонациональный хурал Антарктиды отметил, что за последнее время значительно увеличилась добыча... несомненно, запасов только открытых за последние полгода месторождений... более удобны для разработки... однако строить благосостояние государ-

ства на добыче природных ископаемых... соответственно, будут введены санкции, осложняющие процедуру выдачи лицензий на разработку месторождений. Это не означает... государственные дотации на развитие определенных отраслей... уже в ближайшее десятилетие планируется подъем интереса к технологиям управления погодой... в связи с этим можно констатировать определенные изменения государственной политики...»

Вот, собственно, и почти все тексты. Почти все — потому что есть еще один кусочек, но, прежде чем его привести, я хотел бы снова повторить, что считаю этот газетный лист не более чем типографским браком, ошибкой, появившейся в результате недосмотра. Но все же... все же... Если допустить реальность полученной информации о мире двадцать первого века, причем именно нашем мире, то можно сделать вывод, что мир будущего останется неизменным в одном...

Ну конечно — человек. Он не сильно изменится, точно так же как практически не изменился за многие тысячелетия своего существования. В двадцать первом веке, возможно, возрастет темп жизни, появятся новые возможности получать и обрабатывать информацию, но человек останется все тем же. Он, как и всегда, будет мечтать, влюбляться, трудиться, страдать, растить детей и неизбежно умирать.

Возможно, на этом следовало бы закончить. Однако остался еще один вопрос.

Каким все-таки образом информация о двадцать первом веке попала на лист современной газеты? Возможно, ответ на этот вопрос есть в последнем куске текста.

Вот он:

«...назвал гипотезу о сопряженности информационного поля и обратного вектора движения времени сомнительной... представленные доказательства были подвергнуты тщательному анализу... вступился его коллега из... гневная отповедь возымела обратное действие... списывать ошибки, неизбежно возникающие при обработке любого текста, на воздействие текущего по времени... информационное поле... процентное содержание совпадений ошибок с реально существующим... четыре обезьяны за клавиатурой... Да, они неизбежно напечатают одну из пьес Шекспира. Но сколько на это потребуется времени? Между тем подобные опечатки встречаются... попраны законы вероятности, так же как и...»

И конечно, кусок газеты, в который были завернуты пампушки, купленные мной на одной из станций по дороге из Москвы в Ижевск, несомненно, является типографским браком. Однако если

предположить, что он возник не случайно, а в результате воздействия некоего информационного поля, то сам собой возникает очень простой вопрос. Сколько ценной и, возможно, очень важной информации было уничтожено корректорами и редакторами различных газет и книгоиздательств?

Хотя время от времени подобным текстам удается уцелеть. Не значит ли это, что в определенные моменты воздействие некоего информационного поля резко усиливается? Причем возрастает оно настолько, что ему не могут противостоять даже профессиональные борцы с опечатками.

Впрочем, все это не более чем домыслы, и хоть как-то их доказать невозможно. В самом деле, не могут же считаться доказательствами листок газеты, в который заворачивали пампушки, и навязчивое желание написать эту статью?

НЕНУЖНЫЕ ВЕЩИ

Аппетитная, намазанная маслом булочка с какой-то зеленью и кусочками мяса. Называется — бутерброд. Правда, кто-то от него уже откусил, и отпечаток зубов остался вполне отчетливый. Очень маленьких зубов, скорее всего принадлежащих ребенку.

Чин-чин задумчиво почесал в затылке.

Он принадлежал к тем людям, кто любое событие рассматривает как повод для отвлеченных раздумий и невероятных предположений, совершенно упуская из виду возможность использовать его для личного обогащения. Подобные ему, как правило, удерживаются на плаву в бурном житейском море лишь благодаря большому везению. А стоит ему исчезнуть, как они быстро становятся бродягами и вынуждены спать, например, в предназначенных к сносу домах, без малейшей перспективы хоть как-то повысить свой жизненный уровень.

Впрочем, как раз сейчас повод для самых фантастических версий действительно был. Учитывая, как этот бутерброд появился...

Отпечаток зубов вполне мог принадлежать, например, и лилипуту. А почему бы и нет? Хотя детей гораздо больше, чем лилипутов. И значит...

Да ничего это не значит.

Чин-чин покачал головой.

Не имеет ни малейшего значения, кто именно откусил от этого бутерброда. Чаще всего попадающиеся ему во время регулярных обследований мусорных ящиков продукты выглядели гораздо хуже. И он их ел, да еще как, поскольку люди так устроены, что время от времени им хочется есть. Причем многие это делают не реже трех раз в день. А некоторые аж умудряются за день набить живот раз пять-шесть. Правда, рано или поздно у них начинаются болезни, вызванные излишним весом.

Чин-чин задумчиво оглядел свою правую, довольно грязную и очень худую руку, потом левую. Нет, болезни, возникающие от ожирения, ему не грозили.

Это слегка успокаивало.

Он посмотрел в окно. В одной из створок сохранился большой кусок стекла, и отраженный в нем солнечный луч безжалостно уколол Чин-чину глаза. Поспешно отвернувшись, бродяга снова уставился на старый колченогий стол, на котором лежал бутерброд.

Осторожно взяв бутерброд самыми кончиками пальцев, Чин-чин медленно поднес его к лицу и понюхал. Запах мог свести с ума. Желудок бродяги окончательно взбунтовался и громким урчанием напомнил о своем желании наполниться хоть какой-то пищей.

Однако долгая бездомная жизнь научила Чин-чина осторожности. Собрав всю силу воли, бродяга положил бутерброд обратно на стол.

Нет, прежде необходимо узнать, откуда он появился. Нельзя есть бутерброды неизвестного происхождения. Будь он найден в мусорном баке. А так... таким образом...

Сев поудобнее в продавленном, каким-то чудом до сих пор еще не развалившемся кресле, Чин-чин почесал мочку уха и попытался прикинуть, как ему все-таки поступить дальше.

Съесть или не съесть?

С одной стороны, ему и в самом деле случалось набивать желудок кое-чем, выглядевшим гораздо менее аппетитно. С другой — засохшая хлебная корка со дна мусорного контейнера куда безопаснее свеженького, лишь слегка надкушенного бутерброда, появившегося таким странным образом, возникшего из ниоткуда, материализовавшегося буквально из воздуха.

А так ли это было?

Чин-чин попытался вспомнить.

Итак, пять минут назад он сидел в этом же кресле и смотрел на этот же самый старый стол, мечтая о возможности перекусить. Стол был пуст, как сельское кладбище зимней ночью. Потом на нем возник бутерброд. Прямо у него на глазах. Вот сейчас его не было, а потом он появился.

Чин-чин вздохнул.

Ну хорошо, допустим, это чудо и бутерброд возник благодаря вмешательству святого духа. Но почему тогда он надкушен? Кто снял с него пробу? Боженька, решивший проверить вкус своего подарка? И почему у боженьки такие маленькие челюсти?

Теплый летний ветерок качнул оконную раму, и она протяжно, очень громко заскрипела. Чин-чин не обратил на это ни малейшего внимания. Он думал.

Так есть или не есть? И вообще, как подобная материализация могла случиться?

Гм... материализация?

Чин-чин вспомнил прочитанную в детстве книжку. Любой человек, говорилось в ней, если он этого очень-очень захочет, способен материализовать свои желания, сделать их реальными.

Может, и сейчас... Ну уж нет, не так все просто.

Память тут же напомнила Чин-чину об огромном количестве случаев, когда ему хотелось есть ничуть не меньше, а то и больше, чем перед появлением бутерброда. Почему же тогда материализация получилась именно сегодня?

Любопытный вопрос.

Чин-чин озабоченно потер лоб, потом с обреченным видом протянул было руку к бутерброду, но передумал и на этот раз. Кто его знает, каково на вкус материализованное желание? Может, этот с виду такой вкусный бутерброд на поверку окажется чистейшим ядом?

А почему он должен оказаться ядовитым? И вообще, стоит ли слишком осторожничать? Так недолго и законченным параноиком стать.

Вот именно! А посему...

Бродяга все-таки не выдержал. Резко сглотнув накопившуюся во рту слюну, он быстро схватил бутерброд и судорожным движением откусил от него сразу же чуть ли не половину.

Какой там яд? Разве может отрава иметь такой чудесный вкус?

Прожевав и проглотив последний кусок, Чин-чин в изнеможении откинулся на спинку кресла. Он был сыт и не испытывал никаких неприятных ощущений. Таким образом, получалось, страхи его не имели под собой никакой почвы, совершенно никакой.

А значит...

Чин-чин подумал о том, что было бы неплохо, например, получать такие бутерброды постоянно, и не один раз в день, а по крайней мере — три. Конечно, это не могло сделать его жизнь райской, но все же... все же... А почему бы и нет?

Он внимательно оглядел пустой стол и, сдвинув брови, попытался представить, как на нем появляется бутерброд.

Булочка и кусочки мяса с какой-то зеленью. Целый бутерброд. Очень вкусный... Впрочем, возможно, он даже и не такой вкусный... возможно, и надкушенный... не очень свежий... Лишь бы

появился на этом столе, согласно желанию. Потом, после того как система будет отработана, можно настроиться в исполнении более сложных желаний. А сейчас...

Как и следовало ожидать, несмотря на все усилия, чудо не повторилось.

Осознав это, Чин-чин крепко выругался, но все же проигравшим себя не признал и сделал еще одну попытку. В этот раз он напрягся, словно роженица под конец схваток, и даже издал некое мычание.

Бесполезно.

Чин-чин снова откинулся на спинку кресла и уныло подумал о том, что вот кому-то другому, не такому, как он, неудачнику, чудо уж наверняка явилось бы не в виде надкушенного бутерброда, а, например, огромным бриллиантом или бумажником, набитым деньгами. Ему же...

Стоп!

Бродяга замер.

Какая-то мысль рождалась у него в голове, медленно, с натугой, словно цветочное семечко, проросшее на свалке и поэтому вынужденное пробиваться к солнцу сквозь кучи мусора, ржавых консервных банок, пустых пакетов и пласты подмокших прошлогодних газет.

Мысль пробивалась, пробивалась и наконец — пробилась.

Чин-чин щелкнул пальцами.

Ему давно уже хотелось сделать этот эффектный жест, когда-то давно увиденный в кино, и вот наконец повод представился. Нет, конечно, он мог щелкать пальцами хоть сто раз на дню, но без повода это было совсем не то. А вот сейчас, после того как для щелканья пальцами появилась реальная причина...

Если говорить точнее, то это было воспоминание о том, что предшествовало появлению бутерброда. А была это довольно бесхитростная мысль о несправедливости устройства мира. Вот он, Чин-чин, сейчас очень голоден. А в это время кто-то из живущих на Земле почти наверняка на еду просто смотреть не может, мечтает от нее избавиться. И конечно, было бы здорово, если бы эта ненужная еда досталась ему, Чин-чину. Вот сейчас. Немедленно. Ненужная. Та, от которой кто-то мечтает избавиться.

Бродяга еще раз щелкнул пальцами и удовлетворенно кивнул.

Все верно. И доказательством этого является надкус, оставленный, конечно же, не лилипутом, а самым обычным ребенком. Просто мама заставляла его съесть бутерброд, а закормленному малышу вовсе не хотелось есть, и он представил, как бутерброд исчез. В

этот же момент Чин-чину страшно захотелось получить не нужную кому-то еду. Два желания каким-то странным образом вошли во взаимодействие...

Да, теперь ему известны условия материализации. Почему бы не сделать еще одну попытку?

Чин-чин уселся в кресле поудобнее и попытался сконцентрировать мысли на еде. Кстати, это не потребовало от него больших усилий. На этот раз он даже не очень сильно напрягался. Ему просто очень сильно хотелось получить нечто съедобное, кому-то другому опротивевшее до коликов.

И получилось!

На этот раз перед ним возникла тарелка с манной кашей. Каша была холодная и не слишком приятная на вкус, но с изюмом. И вообще это была еда. А то, что какой-то карапуз ее лишился, так ведь по собственному желанию. Не так ли?

Вытащив из кармана погнутую алюминиевую ложку, Чин-чин с энтузиазмом опустошил тарелку и попытался прикинуть, каким еще образом можно использовать так неожиданно свалившийся на него дар.

Допустим, едой он обеспечен. А еще чем?

Размышляя на эту тему, он почти машинально, вспомнив о том, чем его кормили в детстве, материализовал здоровенный кусок хлеба, намазанный вареньем.

Хлеб был свежий, а варенье — не очень вкусное. Впрочем, даже такого он не пробовал уже давно. Какой дурак выкинет в мусорный контейнер банку хорошего варенья?

Покончив с едой, Чин-чин вытащил из кармана окурок, внимательно его осмотрел и, признав достаточно длинным, хотел было прикурить, но вдруг передумал.

Почему — окурок? Неужели на всем свете нет ни одного человека, как раз в данный момент с отвращением думающего о принадлежащих ему сигаретах? Кто-то, пытающийся бросить курить, но совершенно не способный это сделать.

Чин-чин усмехнулся.

Может, стоит ему немного помочь?

Пачка была здорово измусолена, но в ней все же обнаружились три целые сигареты. Затянувшись ароматным дымом, Чин-чин попытался прикинуть, что прежний хозяин делал с этой пачкой. Может, прежде чем сигареты исчезли, он мял их в руках, не в силах выкинуть в ближайшую урну?

Впрочем, какая разница? И вообще, не стоит ли ему сейчас еще немного поупражняться в полученном умении?

Он поупражнялся и в результате стал обладателем пары новеньких, из отличной кожи ботинок. Правда, цвет у них был довольно странный. Он, несомненно, наводил на мысли о заходящем солнце где-нибудь ближе к экватору. Только имело ли это значение для того, у кого на ногах были полуразвалившиеся опорки с солидным прошлым, щедро насыщенным испытаниями и невзгодами.

Следующей вещью, полученной Чин-чином, было пальто из чудной сиреневой материи, названия которой он не знал, с наполовину утратившим волосяной покров собачьим воротником. Отложив полученное в сторону, Чин-чин попытался прикинуть, куда бы его можно было использовать? До холодов еще месяца три, и таскать пальто за собой не имеет смысла. Кроме того, не раздобудет ли он в надлежащий момент с помощью новых чудесных возможностей нечто более элегантное и удобное?

Что именно? Почему бы не продолжить материализации?

Он продолжил.

За последующие полчаса он стал обладателем пары потертых шестипалых перчаток, старого пыльного чехла от контрабаса, мятой шляпы, пропахшей кошками, крохотного пестрого зонтика с несколькими приличных размеров дырками, пенковой трубки, наполовину набитой кислого запаха табаком.

И еще... и еще... и еще...

Некоторое время спустя Чин-чин окинул задумчивым взглядом груду вещей на столе и решил, что настал момент немного передохнуть, заново осмыслить открывающиеся возможности.

Гм... возможности. Приятное слово. Обнадеживающее. Может, его предыдущая жизнь, со всеми ее невзгодами и испытаниями, была всего лишь прелюдией к этому моменту? Возможно, наступил его звездный час и уже завтра он будет жить не в заброшенном, предназначенном к сносу доме, а, например, в шикарном отеле?

Почему бы и нет?

Чин-чин хмыкнул.

Эк его растащило. Еще немного, и понадобится губозакаточный механизм. Нет, конечно, отрицать значение происшедшего — глупо. Он и в самом деле обнаружил у себя некую чудесную способность. Правда, действие его дара распространяется только на вещи, окончательно кому-то надоевшие. И значит, если он и попадет в отель, то заведение это будет самого низшего разряда, для таких, как он, неудачников.

Нет, проще всего остановиться на достигнутом, как он неоднократно поступал раньше. Вот только неумение идти до конца превратило его в бродягу, в полном смысле этого слова выкинуло

на свалку жизни. Может, хотя бы сейчас не стоит упускать счастливо подвернувшийся шанс взлететь повыше?

Чин-чин призадумался.

Собственно говоря, а в чем еще он нуждается? Теперь с голоду он не умрет. Одеждой пусть плохонькой, но он обеспечен. Что еще нужно? Чем еще может снабдить его так кстати открывшийся у него чудесный дар?

Итак, хлебом насущным он обеспечен. Что следующее? Зрелища?

Хм... зрелища...

А почему бы и нет?

Телевизор, появившийся в углу комнаты, несмотря на отсутствие электричества, почему-то работал. Этим все его достоинства и исчерпывались. Ибо он был старый, прилично покореженный и показывал всего лишь две программы. По одной без перерывов все время шла самая наиглупейшая реклама, другая называлась «Круглосуточный курс умения своими руками надежно и экономично обустроить собачью будку». Посмотрев ее минут пять, Чин-чин убедился, что название программы отнюдь не шутка. В ней вполне серьезно учили дешево и хорошо строить собачьи будки. Самые разнообразные. Судя по титрам, действительно круглосуточно.

Следующая попытка принесла ему компьютер. Он тоже работал, не будучи подсоединенным к какому-либо источнику питания, но на его винчестере не было ни одной игрушки. Призвав на помощь все знания, приобретенные за два месяца, когда он в еще относительно благополучное время работал сторожем в фирме по продаже компьютеров, Чин-чин пожелал несколько дисков с игрушками. Он даже получил их, но все диски были так поцарапаны, что ни одну игрушку инсталлировать так и не удалось.

Чертыхнувшись несколько раз, Чин-чин облокотился на стол и, с ненавистью взглянув на экран бесполезного в данной ситуации компьютера, попытался подвести итог.

Итак, качественных зрелищ и увеселений ему чудесный дар обеспечить не мог. Нет, конечно, он может попытать удачу еще несколько раз, материализовав, например, приемник или видеомагнитофон. Вот только чем это закончится, можно предсказать почти наверняка.

А дальше? Каким еще способом можно использовать так неожиданно открывшиеся способности? Вполне возможно, если ему удастся придумать, каким образом их применить, перед ним откроются новые, блестящие перспективы. И тогда...

Тогда...

Хм...

А почему бы...

Чин-чин потратил некоторое время на обдумывание новой, неожиданно пришедшей ему в голову мысли. Похоже, осечки на этот раз не должно быть. Правда, риск велик, но кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Кто не рискует...

Красивой эту женщину назвать было трудно. Миловидной — тоже. Пожалуй, она даже не могла претендовать на звание «ничего себе». Она была просто женщиной.

И так ли это мало, учитывая, кем был Чин-чин, где он находился и как до недавнего времени добывал хлеб насущный? Хотя... хотя... так ли все однозначно? Действительно, еще утром он был обычным бродягой, бездомным попрошайкой. А сейчас? Кто он сейчас?

— Ты кто? — спросила женщина.

Голос у нее был низкий, хриплый, и в нем явно чувствовалась агрессия.

Чин-чин усмехнулся.

Его вдруг поразила мысль, что он теперь является хозяином этой женщины и может сделать с ней все что угодно. В самом деле, разве не он выдернул ее из какого-то находящегося, может быть, на другом конце страны города и перенес сюда, в заброшенный дом? Причем это только начало. Кто знает, какие возможности у него откроются, если попытаться их поискать? Он обнаружил у себя одну чудесную особенность. Почему бы не поискать и другие? Вдруг найдется нечто более серьезное, приносящее большую выгоду?

— Эй ты, скажи-ка мне, кто ты такой и как я здесь оказалась? И советую тебе сделать это побыстрее. Ты меня понимаешь?

В голосе женщины явственно прорезались визгливые нотки. Кажется, она собиралась закатить скандал. Причем, судя по всему, это являлось для нее привычным делом.

Раньше угроза предстоящего скандала с кем угодно ввергала Чин-чина в панику и заставляла немедленно капитулировать. Однако это было раньше. Сейчас внезапно открывшийся чудесный дар сделал его другим, изменил его отношение к людям.

— А какая тебе, собственно, разница, женщина? — внушительно сказал он. — Главное, я являюсь твоим господином, и ты должна мне подчиняться. Беспрекословно. Если же ты посмеешь мне перечить, то не успеешь оглянуться, как окажешься, например, в центре вулкана или на самом дне Марианской впадины. Как, нравится?

Явно не оставляя намерения закатить скандал, женщина открыла было рот... Но тут вдруг, что-то наконец осознав, бросила на Чин-чина испуганный взгляд и поспешно кивнула.

— Что ты хотела сказать? — требовательно спросил Чин-чин.

Ощущение победы его опьяняло. Кроме того, он знал основной закон любой войны. Захватить — трудно, удержать — в два раза труднее. А чтобы все же удержать, первым делом надо закрепиться на захваченных позициях как можно основательнее.

Женщина неуверенно помахала рукой, показывая, что все в порядке, но потом все же решилась, спросила:

— Ты не шутишь?

— А разве это похоже на шутки? — промолвил Чин-чин. — Оглянись вокруг, попытайся объяснить себе, каким образом ты сюда попала, а потом еще раз задай этот же вопрос. Не покажется ли он тебе идиотским?

— Хорошо, я подумаю, — пообещала женщина.

— Пока думаешь, заодно приготовь что-нибудь поесть.

Чин-чин пер вперед, закусив удила, надеясь лишь на кривую, которая, как известно, иногда вывозит.

— А продукты? — оторопело спросила женщина.

— Сейчас.

Используя уже приобретенную сноровку, Чин-чин быстро снабдил женщину некоторым количеством продуктов, а также парой эмалированных кастрюль, каждая с одной ручкой, и облупившейся во многих местах эмалировкой. Правда, кастрюли были без дырок, не очень грязными, и значит, вполне годились в дело.

— Приступай, — скомандовал он.

— А плита? — спросила женщина.

— Ах да...

Для того чтобы манипуляции женщины не отвлекали его от раздумий, плиту Чин-чин сотворил в соседней комнате. Как он и рассчитывал, электрическая плита работала без подключения к сети. Как и следовало ожидать, работала она из рук вон плохо. Рассудив, что последнее уже не является его заботой, Чин-чин вернулся в свое кресло.

Прислушиваясь к тому, как в соседней комнате женщина гремит кастрюлями, новоявленный волшебник вдруг сообразил, что так и не знает, как ее зовут. Впрочем, она тоже не имеет ни малейшего понятия о его имени. И конечно, исправить это упущение недолго. Но стоит ли так торопиться? Возможно, эта женщина ему не подойдет?

И вообще сейчас надлежало подумать не о всяких пустяках, а о вещах гораздо более важных.

Каких?

Ну, например, у него было совершенно четкое ощущение, будто ему не удалось исчерпать все возможности открывшегося дара. Должно быть что-то еще. Какие-то новые выгоды, новые горизонты...

Над этим следовало хорошенько подумать. Благо теперь ему не нужно было отправляться на обход мусорных контейнеров, и значит, свободного времени у него было выше крыши.

И Чин-чин додумался.

Он едва успел покончить с очередным желанием, когда появившаяся из соседней комнаты женщина молча бухнула перед ним на стол жестяную миску, наполненную каким-то варевом.

— Что это? — поинтересовался Чин-чин.

— Бигос, — последовало объяснение.

Бродяга принюхался.

Запах запросто мог вышибить слезу из менее привычного человека. И если это варево в самом деле было съедобно, то называться оно могло действительно только бигосом. И все же за многие месяцы это было первое горячее блюдо, которое ему удалось попробовать.

Покончив с ним, Чин-чин удовлетворенно потянулся и подумал, что сделал не так уж и плохо, материализовав женщину. Ее стоит оставить при себе, а значит...

— Мне нужны мои близкие, — сказала женщина.

— Муж? — моментально насторожился Чин-чин.

— Давно сбежал, мерзавец.

— Ну хорошо, — успокаиваясь, махнул рукой бродяга. — Будут тебе близкие. Если, конечно, они не станут слишком мозолить мне глаза.

— Согласна, — промолвила женщина. — Только — сейчас.

Чин-чин удовлетворенно кивнул.

Эта женщина явно знала жизнь не с самой лучшей стороны и воспринимала окружающий мир без малейших иллюзий. Она знала, что появившуюся возможность что-то получить не следует откладывать на завтра. Завтра скорее всего не будет ничего.

— Ну так как? — спросила женщина. — Сейчас или когда-нибудь потом?

— Сейчас, — буркнул Чин-чин. — Иди в соседнюю комнату. Здесь у меня скоро будет важное совещание.

— Не надуешь? — поинтересовалась женщина.

— Нет. Иди и жди.

Она ушла, а Чин-чин попытался претворить ее желание в жизнь. Похоже, ему это удалось. По крайней мере из соседней комнаты теперь доносились два голоса. И второй был старушечьим, скрипучим, очень недовольным. Потом раздался еще один голос. На этот раз детский. И еще — один. А может, это был все тот же ребенок?

Чин-чин хотел уже было отправиться в комнату женщины и устроить смотр своего так неожиданно разросшегося семейства, но, взглянув в окно, увидел подъехавшую к дому легковую машину и передумал.

Кажется, исполнялось желание, загаданное им перед тем, как женщина принесла бигос.

Бродяга довольно улыбнулся.

Если только все получится точно так, как он пожелал...

Ага, как же...

Некоторое время спустя Чин-чин убедился, что его надежды оказались напрасны. Конечно, не то чтобы совсем... но все же...

В общем, появившийся перед ним молодой человек в безупречном костюме, как он и рассчитывал, принес заполненные согласно всем требованиям закона документы. Согласно этим документам, он стал владельцем банка.

Вот только... Ну да, ну да, все верно... Была и закавыка, портившая всю картину.

Принадлежавший ему банк оказался чуть ли не самым захудалым на свете. Доход с него был настолько ничтожен, что переезд в жилище более комфортабельное, чем предназначенный к сносу дом, в ближайшее время представлялся совершенно эфемерным. Мановением руки отпустив молодого человека, Чин-чин еще раз взглянул на лежащие перед ним бумаги, прислушался к тому, как женщина в соседней комнате кого-то громко отчитывает, и тяжело вздохнул.

Теперь принцип действия чудесного дара был совершенно понятен. И значит, дальнейшее предугадать было нетрудно.

Абсолютно все его желания будут исполняться, вот только с одной-единственной постоянной поправкой. Чего бы он ни захотел, чего бы ни пожелал, он получит самый худший из возможных вариантов, такой, от которого с радостью избавился кто-то другой, более удачливый.

Удачливый... Получается, он не просто неудачник, а самый большой из всех возможных? Неудачник в квадрате?

Гм... А ведь еще сегодня утром он мечтал всего-навсего о бутерброде. Сейчас же... Не слишком ли его растащило? Может быть, стоит умерить аппетит и довольствоваться синицей в руке? А жу-

равль... а журавль пусть летит. Тем более что поймать его ну никак не представляется возможным. Но — хочется. Аппетит, как известно, приходит во время еды. И если постараться, если что-нибудь придумать...

А что именно?

Если он пожелает себе машину, то это окажется самая худшая на свете, устаревшая, то и дело ломающаяся машина. Если он надумает сменить женщину, то новая будет ничуть не лучше той, которая сейчас находится в соседней комнате. Возможно, даже хуже. И какой смысл тогда что-то менять? Все-таки заиметь свой дом, поскольку теперь у него есть семья и ей необходимы удобства? Однако будет ли полученный с помощью чудесного дара дом лучше этого?

Ох вряд ли... Ох сомнительно...

Так что же ему остается? Обладая чудесным даром, всю жизнь питаться объедками и жить в развалюхах? И можно ли как-то изменить подобное положение?

Гм...

Чин-чин снова взглянул в сторону окна и сморщился, получив очередной укол солнечным лучиком.

Выход... способность использовать представившуюся возможность...

Ну хорошо, если посмотреть на все происходящие с ним чудеса со стороны, то можно сделать довольно любопытный вывод. Собственно, все эти материализации являются всего лишь доказательством существования явлений, с точки зрения науки необъяснимых. И если об этом проведают церковники... если они ему предложат работу... Причем совершенно не важно, какой церкви, учению или секте служить. Все они в одинаковой степени испытывают гигантскую нужду в чудесах. И удовлетворяя эту нужду, можно в самом деле обогатиться...

Хотя, хотя...

Чин-чин еще раз почесал в затылке.

Если подумать, то набор стандартных чудес не так уж и обширен.

Излечение? Да, он наверняка может пожелать излечения того или иного человека. Подсунув вместо проказы какую-нибудь другую, возможно, более страшную болезнь? Накормить толпу голодных семью объеденными и заплесневелыми хлебами? Нет уж, настоящие чудеса для религиозных фанатиков должны проходить без сучка и задоринки. По крайней мере настоящие, за которые платят неплохие деньги. А дилетантов в этой области полным-полно и без него.

Чин-чин взял один из лежавших перед ним документов и внимательно прочитал тот абзац, из которого следовало, что он является владельцем банка.

Да, банка... Только толку-то с этого... Лучше бы уж не позориться. Сидел бы себе в этом предназначенном к сносу доме, питался надкусанными бутербродами и, возможно, был бы счастлив на полную катушку.

Кто в этом мире может быть по-настоящему счастлив? Только тот, у кого нет ничего, кому нечего терять. Чем выше ты поднимаешься, тем больше на тебя наваливается хлопот, забот, тем больше сил и нервов тебе приходится тратить. Это — неумолимый, не имеющий исключений закон.

А если исключения из этого закона все же есть?

Чин-чин задумчиво покрутил головой.

Какие исключения? Каким образом они могут возникнуть? Разве что — чудом. Гм... чудом? А разве то, чем он только что занимался, не является чудом? Самым настоящим, невозможным чудом. И все-таки он это делал, усилием мысли переносил, возможно, с другого конца земного шара, вещи и даже людей. А потом, не ограничившись этим, он превратился во владельца банка. И если идти дальше по пути чудес...

У Чин-чина перехватило дыхание. Он вдруг осознал, на какую дорогу вступил и что маячит в ее конце. Кстати, если есть такая возможность, не проще ли всего, миновав промежуточные станции, сразу перенестись к финишу, получить самый главный приз? Кто или что помешает ему это сделать? Да никто. А посему...

Чувствуя, как у него похолодели от ужаса кончики пальцев, Чин-чин закрыл глаза и загадал желание...

Все оказалось именно так, как он и представлял.

Белоснежное, простирающееся в бесконечность облако, нестерпимо сверкающая, словно сделанная из алмазов ограда и сияющие всеми цветами радуги, расположенные неподалеку от него огромные ворота. Перед воротами неторопливо прохаживался лысый толстяк в белой хламиде. В руках у него была внушительного размера связка ключей. Повернувшись спиной к воротам, Чин-чин обнаружил, что стоит на краю огромной дыры, через которую можно было разглядеть располагающуюся где-то далеко внизу некую планету. Впрочем, форма и расположение ее материков показались Чин-чину смутно знакомыми.

Удовлетворенно кивнув, он снова повернулся к воротам.

Прохаживавшийся перед ними толстяк, увидев это, сейчас же остановился и бросил на него преданный взгляд. Вся его поза вы-

ражала готовность немедленно и как можно лучше исполнить любое полученное приказание.

Да уж, приказание...

Чин-чин улыбнулся. В душе у него стремительно росла уверенность, что на этот раз все получилось, причем без досадных отклонений, так, как он и хотел, без осечек...

А ведь точно получилось! И значит, он...

Чин-чин поднял руки и осторожно пощупал воздух у себя над головой. Там что-то было, некое почти неосязаемое вещество. Так и не сумев ухватить его, Чин-чин взглянул на свои пальцы и, увидев медленно исчезающие радужные пятна, вдруг сообразил, с чем имеет дело.

Ну конечно, это нимб. Ничем иным это быть не может. И значит... А тот лысый толстяк является...

Проще всего было бы подойти и, задав несколько вопросов, окончательно убедиться в справедливости своих подозрений. Впрочем, какие там подозрения? Все было ясно и так.

Последнее его желание исполнилось на все сто процентов. А значит, порочный круг, внутри которого он мог претендовать лишь на объедки, был разорван. Отныне, как и положено настоящему богу, он будет получать все только самое лучшее. Никаких поношенных вещей, окончательно опротивевших кому-то жен и детей, а также захудалых банков.

Чин-чину захотелось подпрыгнуть и издать радостный вопль. От этого его удержало лишь осознание только что обретенного величайшего статуса.

Вот какой результат может принести одна-единственная вовремя пришедшая в голову удачная мысль.

Стать богом. Разве не гениально? Разве не здорово? Жить в райском саду, не испытывая ни в чем нужды, жить вечно, время от времени ради развлечения приглядывая за этими жалкими людишками, в соответствии с их делами награждая или наказывая...

Кстати, а куда делся тот, кто был богом до него? Исчез, растворился, перестал существовать? И причиной этого была всего лишь не вовремя возникшая мысль о несовершенстве подвластного тебе мира, секундное желание от него избавиться?

Чин-чин поежился.

Если такое произошло с его предшественником, то где гарантия, что подобное не может повториться еще раз? И может быть, стоит принять какие-то меры, как-то ограничить для жителей Земли возможность творить чудеса? Его предшественник, наверное, так и сделал, но ограничил только возможность творить обычные

чудеса, не сумел предвидеть появление кого-то, способного отбирать ненужные вещи. И этого для проигрыша оказалось вполне достаточно.

Подходя к воротам, Чин-чин дал себе самый строгий зарок принять надлежащие меры. Но только не сейчас. Немного погодя. Для начала надо убедиться в том, что все это не плод его воображения. Кто знает, может быть, настоящий бог все еще на месте, может быть, он оказался здесь всего лишь по недоразумению.

Он тревожился напрасно.

Лысый толстяк щелкнул ключом, и ворота в райский сад мгновенно открылись. А заметив группу встречающих его ангелов, Чин-чин и вовсе успокоился.

Нет, все верно, все правильно. Он все-таки умудрился поймать свой единственный и неповторимый шанс. Да еще какой!

Гордо вскинув голову, он вступил под сень райского сада...

Немного погодя заглянувший к Чин-чину в гости бог соседнего мира рассказал ему о статусе доставшейся ему во владение собственности. Еще некоторое время спустя новоявленному богу для восстановления утекавшей из его мира энергии пришлось в первый и далеко не последний раз заняться обследованием ближайших черных дыр, копаться в переполнявшем их мусоре.

Февраль 2002 г.

СОБИРАТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ

Детектор опасности верещал уже третьи сутки. Питкин вытащил его из кармана и швырнул в стену ближайшего дома.

Вот так!

Улица, по которой он шел, была вымощена брусчаткой. А еще она была очень тихой, поскольку на ней не было ни единой живой души. Вот на соседней кто-то был. Оттуда доносилась музыка и слышался смех. Впрочем, вскоре они сменились взрывами и автоматными очередями. Из-за поворота выскочил голубой слон и, весело помахивая хвостиком, исчез в стене ближайшего дома.

А Питкину хотелось рухнуть на один из газонов и лежать, наслаждаясь одиночеством, пусть даже трава высосет из него всю кровь... Пусть... Главное лечь и уснуть... уснуть... Это было бы здорово...

Но нельзя...

И остается только надеяться на то, что еще один разговор... ну ладно, два или три, но не больше... И тогда — все. Щелкнет наручный компьютер, на экранчике появятся слова «информация в избытке», и можно будет вернуться на корабль. А там упасть где придется и спать... спать... А потом улететь. И все...

Черт, сколько можно копаться? Ну, час-два, ну, сутки, но не больше. А тут — третьи уже на исходе. С ума сойти!

Здравый смысл подсказывал, что лучше плюнуть на все и отдохнуть, а потом с новыми силами... Но нет, невозможно. Почему? Да потому, что это будет отступлением, маленькой, но все же капитуляцией. А он так не привык. Он всегда собирал информацию о любой планете с первого захода, чем по праву гордился. А отступив, перестал бы себя уважать. Вот именно — уважать...

Он перепрыгнул через появившуюся перед ним яму и машинально отметил, что она достаточно глубокая, а на дне ее хорошо различимы острые колья.

— Ну, дела... — пробормотал Питкин и пошел дальше.

Шагов через десять он остановился и, оглянувшись на медленно исчезавшую яму, пожал плечами.

Идиотская планета, просто идиотская.

Он вынул из кармана голубенькую таблетку и, проглотив ее, почувствовал себя гораздо лучше.

Ну что ж, пора дальше.

Поворот... еще поворот... автомобиль, который чешет бампер задней ногой... перекресток... где-то сбоку хлопают одиночные выстрелы... пуля возле самого уха... тротуар почему-то сырой... к щеке прилип окурок... тишина... тишина... тишина... пора вставать... снова поворот... перекресток... еще поворот.

Он привалился к стене, чтобы отдохнуть, и почему-то вспомнил о детекторе опасности.

Интересно, что с ним теперь? Наверное, так и лежит на тротуаре? А может, его уже подобрали и пытаются вскрыть? Черта с два, ничего не выйдет. А может, действительно за ним кто-то следит и делает все, чтобы запутать? Но зачем?.. А все-таки... Нет, чушь!.. Ну ладно, там видно будет, а сейчас надо идти вперед...

Из стены высунулась чешуйчатая нога и сделала Питкину подножку. Он рухнул и, тотчас же вскочив, выхватил бластер. Поздно. Нога уже исчезла. Зато дом, возле которого он стоял, вдруг пронзительно захохотал и долго трясся своим кирпичным телом, рискуя потерять один из балконов. А потом затих.

Вот так... Надо собирать информацию, и только когда ее будет достаточно, можно распрощаться с этой планетой. Не раньше... эх!

Питкин вдруг понял, что боится этой планеты. Боится так, что растерял весь гонор и стал из героя-космопроходца обыкновенным испуганным человеком.

И конечно, это было — стыдно.

Скрипнув зубами, он постарался выпрямиться, хотя его так и подмывало пойти дальше крадучись, короткими перебежками. Он все же сунул бластер в кобуру и пошел по улице нарочито неторопливо, стараясь держаться ее середины. Он даже рискнул заложить руки за спину, хотя и почувствовал при этом, как у него внутри довольно ощутимо зашевелился страх. Но все же он это сделал и даже выдавил из себя улыбку.

Вот так!

Он шел мимо домов из кирпича, пластика и стекла, мимо домов, похожих на грибы и покрытых толстой потрескавшейся корой, домов из пустых бутылок и листов алюминия. Он шел и готовился, в очередной раз повторяя про себя вопросы, задававшиеся до этого во многих и многих находившихся в неизмеримых далях от этого мирах.

Сегодня, именно сегодня он должен насытить информацией этот проклятый компьютер, забросать, завалить и затопить... Он так решил, и значит, так оно и будет.

А потом Питкин оказался возле трактира, с узорчатой вывески которого свешивалось что-то черное в золотую крапинку. И лишь войдя внутрь, сборщик информации понял, что это кусочек ночи. Она, уходя, зацепилась за вывеску и оставила на ней свою частицу. Кстати, этот обрывок ночи висел достаточно удачно, словно занавеска, закрывая одно из окон трактира. Именно возле него Питкин и устроился в ожидании кельнера, рассеянно любуясь ночным небом и яркими звездами.

Посетителей в трактире было немного. На низенькой полутемной сцене сидел огромный козел и тихонько наигрывал на свирели. Нежные звуки, сверкая, разлетались по залу и с шипением гасли на деревянном полу. По бороде козла текли слезы.

Усатый кельнер поставил перед Питкином высокий бокал с прозрачной жидкостью и, низко поклонившись, исчез.

Питкину захотелось плюнуть на все и остаться на этой планете. Наверное, он был бы тогда счастлив... И привык бы... Какая все-таки чушь, будто кто-то за ним следит. Да не может этого быть!.. Хорошо бы действительно остаться. А корабль пусть ржавеет в лесу.

Вот только как быть с такой вещью, как долг?

Питкин отодвинул бокал в сторону, встал и двинулся к соседнему столику.

Молоденькая девушка, одетая в золотистое полупрозрачное платье, пытливо посмотрела на него и, облегченно улыбнувшись, спросила:

— Вы ведь тот, кто задает вопросы?

— Да, — сухо сказал Питкин и присел рядом с ней.

Она лукаво улыбнулась.

— Ну что же, я жду...

— Хорошо. — Питкин откашлялся. Он вдруг понял, что оказался в достаточно глупом положении, но отступать было поздно. — Итак, как вас зовут?

— Большая Берта.

— Возраст?

— Минус двадцать лет.

— Почему минус?

— Все очень просто. Через двадцать лет я умру.

— И вы знаете, как это произойдет?

— Безусловно. — Большая Берта мечтательно закрыла глаза. — Это будет ранним утром. Птицы уже начнут свой концерт. Застенчивое солнце попытается спрятаться за облаками, но, неожиданно сообразив, что это невежливо, выглянет, и тогда я...

Двери кабачка распахнулись. Пестрая толпа хлынула внутрь. Берта исчезла из-за стола, и через секунду Питкин увидел, что она самозабвенно кружится в объятиях жгучего брюнета с огромным крючковатым носом.

Можно было обидеться. Но тут на колени к Питкину села полная рыжая женщина и щелкнула его по лбу. Впрочем, это было ничуть не больно, и кроме того, тут же вслед за щелчком Питкин получил жаркий поцелуй.

А тем временем кто-то палил в потолок из «узи». Посреди танцплощадки два негра пытались укротить фонарный столб. Они отчаянно ругались, пыхтя и потея. Столб ржал, брыкался самым подлым образом и вертел фонарем из стороны в сторону, стараясь хоть кого-нибудь цапнуть.

Рыжая женщина куда-то исчезла. Собственно, Питкина она не очень-то и интересовала. Вот Берта... Берта... Может быть, стоит отправиться на ее поиски?

Он вскочил, и тут же кто-то из танцующих сунул ему в руку тарелочку с куском шоколадного торта. Машинально поставив ее на стол, Питкин ринулся на поиски Большой Берты, но ее уже нигде не было.

Тогда он выскочил на улицу, но девушки не было и там. Питкин хотел было вернуться в кабачок, но затейливая резная дверь уже превратилась в огромный рот, который тотчас же попытался укусить его за ногу.

— У, тварь!

Питкин увернулся и, плюнув на плотоядно вытянутую нижнюю губу, потопал прочь...

Ему стало жарко, его так и тянуло присесть где-нибудь в тенечке, отдохнуть. Вместо этого он собрал всю волю в кулак и двинулся дальше по самой середине улице, несмотря на жару, принципиально избегая малейшей тени.

Через час, остановившись на каком-то перекрестке перевести дух, Питкин попытался вспомнить свое имя. Как ни странно, ему это удалось. Правда, не с первой попытки.

Потом он каким-то образом, каким именно — Питкин не запомнил, оказался возле большого фонтана, на край которого и упал. Некоторое время он лежал неподвижно, недоверчиво глядя на прозрачную чистую воду, а потом, наклонившись, коснулся губами ее прохладной поверхности.

Однако, прежде чем он успел сделать хотя бы глоток, бассейн заволновался и закричал, что на него напал какой-то страшный зверь, собирающийся пожирать его по кусочкам. И пока этого не произошло, кто-нибудь должен, просто обязан его спасти. Голос бассейна рождался прямо в воде, был очень четким и громким.

На крики из ближайших домов стали выходить аборигены. Они качали головами и с укором смотрели на Питкина. Тогда тот встал и, обреченно махнув рукой, пошел прочь.

Еще через час ему встретился старик с длинным носом. На голове у него была соломенная шляпа, а на узких плечах болталась расшитая галунами безрукавка. Звали старика Жвачкун, и на хлеб он зарабатывал тем, что штамповал из солнечных зайчиков противозачаточные пилюли.

Жвачкун сообщил Питкину, что когда-то давно все было хорошо, а потом стало плохо. Появились пришельцы из будущего, что-то изменившие в прошлом, благодаря чему настоящее стало мнимым. И шел бы он, Питкин, себе дальше, не мешал дожидаться неизвестно чего. Потому что он, Жвачкун, за этим неизвестно чем охотится уже пятый год и еще ни разу его не видел, а только подозревает, что оно зеленое и на четырех лапах. И как раз сегодня он, Жвачкун, имеет твердое намерение эту штуку отловить, а тут приходят всякие юные нахалы, задают в высшей степени наглые вопросы и беспардонным образом не желают отправляться дальше.

Питкину ничего не оставалось, как его послушаться. Он уходил, а старик за его спиной охал и вздыхал. Оглянувшись, сборщик информации увидел, как тот настороженно смотрит в сторону ближайшего переулка, из которого, очевидно, вот-вот должна была появиться добыча. А еще у Жвачкуна на шляпе сидел солнечный зайчик и, пользуясь тем, что старик его увидеть не может, безмятежно вылизывал свою мохнатую цвета яичного желтка лапку.

Миновав еще пару улиц, Питкин с надеждой взглянул на компьютер и убедился, что информации еще недостаточно. Ему захотелось сесть на дорогу, прямо в пыль, и заплакать.

Вместо этого он проглотил еще одну таблетку и, когда она подействовала, сумел взять интервью у толстого владельца зоопарка редких инструкций. Тот долго мялся, а потом доверительно сообщил, что на самом деле их планета живая и в данный момент при-

лично наклюкалась. А когда проспится — все будет хорошо. И вообще ему некогда, ему нужно выполнять свои обязанности. Того и гляди какая-нибудь инструкция сбежит.

Сказав все это, он торопливо двинулся куда-то в глубь зоопарка, а Питкин пошел от клетки к клетке, внимательно рассматривая особенно редкие инструкции. Например: «Как собирать и классифицировать дырки от бублика», «О том, как посредством сосания указательного пальца правой руки увеличить поголовье сданного скота в два раза», «Как правильно смотреть на луну» с приложенной к ней таблицей градусов наклона головы на каждую ночь до 2365 года включительно. И еще... еще...

Возле клетки с инструкцией «О правильной постановке ног при вешании лапши на уши» Питкин встретил кентавра. Они познакомились, и кентавр тотчас же угостил его довольно сносным пивом. Разговаривать не хотелось. Поэтому они молча пили пиво и, вдоволь наслушавшись, как за тяжелыми хромированными прутьями бьют копытами и рвутся на свободу инструкции, пошли любоваться заходом солнца, но по дороге заглянули на представление театра восковых фигур, которое им очень понравилось. Однако, когда оно закончилось, выяснилось, что заход они пропустили.

Не сильно этому огорчившись, Питкин и кентавр стали обходить ближайшие улицы, во все горло распевая песню, из которой сборщик информации твердо знал лишь начало:

В июльский жар я встретил попугая.
Судьбу он мне предсказывать хотел...

И конец:

И я бледнею, вдруг увидев попугая,
Боюсь, он мне однажды нагадает.
Любовь до гроба или пулю в лоб.

Потом кентавр куда-то исчез, а Питкин забрел в парк. Он ходил между деревьями, рассказывая луне о своей невиновности в происшедшем, о законе, благодаря которому рано или поздно попадается планета, которая обычному сборщику информации просто не по зубам. Хоть лопни. И ничего тут не поделаешь. Разве что сбросить на нее помидорную бомбу — и делу конец. Да и то, наверное, не поможет. А он простой человек и не виноват, что ему подсунули неисправный компьютер. Пусть пришлют сюда другого, а уж он-то над ним посмеется, а потом попросится в отставку, и

пусть его больше не трогают, потому что плевал он на эту планету, и на весь космос, и на свою собачью службу. А вот пойдет он и найдет девушку в изумрудном платье. Сделает ее своей супругой, и она нарожает ему штук десять домовых, кикимор и леших. А потом они всем шалманом отправятся в дом отдыха на остров белых крокодилов. А там...

Питкин запнулся о собственную ногу и упал на мягкий ковер из прошлогодних листьев. Некоторое время он ерзал, устраиваясь поудобнее, а потом уснул.

Ближе к полуночи сборщику информации приснилось, что его заставляют есть раскаленные угли. Что-то пробормотав, он перевернулся на спину, и в ночной темноте загорелся зеленый глазок наручного компьютера. Через весь экран шли голубоватые буковки, которые складывались в слова «Информация недостаточна».

Проснулся он с довольно приличной головной болью. Во рту у него все горело, а язык покрывал противный налет. А еще был полдень, и, конечно, жутко хотелось пить.

Встать Питкину удалось с третьей попытки. Правда, при этом он ударился головой о сук дерева, под которым спал, но это по сравнению со всем остальным было уже совершенным пустяком.

Кое-как удерживая равновесие, он сорвал с пояса фляжку с водой и вдоволь напился.

Стало легче. И теперь можно было начинать хождение по городу, а также возобновить расспросы. Потом, если компьютер насытится информацией, он доставит собранную информацию на базу, а там дипломированные умники выделят из нее самое главное и до отказа набьют им одну из ячеек памяти большого искусственного мозга...

И на этом до поры до времени — все. Пока кто-нибудь из живущих там, в галактическом содружестве, не придумает, как полученную информацию использовать, как извлечь из нее выгоду. А он, Питкин, между тем полетит на следующую планету. Безмозглый придаток безмозглого компьютера. Сборщик информации. Настоящий звездопроходец.

Кстати...

Краем глаза Питкин заметил привычную надпись «Информации недостаточно» и вздохнул. А потом что-то в нем взорвалось. Он застонал и с размаху ударил кулаком по компьютеру, а тот задрожал и моментально превратился в кукиш. Лопнул и разделился на множество блестящих капель титановый браслет, которым компьютер крепился к руке. Капли, словно горошины, посыпались в траву и канули в ней навсегда.

А Питкин почему-то от этого почувствовал облегчение. Можно было вновь приниматься за дело. И голова более не болела, а во всем теле ощущалась удивительная легкость. И значит, ничего не оставалось, как двинуться на другой конец города, туда, где стоял его звездолет.

Да, он вернется и, оказавшись внутри звездолета, наберет короткую комбинацию на пульте управления. Этого окажется достаточно для того, чтобы звездолет стартовал. Прочь от этой планеты. Домой.

Полумесяц солнца висел точно в зените, но было совсем не жарко. Над городом плыли гигантские мыльные пузыри. Иногда они опускались слишком низко, натыкались на крыши домов и очень красиво лопались.

На центральной площади Питкин запнулся о рубку неожиданно вынырнувшей из асфальта подводной лодки, но даже не обернулся, чтобы обругать офицера, устанавливавшего на ней крупнокалиберный пулемет. Так же равнодушно Питкин прошел мимо задумчивого богомола, явно желавшего с ним познакомиться. Увидев, что знакомство сорвалось, богомол с горя прикусил собственный хвост и поплелся прочь. Потом Питкина обогнали попрыгунчики. Громко шлепая, они отталкивались от асфальта плоскими волосатыми ступнями и, взмыв метров на пять, приземлялись, чтобы сделать новый пятиметровый прыжок.

Из рупора на ближайшей крыше звучали последние новости. Уверенный мужской голос сообщал, что на сегодня предсказано двадцать три автокатастрофы и восемнадцать ограблений на каждый километр в среднем.

Питкину на это было чихать.

Он шел и шел вперед, пока город не кончился. Тут до корабля оставалось совсем уже недалеко, и Питкин припустил бегом.

Стоп, вот и знакомая полянка.

Он остановился на самом ее краю, с трудом переводя дыхание и отыскивая глазами звездолет. Да, звездолет был на месте, только его предохранительные опоры превратились в толстые узловатые корни, а из корпуса торчало множество веток и сучьев.

Медленно, чувствуя странный холод в желудке, Питкин подошел к кораблю и, протянув руку, сорвал с одной из веток апельсин. Он оказался горьким.

Тогда Питкин швырнул надкушенный плод на землю, с минуту рассматривал корабль, наружная обшивка которого прямо на глазах превращалась в кору, и медленно, криво ухмыляясь, вытащил из кобуры бластер.

Вот теперь действительно — все.

Он снял бластер с предохранителя и нацелил дуло себе в грудь. Вот сюда, где-то здесь должно быть сердце.

Спуская курок, Питкин подумал, что все это до невозможности глупо. Потом плазменный шнур продернулся сквозь его тело и испарил подкрадывавшийся сзади тигрокуст. Трава понеслась Питкину навстречу и ударила его по лицу...

Умирать ему надоело через полчаса. Тогда он сел и задумчиво почесал в затылке. На груди не было даже малейшего ожога.

Вот ведь черт! Даже умереть здесь по-человечески нельзя!

И он завыл. А потом пошел в город, забыв о дороге, прямо через лес, спотыкаясь и размазывая по щекам слезы. А когда лес кончился, Питкин увидел городскую окраину, а также поджидавшую его толпу.

Они были здесь все. Красавица Берта и Жвачкун, толстый владелец зоопарка инструкций, кентавр и еще многие другие. Они ждали его и улыбались. А когда Питкин остановился перед ними, Жвачкун шагнул вперед и, хлопнув его по плечу, сказал:

— Ну, хватит, парень, побаловался и — ша! Я вижу, что у тебя все прошло. А что, не так? Так! Я еще три дня назад, когда увидел, что ты надеваешь на себя эти дурацкие тряпки и застегиваешь на руке неисправный компьютер, понял, что тебя не надо трогать. Да, я понял, что это пройдет само. И был прав! А? Прав, я говорю? Прав!

— Так я... — Питкин мучительно сглотнул. — Так я...

— Глупый, — сказал Жвачкун. — Ну конечно! Вспомни. Ты же наш. Забыл, как в прошлом году чуть не проломил мне голову пивной бутылкой в баре «У голубых слонов»? А Большую Берту вспомнил? Ты же с ней в один детлес ходил... Ладно, кончай придуриваться! Есть дельце. Миркун охоту на жужелиц затеял. Давно ее уже не было. Пошли! Да не мучайся так. С кем не бывает? Мне вон в прошлом году привиделось, что я голубая обезьяна. Так по крышам целую неделю скакал. Пошли!

— Пошли, — сказала Большая Берта. Она положила ему руки на плечи и близко-близко заглянула в глаза, да так, что у Питкина перехватило дыхание. И он совершенно неожиданно улыбнулся.

Толпа взревела. Все окружили Питкина и хлопали его по плечам, нахлобучили ему на голову шляпу и громко смеялись, выкрикивая:

— Я же знал!

— Я же говорил — пройдет!

— А я-то...

— Да, он настоящий парень, наш Питкин!

— А здорово мы дурака валяли, притворяясь, что его не знаем?

— А старый Жвачкун — голова, правильно сказал, чтобы Питкина не трогали, вот он и выздоровел.

И Питкин уже бормотал:

— Да что вы, ребята... да я же с вами... я же так, бывает... ну с кем не случается!

Ему отвечали дружным смехом.

Через полчаса они отправились на охоту. Перестреляли чертову уйму жужелиц и вернулись в город увешанные трофеями. Солнце по этому поводу задержалось на небе лишних три часа, все ждало, когда они навеселятся, насмеются, натанцуются.

Прямо на мостовой пылали гигантские костры. На огне поджаривалось мясо жужелиц, и любой, кто хотел, мог подойти и отрезать себе приглянувшийся кусочек.

А когда солнце устало и ушло отдыхать за горизонт, Большая Берта и Питкин тихо исчезли в одном из узких неприметных переулков. Там Питкин прислонил Большую Берту к стене и снова очень близко увидел ее глаза. Потом они поцеловались. А когда отодвинулись друг от друга, жадно хватая ртами воздух, Берта сказала:

— Да заткни ты эту верещалку, сосредоточиться не дает.

— Какую верещалку? — не понял Питкин и только тут услышал, что действительно совсем недалеко что-то верещит.

Он нагнулся и поднял маленький металлический кубик.

— Что это? — спросил Питкин, разглядывая странную штуковину.

Что-то она ему напоминала. На секунду в его памяти всплыли слова «детектор опасности» и тут же исчезли.

Бессмыслица какая-то!

Питкин пожал плечами и, прежде чем повернуться к Большой Берте, кинул кубик в канализационный люк. Он провалился сквозь прутья решетки, и верещание смолкло. Через секунду в люке что-то полыхнуло.

Но Питкин этого уже не видел. Он целовал Большую Берту.

Некоторое время спустя из люка выскочил маленький зеленый лягушонок. Отпрыгнув подальше от люка, он задумчиво поглядел на луну, а потом пронзительно заквакал. Три длинных квака, три коротких и снова три длинных...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОТА

— Ужин.

Саб взглянул на паука-прислужника. Тот стоял возле его кресла, слегка подогнув передние лапки, поставив поднос с ужином на спину, крепко придерживая его рабочими манипуляторами.

— Вам пора что-нибудь съесть. Вы должны заботиться о себе, вы просто обязаны это делать.

Голос паука звучал неприятно, в нем слышались какие-то скрипы и Саб недовольно поморщился.

Похоже, у его «камердинера» слегка испортились голосовые центры, а паук-распорядитель ремонтных работ посчитал эту поломку незначительной. Таким образом прислужнику удалось временно избежать встречи с репликатором. А жаль...

Впрочем, надолго ли? Где тонко — там и рвется. Еще одна такая же неисправность и свидание с фиолетовым лучом станет неизбежным. Надо только немного подождать...

Саб усмехнулся.

А может, стоит обновить прислужника прямо сейчас, своими руками? Это не так уж и сложно. Вот только стоит ли мешаться у распорядителя под ногами? У того могут быть свои резоны. А поскольку корабль огромен и состоит из бесчисленного количества деталей, в нем каждую секунду что-то ломается. И каждую секунду эти поломки чинятся, не только с помощью двух больших репликаторов, но также и огромным количеством маленьких, которыми снабжены кибернетические ремонтники. Проще говоря, на корабле все время идет контролируемый пауком-распорядителем процесс обновления. Он подчинен определенному ритму и кто знает, что может случиться, если его нарушить, пусть даже всего-навсего пропустив через репликатор одного прислужника.

Вот если бы это был к примеру — кот... Ах да, сегодня же день рождения кота. И как он мог об этом забыть? Что, старость — не радость?

Саб откинулся на спинку кресла, ощутил, как она мягко подалась под его тяжестью, ласково, бережно охватила спину, и грустно улыбнулся.

Он и в самом деле был немолод. Еще немного и ему останутся лишь воспоминания, полустершиеся от времени, словно много раз использованная старинная, целлулоидная пленка. И ничего более, кроме бесконечной пустоты и холода космического пространства, отделявшего его от Земли. Причем нет никакого смысла сходить с ума, поворачивать корабль назад. Это ничего не изменит. Он умрет от старости, задолго до того как сократит расстояние до Земли хотя бы на треть. А значит...

Впрочем, он не так уж и одинок. У него есть кот и Хозяйка.

Ах да, у него же еще есть Хозяйка.

Вот правда, он все реже и реже возвращает ее к жизни. Может быть, сделать это сегодня, ради дня рождения кота? Поужинать, а потом набрать определенную комбинацию клавиш на пульте...

— Еще раз напоминаю вам, что вы должны заботиться о своем здоровье. Если вы немедленно не приступите к еде, в вашем личном деле будет сделана соответствующая пометка.

Саб поморщился.

Вот именно — должен, поскольку является самой большой ценностью на корабле. И если с ним что-то случится... Причем вот именно с ним все эти фокусы с восстановлением не пройдут... все-таки он — человек, его отпечатка в памяти бортового компьютера нет и, значит, лично его восстановить с помощью репликатора не удастся.

Саб не удержался и взглянул в сторону репликатора.

Тот стоял посреди кабины управления, на небольшом возвышении, и пилот с неожиданным раздражением подумал, что более всего этот агрегат напоминает бездарное творение халтурщика-абстракциониста, нагло поблескивающее хромированными винтами ручной настройки и трусливо прикрывшее свою нижнюю часть матовым кожухом.

Как раз в этот момент в стене, неподалеку от репликатора, открылся небольшой люк и из него выбежал паук-ремонтник. В его манипуляторах находился какой-то закопченный предмет, сильно смахивающий на дохлого осьминога. Положив его на кварaловую пластинку перед репликатором, ремонтник отошел в сторону. Мгно-

вением позже по «дохлому осьминогу» скользнул фиолетовый, разрушающий луч и он исчез. Луч изменил свой цвет на зеленый, сделал еще одно движение и узел возник вновь. Теперь он поблескивал свежим, матовым покрытием. Паук подскочил к платформе и, схватив узел, проворно метнулся к люку.

Саб попытался прикинуть, чем может быть этот восстановленный узел.

Частью двигателя? Фрагментом системы жизнеобеспечения? Деталью навигационной системы?

Хотя имеет ли это какое-то значение? Заниматься ремонтом корабля — дело пауков-ремонтников. Они прекрасно знают, что и куда подсоединить, они не ошибутся. А если кто-то из них и напортачит, то это заметит паук-распорядитель ремонтных работ и, к примеру, отправит на восстановление самого ремонтника. Если же что-то случится с пауком-распорядителем ремонтных работ, то это заметит и примет надлежащие меры его дублер.

В общем, все учтено. Почти полная гарантия от катастрофы. Страховка всех важных элементов, в том числе и самих репликаторов, поскольку их тоже — два. Причем если учесть маленькие репликаторы, пауков-ремонтников, то тут пахнет уже не двойной, а гораздо большей количественно страховкой.

Кстати, репликаторы, кроме восстановления сломавшихся деталей и узлов корабля, выполняют еще и функции утилизаторов. Любая ненужная вещь под их лучами распадается на довещество, поступающее в скрывающееся в недрах корабля хранилище, из которого оно по мере надобности извлекается для производства всего, в данный момент необходимого.

Проще говоря, репликаторы обеспечивают циркуляцию веществ внутри корабля. Замкнутый цикл, в котором ничего не попадает в отходы, все перерабатывается и превращается в нечто полезное, в том числе и в совершенно необходимые для поддержания жизни воздух, воду, еду. Именно ими и занимается второй репликатор, находящийся в жилом отсеке. Он работает на половинной мощности, на поддержание жизнеобеспечения единственного непродублированного элемента на борту.

Ну, если уж подходить совсем формально, есть еще и третий большой репликатор, но он находится на носу корабля. Там установлен огромный экран, словно ковш бульдозера, загребающий из космоса пыль и мелкие частицы. Третий репликатор занимается тем, что превращает весь этот мусор в топливо. Учитывая, с какой скоростью летит корабль, работы ему хватает.

Подумав об этом, Саб не удержался, еще раз улыбнулся.

Космический бульдозер. Та штука, внутри которой он сидит, здорово напоминает космический бульдозер. Старый, но все еще благодаря системе дублирования работающий, продолжающий лететь к намеченной точке, к планете, на которой должны быть установлены телепортационные врата.

Долетит ли он? Нет, с кораблем ничего не случится. А вот как быть с находящимся внутри него человеком, являющимся единственным непродублированным элементом на борту? Почему так получилось и не надежнее ли было послать, к примеру, двух людей?

Саб задал этот вопрос почти сразу же после того, как ему предложили подписать контракт. И получил на него исчерпывающий ответ.

Фактор психологической совместимости. Кто может дать стопроцентную гарантию, что два человека, в данный момент с полуслова понимающих друг друга, через десять лет полета не превратятся в заклятых врагов? А еще через десять лет? С этой точки зрения один пилот — гораздо надежнее. Ему не с кем ссориться, не с кем выяснять отношения, не с кем делить власть над кораблем. А для того чтобы он не чувствовал себя таким уж одиноким, ему надо дать с собой какую-нибудь зверушку, а также позаботиться о том, чтобы его не так сильно мучила тоска по противоположному полу. Для этого вполне сгодится хорошо синтезированная иллюзорная Хозяйка.

Хозяйка.

Саб задумчиво посмотрел на пульт управления.

Может, и в самом деле ее активизировать? Давненько он этого не делал, давненько. И день рождения кота... Почему бы это не сделать хотя бы в честь праздника? Вот только надо поужинать и лишь потом...

— Самое последнее предупреждение, — гундосил паук-прислужник. — Учтите, обильное выделение желудочного сока в пустом желудке может привести в язве. А это было бы весьма нежелательно.

Дребезжание в его голосе слегка усилилось.

Саб хмыкнул.

Нет, бесполезно, паук не отстанет. И значит, тянуть время не имеет никакого смысла.

— Хорошо, давай сюда поднос.

Есть ему и в самом деле не хотелось. Точнее — он не чувствовал в этом такой уж великой надобности. Вот только паук был прав. Он обязан беречь здоровье. Впереди еще десять лет пути, и он вов-

се не намерен загнуться от какой-нибудь болячки, к примеру, за пару лет до возвращения на Землю.

Возвращение на Землю...

Оно станет мгновенным. Как только будут установлены телепортационные врата, останется нажать кнопку и сделать несколько шагов. А потом — Земля.

Кстати, а стоит ли на нее возвращаться? Согласно расчетам, планета, к которой он держит путь, ничуть не хуже, даже — лучше. Конечно, через телепортационные врата хлынут толпы переселенцев, но он, о чем в его контракте есть соответствующий пункт, успеет застолбить обширный кусок земли и построит на нем дом. Дом этот будет, конечно же, стоять в лесу. Причем, если на планете пока нет лесов, это дело поправимое. Даже когда он улетал с Земли, благодаря достижениям генной инженерии можно было за пару лет вырастить лес хоть на голом камне. А тут... Нет, его дом обязательно будет стоять в лесу. И в этом доме, ни о чем не заботясь, можно будет дожить остаток лет в обществе Хозяйки, к которой он так привык, и конечно — кота. Куда же его денешь?

В конце концов, это именно он преодолел космическую бездну и подарил Земле еще одну, пригодную для колонизации планету. Имеет он право хотя бы на такую награду?

— Может быть, пройдете в жилой отсек? — предложил паук. — Там ужинать удобнее.

— Нет, — упрямо сказал Саб. — Я буду ужинать здесь.

Он прекрасно понимал, что капризничает словно ребенок, но все же решил настоять на своем. Почему бы и не покапризничать, если это не наделает большой беды?

— Хорошо. Воля ваша.

Паук поднял поднос повыше и Саб, подхватив его, пристроил на край пульта.

Вот так. Как раньше, в молодости, когда он настолько увлекался чтением текстов из хранящейся в памяти компьютера гигантской библиотеки, что не в силах оторваться от экрана, ел прямо здесь, в отсеке управления. Как и тогда, когда он просматривал фильмы из хранящейся там же гигантской фильмотеки или потрошил отдел классической музыки. Ну а если уж дело доходило до компьютерных игр...

А сейчас...

Саб окинул взглядом все стоявшее на подносе и решил, что начнет, пожалуй, с гречневой каши.

Да, несколько ложек простой гречневой каши. Вот в чем он в данный момент нуждается.

— Приятного аппетита! — сказал прислужник.

— Спасибо, — машинально ответил Саб.

Он мог бы этого и не говорить, поскольку прислужник являлся всего лишь обычной машиной, и разговаривать с ним было все равно что пытаться общаться, например, с мясорубкой. И тем не менее он с ним разговаривал. Прежде всего потому, что приобрел эту привычку еще в первые месяцы пути, и тогда общаться с прислужником, создавать иллюзию, будто рядом находится еще одно живое существо, казалось достаточно забавным. Потом это ощущение ушло, а привычка — осталась. И если он придерживался ее все предыдущие годы, то почему должен пренебрегать ей сейчас?

Все начинается с мелочей. Стоит ему хотя бы в чем-то изменить свой образ жизни, как эти изменения коснутся не только его общения с пауком-прислужником. Кстати, он общается еще и с котом...

Ах да, кот...

— Накормлен ли кот? — спросил Саб.

— Ему была предложена пища, — сообщил прислужник. — Однако он не стал уменьшать ее количество.

Саб кивнул.

Да, так и должно было быть. Впрочем, сегодня день рождения кота, и значит, очень скоро к нему снова вернется аппетит. Да еще какой.

— Вы должны приступить к еде.

Ну да, ну да... должен...

Саб съел немного гречневой каши. Она была сделана достаточно качественно и обладала отменным вкусом. Однако все-таки... все-таки...

Взяв вилку, Саб наколол на нее ломтик ветчины и подумал, что завтра следует устроить еще один день кулинарии. Прямо с завтрака, он все приготовит своими руками. Вот только надо хорошенько продумать список необходимых продуктов. И приправ. С приправами дело обстояло не лучшим образом. Те, кто комплектовал память бортового компьютера, не уделили им должного внимания, и библиотека специй оказалась неполной. Ему пришлось восстанавливать ее буквально по памяти, создавать методом проб и ошибок. И все же результат был далек от идеала. К примеру, в отношении кардамона он до сих пор сомневается, поскольку...

Отправив кусочек ветчины в рот, Саб вздрогнул.

Что-то с этой ветчиной было не так. Каким-то она обладала не таким вкусом. Неправильным.

Чувствуя, как внутри у него все заледенело, Саб взял салфетку, выплюнул на нее полупрожеванный кусок и осторожно положил на край подноса.

Вот как, значит. Выходит, это случилось и с памятью бортового компьютера. Ну что ж, он вовремя спохватился.

Сгрузив поднос на спину паука-прислужника, Саб набрал на пульте необходимую команду и жадно уставился на экран, по которому шустро побежала змейка программы, сканирующей состояние памяти бортового компьютера. Минут через пять она остановилась, открыла пасть и выдала результат: «Стопроцентная норма. Оснований для опасений нет».

Саб ошарашенно покачал головой.

Неужели он ошибся? Но ведь ему же явственно почудилось... Может, и в самом деле — почудилось? А если нет? Если процесс разрушения памяти зашел так далеко, что программа сканирования уже не в силах выполнять свою функцию и ее лишь имитирует? Может быть, корабль как раз сейчас медленно, но верно разваливается, теряя один важный узел за другим? Еще немного и дойдет очередь до системы жизнеобеспечения. Тогда он наконец-то получит доказательства...

— Вы не должны отказываться от еды, — сказал паук-прислужник. — Почему вы передумали? Вы съели так мало.

Саб медленно провел ладонями по лицу.

Все верно. Это ошибся он. Сканирующие программы опростоволоситься не могли. И значит, его просто подвела память. Что неудивительно, если вспомнить, сколько он не пробовал настоящую ветчину. А сколько еще...

Интересно, сможет ли он через десять лет, наконец-то вернувшись на Землю, ощутить вкус настоящей ветчины? По идее, к этому времени он должен превратиться в полную развалину. Да, наверное, так и получится. Он еще будет двигаться, думать, даже предаваться каким-то нехитрым, доступным очень пожилым людям удовольствиям, но на самом деле жизнь его кончится.

Стоило ли тратить ее на то, чтобы перенаселенная Земля смогла заполнить частью скопившейся на ее поверхности биомассы еще один до той поры девственный мир? И кто знает, кем он мог стать, если бы не подписал идиотский контракт, не оказался в этом старом, неумолимо несущемся к намеченной цели космическом бульдозере?

Саб хихикнул.

Мелкое, противное хихиканье неудержимо рвалось из его горла, словно там вдруг включился миниатюрный аппаратик по его

производству, работающий беспрерывно, с вечной гарантией и неистощимым запасом сырья. Оно длилось и длилось, это хихиканье.

А потом послышался очень серьезный голос прислужника:

— Я рад, что вы пришли в хорошее настроение. Может быть, это позволит вам съесть еще немного пищи? Вы должны получить свою норму, иначе вашему телу не хватит энергии для нормальной жизнедеятельности.

И по идее, идиотское замечание паука должно было вызвать еще более неудержимое хихиканье, но этого не случилось. Заводик оказался не таким уж долговечным. Он просто создавал такую видимость, развеявшуюся, стоило лишь Сабу вспомнить о том, что подобное было не раз и не два, а гораздо-гораздо большее количество раз. Еще бы, ведь он провел на этом корабле десятки и десятки лет, большую часть своей жизни, и она, эта часть, умудрилась вместить в себя все. Абсолютно все.

И крайнюю степень отчаяния, и радость, и надвигающееся неудержимо, словно вражеский бронепоезд, безумие. Все, все. И вот эта-то невозможность выкинуть что-то новое, породить какую-то новую мысль, касающуюся положения, в котором он оказался, дав согласие на полет, его и остановила. Тот заводик. Поскольку огромная протяженность пути вместила в себя и его, причем опять же не раз и не два.

— Так вы будете продолжать питаться? — спросил паук-прислужник.

— Конечно, — сказал Саб. — Давай сюда поднос.

И голос его был почти так же бесцветен, не содержал никаких эмоций, как и голос прислужника. Может быть, только не было в нем посторонних хрипов. Но зато был он сиплым, как и положено голосу мужчины, уже уверенно перешагнувшего порог старости.

Поднос был снова подан ему в руки, и Саб опять установил его на пульт, откушал, не испугавшись отпробовать от пресловутой ветчины. И конечно, в этот раз вкус ее не показался ему таким уж странным. Но даже если бы и показался? Какое это имело значение для человека, на какое-то время осознавшего невозможность выкинуть что-то новое, заставить себя самого испытать необычные, неизведанные ранее ощущения, которых так жаждало его теперь уже увядающее тело?

Нет, оно, конечно, увядало и раньше, так же как с определенного возраста начинает увядать тело любого обычного человека, но тогда это было еще не так заметно, тогда действие разрушающей его энтропии маскировал здоровый цвет кожи и упругие, накачанные на тренажере мускулы. Тогда. Сейчас же от этой маскировки

не осталось ни малейшего следа. Старость уничтожила ее, добросовестно и окончательно, как проливной дождь, смывая с лица красотки покрывавший его макияж, превращает недоступную богиню просто в мокрую и испуганную, нуждающуюся в защите и теплом ночлеге женщину.

Саб взял чашечку кофе и, отхлебнув из нее, очень спокойно отметил, что наконец-то сумел назвать имя этого своего врага, осмелился его обозначить. Старость. В конце концов, он получил-таки одно преимущество, обменяв его на чистую кожу и тугие мускулы. Возможность не боясь называть имена своих врагов и осознание, что они в общем-то не так уж и страшны.

В самом деле. Та же старость. Может ли она сделать с ним нечто большее, чем уже совершила?

Нет? Так к чему тогда ее бояться? К чему все эти прыжки и преисполненные внутреннего смысла театральные жесты? Не проще ли продолжать делать свое дело и попытаться использовать оставшееся время с толком?

Саб допил кофе, поставил пустую чашечку на поднос и, чувствуя в животе блаженную тяжесть, от которой его желудок стал уже постепенно отвыкать, закурил сигарету.

Он нечасто себе позволял такое, не желая без нужды перегружать отвечающий за обновление воздуха репликатор, но сейчас это сделать стоило. Он чувствовал — стоило.

Паук-прислужник, повинуясь его команде, убрал поднос и удалился. А Саб курил, тихо, исподтишка радуясь тому, что вкус хорошей сигареты все еще доставляет ему удовольствие. Исподтишка потому, что боялся это ощущение удовольствия спугнуть, снова свалиться в пропасть отчаяния по безвозвратно ушедшей жизни.

Впрочем, так ли ему это сейчас грозило?

Он все же сумел совладать с собой, со своим отчаянием, и не доказывает ли это то, что хотя он и ослабел телом, но дух его все еще силен, все еще способен держать разум, сотрясаемый выныривающими из темной ямы подсознания образами, в подчинении? И если это верно, то чего ему сейчас бояться? Враг временно отступил, дал передышку, дал возможность насытиться и даже получить удовольствие от хорошей сигареты. Почему бы это не использовать дальше?

Кто мешает ему сейчас, например, заняться котом. Сегодня, в конце концов, его день рождения. Он решил это еще на прошлой неделе. А вот чему, кроме всего прочего, он научился за время пребывания на своем старом космическом бульдозере, так это не менять подобных решений. Тут стоит только начать.

И значит — баста. Сегодня день рождения кота. Точка.

Он затушил сигарету, ткнув ее в выдвинувшуюся из пульта чашечку пепельницы, встал с кресла и даже слегка потянулся.

По крайней мере, ему захотелось так поступить, и он это сделал. Это было неплохим знаком.

Стараясь ступать широко и уверенно, он прошел в жилую секцию и, миновав кухонный комплекс, тренажер, около десятка горшочков с ухоженными и выращенными по всем правилам растениями, мимо маленького пульта, за которым так удобно, к примеру, читать тексты, но которым он не любил пользоваться, поскольку следить за состоянием корабля с него было нельзя, он протопал в самый угол, где находилась корзинка кота.

Зверь лежал там. Он уже неделю не вылезал из своей корзинки. А миска с водой сегодня была не тронута, о чем свидетельствовал индикатор на ее боку. Судя по нему, кот сегодня к нему даже не подползал. Видимо, уже не хватило сил.

Значит — все верно. Тянуть дальше не имеет смысла. Только подвергать кота ненужным страданиям.

И все же...

Наверное, надо было приниматься за работу, но Сабу пришло в голову, что прежде стоит сделать небольшую паузу. Из уважения к смерти. Все-таки то, что он сейчас намеревался проделать с котом, называлось смертью. И пусть за ней обязательно последует возрождение, но смерть на мгновение все равно является смертью. Она требует известного почтения. Если угодно — ритуала.

Саб хмыкнул.

А кто совершит подобный ритуал над ним, если смерть придет до того, как он достигнет цели? Паук-прислужник?

Впрочем, не стоит об этом сейчас думать, совсем не стоит.

Саб осторожно погладил кота по голове и тот, слегка приоткрыв рот, выдавил из него хриплый звук, очевидно, мяуканье. Кое-где шерсть на его теле частично выпала и сейчас, лежа в своей корзинке, кот более всего напоминал брошенный как попало, заслуженный, вытертый многими ногами меховой коврик.

Ну да ничего, скоро все наладится.

Пилот машинально взглянул в сторону второго репликатора. Тот стоял от него на расстоянии пары шагов, и был чуть меньше, чем находящийся в отсеке управления, но от каждой его детали, от гордого наклона верхнего конуса веяло все тем же высокомерием.

Как же, властитель, способный возвращать молодость. Почти божество. Неспособное вернуть молодость только одному объекту на корабле. Ему, Сабу. Почему так получилось? Почему никто, пе-

ред тем как он отправился в этот полет, не озаботился сделать его копию?

Хорошо понимая, что его снова засасывает водоворот мыслей и раздумий, в котором за время пути он оказывался много раз, Саб все же не сказал себе «стоп», не попытался переключить внимание на другое. А зачем? Раз уж выдуманный им ритуал требовал некоторого времени на раздумья над старым телом кота, то почему бы не предаться еще более нерациональному занятию вроде попытки найти ответы на вопросы, ответы, которые не имеет смысла искать? Прежде всего потому, что он их великолепно знает.

Какие именно вопросы? Ну, к примеру, почему никто не захотел поместить в память компьютера его копию?

Саб хмыкнул.

Ну, ответить на этот вопрос и в самом деле легко.

Копию не сняли потому, что его отправила в путь не какая-нибудь шарашкина контора, а государство. Именно оно сделало возможным претворение в жизнь программы «семена жизни». Именно благодаря этой программе Саб, а также множество пилотов других «космических бульдозеров» отправились в полет, каждый к своей точке пространства, каждый — имея на борту такого же, как и у других, летающего корыта телепортационные врата.

Ни у одной частной компании не хватило бы денег на претворение в жизнь этой программы, только у государства. А оно вынуждено соблюдать свои собственные законы. Вынуждено. Ибо если оно будет ими пренебрегать, то кто же тогда им станет подчиняться? А одним из самых главных законов является закон о недопустимости угрозы жизни своих граждан. И если для того чтобы обеспечить своему гражданину вечную молодость, вечный цикл восстановления, его предварительно нужно убить...

Саб усмехнулся.

Да, все верно. Доступное какому-то коту, для него, человека. из лояльности господину закону, становится недосягаемым. Хотя... слышал он, что в некоторых особо важных случаях государству приходилось закрывать глаза даже на такое. Но только не в этом. Слишком много внимания прессы на этапе подготовки к полету, слишком много проверяющих из высоких административных кругов, слишком много возможностей для утечки информации.

А мог ли он сам согласиться на это?

Вот вопрос, на который, прежде чем задумываться на тему вечной жизни посредством репликатора, следовало честно ответить. Согласился бы он сделать с собой то, что сейчас намеревался совершить с котом, представься ему такая возможность?

Саб покачал головой.

Не было у него ответа на этот вопрос. Раньше и сейчас, в данный момент. Может быть, в будущем?

Чем является личность человека? В достаточно большой части — памятью о прожитых годах, накопленным опытом. И если из памяти восьмидесятилетнего человека изъять лет шестьдесят, не будет ли это убийством, поскольку еще раз прожив эти годы, он неизбежно станет кем-то другим. Он не сможет точь-в-точь повторить свои мысли, чувства, поступки. Он станет новым человеком, а тот, кем он был — уйдет в тень, умрет, будет убит.

Пройти через репликатор — совершить самоубийство. Способен ли он на такое? Нет, конечно. Не стоит даже думать об этом. Вот уж чему он научился за время полета железно. Не думать на определенные темы, уметь от них уходить. И кто знает, может быть, он выжил, не сошел с ума и не наложил на себя руки только благодаря этому умению?

Ах да, кот. Надо заняться котом. Пора.

Саб наклонился и очень осторожно его поднял. Потом он подошел к репликатору, положил кота на покрытую кваралом площадку и, в последний раз погладив по спине, ощутил, как животное слегка шевельнулось, отвечая на его ласку. Теперь осталось только взяться за пульт ручного управления репликатора.

Саб это и сделал.

Луч переместился к коту, неподвижно лежавшему на площадке и слеповато поводившему по сторонам глазами. Нажатие кнопки — и луч стал фиолетовым. Кот исчез так, словно был рисунком мелом, по которому кто-то провел мокрой тряпкой. Еще мгновение — и луч стал зеленым. Вот он снова провел по площадке и на ней появился котенок.

Все.

Акт творения свершился.

Котенок повел из стороны в сторону мордочкой, вытянул шею и тоненько запищал.

Саб улыбнулся.

А вот и первый крик новорожденного.

Он взял котенка на руки и тот, расположившись на его ладони, снова запищал, стал тыкать во все стороны мордочкой. Как и положено, он появился с пустым желудком и теперь хотел есть.

Ну, это организовать нетрудно.

Саб прошел в тот угол, где была корзинка, и поставил котенка возле миски, уже наполненной теплым молоком.

Вот так, вот так. Вот сюда мордочкой.

Котенок обнюхал миску, довольно уркнул и принялся увлеченно из нее лакать. Язычок его работал как заведенный.

Саб смотрел, как он насыщается, и думал о том, что те, кто снимал с котенка информационную копию, все рассчитали правильно. Он не настолько мал, чтобы пришлось его поить из бутылочки, и уже знает, как правильно справлять некоторые свои нужды. В самый раз для настоящего спутника одинокого пилота, сурового звездного волка...

Да уж... звездного волка. Что там следующее идет по списку? Одинокий всадник равнин?

Он еще раз погладил котенка. Тот, не отрываясь от миски, отозвался довольным урчаньем. И значит, все прошло удачно, как нужно, как обычно. Очередной день рождения кота состоялся.

Котенок поел, забрался в корзинку и уснул. И только после этого Саб вернулся в отсек управления. Сев в кресло, он окинул пульт задумчивым взглядом.

Ну что, теперь настало время Хозяйки? Как в прошлый день рождения кота, вызвать ее из небытия и устроить праздник? Почему бы и нет? Сбор маленькой, но дружной семьи, живущей в подержанном и не развалившемся только благодаря репликаторам космическом бульдозере. Престарелый покоритель межзвездных просторов, только что появившийся из хранящейся в компьютере программы котенок и еще одно детище компьютерной памяти — Хозяйка.

Он набрал на пульте необходимую комбинацию, и она возникла, в блеске юности и нереальной, доведенной до совершенства лучшими дизайнерами красоты. Возникла, улыбнулась и нежным голосом спросила:

— У нас снова праздник?

Саб улыбнулся в ответ. Он не мог сейчас не улыбнуться и не пожалеть, что давненько ее не вызывал из небытия, поскольку увидев ее красоту, забыл о своем возрасте, не мог о нем не забыть. Впрочем, возраст это такая штука, которая о себе обязательно напомнит. В свое время.

— Да, у нас сегодня праздник, — сказал он.

— В таком случае, начнем?

— Конечно, — сказал он. — Мы должны отпраздновать рождение кота. Сегодня он вновь появился на свет.

— О! — сказала Хозяйка. — Это действительно большой праздник. Рождение живого существа. Что может быть чудеснее? Пройдем в жилой отсек?

А вот это была правильная мысль. Если праздновать, так праздновать.

Пальцы Саба привычно забегали по клавишам. Прежде всего он сделал проверку систем корабля, убедился, что они вполне жизнеспособны, и лишь потом принялся набирать одну комбинацию за другой, задавая параметры будущего праздника.

Делая это, он мимоходом подумал, что на самом деле его участие в управлении основными функциями корабля понадобилось всего лишь два раза, когда целая цепочка следовавших одна за другой, редко случающихся поломок едва не привела к гибели корабля. Но так ли это мало? Главное, его присутствие на корабле оправдалось.

А не будь этих двух случаев? Интересно, как бы он теперь себя чувствовал, растратив жизнь на бессмысленный полет, так и не сумев ни в чем себя проявить...

Саб покачал головой.

Не стоило думать об этом, совсем не стоило. По крайней мере — сейчас. Он давно не устраивал праздников, и раз это все-таки случилось, имеет смысл получить все возможные удовольствия сполна, выгрести из копилки все, что накопилось за последнее время. Выпить вина, заказать себе какую-нибудь экзотическую еду, и конечно же — пообщаться с Хозяйкой.

Когда это было в прошлый раз? Он попытался вспомнить точно и не смог. Две недели назад? Три? Месяц? Да имеет ли это такое уж большое значение? Главное — прошло много времени. А он еще не дряхл и может себе позволить слегка повеселиться.

Вот именно — может.

Он снял руки с пульта и, откинувшись на спинку кресла, несколько секунд посидел в неподвижности, прикидывая, не забыл ли еще что-нибудь.

Нет, не забыл. Все предусмотрено. А раз так...

— Начнем? — спросила Хозяйка.

Саб быстро взглянул на нее, и они обменялись понимающими, радостными улыбками. Стоило ему только встать с кресла, как хозяйка оказалась рядом и прикосновение ее руки, как и положено, принесло ощущение теплоты и упругости женской кожи.

Как называется это в науке? Эффектом раскера. Способность определенных полей создавать иллюзию материальных объектов, с заранее заданными параметрами. Та самая пресловутая материализация, наука на грани с магией.

Впрочем, имеет ли смысл об этом думать? Особенно — сейчас.

И все же, входя в жилой отсек, он не удержался, скользнув рукой по плечу хозяйки, обнял ее за талию. И не только из вожделения, но еще и для того чтобы удостовериться в том, что она, несколько минут назад возникнув из пустоты, вполне материальна.

— Не торопись, — сказала она ему. — Все будет хорошо, милый.

Но он так и не отнял руку, взглянул ей в лицо, отыскивая в нем хоть что-нибудь фальшивое, неживое. Но нет, рядом с ним была живая женщина, и ничего в ней не было от искусственного создания, ничем она не походила на ту неживую куклу, которыми были наполнены старинные фильмы о покорениях космоса.

Впрочем, она не была роботом. Просто очень точным отпечатком чьей-то личности, некоей женщины, оставшейся на Земле, и конечно, же сполна расплатившейся со временем сединой и морщинами. При желании, он мог бы воссоздать ее во плоти, так же как и кота. Но стоило ли это делать? Мог ли он обречь такое же, как и он, существо на жизнь в космическом бульдозере, летящем к планете, все достоинства которой исчерпывались лишь тем, что она похожа на Землю и, значит, на ней можно установить телепортационные врата?

Лучше уж на несколько часов, в виде материализашки, как их называют в народе.

Бок о бок они прошли к корзинке котенка и склонились над ней, точь-в-точь — счастливые родители над колыбелью уснувшего младенца.

Котенок спал, как и положено свернувшись клубочком. Живой, настоящий, непредсказуемый, вещь в себе, с момента рождения отделенная от бортового компьютера, способная принимать решения самостоятельно. Именно этим он и отличался от Хозяйки. Так же как и Саб, он был вещью в себе. Впрочем, имеет ли это сейчас такое уж большое значение?

— Ты хмуришься, — сказала Хозяйка. — Немедленно прекрати. Кажется, мы собрались праздновать день рождения кота?

— Ну да, ну да, — промолвил Саб. — Конечно. Мы будем праздновать.

Он прикоснулся пальцем к синему пятнышку на боку корзинки и над ней возникло марево блокирующего звук поля. Теперь, даже если над ней зазвучит в полную мощь большой симфонический оркестр, котенка это не разбудит.

— Начнем? — спросила Хозяйка.

— Обязательно. Прямо сейчас.

Сказав это, Саб взмахнул рукой и жилой отсек благодаря появившимся на стенах проекциям вырос чуть ли не втрое, обзавелся даже парочкой дверей, ведущих, понятное дело, никуда. Еще появившееся пространство заполнили резные панели из дуба, бархатные драпировки, тусклые, старинные зеркала в тяжелых, серебряных рамах, гобелены и скрещенные мечи. Тихо и ненавязчиво, томительно нежно, заиграла старинная, соответствующая обстановке музыка.

Саб подумал, что мог бы, например, при желании населить эту, только что возникшую залу даже обитателями, такими же материализашкам, как и его хозяйка. В памяти корабельного компа их достаточное количество. Правда, при этом может случиться небольшой перерасход энергии, но такие праздники, как день рождения кота, случаются не каждый день и даже не каждый год. Так почему бы...

Нет, нет, сегодня они будут одни. Он и Хозяйка. Не нужно сегодня шума и пустых разговоров. Только они, и старая, нежная грусть, ибо таково сегодня его настроение. А поскольку он является безраздельным владыкой этого призрачного мира, то может себе позволить выполнение любого каприза.

Впрочем, мир этот был призрачным не до конца. Неподалеку от них, рядом с тренажером, теперь с помощью голографической проекции превратившимся в огромный камин, стоял самый настоящий столик. А появившийся из своего убежища паук-прислужник уже проворно сервировал его различными кушаньями. На самое видное место был поставлен высокий хрустальный бокал, последний из захваченных с Земли, и рядом с бокалом уже стояла бутылочка «райского молочка», и конечно, были там тарелочки с самой разнообразной закуской, среди которой Саб сразу же углядел пикантные устрицы с «беты-2», стремительно вошедшие в моду в год его отлета с Земли, и крылышки воздушного конька, любимые им еще в детстве.

— Начнем? — опять спросила Хозяйка. — Приступим к нашему маленькому пиру?

— Приступим, — согласился Саб.

И они медленно, можно сказать торжественно, двинулись к столу...

...Саб проснулся.

Хозяйка все еще была рядом, и ее изящная, почти невесомая рука лежала у него на груди.

Прекрасно понимая всю нелепость этого, пилот все же не решился сменить позу. Как будто Хозяйка была настоящей женщи-

ной, которую и в самом деле можно разбудить. Он лежал на спине, глядя в потолок, утративший за ночь роскошные люстры, вновь превратившийся в потолок жилого комплекса обычного звездолета, и думал. Сначала ни о чем, просто вспоминая, одно за другим лениво перебирая события дня рождения кота.

А потом к нему пришло сожаление, но не о том, что он когда-то дал согласие отправиться в тот полет. Ну да, конечно, он еще больше расширит занимаемое человечеством пространство, подарит ему новую планету. Впрочем, он ли это сделает? Может быть, те, кто построил звездолет, кто рассчитал его курс. А он... Он потратил на полет большую часть жизни и это немало. Так что, если там, на новой планете поставят памятник именно ему, это будет вполне заслуженно. Вот только — какая разница? Действительно, большая часть его жизни прошла либо в отсеке управления, либо в жилом отсеке. Он уйдет в небытие, так и не оставив после себя наследника. Еще он совсем отвык от людей и, когда полет закончится, наверняка не сумеет с ними общаться.

Что он им скажет? На сколько ему хватит рассказов о тех случаях, когда он действительно спас корабль? Причем оба раза он спас корабль лишь потому, что был объектом, независимым от корабельного компа. Всего-навсего.

Более ничего особенного в его жизни не было. Он ел, спал, делал физические упражнения, работал и жил в мире, существующем благодаря фильмам, книгам, и общением с создаваемыми корабельным компом иллюзиями. Стоило ли тратить жизнь именно на это? Может быть, из него мог получиться некто более...

Он думал об этом, а перед глазами у него стояло, как он вот сейчас, прямо сейчас встает и, отломав от того же репликатора какую-нибудь железяку, начинает крушить ей пульт корабельного компа. Кстати, можно обойтись и без этого. Достаточно лишь набрать на пульте несколько определенных команд, как корабль начнет саморазрушаться. Репликаторы, как известно, можно использовать и для разрушения.

Впрочем, одновременно с этим он знал, что ничего подобного себе не позволит. У него уже было много решительных схваток с подсовываемым одиночеством безумием и он их выиграл. С некоторых пор безумие от него отступилось. Единственное, что оно теперь осмеливалось, это подсовывать вот такие картинки саморазрушения. И только.

Вот уж чего он боялся менее всего, так это наделать глупостей. Только не этого. И не сейчас.

Он лежал на спине, прислушиваясь к тихому, мерному дыханию Хозяйки, и пытался найти ответ на некоторые вопросы.

Так ли уж случайно он попал на этот старый космический бульдозер? И не свидетельствует ли факт, что он спустя десятилетия после того, как покинул Землю, все еще вполне благополучно летит к намеченной цели, о правильности его выбора? Может быть, ему это было суждено? И много ли он потерял там, на Земле? Кем он мог там стать? Известным поваром, художником, химиком, политиком, инженером. Кем? Будь у него талант к любому из этих занятий, смог бы он его отпустить в этот полет?

Ох, сомнительно.

Талант, настоящий талант, это такая штука, которая проявится обязательно. Если, конечно, он есть. И значит... значит...

Саб усмехнулся.

А может, так оно и есть? Может, у него все-таки есть особый талант и он действительно не пропал даром? Талант лететь через космос в старом, все время разрушающемся и все время восстанавливающемся корабле, талант быть единственным не имеющим возможности к восстановлению, и поэтому вынужденным быть сверхнадежным элементом. Многие ли, оказавшись на его месте, выдержат бремя одиночества, оторванности от остального человечества, выдержат с честью и приведут...

Хозяйка, словно в забытьи, провела рукой по его груди и едва слышно шепнула:

— Спи. Тебе надо спать. Полет еще не кончен.

Это верно. Надо было спать. Он обязан был спать, обязан заботиться о здоровье и съедать все, что принесет паук-прислужник. Без лишних разговоров и капризов. Да, вот именно с завтрашнего дня — никаких капризов. А сейчас...

Он и в самом деле стал засыпать, но прежде чем окончательно провалиться в сон, успел еще раз подумать, что Хозяйка права. Полет продолжается. Правда, он приближается к завершению, и его талант дает дополнительную гарантию, что все закончится благополучно, но это еще не повод расслабляться. Он не может подвести, он обязан сохранить себя в целости и сохранности. Долететь, довести свой космический бульдозер к нужной планете... И вот тогда... вот там... а если еще он надумает вернуться на Землю...

Котенок проснулся и выбрался из своего жилища. Осторожно, оглядываясь по сторонам, то и дело принюхиваясь, он принялся обследовать территорию, на которой ему отныне предстояло жить.

Никаких угрожающих запахов в жилом помещении он не обнаружил и, добравшись до ложа, на котором спал человек, позволил себе взобраться на него. Осторожно ступая коротенькими лапками, котенок протопал к подушке и улегся на нее, рядом с головой спящего человека.

Сейчас это ему было нужно. Полежать рядом с тем, кто в дальнейшем будет основным объектом наблюдения, внюхаться в его запах, запомнить, как он спит, как дышит во сне, сделать все это частью своей памяти. Она, эта память, уже содержала в себе много интересных и важных вещей, но не все, далеко не все.

Прежде всего следовало выяснить, насколько человек здоров, как физически, так и психически. Это — самое главное.

Котенок придвинулся поближе к человеку и очень тихо, чтобы его не разбудить, засопел. Минуты через две обследование было закончено.

Идеальным состояние человека назвать было нельзя, но для его возраста он сохранился неплохо, совсем неплохо.

Спрыгнув на пол и направляясь в отсек управления, котенок лениво размышлял, что мог бы сказать человек, узнай он всю правду о возложенной на него миссии. Нет, ничем хорошим это закончиться не могло, а уж помешало бы ее выполнить — точно. Да еще как помешало.

Психика людей так слаба и мысль о том, что милая зверушка, якобы предназначенная лишь для того чтобы своим присутствием скрашивать невероятно долгий полет, на самом деле является сложным, наделенным недюжинной памятью и ничуть не хуже, чем его хозяин, соображающим соглядатаем, могла сказаться на ней не лучшим образом. Ну и потом, в его обязанности входит не только слежка, а еще и кое-что иное...

На кресло он вскарабкался только с третьей попытки, но потом дело пошло легче. Перебраться с него на пульт удалось в два счета. Осторожно работая лапками, то и дело останавливаясь передохнуть, котенок набрал секретный код и вошел в информационную систему.

Теперь на экране появился настоящий маршрут полета, а не та туфта, которую компьютер скармливал человеку.

Н-да...

Кот задумчиво покачал головой.

Далековато. И прежде чем корабль окажется у нужной планеты, лично ему предстоят еще десятки, если не сотни дней рождений.

Ну что ж, ничего с этим не поделаешь. Жизнь такова, какова она есть, и ничего переделать невозможно. Особенно если ты нахо-

дишься в летящем к далекой цели космическом корабле. В этом случае остается лишь ждать и делать свое дело.

Делать свое дело.

Отстукав еще одну комбинацию, кот вернул в память компьютера предназначенные для человека сведения и спрыгнул на пол. Возвращаясь в жилой отсек, для того чтобы улечься в корзинку, он лениво думал о том, что человек стареват, но еще несколько лет выдержит. И это — хорошо. По крайней мере за это время он вырастет, у него появятся сильные, длинные лапы. Как раз такие, какие нужны для того, чтобы провести с помощью репликатора некое действие.

Май 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ СТЕНА 5
МИР КРЫЛЬЕВ 77
ЛАБИРИНТ СНОВ 141
ДОРОГА МИРОВ 247
Остановка в пути 251
Дорога миров 272
Озеро 301
Выигрыш 313
Защитный механизм 329
Фиолетовый мир 363
ДЕНЬ БЕЗ СМЕРТИ 367
День без смерти 371
Вторжение 382
РАССКАЗЫ БЕЛОГО КРОКОДИЛА 409
Бессмертные 412
Карусель Пушкина 417
Вальхалла 430
ИНСПЕКТОР СНОВ 445
Инспектор снов 448
Аппарат иллюзий 470
Верный способ 472
Два солнца 475
Новичок 479
Метаморфозы 481
Злой дух 483
Миссионер 488

Фэнтизмы 495
...И ОХОТНИК 497
...и охотник вернулся с холмов 500
ДЖИНН 509
Посредник 513
Великая удача 543
Джинн 566
Домашний врач 587
За столетие до Армагеддона 595
Кукушонок 602
Кусок газеты 615
Ненужные вещи 622
Собиратель информации 637
День рождения кота 647

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кудрявцев Леонид Викторович

Дорога миров

Повести и рассказы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

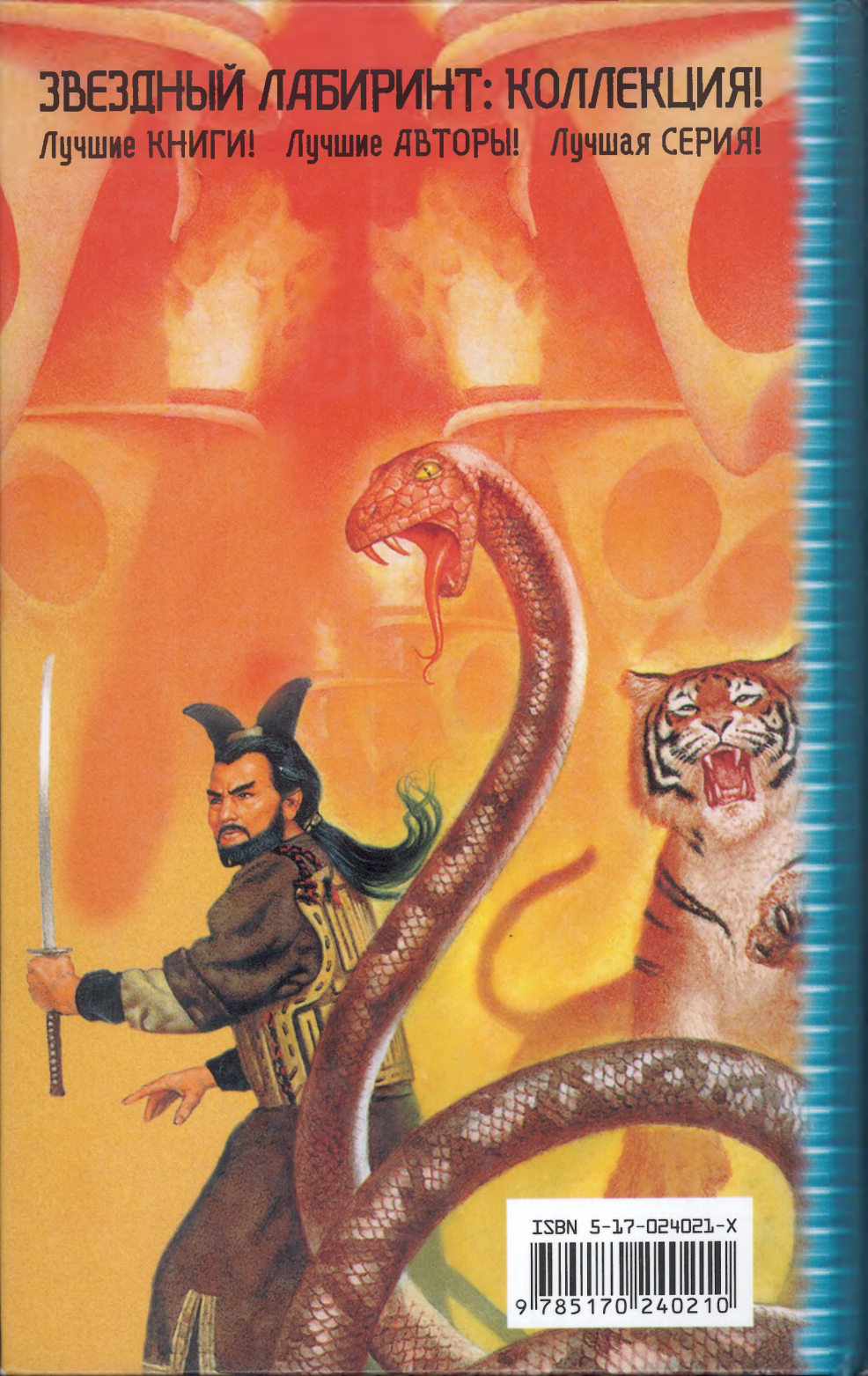
ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-024021-X